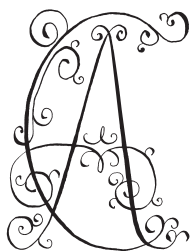

Институт славяноведения РАН

Славянский АЛЬМАНАХ

2013

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2014

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (отв. редактор)
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
Н. Н. Старикова, доктор филологических наук
Е. С. Узенева, кандидат филологических наук
А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

Ученый секретарь:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2013. – М.: Индрик, 2014. – 608 с.

ISSN 2073-5731

Восемнадцатый выпуск альманаха содержит материалы международной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие», состоявшейся в мае 2013 г. в Дни славянской письменности и культуры в Москве. Традиционные разделы альманаха включают статьи по актуальным проблемам истории, литературы, культуры и языка славянских народов от Средних веков до современности. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

The 18th volume of the miscellany contains materials of the international research conference “Slavic World: Community and Variety” which took place during the Days of Slavic Writings and Culture in Moscow in may 2013. Traditional parts of the miscellany include articles on actual problems of history, literature, culture and languages of Slavic peoples from Middle Ages till nowadays. The book is designed both for specialists and for a broad circle of readers.

ISSN 2073-5731

© Институт славяноведения РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Индрик», 2014

Содержание

От редколлегии	13
----------------------	----

Пленарное заседание

<i>Флоря Б. Н. (Москва)</i> . Славянская письменность в Европе раннего Средневековья	14
<i>Молдован А. М. (Москва)</i> . Проблемы и задачи корпусного изучения славянской письменности	25

История

<i>Добычина А. С. (Москва)</i> . К вопросу о «бесноватых» Никиты в Тырновском восстании 1185–1186 гг.	35
<i>Неменский О. Б. (Москва)</i> . Этно-конфессиональная идентичность в кругу киевского митрополита Петра Могилы	44
<i>Рогожин А. А. (Орел)</i> . Москва и гетман П. Д. Дорошенко накануне Чигиринских походов	55
<i>Маринелли-Кёниг Г. (Вена)</i> . Франц К. Иоганн Рихтер (1783–1856) (реконструкция творческого наследия)	67
<i>Макарова Г. В. (Москва)</i> . Исторический комментарий к неизданной басне (отклики в России на польское восстание 1830–1831 гг.)	81
<i>Фролова М. М. (Москва)</i> . К вопросу о содействии русских дипломатов болгарам г. Битола в организации национального образования (60-е гг. XIX в.)	100
<i>Вах К. А. (Москва)</i> . Российский императорский Дом и Христианский Восток в период царствования Александра II	116
<i>Робинсон М. А. (Москва)</i> . В. И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег	136
<i>Лаптева Л. П. (Москва)</i> . Несостоявшийся форум русских славистов ...	152
<i>Дронов М. Ю. (Москва)</i> . Рецепция малорусской идентичности у южнокарпатских русинов (XIX–XX вв.)	160
<i>Клопова М. Э. (Москва)</i> . Опыт парламентаризма. Украинский клуб в общевосточном парламенте (1907–1914 гг.)	173
<i>Попов К. А. (Москва)</i> . Письма читателей как инструмент освещения избирательных кампаний в словацкой прессе начала XX в.	190

<i>Колиненко Ю. В. (Москва). Дипломатические попытки восстановления Сербской Патриархии в 1913–1914 гг.</i>	202
<i>Дмитриев Д. Г. (Москва). Политика российских властей в Царстве Польском накануне Первой мировой войны (1912–1914) в освещении польской историографии</i>	214
<i>Тимошинов А. А. (Москва). Королевство Польское в годы Первой мировой войны в российской историографии</i>	221
<i>Аксенова Е. П. (Москва). Федерация исторических обществ Восточной Европы и русские ученые-эмигранты</i>	232
<i>Пивоваренко А. А. (Москва). Становление СМИ в независимой Хорватии</i>	251

История культуры

<i>Корзо М. А. (Москва). Катехетические сочинения Феофана Прокоповича</i>	263
<i>Байдалова Е. В. (Москва). Политика и поэтика, или О роли сюжетных мотивов в романах В. К. Винниченко 1910-х гг. («По местам!», «Божки», «Хочу!»)</i>	281
<i>Старикова Н. Н. (Москва). Этнические проблемы современной Словении и их воплощение в литературе</i>	291
<i>Лунькова Н. А. (Москва). Диалектика художественных образов в литературе и кино (на примере экранизации повести «Дикие пчелы» С. Стратиева)</i>	301
<i>Шведова Н. В. (Москва). Реалии современности и поэтика в творчестве словацкого писателя Павла Яника</i>	313
<i>Будагова Л. Н. (Москва). Ипостаси и варианты «самого прогрессивного метода эпохи». К столетию со дня рождения Дмитрия Федоровича Маркова</i>	321
<i>Мочалова В. В. (Москва). Борис Федорович Стахеев</i>	334
<i>Фрончек М. (Краков). У истоков белорусской фольклористики: Ян Чечот</i>	343
<i>Агапкина Т. А. (Москва). Символика деревьев в традиционной культуре славян: боярышник, терновник и другие колючие деревья и кустарники</i>	352
<i>Аникин М. А. (Санкт-Петербург). «Духовный реализм» в живописи Болгарии XIX–XX вв.</i>	374
<i>Кишине-Будаи Р. (Будапешт). «Художник его императорского величества». Михай Зичи в России</i>	380

<i>Кузнецова А. М. (Москва). Кирилл и Мефодий и Балатонское княжество IX века</i>	397
---	-----

Языкознание

<i>Ефимова В. С. (Москва). Об изучении старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах</i>	408
<i>Станковска П. (Любляна). Антифоны и библейские тексты в хорватских глаголических бревиариях</i>	423
<i>Савич В. (Белград). Западносербский вставной лист в Мокропольском тетраевангелии</i>	439
<i>Вендина Т. И. (Москва). Проблемы сравнительно-исторического языкознания в свете новых данных ОЛА</i>	454
<i>Милорадовић С. (Белград). Субстантивные конструкции, выражающие посессивность, в сербских народных говорах и реинтерпретация исторического развития формальных экспликаций</i>	475
<i>Скорвид С. С. (Москва). Kříš nemn'el hdo sundat (об одном случае развития конструкции nominativus cum infinitivo в центральноевропейских славянских языках и диалектах)</i>	485
<i>Борисова Е. О. (Екатеринбург). Скорость в зеркале предметной метафоры (на материале польского языка)</i>	500

Публикации

<i>Стыкалин А. С. (Москва), Колин А. (Кишинев). Сдача революционной венгерской армии русским войскам под Вилагошем в августе 1849 г. Воспоминания очевидца</i>	511
<i>Ганин А. В. (Москва). Финал галицийских генералов. Судьбы генералов Украинской галицийской армии И.-Н. Микитки и Г.-Ф. Цирица</i>	529
<i>Ващенко М. С. (Москва). Советский период в жизни Крунослава Геруца. Его «Краткая автобиография» (1934 г.)</i>	546

Рецензии

<i>Седакова И. А. (Москва). Балканизмы и турцизмы: новые подходы к проблеме</i>	553
<i>Узенева Е. С. (Москва). Терминология обрядов жизненного цикла у болгар: рождение, свадьба, погребение</i>	563

<i>Ващенко (Анисимова) Д. Ю. (Москва). Роман-антиутопия в новом ракурсе</i>	569
<i>Хаванова О. В. (Москва). Электронный путеводитель по Австрийскому государственному архиву: опыт венгерских историков</i>	574
<i>Агапкина Т. А. (Москва). Новое издание о белорусском фольклоре</i> ..	577

Хроника

<i>Волокитина Т. В. (Москва). Конференция «Советско-югославский конфликт и страны народной демократии»</i>	580
<i>Левкиевская Е. Е. (Москва). Конференция «Восточнославянские этнокультурные и религиозные анклавы на пространстве Slavia Orthodoxa»</i>	584
<i>Дронов М. Ю. (Москва). История изучения восточного славянства на Втором Всероссийском совещании славистов</i>	588
<i>Шведова Н. В. (Москва). Международная научная конференция «М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян»</i>	592
Сведения об авторах	597

Content

From the Editorial Board	13
--------------------------------	----

Plenary Meeting

<i>Floria B. N. (Moscow)</i> . Slavic Script in Europe in the Early Middle Ages	14
<i>Moldovan A. M. (Moscow)</i> . Problems and Tasks of the Corpus Linguistics Studies of the Slavic-Script Heritage	25

History

<i>Dobychina A. S. (Moscow)</i> . Toward the Question of the «Devil-Possessed Men» in Nicetas Choniates' Description of the Tärnovovo Uprising, 1185–1186	35
<i>Nemensky O. B. (Moscow)</i> . Ethno-Confessional Identity in the Milieu of Kiev Metropolitan Petr Mohila	44
<i>Rogozhin A. A. (Orel)</i> . Moscow and Hetman Petr Doroshenko on the Eve of the Chyhyryn Campaigns	55
<i>Marinelli-König G. (Vienna)</i> . Franz X. Richter (1783–1856): A Reconstruction of the Literary Heritage	67
<i>Makarova G. V. (Moscow)</i> . Historian's Commentary to an Unpublished Fable (Reaction to the Polish Uprising of 1830–1831 in Russia)	81
<i>Frolova M. M. (Moscow)</i> . Concerning the Assistance of Russian Diplomats to Bulgarians from Bitola in Organising Their National Educational System (the 1860s)	100
<i>Vakh K. A.</i> The Russian Imperial House and Christian Orient during the Reign of Alexander II	116
<i>Robinson M. A. (Moscow)</i> . Vladimir Lamansky, His Vision of Development of Slavic Studies, and Opinions of His Disciples and Colleagues about Him	136
<i>Lapteva L. P. (Moscow)</i> . A Might-Have-Been Forum of Russian Slavists	152
<i>Dronov M. Yu. (Moscow)</i> . Reception of the Little-Russian (Maloross) Identity among South-Carpathian Ruthenes (the Nineteenth and Twentieth Centuries)	160
<i>Klopova M. E. (Moscow)</i> . Parliamentary Experience: The Ukrainian Club in the Cisleithanian Parliament (1907–1914)	173

<i>Popov K. A. (Moscow). Readers' Letters as an Instrument of Reflecting of Electoral Campaigns in the Slovak Press in the Early Twentieth Century</i>	190
<i>Kolinenko Yu. V. (Moscow). Diplomatic Efforts to Restore the Serbian Patriarchate in 1913–1914</i>	202
<i>Dmitriev D. G. (Moscow). The Russian Authorities Policy in the Kingdom of Poland on the Eve of World War One (1912–1914) in the Mirror of the Polish Historiography</i>	214
<i>Timoshinov A. A. (Moscow). The Kingdom of Poland in the Years of World War One in the Russian Historiography</i>	221
<i>Aksionova E. P. (Moscow). Federation of Historical Societies of Eastern Europe and Russian Emigrant scholars</i>	232
<i>Pivovarenko A. A. (Moscow). Mass Media in the Making in the Independent Croatia</i>	251

History of Culture

<i>Korzo M. A. (Moscow). Catechetical Writings of Feofan Prokopovich</i>	263
<i>Baydalova E. V. (Moscow). Politics and Poetry, or Concerning the Role of Plot-Motifs in the Novels of Volodimir Vinnichenko Written in the 1910^s («Action stations!», «Little gods», «I want!»)</i>	281
<i>Starikova N. N. (Moscow). Ethnic Problems in Modern Slovenia and Their Reflexions in Literature</i>	291
<i>Lunkova N. A. (Moscow). Dialectics of Artistic Images in Literature and Cinematography (with an Example of the Screen Version of Stanislav Stratiev's Novel «Wild bees»)</i>	301
<i>Shvedova N. V. (Moscow). Modern Realities and Poetics in the Work of Slovak Writer Pavel Janik</i>	313
<i>Budagova L. N. (Moscow). Hypostases and Variants of «the Most Progressive Method of the Age»: To the Centennial Anniversary of Dmitry Fedorovich Markov</i>	321
<i>Mochalova V. V. (Moscow). Boris Fedorovich Stakheev</i>	334
<i>Frączek M. (Cracaw). At the Source of the Byelorussian Folkloristic: Jan Czeczot</i>	343
<i>Agapkina T. A. (Moscow). Symbolism of Trees in Traditional Slavic Culture: Hawthorn, Blackthorn, and other Thorny Bushes</i>	352
<i>Anikin M. A. (St.-Petersburg). «Spiritual Realism» in Bulgarian Painting in the Nineteenth and Twentieth Centuries</i>	374
<i>Kissné-Budai R. (Budapest). «His Imperial Majesty's Painter». Mihály Zichy in Russia</i>	380

<i>Kuznetsova A. M. (Moscow)</i> . Cyrill and Methodius and the Balaton Principality in the Ninth Century	397
--	-----

Linguistics

<i>Efimova V. S. (Moscow)</i> . Concerning Studying of the Old-Slavonic Vocabulary in the Thesaurus Greek-Old-Slavonic Groups	408
<i>Stankovska P. (Ljubljana)</i> . Antiphons and Biblical Texts in Croatian Glagolitic Breviaries	423
<i>Savić V. (Belgrade)</i> . Western Serbian Insert in the Four Gospel Book of Mokro Polje	439
<i>Vendina T. I. (Moscow)</i> . Problems of Comparative-Historical Linguistics in the Light of New Data of the Slavic Linguistic Atlas	454
<i>Miloradović S. (Belgrade)</i> . Substantive Constructions Expressing Progressivity in Serbian Popular Dialects: A Re-interpretation of Historical Development of Formal Explications	475
<i>Skorvid S. S. (Moscow)</i> . <i>Křiš nemn'el hdo sundat</i> (Concerning one Case of the Construction <i>nominativus cum infinitivo</i> in Central-European Slavic Languages and Dialects	485
<i>Borisova E. O. (Ekaterinburg)</i> . <i>Speed</i> in the Mirror of the Subject Metaphor (Based on the Polish Language)	500

Publications

<i>Stykalin A. S. (Moscow)</i> , <i>Colin A. (Chişinău)</i> . Capitulation of the Hungarian Revolutionary Army at Vilagos in August 1849. Recollections of an Eye-Witness	511
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . The end of Galician Generals: Destinies of Generals of the Ukrainian Galician Army Joseph-Nicolas Mykytka and Gustav-Ferdinand Zieritz	529
<i>Vashchenko M. S. (Moscow)</i> . The Soviet Period in the life of Krunoslav Geruc: His «Short Autobiography» (1934)	546

Reviews

<i>Sedakova I. A. (Moscow)</i> . Balkanisms and Turkisms: New Approaches to the Problem	553
<i>Uzeneva E. S. (Moscow)</i> . Terminology of the Living Circle of Bulgarians: Birth, Wedding, Interment	563

<i>Vashchenko (Anisimova) D. Yu. (Moscow). Anti-Utopia Novel from a New Perspective</i>	569
<i>Khavanova O. V. (Moscow). Digitalised Manuals for the Austrian State Archives: An Experiment of Hungarian Historians</i>	574
<i>Agapkina T. A. (Moscow). New Edition on the Belarusian Folklore</i>	577

Chronicle

<i>Volokitina T. V. (Moscow). The Conference «The Soviet-Yugoslav Conflict and the Countries of People's Democracy»</i>	580
<i>Levkievskaya E. Ye. (Moscow). The Conference «East-Slavic Ethno-Cultural and Religious Anclaves in the <i>Slavia Orthodoxa</i> Space»</i>	584
<i>Dronov M. Yu. (Moscow). The History of Studying the Eastern Slavdom on the Second Russian National Convention of Slavists</i>	588
<i>Shvedova N. V. (Moscow). The International Scholarly Conference «Mikhail Lermontov in the Cultures of Western and Southern Slavs»</i>	592
Contributors Content	602

От редколлегии

Ежегодно в России широко отмечается День славянской письменности и культуры. Он празднуется 24 мая, в день памяти свв. Кирилла и Мефодия. В рамках праздничных мероприятий каждый год проводится международная научная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» и круглые столы, посвященные славянской проблематике. Такие конференции проходили в Костроме, Орле, Ярославле, Пскове, Рязани, Калуге, Новосибирске, Воронеже, Самаре, Ростове-на-Дону, Ханты-Мансийске, Коломне, Твери, Саратове, Москве. С 2010 г. центром праздника является Москва, где проходят основные мероприятия Дня славянской письменности и культуры. В 2013 г. отмечалось 1150-летие славянской письменности – этой дате и была посвящена конференция, проходившая 20–21 мая в Институте славяноведения РАН.

Начиная с 1996 г. материалы конференций публикуются в ежегоднике «Славянский альманах», который выходит традиционно ко Дню славянской письменности и культуры. Материалы предыдущих конференций опубликованы в семнадцати выпусках «Славянского альманаха».

Работа конференции 2013 г. проходила в восьми секциях, включавших более 130 докладов российских и зарубежных ученых. Материалы конференции и других аналогичных научных встреч нашли отражение в восемнадцатом выпуске «Славянского альманаха». Статьи, помещенные в альманахе, отражают актуальные проблемы истории, литературы, культуры и языка славянских народов в разные исторические эпохи.

Материалы альманаха, сохраняющего традиционную структуру, представлены в разделах: «Пленарное заседание», «История», «История культуры», «Языкознание», «Публикации», «Рецензии», «Хроника». Статьи сопровождаются унифицированным справочным аппаратом, краткими аннотациями и ключевыми словами на русском и английском языках. В конце тома приводятся краткие сведения об авторах, которые даются, как и содержание, также на двух языках.

Редколлегия «Славянского альманаха» надеется, что публикуемые в ежегоднике материалы будут способствовать дальнейшему всестороннему, углубленному изучению славянских народов, распространению и координации научных знаний о славянском мире, а также укреплению межславянских научных и культурных связей.

Б. Н. Флоря
(Москва)

Славянская письменность в Европе раннего Средневековья

В статье раскрывается особое положение славянской письменности как явления культурной и религиозной жизни в Европе раннего Средневековья, охарактеризованы взгляды создателей славянской письменности на историческую роль письменности на «местном» языке и расхождение этих взглядов с воззрениями, господствовавшими в латинском мире.

Ключевые слова: *письменность на своем языке, латынь, Священное писание, литургия.*

1150 лет назад Константин (в монашестве Кирилл) Философ завершил работу над созданием особого славянского алфавита и приступил вместе с братом Мефодием к созданию первых текстов на славянском языке. На протяжении 60–80-х гг. IX в. эта деятельность привела к целому ряду важных результатов, были заложены первые основы для существования и развития славянской письменной традиции. Главным источником сведений о деятельности Кирилла и Мефодия являются, как известно, их пространные Жития, созданные в 70–80-х гг. IX в.

Есть смысл сопоставить Жития Кирилла и Мефодия с житием создателя армянской письменности Месропа Маштоца, которое написал его ученик Корюн в середине V в. Обращает на себя внимание, что деятельность Месропа не сталкивается с серьезными внешними препятствиями. Ему оказывают поддержку и католикос Саак Партев, и царь Врамшапух. В византийской Армении, правда, ему первоначально не разрешили действовать, но после одобрения его трудов императором Феодосием II он смог свободно работать и там, подготовив целую группу учеников. Но дело не только в позиции правителей. Языками культуры в армянском обществе до создания армянского алфавита были греческий и сирийский. В этой связи представляет интерес, что работу над созданием алфавита Месроп Маштоц вел в сирийских городах Эдессе, Амиде и Самосате, а установить сами формы букв ему помогал греческий каллиграф. Работа по созданию армянского литературного языка была начата, по свидетельству Корюна, с перевода текстов Книги Притч Соломона, то

есть части Священного Писания, а завершили эту работу совместно Месроп Маштоц и Саак Партев. При создании алфавита для народа Агван (на территории современного Азербайджана) сам местный епископ стал переводить Библию на агванский язык¹.

Совсем иная картина обрисовывается при обращении к Житиям Кирилла и Мефодия. Их деятельность неоднократно наталкивается на тяжелые препятствия, вызывает конфликты со значительными группами духовенства, а затем и с римской курией. Объяснение состоит в том, что в Европе раннего Средневековья славянская письменность представляла собой особое историческое явление.

Великая Моравия – одно из первых славянских государств, где протекала деятельность Кирилла и Мефодия, – находилась в зоне политического и культурного влияния наиболее крупной европейской державы – Империи Каролингов. Какое же место отводилось письменности на «местном» языке, то есть языке, на котором говорило местное население, в этом государстве? Существование такой письменности практически признавалось. Это было связано со стремлением участников церковных соборов IX в. добиться, чтобы все светское население империи усвоило начатки знаний о христианском вероучении и определенное представление об обязанностях христианина. Соборы предписывали всем верующим знать наизусть «Отче наш» и Символ веры, а священники были обязаны постоянно исповедовать свою паству². Однако (в особенности в восточной, германской, части империи) было невозможно добиться, чтобы все люди знали латынь. Поэтому канон Майнцского Собора 813 г., содержащий ряд предписаний, как и где следует учить соответствующие латинские тексты, заканчивался словами: «Тот же, кто не может по-другому, пусть говорит их на своем языке»³. Поэтому тексты «Отче наш» и Символа веры, а также тексты формул, использовавшихся при покаянии верующего, были переведены с латыни на старонемецкий язык⁴, а затем эти тексты были переведены со старонемецкого на славянский, на славянских землях, входивших в состав Империи Каролингов (как, например, в Хорутании). Это были первые несовершенные записи славянских текстов, сделанные с помощью латинского алфавита⁵.

Вместе с тем уже на этом раннем этапе зарождения письменности на «местном» языке в германских землях Каролингской империи развитие письменной традиции вышло за намеченные рамки. Уже в IX в. появились переводы на старонемецкий язык таких больших и сложных литературных текстов, как «Диатессарон» Татиана или

трактат Исидора Севильского «De fide catholica», фрагменты проповедей Августина и Евангелия от Матфея. Однако обращает на себя внимание, что рукописи этих текстов содержат параллельный латинско-немецкий текст, к которому в одной из рукописей был приложен латинско-немецкий словарь. Анализ особенностей переводов показал стремление переводчиков к педантически точному воспроизведению порядка слов и грамматических конструкций латинского текста⁶.

Все это позволяет сделать вывод, что в крупных монастырях, где делались эти переводы, они должны были служить пособием для монахов, учащихся монастырских школ, чтобы овладеть чтением соответствующих, довольно сложных, латинских текстов. Создатели переводов вовсе не ставили своей целью заменить ими для читателя латинские оригиналы. Письменность на старогерманском языке, таким образом, существовала, но играла подчиненную, вспомогательную роль по отношению к господствовавшему языку письменности и культуры – латыни. К тому же эта деятельность не получила в эпоху раннего Средневековья серьезного продолжения. По оценке современного курса истории немецкой литературы, «столетие образования Немецкого государства (речь идет о X в. – Б. Ф.) было одновременно столетием, когда не был создан ни один оригинальный памятник на немецком языке»⁷, количество переводов также резко сократилось⁸.

Важно отметить, что с самого начала появления на землях Каролингской империи письменности на «местном» языке постулировалось, что эта письменность заведомо не будет использоваться в некоторых особенно важных для средневекового человека сферах общественной жизни. Это касалось прежде всего текстов, читавшихся во время богослужения, когда устанавливалась мистическая связь общины верующих с Богом. И тексты литургии, и входящие в их состав отрывки из книг Священного писания читались по-латыни, и затем лишь священник в проповеди, «*si Deus dat intellectum*», мог объяснять эти тексты прихожанам на «местном» языке⁹. Не могло быть речи и о переводе на «местный», доступный светским людям, язык и всего текста «Библии» – «Священного писания», являвшегося для людей Средневековья абсолютным авторитетом.

Отклоняя в конце XI в. просьбу чешского правителя Вратислава разрешить в Чехии богослужение на славянском языке, папа Григорий VII писал: «Всемогущий Бог нашел угодным, чтобы Святое писание в некоторых своих частях осталось тайной, ибо иначе, если бы было полностью понятно для всех, слишком низко бы его цени-

ли и утратили к нему уважение. Могло быть также неверно понято людьми недостаточно образованными и ввести их в заблуждение»¹⁰. В этих словах отразилось представление о том, что мудрость христианского учения может быть доступна пониманию лишь представителей духовенства благодаря той благодати, которая нисходит на принимающих священнический сан, и в полном виде не может быть передана светским людям, которые и не нуждаются в ее знании для своего спасения. Как говорил св. Ильдефонс толедский, светским людям для своего спасения достаточно знать «Отче наш»¹¹.

Когда во второй половине XII в. еретики-вальденсы перевели Евангелие на старофранцузский язык, последовала серия постановлений церковных соборов Южной Франции и Испании, запрещающих и клирикам, и светским людям иметь у себя книги Ветхого и Нового Завета на «романском» языке¹².

Гораздо более видные позиции занимала письменность на «местном» языке в англосаксонской Англии. Символ веры и «Отче наш» были переведены на староанглийский язык Бедой Достопочтенным еще в VII в.¹³ Уже в VII–VIII вв. был создан целый ряд поэм на христианские и языческие сюжеты на староанглийском языке¹⁴.

В последние десятилетия IX в. по инициативе короля Альфреда Великого были предприняты переводы ряда литературных произведений, занимавших видное место в культурной традиции латинской Европы. Это были такие сложные литературные тексты, как «Диалоги» и «Liber Pastoralis» папы Григория Великого, «Утешение философией» Боэция, один из последних памятников античной философской мысли, «История против язычников» Орозия. К ним Альфред и его сотрудники присоединили перевод важного «местного» памятника, «Церковной истории англоv» Беды. К этому же времени исследователи относят создание одной из версий «Англосаксонской хроники». Исследователи отмечают свободный характер переводов этих памятников – сокращения, авторские вставки, пояснения. Они явно предназначались для самостоятельного чтения¹⁵.

И все же есть основания полагать, что в глазах Альфреда и его сотрудников письменность на «местном» языке должна была сосуществовать с латынью как главным языком христианской культуры и просвещения. В предисловии к «Liber pastoralis» Альфред с печалью писал, что, став королем, он не нашел ни одного священника к югу от Темзы, который знал бы латынь. В предисловии Альфред призывал молодых людей из народа англоv учиться читать по-английски, но тот, кто хочет стать клириком, должен учить латынь¹⁶.

В Англии также существовали важные сферы общественной жизни, закрытые для письменности на «местном» языке. Богослужение здесь, как и в других странах Западной Европы, совершалось по-латыни. Когда в конце X в. ряд высокопоставленных светских лиц обратился к клирику Эльфрику с предложением о переводе Библии, тот ответил, что Священное писание – «слишком сильное вино» для светских людей, которые не могут понять его тайного смысла. Эти желания не соответствуют тому предназначению, которое Бог определил для сословия рыцарей¹⁷. Еще в XV в. в Англии осуждали и наказывали людей, переписывавших и хранивших у себя тексты Библии на английском языке¹⁸.

Определенным своеобразием отличалось положение в Скандинавии. Здесь к IX в. существовала собственная руническая письменность, сохранявшаяся, как показывают результаты археологических раскопок, достаточно долго и после того, как народы Скандинавии приняли христианство. Однако тексты христианского содержания рунами не записывались, и эта система письма и в этом случае сосуществовала с латинской письменностью.

Позднее в Исландии, где не было сильного воздействия церковных инстанций, латинский алфавит был использован для письменной фиксации богатой фольклорной традиции скандинавских народов, но в сфере христианской культуры господствовала латынь. Перевод Нового Завета на местный язык появился здесь лишь в XVI в.¹⁹

На этом фоне заметно выступает своеобразие такого исторического явления, как славянская письменность. По свидетельству Пространного жития Кирилла, он начал свою деятельность с перевода евангелия-апракос – Сборника евангельских текстов, читавшихся во время богослужения²⁰. Целый ряд исследователей полагают, что одновременно с евангелием-апракос была переведена одна из книг Ветхого завета – Псалтырь: сборник произведений древнееврейской религиозной поэзии²¹. По-видимому, позднее уже в Великой Моравии (по свидетельству 15-й главы Жития Мефодия) был переведен «Апостол» – сборник текстов из деяний и посланий апостолов, читавшихся во время церковных служб²². К этому же времени исследователи относят и перевод «Паремейника» – сборника читающихся на богослужении текстов из книг Ветхого Завета, так как в написанных в Великой Моравии житиях Кирилла и Мефодия ветхозаветные цитаты находят точное соответствие в текстах «Паремейника»²³. Все это позволяет отнести с доверием к свидетельству Пространного жития Кирилла, что в Великой Моравии он перевел «весь церков-

ный чин»²⁴, т. е. все собрание текстов, читающихся в церкви во время богослужения. Таким образом, уже в первые годы деятельности кирилло-мефодиевской миссии славянская письменная традиция была создана в такой важной сфере общественной жизни, которая в латинской Европе была принципиально закрыта для письменности на «местном» языке. Эти действия вели к тому, что посетитель богослужения становился не пассивным зрителем, а участником происходящего. «И отверзлись по пророческому слову уши глухих, чтобы услышали слова книжные» (Житие Константина, гл. XV).

Работу, начатую Константином-Кириллом, продолжил после его смерти брат Мефодий. По свидетельству его пространный жития, Мефодием был выполнен славянский перевод основной массы библейских текстов (так называемых «канонических» книг Ветхого и Нового Заветов)²⁵. От этого перевода сохранились отдельные фрагменты, но память о нем послужила стимулом для возобновления работы над переводами библейских книг в Первом Болгарском царстве.

Таким образом, славянская письменная традиция с самого начала формировалась как явление, сфера действия которого распространялась на те области общественной жизни, которые в латинской Европе были закрыты для письменности на «местном» языке. Широкое распространение переводы Библии на местные языки получили в латинской Европе лишь в эпоху Реформации, тогда же в протестантских странах Европы утвердилось и богослужение на «местных» языках (до наступления Реформации такое богослужение утвердилось лишь в гуситской Чехии). Католическим странам для этого пришлось ждать решений II Ватиканского собора в XX в.

Неудивительно, что формирование славянской письменной традиции происходило в обстановке острых конфликтов сначала с немецким духовенством, а затем с Римом, завершившихся изгнанием учеников Кирилла и Мефодия из Великой Моравии и запретом здесь богослужения на славянском языке.

Важно отметить еще раз, что славянская письменность уже на самом раннем этапе ее существования предназначалась для обслуживания самых разных сфер общественной жизни, и в этом плане за время 20-летней деятельности Кирилла и Мефодия в Великой Моравии было сделано очень много. Так, осуществленный Мефодием славянский перевод собрания церковных установлений, так называемого «Номоканона» Иоанна Схоластика, означал появление первых «юридических» текстов на славянском языке²⁶. Созданное Кон-

стантин-Кириллом «Написание о правой вере» – перевод одного из разделов трактата константинопольского патриарха Никифора «Большой апологетик» – означало появление богословского текста на славянском языке²⁷. Ко времени деятельности Мефодия в Моравии относится, по свидетельству Жития Мефодия, и перевод «Отеческих книг» или сборника житий святых, или сборника проповедей «отцов церкви» – ранних христианских писателей IV–V вв. Обе точки зрения могут быть подтверждены существованием переводных текстов, анализ языка которых позволяет отнести их ко времени деятельности Кирилла и Мефодия²⁸. В итоге разносторонней переводческой деятельности был создан корпус текстов, охватывавших разные сферы общественной жизни и дававших славянскому читателю представление о многих нормах и проблемах нового для него христианского мира.

При всем важном и фундаментальном характере этой переводческой деятельности важно отметить, что уже на самом раннем этапе зарождения славянской письменной традиции был создан и ряд оригинальных произведений, опирающихся на творческое восприятие усвоенных традиций. Здесь прежде всего должно быть названо такое творение Константина-Кирилла, как «Проглас» – большое стихотворение, в котором его автор обращается к славянам со страстным призывом воспринять слово божественной Премудрости, пришедшее к ним на понятном для них языке и записанное славянскими буквами²⁹. При участии Мефодия и его сотрудничестве с княжеской властью был создан и записан первый памятник славянского права – «Закон судный людям»³⁰. И, наконец, следует сказать о созданных в Великой Моравии, то есть до 885 г., жизнеописаниях самих создателей славянской письменности – Пространных житиях Кирилла и Мефодия. В них созданы яркие образы героев и прослежены очертания их жизненного пути, показаны те тяжелые условия, в которых им приходилось отстаивать свое жизненное дело перед лицом немецкого духовенства, римской курии, в непростых отношениях с княжеской властью³¹.

Когда ученики Кирилла и Мефодия (главным из них был Климент Охридский) были изгнаны из Великой Моравии, они получили возможность продолжить дело своих учителей в Первом Болгарском царстве, работая над развитием славянской письменной традиции вместе с выходцами из местной болгарской среды. Была возобновлена работа по переводу тех частей Священного писания, для которых не сохранился перевод Мефодия³².

Был создан и целый ряд памятников, прямо адресовывавшихся приходившим в храм верующим. Это – многочисленные поучительные и похвальные слова Климента Охридского³³, а также «Учительное евангелие» – цикл проповедей на тексты Евангелия, читающиеся во время воскресной службы, – которое создал Константин Преславский, опираясь на тексты Иоанна Златоуста³⁴. Создание проповеди на славянском языке было дополнено развитием славянской гимнографии. Как показано в работах болгарских ученых, ученики Кирилла и Мефодия (прежде всего Климент Охридский и Константин Преславский) не ограничились переводом «Триоди» – цикла созданных византийскими гимнографами песнопений на подвижный круг церковного года, но и дополнили их многими оригинальными поэтическими текстами³⁵. Таким образом, были приложены новые значительные усилия к тому, чтобы сделать верующего активным участником всего, что происходит в храме.

Наконец, подобно сотрудникам короля Альфреда, книжники Первого Болгарского царства предприняли переводы сочинений отцов церкви IV в. – «Слов против ариан» Афанасия Александрийского и «Шестоднева» Василия Великого³⁶. Иоанн Экзарх перевел и наиболее авторитетное в эпоху средневековья изложение православной догматики, написанное Иоанном Дамаскиным³⁷. Эти произведения высокого интеллектуального уровня адресовались самым образованным слоям общества.

Рассматривая факторы, способствовавшие появлению такого исторического явления, как славянская письменность, следует отметить, что закономерным было само появление такой идеи особой самодостаточной письменности для славян в регионе Восточного Средиземноморья, где в IX в. давно исторически сосуществовали многие народы со своими системами письма, обслуживавшими все сферы их общественной жизни. Решение задачи облегчили условия так называемого «Македонского ренессанса» второй половины IX в., связанные с ростом интереса к разного рода научным знаниям (в том числе едва ли не в первую очередь к знаниям филологии). Именно в этих условиях мог сформироваться выдающийся филолог, который мог взять на себя создание славянского алфавита, а затем и славянской письменной традиции. Но огромную роль сыграл и личный вклад братьев, проникшихся идеей создать письменность, которая могла бы стать мощным орудием религиозного просвещения недавних язычников-славян.

И, наконец, инициатива братьев могла бы оказаться бесплодной, если бы она не встретила самый живой отклик в славянском

обществе сначала в Великой Моравии, а затем в Первом Болгарском царстве. Если правители Великой Моравии не всегда и не во всем проявляли понимание дела братьев, то в среде молодого славянского духовенства они нашли многих самоотверженных помощников, сохранивших и продолживших их дело. К счастью, поддержали их работу и правители Первого Болгарского царства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Абегян М.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 49–55, 58–59, 61–62.
- 2 Анализ соответствующих предписаний см.: *Grafenauer J.* Karolinška kateheza ter izvor Brižinskih spomenikov in Čina nadz isповédajatiim sa // *Razprave znanstvenega družstva v Ljubljani.* Ljubljana, 1936. 13. Filološko-lingvistični odsek, 2.
- 3 *Monumenta Germaniae Historica. Legum sector III Concilia aevi Carolini I. Hannoverae-Lipsiae,* 1906. T. I. P. 271.
- 4 Характеристику этих переводов см.: *Geschichte der deutschen Literatur.* Berlin, 1963. Bd. 1. Hb. 1. S. 233–241.
- 5 Об этих первых славянских текстах см.: *Vondrak V.* Frišinské památky, jich vznik a význam v slovanském písemnictví. Praha, 1896; *Grafenauer J.* Karolinška kateheza...; *Isačenko A. V.* Začiatky vzdelanosti vo Veľ'komoravskej ríši. Turčianský sv. Martin, 1948.
- 6 *Ehrisman G.* Geschichte der deutschen Litteratur. München, 1968. Bd. I. S. 263–271, 276, 291–292; *Geschichte der deutschen Litteratur.* Bd. 1. Hb. 1. S. 241–242, 245–246.
- 7 *Ibid.* S. 402.
- 8 *The Cambridge History of the Bible.* Cambridge, 1969. T. II. The West from Fathers to the Reformation. P. 422–423.
- 9 На всем латинском Западе для периода IX–XII вв. удалось выявить лишь одну рукопись евангельских чтений на «местном» языке – так называемое «Западносаксонское евангелие» 1072 г. – *The Cambridge history of the Bible.* T. II. P. 377.
- 10 *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae.* Praha, 1904. T. I. № 81. S. 88.
- 11 *Riché P.* Éducation et culture dans l'Occident barbare. VI–VII siècles. Paris, 1962. P. 533.
- 12 См.: *Средневековье в его памятниках / Под ред. Д. Н. Егорова.* М., 1913. С. 250–251.

- 13 *Эрлихманн В. В.* Жизнь и труды магистра Беда // Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv. СПб., 2001. С. 321.
- 14 Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О. А. Смирницкая, В. Г. Тихомиров. М., 1982.
- 15 *Ли Б. А.* Альфред Великий, глашатай правды, создатель Англии. СПб., 2006. С. 248–250, 254–276.
- 16 *Laistner M. L. W.* Thought and letters in Western Europe ad 506–900. London, 1957. S. 380.
- 17 The Cambridge history... Т. II. P. 376.
- 18 *Todd J. M.* Reformacja. Warszawa, 1974. S. 44–45, 47–48.
- 19 *Lange W.* Studien zur Christlichen Dichtung der Nordgermannen (1000–1200). Göttingen, 1958. S. 287.
- 20 Magnae Moraviae Fontres historici (далее – ММФН). Brno, 1967. Т. II. S. 100.
- 21 *Vlašek J.* Po stopách staroslovenského překladu Žalmů // Studia palaeoslovenica. Praha, 1971.
- 22 ММФН. Т. II. S. 160.
- 23 *Kyas V.* Starozákonní citáty v Životě Konstantinově a Metodějově ve srovnání se staroslověnským parimejníkem // Slavia. 1963. R. 32.
- 24 ММФН. Т. II. S. 102.
- 25 Ibid. S. 159–160. См. также: *Павлов И.* К вопросу о составе Кирилло-мефодиевского перевода Священного писания (комментарий к выражению «всья книги исполнь разве Макавеи» из XV главы Жития св. Мефодия) // Международен симпозиум 1100 години от блажената кончина на св. Методий. София, 1989. Т. II.
- 26 Издание памятника см. ММФН. Brno, 1971. Т. IV. S. 243–363; здесь же опубликовано исследование памятника, принадлежащее перу И. Вашицы.
- 27 *Юрченко А.* К проблеме идентификации «Написания о правой вере» // Богословские труды. М., 1987. Т. 28.
- 28 *Blahova E.* K otazce «otěšskych Knih». См. также материалы симпозиума в Пече, посвященные истории славянского Патерика: Slovo. Zagreb, 1974. Т. 24.
- 29 *Топоров В. Н.* Слово премудрости («логосная структура»): Проглас Константина Философа. Amsterdam, 1988.
- 30 Издание памятника см.: Закон судный людем краткой редакции. М., 1961; исследование памятника см.: *Вашица Й.* Кирилло-мефодиевские юридические памятники // Вопросы славянского языкознания. М., 1963. Вып. 7. С. 21–32; см. также его вводную статью к изданию памятника: ММФН. Т. IV. S. 147–177.

- 31 Исследование этих памятников см.: *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2000.
- 32 Таким образом, так называемое «Осьмикнижие» (сборник книг Ветхого завета, включавший Пятикнижие, книги Иисуса Навина и Судей) было переведено в конце IX в. пресвитером Григорием «повелением» князя Симеона – *Евсеев И. Е.* Григорий пресвитер, переводчик времени болгарского царя Симеона // Известия отделения русского языка и словесности. СПб., 1902. Т. 7. Кн. 3.
- 33 О нем см.: *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1989. С. 59–86.
- 34 См.: *Михайлов А. В.* К вопросу об Учительном Евангелии Константина, еп. Болгарского // Древности. Труды Славянской комиссии ИАН 1895. Ч. 1; *Зыков Э. Г.* О литературном наследии Константина Преславского // Старобългарска литература, 1978. Вып. 3.
- 35 *Попов Г.* Триодни произведения на Константин Преславски. София, 1985 (Кирилло-Методиевски студии, кн. 2); *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. Живот и творчество... С. 112–156.
- 36 *Vaillant A.* Discours contre les Ariens de Saint Athanase. Version slave et traduction en français. Sofia, 1954; Йоан Екзарх. Шестоднев. Превод, послеслов и коментар Н. Кочев. София, 1981; *Aitzemüller R.* Der Hexaemeron des Exarchen Johannes. Graz, 1958–1975. Vol. 1–7.
- 37 *Sadnik L.* Des Hl. Johannes von Damaskus «Ἐχθεις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως» in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Wiesbaden; Freiburg, 1967–1983. Vol. 1–4.

Floria B. N.

Slavic Script in Europe in the Early Middle Ages

The article explores the special role of the Slavic script as a phenomenon of cultural and religious life in Europe of the Early Middle Ages, characterises the views of the creators of the Slavic script on the historic role of writing in the «local» language and divergence of these views from those spread in the Latin works.

Keywords: *writing in the mother-tongue, Latin language, Holy Script, liturgy.*

А. М. Молдован
(Москва)

Проблемы и задачи корпусного изучения славянской письменности

В статье рассматриваются различные типы компьютерного представления славянских рукописных памятников в связи с задачами их научного изучения.

Ключевые слова: *корпусная лингвистика, славянская письменность, церковнославянский язык.*

Изучение славянских языков и истории взаимодействия культурных традиций южных, восточных и западных славян опирается на лингвистическую документацию памятников древнерусской и южнославянской письменности. Чем детальнее изучен язык текстов, тем подробней их документация, описывающая региональные и хронологические различия памятников, представленные в них различные комбинации генетически разнородных лингвистических черт.

Предпосылки для корпусного представления славянских текстов создаются источниковедческой обработкой рукописей, в ходе которой памятник письменности должен быть датирован, прочтен и переведен, в нем должны быть выявлены разнообразные искажения, опiski, пропуски и вставки, определены его взаимоотношения с родственными текстами, объяснены непонятные слова и выражения и т. д. Все это – чрезвычайно трудоемкое дело, поэтому, хотя древние славянские памятники изучаются давно, объем неизученного все еще весьма велик.

С появлением компьютеров в работе с древними текстами началась новая эпоха. Способность компьютера передавать любые буквенные и иные символы и изображения, имеющиеся у текстовых программ широкие возможности корректирования текста сделали его желанным участником эдиционной деятельности. Многие поначалу воспринимали компьютер именно как удобную пишущую машинку, и после создания оригинал-макета издания считали задачу выполненной. Издание – это, конечно, тоже немало. Благодаря компьютерам работа по подготовке изданий ускорилась, и за два десятилетия увидело свет множество новых публикаций памятников. К сожалению, из-за технического невежества авторов и равнодушия издателей многое из того, что было издано в 1990-е гг.,

не сохранилось в электронном виде. Это особенно досадно потому, что уже тогда, в начале 90-х гг., палеослависты в разных странах понимали, что главное, в чем может быть полезен компьютер, – это сведение материала письменных памятников в единый корпус, организованный таким образом, чтобы с его помощью можно было получать любую информацию по максимально широкому кругу источников. В 1995 г. мы впервые собрались в Благоевграде для обсуждения этих вопросов, потом на краковском съезде славистов (1998) с этой целью была образована Международная комиссия по компьютерному изучению славянских памятников при Международном комитете славистов¹.

Тогда это была задача со многими неизвестными, потому что, помимо технических проблем, обнаружилась неготовность лингвистов дать четкие ответы на вопросы, которые ставили программисты. Эти вопросы были связаны с проблемами кодировки символов (какие буквенные знаки являются самостоятельным знаком, а какие являются лишь графическими вариантами, так сказать, аллографами), с необходимостью выбора четких параметров филологического описания и разметки текстов, с принципами выбора и группировки источников, их хронологической «стратификацией», соответствующей этапам развития тех или иных разновидностей языка, и т. д. Принимавшиеся по этим проблемам решения, отражавшие состояние наших знаний о предмете, не всегда были вполне обоснованны². Важно было остановиться на таких параметрах, которые сохранят свое значение в обозримом будущем, чтобы не пришлось переделывать всю работу.

Члены комиссии взяли на себя нелегкую задачу взаимодействия с создателями Unicode – универсальной системы шрифтовой кодировки. Благодаря их усилиям последние версии Unicode включают почти все необходимые символы старой кириллицы.

Создание Международной комиссии предполагало также, что она будет координировать и объединять работы в разных странах – поскольку мы имеем дело с огромным массивом источников, и эту работу невозможно осилить в одиночку. С тех пор прошло двадцать лет, в течение которых в разных славянских и неславянских странах осуществлялась разрозненная деятельность в этом направлении. Но координации достичь не удастся – прежде всего, по организационно-финансовым причинам: работы выполняются по грантам, налагающим на исполнителей различные ограничения и предполагающим короткие сроки выполнения.

В славистических центрах России, Болгарии, Македонии, США, Германии, Финляндии, Норвегии и некоторых других стран появилось множество разнообразных изданий и программ компьютерной обработки славянских рукописных памятников. Рассмотрим эти проекты, ранжируя их по степени информативности результатов.

Первую ступень занимают электронные копии рукописей – сканированные изображения, выставленные в интернете или распространяемые в копиях. Их уже довольно много – и в интернете, и в частном обращении. Наиболее крупная коллекция такого рода – оцифрованные собрания Троице-Сергиевой лавры, Московской духовной академии и некоторые другие. Эта работа выполняется совместно Российской Государственной Библиотекой и Свято-Троицкой Сергиевой Лаврой. Благодаря ей мы располагаем доступом к первоклассным рукописям и ценным документам общим числом более пяти тысяч единиц (<http://old.stsl.ru/manuscripts/>). К сожалению, подобная систематическая работа в других хранилищах рукописей почти не ведется.

Другой тип электронных источников – это сканированные изображения печатных изданий памятников в форматах PDF, DjVu и т.п. Это наиболее многочисленная категория, включающая целые библиотеки (например, многотомное издание «Русской исторической библиотеки»). Работа по оцифровке книг поддерживается библиотеками, в ней заинтересованы все, поэтому можно полагать, что со временем все издания будут оцифрованы и доступны.

Третий тип представляют наборные цифровые издания текста отдельных памятников. В отличие от предыдущих двух, этот тип изданий обычно позволяет осуществлять примитивный поиск по словам и буквосочетаниям (стрингам).

Одним из первых опытов такого типа были цифровые издания, выполненные в рамках Хельсинкского проекта (Corpus Cyrillo-Methodianum Helsingiense: <http://www.helsinki.fi/slaavilaiset/ccmh/>), включившего пять источников из старославянского «канона» (евангелия – Ассеманиево, Зографское, Мариинское и Саввина книга, а также Супрасльская рукопись) и жития Кирилла и Мефодия.

Простой набор представляет и болгарско-норвежский проект Corpus of Old Slavic Texts from the XIth Century (<http://www.hf.ntnu.no/SofiaTrondheimCorpus/>), включающий значительную часть славянских памятников XI–XII вв. Но, в отличие от хельсинкского, на этом сайте поиск невозможен, видимые на экране тексты можно только читать и копировать, если на вашем компьютере есть соответствующий (ныне устаревший) шрифт.

Сейчас такие работы, не обеспеченные возможностями поиска, считаются предварительными и, как правило, не выставляются в интернете.

Существуют разнообразные электронные издания памятников, соединяющие традицию бумажных изданий с некоторыми возможностями цифрового (в частности, они позволяют копировать фрагменты). Таково, например, издание Повести временных лет по нескольким спискам, подготовленное Д. Бирнбаумом (<http://clover.slavic.pitt.edu/pvl/ost1.html>), в котором, наведя курсор на ту или иную строчку, можно получить все ее варианты, представленные в пяти списках и в трех основных изданиях ПВЛ. Полезно перенесенное в цифровой вид Д. Бирнбаумом двухтомное издание Супрасльской рукописи (<http://suprasliensis.obdurodon.org/>) и Бдинского сборника (<http://bdinski.obdurodon.org/>). Удобство таких изданий в том, что здесь можно проверить сомнительные написания по фотокопии. Но по информативному потенциалу они остаются на уровне бумажного издания, отличаясь от него только тем, что кусочки славянского или греческого текста можно скопировать.

Совсем иначе подходят к представлению текстов создатели сайта «Манускрипт» в Ижевске (<http://mns.udsu.ru/>). На сайте представлена большая коллекция древнейших и средневековых славянских и русских текстов, подготовленных авторами или полученных от русских и болгарских коллег. Каждый текст на этом сайте представляет собой самостоятельную базу данных, допускающую некоторое преобразование исходного текста: можно выбрать опцию «текст оригинальный» и получить наборный текст без разделения на слова; можно выбрать «текст преобразованный» и получить текст с разделением на слова; можно по выбранному отрезку заказать выдачу индекса словоформ – прямого, обратного и частотного. Удобно, что, наведя курсор на адрес, можно выйти на соответствующее место в тексте. Возможен поиск по буквосочетаниям.

Стремясь расширить информационные возможности системы, создатели сайта приняли участие в разработке совместно с Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН автоматической системы морфологического анализа древнерусских словоформ (морфологического анализатора). Замысел состоял в том, чтобы, используя имеющийся в Институте русского языка фонд грамматически размеченных словоформ ряда древнейших памятников, написать программу-парсер, которая автоматически определяла бы морфологические характеристики слов по их написанию (<http://mns.udsu.ru/>)

mns/slov.prost_poisk). Результат оказался предсказуемым. Во-первых, программа может работать только с теми словами, которые есть в заложенных в нее грамматических словарях. А этот сводный словарь словоформ еще очень далек от полноты. Если мы дадим запрос, например, на слово **досащи**, которое содержится в Пандектах Антиоха (оно входит в ижевский корпус, но не входит в корпус размеченных текстов ИРЯ РАН), программа выдаст отказ. Во-вторых, она не умеет отождествлять разные орфограммы, поэтому она не узнает слово, если оно написано не в «канонической» орфографии – т. е. не в той нормализованной орфографии, в которой эти словоформы записаны в программе. Нечленная форма слова **грьдь** в южнославянском написании получает правильный разбор. Но если мы напишем это слово иначе, например, **гърдь**, или зададим членную форму **грьдьи**, программа эти написания не опознает. В-третьих, язык славянской письменности отличается большим количеством омонимичных словоизменительных форм. Вследствие этого программа выдает слишком много альтернативных грамматических определений, чтобы этот результат можно было считать удовлетворительным. Например, словоформа **бързости** имеет *десять* вариантов определений (*ед. род., ед. дат., ед. местн., ед. зват., мн. им., мн. зват., мн. вин., дв. им., дв. вин., дв. зват.*).

Подобные результаты получены и в других работах над автоматическим морфологическим анализатором – в Регенсбургском диакроническом корпусе (<http://rhssl1.uni-regensburg.de/SlavKo/korpus/grudi-new/>) и в работе над проектом PROEL в Осло (<https://nestor.uit.no/>). Степень точности таких программ повышается для данного типа текстов при внесении в них дополнительной (в том числе синтаксической) информации. Однако пока объем необходимых для этого усилий вполне сопоставим с тем, который требуется для «ручной» разметки словоформ – заведомо более точной.

На протяжении многих лет в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН создавался и на сегодня в значительной степени создан корпус древнерусских текстов домонгольской поры, включающий почти все восточнославянские переводы с греческого («История Иудейской войны», «Житие Андрея Юродивого», «Пчела», «Александрия», Изборник 1076 г. и другие памятники). Указатели к ним делались «вручную». С самого начала в корпус были заложены такие важные для исследователя параметры, как собственно тексты рукописей, грамматическая информация о каждом слове, начальная форма слова, греческие соответствия, текстологические

варианты. Система построена так, что позволяет получить словарный индекс и церковнославянско-греческий словарь для одного или нескольких текстов. Наличие такой системы теперь обеспечивает создание в полуавтоматическом режиме грамматических указателей к другим текстам – исследователю остается только выбирать из тех подсказок, которые предлагает ему программа.

Сначала этот корпус (точнее, отдельные базы данных) строился на основе Microsoft Access 2.0. Со временем эти базы были конвертированы в новый формат и помещены в интернет. Базы устроены так, что можно, наведя курсор на любое слово в тексте, получить грамматическую информацию об этом слове. Перейдя на страницу поиска, можно получить выборку по искомой словоформе. При печатании запроса появляется подсказка с перечнем подходящих слов. Выбрав любое слово в выборке, можно перейти к его контексту. Кроме того – и это самое ценное, – система позволяет вести поиск не только по словам и словоформам, но и по грамматическим категориям.

В этот формат переведены и действуют в интернете Повесть временных лет, Киевская, Галицкая и Волынская летописи по Ипатьевскому списку и Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (<http://www.lrc-lib.ru/index.php%3fid=5>). Единственным недостатком такого представления до недавнего времени было то, что нельзя было вести поиск сразу по всем памятникам.

Это препятствие удалось снять при включении этих баз в Национальный корпус русского языка (НКРЯ), поскольку корпус, претендующий на полноту представления языка, не может обойтись без документации всей письменной истории русского языка, начиная с первых памятников XI в.

Сейчас в составе Национального корпуса есть четыре подкорпуса, представляющих источники XI–XVII вв.: древнерусский, корпус берестяных грамот, среднерусский корпус и церковнославянский. Эти условные названия корпусов присвоены им временно и связаны с качественными характеристиками корпусов (см. ниже). Разумеется, материал берестяных грамот хронологически относится к древнерусскому языку, в свою очередь и «среднерусский» корпус включает списки текстов древнерусского периода. Церковнославянский корпус включает в основном современную богослужебную литературу на новоцерковнославянском языке.

Древнерусский подкорпус (http://ruscorpora.ru/search-old_rus.html) включает три типа памятников: оригинальные древнерусские произведения, выполненные на Руси переводы с греческого и памят-

ники южнославянского происхождения, переписанные на Руси. Из оригинальных произведений в подкорпус входят все летописи, созданные в древнерусский период: Повесть временных лет, Киевская, Галицкая, Волынская летописи (все по Ипатьевскому списку), Новгородская I летопись (по Синодальному списку) и Суздальская летопись (по Лаврентьевскому списку). Кроме того, представлены некоторые сочинения Кирилла Туровского: «Сказание о черноризском чине», «Притча о душе и теле», «Повесть о беспечном царе и мудром советнике».

Из переведенных в Древней Руси памятников в подкорпусе сейчас доступны «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Пчела», «Александрия» и цикл из восьми «Чудес» Николая Мирликийского, шесть из которых переведены на Руси или представляют собой переработку перевода, а два возникли у южных славян.

Из русских списков древнеболгарских переводов в подкорпусе представлен Изборник 1076 г.

Поиск здесь возможен по грамматическим признакам, перечисленным в таблице грамматических параметров НКРЯ. Когда вы получаете результат запроса (список примеров с указанием памятника), можно нажать курсором на название памятника и во всплывающем окне появляются краткие сведения о памятнике и указание на издание или рукопись, по которым выполнена разметка. Например, если набрать в поисковой строке слово **комонь** ‘конь’ (кстати, при наборе появляются автоматические подсказки), мы получим все случаи употребления этого слова в названных источниках: в Повести временных лет и в Киевской летописи. Это точный результат: известно, что слово **комонь** есть еще только в Слове о полку Игореве, в других памятниках оно не встречается³. При выборе курсором любой словоформы появляется всплывающее окно с грамматической характеристикой этой словоформы, а в строке «Доп. признаки» указан адрес – страница издания памятника или лист рукописи и номер строки. У переводных памятников в этом окне приводится греческое соответствие данной словоформы. Например, к слову **безьславиe** из «Пчелы», имеющему форму винительного падежа, указана греческая параллель $\acute{\alpha}\delta\omicron\zeta\iota\alpha\varsigma$ в форме аблятива.

Леммы в словаре имеют древнерусскую форму, то есть отражают состояние языка до падения и прояснения редуцированных.

Общий объем словоформ этого корпуса составляет 443 тысячи словоупотреблений. Это немного в сравнении с другими корпусами, особенно с основным корпусом. Но необходимо подчеркнуть, что,

в отличие от большинства других, этот корпус получен не путем автоматической разметки, а в результате кропотливого филологического труда. Поэтому в нем нет неснятой омонимии – все омонимы разведены грамматическими определениями. Поэтому при поиске словоформ, которые могут быть омонимичны другим словоформам, достаточно указать частеречную характеристику леммы, а у существительных также род.

Аналогичным образом устроен подкорпус берестяных грамот, в котором грамматическая разметка является результатом выполненного А. А. Зализняком тщательного палеографического и филологического анализа.

Основу церковнославянского корпуса составляют современные богослужебные тексты (XIX–XX вв.) – около 60% объема корпуса. Кроме того, в корпусе представлены более ранние тексты, относящиеся к XVII–XVIII вв. и представляющие другие жанры: Писание, святоотеческие сочинения и др. Общий объем корпуса – около пяти млн словоупотреблений. Поскольку новоцерковнославянский язык обладает известной грамматической и орфографической упорядоченностью, для этого корпуса была создана программа грамматического разбора словоформ. Это позволило сделать автоматическую разметку церковнославянского корпуса, которая позволяет искать слова по лемме и грамматическим признакам, причем можно искать и по сочетанию слов и признаков. Например, можно задать запрос такого вида: «найти сочетания прилагательных в родительном падеже со словом **слава** с расстоянием между ними до пяти⁴ слов». Результатом будут не только сочетания **славы временныя**, **славы небесныя**, **славы бжїя**, **славѣ вашей** и т. п., но и более сложные определительные конструкции: **ра́дуйся**, **славо црѣве вселѣнскїя**, **славою украшаются бжѣственнагw прича́стія**, **славѣ бжѣственнагw зра́ка** и т. п.

Это дает очень широкие возможности для поиска лингвистического материала. Необходимо только учитывать, что автоматическая разметка оставляет нераспознанными грамматические омонимы, и при запросе информации о той или иной словоформе система выдает все варианты характеристик. Например, для действительного причастия прошедшего времени, множественного числа **царствовавшихъ** будут предложены два варианта определений падежа: родительный и местный. Снимать эту омонимию нужно вручную.

Корпус среднерусских текстов фактически охватывает период с XI до XVII в., и предполагается, что он включит все источники это-

го периода. В настоящее время корпус включает около двух тысяч документов общим объемом более трех миллионов словоупотреблений. Разумеется, это только начало. На первом этапе работы в него были включены доступные в цифровом виде научные публикации текстов разных жанров (летописи, памятники бытовой и деловой письменности, религиозная литература и др.); этот корпус постоянно увеличивается. Разметка в этом корпусе пока только метатекстовая (название текста, дата создания, дата списка, автор, жанр и т. п.), поэтому лингвистический поиск возможен только по словам или частям слов. Однако метатекстовая разметка позволяет формировать подкорпус по определенным параметрам (автор, жанр, дата создания и др.). Например, в таблице жанров можно выбрать разные виды грамот и вести поиск только в пределах этого жанра.

Похожим образом сделан поиск в санкт-петербургском корпусе агиографических текстов (СКАТ: <http://project.phil.spbu.ru/scat/page.php?page=project>). Корпус включает 15 памятников житийной литературы XV–XVII вв. Поиск осуществляется по словам и буквосочетаниям. Поэтому, например, на запрос **быти** можно получить все адреса этой словоформы в имеющихся в программе житиях, а также адреса слов **бытие, пребыти, избыти** и т. п., но сведения о **есмы, еси, соуть** и т. п. нужно искать отдельно. По адресу словоформы можно выйти на соответствующий, довольно большой, фрагмент текста (в котором искомые словоформы, к сожалению, не выделены).

Аналогично устроен поиск в программе, созданной во Фрайбурге по тексту Апостола в Великих Минеях Четых (<http://www.vmc.uni-freiburg.de/Mens/>).

Очевидно, что имеющиеся сейчас в НКРЯ исторические корпуса нужно будет переструктурировать. Центральным должен стать корпус источников XI–XVII вв. Древнерусский корпус и корпус берестяных грамот приобретут в нем статус корпусов со снятой омонимией. Ближайшей задачей для корпуса XI–XVII вв. должна стать лемматизация словоформ. В дальнейшем можно будет создавать для однородных фрагментов этого корпуса (например, для деловых памятников или вестей-курантов XVII в.) специальные парсеры и осуществлять их морфологическую разметку.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: <http://www.obshtezhitie.net/>
- 2 См.: Молдован А. М. Компьютерное воспроизведение славянских рукописных памятников и его задачи // Мовознавство. 2006. № 2–3. С. 26–30.
- 3 Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980. С. 25–30.
- 4 Программа позволяет увеличить это расстояние до десяти слов.

Moldovan A. M.
Problems and Tasks of the Corpus Linguistics Studies
of the Slavic-script Heritage

The article considers different types of digitalised presentations of Slavic written monuments in the context of their further scholarly exploration.

Keywords: *corpus linguistics, Slavic script, Old-Slavic language.*

А. С. Добычина
(Москва)

К вопросу о «бесноватых» Никиты Хониата в Тырновском восстании 1185–1186 гг.

В статье рассматриваются основные версии, существующие в историографии относительно идентификации «бесноватых», представленных в «Истории» Никиты Хониата в качестве «катализаторов» Тырновского восстания 1185–1186 гг. под руководством Петра и Асеня.

Ключевые слова: *Никита Хониат, «История», «бесноватые», восстание Петра и Асеня, Второе Болгарское царство.*

Процесс становления так называемого Второго Болгарского царства (в болгарской историографии – «возобновление Болгарии»), как и его начальный эпизод – антивизантийское восстание в Тырново¹ в 1185–1186 гг. под руководством братьев Феодора-Петра и Ивана (I) Асеня, неоднократно исследовались в научной литературе². Однако целый ряд вопросов, принципиально важных для реконструкции хода и понимания сути этих событий, до сих пор остаются предметом дискуссии. Одним из них является и вопрос о том, кем могли быть те «бесноватые», которые, как сообщает в своей «Истории» наш главный информатор, византийский историк Никита Хониат, сыграли чрезвычайно важную роль в привлечении населения болгарских земель на сторону мятежных братьев.

Обратимся непосредственно к самой «Истории». «Желая излечить своих земляков от трусости, – пишет Хониат, – братья построили церковь во имя мученика Димитрия, в которой собрали множество бесноватых из обоих родов [болгар и влахов?] с налитыми кровью, косящими глазами, с распущенными волосами и вообще точно изображавших все то, что делают люди, одержимые бесами. Асени внушили им говорить в исступлении, будто Бог благоволил даровать свободу болгарам и влахам, будто соизволил снять с их шеи временное ярмо и будто с этой целью Христов мученик Димитрий оставил Фессалонику, покинул тамошний храм, не захотел более пребывать с ромеями и перешел к ним, чтобы быть им помощником и сотрудником в их деле. Дав себе небольшой отдых и вдруг еще более преисполнившись [Пифонова] духа, эти сумасшедшие как бы в новом припадке падучей болезни начали потом опять возбуждать народ, провозглашая вдохновенным голосом, что не время теперь сидеть,

что наступила решительная минута идти на ромеев... Одушевленный такого рода прорицаниями, весь народ вооружился поголовно»³.

Тот факт, что рассказ о Тырновском восстании в «Истории» Хониата строится вокруг действий и слов «бесноватых», свидетельствует о том, что их появление в нем отнюдь не случайно, но рассматривается самим автором как одно из ключевых звеньев в цепи произошедших событий. Это обстоятельство не могло не привлечь к себе внимание исследователей самых разных специальностей: от историков (византинистов и болгаристов) до этнологов и фольклористов – которые решали вопрос о тырновских «бесноватых» в зависимости от отношения к самой «Истории» Хониата – критического или, напротив, с полным доверием ко всему, что в ней сообщается.

«Беспристрастный и справедливый во всех других случаях, Никита Хониат как истинный византиец не может справедливо и без ненависти говорить о болгарях. В настоящем случае его рассказ также страдает духом нетерпимости к презренному в глазах греков народу», – так в свое время в связи с первым изданием «Истории» Хониата на русском языке высказался о сюжете с «бесноватыми» профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н. В. Чельцов⁴. В дальнейшем мнение о «нетерпимости» Хониата по отношению к восставшим болгарам стало едва ли не хрестоматийным. Так, К. Иречек прямо назвал рассказ Хониата «извращенной легендой»⁵, а Ф. И. Успенский констатировал, что «ничего больше нельзя видеть в картине, в которой Н. Акоминат (Хониат) рисует общее одушевление болгар, возбуждаемых к войне с греками пророчествами и воззваниями бесноватых с налитыми кровью и дикими глазами, как весьма простой факт действительно очень сильного волнения в Болгарии»⁶.

Между тем, с началом XX в. некоторые исследователи стали пытаться увидеть в рассказе Хониата отражение реальных событий, пусть и воспроизведенных Хониатом в столь необычной форме. Так, греческий ученый Н. Веис⁷ высказал мысль о том, что «бесноватые» Хониата суть не кто иные, как «анастенарии», или «нестинары» – носители специфической ритуальной практики, компактно проживающие на юго-востоке Болгарии (в нескольких причерноморских селах Странджи), а также в Северной Греции⁸. Свою гипотезу ученый подкреплял ссылкой на соответствующий текст «Обзорной хроники» Феодора Скутариота (2-я половина XIII в.), где византийский автор, пересказывая пассаж Хониата о тырновских «бесноватых», называет их «лжепророками» и уточняет, что «этих людей еще именуют астенариями» (Ἀσθενάρια)⁹. Отмечая явное сходство между словами

«астенарии» и «анастенарии», Н. Веис объяснял состояние «исступления» у тырновских «бесноватых» («с налитыми кровью и изворачивающимися глазами», «распущенными волосами») особенностями экстатической практики, сопровождающей нестинарский обряд хождения по раскаленным углям¹⁰.

Другую, не менее интересную версию, основанную на буквальном понимании текста Хониата, изложил в рамках своей знаменитой «Истории Болгарского государства в Средние века» (1934) основоположник болгарской медиевистики В. Златарский, полагавший, что в тексте описаны действительные бесноватые – «разные эпилептики и полупомешанные из обоих народов, которые в Средние века считались Божьими людьми, то есть такими, через которых говорит Божество»¹¹.

Однако эта гипотеза не нашла поддержки у других представителей историографии «Третьего Болгарского царства» (1908–1946). Проводя исторические параллели между строительством и укреплением собственного национального государства и событиями далекого доосманского Средневековья, такие видные болгарские историки, как П. Ников и П. Мутафчиев, «перевели» изложение Хониата в категории, более понятные для современной им читательской аудитории. В результате из зловещей полубезумной толпы «бесноватые» превратились в движущую силу освободительного движения, своего рода «народных будителей». Согласно П. Никову, действие с «бесноватыми» было напрямую связано с «религиозной основой движения» – для привлечения недовольного византийским владычеством населения¹². Именно в этих целях предводители восстания внедрили в массу населения «боговдохновенных агитаторов, которые проповедовали, что начатое дело угодно Богу, одобряется и подкрепляется Им»¹³. Сходной версии придерживался и П. Мутафчиев, по версии которого, «чтобы привлечь... простой народ и вдохнуть в него веру в успех», Петр и Асень «использовали и его суеверие»¹⁴.

Свою версию событий в 40-е гг. XX в. выдвинул выдающийся византист И. Дуйчев, который, соглашаясь с версией о народном «воодушевлении», подчеркивал религиозную окраску последнего, поскольку «в эпоху религиозности, отличающей Средневековье», ее принимало «каждое политическое и социальное движение». Саму эту религиозную окраску И. Дуйчев связывал с убеждением восставших в «присутствии» среди них св. Димитрия – по всей видимости, в «лице» некоего широко почитаемого иконного образа¹⁵.

После Второй мировой войны, в условиях грандиозных общественно-политических, социально-экономических и культурных

перемен, развернувшихся в Болгарии, вопрос об идентификации тырновских «бесноватых», как и само восстание Петра и Асеня, стал рассматриваться через призму марксистской методологии. Так, в работе Б. Примова «бесноватые» Хониата трансформировались в «сознательных и разумных борцов», воодушевленных своим «великим делом», которые «ввергали себя в великую опасность неравной освободительной борьбы»¹⁶. «Сознательность» зачинщиков восстания подчеркивал и М. Андреев. По его мнению, «рассказ Никиты Хониата пропитан ненавистью к болгарскому народу», но при правильном толковании дает «яркую картину обстановки, в которой произошло восстание». Согласно исследователю, рассказ Хониата представляет собой отражение «страшного недовольства народа, его ярости, которая привела к тому, что люди с налитыми кровью глазами и распущенными волосами призывали к бунту и восстанию»¹⁷. Похожей трактовки придерживался и П. Петров: как бы средневековые хронисты ни старались придать событиям в Тырново «мистическую окраску», они все равно оказались не в силах скрыть их «политический характер»¹⁸. Употребление же Хониатом термина «бесноватые» ученый объяснял «нескрываемой злобой» автора-византийца, называющего «беснованием» «восторг тырновского населения» от идеи, что Бог даровал болгарам свободу¹⁹, «взрыв неопишуемой народной радости и желание довести до конца борьбу против поработителей»²⁰.

К середине 1980-х гг., несмотря на известные расхождения по вопросу об идентификации «бесноватых», столь красочно описанных Хониатом, равно как и в общей оценке тырновских событий 1185–1186 гг., большинство исследователей все же сходилось между собой в главном. «Бесноватые», в их понимании, – непосредственные участники восстания, возмущенные и негодующие против византийской власти и одновременно воодушевленные перспективой будущей независимости от империи, действия которых сам Хониат представляет в виде злобно-насмешливой карикатуры, подменяя ею величественную картину борьбы за народное освобождение.

Однако уже в 1980-е и особенно в 1990-е гг. по интересующему нас вопросу появляется ряд новых версий, а старые, казалось бы, давно забытые трактовки рассказа Хониата обретают новое звучание. Характерным примером последнего становится опубликованная в 1980 г. работа греческого исследователя Ф. Малингудиса, посвященная тырновскому восстанию, в которой он, опираясь на выводы Н. Веиса, приводит новые аргументы в пользу гипотезы о том, что «бесноватые» Хониата – это «анастанарии», или «нестинарии»²¹.

В это же время некоторые исследователи отходят от всех имеющихся в историографии трактовок в поиске принципиально нового взгляда на то, кем могли быть тырновские «бесноватые». На фоне всплеска интереса к истории и культуре балканских (и не только) владов в историографии появляются версии, связанные с влашским компонентом средневекового болгарского общества. Так, американским исследователем Дж. Файном была выдвинута оригинальная гипотеза, согласно которой в Тырновском восстании участвовали некие «влашские шаманы», по понятным причинам названные Никитой Хониатом «бесноватыми»²². Примерно в том же духе трактуют рассказ Хониата болгарские фольклористы А. Калоянов и Т. Моллов²³. Однако, по их мнению, в рассказе Хониата речь идет не о «влахах» как этнической группе, но о «волхвах»²⁴, под которыми имеются в виду «болгарские пророки шаманского типа»²⁵. Согласно А. Калоянову, именно шаманы подтолкнули Петра и Асеня к выступлению против византийской власти, а красочное описание Хониатом внешнего вида «бесноватых» и всех их действий соответствует шаманской практике, зафиксированной в переписке крестителя Болгарии, хана Бориса-Михаила (852–889), с Римским папой Николаем I (858–867) и в изображениях шаманов из Плиски²⁶. По мнению Т. Моллова, речь идет о неосознанном повторении элементов сохранившегося в народной памяти «христианизированного» шаманского комплекса²⁷.

Что же касается последнего времени, то применительно к нему, вероятно, можно говорить о достижении по интересующему нас вопросу своеобразного компромисса, в рамках которого положения «классиков» уживаются с наблюдениями исследователей более молодых поколений. Так, версии о «религиозном энтузиазме и вере мессианского толка», «организованном недовольстве», «охваченной энтузиазмом толпе», ставшей прототипом «бесноватых» Хониата, придерживаются такие корифеи болгарской медиевистики последних десятилетий, как И. Божилов и В. Гюзелев, равно как и их более молодой коллега Г. Николов²⁸. В свою очередь, к этой «базовой» версии новые нюансы добавляет П. Павлов, предлагая видеть в тырновских событиях акт своего рода «психологической войны», развернутой Петром и Асеном не только против византийцев, но и против собственных соплеменников и земляков. По мнению исследователя, именно провозглашенный во время восстания принцип «убивать решительно всех пленных без исключения» и вызвал негативную реакцию Хониата, будучи воспринят им как проявление «безумия» и «беснования», так как противоречил не только христианской мора-

ли, но и принятым в ту эпоху правилам ведения войны и практической целесообразности²⁹.

В то же время продолжают существовать и развиваться и «альтернативные» объяснения рассказа Хониата. Так, С. А. Иванов, подробно рассмотрев этот рассказ в своей монографии по истории христианского юродства, констатировал, что «хотя симуляция безумия здесь налицо и осуществляется в христианском храме, она не может быть названа юродством в традиционном смысле слова, поскольку преследовала сугубо политические цели; кроме того, окружающие явно воспринимали этих пророков не как презренных маргиналов, а как страшноватых медиумов»³⁰. По предположению С. А. Иванова, действие «страшноватых медиумов» в данном случае – не что иное, как проявление остатков протоболгарского шаманизма, которые и в конце XII в. продолжали сохраняться, в том или ином виде, на северо-востоке тогдашних болгарских земель³¹.

Таким образом, обращаясь к историографии вопроса о «бесноватых» в рассказе Никиты Хониата о Тырновском восстании под предводительством Петра и Асеня, можно констатировать, что наиболее широкую поддержку и распространение получила «классическая» версия, характерная критическим отношением к самому этому рассказу. Введение византийским историком в рамки своего повествования неких пугающих своим внешним обликом и своими действиями «бесноватых» рассматривается как отражение его резко негативного отношения к восставшим болгарам и их предводителям. Однако это не исключает существование старых и появление новых «альтернативных» гипотез на этот счет (душевнобольные? нестинары? шаманы?), что позволяет говорить о сюжете с «бесноватыми» во время Тырновского восстания как об одном из самых интригующих в истории средневековой Болгарии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Источники не упоминают название крепости, в которой произошло восстание. Однако большинство исследователей придерживаются мнения, что оно имело место именно в будущей болгарской столице Тырново.
- 2 Из работ, опубликованных по этой тематике в последние годы, особого внимания заслуживают статьи В. Гюзелева, Г. Николова и С. А. Иванова: *Иванов С. А.* Общественная мысль в Болгарии в

- XI–XIII вв. // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.). М., 2012. С. 95–123; *Гюзелев В.* Чудотворна икона на св. Димитър Солунски в Търново през 1185–1186 г. // Любен Прашков – реставратор и изкуствовед. София, 2006. С. 36–39; *Николов Г. Н.* Българите и Византийската империя (август–ноември 1185 г.) // Тангра. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. Васил Гюзелев. София, 2006. С. 597–617.
- 3 Так передает этот рассказ С. А. Иванов: *Иванов С. А.* Общественная мысль в Болгарии... С. 111–112. Греческий текст см.: *Nicetas Choniata. Historia. Rec. I. A. van Dieten* (= *Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 11/1*). Berolini et Novi Eboraci. 1975. P. 371.
  - 4 *Чельцов Н. В.* Примечания // *Никита Хониат*. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. СПб., 1860–1862 (Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии). С. 22.
  - 5 *Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878. С. 301.
  - 6 *Успенский Ф. И.* Образование Второго болгарского царства. Одесса, 1879. С. 222.
  - 7 *Βέης Ν.* Τὰ ἀναστενάρια κατὰ τοὺς μέσους αἰώνας // *Βυζαντίς*. 1909. № 1. P. 48–50. К сожалению, эта работа осталась для меня недоступна. С ее основными положениями я смогла ознакомиться благодаря статье Г. Маврофридиса: *Μαυροφριδισ Γ.* Нестинарството в гръцката етнографска книжнина // *Thracia*. София, 1993. Т. 10. С. 157.
  - 8 Подробнее о нестинарстве см.: *Узенева Е. С.* Нестинарство // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. М., 2004. Т. 3. С. 392–394; *Георгиева И.* Нестинарството в България // *Етнография*. Втори международен конгресс по българистика. Доклади. 10. София, 1987. С. 37–51; *Радойнова Д.* Феномените на Странджа. София, 1999; *Фол В., Нейкова Р.* Огън и музика. София, 2000. О нестинарстве в греческой историографии см.: *Μαυροφριδισ Γ.* Нестинарството в гръцката етнографска книжнина... С. 155–168. Подробный перечень западных работ, посвященных нестинарству, см. в статье А. М. Лидова: *Лидов А. М.* Огонь Анастенирии. Иеротопия византийского обряда танцев с иконами // Научный семинар ИМЛИ РАН «Фольклор и традиционная культура в аудиовизуальных и мультимедийных исследованиях» (06.11.2012). – http://hierotopy.ru/contents/FireAndLight_28_Lidov_Anastenaria_2011_Rus.pdf
  - 9 *Theodori Scutariotae Compendium Chronicum* // ГИБИ. София, 1972. Т. 8. С. 243.

- 10 О других сторонниках этой версии см.: *Маврофридис Г.* Нестинарството в гръцката етнографска книжнина... С. 157–161; *Фол В., Нейкова Р.* Огън и музика... С. 20.
- 11 *Златарски В.* История на Българската държава през средните векове. Т. 2. София, 1934. С. 431.
- 12 *Ников П.* Второ българско царство (1186–1396). София, 1937. С. 26.
- 13 Там же. С. 27.
- 14 *Мутафчиев П.* История на българския народ (681–1323). София, 1943. Т. 1/2 (репринт: София, 1986). С. 257.
- 15 *Дуйчев И.* Проучвания върху българското средновековие. София, 1945. С. 46–47. Эта концепция была развита и в более поздних работах ученого. См., например: *Дуйчев И.* Проучвания върху средновековната българска история и култура. София, 1981. С. 54.
- 16 *Примов Б.* Създаването на Втората българска държава и участието на власите // Българо-румънски връзки и отношения през вековете. Изследвания. София, 1965. Т. 1 (XII–XIX в.). С. 30.
- 17 *Андреев М.* Българската държава през Средновековието. София, 1974. С. 99.
- 18 *Петров П.* Възстановяване на Българската държава: 1185–1197. София, 1985. С. 101–102.
- 19 *Петров П.* Търново в политическата история на България (1185–1393) // История на Велико Търново. Т. 1. София, 1986. С. 90.
- 20 *Петров П.* Възстановяване на Българската държава... С. 101.
- 21 *Malingoudis Ph.* Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates // Byzantina. Thessaloniki, 1980. Т. 10. P. 107–112.
- 22 *Fine J. V. A.* The Late Medieval Balkans. A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest. Ann Arbor, 1987. P. 13.
- 23 *Калоянов А.* Българското шаманство. София, 1995; *Моллов Т.* Българският миторитуален контекст при оформяне на култа към св. Димитър в Търновград // Електронно списание LiterNet, 07.03.2001. № 3 (16). – <http://litenet.bg/publish/tmollov/svdimityr.htm>; *Моллов Т.* Народнохристиянски календарни съответствия в Търновското въстание от 1185 година // Интердисциплинарни изследвания. София, 1988. Т. XV. С. 81–83.
- 24 *Калоянов А.* Българското шаманство... С. 113; *Он же.* Влах-власи във фолклора и в топонимията с оглед на стб. Влъх-влъси/влъхв-влъсви и влъхва-влъхви в диалектите // Дни на науката`96. Велико Търново, 1996. С. 61–68; *Моллов Т.* Българският миторитуален контекст...

- 25 Там же.
- 26 *Калянов А.* Българското шаманство... С. 42, 112.
- 27 *Моллов Т.* Народнохристиянски календарни съответствия... С. 82.
- 28 См., соответственно: *Божилев И., Гюзелев В.* История на средновековна България. VII–XIV век (= История на България в три тома. Т. I). София, 1999. С. 427; *Гюзелев В.* Чудотворна икона... С. 38; *Николов Г.* Българите и Византийската империя... С. 609.
- 29 *Павлов П.* Методите на психологическа война във въстанието на Петър и Асен // Българска историческа библиотека. 2000. № 2. С. 3–4.
- 30 *Иванов С. А.* Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005. С. 236; *Иванов С. А.* Общественная мысль в Болгарии... С. 112.
- 31 *Иванов С. А.* Формы легитимации верховной власти в Болгарии в XII–XIII в. // Славяне и их соседи. М., 2008. Вып. 12. Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в средние века. С. 68–69.

Dobychina A. S.

Toward the Question of the «Devil-Possessed Men»
in Nicetas Choniates' Description of the Tǎrnovo Uprising,
1185–1186

The paper examines versions, proposed in historiography concerning identification of the «devil-possessed men», described in *History* of Nicetas Choniates as «catalysts» of the Tǎrnovo uprising led by Peter and Asen, 1185–1186.

Keywords: *Nicetas Choniates*, «*History*», «*devil-possessed men*», *uprising of Peter and Asen, the Second Bulgarian empire*.

О. Б. Неменский
(Москва)

Этно-конфессиональная идентичность в кругу киевского митрополита Петра Могилы

Статья посвящена особенностям этно-конфессионального дискурса в кругу западнорусского православного общества первой половины XVII в. Основное внимание уделено самопрезентации и восприятию в обществе Петра Могилы (1597–1647) – киевского митрополита молдавского происхождения.

Ключевые слова: *митрополит Петр Могила, Западная Русь, Киевская митрополия, церковно-конфессиональная полемика, Брестская уния, Речь Посполитая, Константинопольский патриархат, Молдавское княжество.*

К исходу Средневековья европейские общества характеризовались прочно сложившимися идентитарными структурами: каждый человек с детства знал, кто он в религиозно-конфессиональном, этническом, социальном отношении, и на протяжении жизни у него обыкновенно не было серьезных поводов, чтобы ставить свои идентичности под сомнение или же менять их. Так было даже в обществах, весьма разнообразных в плане представленности в них различных религий и народностей, причем чаще всего различные уровни самоидентификации были прочно взаимообусловлены. Эпоха Раннего Нового времени, принеся большое конфессиональное разнообразие, значительно усложнила ситуацию, но и не сломала прежние структуры самоидентификации: скорее наоборот, делала их связи более жесткими и осмысленными. Это можно сказать не только про западнохристианские общества, но и про православные: здесь активная деятельность Римской церкви по созданию унионных течений также внесла свои расколы и заставила ведущих интеллектуалов поставить под сомнение многие прежние данности, а также гораздо глубже их осмыслить. Особенно интересна судьба людей, которые в то время пережили переход из одной этноязыковой среды в другую: мигрантов по самым различным причинам, каковых тогда было много, причем разных сословий – от простых крестьян до представителей очень знатных фамилий.

Петр Могила (1597–1647) был, как известно, сыном господаря (в разное время) Валахии и Молдавии Симеона, то есть отпрыском одного из самых знатных молдавских родов. По матери – мадьярской

принцессе Маргарите – он имел также и венгерские корни. В 1612 г., уже довольно взрослым юношей – 14–15-ти лет, он был вынужден бежать со своей матерью из родной страны. То, что они бежали именно во Львов, было predetermined многолетним покровительством его православным жителям (и их основной организации – львовскому Успенскому братству) со стороны Симеона Могилы, а также готовностью польских властей принять монарших беглецов. Петр стал приемным сыном Станислава Жолкевского, одного из самых значимых польских политиков и военачальников того времени, бывшего также и львовским кастеляном.

Львовское братство, чья еще строящаяся церковь называлась в народе Волошской, так как возводилась во многом за счет пожертвований молдавских и волошских господарей, имело свою школу – одно из лучших православных учебных заведений. В ней Петр Могила получал образование у самых известных православных интеллектуалов того времени, а потом, по некоторым сведениям, продолжил свое обучение в Париже. Непродолжительная, но блистательная военная карьера Петра была благожелательно отмечена польской властью, так как он отличился в известной Хотинской битве с турками в 1621 г. В середине 1620-х гг. начинается его активная церковная деятельность: он постригается в монахи и уже в 1627 г. избирается архимандритом Киево-Печерской лавры, быстро становясь одним из лидеров православной общественности Речи Посполитой.

Православие было в этой стране в тяжелейшем положении: потеряв после Брестской унии 1596 г. большую часть церквей и монастырей и официально находясь под полным запретом, оно было представлено восстановленной иерусалимским патриархом Феофаном в 1620 г. иерархией, вынужденной действовать нелегально. Петр стал самым близким сподвижником митрополита Иова Борецкого, и тот в своем духовном завещании даже назначил Петра своим душеприказчиком. Имея, вследствие своего монаршего происхождения и рыцарской славы, особенное положение, Петр Могила смог на коронационном сейме 1632 г. отстаивать права православного населения Речи Посполитой и вскоре добиться легализации православной церкви, став ее новым главой. Примечательно, что обряд посвящения Петра в митрополиты был совершен во Львове епископом Львовским Иеремией Тиссаровским. Он, как известно, был в 1610-х гг. вообще единственным православным епископом в Западной Руси, так как имел посвящение от волошского митрополита Анастасия. Так, Церковь на владских землях поддерживала православную жизнь в Речи

Посполитой, сыграв немалую роль и в деле посвящения в митрополиты Петра Могилы: ведь для Варшавы было очень важно, чтобы новый легальный православный митрополит имел посвящение не от прежней нелегальной иерархии.

С этого времени Петр везде подписывается как «Петр Могила милостью Божией архиепископ митрополит Киевский Галицкий, и всея России, Св. Великого трону Константинопольского экзарх, архимандрит Печерский». Огромная роль, которую сыграл Киевский митрополит Петр Могила в судьбах Православия в Западной Руси, его значение для всей Православной церкви широко известна. Он стал реформатором системы православного образования в стране, создав, помимо прочего, Киево-Могилянскую коллегию. Это первое восточнославянское высшее учебное заведение подняло православную ученость на новый уровень, и не только в Западной Руси. По его образцу и во многом его выходцами была позже (в 1687 г.) создана Славяно-Греко-Латинская академия в Москве, а еще раньше (в 1640 г.), стараниями самого Петра (и возглавленная его соратником Софронием Почасским), – Академия в Яссах. По его же инициативе было начато кириллическое книгопечатание в Валахии и Молдавии: как мы знаем, первой такой книгой стал «Требник» его авторства. Он стал автором целого ряда богословских, догматических, обрядовых и полемических книг, имевших огромное значение для всего Православия. И в первую очередь это касается написанного при нем катехизиса – «Православного исповедания веры», одобренного собором восточных патриархов в Яссах в 1643 г. и являющегося по сей день важнейшей книгой Православия.

Так на протяжении всей жизни Петр сохранял живую связь со своей родиной. Правда, в качестве митрополита он побывал там только однажды, незадолго до своего ухода из жизни: в 1645 г. он присутствовал в Яссах на венчании дочери господаря Василия Лупу с Янушем Радзивиллом. И в своем духовном завещании Петр Могила просил своего брата Моисе продолжать традицию покровительственной деятельности в отношении западнорусского православия.

Озирая биографию Петра Могилы, нетрудно предположить, что для православного населения Западной Руси он был своего рода «волошским митрополитом», иностранцем на митрополичьей кафедре. Однако при рассмотрении источников приходится с удивлением констатировать, что нигде и никто не называет его «волошином», более того, его иностранное происхождение вообще никак не выявлено. Повсеместно подчеркивается только его титул «воеводича земель Молдавских».

Вот, например, духовное завещание митрополита Иова Борецкого: он завещает «Его милости господину отцу Петру Могиле, Воеводичу земель Молдавских, милостию Божиею великому Архимандриту святое Великое и Чудотворное Лаври Печерския Киевския...»¹. Акт избрания Петра Могилы кандидатом на Киевскую православную митрополию, составленный на Варшавском сейме 1632 г., гласит: «Мы, сановники, и рыцарство, и все духовенство, обыватели Короны Польской и Вел. княжества Литовского, люди народа русского, религии греческой, находящиеся в послушании св. отца и пастыря нашего патриарха Константинопольского, собравшись сюда для благополучного избрания нового короля нашего из всех земель, воеводств и поветов, где живут люди русского народа, веры греческой, [...] избираем и представляем [...] преподобного отца Петра Могилу, воеводича земли Молдавской, архимандрита печерского...»². Киевское братство обращается к Петру: «Просимо всѣ сполне превелебнѣйшаго в Христе его Милости господина отца Кир Петра Могилу, воеводичу земель Молдавских...»³ Вот и митрополит Исайя Копинский, бывший недолго преемником Иова Борецкого в нелегальной иерархии, упоминает только титул, при этом подчеркивая пользу деятельности Петра для всего «Российского» народа: «...абы през них школы в Монастырю Печерскому Киевскому на пожиток души збавенный всего Православнаго Российскаго народу, и для свое духовное оутѣхи яко напристойнѣй оуфундовать»⁴. То же можем найти и в обращении к нему запорожских казаков⁵.

Не видим мы никаких указаний на инородное происхождение Петра Могилы и в панегириках, ему посвященных. Так, в сочинении «Евфония веселобрмьячая», поданном Петру от Лавры, говорится о Петре как о важнейшем представителе и защитнике всей «России»: «Маеш, Россія, юж тепер отмѣну / Фортуны, маеш триумфу годину: / Отто прав твоих Петр есть оборона, / Тарча (щит) Сіона»⁶. То же можно сказать и про сочинение «Евхологион, или благодарность Петру Могиле»⁷, написанном в 1632 г. Софронием Почасским совместно с учениками основанного Петром училища при Киево-Печерской лавре, и про «Мнемозину», поданную ему в 1632 г. от киевского братского училища⁸.

На фоне привычного по другим источникам обозначения всех приезжих из Молдавии и Валахии как «волошинов» такое подчеркнутое отсутствие иноэтнической характеристики Петра Могилы бросается в глаза. Особенно интересно то, что оно вполне гармонирует с текстами, написанными самим Петром Могилою: в них он

не только нигде не называет себя «волошином», но и более того – демонстрирует осознание себя частью «русского» («российского») народа.

Вот Петр Могила пишет письмо с приглашением в Киев на освящение возрождаемого им из руин Софийского храма, называя его «украшением нашим российским»: Петр приглашает «на впровадzenie мене на митрополию як и на посвящение еи, плачливое зруинованой, оздобы нашой Российской...»⁹. А вот его грамота к перемышльским горожанам с некоторыми предостережениями: «...мы таковое от святѣйшого пастыря нашего Кир Кирилла Константинопольского Патриархи право и лист маемо, абы ништо з народу нашего Российского нѣчого приватне и потаємне, без наше митрополитанское и всее церкви наше Российское вѣдомости и благословения, себѣ от святѣйших патриархов выправовати не важился, и «...весь православный народ наш Российский...»¹⁰. В пригласительном послании к луцкой братии на Киевский собор 1640 г. опять читаем формулу «вся наша церков российская»¹¹. Защищающее православие полемическое сочинение «Лифос» 1640 г. также наполнено выражениями русского самосознания автора: «...w cerkwi naszej Ruskiej...»¹², «...ustawow naszym Ruskich...»¹³ и т. д. В своем духовном завещании Петр основную свою заботу посвящает защите «прав и свобод народа русско-го»¹⁴, «обучению детей православно-русских»¹⁵ и т. д.

Для понимания того, как Петр Могила смог ощутить себя представителем «русского народа», хотя и приехал на Русь уже юношей, надо посмотреть на особенности идентификационного дискурса, который был свойственен той среде, в которой он обращался, то есть элиты православного общества Западной Руси. Заглянув в сочинения ряда других крупных церковных деятелей той эпохи, мы увидим понятия о русском народе, о русскости, очень отличные от тех этнических характеристик, которые свойственны нам в наше время. В первую очередь очень сильна, даже однозначна, связь между членством в Русской церкви и характеристикой человека как русского. Если ты в Русской церкви, то ты русский. И здесь уже не играют никакой принципиальной роли привычные нам характеристики родового происхождения, языка, культуры и т. д.

Очень ярко такая система идентичности проявлена в отношении к униатам – русским по происхождению людям, но стоящим вне православной церкви. Вот, например, в сочинении «Защита Верификации» еще православный М. Смотрицкий так говорит об оппоненте-униате: «какой же Редаргутор (так называет он оппонента. – О. Н.)

есть русин, если он Восточной церкви права и обычаи топчет и знать о них не хочет...?)»¹⁶ Здесь находит свое выражение постоянно проявляющаяся черта именно православных сочинений – представление об униатах как стоящих вне Руси, более того – как врагов Руси. Однако униаты все же осознаются православными не как сторонний народ, а как часть, отпавшая от русского народа, и в этом смысле они как бы от руси. Известный православный полемист того времени Иоанн Вышенский обращается к униату так: «русине бывший»¹⁷.

Чрезвычайно интересно мысль о целостности народа в его вере обосновывается в сочинении З. Копыстенского «Палинодия». Он понимает Церковь как состоящую из какого-то постоянного количества народов – правоверных, выпадению из числа которых одних должна с необходимостью следовать компенсация – включение в нее других. Ангельский мир, являющийся отражением Церкви на небесах, константен. Крещение европейских народов для него – это следствие отпадения от правой Церкви евреев, а крещение Руси – следствие отпадения от нее «западных христиан»: «...народ северный, которого Бог по своему усмотрению до того благословленного счастья берег, народ, говорю, Российский Господь и Бог наш Иисус Христос решил к вере своей призвать и в церковь свою святую ввести, место, с которого Римская церковь с предводителями своими выпала, наполняя, так то Бог по своему человеколюбию учинил, так то место в небе, с которого ангелы из-за гордыни выпали, народом людским наполняет, и как на месте евреев, от ласки Христовой отпавших, народы языческие в церковь свою ввел, так ласкою и милосердием своим Господь Бог на место отпавших христиан западных народ северный, Российский, в церковь свою ввел»¹⁸. Таким образом, небесное «Царство православных» имеет свои четкие границы полноты, и Господь Бог не позволит им измениться. Еще раз отмечу то, что это трансцендентное Царство, по Копыстенскому, является «отечеством» именно для целых народов, а не для отдельных людей¹⁹. Значит, либо весь народ – православный, либо нет, и конфессия имеет для него привязку именно народную, а не сепаратно людскую. Этническая идентичность прочно увязана с конфессиональной. Народ – цельность в первую очередь духовная.

С осознанием униатов как части, отпавшей от русского народа, связаны и встречающиеся утверждения о том, что весь русский народ и по сей день твердо придерживается православной веры и Константинополя. Это звучит лейтмотивом в «Палинодии» З. Копыстенского, это встречается в «Синописе» (1632 г.), где говорится о

«правах русских»: «Наичестнейшему древнему народу русскому под послушанием св. отца патриарха Константинопольского постоянно и неизменно от крещения своего находящегося данных и присягами утвержденных»²⁰, а в *Supplementum Synopsis* (1632 г.) говорится о русском народе как о «в церкви Восточной под послушанием св. отца патриарха Константинопольского неотступно от крещения своего находящегося»²¹.

Впрочем, при этом Смотрицкий иногда называет униатов русинами, но с прибавкой эпитетов, говорящих о как бы фиктивности их русскости: «плохой то русин, Восточной церкви исповедник заблудший»²², «хитрый этот ложный русин»²³, «Вот и имеем откровенность к нам этого притворного русина»²⁴, «этот рисующий себя русином»²⁵, «О лицемерный русин!»²⁶ и т. д. В этом плане Петр Могила воспринимался как русский, а, например, его оппонент по полемике – вначале принявший унию, а потом и ушедший в католицизм Кассиан Сакович – воспринимался как «уже не русский», хотя и происходил из православной русской семьи священника и долгое время был деятелем православной церкви.

Чрезвычайно интересно вопрос идентичности иммигрантов рассматривается российской исследовательницей Т. Опариной. Московская Русь – наиболее близкая к западнорусской культуре, но представляющая для того времени более чистую модель православного развития, ведь до Петра I она была значительно меньше затронута западным влиянием. Так, например, немец, католик или лютеранин, еще даже не научившийся говорить по-русски, но крестившийся в Русской церкви, начинает в текстах называться «русским», и никаких оговорок о его иноэтничности не делается²⁷.

Таким образом, мы можем выстроить своеобразную схему такой идентичности. Для православных Западной Руси это были три блока: во-первых, «русь», во-вторых, Константинопольский патриархат, и в-третьих, Восточная церковь. При этом русь вся как цельный народ и как вся земля Русская, представленная Русской митрополией, послушна Константинопольскому патриархату и вне него не мыслима, Константинопольский же патриархат – необходимая и «переднейшая» часть Восточной церкви, которая после отпадения Западной и есть Церковь Христова в своей полноте. Все связи в такой системе очень прочны и полнообъемны²⁸.

Петр Могила как человек, вступивший в Русскую церковь, да и оказавшийся в ней на передних ролях, осознавался именно русским. И, очевидно, он принимал такую идентичность и сам. Вообще, на-

верное, вполне естественно для мигранта принимать дискурс идентичности новой культурной среды, при этом, возможно, сохраняя и старое самосознание, но только в условиях контакта со своей материнской культурой. Так, Петр был, несомненно, сыном молдавского народа, много сделавшим для его культурного развития. Но, одновременно, он был и именно русским церковным и культурным деятелем, принимавшимся в западнорусской среде за своего и вполне разделявшим такую идентичность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Духовное завещание киевского митрополита Иова Борецкого. 1 марта 1631 г. // *Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883. Т. 1. Примечания, LXXI. С. 396.
- 2 Акт напечатан у Максимовича: *Максимович М. А.* Собрание сочинений. Киев, 1876. Т. 1. (или Киев, 1877. Т. 2). С. 390–394.
- 3 Акт братства, которым оно признает Петра Могилу, до его смерти, главным начальником и распорядителем Киевских школ и проч., 1631, дек. 30 // Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при Киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Киев, 1846. Т. 2. С. 100–102.
- 4 Акт митрополита киевского Исаи Копинского с прочими епископами и духовными о том, что они признают Петра Могилу, до его смерти, главным начальником и распорядителем Киевских школ и проч., 5 янв. 1632 г. // Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при Киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Т. 2. С. 116.
- 5 Войсковою лист гетмана Петрижицкого и всего войска Запорожского – о том, что они признают Петра Могилу, до его смерти, главным начальником и распорядителем Киевских школ и проч. 12 марта 1632 г. // Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при Киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Т. 2. С. 129, 136.
- 6 Евфония веселобрмячая на висоцеславный трон митрополии Киевской щастливе вступаючому в Бозе его милости господину кир Петру Могиле, воеводичю земель молдавских, [...] от типографов, в Лавре працуючих // *Українська поезія. Кінець XVI – середина XVII ст.* Київ, 1978.

- 7 ЕУХАРИСТНІОН, albo Вдячність ясне превелебнѣйшому в Христѣ его милости господину отцу кир Петру Могилѣ, воеводичу земель Молдавских, великому архимандритови святои великои лавры чудотворнои Печерскои Кіевскои, вѣры православнои в Церкви святои вѣсточной промоторови побожному и несмертелнои славы годному оборонци. Киев, 1632. См.: *Голубев С. Т.* История Киевской духовной академии (период домогилянскій). Киев, 1886. С. 46–64, 65–72.
- 8 Mnemosyne sławy prac i trudow Piotra Mohiły. Na požądany onego wiazd do Kiowa od studentow gimnasium w bractwie Kiowskim. Kiow, 1633.
- 9 Письмо митрополита Петра Могилы к Павлу Ставецкому с приглашением прибыть в Киев на торжество вступления своего в митрополию и освящение митрополичьей церкви св. Софии. 29 июня 1633 г. (*Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. 1. Примечания, LXXXVI. С. 528–529).
- 10 Грамота митрополита Петра Могилы к перемышльским гражданам с увещеванием не признавать своим епископом Иоанна Поппеля, как незаконно вступившего на кафежу. 9 июля 1634 (*Голубев С. Т.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Т. 1. Примечания, CXIV. С. 555–557).
- 11 Пригласительное послание митрополита Петра Могилы к Луцкой братии на Киевский собор 1640 г. // Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при Киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Т. 1. Киев, 1845. С. 152.
- 12 Лифос // Архив Юго-Западной России. Киев, 1893. Ч. 1. Т. 9. С. 95, 179 и др. (далее – АЮЗР).
- 13 Там же. С. 30 и др.
- 14 Духовное завещание Петра Могилы, 22 дек. 1646 г. // Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше утвержденною при Киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе. Т. 2. С. 152.
- 15 Там же. С. 172.
- 16 «...Iaki Redargutor iest Rusin, ktory Wschodniey sw. cerkwie prawa i zwyczaie depce u wiedzieć o nich nie chce...?», см.: (*Смотрицкий М.*) Obrona Verificacye. Wilno, 1621. С. 347. Ссылки по изданию: Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1. Т. 7.
- 17 *Вишенский И.* Книжица // *Вишенский И.* Сочинения. М.; Л., 1955. С. 39.
- 18 «Алит о то (о, судов Бозских неведомых!) народ полночный, который Бог по своему смотрению до того благословенного щастя хо-

- вал, народ, мовлю, Российский Господь и Бог наш Иисус Христос рачил до веры своей призвати и в церков свою святую впровадити, месце оное, з которого Римская церков з предводителми своими выпала, наполняючи, так то Бог по своему човеколюбию учинил, як и оное местце в небе, з которого ангелове для пыхи выпали, народом людским наполняет, и як на месце Жидов, от ласки Христовых отпалых, народы поганский в церков свою впровадил, так ласкою и милосердием своим Господь Бог, на месце отпалых христиан заходних, народ полночный, Российский, в церков свою вщепил». См.: *Копыстенский 3*. Палинодия, или книга обороны кафолической святой апостолской Восточной церкви // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4. Ст. 770. См. также: Бог «на церков восточную призрел, иж на месце отпадших Латинников народы Росский призвал и вщепил в святую свою церковь» (там же. Ст. 1107).
- 19 См.: Там же. Ст. 906.
- 20 «Przezacnemu starowiecznemu narodowi Ruskiemu pod posluszeństwem św. Oycy Patriarchy Konstantinopolskiego stale y nieodmienne od okrzeczenia się swojego trwającemu nadanych y poprzysiężonych». См.: *Synopsis* (1632 г.) // АЮЗР. Ч. 1. Т. 7. С. 532.
- 21 “W cerkwi ś. Wschodniej pod posluszeństwem św. Oycy Patriarchy Konstantinopolskiego nieodstępnie od okrzeczenia się swojego znajdującemu”, см.: *Supplementum Synopsis*. С. 577.
- 22 “Plochy to Rusin, Wschodniej wiary wyznawca obłędny”, см.: Там же. С. 359.
- 23 “Chytry ten zmyślony Rusin”, см.: Там же. С. 362–363.
- 24 “Otóż mamy szczyrość ku nam tego obłędnego Rusina”, см.: Там же. С. 363.
- 25 “Ten malowany Rusin”, см.: Там же. С. 364.
- 26 “O licemierny Rusine!”, см.: Там же. С. 428.
- 27 См.: *Опарина Т. А.* Иноземцы в России в XVI–XVII вв. М., 2007. Кн. 1.
- 28 Подробнее см.: *Неменский О. Б.* Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII в. (По материалам полемической литературы) // *Религиозные и этнические традиции в формировании национальной идентичности в Европе. Средние века – Новое время*. М., 2008. С. 180–197.

Nemensky O. B.
Ethno-confessional Identity in the Milieu
of Kiev Metropolitan Petr Mohila

The article explores specific features of the ethno-confessional discourse in the West-Russian Orthodox milieu in the first half of the seventeenth century. The primary attention is paid to self-representation and perception of Kiev Metropolitan of Moldavian descent Petr Mohila (1597–1647).

Keywords: *Metropolitan Petr Mohila, Western Rus', Kiev Metropolitanate, church-confessional polemics, Union of Brest, Rzecz Pospolita, Patriarchate of Constantinople, Moldavian Principality.*

Москва и гетман П. Д. Дорошенко накануне Чигиринских походов

В статье исследуются отношения между русским правительством и гетманом П.Д. Дорошенко в середине 1670-х гг. Выделены основные мероприятия русской дипломатии, предпринятые для получения контроля над Правобережной Украиной.

Ключевые слова: *дипломатия, война, казаки, гетман, Украина, Москва.*

Борьба Русского государства за Украину в XVII в. – тема, порождавшая и продолжающая порождать по сей день множество споров, противоположных мнений и противоречивых оценок. В рамках этой темы деятельность П. Д. Дорошенко и русского правительства в середине 1670-х гг. представляет красноречивый пример трудно-разрешимой проблемы, связанной с определением мотивов действий гетмана и целей политики Москвы в отношении Правобережья.

Одним из главных вопросов во внешней политике России, Речи Посполитой и Османской империи, чьи интересы сталкивались в Восточной Европе, в 1670-х гг. был вопрос о контроле над территорией Правобережной Украины. Войны Речи Посполитой и России с Османской империей испытали на прочность всю систему международных отношений в восточноевропейском регионе. В этой связи представляется важным решить вопрос о взаимоотношениях Русского государства с гетманом Правобережья П. Д. Дорошенко накануне Чигиринских походов, перед началом открытого противостояния Москвы и Стамбула в регионе, ставшем камнем преткновения между державами. Освещение этой проблемы позволяет понять внутреннюю логику развития событий на Украине во второй половине 1670-х гг.

Проблема взаимоотношений русского правительства и гетмана П. Д. Дорошенко затрагивалась историками и XIX в., и современными. В частности, одними из первых ее исследовали С. М. Соловьев и Н. И. Костомаров¹, но при всей подробности изложения документального материала вопрос о внешнеполитическом курсе русского правительства накануне Чигиринских походов оставался нерешенным. Касались этой темы и другие историки XIX в., преимущественно

но интересуясь военными действиями между Россией и Турцией, или же дипломатическими отношениями России с Речью Посполитой².

Современные российские исследователи также обращались к вопросу о политике Русского государства на Правобережье, но либо в контексте русско-турецкой войны 1672–1681 гг., либо в контексте международных отношений в восточноевропейском регионе³. Отдельного исследования вопрос не получил, оставаясь в качестве фона, на котором авторы занимались изучением своих проблем.

В украинской историографии изучением политики П. Д. Дорошенко и взаимоотношений правобережного гетмана с соседними державами занималось множество авторов⁴. Одним из первых внимательно изучать политику правобережного гетмана стал историк Д. Дорошенко. В подробной биографии гетмана⁵ он придерживался традиционных взглядов украинской историографии на действия П. Д. Дорошенко как борьбу за единую Украину, а ориентацию на Турцию как вынужденную меру, вызванную этой борьбой. Однако освещение взаимоотношений с Москвой в работе историка односторонне, внимание сосредоточено на мотивах действий гетмана, а не на направлении и осуществлении внешнеполитического курса русского правительства.

Одним из наиболее известных современных украинских исследователей, занимающихся вопросами взаимоотношений правобережных гетманов с соседними монархами, является Т. В. Чухлиб. В работе, подводившей черту под исследованиями внешнеполитических отношений украинских гетманов во второй половине XVII – начале XVIII в., автор затрагивал вопрос и о связях правобережного гетмана Дорошенко с соседними монархами⁶. Т. В. Чухлиб рассматривал гетманство Дорошенко с точки зрения его действий, их причинной связи с внешнеполитическими условиями. Исследователь пришел к выводу, что причина, по которой политика Дорошенко потерпела крах, заключалась не только в действиях монархов соседних держав, но и в том, что правобережный гетман не сумел консолидировать украинское общество, то есть казацкую старшину, «чернь» и «посполство». Все попытки Дорошенко создать независимое государство провалились еще и потому, что Речь Посполитая, Османская империя и Русское государство не собирались передавать друг другу первенство в регионе путем признания протектората над казацкой державой, а провести нужные мероприятия и соединить оба берега под своей властью самостоятельно Дорошенко не мог.

Большое значение гетманству Дорошенко и его взаимоотношениям с другими государствами придавали В. А. Смолий и В. С. Сте-

панков⁷, которые относили большую часть гетманства Дорошенко к пятому, заключительному этапу национальной революции на Украине. Они замечали, что на 1674 г. приходилось очередное обострение политической борьбы на Украине, а также усилилось вмешательство соседних держав «во внутренние дела Украины», с чем сложно не согласиться. Революционная борьба украинцев, по выражению авторов, завершилась с передачей Чигирина в 1676 г. в руки кн. Г. Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича. Взаимоотношения Дорошенко и русского правительства за год с лишним до падения Чигирина практически не рассмотрены, лишь верно замечено, что в 1675 г. положение правобережного гетмана стало безнадежным, а поток беженцев, устремлявшихся на левый берег, только усиливался с каждым днем⁸. В небольшой биографии гетмана В. А. Смолий придерживался традиционных взглядов и ничего оригинального в исследовании вопроса не внес⁹. В основательной монографии «Петр Дорошенко. Политический портрет» (2011) В. А. Смолий и В. С. Степанков также не отступили от прежней точки зрения, расценивая сдачу Чигирина русским войскам как провал попыток гетмана создать национальное государство в этнических границах и отстоять целостность и независимость казацкой Украины¹⁰.

Анализ историографии демонстрирует некоторые важные проблемы, отрывочность сведений о действиях Москвы, что делает актуальным обращение к данной теме. Главное направление нашей работы заключается в подходе к проблеме со стороны Москвы, то есть действия русского правительства рассматриваются в качестве самостоятельного внешнеполитического курса, который оперативно корректировался при получении сведений с Украины. На основе опубликованных документов, по большей части содержащихся в «Актах, относящихся к истории Южной и Западной Руси», исследуются цели, стоявшие перед русским правительством, реакция на действия правобережного гетмана и возможности мирного решения проблемы. Клубок противоречий, раздиравший всех участников событий, начал быстро влиять на ход русско-турецкой войны, привел к Чигиринским походам русской армии, поэтому политика одного из главных игроков на внешнеполитической арене в регионе – Русского государства – заслуживает специального исследования.

Турция во второй половине XVII в. обращала свое оружие против соседей и соперников, которыми являлись, помимо Русского государства, еще и Речь Посполитая, Священная Римская Империя и Венеция. Силой обстоятельств почти все противники Турции к нача-

лу 1670-х гг. были ею нейтрализованы. Напрямую Османская империя стала угрожать интересам Русского государства в конце 1660-х гг., после того, как гетман П. Д. Дорошенко перешел под покровительство турецкого султана и Турция заявила свои претензии уже на всю Украину¹¹. Можно согласиться с польским историком З. Вуйчиком, который считал, что после Андрусовского перемирия 1667 г., довершившего начавшийся распад Украины на Левобережье и Правобережье, в среде казачества вполне ожидаемо начали расти протурецкие настроения¹². Однако русское правительство не желало быть пассивным наблюдателем, а провал ряда русских дипломатических миссий, на протяжении нескольких лет отправляемых в Константинополь, окончательно предопределил дальнейшее развитие событий. На начальном этапе войны царь Алексей Михайлович стремился избежать активных действий и серьезных столкновений с крупными силами противников. Первые военные действия против турок производили «руками» запорожских и донских казаков, а русские ратники включились в войну в 1673 г. и лишь на отдаленном Азовском театре военных действий. В 1674 г. военные действия переместились на территорию Украины, но кн. Г. Г. Ромодановский был вынужден отступить от Чигирина ввиду прихода сильной турецкой армии, поддержанной многочисленными отрядами крымской конницы¹³.

В 1675–1676 гг. Русское государство сменило тактику и прилагало дипломатические усилия для того, чтобы мирным путем решить вопрос о Чигирине. Цели русской политики на Украине в середине 1670-х гг. заключались в получении контроля над Правобережьем и переходе двух сторон Днепра под власть одного гетмана, присягнувшего Москве. В этом направлении русское правительство подталкивала внешнеполитическая ситуация, оставлявшая мало пространства для маневра. Договор, заключенный в 1667 г. между Речью Посполитой и Русским государством, по сути, делил территорию Украины на две части, находившиеся под влиянием Москвы (Левобережье) и Варшавы (Правобережье). Это деление ставило крест на надеждах казачества остановить междоусобицы, восстановив на берегах Днепра власть одного человека, и оно же было главной причиной поворота Дорошенко в сторону Османской империи¹⁴. Бучачский договор 1672 г., который была вынуждена принять Речь Посполитая, сыграл решающую роль в перемене настроений русского правительства. В 1673 г. Алексей Михайлович перестал считать себя связанным Андрусовским перемирием, ведь Речь Посполитая «гетмана Дорошенко со всем посольством с городами поступила турецкому салтану».

Русское посольство во главе с кн. Н. И. Одоевским в ходе очередных переговоров близ Смоленска предупредило об этом решении польскую сторону¹⁵. Население Правобережной Украины должно было приводиться под «высокую руку» православного монарха, и русское командование на юге получило предписание начать переговоры с Дорошенко и правобережными полковниками, а в случае провала подобного решения проблемы начать военные действия¹⁶.

В середине 1670-х гг. русское правительство постепенно наращивало группировку войск на южных границах. Памятуя о прошлом походе под Чигирин в 1674 г., который не привел к желаемым результатам в первую очередь из-за малочисленности войск под командованием кн. Ромодановского, в 1675 г. в Москве решили перестраховаться и заранее организовать линию обороны, которая при необходимости могла стать резервом для наступления. В Путивль было приказано отправиться боярину и воеводе П. В. Шереметеву, его сыну стольнику Б. П. Шереметеву и окольным кн. К. О. Щербатову. С ними должны были отправиться ратные люди из числа стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов, а также головы московских стрельцов, которые были в прошлом 1674 г. на службе в Севске вместе с боярином и воеводой кн. Ю. А. Долгоруковым. Сходным воеводой самого князя Ромодановского назначался стольник И. Т. Кондырев, под началом которого были несколько рейтарских полков, смоленская шляхта и прочие ратники. Прославившийся в русско-польскую войну 1654–1667 гг. Г. И. Косагов должен был возглавить отряд калмыков и башкирцев¹⁷. В феврале из Москвы было отправлено подкрепление для Киева вместе с боярином и воеводой кн. А. А. Голицыным, который был назначен на службу в этот город¹⁸. Эти назначения на службу укрепляли южные рубежи, и, с одной стороны, давали возможность русскому командованию оперативно реагировать на угрозы со стороны турок и крымских татар, а с другой стороны, увеличивали армию кн. Ромодановского, основную силу Русского государства, имевшую возможность действовать на территории Правобережья.

Б. Н. Флоря справедливо замечал, что «1675 год стал временем агонии власти П. Дорошенко»¹⁹. Гетман Правобережной Украины быстро осознал всю опасность оказаться «между молотом и наковальней», в первую очередь между Русским государством и Османской империей. Некоторое время правобережный гетман метался между польским королем и турецким султаном, ведя переговоры о подданстве с первым и поддерживая отношения со вторым²⁰. Однако

в течение 1675 г. Дорошенко все больше убеждался в непригодности выбранного им пути. Выторговать нужные условия у поляков не удалось, а турки вполне могли обойтись и без него, ведь их привлекала вся Правобережная Украина, а для переманивания на свою сторону колеблющихся казаков годился и послушный Ю. Хмельницкий, овеянный славой своего легендарного отца. Правобережному гетману нужно было найти решение, которое позволило бы ему сохранить свою власть и некоторую самостоятельность. Дорошенко предпринял единственно возможный ход в данном положении. В октябре 1675 г. в присутствии запорожского кошевого И. Серка и атамана донских казаков Ф. Минаева он принес присягу Алексею Михайловичу и передал Серку гетманские клейноды. Дорошенко отправил письмо к Самойловичу, в котором сообщил о своем переходе «в подданство» и обязывался «с боярином его милостию со князем Григорьем Григорьевичем Ромодановским, а также и с его милостию с господином Иваном Самойловичем [...] в делех его царского пресветлого величества истинно ссылатись и со всею стороною заднепрскою смирно, братски, жити»²¹.

И. Самойлович призывал не верить ухищрениям правобережного гетмана, потому что предложения перейти под власть русского царя Дорошенко получал неоднократно от кн. Ромодановского и самого Самойловича, но всякий раз отказывался и оставался на стороне турок и крымских татар. Принятие присяги в тех условиях было отличным способом выиграть время, ведь союзники Дорошенко, крымские татары и турки, ушли с Украины для зимовки, а переждав зиму, с началом весны и тем паче лета можно было продолжить борьбу за Украину²². Истинные причины принятия присяги понимали и в Москве. Алексей Михайлович весьма скептически отнесся к этому действу, заметив, что на принятие присяги никто не уполномочивал ни Серка, ни Минаева. Дорошенко было предложено лично от царя приехать и «целовать крест» в присутствии князя Ромодановского и гетмана Самойловича. Взамен ему гарантировалось прощение всех вин и преступлений, совершенных им. В противном случае, как предупреждала царская грамота Дорошенко, он будет рассматриваться в качестве врага, несмотря на все свои присяги Серку и Минаеву, и «промысел» над ним будет «чиниться» без всякого снисхождения²³. Дорошенко, опасаясь сам ехать с повинной, в самом конце 1675 г. в качестве компромиссной меры отправил своего посланника, чигиринского атамана Ивана Сенкевича, к самому царю Алексею Михайловичу, в Москву, приказав атаману попутно побывать

у Самойловича и у князя Ромодановского. Дорошенко был согласен отправиться в Москву, если на то будет прямое указание царя, но лишь при гарантии безопасности²⁴. Это условие позволяло правобережному гетману тянуть время, ссылаясь на опасения за свою жизнь в случае, если он решится отправиться в Москву.

В 1676 г. должна была наступить развязка затянувшейся истории – русское правительство рассчитывало перейти к активным действиям на юге. В декабре 1675 г. собранная по этому поводу Боярская Дума рассмотрела план действий на следующий год. Действия русских войск становились более масштабными и перемещались на территорию Крыма. Кн. Ромодановский и гетман Самойлович должны были идти на Крым от Днепра, со всеми своими ратными силами, а территорию Украины занимали войска кн. В. В. Голицына. Русская армия собиралась в Белгороде, а казаки Самойловича в Батурине, после чего двум армиям следовало соединиться у р. Мерли и уже вместе идти на Крым. Выступить планировалось как можно раньше, «как поспеет конской корм». Кн. Ромодановский запрашивал Москву о подкреплении, различных военных «припасах», просил усилить «наряд», то есть артиллерию, в том числе и стенобитными орудиями, ведь впереди ждали крепостные стены Перекопа²⁵. Одновременно наступление от Днепра должны были поддержать с Дона войска кн. П. И. Хованского и запорожцы И. Серко²⁶. Необходимость наступления была еще продиктована и настоятельными просьбами Варшавы, требующей помочь ей в борьбе²⁷. С другой стороны, русское правительство не желало быть ведомым в русско-польском тандеме и не только не собиралось соединять свои войска с польскими, но и сдвинуло акценты сотрудничества. Поход на Крым был не вспомогательной акцией, но основным натиском, польско-литовская армия же должна была сдерживать турецкие силы на Дунае²⁸.

Порой во внешнюю политику властно вторгаются сторонние обстоятельства. В ночь с 29 на 30 января 1676 г. Тишайший царь Алексей Михайлович скоропостижно скончался, оставив царство сыну, Федору Алексеевичу. В первые же месяцы правления молодого царя активизировалось решение вопроса с Чигирином. В начале февраля из Москвы на Правобережье был отправлен с грамотой и «милостивым словом» стольник М. И. Деремонтов²⁹. Параллельно с этим решено было начать подготовку армии для летнего похода. В 1676 г. русская армия под командованием боярина и воеводы кн. Ромодановского собиралась в Курске, причем для усиления армии были приданы два Московских выборных полка солдатского строя,

которые обычно при походе должны были расписываться в Государев полк, что свидетельствовало о серьезности намерений России³⁰. Конечно, анализируя планы русского правительства в отношении Правобережной Украины, нужно учитывать и соперничество Самойловича и Дорошенка. Самойлович полагал, что взаимоотношения Москвы с Чигирином перешли границы допустимого, и дальнейшие уговоры правобережного гетмана без применения военной силы воспринимались им как унижение. Возможно, Самойлович мог опасаться Дорошенка как соперника, борющегося за булаву гетмана обоих берегов Днепра, поэтому решил на отчаянные меры, задержав без разрешения царских посланников к Дорошенку. Однако Москва молча санкционировала действия Самойловича³¹ – очевидно, что из двух гетманов, Самойловича и Дорошенка, русское правительство однозначно выбрало первого, отдавая должное его верности и отсутствию «шатости», что было важнейшим достоинством. Доверие гетману Самойловичу со стороны русского правительства распространялось очень широко. В марте 1676 г. кн. Ромодановский получил царский указ, в котором воеводе предписывали, в случае просьб о помощи ратными людьми со стороны Самойловича, выполнять их «безо всякого мотчанья, не описываясь о том к нам великому государю»³².

В Москве отчетливо осознавали, что невозможно давать руководящие указания, находясь за сотни верст от места событий, когда все менялось день ото дня с огромной скоростью и новости поступали из различных источников самые разнообразные. В начале апреля 1676 г. царем Федором Алексеевичем было принято весьма мудрое решение – все сношения и действия относительно Дорошенка поручались князю Ромодановскому и гетману Самойловичу, чтобы они, совещаясь между собой, определяли, насколько слова правобережного гетмана соответствовали истине и что в отношении него предпринять³³. Вскоре и недоверие, с которым относился Самойлович ко всем заявлениям Дорошенка, получило весомое подтверждение незадолго до начала военных действий под Чигирином – стало известно, что правобережный гетман поддерживал отношения с турками и даже передал те самые царские грамоты, что посылались ему из Москвы³⁴. Это было уже оскорбление царской власти. 19 июля из Москвы Дорошенку было отправлено последнее предупреждение, грамота с требованием подчиниться царской воле, принести присягу на левом берегу Днепра в присутствии князя Ромодановского и Самойловича и сдать все оставшиеся знаки

гетманского достоинства. В противном случае Дорошенко грозило нашествие царских войск и левобережных казаков³⁵. Одновременно с посылкой этой грамоты, в тот же день, 19 июля, из Москвы были отправлены грамоты к князю Ромодановскому и Самойловичу. Им приказывалось, в случае отказа Дорошенко принять царские условия и покинуть Чигирин, перейти со своими войсками Днепр и «над Дорошенком чинит промысл»³⁶. По сути, это было приказом начинать поход под Чигирин, потому что Дорошенко, естественно, не собирался сдаваться добровольно и Правобережье сам не покинул, все еще надеясь на помощь турок. Дальнейшие события развивались в предполагаемом русле – началось движение русских войск и казаков Самойловича в сторону Чигирина.

Анализ политики русского правительства в конце 1674 – начале 1676 г. свидетельствует о гибкости и осторожности внешнеполитического курса. В Москве стремились принимать во внимание не только колебания П. Д. Дорошенко и правобережных жителей, но и действия соседних держав, соперничавших друг с другом. После наступления на Чигирин в 1674 г. русское правительство перешло к осторожным мерам, направленным на получение контроля над Правобережьем. Отношения с Дорошенко ограничивались увещаниями о переходе в подданство, переходе по правилам русской стороны, т. е. в присутствии кн. Г. Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича. Москва была вынуждена иметь в виду необходимость действий вместе с поляками и опасность турецко-татарского нашествия на Левобережье. Однако смерть царя Алексея Михайловича приблизила решительные действия. Царь Федор Алексеевич решил демонстративно довериться мнению гетмана Самойловича, оставив без внимания его препоны царским посланникам в Чигирин и отдав приказ кн. Ромодановскому предоставлять военную помощь по первому требованию гетмана. Заключительным шагом перед военными действиями на Правобережье стала передача всех отношений с Дорошенко в руки кн. Ромодановского и Самойловича, что позволило быстрее реагировать на новые сведения. Пассивность турок и татар позволила русской армии перейти к прямому вторжению под Чигирин, в результате которого Дорошенко лишился власти, а «ключ к Правобережью» перешел в руки Русского государства. Р. С. Кривоченков справедливо замечал, что дальнейшее «развитие событий в Малороссийском крае [...] было определено сдачей Чигирина русской стороне»³⁷. Господство оборонительной стратегии, выражавшейся в стремлении защитить в первую очередь Левобережье, прошло, получение же Чигирина

заставило русскую армию перейти к наступательным действиям. В следующем 1677 г. начались Чигиринские походы, сигнализовавшие о начале длительной борьбы России на южных рубежах против Османской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Костомаров Н. И.* Руина. Мазепа. Мазепинцы. М., 1995; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. III. Т. 13 (2-е изд.).
- 2 *Косиненко Н. И.* Первая русско-турецкая семилетняя война. Чигиринские походы 1677–1678 годов. СПб., 1911; *Попов А. Н.* Русское посольство в Польше в 1673–1677 годах. СПб., 1854.
- 3 *Богданов А. П.* В тени Великого Петра. М., 1998; *Он же.* Неизвестная война царя Федора Алексеевича // Военно-исторический журнал. 1997. № 6. С. 61–71; *Кривоченко Р. С.* Развитие русского военного дела в конце 60-х – начале 80-х гг. XVII в. (на примере русско-турецкой войны 1672–1681 гг.) (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук). М., 2010; *Ходырева Г. В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией в 1666–1681 гг. (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук). М., 2001; *Флоря Б. Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 108–148.
- 4 *Апанович О. М.* Запорозька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії 50–70-і роки XVII ст. Київ, 1961; *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985; *Заруба В. Н.* Украинское казачье войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993; *Смолий В. А.* Петро Дорошенко // Історія України в особах: Козаччина. Київ, 2000. С. 117–130; *Смолий В. А., Степанков В. С.* Петро Дорошенко. Політичний портрет. Київ, 2011; *Смолий В. А., Степанков В. С.* Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.). Київ, 2009; *Чухліб Т. В.* Гетьмани і монархи. Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр. Київ, 2005 (2-е изд.); *Он же.* Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663–1713). Київ, 2004; *Он же.* Гетьманування Петра Дорошенка – причини «вірності» та «зради» королю, султану й царю

- (1665–1676 pp.) // Український історичний журнал. 2007. № 1. С. 39–61; *Он же*. Україна та Польща під час правління короля Яна III Собеського – пошуки втраченого миру // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 38–52; *Он же*. «Цисар турецький дозволяє козацькому війську та його державі плавати по чорному морю...»: політичні відносини українських гетьманів з султаном Мегмедом IV Авджи // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Київ, 2010. Вип. 9–10. С. 93–135.
- 5 *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко...
  - 6 *Чухліб Т. В.* Гетьмани і монархи...
  - 7 *Смолій В. А., Степанков В. С.* Українська національна революція...
  - 8 Там же. С. 40, 351–352.
  - 9 *Смолій В. А.* Петро Дорошенко... С. 117–130.
  - 10 *Смолій В. А., Степанков В. С.* Петро Дорошенко... С. 604.
  - 11 *Флоря Б. Н.* Начало открытой османской экспансии в Восточной Европе (1667–1671 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. С. 92.
  - 12 *Wójcik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674–1679: Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław, 1976. S. 10.
  - 13 *Каргалов В. В.* Полководцы. XVII в. М., 1990. С. 356.
  - 14 *Чухліб Т. В.* Гетьманування Петра Дорошенка... С. 43.
  - 15 *Ходырева Г. В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией... С. 118.
  - 16 *Флоря Б. Н.* Войны Османской империи... С. 113–114.
  - 17 Архив Юго-Западной России (далее – АЮЗР). СПб., 1882. Т. 12. № 51. Стб. 156–158.
  - 18 Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского величества канцелярии. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 1224, 1237.
  - 19 Дворцовые разряды... С. 124.
  - 20 О переговорах П. Д. Дорошенко с польским королем см.: *Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко... С. 531–535. О поддерживаемых отношениях с турецким султаном см.: *Чухліб Т. В.* Гетьманування Петра Дорошенка... С. 55–56.
  - 21 АЮЗР. Т. 12. № 94 (1). Стб. 275.
  - 22 Там же. № 93. Стб. 271–272.
  - 23 Там же. № 112. Стб. 335–337.
  - 24 Там же. № 124. Стб. 376.
  - 25 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 1. № 614. С. 1016–1019.

- 26 *Попов А. Н.* Русское посольство... С. 148–149.
- 27 *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1897. Ч. 3. С. 148–149.
- 28 *Попов А. Н.* Русское посольство... С. 148.
- 29 АЮЗР. Т. 12. № 143. Стб. 485.
- 30 *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677–1678 годах // *Гордон П.* Дневник 1677–1678 / Пер. с англ., статья и прим. Д. Г. Федосова. М., 2005. С. 189.
- 31 АЮЗР. Т. 12. № 148. Стб. 504; № 161. Стб. 567–568; *Костомаров Н. И.* Руина... С. 296.
- 32 АЮЗР. Т. 12. № 157. Стб. 560.
- 33 Там же. № 168. Стб. 610–614.
- 34 Там же. № 184 (2). Стб. 664–665.
- 35 Там же. № 190. Стб. 687–696.
- 36 Там же. № 189. Стб. 682–687.
- 37 *Кривоченков Р. С.* Развитие русского военного дела... С. 103–104.

Rogozhin A. A.
Moscow and Hetman Petr Doroshenko
on the Eve of the Chyhyryn Campaigns

The article investigates relations between the Russian government and Hetman Petr Doroshenko in the middle of the 1670s. It stresses the efforts of the Russian diplomacy to gain control over the Right-Bank Ukraine.

Keywords: *diplomacy, war, Cossacks, Hetman, Ukraine, Moscow.*

Франц К. Иоганн Рихтер (1783–1856)
(реконструкция творческого наследия)

Статья посвящена ныне незаслуженно забытому историку и педагогу Францу Ксавьеру Иоганну Рихтеру, его вкладу в развитие культур славянских народов монархии Габсбургов, отражению его многогранной публицистической деятельности в венской периодической печати.

Ключевые слова: *Франц Ксавьер Иоганн Рихтер, славяноведение, периодика.*

Биография. О жизненном пути Франца Ксавьера Иоганна Рихтера (1783–1856) можно, в первую очередь, прочитать в «Австрийском биографическом лексиконе»¹. Священник, историк, педагог и библиотекарь, он родился в австрийской Силезии, в городе Хоценплиц (Особлага*), и умер в 1856 г. в Вене. Важнейшими «остановками» на его пути были Ольмюц (Оломоуц), где он в 1806 г. был рукоположен в священники; с 1808 г. – Брюнн (Брно), где он преподавал в гимназии историю и географию, с 1816 г. – Лайбах (Любляна), куда его перевели профессором всеобщей истории в местном лицее. Некоторые из его учеников снискали известность²: словенские поэты Франце Прешерн (1800–1849), Йован Весел-Косески (1798–1884), Матия Чоп (1797–1835), епископы Иреней Фридерик Барага (1797–1868), Антоний Мартин Сломшек (1800–1862) и Андреас Голльмайер (1797–1883). В 1824 г. ученый вернулся в Ольмюц, в том числе по личным причинам: ему предстояло ухаживать за разбитой подагрой матерью. Об этом обстоятельстве сообщает в биографическом очерке Констант Вурцбах³. Там Рихтер поступил библиотекарем в Ольмюцкий лицей и исполнял эти обязанности вплоть до 1844 г. Затем он распрощался с городом, «унося в душе горечь от хулы своих многочисленных недругов», как туманно выразился Вурцбах, и переехал в имперскую столицу. Куда милее была ему Крайна – провинция, которую он любил и где мечтал провести остаток дней, но дальний

* Здесь и далее названия городов на территории Австрийской империи даются в соответствии с их официальным (немецким) названием, принятым при жизни Ф. К. Й. Рихтера. Современные названия приводятся в скобках. – *Прим. перев.*

путь был ему, обремененному телесными недугами, противопоказан⁴. В Вене ему было отмеряно еще 10 лет жизни.

Жизнь после смерти. Память о Рихтере, как следует из его краткой биографии, должны были сохранить многие культуры. В самом деле, статья о Франце К. Иоганне Рихтере встречается в «Австрийском биографическом лексиконе», который стал продолжением труда К. Вурцбаха, стремившегося объять Габсбургскую монархию во всем ее многообразии⁵. Во «Всеобщей немецкой биографии» Францу Ксавьеру Иосифу (так!) Рихтеру посвящена статья, написанная хранителем библиотеки Грацкого университета Антоном Шлоссаром (1849–1942), который, кстати, тоже был родом из австрийской Силезии – из Тороппау (Опавы)⁶. В словарной статье есть указание на то, что Рихтер принимал участие в конкурсе работ по истории и географии Внутренней Австрии в Средние века, объявленном эрцгерцогом Иоганном в 1812 г., чем сделал серьезную заявку на право именоваться историком⁷. При этом многочисленные работы Рихтера по истории Крайны, в том числе опубликованные в журналах⁸ Йозефа Хормайра (1782–1848), сегодня, можно сказать, совершенно забыты⁹.

Как это ни печально, в исторической памяти чехов тоже не нашлось места для Рихтера. В классической работе «История чешской и словацкой историографии» Ф. Кутнара и Й. Марека, вышедшей в свет в 1997 и переизданной в 2009 г., о Рихтере пишут мимоходом, с ошибками в имени и датах жизни: «Вслед за литературой, немецкая историческая наука с успехом принялась за историю церкви и права. В числе первых местных историков историей Ольмюцкого епископства занялся Йозеф Рихтер (1783–1871), к которому затем присоединился сведущий в архивах каноник собора св. Вита в Праге Антон Фринд (1823–1881)»¹⁰.

Как такое стало возможным? В «Научном словаре Отто» Францу К. Йозефу (так!) Рихтеру приписаны не только неправильное имя, но и ошибочные место и год смерти: «умер 29 сентября 1871 г. в Кунштате»¹¹. Приговор, вынесенный после поверхностного рассмотрения научной деятельности Рихтера, звучит: «Его работы, в особенности те, что посвящены ранней истории Моравии, на сегодняшний день не имеют никакой ценности»¹². Если опустить третье имя (Иоганн), у Рихтера обнаруживается тезка – Франц Ксавьер Рихтер (1709–1789) из Голешовиц, моравский композитор¹³, который также известен во Франции как Франсуа Ксавье Рихтер¹⁴, где сделал успешную карьеру. Он умер в Страсбурге и известен как представитель

так называемой «Мангеймской школы». Вне всяких сомнений, этот композитор и наш историк попали, образно говоря, в один котел. В чешском генеральном каталоге под именем Франтишек Ксавьер Рихтер (1709–1789) обнаруживается смесь композитора и писателя¹⁵.

Самостоятельные работы. Если в этом каталоге искать нашего героя как Франтишека Ксавьера Рихтера (František Xaver Richter), появляются следующие работы:

– 1816 г. – памятная речь о моравских патронах Кирилле и Мефодии на чешском и немецком языке¹⁶;

– 1825 г. – письменное обращение к ольмюцскому князю-архиепископу эрцгерцогу Рудольфу¹⁷;

– 1828 г. – «Наставление в Библии для родителей и воспитателей»¹⁸;

– 1831 г. – «Древнейшие оригинальные грамоты ольмюцской архиепископской церкви в литографиях, удостоверенные Францем Ксавьером Рихтером»¹⁹;

– 1831 г. – «Список ольмюцских епископов, каковой сверил, дополнил и снабдил историко-хронологическими примечаниями Ф. К. Рихтер»²⁰.

Если задать имя автора на немецкий манер (Franz Xaver Richter), добавляется еще несколько работ, в том числе сочинение «Кирилл и Мефодий – славянские апостолы и святые патроны Моравии»²¹. Применяя поисковую систему, можно обнаружить перевод этой брошюры на чешский язык, выполненный в 1829 г.²² и ныне хранящийся в Научной библиотеке Оломоуца. В «Архиве» Хормайра этому сочинению посвящена рецензия и приводится последовавшая затем дискуссия²³. Йозеф Добровский (1753–1829) в статье для пражского журнала «Museumszeitschrift» («Музейный журнал») выступил с критикой этой работы²⁴. Уже в 1811 г. в венском журнале «Annalen der Literatur und Kunst in dem Oesterreichischen Kaiserthum» («Анналы литературы и искусства в Австрийской империи») подборка стихов Рихтера «Poetische Versuche» («Поэтические опыты») удостоилась рецензии, хотя и негативной²⁵. В частности, там говорилось: «Апогеем этой весьма неудачной антологии является стихотворение «Ярослав из Штернберка»²⁶. «Антикритика» со стороны Рихтера в адрес рецензента последовала в 1812 г. в приложении к «Анналам»²⁷.

Рихтер и венская пресса предмартовского периода. *Биографические данные из первоисточников.* В 1813 г. имя Рихтера упомина-

нается в «Хронике учебных заведений в Австрийской империи», опубликованной в «Vaterländische Blätter» («Патриотической газете»): «Франц Рихтер, профессор географии и истории Брюннской гимназии, получил дозволение читать бесплатные лекции по общей педагогике в соответствии с учебником²⁸ Винцеца Эдуарда Мильде»²⁹. Карьера автора этого пособия весьма примечательна: он родился в 1777 г. в Брно, изучал философию в Вене, затем математику и физику в Ольмюце. В 1794 г. Мильде поступил в духовную семинарию в Вене, в 1806 г. был принят на вновь созданную кафедру педагогики Венского университета. В 1823 г., после отставки лейтмерицкого (литомержицкого) епископа Йозефа Франтишека Гурдалека (1747–1833), В. Э. Мильде стал его преемником, а в 1831 г. был назначен архиепископом Вены. Вурцбах, посвятивший иерарху биографический очерк в агиографическом жанре, заметил, что это событие вызвало немалую шумиху, ибо его предшественниками в Вене, возведенной в 1723 г. в ранг архиепископства, были «сплошь отпрыски первых дворянских родов монархии» – графы Колонич, Траутсон, Мигацци, Гогенварт и Фирмиан³⁰. Отправной точкой в карьере Мильде стала, однако, научная работа, та самая, на которую, как говорилось выше, опирался в своих лекциях Рихтер, – «Учебник общей педагогики»³¹. Не исключено, что Рихтера связывали с будущим венским архиепископом узы дружбы, что могло пригодиться в будущей карьере.

С 1817 г. Рихтер, публикуя свои исторические сочинения в «Архиве» Хормайра, присоединял к имени звание «профессор всеобщей истории» и называл местом написания текста Лайбах. В 1818 г. последовало объявление, что после кончины «гениального Штадельмана»³² Рихтер взял на себя редактирование «Laibacher Wochenblatt» («Лайбахского еженедельника») – литературного приложения к политической «Laibacher Zeitung» («Лайбахской газете»)³³.

С 1825 г. он подписывался как «библиотекарь Рихтер» («Bibliothekar Richter»), иногда как «имп.-кор. библиотекарь в Ольмюце» («k.k. Bibliothekar in Olmütz»). В Вене, куда ему вскоре предстояло переехать, труды Рихтера оценили по достоинству. В 1842 г., в день, когда ему исполнилось 59 лет, в «Wiener Theaterzeitung» («Венской театральной газете») появилась памятная заметка: «18 августа 1783 г. в Хоценплице в австрийской Силезии родился священник, имп.-кор. библиотекарь Ольмюцкого университета, писатель Франц Ксав. Рихтер. Он добился заметных успехов в области изучения отечественной истории, его труды частично опубликованы в газетах и исторических карманных брошюрах. Некоторое время он был ре-

дактором «Laibacher oder illyrischer Wochenblatt» («Лайбахского, или иллирского еженедельника»)³⁴.

В 1847 г. та же «Theaterzeitung» опубликовала заметку о его текущих научных изысканиях³⁵.

Исторические и топографические статьи в венских газетах. Последние десять лет жизни Рихтер провел в Вене. Его многочисленные публикации в венской периодической печати до сих пор были репортажами: из Брюнна, из Ольмюца или из Лайбаха. Редакторы венских газет должны были высоко ценить его компетентность и профессионализм, если столь долгое время регулярно публиковали его корреспонденции. Подвергались ли его статьи цензуре, установить не представляется возможным.

Публикации брюннского периода (до 1816 г.). Живя в Брно, он как преподаватель тамошней гимназии обращался преимущественно к моравским сюжетам: за генеалогическим очерком 1815 г. о старинном моравском роде Жеротинов³⁶ в том же году последовала публикация источников по истории XVII в.³⁷, статья о Моравии под властью императора Фердинанда II Габсбурга (1619–1632)³⁸ и популярно-исторический очерк о Козьме Пражском (ок. 1045–1125), озаглавленный: «Князь Бжетислав, повелитель Моравии и законодатель, в 1039 г. на могиле св. Адальберта в Гнездно»³⁹. В 1816 г. ученый опубликовал «Предисловие» к работе «Кирилл и Мефодий – славянские апостолы и святые покровители Моравии». В нем речь шла о подготовленной к печати рукописи, которая, как говорилось выше, вышла в свет в 1825 г.⁴⁰ В том же году «Архив»⁴¹ Хормайра предоставил свои страницы для исторического сочинения о Бруно Шауэнбурге (ок. 1205–1281) – оломоуцском епископе и советнике чешского короля Отакара II Пржемысла (1253–1278), а также исторического трактата «Гуситы в Моравии, 1421–1438»⁴². Основным источником для данной работы называется сочинение «Mars Moravicus» («Моравский Марс») Томаша Яна Пешина из Чехорода (1629–1680).

Публикации лайбахского периода (1816–1824 гг.). В эти годы сочинения Рихтера посвящены истории Крайны. Он пишет об историческом наследии этой провинции⁴³, церковной визитации патриарха Франциска Барбаруса в Аквилею⁴⁴. В 1818 г. «Архив» Хормайра опубликовал текст речи, сочиненной Рихтером по случаю посещения Лайбаха императором Францем I (1792–1835)⁴⁵. Затем последовали репортажи об археологических находках, относящихся к римскому периоду, в Лайбахе⁴⁶. В 1819 г. он написал некрологи о поэте Валентине Воднике (1758–1819)⁴⁷ – видном представителе словенского на-

ционального Возрождения, а также о меценате Сигизмунде (Жиге) Цойсе бароне фон Эдельштайне (1747–1819)⁴⁸ – не менее важной фигуре в словенской истории культуры. Темами статей Рихтера для венских периодических изданий становились первая в Крайне печатная книга⁴⁹, красоты природных ландшафтов края, например г. Блед (в немецкой традиции Фельдес)⁵⁰, или, в 1821 г., генеалогический очерк о краинской ветви рода Ауэрспергов⁵¹.

Публикации оломоуцкого периода (1824–1844). Начало службы библиотекарем в Ольмюцком лицее ознаменовалось для Рихтера выходом в свет годами лежавшей «в долгом ящике» книги «Кирилл и Мефодий – славянские апостолы и святые патроны Моравии», которую опубликовал местный издатель Алоиз Скарницл. Но и на новом месте краинские материалы продолжали служить темами для новых публикаций, более того, характер этих работ с годами становился научно все более зрелым. В 1829 г. на страницах премника хормайрского «Архива» появилось обширное исследование «Сочинение по истории Лайбаха, столицы Крайны, уважительно посвященное тамошнему имп.-кор. Аграрному обществу одним из его членов, ольмюцским университетским библиотекарем Рихтером»⁵². В 1830 г. последовала новая работа об Ауэрспергах «Князья и графы фон Ауэрсперг (на основании ранее совершенно не известных источников, с особым вниманием к истории Крайны и с использованием документов из семейного архива)»⁵³. Новым предметом исследования для Рихтера стал Фриуль. В 1825 г. он опубликовал в «Архиве» Хормайра исторический очерк «Фриуль под властью лангобардов»⁵⁴. По поводу одной статьи Рихтера о «Люксембургах во Фриуле», которая вышла в 1827 г. в «Карманной книжке по истории Моравии и Силезии» Грегора Вольны, Добровский опубликовал в «Архиве» Хормайра статью «Несколько слов об одном доброжелательном или злонамеренном замечании господина библиотекаря Рихтера из Ольмюца»⁵⁵.

Статьи венского периода (начиная с 1844 г.). Автор статьи о Рихтере в «Австрийском биографическом лексиконе» пишет, что разногласия с Хормайром привели к окончанию сотрудничества с «Архивом» его многолетнего автора. Так или иначе, вскоре Рихтер получил возможность публиковаться в «Oesterreichisches Archiv für Geschichte und Staatenkunde» («Австрийском архиве по истории и государствоведению»), редактором и соиздателем которого был Иоганн Вильгельм Ридлер (1772–1834) – историк, библиотекарь библиотеки Венского университета, уроженец Лейтмерица. С ним наш

герой вступил в полемику по поводу истории моравской литературы в XVIII в. Согласно «Австрийскому биографическому словарю», Рихтер после выхода на пенсию полностью посвятил себя созданию трудов религиозного содержания. Это справедливо лишь отчасти: в 1840-е гг. он также написал немало рецензий на значительные публикации. В 1845 г. Рихтер вернулся к педагогической деятельности, а также подготовил целый ряд рецензий на работы иностранных авторов и иностранных путешественников, писавших о системе образования в Австрийской империи⁵⁶. В 1847 г. в авторитетном издании «*Jahrbücher der Literatur*» («Литературный ежегодник») из-под пера Рихтера вышла рецензия⁵⁷ на книгу Э. Куника «Призвание варягов финнами и славянами»⁵⁸. Вурцбах в очерке о Рихтере отмечает, что после него остались неопубликованными следующие рукописи: «Всемирная история», «Нумизматика и геральдика в преподавании», «История могущественной империи», «Источниковедческое исследование о макроманах и квадах», «Дунайская хроника», «География Моравии». Перед смертью Рихтер отправил тогдашнему редактору «*Laibacher Zeitung*» Винценцу Клуну⁵⁹ следующие свои работы: «Собрание источников по истории графов фон Ауэсперг», «Собрание источников по истории иезуитского коллегиума в Лайбахе», «Материалы по топографии северной Иллирии», «Подборка документов по истории Реформации во Внутренней Австрии». Что стало с этими рукописями, биографам Рихтера не известно⁶⁰.

Заслуги Ф. К. Й. Рихтера. Перечисленные выше статьи для венских периодических изданий составляют лишь часть публицистического наследия Рихтера. Он издавался и в других местах, был, например, членом Краинского исторического общества и почетным членом Каринтийского исторического общества⁶¹. Вурцбах приводит внушительный список работ автора, но на самом деле их гораздо больше⁶². Рихтер внес весомый вклад не только в изучение истории Моравии и Краины. Журналистской деятельностью он вызывал интерес к предметам своих статей не только у местной неравнодушной публики, но и у читательского сообщества в политическом центре Австрийской империи. Он пробуждал в соотечественниках местный патриотизм, к которому меттерниховская цензура относилась снисходительно, пока тот не противоречил «великодержавному» нарративу. Путь, по которому пошел Рихтер, – публиковать результаты научных изысканий в популярных периодических изданиях – был позднее в XIX в. отвергнут ученым

сообществом, ибо профессионализация исторической науки вела к возникновению специализированных журналов и пренебрежительно-снисходительному отношению к междисциплинарным периодическим изданиям первой половины столетия. Социальный профиль библиотекаря из придворных и университетских библиотек также существенно изменился на протяжении XIX в. В высших учебных заведениях Габсбургской монархии в первой половине столетия эти должности нередко занимали ученые, которые вносили весомый вклад в развитие славянских культур, не в последнюю очередь своими собственными изысканиями и приобретением книг. Для своего времени они были лояльными, «патриотичными» подданными, и Франц Ксавьер Иоганн Рихтер принадлежал к этой категории. Он был лояльным подданным уже потому, что принадлежал к католической церкви.

Некоторые выводы. Неизбежно встает вопрос о значении научных изысканий Рихтера в области историографии. Служат ли негативные отзывы и возражения историков достаточным основанием для того, чтобы предать имя того или иного ученого забвению? Как случилось, что в 1844 г. Рихтер покинул Оломоуц, «унося в душе горечь от хулы своих многочисленных недругов» – что прямо указывает на разногласия внутри цеха ученых? В настоящее время дать ответ на этот вопрос не представляется возможным. Прояснение мотивов, которыми руководствовался Рихтер, потребует дальнейшей кропотливой архивной работы. В лучшем случае, его имя сегодня всплывает в литературе о Добровском, сочинение которого «Кирилл и Мефодий – славянские апостолы. Историко-критический опыт»⁶³ вышло в свет в 1823 г. и ставило Рихтеру в заслугу изучение истории Кирилла и Мефодия.

То, что Рихтера включили в «Австрийский биографический лексикон», объясняется лишь тем, что проект служит продолжением «Лексикона» Вурцбаха. В современном понимании термин «австрийский» более не относится к исторической Австрии, но ограничивается Австрийской республикой как одним из государств-наследников прекратившей свое существование после Первой мировой войны Австро-Венгерской монархии. Исследовательские сюжеты, над которыми работал Рихтер, относятся к территориям (Моравия, Крайна), которые в состав Австрийской республики не входят.

Поскольку Рихтер был ученым, который называл «отечеством» Австрийскую империю в целом и писал на немецком языке, он по

понятным причинам оказался исключен из чешского национального нарратива, пришедшего на смену нарративу «великодержавному».

Может быть, причина кроется в языковом барьере, о чем нередко предпочитают не вспоминать? В первой половине XIX в. результаты исследований о славянских народах и культурах публиковались, прежде всего, по-немецки, чем, пожалуй, и можно объяснить, почему некогда единое коммуникационное пространство ныне погрузилось в научную амнезию.

Перевод с немецкого О. В. Хавановой

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Rybář M.* Richter Franz X. Johann // Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950 (далее – ÖBL). 1985. Bd. 9. S. 125.
- 2 Ibidem.
- 3 Richter F. X. J. // *Wurzbach C.* Lexikon des Kaisertums Österreich (далее – Lexikon). Wien, 1874. Bd. 26. S. 46.
- 4 Ibidem.
- 5 ÖBL. Bd. 9. S. 125.
- 6 *Schlossar A.* Franz Xaver Joseph Richter // Allgemeine deutsche Biographie. 1889. Bd. 28. S. 457–458.
- 7 Данные были обобщены в сочинении: *Richter F. X. J.* Beyträge zur Lösung der Preisfrage des Durchlauchtigsten Erzherzogs Johann, über Innerösterreichs Geschichte und Geographie im Mittelalter, insonderheit der windischen Mark. Wien, 1819.
- 8 Й. Хормайр с 1810 по 1823 г. издавал журнал «Archiv für Geographie, Historie, Staats- und Kriegskunde» («Архив географии, истории, государствоведения и военной науки»), а с 1823–1828 гг. тот же журнал под названием «Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst» («Архив по истории, статистике, литературе и искусству»).
- 9 Например, Иоахим Хёслер не ссылается на них в своей монографии и лишь дважды мельком упоминает имя самого Рихтера. Ср.: *Höslner J.* Von Krain zu Slowenien: die Anfänge der nationalen Differenzierungsprozesse in Krain und der Untersteiermark von der Aufklärung bis zur Revolution 1768 bis 1848. München, 2006. S. 96 (прим. 76).
- 10 *Kutnar F., Marek J.* Přehledné dějiny českého a slovenského dějepiscetví. Od počátků národní kulturi až do sklonku třicátých let 20. století. Praha, 2009. S. 357. Прочитируем оригинал: «Vedle literatury se ně-

- mecké dějepisectví s úspěchem věnovalo historii církevní a právní. Ke staršímu místnímu badateli o dějinách olomouckého biskupství **Josefu Richtrovi** (1783–1871) přistoupil archiválně poučený metropolitní kanovník u sv. Víta v Praze **Anton Frind** (1823–1881)».
- 11 Ottův slovník naučný. 1904. Bd. 21. S. 743.
  - 12 Ibid. В оригинале: «Spisy jeho, zejména ty, které se zabývají starší dobou dějin moravských, nemají dnes arci ceny».
  - 13 Ottův slovník naučný. Bd. 21. S. 740–741. Cp. также: <http://archive.org/stream/ottvslovnknauni35ottogoog#page/n808/mode/2up> (28.05.2013).
  - 14 http://en.wikipedia.org/wiki/Franz_Xaver_Richter (28.05.2013).
  - 15 Электронный каталог Австрийской национальной библиотеки генерирует для понятия «Franz Xaver Johann Richter» смесь из 62 результатов, где к искомому ученому относятся только первые два. См.: http://aleph.nkp.cz/F/K2JH4UKIIUAA3V5PIPDGP2PC9RFXQ4KVEVX127DFQV6A7SKXJM-63974?func=file&file_name=find-b&local_base=SKC (28.V.2013). Cp.: http://search.obvsg.at/primolibrary/libweb/action/search.do?dscent=0&vl%281UI0%29=contains&frbg=&scp.scps=scope%3A%28%22ONB%22%29&tab=default_tab&dstmp=1369839145196&srt=rank&ct=search&mode=Basic&dum=true&tb=t&indx=1&vl%28freeText%29=Franz+Xaver+Johann+Richter&v (28.05.2013).
  - 16 *Richter F. X.* Cyrillus a Methodius: řeč k slavnosti pamětnj dědiců země moravské, držená w farnjm chrámě Páně u sw. Jakuba w Brně dne 9. března 1816 od Franze Xavera Richtera / Ščesstěná od gednoho kněze z pobožných sskol [= D.F. Kynský. – G. M.-K.]. Brno, 1816; *Idem.* Cyrill und Method: Eine Rede zur Gedächtnissfeyer der mährischen Landespatronen: vorgetragen am 9ten März 1816 zu Brünn in der Pfarrkirche zum h. Jakob. Brünn, 1816.
  - 17 *Idem.* An den achten Januar Sr. kais. kön. Hoheit und Eminenz, dem Durchlauchtigsten Erzherzoge Rudolph, der heiligen R. K. Cardinal-Priester, Fürst-Erzbischofe von Olmütz. Olmütz, 1825.
  - 18 *Idem.* Biblische Erziehungs-Lehren für Aeltern und Erzieher. Brünn, 1828.
  - 19 *Idem.* Die ältesten Original-Urkunden der Olmützer erzbischöflichen Kirche in Steindruck. Olmütz, 1831.
  - 20 *Idem.* Episcoporum Olomucensium series, quam recensuit continuavit, notisque historico-chronologicis illustravit F. X. Richter. Olmütz, 1831.
  - 21 *Idem.* Cyrill und Method, der Slaven Apostel und Mährens Schutzheilige. Olmütz, 1825.
  - 22 *Idem.* Crha a Strachota, slovanščí apoštolové a pak moravčí svatoochrán-ci / Překlad J. Hrdina. Olomouc, 1829.

- 23 Ср.: Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst. 1825. 25.IV. № 49. S. 354; 1825. 6.VII – 8.VII. № 80–81. S. 520–522; 1826. 6.III. № 28. S. 143–148.
- 24 Согласно Вурцбаху, см.: Museumszeitschrift. 1827 (Februar). S. 53–64. Ср.: *Wurzbach C.* Lexikon. Wien, 1874. Bd. 26. S. 47.
- 25 *Richter F. X.* Poetische Versuche. Von Franz Xaver Richter, Professor der Geographie und Geschichte. Brünn, 1811 // Annalen der Literatur und Kunst in dem Oesterreichischen Kaiserthume. 1811 (November). S. 218–222.
- 26 Речь идет о мифическом персонаже, якобы отразившем нападение монголов на Оломоуц в 1241 г.
- 27 *Richter F. X.* Antikritik. Betreffend die Recension meiner «poetischen Versuche» in den «Annalen» vom J. 1811, IV. Band. S. 281 // Intelligenzblatt zu den Annalen der Literatur. 1812 (April). S. 138–141. und Kunst in dem Oesterreichischen Kaiserthume. 1812 (April). S. 138–141.
- 28 Ср.: *Milde V. E.* Lehrbuch der allgemeinen Erziehungskunde zum Gebrauche der öffentlichen Vorlesungen. Wien, 1811. Bd. I.
- 29 Chronik der Bildungs-Anstalten in den deutschen, böhmischen und galizischen Provinzen des österreichischen Kaiserstaates // Vaterländische Blätter. 1813. 29.IX. № 78. S. 465.
- 30 Ср.: *Wurzbach C.* Lexikon. Wien, 1868. Bd. 18. S. 301–308; ÖBL. Wien, 1975. Bd. 6. S. 293; http://de.wikipedia.org/wiki/Vincenz_Eduard_Milde (18.VI 2013).
- 31 *Wurzbach C.* Lexikon. Wien, 1868. Bd. 18. S. 303–305.
- 32 Георг Штадельман (1780–1807) родился в Брегенце (Австрия, провинция Форарльберг), сначала был практикантом в библиотеке Грацского лицея, в 1804 г., в возрасте 24 лет, взял в аренду книжный магазин и типографию Клейнмайра и возглавил редакцию «Laibacher Zeitung», печатавшейся в этом издательстве. Умер в возрасте 27 лет. См.: *Wurzbach C.* Lexikon. Wien, 1878. Bd. 36. S. 321–322.
- 33 Zeitschriften in Steyermark, Kärnthen und Krain // Intelligenzblatt der österreichischen Literatur zu den Erneuertem Vaterländischen Blättern. 1818. 12.XII. № 99.
- 34 Allgemeine Theaterzeitung. 1842. 18.VIII. № 197. S. 879.
- 35 *Albert M.* Dr. Franz J. Richters neueste Druckschriften // Allgemeine Theaterzeitung. 1847. 13.XI. № 272; 1847. 15.XI. № 273. S. 1092. (Feuilleton. Aus der literarischen Welt.)
- 36 Archiv für Geographie, Historie, Staats- und Kriegskunde (далее – Archiv für Geographie) 1815. 11.VIII – 14.VIII. № 96–97. S. 391–395; 1815. 21.VIII. № 100–101. S. 413–414.

- 37 Рихтер ссылается работу Михеля Каспара Лундорпа (Николауса Беллуса, 1580–1620): *Österreichischer Lorberkrantz oder Kayserl. Victori: Continuatio und anderer Theil – mit einer warhaften Beschreibung dess Hochlöblichen Hauss Oesterreich und dess Hauss Bayern Stammens, samt deren verubten unsterblichen Thaten- bis auf das 1628 Jahr continuirt.* Frankfurt-am-Mein, 1628.
- 38 *Richter X.* Mähren unter Ferdinand dem II // *Archiv für Geographie.* 1816. 24.I. № 11–12. S. 41–45.
- 39 *Archiv für Geographie.* 1816. 6.X – 9.X. № 120–121. S. 495–497.
- 40 *Richter F. X.* Swatopluk oder das großmährische Reich, und dessen slavische Kirche // *Archiv für Geographie.* 1815. 25.VIII – 28.VIII. № 102–103. S. 415–420.
- 41 *Ibid.* 1816. 10.IV – 12.IV. № 44–45. S. 177–182.
- 42 *Ibid.* 1816. 15.IV – 17.IV. № 46–47. S. 185–190; 1816. 9.IV – 22.IV. № 48–49. S. 194–200.
- 43 *Ibid.* 1817. 30.VI. № 78. S. 314–319.
- 44 *Ibid.* 1818. 13.V. № 57. S. 222–223.
- 45 *Ibid.* 1818. 15.VI – 17.VI. № 71–72. S. 277–281. Согласно Вурцбаху, эта речь под заголовком «*Austria Erit In Orbe Ultima*» («Австрия будет самой совершенной на свете») вышла в свет отдельной брошюрой в 1818 в Лайбахе. Это было не первое обращение Рихтера к жанру панегирика. Ср.: *Wurzbach C.* *Lexikon.* Wien, 1874. Bd. 26. S. 46.
- 46 *Richter F. X.* *Archäologische Blütenlese* // *Archiv für Geographie.* 1818. 31.VII. № 91. S. 357–358; 1818. 19.VIII – 21.VIII. № 99–100. S. 395–396; 1818. 25.IX. № 115. S. 453; 1818. 4.XI – 6.XI. № 132–133. S. 527–528; 1818. 11.XII. № 148. S. 588.
- 47 *Ibid.* 1819. 29.I – 1.II. № 13–14. S. 49–50.
- 48 In: *Erneuerte Vaterländische Blätter.* 1820. 7.VI. № 46. S. 181–182.
- 49 In: *Archiv für Geographie.* 1820. 30.VIII. № 78. S. 427–429.
- 50 In: *Archiv für Geographie.* 1820. 4.X. № 120. S. 487–489.
- 51 In: *Archiv für Geographie* 1821. 2.IV. № 40. S. 157–159; 1821. 4.IV–6.IV. № 41–42. S. 161–163; 1821. 16.IV. № 46. S. 181–183; 1821. 30.IV. № 52. S. 205–207; 1821. 9.V – 11.V. № 5–57. S. 221–226.
- 52 Библиографическое описание см.: *Marinelli-König G.* *Die Südslaven in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848).* Versuch einer kritischen Bestandsaufnahme der Beiträge über Bosnien, Bulgarien, Dalmatien, die Herzegowina, Istrien, Krain (Kärnten, Steiermark), Kroatien, das Küstenland, die Militärgrenze, Montenegro, Serbien und Slawonien (далее – Südslaven). Wien, 1994. S. 232.
- 53 *Ibid.* S. 235.

- 54 Archiv für Geschichte. 1825. 5.I. № 2. S. 9–12; 1825. 7. I. № 3. S. 13–15; 1825. 12.I. № 5. S. 25–27; 1825. 19.I. № 8. S. 41–44; 1825. 28.I. № 12. S. 62–63; 1825. 9.II. № 17. S. 89–92; 1825. 9.III. № 29. S. 155–158; 1825. 11.III. № 30. S. 159–161; 1825. 25.III. № 36. S. 189–190; 1825. 30.III. № 38. S. 199–201.
- 55 Ibid. 1828. 13.X. № 123. S. 649–650.
- 56 *Richter F. J.* Ueber öffentliche Erziehungs- und Unterrichtsanstalten in Europa, mit besonderer Rücksicht auf das Schul- und Studienwesen des österreichischen Kaiserstaates // Oesterreichische Blätter für Literatur und Kunst. 1845. 25.X. № 128. S. 993–998; 1845. 28.X. № 129. S. 1004–1008; 1845. 30.X. № 130. S. 1012–1016; 1845. 27.XI. № 142. S. 1105–1109; 1845. 27.XI. № 142. S. 1115–1117.
- 57 Jahrbücher der Literatur 1847 (I–III). № 117. S. 241–262.
- 58 *Kunik E.-E.* Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. 2 Bde. St.-Petersburg, 1844–1845.
- 59 Клун Винциенц (1823, Лайбах/Люблина – 1875, Карлсбад / Карловы Вары) – историк и географ, редактор «Laibacher Zeitung» (1849–1856), с 1850 г. секретарь Словенского театрального союза и Краинского исторического общества, впоследствии – депутат ландтага и рейхсрата в Вене. Ср.: ÖBL 1815–1950. 1965. Bd. 3. S. 425.
- 60 Ср.: *Wurzbach C.* Lexikon. Wien, 1874. Bd. 26. S. 48.
- 61 ÖBL. 1985. Bd. 9. S. 125.
- 62 Некоторые идеи можно почерпнуть из материалов, собранных автором в рамках проекта «Славянские культуры в эпоху предмартовского периода в Вене» («Wiener Vormärz-Slavica»). Внимание на Рихтера было автором обращено как раз в ходе работы над проектом. Ср.: *Marinelli-König G.* Die Südslaven; *Eadem.* Die böhmischen Länder in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848). Tschechische nationale Wiedergeburt – Kultur- und Landeskunde von Böhmen, Mähren und Schlesien – Kulturelle Beziehungen zu Wien. Wien, 2011. Teil I [Literatur und Schrifttum]. Онлайн-версию см.: <http://hw.oeaw.ac.at/6551-4>; Именной указатель к ч. 1. см.: <http://hw.oeaw.ac.at/6551-4register>; *Eadem.* Die böhmischen Länder in den Wiener Zeitschriften und Almanachen des Vormärz (1805–1848). Tschechische nationale Wiedergeburt – Kultur- und Landeskunde von Böhmen, Mähren und Schlesien – Kulturelle Beziehungen zu Wien. [Wien, 2013]. Teil II. Онлайн-версию см.: <http://hw.oeaw.ac.at/6839-3>; Именной указатель к Ч. 1. см.: <http://hw.oeaw.ac.at/6839-3register>.
- 63 *Dobrovsky J.* Cyrill und Method, der Slawen Apostel, ein historisch-kritischer Versuch. Prag, 1823.

Marinelli-König G.
Franz X. Richter (1783–1856): A Reconstruction
of the Literary Heritage

The article deals with the life and work of the now unjustly forgotten historian and pedagogue Franz Xavier Johann Richter, reconstructs his contribution to the development of cultures of the Slavic people of the Habsburg Monarchy, and surveys his diverse activities in Viennese periodicals.

Keywords: *Franz Xavier Richter, Slavic studies, periodicals.*

Г. В. Макарова
(Москва)

Исторический комментарий к неизданной басне (отклики в России на польское восстание 1830–1831 гг.)

Польское восстание 1830–1831 гг. вызвало громкий резонанс в России и европейских странах. Их правительства и общественные круги нередко занимали различные позиции в отношении поддержки восставших поляков. В России общественные настроения по польскому вопросу находили отражение, в частности, и в литературных произведениях.

Ключевые слова: *польское восстание 1830–1831 гг., российско-польские отношения, внешняя политика, общественное мнение.*

В обширном фонде III Отделения с. е. и. в. канцелярии, хранящемся в Государственном архиве РФ, представлены не только материалы полицейско-сысского характера, но и документы совершенно иного плана. Поскольку в ведение III Отделения входило цензурирование печатных изданий, то соответственно сохранились как переписка с авторами и издателями, так в отдельных случаях и сами тексты, предполагавшиеся для публикации. Эти документальные комплексы в силу времени своего возникновения являются ценными, фактографически высоко достоверными, в отличие, например, от мемуаристики, свидетельствами общественных мнений и настроений, которые возникали в связи с теми или иными политическими событиями. Одним из таких документов является текст басни под названием «Совы и Акуллы» (sic!), подписанный инициалами «Б. Ф.»¹. Ее содержание несомненно имело отношение к событиям, связанным с польским восстанием 1830–1831 гг.

Вспыхнувшее в Варшаве в ноябре 1830 г. восстание оказалось весьма неожиданным не только для центральных властей Российской империи, но даже для царской администрации в самом Королевстве Польском. Еще летом 1830 г. Николай I без всяких опасений посетил казавшееся вполне мирным Королевство Польское. Сопровождавший императора в поездке начальник III отделения А. Х. Бенкендорф писал в своих воспоминаниях: «Ничто не указывало на возможный взрыв, наоборот, на всем лежал отпечаток материального процветания, что было самой надежной гарантией общественного спокойствия»². Однако он все же отмечал, что поляки

возмущались теми порядками, которые установил главнокомандующий польской армией, брат императора великий князь Константин Павлович, являвшийся по существу наместником императора: «Не было видно конца тому стесненному положению и той его высшей власти, с которой его могущество давило на страну. Недовольства больше не скрывали»³. Сведения о настроениях в Варшаве доходили до цесаревича, но он игнорировал их, будучи совершенно уверен в прочности своего правления. В своих мемуарах, описывая канун восстания, Бенкендорф замечал: «Уже на протяжении некоторого времени были заметны признаки роста революционных заговоров среди нескольких знатных родов, в чем неоднократно уверяли великого князя Константина. Сначала он просто не хотел в это верить [...]. Ему отвратительно было видеть виновных среди тех, кого он считал своими»⁴. Так, имевший широкие связи в общественных и политических кругах, дававшие возможность проводить сбор разведывательных данных, в том числе и в Королевстве Польском, генерал И. О. де Витт поставил Константина Павловича в известность о возможности мятежа, но это вызвало только возмущение великого князя. Он даже написал Николаю I, чтобы тот не верил донесениям де Витта⁵. С началом восстания Константин Павлович, едва избежав смертельной опасности, вынужден был спешно покинуть Варшаву. Русское общество с осуждением отнеслось к вооруженным действиям поляков, продемонстрировавших «поразительную неблагодарность» за те щедрые государственные дары, которые они, по мнению многих, незаслуженно получили от России: в 1812 г. поляки активно действовали в рядах наполеоновской «великой армии», вторгшейся в пределы империи. В результате решений подведшего итоги наполеоновским войнам Венского конгресса, в частности, принятых по польскому вопросу под настойчивым давлением Александра I, было восстановлено польское государство, с конца XVIII в. исчезнувшее с политической карты Европы. На правах автономного государственного образования, при личной унии императора, соединившего российскую и польскую короны, оно вошло в состав России под названием Царства (Королевства) Польского. В 1815 г. Королевство Польское получило октроированную конституцию, во многом учитывавшую национальные традиции: были сохранены польский сейм, польская армия, собственная денежная система, официальным языком признавался польский. Отмечалось равенство всех конфессий, но при этом подчеркивалось особое положение католичества. Оставались в силе и буржуазные принципы общественного устройства, введен-

ные Наполеоном при создании Герцогства Варшавского, в том числе отмена личной зависимости крестьян. Просвещенные круги русского общества весьма ревниво относились к либеральным порядкам в Королевстве, а более консервативно настроенная часть дворянства опасалась, что ликвидация системы крепостного права может быть распространена и на всю Россию.

В то же время поляки также были недовольны сложившимся положением. Они рассчитывали, что к воссозданному польскому государству – Королевству Польскому, по крайней мере, будет присоединена территория прежнего Великого княжества Литовского, а в лучшем случае и белорусско-украинские земли бывшей Речи Посполитой. Со времени окончательной утраты Польшей своей независимости прошло лишь два десятка лет, и надежды – прежде всего и почти исключительно в дворянской среде – на возвращение прежнего государственного существования продолжали сохраняться. Зависимость от представителей русской администрации и далеко не всегда корректное, уважительное, даже просто вежливое, отношение с их стороны, сам стиль поведения и манеры армейского руководства, и в первую очередь самого главнокомандующего польской армией великого князя Константина Павловича, фактически с начала 1820-х гг. ставшего полновластным хозяином королевства, вызывали постоянное раздражение поляков, переходящее в негодование, усиливали осознание ими ущемленной национальной гордости, столь важной для них. Представители российских властей, как с чувством горького юмора отмечал юрист и историк польской литературы В. Д. Спасович, «не все были похожи на князя Вяземского» (Петр Андреевич долго прослужил в Варшаве и отличался аристократической воспитанностью и либеральными воззрениями), добавив к этому свое удручающее наблюдение: «Есть, однако, в характере русских нечто, делающее зависимость от них особенно противною и невыносимую», «русский испытывает наслаждение проявлять власть и навязать свою волю более слабым субъектам»⁶. Неприемлем был для менталитета поляков сам факт, что они вынуждены находиться в подчинении у «азиатов-варваров». Особенно остро это ощущалось в офицерской шляхетской среде, где своеобразная синергетика национально-презрительного высокомерия и постоянно унижительного положения сильнейшим образом способствовала резкому возрастанию настроений протеста и неуклонно вела к неизбежному взрыву. Принимаемые администрацией королевства меры по ограничению свобод в общественной жизни (введение в 1819 г. предварительной

цензуры, изменения в выборной системе, обострявшаяся напряженность в отношениях Александра I с сеймом) возбуждали все большее недовольство в польском обществе. Все это вело к возникновению конспиративных организаций патриотической направленности как среди студенческой молодежи, так и в офицерской среде. Активизация заговорщиков, планировавших начать вооруженное выступление, стимулировалась начавшейся в 1828 г., уже в царствование Николая I, войной России с Турцией, когда значительные силы российской армии были сконцентрированы на Балканах. Поляки рассчитывали на поддержку европейских государств, заинтересованных в ослаблении все еще продолжавшей набирать внешнеполитическое могущество России. Однако реальной готовности к восстанию еще не было, и напряженное положение сохранялось.

Непосредственным стимулом к взрыву в Королевстве Польском послужили европейские события 1830 г., инициировавшие подъем общественной активности поляков. Известия об июльской революции во Франции и освободительной борьбе в Бельгии подстегнули деятельность польских конспираторов, и некоторые из них поставили вопрос о немедленном вооруженном выступлении, однако ввиду недостаточной подготовки к нему было принято решение о его отсрочке. Манифест Николая I в связи с бельгийской революцией, на подавление которой должны были быть направлены польские военные формирования, послужил горящим запалом, и 29 ноября 1830 г. в Варшаве вспыхнуло восстание. Планировалось убийство Константина Павловича и захват казарм стоявших в польской столице русских войск. Варшава, а вскоре и вся территория собственно Королевства Польского была освобождена от российских войск. 25 января 1831 г. повстанческий сейм принял постановление о детронизации императора, которое, в частности, провозглашало: «Народ польский, на сейме собранный, заявляет: он является независимой нацией и имеет право тому корону польскую отдать, кого ее достойным сочтет, на кого рассчитывать будет, кто приведенный к присяге веры твердо и без ущерба соблюдет обещанные присягой свободы». В связи с этим демонстративным актом поляков А. Х. Бенкендорф заметил, что поскольку Николай I как польский король был низложен, то «отныне император имел все основания рассматривать поляков как врагов, а не как своих подданных»⁷. По существу восстание переросло в польско-русскую войну, распространившись и на западные губернии империи. Военные действия оказались весьма затяжными. По мнению Бенкендорфа, высокая боеспособность польской армии,

серьезно противостоявшей царским войскам, явилась результатом недальновидности политики царской администрации, проводившейся в отношении Королевства Польского. «Следствием нашей слепоты об умонастроениях в Польше, – писал Бенкендорф, – [...] было полностью укомплектованный парк артиллерии и наличие в полках двойного комплекта вооружений и обмундирования. Крепость в Замостье была щедро снабжена (sic!) пушками, банки располагали весьма значительными суммами». Поэтому удалось создать большую по численности хорошо вооруженную польскую армию. «Нам пришлось сражаться против нашего собственного оружия», – с горечью вспоминал генерал, бывший участник Отечественной войны 1812 года⁸.

В Европе пристально следили за развитием событий в Королевстве Польском. Заинтересованность европейских стран объяснялась не столько сочувствием полякам, стремлением поддержать их требования, соответствовавшие «принципу национальности» – праву нации на отдельное самостоятельное государственное существование. Польское восстание и вооруженное столкновение поляков с Россией расценивалось как фактор, который мог бы привести к ослаблению России, слишком быстро набиравшей военную мощь и усиливавшей свое значение в решении международных дел в Европе. Правительства европейских стран придерживались, в зависимости от преследуемых ими общих политических целей, а также от взаимоотношений с Россией, весьма различных позиций. Австрия и Пруссия, связанные с Россией и участием в разделах Речи Посполитой, и обязательствами по охранительному Священному союзу, первоначально не вполне осознавали, что восстание в Королевстве Польском может представлять и для них серьезную угрозу. Несмотря на то, что известия о нем с восторгом были приняты поляками в Галиции и Познани, австрийские и прусские власти на первых порах не принимали эффективных мер по предотвращению помощи восставшим «людьми и оружием»⁹. Но все же, опасаясь усиления польского национального движения на своих территориях, прежде находившихся в составе Речи Посполитой, Австрия была вынуждена вести двойственную политику. По мнению польского историка М. Хандельсмана, австрийский канцлер К. Меттерних считал, что польское восстание могло бы ослабить Россию, чего он и хотел, и Австрия, внешне проявляя демонстративную дружбу с Россией, негласно, хотя и в небольших размерах, оказывала помощь полякам¹⁰.

Позиция Англии в отношении польско-российского конфликта была обусловлена целым рядом факторов. Недавно закончившаяся

Адрианопольским миром (1829 г.) русско-турецкая война привела к росту влияния России на Балканах и Ближнем Востоке и тем самым ослабила в регионе позиции Великобритании. Возникла напряженность в отношениях Англии с Францией, вызванная разногласиями по бельгийскому вопросу, который стал центральным на международной арене. В интересах Англии было отделение получавшей независимость Бельгии от Нидерландского королевства¹¹. Невыгодное для нее решение бельгийского вопроса по предлагавшемуся французами варианту, которым предусматривалось признание независимости Бельгии и даже возможное присоединение ее к Франции, привело бы к усилению позиций последней. В этой ситуации Англия стремилась не обострять отношений с Россией из-за польских дел, она не могла выступать против России, опасаясь ее вмешательства в бельгийский вопрос и возникновения в итоге вооруженного конфликта. Для решения дипломатическим путем сложной бельгийской проблемы в октябре 1830 г. в Лондоне была созвана международная конференция, длившаяся с перерывами до конца 1831 г. В ней участвовали представители пяти держав: Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии и России. Вице-канцлер К. В. Нессельроде дал инструкции, в соответствии с которыми следовало избегать «раздраженности и напряжения» в отношениях России с Великобританией, поскольку отношения с послеюльской Францией были весьма натянутыми¹². Посетивший Великобританию представитель польских повстанцев Леон Сапега сделал вывод, что «интерес Англии требует доверия и поддержки России в бельгийском деле». О событиях в Варшаве лондонская газета «Таймс» сообщила только 13 декабря 1830 г.

В то же время европейские правительственные и особенно общественные круги заявляли, что польское восстание против России нельзя трактовать как исключительно внутреннюю российскую проблему. Отношения между Польшей и Россией, по их мнению, следовало рассматривать как вопрос международный. Страны-гаранты, подписавшие заключительный акт Венского конгресса, считали себя вправе вмешиваться в решение польско-российского конфликта¹³. Однако российские власти постоянно подчеркивали, что события в Польше имеют внутримперский характер и потому другие державы не вправе вмешиваться в отношения поляков и России. Так, в послании, направленном 9 (21) марта 1831 г. вице-канцлером К. В. Нессельроде одновременно трем российским дипломатическим представителям (К. О. Поццо-ди-Борго в Париже, Х. А. Ливену в Лондоне и Д. П. Татищеву в Вене), еще раз разъяснялась позиция России. Нес-

сельроде, обозначив основные моменты столкновения русской армии с поляками, выделял то обстоятельство, что «речь идет не о борьбе с неприятелем, а о подавлении мятежа»¹⁴. Проблема невмешательства европейских держав в польские дела была тесно связана с решением вопроса о независимости Бельгии, по которому позиция России зависела от многих политических, экономических и даже династических причин. Сестра Николая I Анна Павловна (получившая прекрасное воспитание и образование под руководством придворной воспитательницы – Шарлотты Карловны Ливен) была супругой наследника нидерландского трона.

Взаимоотношения между Россией и европейскими державами в связи с польским восстанием достигли большого напряжения в мае 1831 г. Официальные известия, отражавшие позицию российского правительства по польским делам, публиковались в газете «Журналь де Санкт-Петербург». 16 (28) мая 1831 г. в ней была помещена написанная по распоряжению министерства иностранных дел статья, которая вызвала возмущение французской общественности. Она отражала резкое недовольство российских властей, вызванное политикой французского кабинета, позволявшего выпады прессы в отношении России. Российский МИД направил послу в Париже К. О. Поццо-ди-Борго письмо, в котором подчеркивалось, что на протяжении полугода «французские газеты были заполнены самыми гнусными и оскорбительными высказываниями в адрес русского народа». Даже правительственный «Монитор» печатал на своих страницах прокламации подстрекательского характера, «призывающие к мятежу окраины империи»¹⁵.

14 (26) июля 1831 г. Поццо-ди-Борго сообщал в Петербург о ситуации касательно поляков во Франции. В предстоящей тронной речи короля Луи Филиппа, который, по словам посла, взял на себя роль «покровителя всех революций», должно будет упоминаться и о Польше. Как отмечал дипломат, несмотря на то, что «у Франции нет ни права, ни интереса» вмешиваться в польский вопрос, однако «напор общественного мнения, к несчастью, почти всецело настроенного против России», вынудил французские власти пожертвовать «справедливостью, приличиями» и «здравой политикой», чтобы «соответствовать общественным ожиданиям». Резко отрицательную реакцию со стороны российского правительства вызвало сделанное Луи Филиппом предложение англичанам, что он может выступить в качестве посредника в установлении перемирия между Россией и Польшей. Поццо-ди-Борго заявил представителям французских вла-

стей, что «Россия никогда не согласится на вмешательство Франции или другой державы в дела Польского королевства»¹⁶. Британский кабинет не поддержал французскую инициативу, однако поведение Великобритании также не было вполне лояльным по отношению к России. Англичане осторожно предпринимали закулисные шаги, направленные на признание Бельгией независимости Польши. В июле 1831 г. министр иностранных дел Г. Дж. Палмерстон заявил российскому послу Х. А. Ливену, что если царское правительство в ближайшие месяцы не сможет «замирить» Польшу, то лондонский кабинет под давлением общественного мнения, «помимо своей воли и желания», все же будет вынужден вмешаться и принять участие в осуществлении планов дипломатического разрешения русско-польского конфликта¹⁷.

В июне и июле 1831 г. Поццо-ди-Борго сообщал о намерениях французского правительства организовать в Петербурге коллективный дипломатический демарш «в пользу поляков», однако другие европейские кабинеты этой идеи не поддержали. Когда в августе посол прислал донесение, что, быть может, французское правительство согласится признать независимость Польши, то в ответ получил указание: в таком случае и посол, и все подданные российского императора немедленно должны будут покинуть Францию¹⁸.

С прибытием 25 июня 1831 г. на место военных действий назначенного новым главнокомандующим русской армией И. Ф. Паскевича положение стало быстро меняться. 19 августа началась осада Варшавы. Утром 8 сентября через открытые ворота русские войска вошли в город. К концу октября 1831 г. сопротивление поляков было полностью подавлено. Часть потерпевших поражение польских войск отошла в Галицию, где они сдались в плен австрийцам. Другие формирования отступили в вольный город Краков; остатки основной армии к началу октября перешли в Пруссию и были там разоружены. Различного рода осложнения между Россией, с одной стороны, и Австрией и Пруссией – с другой, возникали в связи с пребыванием на их территориях соединений бывшей польской повстанческой армии. Согласовывался также вопрос о будущей судьбе вольного города Кракова.

С самого начала восстания Временное польское правительство во главе с А. Чарторьским рассчитывало на поддержку европейских держав, прежде всего Англии и Франции. Для того чтобы ориентироваться в международной ситуации и иметь возможность влиять на общественное мнение, во все важные европейские пункты направ-

лялись польские агенты, неофициальные представители – «путешествующие» лица. Отношение к ним везде было одинаковым: власти скрывали их пребывание от бдительного ока российских дипломатов. Желających поехать за границу для установления посредничества из числа состоятельных людей было много¹⁹. Под давлением общественного мнения правительства Англии и Франции пошли на предоставление польским эмигрантам политического убежища. Уже в конце января 1831 г. в Лондон в целях убедить в необходимости оказать помощь, в том числе и военную, прибыли польские посланцы Александр Велёпольский и Александр Валевский (сын Наполеона I и Марии Валевской). Велёпольский просил направить в Варшаву британского представителя, хотя бы в ранге консула, где уже были представители Пруссии, Франции и Австрии, но лондонский кабинет твердо отклонил его просьбу. Велёпольский считал, что на Венском конгрессе европейские державы хотели восстановить Польшу, но из-за сопротивления Александра I этого им сделать не удалось. Он хотел, чтобы в сложившейся ситуации этот проект был воскрешен и чтобы инициатива по его осуществлению исходила от Англии. Прежде всего он полагал необходимым возвратить вошедшие в состав России бывшие польские (то есть литовские, белорусские и украинские) земли²⁰. Кроме трех подготовленных им записок, в которых рассматривались различные аспекты польского вопроса, Велёпольский оставил в Форин-офис значительное число документов, захваченных в ходе восстания в канцелярии великого князя Константина Павловича²¹. Среди попавших в руки повстанцев бумаг был проект российской конституции («Государственной уставной грамоты»), который по указанию Александра I подготавливался Н. Н. Новосильцевым, участвовавшим еще в разработке конституции Королевства Польского 1815 г. Польское революционное правительство в июле 1831 г. опубликовало «грамоту» на русском и польском (по версии М. К. Лемке: «французском») языках, и она свободно продавалась во всех книжных магазинах. Это событие крайне обеспокоило Николая I: в сентябре 1831 г. в письме И. Ф. Паскевичу он сетовал: «Напечатание сей бумаги крайне неприятно». В этой связи император рекомендовал генералу «как только можно менее времени» продержат гвардию в Варшаве, потому что из 100 молодых офицеров 90 прочтут проект конституции, «не поймут и презрят», но 10 – «не забудут». Предписывалось достать возможно большее количество напечатанных экземпляров и уничтожить их. Выкупленные у книготорговцев экземпляры отправили в Москву,

где они были сожжены «в Кремле в присутствии особо назначенных лиц, а на имевшиеся в обращении устремлены агенты Паскевича и III отделения». Таким образом, царские власти внимательно следили за состоянием общественного мнения и принимали меры для оказания на него своего воздействия²².

8 марта 1831 г. А. Велёпольский представил Палмерстону меморандум о необходимости немедленного признания независимости Польши, которое обосновывал международным правом и интересами Англии. Он пользовался советами Талейрана: надо показать англичанам, какие они будут иметь выгоды, а что касается «прав», то это «дело канцелярии», и она их отыщет, когда потребуется. Однако подобные обращения к англичанам оставались безрезультатными. Также не увенчалась успехом и деятельность прибывшего в августе 1831 г. в Лондон бывшего соратника Тадеуша Костюшко Юлиана Немцевича²³.

Особые надежды руководители восстания возлагали на Францию. В Париже было организовано польское дипломатическое представительство, которое просуществовало до июня 1833 г. («польская миссия»). Во главе ее стояли генерал Кароль Князевич и граф Людвик Плятер. В конце декабря 1830 г. в Париж приехал Константин Волицкий, позднее прибыл Теодор Моравский. Хотя общественность и депутаты парламента открыто поддерживали восставших, однако из-за опасения войны с Россией, Пруссией и Австрией французское правительство никаких шагов в этом направлении не предпринимало. Оппозиционная печать обвиняла власти в отказе оказать помощь Польше. Находившиеся в Париже поляки продолжали активно действовать, стараясь выполнять инструкции Чарторьского, рекомендовавшего апеллировать к общественному мнению, которое могло бы оказать давление на правительство. Обращение депутатов польского сейма, разяснявшее действия России осенью 1830 г., когда ею было принято решение привести в состояние готовности польскую армию и четыре российских корпуса для вмешательства в бельгийские дела, результата не дало. Польские представители пытались убедить французские власти признать Польшу воюющей стороной, но это означало бы понимание ее как отдельного государства, и, по мнению французского премьер-министра К. Перье, этот акт приравнивался бы к объявлению войны России. Детронизацию Николая I, объявленную восставшими поляками, французское правительство не одобряло – в его планы не входило ухудшение отношений с Россией²⁴.

Отношение Великобритании к России в связи с польским вопросом было неоднозначным. С одной стороны, общественность и оппозиционные правительству круги поддерживали Польшу и выступали против России, а с другой – официальный Лондон вел себя в высшей степени лояльно, при этом не отталкивая и не выдворяя польских представителей, хотя вежливо и настойчиво отказывая им в просьбах о помощи.

23 сентября 1831 г. Палмерстон приветствовал российскую победу как возвращение права и законности в Королевстве, апеллируя к благородству и чести государя, какие ему надлежало бы проявить к побежденным. Английский посол в Петербурге Уильям Хейтсбери передал поздравления по поводу капитуляции Варшавы²⁵.

Возглавлявший III отделение А. Х. Бенкендорф достаточно хорошо ориентировался не только во внутренних делах империи, но и в международных. Его осведомленность основывалась на служебных материалах, поступавших в результате деятельности тогда еще небольшой агентурной сети в европейских странах, а также на доверительной близости к императору. Немалое значение имели и родственные связи в кругах высокопоставленных сановников – его сестра Дарья (Доротей) была супругой российского посла Х. А. Ливена, на протяжении более 20 лет (1812–1834 гг.) представлявшего Россию в Лондоне. Превосходное образование, полученное Д. Х. Ливен в Смольном институте, знание европейских языков, ее безупречные манеры, острый ум и интерес к международным делам позволили ей стать «влиятельной теневой фигурой европейской политики»²⁶. Бенкендорф отмечал, что благодаря своему уму и приветливости, качествам, «столь необходимым для жены посла», она стала пользоваться высокой репутацией как при императорском дворе, так и в дипломатическом мире²⁷. Д. Х. Ливен вела обширную переписку с европейскими политическими деятелями, а также с родственниками и высокопоставленными адресатами в России. Только своему брату она направила свыше 400 писем²⁸.

Прибыв в Лондон, где уже появились и прочно вписались в жизнь великосветские салоны, Д. Х. Ливен предприняла попытку, оказавшуюся успешной, создать и свой собственный салон. Ей удалось найти незанятую нишу: если уже существовавшие салоны имели определенную политическую ориентацию («тори» и «виги»), то свой она создала как «внепартийный», доступный для приверженцев различных направлений. Она принимала гостей каждый вечер, она была любезной хозяйкой, прекрасной пианисткой, ввела в светский

обиход еще не известный в Лондоне, но ставший уже популярным в Европе вальс. В отличие от визита к послу, который мог рассматриваться как официальный контакт, посещение салона его супруги особенно ни к чему не обязывало и не вызывало ненужных толков. Сначала салон Д. Х. Ливен был исключительно светским, именитые посетители получили возможность непринужденно общаться в нем на «нейтральной полосе», круг их постоянно расширялся, и в результате ее салон превратился в весьма влиятельный политический центр²⁹. Ей удалось установить дружеские связи с государственными деятелями и представителями дипломатических кругов. В числе наиболее важных и влиятельных английских политиков был Чарльз Грей, с которым княгиня состояла в регулярной переписке с 1824 г. В ноябре 1830 г. он возглавил британский кабинет. Когда в декабре 1831 г. английский премьер-министр принял прибывшего в Лондон Адама Чарторыского, Д. Х. Ливен в негодовании написала ему: «Дорогой милорд, этот человек, которого вы, премьер Англии, только что приняли со всеми знаками дружбы и уважения, – государственный преступник, избалованный в измене своему государю, который является другом и союзником Англии». Она позволила себе сделать выговор Грею и поучать его. Княгиня заметила, что Грей как премьер-министр является «государственным человеком» и потому не должен в своих поступках руководствоваться «состраданием». «Поэтому прием, – писала она, – какой вы оказали князю Чарторыскому, может быть принят таким союзником, как Россия, за оскорбление. [...] Ваши действия являются действиями Англии». В этой связи российским послом был подан соответствующий запрос. Отвергая неправомерные, по его мнению, обвинения княгини, лорд Грей подчеркнул, что на протяжении всего времени Англия соблюдала нейтралитет «по отношению к борющимся сторонам» и что пока Чарторыский был членом польского правительства, он избегал с ним всяких контактов. С чувством собственного достоинства он заявил: «Я знаю о моих обязанностях, но не могу допустить, чтобы они ограничивали меня в делах, касающихся моих частных отношений в обществе»³⁰.

После подавления восстания в Королевстве Польском начались репрессии в отношении его бывших участников: аресты, суды, ссылка в Сибирь и отправка в армию, в отдаленные губернии или на Кавказ. Наместником императора был назначен генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, человек очень близкий к Николаю I, пользовавшийся не только его полным доверием, но и глубоким уважением. В своих письмах, даже носивших официальный характер, император

обращался к нему со словами «отец-командир» – в военном отношении он был его «учеником». Царские власти принимали меры, направленные на ужесточение политического режима в королевстве, которые по сути лишали его особого автономного статуса: вместо конституции вводился «Органический статут» (1832), упразднялись сейм и отдельная польская армия, ликвидировалась собственная монетная система. Католическое вероисповедание больше не объявлялось приоритетным, как это следовало по конституции 1815 г. Устанавливалось общеимперское деление на губернии. Постепенно общероссийское законодательство распространялось на территорию королевства. В Варшаве в срочном порядке была построена Александровская цитадель, Х павильон которой вошел в историю как политическая тюрьма для деятелей патриотического движения.

В 1831 г. тысячи бывших польских повстанцев и членов их семей, спасаясь от преследований, бежали за пределы Королевства Польского. Они осели в разных странах Европы, в первую очередь, во Франции, Англии и Бельгии. Польские эмигранты вызвали сочувствие прежде всего в общественных кругах. Их присутствие в странах Европы, занятая ими активная антироссийская позиция, поиск политической и общественной поддержки еще более усиливали общественное внимание к проблеме польско-российских отношений. Деятельность поляков-эмигрантов способствовала формированию крайне неприглядного образа России как потенциальной угрозы цивилизованной Европе.

Польское восстание, деятельность польской эмиграции, позиции европейских стран в отношении поляков не только оказались в центре внимания официальных российских политических кругов, но нашли также отражение в российском общественном сознании. Это отчетливо проявилось в литературно-журнальном мире, который, с одной стороны, являлся зеркалом сложившегося общественного мнения, а с другой – оказывал свое воздействие на его формирование.

Польские события и реакция на них в Европе вызвали в среде русских литераторов широкую патриотическую волну, выразившуюся в их поэтическом и драматургическом творчестве. В сентябре 1831 г., еще до окончательного завершения военных действий, был выпущен небольшой поэтический сборник «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. Санкт-Петербург. Печатано в военной типографии. 1831. 16 не[умерованных] стр[аниц]». Публиковался сборник в спешном порядке. Как отмечено в самом из-

дании, «цензурное разрешение: 7 сентября 1831 (П. И. Гаевский); выход в свет: 11–13 сентября 1831». В него вошли «Старая песня на новый лад» В. А. Жуковского и два стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Названием сборника послужило заглавие стихотворения Г. Р. Державина, написанного в 1794 г. в связи с вступлением русских войск под командованием А. В. Суворова в Варшаву. На занятую Пушкиным позицию живо отреагировал поддерживавший его П. Я. Чаадаев. 18 сентября 1831 г. он писал Пушкину: «Вот вы, наконец, национальный поэт; вы, наконец, нашли ваше призвание. Я не могу передать вам удовлетворение, которое вы дали мне испытать»³¹. Пушкин, внимательно следивший за ходом российско-польских военных столкновений, в письме П. А. Вяземскому (от 1 июня 1831 г.) откровенно делился своими мыслями о восставших поляках: «...их надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был впрочем наш образ мыслей [...]». Но либерально настроенный Вяземский «пришел в ужас», прочитав стихотворение «Клеветникам России». 14 сентября он записал в дневнике: «Будь у нас гласность печати, никогда бы Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича. [...] Курам на смех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось, наконец, наложить лапу на мышь. [...] И что за святотатство сближать Бородино с Варшавою. Россия вопиет против этого беззакония...»³²

Такова была политическая атмосфера той поры, те общественные настроения, результатом воздействия которых явилось написание басни «Совы и Акуллы», – ее содержание вполне соответствовало духу времени.

Совы и Акуллы³³. Басня

С Орлами с давних пор в соседстве Совы жили,
 Одноплеменные по роду птиц оне,
 Но много лет прошло в раздорах и войне.
 Коварство не спасло; Орлы Сов победили –
 И Царству Орлему их область покорили.
 Порядок новый там введен,
 Все благоденствует – и Совы не забыты,
 Их лес тенист, их души сыты,

Но только лишь надзор за ними учрежден.
Все было хорошо, но вдруг узнали Сова,
Что в Царстве Обезьян большой переворот:
Мартышек взбалмошный народ,
На революции и на прыжки готовый,
Свободу стал провозглашать,
Лоскутья всех цветов на палках подымая.
Совам завидна жизнь такая,
И долгохвостным бы хотелось подражать.
Глазами хлопая, полуночные воры
Вдруг когти распустив, напали на дозоры...
Кричат: подыдем знамена!
Война Орлам! Война!
Однако ж, кончилось уроном,
И в пух растеребили Сов,
Повинные к Орлам явились с поклоном,
Немногие спаслись в глуши лесных дубров –
И в Царстве Обезьян успели приютиться;
Но здесь плохое им житье:
Междоусобие у Обезьян свое,
Одни в других – когтями стараются вцепиться;
Тут оставаться не легко;
Но море там недалеко,
Прожорливых Акулл стихия;
В их Царстве водяном затеи пребольшие,
И Сова вздумали морских волков просить –
Их жребий облегчить
И на Орлов им дать управу,
Акуллы собрали Парламент водяной –
И от Орлов решились на славу
Отчета требовать в политике лесной.
Лишь солнце в облака запало,
То множество Акулл все море всколебало,
И растворяя зев –
С волнами подняли свой рев.
Орлы торжественно над морем пролетали,
Акуллы же на них зубами скрежетали.
Но много ль пользы в том для Сов?
Лишь только солнышко блеснуло с облаков,
То крикуны Сычи с испуга пометались

И на зубы Акулл попались.
 Из басни видно сей,
 Что не в свои дела мешаться –
 Готовы плуты лишь – для выгоды своей.
 Совам же лучше бы к Акуллам не соваться.
 Б. Ф.

В самом верху первого листа архивного документа сделана помета карандашом: «Нельзя печатать». Если в отношении авторства пометы-резолюции есть определенность – она сделана А. Х. Бенкендорфом, то расшифровка инициалов «Б. Ф.» (не «фита») потребовала некоторых дополнительных разысканий. В фундаментальном словаре И. Ф. Масанова буквы «Б. Ф.» раскрыты как «Федоров Борис Михайлович»³⁴. Федоров (1794–1875) был известен в литературной среде как сочинитель стихов, драматург, детский писатель, издатель журналов. Однако его литературные труды находили невысокую оценку современников. Так, А. С. Пушкин, хорошо знавший его, откликнулся на творчество литератора эпиграммой (1828 г.):

Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи;
 Не усыпляй меня – иль после не буди.

Примерно в том же духе отозвался и А. А. Дельвиг:

Федорова Борьки
 Мадригалы горьки,
 Эпиграммы сладки,
 Комедии гадки!

Федоровым было написано много драматургических произведений, в основном историко-патриотического содержания. Но пьесы его успеха не имели. Он писал назидательные истории для детей, в 1827–1829 и 1831 гг. издавал журнал «Новая детская библиотека». Федоров сочинял также поздравительные стихи на разные торжественные случаи. Поэтические сборники Федорова появились в 1818 г. («Опыты в поэзии») и, как следует особо отметить, в 1829 г. – «Эзоповы басни в стихах». Этот сборник, отражающий интерес Федорова к такому жанру, как басня, по времени вполне соотносится с написанием басни «Совы и Акуллы». Резолюция А. Х. Бенкендорфа, посчитавшего, вероятно, что публикация басни будет препятство-

вать снижению напряженности в отношениях с представленными в ней в уничижительном виде европейскими странами, возымела свое действие. По-видимому, басня никогда так и не увидела свет. О ней не упоминается ни в книге М. К. Лемке, написанной по материалам III отделения, ни в антологиях русской басни XVIII–XX вв.³⁵ Она осталась архивным свидетельством общественных настроений в России в отношении польского восстания 1830–1831 гг. и не увенчавшихся успехом попыток его руководителей получить помощь со стороны европейских держав.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ГАРФ. Ф. 109. III отделение с. е. и. в. канцелярии, секретный архив. Оп. 2. Д. 237. Л. 1–2.
- 2 *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания. 1802–1837. Публикация М. В. Сидоровой и А. А. Литвина. М., 2012. С. 452.
- 3 Там же. С. 446.
- 4 Там же. С. 462.
- 5 *Шугин В. В.* Тайный сыск генерала де Витта. М., 2011. С. 261–262.
- 6 *Спасович В. Д.* Жизнь и политика маркиза Велёпольского. Эпизод из истории русско-польского конфликта и вопроса. СПб., 1882. С. 3, 23.
- 7 *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания... С. 465.
- 8 Там же. С. 464.
- 9 Там же. С. 465.
- 10 *Handelsman M.* Anglia – Polska. 1814–1864. Warszawa; Lwów, 1917. S. 55, 56.
- 11 См.: *Виноградов В. Н.* Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5; *Handelsman M.* Anglia–Polska... S. 56.
- 12 *Dutkiewicz J.* Francja i Wielka Brytania wobec Powstania Listopadowego // Powstanie Listopadowe. 1830–1831. Dzieje wewnętrzne. Militarja. Europa wobec powstania. Warszawa, 1980. S. 334, 344.
- 13 *Handelsman M.* Anglia – Polska... S. 58.
- 14 Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Министерства иностранных дел Российской Федерации. М., 2005. Т. 17 (Август 1830 г. – январь 1832). С. 284.
- 15 Там же. С. 400.
- 16 Там же. С. 420, 421.
- 17 Там же. С. 410–411.

- 18 Там же. С. 436, 444.
- 19 *Handelsman M. Anglia – Polska...* S. 59; *Спасович В. Д.* Жизнь и политика... С. 24.
- 20 *Handelsman M. Anglia – Polska...* S. 57, 59, 60.
- 21 ВПР. Т. 17. С. 433.
- 22 *Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература. 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения с. е. и. величества Канцелярии. СПб., 1909. С. 65–66.
- 23 *Handelsman M. Anglia – Polska...* S. 63, 61, 67.
- 24 *Dutkiewicz J. Francja i Wielka Brytania...* S. 331–336.
- 25 *Handelsman M. Anglia – Polska...* S. 67; *Dutkiewicz J. Francja i Wielka Brytania...* S. 348.
- 26 *Таньшина Н. П.* Княгиня Ливен. Любовь, политика, дипломатия. М., 2009. С. 3; *Сакун О. Ф.* Деятельность российского посла Х. А. Ливена и его супруги Д. Х. Ливен в Лондоне. 1812–1834 // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 150.
- 27 *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания... С. 451.
- 28 *Сакун О. Ф.* Деятельность российского посла... С. 155.
- 29 *Таньшина Н. П.* Княгиня Ливен... С. 2.
- 30 *Александренко В. Н.* Из переписки княгини Ливен с графом Гре-ем // Варшавские университетские известия. 1891. № 4. С. 18–20.
- 31 *Чаадаев П. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. 2.
- 32 Об откликах в русской литературной среде на польское восстание 1830–1831 гг. см.: *Филатова Н. М.* Россия и русские в поэзии польского восстания 1830–1831 гг. // Историк и художник. Польша и Россия [специальный выпуск]. 2008, № 1–2 (15–16); *Она же.* Русское общество о Польше и поляках накануне и во время восстания 1830–1831 гг. // *Polacy a Rosjanie. Поляки и русские.* Warszawa, 2000; *Kurpisowa G. Społeczeństwo rosyjskie wobec powstania Listopadowego // Powstanie Listopadowe. 1830–1831. Dzieje wewnętrzne.* Militarja. Europa wobec powstania. Warszawa, 1980. S. 424–435.
- 33 При публикации сохранено написание слова «Акуллы», как оно дается в архивном документе. Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, слово «акула» происходит от древнеисландского «hakall» (рыба) (*Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 1). Вероятно, этим объясняется написание через две буквы «л».
- 34 *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т. 1 (А–И). С. 123.

- 35 См.: Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература...; Русская басня XVIII–XX века / Мартынов Г. Г. (сост.). М., 2007; Русская басня: антология / Васильев К. В. (сост.). СПб., 2008; Русская басня XVIII–XX веков / Критарова Ж. Н. (сост.). М., 2013.

Makarova G. V.

Historian's Commentary to an Unpublished Fable
(Reaction to the Polish Uprising of 1830–1831 in Russia)

The Polish uprising of 1830–1831 provoked potent resonances both in Russia, and in European countries. Their governments and public sphere were often taking different sides concerning support of the rebelling Poles. In Russia, public opinion on the Polish question found its expression among others in literary works.

Keywords: *Polish uprising of 1830–1831, Russian-Polish relations, foreign policy, public opinion.*

*М. М. Фролова
(Москва)*

**К вопросу о содействии русских дипломатов
болгарам г. Битола в организации
национального образования (60-е гг. XIX в.)**

На основании архивных и опубликованных источников в статье сообщается о содействии, которое оказали русские дипломаты в деле введения болгарского языка в преподавание болгарским детям г. Битола, при открытии болгарских училищ в городе, а также при отправлении молодежи на учебу в Россию. Ключевые слова: *М. А. Хитрово, В. Манчев, Лепавек, Н. Ф. Якубовский, Н. П. Игнатъев, Битола, болгарский язык.*

Развитию болгарского национального просвещения, имевшего огромное значение для формирования и консолидации болгарского народа в XIX в., посвящен немалый массив исследовательской литературы, в которой рассматривались, в том числе, вопросы распространения и упрочения светского школьного образования как в болгарских землях Османской империи вообще, так и по отдельным регионам. Однако привлечение новых архивных документов, главным образом, консульских донесений русских дипломатов из Битола, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, и прочтение в их контексте опубликованных источников дает очередной импульс для обращения к этой теме, не теряющей остроты своей актуальности.

Город Битола (Монастир) с перемещением в него из Софии Главной квартиры Военного командования Румелии, или III-го военного округа, и резиденции вали (генерал-губернатора) стал административным центром Румелийского или Битольского эялета. В нем также располагалась митрополия Пелагонийской Эпархии, здесь были учреждены дипломатические представительства Австрии, Англии, Греции. В 1861 г. в Битоле было открыто императорское российское консульство. Благодаря сосредоточению значительного количества турецких чиновников, офицеров, богатых беев в г. Битола процветала торговля, население его множилось, и, по свидетельству современников, к началу 60-х гг. XIX в. «во всех отношениях он стал первым городом в Македонии и центром всей Западноевропейской Турции»¹, «вливавшим на всех болгар Северо-западной Македонии и Албании»².

В Битоле насчитывалось около 50 тыс. человек, из них 25 тыс. турок, 20 тыс. христиан и 5 тыс. евреев. Христианская община города, во главе которой стоял пелагонийский митрополит Венедикт

(1854–1868), состояла из болгар, греков, влахов* и албанцев, большая часть из которых переселилась сюда из разных городов и селений. Болгарское население Битолы, которое в количественном отношении превосходило другие народности, было также «сборищем» пришлых из разных местностей и в разное время людей, которые различались уровнем «нравственного состояния и образования»³.

Христианскую общину Битолы раздирала вражда партий. Эллино-греки или панэллинисты ориентировались на Афины, где, как правило, они получали образование. В своем стремлении «огречить» местное православное население они довольно преуспели, поскольку вlahи, составлявшие в Битоле «денежную аристократию», были совершенно эллинизированы⁴. Многие болгары, которые переселились в Битолу сравнительно рано, также оказались под мощным воздействием влахов⁵. Богатые вlahи, по преимуществу торговцы, являлись большей частью личными противниками митрополита и его партии, к которой принадлежали так называемые турецкие греки, фанариоты, состоявшие на турецкой службе или связанные своими коммерческими делами с турецкими властями. Их влияние на местную турецкую администрацию было велико. Эта партия правила, интриговала и вела дела. Болгарское население, составлявшее в основном городские низы и находившееся «на самой низкой степени общественного развития», было индифферентно.

М. А. Хитрово, первый русский консул в Битоле (1861–1864), констатировал, что «здесь собственно не было и нет особенного антагонизма между болгарами и греками, а есть только вражда между приверженцами митрополита и его противниками»⁶. Он также отмечал, что в начале 1860-х гг. болгарский церковный вопрос**

* Вlahи – так в Македонии называли выходцев из Валахии (современная Румыния), которые в основном занимались скотоводством и торговлей.

** Издание хатт-и хумаюна 1856 г., провозглашавшего равноправие мусульман и христиан Османской империи и предусматривавшего реформирование Вселенского патриархата, позволило болгарской общине в Стамбуле, принявшей на себя представительство всего славянского населения Турции, подать султану Абдул Меджиду прошение от имени 6 400 000 болгар. В нем было выражено желание иметь свою независимую от Константинопольской патриархии церковь. Высокая Порта передала это прошение Константинопольской патриархии, которая отказала в его удовлетворении. Лишь в 1870 г. султан издал фирман об учреждении самостоятельной болгарской церкви.

в Битольском санджаке (округе), «удаленном от всякого внешнего влияния», не имел «отголоска»⁷. Как писал в своих воспоминаниях учитель К. Шапкарев (1834–1909), «до 1860 г. болгарское чувство в Битоле спало или его совсем не существовало, а у кого оно и было, то те не смели и шевельнуться»⁸. В школах Битолы, которые содержала христианская община, преподавание велось исключительно на греческом языке, и оно ориентировалось на школьное образование Греции. Болгары Битолы не знали о существовании кириллицы, в употреблении был греческий алфавит.

Первыми ситуацию начали менять католические миссионеры «Св. Лазаря», обосновавшиеся в Битоле в 1856 г. Правда, вначале усилия главы миссии аббата Лепавека, специально выучившего греческий язык, были направлены на греков и влахов. Но ему не удалось вовлечь в лоно католической церкви ни одного из них. В 1858 г. в Битолу прибыл аббат Е. Боре, руководитель ордена лазаристов и его миссий на Востоке, которому стала подчиняться битольская миссия. Он дал распоряжение ввести в богослужение и в преподавание болгарский язык⁹. Находясь в Стамбуле, Боре внимательно следил за разгоравшейся греко-болгарской церковной борьбой. Миссионерам в Битоле также необходимо было оперативно развернуться в сторону болгар, чтобы воспользоваться предоставлявшейся возможностью – использовать церковный конфликт в своих целях и привлечь болгар к унии. В конце 1859 г. из Стамбула был прислан болгарин Васил Манчев (ок. 1825 – 1907). Он поселился в миссии и стал обучать Лепавека и его помощника брата Касена болгарскому языку. В школе при миссии Манчев начал преподавать болгарский язык, который превратился в одно из «главных орудий» католической пропаганды.

Противодействие католическим миссионерам, которое входило в задачи российских дипломатов на Балканах, могло быть действительно эффективным на данном этапе в Битоле лишь в том случае, если христианская община города ввела бы болгарский язык как в преподавание, так и в богослужение. Хитрово активно следовал курсом, начертанным министром иностранных дел А. М. Горчаковым, согласно которому необходимо было «ускорять развитие христианского населения в Турции, вступление которого в политическую жизнь обещает нам естественных союзников и гарантии лучшего равновесия»¹⁰. Хитрово был одушевлен идеей пробуждения национального самосознания у славян вверенного его попечительству Битольского санджака. Вначале он надеялся, что в его силах достаточно быстро преломить ситуацию в городе, а следовательно, и в регионе.

Его уверенность основывалась на том важном обстоятельстве, что пелагонийский митрополит Венедикт, в свое время отказавшийся присутствовать при открытии вице-консульства Греции «под предлогом опасения турок», не только принял предложение Хитрово, но тотчас же обратился к генерал-губернатору Абдул Керим-паше «просить разрешение и показал в этом случае весьма много доброй воли».

При открытии российского консульства в Битоле 23 апреля (5 мая), в день Светлого Воскресенья, митрополит Венедикт в полном облачении отслужил на дворе на славянском языке молебствие, помянул на ектении имена императорской фамилии и окропил флаг святой водой. Столь торжественная церемония произвела неизгладимое впечатление на христианскую общину. Многие примирились с митрополитом. Значительная часть состоятельных христиан, которые прежде боялись посещать Хитрово, чтобы не навлечь подозрения турок, «теперь явились выразить свое сочувствие императорскому правительству». Хитрово констатировал, что с его приездом пелагонийский митрополит стал употреблять славянский язык при богослужении: одна ектиния и Евангелие читались постоянно на славянском языке. Русский дипломат полагал, что при таких хороших отношениях с митрополитом ему удастся «в скором времени ввести болгарский язык в здешнее училище, где до сих пор в употреблении единственный греческий»¹¹.

Русский дипломат использовал все предоставлявшиеся случаи и средства, чтобы воздействовать на влиятельных членов христианской общины и погасить в ней раздоры. Сначала его усилия были направлены на митрополита, чтобы склонить его к более примирительному образу действий. Но уже в донесении от 31 августа 1861 г. Хитрово с сожалением признавал, что в Венедикте он встречал «только турецкого чиновника, жертвующего интересами христиан для собственных интересов и изыскивающего все возможные средства угодить и подслужиться местным властям». Венедикт, по свидетельству русского дипломата, «гонит и преследует греков и в то же время под предлогом опасения их оскорбить не делает ничего для болгар». Он решительно отказался вводить преподавание болгарского языка в школу¹². Хитрово пришел к выводу, что все старания митрополита были направлены на то, чтобы уничтожить единство между христианами, что было выгодно турецким властям. В донесении от 5 октября 1861 г. консул уже конкретно ставил вопрос перед князем А. Б. Лобановым-Ростовским, российским посланником в Константинополе (1859–1863), о необходимости ходатайствования в Констан-

тинопольском Патриархате, чтобы пелагонийский митрополит был заменен. Местные христиане также неоднократно подавали жалобы на своего митрополита в Патриархат, добиваясь его отстранения¹³. Позиции митрополита Венедикта до 1868 г. были непоколебимы. Почти каждое донесение Хитрово содержало факты, разоблачавшие действия пелагонийского митрополита против его паствы.

Впрочем, русский дипломат уверенно проводил свою линию. С его легкой руки в конце сентября 1861 г. состоялись выборы новых эпитропов¹⁴ общины, причем не из партии митрополита. Они с энтузиазмом взялись за дела христианской общины: были учреждены новые сборы в пользу школ и других общественных учреждений, и общий капитал значительно увеличился. В центральное училище наняли нового учителя, и при его вступлении в должность назначили публичный экзамен, на который были приглашены все консулы. Хитрово писал (5 октября 1861 г.), что в Битоле такая публичная церемония проводилась в первый раз, и школа была полна народу. Но митрополит, которого просили отслужить молебен, не пришел, желая расстроить торжество. Молебен был совершен приходским священником.

Хитрово весьма беспокоила направленность школьного обучения в Битоле. Грекофилы, убедившись, что достаточно сложно эллинизировать большинство православной общины, обратили свое внимание на подрастающее поколение и решили превратить школу в рассадник эллинизации. В городское училище на должность главного учителя был приглашен Маргаридес, причем с огромным жалованием – 20 тыс. пиастров в год. Он также пользовался покровительством греческого вице-консула. Благодаря Маргаридесу в училище остались работать только учителя-греки, которые внушали детям идеи национальности¹⁵. В школе учились мальчики разных национальностей – славяне и греки, причем к грекам себя причисляли все «городские арнауты и в особенности куцо-влахи, являющиеся несравненно более фанатичными филоэллинами, чем сами греки». Между детьми поселилась вражда, которая стала часто переходить в драку. Хитрово предвидел будущие раздоры от «засеваемых семян» в разнородном христианском населении этого региона. Русский дипломат стремился погасить пламя разгоравшейся ненависти между православными народами этого региона. Он беседовал с эпитропами, старшинами, влиятельными людьми, убеждая в пагубности подобного обучения. «Благодарнейшие из чорбаджи» соглашались с мнением Хитрово, «но здесь столько партий и разных вредных вли-

яний, что большей частью движение к благой цели бывает затруднено»¹⁶, – писал русский консул 18 января 1862 г.

1862 год не принес положительных результатов в плане введения болгарского языка в преподавание: «фанатизм греческой партии, поддерживаемый в этом случае митрополитом, не допускает» в училища преподавание болгарского языка. Несогласия в христианской общине привели к тому, что православные училища Битолы находились «в жалком положении»¹⁷. Но в 1862 г. на окраине Битолы, рядом с болгарским кварталом, на кладбище, была заложена новая православная церковь во имя Воскресения Христова (в болгарском переводе – Св. Неделя). Построенная на пожертвования беднейших жителей города церковь была освящена 13 октября 1863 г. Митрополит Венедикт, не без основания усматривая в этом событии проявление «народного самосознания», под разными предлогами уклонялся назначить священника и причт в Св. Неделю, поэтому литургию по праздникам и воскресеньям совершали поочередно городские священники.

В октябре 1863 г. благодаря увещаниям Хитрово В. Манчев, поссорившись с Лепавеком, ушел из миссии. Хитрово считал Манчева «человеком весьма способным», но опасался в чем-либо доверять ему¹⁸. Тем не менее он оказал поддержку Манчеву в организации частной школы¹⁹, в которой преподавался болгарский язык для болгарских детей бесплатно, так как Хитрово исходатайствовал школе ежемесячное пособие в 600 пиастров²⁰. Но в своих воспоминаниях Манчев отрицал всякую помощь от Хитрово, которая могла «скомпрометировать его предприятие в глазах турок»²¹.

После разрыва с лазаристами Манчев стал агитировать против католических миссионеров и выступать за введение славянского языка в литургию церкви Св. Недели. Не получая на это от митрополита официального разрешения, в мае 1864 г., когда митрополит Венедикт уехал на три месяца в Европу, битольские и прилепские болгары, среди которых были и ученики Манчева, самовольно начали петь по-славянски во время богослужения на правом клиросе, что спровоцировало драку в церкви. Присутствие Хитрово на литургии в последовавшее воскресенье оказалось достаточным для предупреждения всяких столкновений, «даже некоторые из владов, вполне огреченные, в тот день примкнули к славянскому хору и пели по-славянски».

Хитрово считал, что это были «первые еще только со стороны здешних болгар попытки заявления их народности». В донесении

от 6 июня 1864 г., где описывалось случившееся в церкви Св. Недели, русский консул отмечал: «Возбуждать чувство славянской народности в здешней местности, где оно до сих пор дремало, мне казалось неосторожным, но теперь, когда оно раз само проявляется, отказывать ему вовсе в сочувствии вряд ли было бы с нашей стороны благоразумным»²². Однако Хитрово не был абсолютно точен: с самого приезда в Битолю он много ездил по краю, дарил церковную утварь, одежды, книги, говорил о необходимости введения болгарского языка в богослужение и преподавание в школах. Австрийский вице-консул Зелнер считал, что все русские домогательства «завоевать болгаро-славян для русских интересов» были «до настоящего момента неуспешны»²³, о чем сообщалось в докладе от 11 декабря 1862 г. Хитрово был настойчив и последователен. В «Инструкции» от 12 января 1863 г., которую он специально составил для секретаря русского консульства в Битоле Е. М. Тимаева, оставленного ответственным за дипломатический пост на время его отпуска в 1863 г., Хитрово указывал: «...весьма было бы желательно, чтобы народность славянская получила здесь большее развитие, вступила бы в законные права, ибо в противном случае ей угрожает совершенное подчинение ее заискивающему влиянию ревнителей эллинизации. Первым из средств к движению этой цели было бы введение славянского языка в церковном служении и преподавание его в здешних училищах»²⁴. Присутствие русского дипломата в Битоле, выступления Хитрово против произвола местных турецких властей, козней митрополита Венедикта и натиска католической пропаганды исподволь трансформировали у моностроения болгар Битолю.

Летом 1864 г. болгары периодически возобновляли чтение молитв на болгарском языке в церкви Св. Недели и даже попытались узаконить свои действия, но духовенство Битолю не решилось на этот шаг в отсутствие митрополита Венедикта. 7 августа 1864 г. в церкви вновь произошла драка, и верх одержали греки, изгнав болгар. Австрийский вице-консул полагал, что в этих событиях явно замешан Хитрово, который «через своих сотрудников разными правдами и неправдами постоянно подталкивает болгар на выступления против турецкой власти»²⁵.

Без сомнения, нельзя не принимать во внимание состояние дел в церковном греко-болгарском вопросе, который решался в Стамбуле. Патриарх Софроний III (1863–1866) был вынужден сам пойти на некоторые уступки в болгарском вопросе. С назначением в 1864 г.

Н. П. Игнатъева русским посланником (1864–1877) в столице Османской империи резко повысился авторитет российской миссии²⁶.

Все эти перемены стали сказываться и в Битоле. В начале осени 1865 г. болгарские старшины Битола подали в митрополию просьбу о дозволении им исправлять церковную службу на своем родном языке и открыть болгарское училище во избежание необходимости отдавать своих детей на воспитание католикам. Просьба была одобрена и принята в митрополии. Но 18 октября по приказу генерал-губернатора Хюсни-паши (1864–1866) была закрыта частная школа В. Манчева, под тем предлогом, что он не имел официального разрешения из Стамбула. Манчев, оправдываясь перед Хюсни-пашой, указал на греческое училище, подобное его школе. Генерал-губернатор закрыл и его. Русский консул Н. Ф. Якубовский (1864–1873) подчеркивал, что в Битоле имелось более 8 греческих училищ, а училищ, в которых преподавался бы болгарский язык, кроме заведения Манчева, в городе не было²⁷.

Прошению болгарских старшин об открытии болгарского училища в Битоле митрополия намеренно не давала хода. Тогда болгары обратились к генерал-губернатору Хюсни-паше. Зять митрополита Венедикта Димитраки, который управлял делами епархии в его отсутствие, поспешил сообщить болгарским старшинам, что он получил письмо от митрополита Венедикта, который в то время заседал в Синоде Константинопольского Патриархата, будучи его членом. Митрополит не только разрешал болгарам иметь учителя болгарского языка, но обещал сам его приискать и прислать в Битолу. 29 октября 1865 г. 40 человек пришли в митрополию и просили членов совета передать благодарность митрополиту Венедикту и просить его, чтобы жалованье учителю болгарского языка было выдаваемо из церковной суммы наравне с греческими учителями.

Уступая болгарам, греческая партия была уверена, что, предоставив учителю болгарского языка место в одном из центральных училищ города, она найдет какие-нибудь неисправности в его работе и уволит его, чему уже были примеры. Болгары полагали, что им удастся показать, что преподавание болгарского языка в греческом училище не совсем удобно и недостаточно для самих болгар, и затем просить об открытии отдельного училища. Н. Ф. Якубовский считал, что если со стороны турецкой администрации города не будет препятствий, то болгары должны выйти победителями²⁸. Игнатъев, реагируя на донесение Якубовского, выступил в защиту болгар Битола, обратив внимание патриарха

и пелагонийского митрополита на необходимость удовлетворить требования болгар²⁹.

Перед Рождеством Христовым 1865 г. в центральном греческом училище Битолы была открыта «кафедра болгарского языка». Учителем был назначен Йован Жинзифов, отец известного публициста Р. Жинзифова. На уроки болгарского языка стали приходить более 60 детей. Болгары надеялись закрепить успех и со временем открыть свое училище³⁰. Об открытии отделения болгарского языка сообщил также и австрийский вице-консул П. Окули³¹. Успехи болгар тревожили Димитраки, который решил изгнать из Битолы Манчева, поскольку тот не только давал уроки болгарского языка, но и «усердно распространял среди болгар Битолы идею независимой болгарской церкви». Кроме того, Манчев постоянно отсылал в болгарскую газету «Турция» статьи с критикой действий Хюсни-паши³². 1 мая (21 апреля) 1866 г. вали, который ревностно относился к своему престижу и у которого Димитраки был в особой милости, выслал Манчева под конвоем из трех жандармов в его родной город Свиштов.

Эта потеря для болгар города была уже не так страшна. Количество учащихся у Й. Жинзифова увеличилось до 100 человек. Через 7 месяцев после открытия кафедры болгарского языка в центральном греческом училище был проведен публичный экзамен, на котором ученики показали большие успехи. Болгары решили нанять еще одного учителя, более сведущего, чем Жинзифов. Они пригласили Георгия Икономова, который преподавал болгарский язык в Прилепе и Велесе. Митрополия, не отказывая в этой просьбе, отвечала, что церковная касса не имеет средств платить жалованье двум болгарским учителям. Болгары указали на то, что церковная касса содержала 15 греческих учителей, тратя на их жалованье 70 тыс. пиастров в год. Но болгары составляли большую часть христианской общины, поэтому они надеялись, что епитропы выделят 6 тыс. пиастров в год на жалованье двум учителям болгарского языка. Однако 2 сентября 1866 г. договор с Икономовым не был заключен митрополией под предлогом недостаточности средств в кассе. Болгары решили составить просьбу в Патриархию, в которой после изложения сути дела заявляли о том, что если не будут произведены необходимые распоряжения в митрополии Битолы и болгары не будут уравниены в правах с греками, то они по примеру дунайских болгар будут просить об отделении их от греков³³. Неизвестно, была ли отправлена эта просьба.

Критское восстание (сентябрь 1866 г.) дало болгарскому церковному вопросу новый оборот. В донесении от 2 декабря 1866 г. Яку-

бовский сообщал, что болгары Велеса и Штипа послали в Стамбул просьбу об отделении их от греческой патриархии. Битольские болгары были менее решительны в своих действиях. Они приготовили прошение, в котором просили право богослужения, чтения и пения на болгарском языке в церкви Св. Недели. Просили о том, чтобы священник и певчий этой церкви были из болгар, чтобы им было позволено назначать епитропов из болгар для заведования кассой церкви Св. Недели, а также открыть в болгарских кварталах два болгарских училища (мужское и женское) и иметь в них учителей из болгар. В заключение болгары предупреждали, что они последуют примеру других болгар и будут просить об отделении их от греческой патриархии, если им будет отказано в искомым ими правах³⁴.

Донесения Якубовского за 1867–1868 гг. убедительно свидетельствуют о том, что болгары добились открытия своего училища не в результате борьбы с митрополитом Венедиктом, как принято в историографии, а благодаря тому, что сумели грамотно воспользоваться обстоятельствами. Вернувшийся в 1867 г. после длительного отсутствия Венедикт настроил против себя всю свою паству. Влахи старались всеми средствами исхodataйствовать отрешение его от места. Их активно поддерживали английский и греческий дипломаты, каждый преследуя свою цель³⁵. Венедикт, чтобы сохранить место, решил привлечь на свою сторону болгар, обещая им исполнить их желания, в чем им отказывали влахи, управлявшие христианской общиной города. И действительно митрополит посвятил в дьяконы одного болгарина в церкви Св. Недели, а потом посвятил в священники с разрешением совершать богослужение на славянском языке, о чем сообщал Якубовский в донесении от 25 сентября 1867 г.³⁶ Но вопрос об открытии училища для девочек не сдвигался с мертвой точки, хотя оно было внесено в список 9 училищ, которым Н. М. Тошков, торговец из Одессы, намеревался высылать по 3 тыс. пиастров в год³⁷.

В феврале 1868 г. острота конфликта заставила митрополита Венедикта открыто обратиться к болгарам, и, чтобы побудить их действовать в его пользу, он обещал исполнить все их законные требования. Болгары, убежденные многими примерами, что ничего не могут получить от валахов, решились быть на стороне митрополита и отправить депутацию в Патриархат с просьбой в пользу Венедикта. Якубовский отмечал, что в той ситуации «болгары заметно возвышаются духом. Между ними везде проявляется чувство национальности и поддерживаются ее права»³⁸. В октябре 1868 г. болгары провели собрание, на котором единодушно решили избирать из сво-

ей среды эпитропов для церкви Св. Недели. Они открыли болгарское училище для мальчиков, куда главным учителем был приглашен Д. Македонский, а также училище для девочек.

12 октября 1869 г. в Битоле приехал Янинский митрополит Парфений, назначенный на место митрополита Венедикта. Он не признал достижений болгар и приказал вернуть церковь Св. Недели под управление эпитропов митрополии, то есть валахам, а также выслать из Битолы священников этой церкви. 23 октября 1869 г. болгары на собрании объявили, что они не признают ни митрополита, ни греческого патриарха³⁹. Действия болгар были поддержаны Якубовским не только на дипломатическом уровне, но и денежным вспомоществованием. По установившейся практике перед главными православными праздниками русское консульство жертвовало деньги на богоугодные дела в кассу митрополии. С декабря 1869 г. такая же сумма вносилась и эпитропам церкви Св. Недели⁴⁰.

В 1874 г. в Битоле действовало 6 болгарских школ, в которых обучалось до 500 детей обоего пола⁴¹. По ходатайству Якубовского в эти училища направлялись учебники и книги из России. В марте 1875 г. из-за отсутствия средств болгарская община, состоявшая в основном из малоимущих людей, была вынуждена уволить главного учителя и закрыть Центральное болгарское училище, в котором учились около 60 детей⁴². В апреле 1875 г. русский консул В. А. Максимов просил Н. П. Игнатьева исходатайствовать постоянное денежное пособие Центральному болгарскому училищу в Битоле по примеру охридского училища имени Кирилла и Мефодия⁴³.

Другим направлением в деятельности русских консулов в поддержку национального образования на Балканах был подбор болгарских воспитанников для российских учебных заведений, снабжение их вспомоществованием на путевые расходы и другие хлопоты. В России для обучения славянской молодежи из Османской империи было выделено 10 казенных стипендий в военно-учебных заведениях, 75 стипендий в духовных семинариях и академиях (1856 г.), в 1860 г. министерству народного просвещения было ежегодно ассигновано 5000 руб. серебром для получения образования в русских гимназиях и университетах славян из Турецкой империи⁴⁴. Славянский благотворительный комитет также имел значительное количество своих стипендиатов. В историографии положительно установлено, что до 1878 г. в России получили образование около 700 человек⁴⁵, однако из-за отсутствия сведений точно определить, из каких населенных пунктов Османской империи они прибыли, не представ-

ляется возможным. Известно, например, что совершивший путешествие в Македонию в 1858–1859 гг. А. В. Рачинский, впоследствии русский консул в Варне (1861–1862), лично привез из Македонии 4 юношей и поместил их в гимназии. Д. Миладинов отправил учиться в Россию в 1856 г. своего младшего брата Константина, а в 1858 г. – еще 8 «болгаромакедонцев»⁴⁶.

Арест Д. Миладинова в 1861 г. и его печальная участь произвели тяжелое впечатление на жителей Битолы. На приглашение русского консула Хитрово получить бесплатное образование в России откликнулся Николаки Бояно из села Магарево. Его сын Стерио должен был выехать из Битолы вместе с Хитрово, который собрался в отпуск в Россию в январе 1863 г. Однако против отъезда С. Бояно была организована акция, в которой объединились лазаристы, английский и греческий консулы в Битоле, пелагонийский митрополит, битольские эллинисты, не говоря уже о турецкой администрации города. Мальчик остался дома, а действия турецких властей запугали христианское население Битолы⁴⁷.

Смена генерал-губернатора, изменения во внутреннем положении Битольского региона после черногорско-турецкой войны 1862 г., упрочение позиций русского консульства сделали возможным отъезд болгар на учебу в Россию. В начале сентября 1864 г. Хитрово начал ходатайствовать как по официальным каналам, так и в частном порядке, в личном письме к П. Н. Стремоухову, директору Азиатского департамента, «о предоставлении средств к безвозмездному образованию» для 14-летнего сына Д. Миладинова Страшимира. Хитрово полагал, что для юноши было бы полезнее учиться не в гимназии, а в Белградской семинарии. Старшая дочь Д. Миладинова, 12-летняя Царевка, обнаруживала «замечательные способности». Познакомившись с реалиями Битольского региона, Хитрово пришел «к сознанию о необходимости для здешнего народонаселения женского образования, которое одно способно очистить их нравы и развить в них чувства долга, гражданственности и патриотизма»⁴⁸. В 1866 г. Царевка Миладинова была принята в киевский институт с пансионом графини А. В. Левашовой.

В отсутствие Хитрово из Битолы в Николаевскую гимназию вместо А. Богданова, болгарина из Велеса, был послан совсем другой человек. Русский дипломат не только отправил Богданова в Россию за свой счет, но и взял на себя его содержание в Николаеве, что составляло ежегодно 180 руб. Для Хитрово трата была обременительна, но он сделал это «во внимание к особенной ревности к образованию,

выказанной Богдановым». И только тогда, когда Хитрово получил известие об отличном поведении и успехах Богданова, он попросил П. Н. Стремоухова принять болгарского юношу на казенный счет. Знаменательны его слова в письме к Стремоухову от 31 мая 1866 г.: «Пожертвовав уже несколько лет на службу на Востоке, я поневоле сжился с интересами здешних людей, как со своими собственными, и потому неудивительно, что принимаю их горячо к сердцу»⁴⁹.

По линии русского консульства в Битоле весной 1874 г. выехал поступать в киевскую гимназию Каранфилов, в ноябре 1874 г. Д. Димитрова, воспитанница битольского училища, отправилась в Одессу⁵⁰. Список⁵¹ уроженцев битольского региона, посланных на учебу в Россию, требует многих дополнений и уточнений. Так, например, в 1864 г. Славянский комитет в Москве принял стипендиатом Васи́ла Мишайкова из Битолы, племянника епископа Панарета⁵². Однако он прибыл в Россию, отучившись 3 года в афинской гимназии, и о нем хлопотал Н. П. Игнатъев, а не битольское консульство⁵³.

Материалы из АВПРИ раскрывают значительную помощь русских дипломатов в процессе внедрения национального образования в Битоле. Противостояние русских консулов католическим миссионерам, пропаганда и активные действия русских дипломатов в защиту введения болгарского языка в преподавание и богослужение, информация, получаемая от них о развитии болгарского национального движения в других болгарских землях Османской империи, даже само присутствие русского консульства в городе – все эти компоненты вместе дали импульс пробуждению и развитию национального самосознания у славянского населения Битолы. Введение болгарского языка в преподавание, а затем и учреждение болгарских училищ, всесторонне поддерживаемые русскими консулами как материальными средствами, так и по дипломатической линии, стали общим и значимым делом для болгарского населения Битолы. Оно во многом способствовало преодолению разобщенности болгар и превращению отдельных членов христианской общины города в единую болгарскую общину, которая начала осознавать свои национальные интересы, ощущать себя как часть болгарского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Шапкарев К.* За възраждането на българщината в Македония. Неиздадени записки и писма. София, 1984. С. 243.
- 2 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1430. Л. 24.
- 3 *Шапкарев К.* За възраждането... С. 243–244.
- 4 *Косев Д.* Русия, Франция и българското освободително движение 1860–1869. София, 1978. С. 144.
- 5 *Шапкарев К.* За възраждането... С. 243–244.
- 6 *Косев Д.* Русия, Франция... С. 145.
- 7 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 1. Л. 21.
- 8 *Шапкарев К.* За възраждането... С. 244.
- 9 *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. София, 1979. С. 102.
- 10 Цит. по: *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 169.
- 11 АВПРИ. Ф. 180. Д. 1415. Л. 23, 24, 26об.
- 12 *Косев Д.* Русия, Франция... С. 145.
- 13 АВПРИ. Ф. 180. Д. 1416. Л. 125.
- 14 Эпитропия (греч. Ἐπιτροπή – комиссия) – в греческом церковном праве, а также в греческом обществе – структура самоуправления. Эпитропия образуется путем выборов. Голосованием избираются члены комиссий (эпитропы), которые впоследствии осуществляют исполнительную власть.
- 15 Система милетов разделяла подданных Османской империи по религиозному признаку. Но XIX век – «век национальностей» – принес идею национального государства, что вело к пробуждению и росту национального самосознания народов, входивших в многонациональные государства. В православной общине г. Битола также начался процесс размежевания по национальному признаку. Образованное в 1830 г. Греческое королевство с 1840-х гг. открыто стало предъявлять претензии на соседние с ним земли – Эпир, Фессалию, Македонию и Фракию. Греческие учителя в Битоле были проводниками «Мегали идеи». Превознося культуру древней Греции, они уничижительно отзывались о культуре и истории соседних, «варварских», народов. Дети из болгарских семей, пытавшиеся как-то противостоять этому мнению, со стороны учителей подвергались унижениям, против них настраивали других детей, в семьях которых царил эллинофильство.

- 16 АВПРИ. Ф. 180. Д. 1416. Л. 15–16.
- 17 Там же. Л. 191.
- 18 Там же. Д. 1417. Л. 115об.
- 19 Там же.
- 20 Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. София, 1998. Т. 2. С. 36.
- 21 *Манчев В.* Спомени. София, 1982. С. 81.
- 22 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1418. Л. 133–134.
- 23 Македония през погледа... София, 1994. Т. 1. С. 270.
- 24 АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 1184. Ч. 2. Л. 519.
- 25 Македония през погледа... Т. 1. С. 326–327.
- 26 См.: *Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004. С. 126–127.
- 27 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. София, 1990. Т. 2. С. 218–219.
- 28 Там же. С. 223.
- 29 Там же. С. 224.
- 30 *Косев Д.* Русия, Франция... С. 165.
- 31 Македония през погледа... Т. 1. С. 358.
- 32 *Косев Д.* Русия, Франция... С. 167; Македония през погледа... Т. 2. С. 35–36.
- 33 *Косев Д.* Русия, Франция... С. 169–170.
- 34 Там же. С. 172.
- 35 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1422. Л. 17.
- 36 Русия и българското национално-освободително движение. София, 2002. Т. 3. С. 101–102.
- 37 Македония. Сборник от документи и материали. София, 1978. С. 225.
- 38 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1422. Л. 13об.
- 39 Там же. Д. 1423. Л. 76; *Косев Д.* Русия, Франция... С. 177–178.
- 40 АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 15. Л. 28об., 31.
- 41 Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1428. Л. 9.
- 42 Македония... С. 307.
- 43 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1429. Л. 39об.
- 44 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. София, 1987. Т. 1. Ч. 1. С. 118, 448, 471.
- 45 *Степанова Л. И.* Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции (50–70-е годы XIX в.). Кишинев, 1981. С. 159; *Генчев Н.* Българската култура XV–XIX в. София, 1988. С. 203.
- 46 *Ванчев Й.* Ново-българската просвета в Македония през възраждането (до 1878 година). София, 1982. С. 140–141.

- 47 См.: *Фролова М. М.* «Дело Стерио Бояно»: к вопросу об отправке молодежи из Османской империи на учебу в Россию (60-е гг. XIX в.) // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах.* М., 2012. С. 61–73.
- 48 АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 17. Л. 50.
- 49 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 2. С. 292.
- 50 АВПРИ. Ф. 159. Оп. 667/2. Д. 94. Л. 2, 14.
- 51 См.: *Трајановски А.* Престојот и школувањето на македонската и балканската интелигенција во Русија // *Балканот и русија: општо-то и специфичното во историкиот и културниот развикот.* Скопје, 2010. С. 82; *Ванчев Ѓ.* Ново-българската просвета... С. 142–143.
- 52 *Ванчев Ѓ.* Ново-българската просвета... С. 142.
- 53 Македонија... С. 221.

Frolova M. M.

Concerning the Assistance of Russian Diplomats to Bulgarians
from Bitola in Organising their National Educational System
(the 1860s)

The article is based on the archival and published sources and tells about assistance, which Russian diplomats rendered to the Bulgarian population of the city of Bitola, striving to introduce teaching of the Bulgarian language to their children, to open Bulgarian schools and send their youth to study in Russia.

Keywords: *Mikhail Khitrovo, Vasil Manchev, Lepavek, Nikolai Yakubovsky, Nikolai Ignatiev, Bitola, Bulgarian language.*

К. А. Вах
(Москва)

Российский Императорский Дом и Христианский Восток в период царствования Александра II

В статье дается комплексный обзор участия представителей Дома Романовых в процессе восстановления российского влияния в Османской империи после Крымской войны. Впервые на основе архивных материалов рассматривается история посещения Афона великим князем Алексеем Алексеевичем Романовым.

Ключевые слова: *Романовы, дипломатия, Ближний Восток, Турция, Иерусалим, Афон, Константинополь, паломничество.*

Эпоха императора Александра II практически полностью вписывается между двумя восточными войнами: Крымской (1854–1856) и Русско-турецкой (1877–1878). В этот период Христианский Восток становится символом, обретает особый историософский смысл для русского общественного сознания того времени и в конечном счете воздействует на внешнюю политику России. Все сословия русского общества так или иначе задействованы в этом общем русском движении на Восток, причем активная роль аристократии и членов императорской фамилии нередко задавала тон и определяла динамику в данном процессе.

После завершения Крымской войны представители придворной аристократии один за другим отправляются в Турцию, Египет, Сирию и Грецию. В какой-то момент могло показаться, что путь из Петербурга в Париж прошел через Иерусалим, Бейрут и Александрию. Когда в январе 1857 г. Б. П. Мансуров по заданию великого князя Константина Николаевича только следовал в Иерусалим для ознакомления с положением там русских паломников, ему повстречалась чета Олсуфьевых, уже возвращавшихся в Россию из Египта и Палестины¹, и граф Ферзен, брат царского егермейстера, отправлявшийся на всю зиму в Александрию². Граф Н. А. Кушелев-Безбородко в сопровождении большой и веселой русской компании прибыл в Бейрут из Константинополя по пути в Париж в конце марта 1857 г., собираясь предпринять путешествие по Палестине. Оставаясь в Иеруса-

лиме менее недели, Кушелев-Безбородко между делом прикупил по просьбе генерального консула Н. Е. Мухина два земельных участка – первые русские владения в Святой Земле, положившие начало Русской Палестине³. Будущий посол в Константинополе граф Н. П. Игнатьев проводит отпуск 1857 г., путешествуя по Египту и Палестине, откуда он был отозван по распоряжению императора⁴. В июле того же года братья графы Владимир и Анатолий Орловы-Давыдовы, путешествуя по Востоку, посетили Афон⁵. Н. В. Елагин, духовный писатель, чиновник особых поручений при Главном управлении цензуры, совершил паломничество в Иерусалим в 1857 г.⁶ «Кажется, что здесь путешествует столько русских, что встречаешь их на каждом шагу», – сообщал Б. П. Мансуров в письме к отцу⁷. Великим постом 1858 г. Иерусалим посетил князь Д. А. Оболенский совместно с генерал-майором свиты Его Императорского Величества Н. В. Исаковым⁸. 13 мая 1859 г. в Русик на Афон прибыл вышедший перед этим в отставку генерал-майор князь М. Д. Волконский⁹. Весной 1860 г. Святой Град вторично посещает граф Н. В. Адлерберг, сын душеприказчика императора Николая I и действующего министра Императорского Двора¹⁰. В конце 1860 – начале 1861 г. в Святую Землю повторно приезжает А. С. Норов¹¹. 28–29 июня Константинополь осматривает направляющийся в Афины принц Петр Егорович Ольденбургский¹². Упоминания о многочисленных русских «генералах» и «генералшах» часты и в паломнической литературе, и на страницах дипломатических документов 1860-х гг. И даже если только часть этих упоминавшихся «генералов» имела действительное отношение к российской аристократии, все равно число упоминаний будет внушительным. По сообщению одного французского издания, комментировавшего поездку в Святую Землю великого князя Константина Николаевича в 1859 г., «образ русского барина, путешествующего в большой компании европейских и местных гидов, в те годы сделался повсеместным на Востоке»¹³.

Особую роль в этом явлении играли возникшие под патронажем членов Российского Императорского Дома различные частные благотворительные комитеты и общества. Для улучшения положения восточных православных христиан некоторыми придворными дамами были образованы особые капиталы, заведывание которыми осуществлял Азиатский департамент МИДа¹⁴. Систематические пожертвования Иерусалимской Церкви и Гробу Господню отправлял упоминавшийся уже Н. В. Адлерберг. Княгиня Татьяна Васильевна Васильчикова, фрейлина императрицы Марии Александровны и ка-

валерственная дама Ордена св. Екатерины, сделалась благотворительницей в пользу христиан Османской империи, собирала средства для поддержания школ и других потребностей православного населения в Палестине, Болгарии и Сербии¹⁵. Некоторое покровительство иерусалимским деятелям оказывала великая княгиня Елена Павловна, интересовавшаяся, например, судьбой архимандрита Порфирия (Успенского) и оказавшая поддержку иеромонаху Вениамину (Лукьянову)¹⁶. В этом контексте создание в 1869 г. в Константинополе Дамского комитета для управления основанной там русской больницей (под председательством супруги посла Екатерины Леонидовны Игнатьевой, урожденной княжны Голицыной) находилось в полном соответствии с аристократической тенденцией той эпохи.

Председатель Императорской Академии художеств великая княгиня Мария Николаевна занималась организацией и финансированием колоссальной научной экспедиции на Афон под руководством П. И. Севастьянова. По ее поручению архимандрит Порфирий (Успенский) написал, вероятно, первую историю афонской иконописи в качестве руководства для русских художников, командированных на Афон Академией художеств¹⁷. Севастьянов осуществил на Святой Горе масштабную фотофиксацию архитектурных памятников, но главное, снял множество ценнейших славянских и греческих рукописей. Коллекция Севастьянова легла в основу собрания отдела Христианских древностей открытого в Москве 1 июля 1862 г. Румянцевского музея и составила отдельную коллекцию Академии художеств в Санкт-Петербурге.

Несомненным центром такого частного патроната Востоку была сама императрица Мария Александровна. В сферу ее сугубого попечения с момента своего возобновления в 1857 г. входила Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. Через свою канцелярию императрица ежемесячно жертвовала личные средства на русскую деятельность в Святой Земле. Именно на деньги Императрицы епископ Кирилл (Наумов) открыл в 1858 г. в Иерусалиме первый русский госпиталь, а архимандрит Антонин (Капустин) за три года (с 1865 по 1868 г.) выстроил школу для девочек в арабском селении Бейт-Джала близ Вифлеема. Финансовая помощь, поступавшая от императрицы, была регулярной, фактически ежемесячной, и переправлялась к начальнику Миссии личным секретарем Марии Александровны П. А. Морицем. Последнюю сумму от императрицы начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Антонин (Капустин) получил уже после сообщения о ее кончине. «Закатилось солнце красное, сиявшее и на нашу

Духовную Миссию...», – запишет он в своем дневнике¹⁸. Только одно архивное дело о пожертвованиях Марии Александровны Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и на православный Восток в целом состоит из 23 частей¹⁹. К сожалению, история благотворительности Императрицы еще не написана. Прекрасным памятником ее печенки о Святой Земле остается построенная в Иерусалиме на Елеонской горе ее детьми мемориальная церковь св. равноапостольной Марии Магдалины. Сама Мария Александровна никогда не была на любезном ее сердцу Православном Востоке. Поездка ее в Константинополь и, возможно, в Иерусалим планировалась в 1870 г. Архимандрит Антонин, со своей стороны, разработал под этот визит проект, по которому султан предположительно мог подарить императрице простертую над Крестным путем часть арки Ессе Номо. Из его сообщения также следует, что Марию Александровну в этой поездке должен был сопровождать и цесаревич²⁰.

Восток не был чужд и для детей Марии Александровны. Великий князь Алексей Александрович, отправленный по настоянию родителей путешествовать, прибыл в Константинополь летом 1867 г. Несмотря на то, что его морской восточный вояж внешне походил на паломничество его дяди великого князя Константина Николаевича²¹, состоявшееся еще в 1845 г.²², обстоятельства поездки и сама личность Алексея Александровича и его дяди – несовместимы. Во время посещения Царьграда Константин был гостем султана, который неоднократно принимал его вместе со спутниками. С историей паломничества великого князя Константина Николаевича на Святую Гору в 1845 г. связано начало расцвета там русского иночества. Когда же Алексей Александрович направился в столицу Османской империи, султан покинул ее ради встречи с императором Наполеоном III в Париже²³. Таким образом, в Константинополе Алексей Александрович оказался гостем Н. П. Игнатьева и российского посольства. «Показав великому князю все, что следовало, в городе и окрестностях, – писал Игнатьев архимандриту Антонину (Капустину), – я убедил его посетить Афон»²⁴. Обратившись к архивным документам, мы имеем возможность добавить несколько существенных черт к той картине пребывания на Афоне великого князя Алексея Александровича, которая представлена в известном анонимном очерке русского святогорца²⁵. Посещение Афона не входило в планы великого князя и происходило по настоянию посланника в Константинополе. Сделал это Игнатьев по трем причинам. Во-первых, это был прекрасный повод, который можно было использовать для укрепления престижа России среди

христианского населения на Востоке в целом. Во-вторых, посещение Афона – общепризнанного православного духовного центра – одним из представителей Дома Романовых способствовало росту русского влияния на Святой Горе²⁶. В-третьих, об этом Игнатъева настоятельно просил духовник Русского Пантелеимонова монастыря о. Иероним (Солменцев)²⁷. О. Иероним и его ученик схимонах Макарий (Сушкин), будущий настоятель русской обители²⁸, фактически подсказали посланнику эту идею, а Игнатъев, оценив выгоды от ее реализации, убедил великого князя принять его предложение²⁹. Сам посланник не смог сопровождать высокого путешественника на Святую Гору, так как в это же время встречал в Константинополе собственных родителей, прибывших к нему из Санкт-Петербурга³⁰.

Как только известие о прибытии на Афон Алексея Александровича достигло Пантелеимонова монастыря, начались молебствия о даровании ему благополучного путешествия. В самом Русике для встречи царственного посетителя собрались игумены всех монастырей, Прот в полном составе, настоятели некоторых скитов; даже отшельники пришли посмотреть на сына единственного на тот момент православного царя³¹. На какое-то время русский Пантелеимонов монастырь сделался сердцем Святой Горы, куда стекались и откуда исходили надежды и ожидания многих насельников Афона. Как одну из достопримечательностей обители великому князю продемонстрировали монастырскую фотолабораторию, устроенную еще при участии П. И. Севастьянова в конце 1850-х гг. Монахи-фотографы Леонтий и Геннадий сделали портрет Алексея Александровича, а потом – и групповой снимок великого князя со своими спутниками. Пока Алексей Александрович осматривал архондарик и беседовал в келье с о. Макарием (Сушкиным), оба снимка были напечатаны и вместе с другой фотографической продукцией монастыря поднесены августейшему паломнику³².

Вероятнее всего, программу посещения Святой Горы Алексеем Александровичем списали с той, которая в 1845 г. была разработана для великого князя Константина Николаевича. Ее только немного скорректировали с учетом меньшего количества времени, которое Алексею Александровичу предстояло провести на Святой Горе: два дня вместо трех. Тактика сухопутно-морского перемещения от монастыря к монастырю, ориентация преимущественно на славянские обители – все это напоминало о первом великокняжеском путешествии на Афон. Но были и отличия. В продолжение двух дней Алексей Александрович посетил Пантелеимонов монастырь, Карею

и в ней богословское училище, Андреевский скит, Ильинский скит, Скит Богородицы (Ксилургу), Лавру св. Афанасия, Ватопед, Хиландар и Зограф. От русского Пантелеимонова монастыря в этих поездках при великом князе неотступно находился о. Макарий (Сушкин), в тот момент – младший духовник русской братии Пантелеимоновой обители и ближайший помощник о. Иеронима.

Пребывание Алексея Александровича на Афоне было ознаменовано закладкой грандиозного соборного храма в Андреевском скиту, ставшего самым большим на тот момент на Балканах. Заложенный в память о чудесном избавлении от смерти императора Александра II³³ и посвященный св. апостолу Андрею Первозванному, собор имел два придела в честь небесных покровителей императорской четы: св. благоверного князя Александра Невского и св. равноапостольной Марии Магдалины. Участие в закладке Андреевского собора хотя и обессмертило имя Алексея Александровича на Афоне, но было скорее случайным событием, чем спланированным мероприятием. Вся организационная, техническая и финансовая работа была уже проделана до него. По счастливому совпадению он прибыл на Афон в нужный момент и поэтому смог принять участие в этом мероприятии. Под первый камень им были положены золотые монеты; в ознаменование своего участия Алексей Александрович начертал свое имя на строительных чертежах. Что же касается до Андреевского скита, то появление на его территории царского храма было большим подспорьем на будущее.

Пrestиж Пантелеимонова монастыря и русского братства в нем вырос в связи с прибытием на Афон Алексея Александровича. Но только ли это было целью старцев обители, просивших Игнатъева прислать к ним царского сына? Едва ли не в первом известном нам письме к Игнатъеву, подписанном совместно игуменом Герасимом, о. Иеронимом и о. Макарием, высказывалась просьба найти способ доставить монастырю официальное покровительство России³⁴. Речь шла не просто о дипломатическом покровительстве, но и о даровании обители имущественных прав на территории Российской империи. Реализовать такую просьбу было нелегко, и посланник надеялся, что личное внимание членов царской семьи будет способствовать скорейшему решению этого вопроса. Покидая Афон, Алексей Александрович пообещал о. Макарию, что он расскажет царю об оказанном ему в монастыре радушном приеме и «об искренних русских чувствах»³⁵. Старцы со своей стороны также рассчитывали на скорый положительный исход своего ходатайства, от которого зависела

«возможность поддержать обитель на желаемой степени внутренне-го и внешнего благоустройства»³⁶.

Однако, вернувшись домой, Алексей Александрович или не спешил, или не мог обратить внимание царя на просьбу монастырского начальства. Со стороны последнего потребовались дополнительные усилия, чтобы добиться какого-нибудь ответа из России. В январе 1868 г. в Петербурге вышла в свет уже упомянутая брошюра с описанием визита на Афон великого князя Алексея Александровича, написанная, вероятно, библиотекарем Пантелеимонова монастыря о. Азарием. 7 марта 1868 г. для великого князя Алексея Александровича и для его воспитателя генерал-адъютанта К. Н. Посыета через российское посольство в Константинополе были переданы два роскошных большеформатных памятных фотоальбома с видами афонских монастырей и некоторых чтимых икон Пантелеимонова монастыря. Третий альбом был изготовлен специально для Н. П. Игнатьева.

Наконец 26 марта 1868 г. последовал ответ из Петербурга. Алексей Александрович «в память посещения своего монастыря Св. Пантелеимона на Афоне и в знак милостивого внимания к особому христианскому радушию, которым Его Высочество был встречен там», с разрешения императора дарил игумену обители архимандриту Герасиму посох, украшенный драгоценными камнями, а для отцов Иеронима и Макария посылал два золотых наперсных креста, украшенных бриллиантами и изумрудами³⁷. На этом взаимоотношения обители с Алексеем Александровичем закончились.

Но если вопрос о российском покровительстве монастырю тогда решить не удалось, осязательная польза для обители от посещения Алексея Александровича все же была очевидна. Во время пребывания в монастыре великий князь несколько раз подчеркнуто дружелюбно и с благодарностью говорил о мирном сосуществовании греческого и русского братства в стенах одного монастыря³⁸. В дипломатической среде, которая окружала великого князя, никто кроме Игнатьева не разбирался во всех тонкостях совместного существования русских и греков под одной монастырской крышей. В свою очередь, Игнатьев, посетивший Афон ровно за год до Алексея Александровича, получал информацию преимущественно из рук отцов Иеронима и Макария³⁹. Отношения между разноплеменным братством Русика давно накалились и готовы были в любой момент вылиться в открытое противостояние. Ранее греки уже обвинили русских в небрежении монастырским уставом, повлекшим расстройство уклада монашеской жизни, поскольку Пантелеимонов монастырь в начале 1860-х гг.

сделался пристанью для кораблей Русского Общества Пароходства и Торговли⁴⁰. Высказывая свое удовлетворение существующим порядком вещей, Алексей Александрович исполнял тем самым просьбу Игнатьева о содействии поддержанию мира в обители.

Осенью того же 1867 года Константинополь впервые посетил совсем еще юный великий князь Сергей Александрович, в будущем основатель и первый Председатель Императорского Православного Палестинского Общества, совершивший трехдневную поездку из Крыма совместно с сестрой, великой княжной Марией Александровной⁴¹. Великого князя сопровождал его воспитатель адмирал Д. С. Арсеньев, Марию Александровну – графиня А. А. Толстая, которую обыватели цареградских предместий принимали за российскую императрицу.

Прибытие царских детей в османскую столицу не осталось незамеченным, несмотря на их официальное инкогнито. Три дня, конечно, оказались ничтожно малым сроком для осмотра такого города, как Константинополь, и вся поездка напоминала больше развлечение, устроенное для своих младших детей их венценосными родителями. Из описания адмирала Д. С. Арсеньева видно, что его подопечные осмотрели старый султанский дворец (Сарай-Бурну), Св. Софию, вероятно, мечети на площади ат-Мейдан, Влахернский храм, базар, Семибашенный замок и стены, окружавшие город. Один из трех дней был посвящен поездке за город к «Сладким водам Азии».

Принимали гостей граф Н. П. Игнатьев и его супруга Е. Л. Игнатьева. Она же организовала для них экскурсию в гарем одного из пашей, напомнившую о подобном же посещении султанского гарема во время путешествия в Константинополь великого князя Константина Николаевича с женой и сыном в 1859 г. Но Сергей Александрович был лишен этой возможности из-за категорического возражения А.А. Толстой, о чем он очень сожалел.

С кратким пребыванием на Христианском Востоке Сергея и Марии связано основание два года спустя женской православной школы в Буюк-дере. Зная личность и благотворительную деятельность воспитательницы великой княжны А. А. Толстой, а также учитывая благотворительность православным христианам Османской империи со стороны русских аристократов, можно предположить, что какие-то мысли об учреждении нового русского благотворительного заведения на Босфоре могли обсуждаться между графиней Е. Л. Игнатьевой и фрейлиной А. А. Толстой.

Подобные предложения были на руку и российскому посланнику в Константинополе Н. П. Игнатьеву, поскольку среди представи-

телей европейских держав в Турции развернулась реальная конкуренция на поле различных благотворительных проектов. Именно в это время со стороны Игнатьева инициируется старый вопрос об учреждении в Константинополе русского госпиталя, о котором за 10 лет до того писали Б. П. Мансуров⁴² и архимандрит Феофан (Говоров)⁴³. Поднимается вопрос о строительстве стоящего отдельно от посольства русского храма в Пере, проходит реконструкция церкви на даче посольства в Буюк-дере.

Летом 1869 г. при посещении императора в Ливадии Игнатьев сумел уговорить императрицу Марию Александровну учредить на собственные средства женскую православную школу в Буюк-дере, рядом с летней резиденцией посольства⁴⁴. Кроме этого, посол просил увеличить количество стипендий для девушек-славянок из Турции, дающих право поступления в Киевское Левашевское училище. Однако по возвращении в Петербург императрица переменила свое решение. «Если бы средства вверенной мне кассы Государыни Императрицы, – писал секретарь Марии Александровны П. А. Моритц, – соответствовали сочувствию Ее делу образования единоверцев наших в Турции, то без сомнения ходатайство посла нашего при Порте Оттоманской об учреждении от щедрот ее Величества нескольких стипендий в пользу славянских девиц в Киевском Левашевском институте было бы удовлетворено без всякого замедления. К сожалению, средства этой кассы очень ограничены, и число стипендиатов Ее Величества останется неизменным [...] По всем этим соображениям удовлетворение ходатайства генерал-адъютанта Игнатьева по необходимости должно быть на некоторое время отложено»⁴⁵.

Относительно же школы в Буюк-дере П. А. Моритц сообщал, что императрица и так уже с 1857 г. оказывает финансовую поддержку в размере 1000 руб. серебром греческой женской школе в Константинополе. «Если училище это не достигает предначертанной цели, то Всемилостивейшее в пользу одного даяние становится неуместным и могло бы быть назначено на поддержание вновь открываемой школы. Назначение же еще ежегодного производства тысячи руб. серебром из собственных сумм для второй школы в одной и той же местности Ее Величество изволит находить обременительным для Ее кассы, обязанной поддерживать столько однородных учреждений в нашем отечестве»⁴⁶.

Вероятно, в этот момент вспомнилась недавняя поездка детей императрицы, Алексея, Сергея и Марии, в Константинополь. Мы не имеем сведений, кто именно побудил великих князей взять на себя

заботу о содержании училища. Возможно, Е. Л. Игнатьева обратилась к А. А. Толстой. Как бы то ни было, в 1870 г. первый ежегодный взнос на содержание вновь открытой при посольстве женской школы в Буюк-дере сделали великие князья Алексей, Сергей и великая княгиня Мария. Позднее к ним присоединился и великий князь Павел⁴⁷.

Можно указать и еще на одного сына Марии Александровны – Владимира, который не был на Востоке, однако имя его попало в любопытный дипломатический проект. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин), добыв где-то фотографию юной красавицы, племянницы султана Абдул-Азиза, полусуто-полусерьезно предлагал обвенчать Владимира Александровича с юной принцессой. Антонин отправил фотографию и свои предложения Игнатьеву в частном письме, которое сохранилось в личном фонде графа Игнатьева. «Вот бы штука была на удивление всему свету настоящему и грядущему, а пожалуй – и минувшему! – восклицает Антонин. – Еще бы один подвод под лучезарный престол Блистательной Порты!»⁴⁸

Как смотреть на это предложение нам сегодня? Как на шутку? Вряд ли Антонин мог себе это позволить. В его письмах к Игнатьеву, которых сохранилось достаточное количество, есть множество остроумных, порой едких фраз, но нет ни одного непродуманного или бессмысленного предложения. Поэтому, чтобы вынести суждение об этом на первый взгляд фантастическом проекте, нужно вспомнить, что в условиях почти полного бездействия со стороны Синода и сложных взаимоотношений его с российским МИДом, когда в самом дипломатическом ведомстве восточная политика России как долгосрочная политическая программа отсутствовала, когда взаимодействие Азиатского департамента с послом в Константинополе сопровождалось интригами или безразличием, и Антонин, и Игнатьев вынуждены были изобретать на месте средства для продвижения национальных интересов государства и Церкви.

Игнатьев за первые пять лет своего пребывания в Константинополе сумел выстроить независимые, но вполне дружеские отношения с османскими чиновниками; к послу испытывал чувство доверия султан Абдул-Азиз. С другой стороны, перед Игнатьевым, по утверждению Антонина, был открыт слух российского царя⁴⁹. Он действительно имел возможность писать и писал всеподданнейшие донесения, минуя МИД, прямо на высочайшее имя и лично делал доклады Александру II во время своих поездок в Россию. Вероятно, предлагая Игнатьеву этот проект, Антонин имел в виду близость его

к обоим самодержцам и рассчитывал, что послу удастся провести этот план в жизнь.

И кто знает, что могло побудить во второй половине жизни того же Владимира Александровича стать покровителем киевской Комиссии по воспроизведению точных копий пещеры Святого Гроба Господня и Инкерманского пещерного храма святого Климента при Киево-Лукьяновской Свято-Феодоровской церкви!⁵⁰

Исключительное значение для русских интересов на Христианском Востоке имело первое августейшее паломничество в Палестину великого князя Константина Николаевича в начале мая 1859 г. В декабре 2010 – феврале 2011 г. в выставочном зале Федеральных архивов прошла юбилейная выставка, посвященная Константину Николаевичу и 150-летию основания Русской Палестины, состоялась научная конференция, материалы которой были изданы⁵¹. Поэтому мы ограничимся только краткой характеристикой тех системообразующих элементов, которые были привнесены в русскую церковно-дипломатическую деятельность на Востоке командой великого князя Константина Николаевича:

1. Впервые для решения государственно-политической задачи на Востоке была создана, пусть и со многими оговорками, общественная организация «Палестинский комитет» – ставшая прообразом будущей неправительственной общественной организации: ИППО.

2. Общественная и гуманитарная деятельность представителей России в Османской империи не сразу, но все-таки была признана государством и стала использоваться в качестве инструмента внешней политики России на Ближнем Востоке.

3. Традиционные приоритеты российской внешней политики на Ближнем Востоке, направленные прежде исключительно на поддержку поместных Православных Церквей, полностью подконтрольных представителям греческой нации, были существенно пересмотрены в сторону ориентации на российские национальные интересы.

4. На Ближнем Востоке, и в первую очередь в Палестине, за пять лет была создана впечатляющая российская инфраструктура, включавшая Яффу, Хайфу, Назарет, Рамле с центром в Иерусалиме, приобретены большие земельные участки и фактически заново организована стихия русского религиозного паломничества. Именно Иерусалимский гуманитарный проект великого князя позволил России стоять в Палестине на своих ногах, видеть ситуацию своими глазами и оказывать поддержку православному населению своими руками. И только колоссальное сопротивление петербургской бюрократии в

России и греческой партии на Востоке помешало реализации аналогичного иерусалимскому проекту на Святой Горе. В результате феномен русского Афона, сложившийся почти на 30 лет позднее, оказался и более уязвимым в изменившихся исторических условиях XX в.

Мощнейшие интриги, приведшие в итоге к устранению Константина Николаевича из его собственного проекта, могли бы уничтожить и все следы его деятельности, если бы не личное расположение и непосредственное участие в иерусалимском деле Александра II. До настоящего времени это обстоятельство мало принимали в расчет.

В 60–80-х гг. XIX в. посещения Святой Земли и Константинополя представителями различных монарших домов Европы становятся постоянным инструментом в борьбе за влияние держав в Османской империи. В этих условиях российский МИД, чтобы не вызывать раздражения держав, скорее выступал противником поездок на Восток членов Российского Императорского Дома. Сохранились свидетельства о намерении императрицы Марии Александровны совершить паломничество в Иерусалим, которое должно было состояться в 1869–1870 гг. К 1870 г. относится первое упоминание о готовившемся путешествии брата императора Николая Николаевича. Возможно, его фигура была предложена МИДом как альтернатива поездке императрицы.

Паломничество в Иерусалим Николая Николаевича Старшего состоялось только в 1872 г. и было вызвано необходимостью поддержать Иерусалимского Патриарха Кирилла, который оставался единственным из восточных Патриархов, отказавшимся присоединить свой голос к документу об отлучении болгар от Православной Церкви⁵². К сожалению, события в Константинополе развивались быстрее, чем на это рассчитывали в МИДе. Великий князь прибыл в Константинополь, когда Константинопольская Церковь объявила болгар схизматиками⁵³. Все это заставило его изменить маршрут путешествия. Он не смог поехать из Константинополя на Афон, где к его встрече специально готовились⁵⁴. Вместо этого Николай Николаевич отправился в Бейрут и оттуда сухим путем в Палестину. В Иерусалиме он участвовал в освящении Троицкого собора на Русских постройках и церкви св. Георгия в Лидде, восстановленной на средства российских кавалеров ордена св. Георгия Победоносца. Однако предотвратить кризис в Иерусалимской Церкви авторитет Императорского Дома был уже не в силах. Через два дня после отъезда великого князя из Иерусалима Патриарх Кирилл был низложен постановлением собственного Синода, а греческое святогробское брат-

ство отслужило в храме Воскресения благодарственный молебен «за избавление от русского влияния»⁵⁵.

В эпоху царствования Александра II Россия, по образному выражению А. М. Горчакова, «сосредотачивалась». Две главные задачи были поставлены императором перед русской дипломатией на Востоке: борьба за восстановление русского влияния и поддержка Православия на Христианском Востоке. Все, что осуществлялось Россией на Востоке в рамках решения этих задач, не только подлежало одобрению, но и контролировалось лично царем. Создание РОПиТ, возобновление Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, учреждение и деятельность Палестинского комитета, проект русских построек в Иерусалиме – везде император принимал непосредственное участие. Степень его вовлеченности в процессы характеризует пример из истории создания Палестинского комитета. Вот как описывает Б. П. Мансуров свою встречу с царем в наиболее сложный для Иерусалимского проекта момент. Решался вопрос о разрешении великому князю Константину Николаевичу совершить паломничество в Иерусалим, где в тот момент завершались земельные приобретения для будущих Русских построек. «Его Величество повторил несколько раз: не теряйте мужества и всегда рассчитывайте на меня, теперь Вам покровительствую я. Я знаю, что повсюду Вы встречаете мало сочувствия, я сумею Вас поддержать, потому что сам теперь хочу, чтобы Вы преуспели. То, о чем Вы просите, справедливо, я считаю, что это можно исполнить и это будет исполнено». Участие Александра II в деятельности Палестинского комитета никогда не было формальным. Журналы Палестинского комитета утверждались императором лично, достаточно часто отдельные утверждения Комитета имеют комментарий царя. Что-то по его требованию возвращалось на доработку или обсуждалось вновь. Даже поверхностный анализ этих данных позволяет говорить о непосредственном участии царя в руководстве Палестинским комитетом.

Внимание Александра II к Православному Востоку в разные периоды было разным, но оно не прекращалось никогда. Наиболее существенные результаты получались тогда, когда включенность императора в восточные дела была наиболее активной и прямой. Более того, в истории Российской империи не было периода, когда император столь лично участвовал в процессе реализации русских национальных проектов на Востоке, как это было в царствование Александра II. Можно только гадать, каких результатов достигла бы

деятельность России на Востоке, если бы этот личный вклад императорской семьи, и в первую очередь царя, продолжал эволюционировать при его преемниках.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 32. Л. 50об.
- 2 Там же.
- 3 Обстоятельства этого малоизвестного приобретения см.: *Вах К. А.* Итальянец на русской службе в Иерусалиме: неизвестные страницы истории Русской Палестины // Славянский альманах 2011. М., 2012. С. 120–139.
- 4 *Игнатьев Н. П.* Письма с Востока в 1857 году / Сост., подгот. текста, коммент., научная статья К. А. Ваха. М., 2014 (в печати).
- 5 См: Две книги выписок из гостевой книги достопамятных посещений РПМА за 1852–1889 гг. Архив Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Оп. 10. Д. 11. Документ 4434. Л. 4.
- 6 *Зеленина Я. Э., Белик Ж. Г.* Первые русские храмы в Иерусалиме. Троицкий собор и церковь мученицы Александры. М., 2011. С. 30.
- 7 ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 32. Л. 78.
- 8 Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 172–173.
- 9 Архив Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Оп. 10. Д. 11. Документ 4434. Л. 6.
- 10 *Adlerberg N.* En Orient. Impressions et réminiscences. Vol. 1–2. St.-Petersbourg, 1867.
- 11 *Норов А. С.* Иерусалим и Синай. Записки второго путешествия А. С. Норова на Восток / Под ред. В. Н. Хитрово. СПб., 1878.
- 12 *Архимандрит Антонин (Капустин).* Дневник. Год 1862. Записи за 28–29 июня. Библиотека ИППО в ГМИР. Шифр ИППО Б.IV.853/7. С. 162.
- 13 *Revue des deux Mondes.* 1865. 1 Juillet.
- 14 Например, капитал графини Протасовой № 18. Создан в 1863 г.: АВР РИ. Ф. 154. Оп. 710/1. Д. 727.
- 15 См: Отчет княгини Т. В. Васильчиковой и графини Н. Д. Протасовой о получении и отправлении книг, вещей и денежных сумм на вспомоществование нуждающимся православным на Востоке. СПб., 1859.
- 16 *Мельникова Л. В.* Памятник Крымской войны. Вениаминовское подворье ИППО в Иерусалиме и его основатель игумен Вениамин (Лу-

- кьянов) // Международная научная конференция «Императорское Православное Палестинское Общество: к 130-летию со дня основания». М., 2012. С. 69–80.
- 17 НИОР РГБ. Ф. 269/р. I. К. 32. Д. 24.
- 18 *Антонин (Капустин), архимандрит.* Дневник. Год 1880. Запись за 24 мая. РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1129. Л. 44.
- 19 «Пожертвования Государыни Императрицы Марии Александровны в Духовную Миссию». Ч. 1–23. 1857–1888. АВП РИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1856 г. Д. 11.
- 20 «С прошлой почтой г. Кожевников послал Вашему Высокопревосходительству подробное изложение об арке: Се человек. Я тоже послал Вам иерусалимскую розу с изображением сей арки. Прибережь бы слово о ней до прибытия в Константинополь Ее Высочества государыни императрицы. Благовиднее и успешнее (мы тут здешние и маленькие так судим) было бы наше слово о ней. На пашу здешнего едва ли можно много полагаться. Он отличный человек, это правда, но он человек «юной Турции», ратующий под девизом: *viribus progriis*. Он ни католикам, ни нам, сам собою, ни за что не уступит ни одной пяди земли и ни одного нового самонаименованного права. Это его принцип. Нужен особенный стимул к тому, чтобы сделать его, так сказать, невольным нарушителем своего принципа. А этот стимул единый и единственный (мнение нас малейших тутошних) есть посещение султана если не царем и царицей, то государем наследником... И почему бы будущему властителю России предварительно не познакомиться с Востоком? Привлеките его всеми доводами ума и сердца и даже бессердечия (политики) в край сей. Тогда одного слова его султану достаточно, чтобы все было, как нам хочется» (Письмо архимандрита Антонина (Капустина) к Н. П. Игнатьеву от 15.03.1870 // ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 123–123об.).
- 21 См: *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Двухдневное пребывание на Святой Горе Афонской Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича. СПб., 1868. С. 3–4.
- 22 См: *Сидорова А. Н.* Путешествие в Царьград, Константинополь и Стамбул великого князя Константина Николаевича в 1845 году // Россия – Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: материалы XV Царскосельской научной конференции: сб. научных статей в 2 ч. СПб., 2009. Ч. 2. С. 106–125; *Вах К. А.* Великий князь Константин Николаевич и Афон // Гора Афон. Образы Святой Земли / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2011. С. 62–69.

- 23 Исполнявший в те годы обязанности начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин), переведенный туда из Константинополя вместо архимандрита Леониды (Кавелина), иронично записал в дневнике, что великий князь Алексей Александрович едет в Царьград на место султана. См.: *Антонин (Капустин)*. Дневник. 1867 год. Запись от 10 июня. ГМИР. Библиотека ИППО. Шифр: И.П.П.О. Б. IV. 853. С. 102. Вообще на страницах дневника архимандрита Антонина упоминания о поездке Алексея Александровича соседствуют с информацией о французской деятельности на Востоке. Это позволяет предположить, что восточный вояж великого князя российская дипломатия старалась противопоставить хотя бы на информационном поле той успешной пропаганде французской деятельности, которую вели французские дипломаты. Так, днем ранее (9 июня) Антонин описал происходившее богослужение в храме Воскресения, которое возглавлял Иерусалимский Патриарх: «Поминал Его Блаженство в молитве своей и Наполеона III, а равно и на сугубой эктинье. Мы тоже возгласили ему многолетие. Г. de Bargerre (Эдмон де Баррер, французский консул в Иерусалиме. – К. В.) был в восторге...» (Там же. С. 102). Ясно, что это «помянутое» было связано с продолжавшейся на средства Франции, России и Турции реставрацией купола храма Воскресения в Иерусалиме, но эффект от такого «возглашения» устами православного Иерусалимского Патриарха на православной службе главного покровителя католиков Палестины должен был быть весьма значительным. 28 июня Антонин делает новую запись о возможном прибытии в Иерусалим Алексея Александровича и там же упоминает о предстоящем посещении Палестины императрицей Евгенией, супругой Наполеона III (Там же. С. 113).
- 24 РГИА. Ф. 1561. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.
- 25 Двухдневное пребывание на Святой Горе Афонской Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича. СПб., 1868. (Первое издание: Херсонские епархиальные ведомости, 1867. № 20). Очерк подписан: «Русский святогорец». Возможно, авторство его принадлежит монаху Азарии, секретарю, библиотекарю и историку Пантелеимонова монастыря. Написанный им очерк о посещении обители Н. П. Игнатьевым в 1866 г. и по стилю, и по языку совпадает с текстом данного очерка. См.: Три дня на Святой Афонской Горе 27, 28 и 29 июля 1866 г. СПб., 1867. Подписано: «Русский святогорец, монах Азария». Согласно данным Д. Д. Языкова и о. Иннокентия (Просвирнина), очерк написал архимандрит Леонид

- (Кавелин). См.: *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц. СПб., 1909. Вып. 11. С. 99; *Анатолий Просвирнин, протоиерей.* Афон и Русская Церковь. Библиография // *Богословские труды.* М., 1976. Вып. 15. С. 216.
- 26 По словам архимандрита Леонида, великий князь «не хочет миновать, хотя и стоящую в стороне от его пути, Святую Гору [...] дабы ободрить, поддержать и утешить подвизающихся на ней в вере и благочестии присных молитвенников за Россию и ее Царствующий Дом, как за своих единственных благодетелей и покровителей» (там же. С. 3).
- 27 «Известясь о ожидаемом прибытии в Константинополь Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича, мы, в надежде на снисходительность Вашу, осмеливаемся просить, не найдете ли возможным предложить благоверному князю посетить Св. Гору и ее обители по примеру Его Императорского Высочества великого князя Константина Николаевича, и если последует на сие милостивое соизволение Его Высочества, почтить нас своевременным о сем уведомлением для приготовления подобающей Высокому посетителю». Это письмо к Н. П. Игнатьеву подписали игумен Герасим, духовник Иероним и иеромонах Макарий. См.: Архив Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Документ А001807. Л. 308.
- 28 С оо. Иеронимом (Соломенцевым) и Макарием (Сушкиным) Игнатьев познакомился во время своего первого посещения Святой Горы в 1866 г. О первой поездке Игнатьева на Афон см.: *Азария, монах.* Три дня на Святой Афонской Горе 27, 28 и 29 июля 1866 г. СПб., 1867.
- 29 Кроме Афона, Алексей Александрович согласился посетить Иерусалим, куда его прибытия ожидали на обратном пути из Александрии; к сожалению, этот визит так и не состоялся. См.: *Антонин (Капустин).* Дневник. 1867 г. Записи за 28 июня и 25 сентября. ГМИР. Библиотека ИППО. Шифр: И.П.П.О. Б. IV. 853. С. 113, 171.
- 30 Письмо настоятеля Андреевского скита игумена Феодорита к Н. П. Игнатьеву о посещении великим князем Алексеем Александровичем от 20.06.1867 // АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 2904. Л. 42.
- 31 Двухдневное пребывание на Святой Горе Афонской Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича. С. 4–5.
- 32 Двухдневное пребывание на Святой Горе Афонской Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича.

- С. 9. Воодушевленные успехом монастырские фотографы продолжили сессию и после отъезда Алексея Александровича. Леонид (Кавелин), который на несколько дней задержался в монастыре вместе с солунским консулом А. Е. Лаговским и секретарем посольства М. А. Хитрово, позднее послал Антонину (Капустину) в Иерусалим сделанные в монастыре собственные фотографии вместе со снятыми ранее изображениями великого князя. См.: *Антонин (Капустин)*. Дневник. 1867 г. Записи за 28 июня и 25 сентября // ГМИР. Библиотека ИППО. Шифр: И.П.П.О. Б. IV. 853. С. 132.
- 33 От покушения на него 25 мая 1867 г.
- 34 «При благотворительном к обители нашей со стороны благодеющей России вниманию не видно к ней со стороны последней внешнего, официально торжественного политического покровительства. Но всем известно, что на политическом горизонте бывают разные перемены – и приятные, и неприятные, вследствие чего мы и решились утруждать Вас, Ваше Высокопревосходительство, всепокорнейшею нашей просьбой – исходатайствовать нам и внешнее официально-торжественное политическое покровительство благословенной России [...] Впрочем, если почему-нибудь будет неудобно простирать таковое покровительство России на всю нашу обитель; то мы будем довольны, если оно прострется на одних только Русских насельников нашей обители. Однако ж что касается до собственного желания относительно сего предмета и другой половины насельников нашей обители, то и они не отстают от Русских в желании сего могущественного России покровительства. Само собою разумеется, что мы, пользуясь со стороны России таковым покровительством, обязаны будем и со своей стороны взаимно соответствовать сему возможными для нас, должным образом, как мы и всегда были готовы то делать по чувству не единоверия только, но и единокровия и всегдашней взаимной привязанности. Русская Афонская обитель на самом деле и оказывала своему отечеству сильные услуги по требованию времени и обстоятельств» (Архив Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Документ А001807. С. 301–303).
- 35 Двухдневное пребывание на Святой Горе Афонской Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича. С. 25.
- 36 Архив Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Документ А001807. С. 308.
- 37 Там же. Оп. 10. Д. 23. Документ 94. Л. 34–34об.

- 38 Двухдневное пребывание на Святой Горе Афонской Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича. С. 10.
- 39 После посещения Афона Игнатъевым одним из первых обращений к нему от монастыря была просьба об официальном покровительстве со стороны России. Среди прочих аргументов старцы писали Игнатъеву следующее: «В настоящую пору монастырь наш общежительно населяется под управлением одного старца Игумена не только Русскими, но есть между ними и Греки, и Болгары, и немногие из других племен. Русских половина, чем практически решается небеструдная, но вместе с тем и полезная для всей Православной Церкви задача духовного союза разноплеменных национальностей. Польза для Церкви этого союза сказалась еще в недавнее время, а именно в последнюю войну, когда Вселенский Патриарх указал на нашу обитель в отражение иезуитских наветов папистов, силившихся доказать, будто бы Русская и Греческая церкви разошлись так далеко между собою, что единоверие их существует только на бумаге» (Архив Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. Документ А001807. С. 302).
- 40 Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 2. Переписка / Под ред. П. В. Безобразова. СПб., 1910. С. 838–842.
- 41 Краткое описание см.: Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 1: 1857–1877. М., 2006. С. 2011–2014.
- 42 Мансуров Б. П. Русские паломники в Иерусалиме. СПб., 1857. С. 163.
- 43 Ключарев А. С. Преосвященный Феофан Затворник и его пастырская деятельность // Православный собеседник. 1904. Сентябрь. С. 662.
- 44 АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 435. Л. 35.
- 45 Там же. Д. 434. Л. 463–463об.
- 46 Там же. Д. 435. Л. 35об.
- 47 См. упоминание о ежегодном пожертвовании на нужды школы 300 руб. серебром великой княжной Марией и великими князьями Сергеем и Алексеем в 1871 г. (АВП РИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 436. Л. 186–186об.), великой княжной Марией и великими князьями Сергеем и Павлом в 1872 г. (Там же. Д. 437. Л. 270–270об.), великими князьями Алексеем, Сергеем и Павлом в 1875 г. (Там же. Д. 440. Л. 304).
- 48 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 2294. Л. 5–6об.
- 49 Там же. Л. 88об.
- 50 Архив Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. П. 69. Д. 1442. 1 л.

- 51 Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. Каталог выставки / Автор-составитель К. Вах. М., 2012. Материалы конференции см.: Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012.
- 52 *Соколов И. И.* Иерусалимский Патриарх Кирилл II и его отношение к болгарской церковной схизме // Сообщения ИППО. 1914. Т. 25. Вып. 1. С. 30–66; Вып. 2. С. 169–206; Вып. 3–4. С. 325–371; 1915. Т. 26. Вып. 1–2. С. 64–124; Вып. 3–4. С. 261–325; 1916. Т. 27. С. 87–155.
- 53 *Антонин (Капустин)*. Низложение Иерусалимского Патриарха Кирилла (дневник покойного начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме о архимандрита Антонина) // Сообщения ИППО. СПб., 1901. Т. 12. № 1. С. 75–84.
- 54 В архиве Русского Пантелеимонова монастыря сохранилась рукопись: «Порядок встречи Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича, предполагавшейся в 1872 году». Согласно этому документу, к визиту великого князя в монастыре был тщательно разработан новый церемониал встречи, отличавшийся целым рядом особенностей.
- 55 АВП РИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3554. Л. 114.

Vakh K. A.

The Russian Imperial House and Christian Orient
during the Reign of Alexander II

The article presents a comprehensive survey of the House of Romanov's participation in the process of restoration of Russia's influence in the Ottoman Porte after the Crimean War. For the first time, the history of Grand Duke Aleksey Aleksandrovich' visit to Mount Athos is considered on the basis of archival sources.

Key-words: *House of Romanov, diplomacy, Near East, Ottoman Porte, Jerusalem, Mount Athos, Constantinople, pilgrimage.*

М. А. Робинсон
(Москва)

В. И. Ламанский, его взгляды на развитие славяноведения, мнения о нем учеников и коллег

В статье рассмотрены взгляды В. И. Ламанского в основном по материалам переписки на необходимые условия развития славяноведения в России. Приводятся оценки научного вклада Ламанского в изучение славянства и его педагогической деятельности, данные учениками и коллегами.

Ключевые слова: *славянство, славяноведение, русская история и литература, школа Ламанского.*

В. И. Ламанский (1833–1914) возглавлял кафедру славянской филологии С.-Петербургского университета 33 года (1865–1898), а его активная научная, научно-организационная и общественная деятельность длилась более 60 лет. И до Ламанского в России были крупные слависты, но именно Ламанскому удалось создать общепризнанную школу славистов и занять почетное положение «патриарха русского славяноведения».

В изучении славянства и в пропаганде сведений о нем в русском обществе Ламанский видел свою миссию с самого начала ученой деятельности. Еще совсем молодым человеком в 1860 г., в год защиты своей магистерской диссертации, Ламанский в письме своему ровеснику, коллеге и идейному противнику А. Н. Пыпину в ответ на его критику славянофилов писал: «Зачем ничего не пишут о славянах. Однако всякий русский, который захотел бы ознакомиться с миром славянским, должен обращаться к чьим изданиям? Зачем мало? Зачем о новых временах не пишут? Да много ли у нас вообще чем бы то ни было занимающихся, а славянами в особенности? Велик ли круг славянофилов? И давно ли возможно стало говорить о славянах»¹.

В этом же письме Ламанский сформулировал, не без самоиронии, свои идейно-научные принципы, отношение к иным, в том числе и критическим мнениям оппонентов. Итак, Ламанский рассуждал: «При всей, пожалуй, славянофильской неспособности своей к серьезной мысли и к серьезному труду, я продолжительными размышлениями довел себя до такого бесстрастия мысли, что умею уважать каждое направление, как бы оно ни было ложно, по моему мнению, – как я ни молод, но я жадно ишу истины, – останавливался на всех теориях, пока не пришел, наконец, к той, которую считаю за

истинную. Я не боюсь никаких выводов и приму спокойно самый для себя наигорчайший, если путем жизни или диалектики дойду до него. Я часто горячусь, но это пока не совладал собою, пока не одолел и не переварил известной мысли. – А я, слава Богу, еще не такой дурак, чтобы не быть в состоянии подвергнуть анализу мысли, являющиеся и пробавляющиеся у нас в обществе и литературе. На мнения я никогда не сержусь, – особенно в письмах, когда имею довольно времени обдумать все»². Не исключено, что Ламанский таким образом подготовил себя к возможной отрицательной реакции на свое исследование, о котором он писал Пыпину: «Диссертация моя – если бы знали Вы, как надоела она мне, – надеюсь отправлена будет Вам при след[ующем] письме»³. И Пыпин, действительно, подверг работу Ламанского серьезной критике⁴.

Однако такой прием отнюдь не обескуражил Ламанского, и не нарушил его товарищеских отношений с Пыпиным, которого он и сам впоследствии критиковал в прессе с идейных позиций, в частности, его фундаментальную «Историю славянских литератур»⁵. При этом Ламанский, перед тем как написать задуманную рецензию, указывал в письме Пыпину на необходимость продолжить работу над его «Историей», посвятив третий том истории русской литературы. Возможно, что и у самого Пыпина уже тогда были подобные планы, и Ламанский знал о них. Итак, он советовал в одном из писем 1881 г.⁶: «Дай Вам Бог побольше досуга для достойного завершения Вашего почтенного труда. Только, Александр Николаевич, постарайтесь над нашу древнюю литературу. Вам предстоит лестная задача ознакомиться с нею и заставить ее полюбить всех Ваших читателей на Западе. Поэтому не следует особенно спешить и не очень бегло обходить даже нашу древнюю и старинную письменность. Ведь наши летописи, некоторые поучения и послания просто клад, – не говорю уже о нашей юридической и московской деловой письменности – просто клад, сравнительно со всею древнею юго-западною и северо-западною слав[янской] письменностью до Фомы Штит[ного] и Гуса, до Рея и Кохановского, до Марулича. Всей этой литературы нашей до 18 в. хватит, конечно, на целый том»⁷.

Но не только и не столько древности должна была бы быть посвящена основная часть истории русской литературы, по замыслу Ламанского. Он сообщал Пыпину и о тех приоритетах, на которые, по его мнению, стоит обратить особое внимание. «Наша же литература, – продолжал Ламанский, – с Кантем[ира], Татищева, Третьяков[ского] и Ломоносов[ова] (в этом месте ученый сделал при-

мечание – “Да, пожалуйста, не пропускайте Вы Барского и Тихона Зад[онского]. Ведь это оба замечательные писатели и деятели. Не смейтесь!”) до Карамзина, Жуковского включительно представляет не менее интереса, чем вся польская, хорватская и чешская до 20-х годов нын[ешнего] столетия»⁸.

Особенно рассчитывал Ламанский на то, что Пыпин даст подробный очерк литературы XIX в. «Что бы хотелось видеть в Вашей книге о русской литературе, – советовал он Пыпину, – это побольше полноты и внимания к новейшему времени – к Пушкину и его плеяде, Грибоедову, Гоголю и вплоть до 50–60-х гг. Хотелось бы очень, чтобы Русская литература равнялась двум таким томам. Вы лучше меня сознаете, что еще у нас нет вполне удовлетворительной полной истории литературы. Вы лучше всякого другого приготовлены к такому делу. Вы сами уже давно и по несколько раз специально занимались и по части древней, и старой, и новой, и новейшей нашей литературы. Жаль, истинно жаль, если Вы не решитесь отработать третью часть Вашей истории так полно и подробно, как следует ждать от Вас, как подобает представить Россию на славянской выставке, как нуждается сама наука»⁹. О том, что Ламанский высоко ценил научные достижения Пыпина, несмотря на их идейные расхождения, свидетельствует и общий вывод: «Если Ваша Русская литература будет так же полна библиографич[ескими] указ[ателями], как Литер[атура] Слав[янская], то книга Ваша восполнит великий недостаток и будет драгоценным подарком. А для сего не очень спешите»¹⁰. И действительно, А. Н. Пыпин не очень спешил, его работа над «Историей русской литературы» продолжалась еще почти 20 лет, первый из четырех ее томов увидел свет в 1898 г.

Активная педагогическая и научная деятельность Ламанского была самым тесным образом связана с его идеями организации в России широкой сети историко-филологических научных учреждений и обществ. Еще в 1859 г. он делился своими планами с тем же Пыпиным: «Мне хочется затеять вот какое дело. – В настоящее время, с удовольствием скажу, благодаря мне, – Археол[огическому] Общ[еству] открыт Государств[енный] Архив для его изданий. Я принял на себя редакцию II т. Записок и надеюсь поместить хорошие материалы, не только из 17, но и 18 стол[етия]»¹¹. «Дело это вот в чем состоит, – продолжал развивать свою мысль Ламанский, – преобразовать Археологич[еское] в Историческое Общество – найти капитал в тысяч 20 сер[ебром] совершенно по образцу Геогр[афического] Общ[ества] с отделениями. Издавать Записки и раз[ные] Вестники,

ежемесячный журнал с подробною библиографиею. Избрать [нрзб.] членов – Маколея¹², Гизо¹³ и под[обных] госп[од], завести сношения со всеми Европейск[ими] и Амер[иканскими] историческими обществ[ами], одним словом, разом поставить на широкую ногу»¹⁴.

По мнению Ламанского, успешности выполнения его планов должно было бы способствовать и значительное число специалистов, и обилие источников в архивах. Он писал: «Возьмите, сколько в Петерб[урге] занимающихся историею, хотя бы 18 ст[олетия], одних военных, которым открыт важнейший архив Генер[ального] Штаба, наберется довольно. Сколь в Петерб[урге] историческ[ого] материала по польск[ой] истор[ии] в Публичн[ой] б[иблиоте]ке, по франц[узской], например, эпоха Мазарини, архив Бастилии, кабинет Вольтера и др., про Восток и говорить нечего»¹⁵.

Слишком обширные планы Ламанского оказались невыполнимыми, что не мешало, как мы увидим, строить такие же планы и в дальнейшем. Ученый сосредоточился на преподавательской деятельности, в которой достиг выдающихся результатов. Как отмечал позже Грот: «Конец семидесятых и особенно 1880 год были особенно счастливы обилием славистов в этих выпусках. Уже смело можно было говорить, и действительно говорили о школе Ламанского, она, несомненно, росла, множилась и крепла»¹⁶. Группа его учеников решила отметить 25-летие «ученой и преподавательской» деятельности Ламанского. Для этого было составлено соответствующее письмо-обращение, в котором отмечалось, что юбилей состоится «в феврале месяце 1883 года» и поэтому решено «издать силами всех его учеников-славистов сборник статей по славяноведению»¹⁷. В письме организаторов этого проекта значилось 26 фамилий. Одно их перечисление сразу же дает представление о значении фигуры Ламанского для современного ему славяноведения в России. 17 из них имеют самое непосредственное отношение к славяноведению: Ю. С. Анненков, А. С. Будилович, Р. Ф. Брандт, Г. А. Воскресенский, К. Я. Грот, Ф. Ф. Зигель, Г. М. Князев, И. С. Пальмов, А. Л. Петров, С. Л. Пташицкий, Э. В. Регель, М. И. Соколов, В. И. Срезневский, П. А. Сырку, Ф. И. Успенский, Т. Д. Флоринский, Ф. Я. Фортинский, последний к списку присоединился и будущий академик И. Н. Жданов. Кроме Жданова, еще двое учеников Ламанского, Пальмов и Успенский, в будущем стали академиками, почти все остальные – профессорами, многие – членами-корреспондентами Академии наук. Были среди его учеников и фольклорист Ф. М. Истомин, будущий директор лучшей петербургской «гимназии Карла Мая» В. А. Крака и известный поэт И. Ф. Анненский.

Об идейном влиянии, которое в 80-е гг. XIX в. ученый оказывал на своих учеников, и, следовательно, на славяноведение в России в целом, свидетельствует письмо профессора Варшавского университета Ф. Ф. Зигеля, который был первым славистом, подготовленным Ламанским. От лица всех его учеников он писал 21 мая 1883 г.: «Поднося Вам сборник наших трудов¹⁸ и альбом с карточками, Ваши ученики желаем поблагодарить Вас за Ваше, можно сказать, отеческое к нам отношение, мы все вполне сознаем, что мы обязаны Вам надлежащим пониманием отношений Романо-германской цивилизации к Славянству»¹⁹. Далее Зигель разъяснял свое положение: «Действительно только у Вас одних можно найти ясную постановку вопроса о признаках обеих цивилизаций. Все Ваши предшественники, включая сюда и Хомякова, довольствовались каким-то мистическим отношением к Славянству, а о православии употребляли туманные выражения вроде “высота просветительских начал православия”, и не думая заняться анализом этой высоты»²⁰.

Идейные убеждения и общественный темперамент привели Ламанского в Славянское благотворительное общество, одним из основателей которого в 1868 г. он и стал. В 1887 г. ученый возглавил печатный орган Общества – «Известия». Один из самых преданных учеников Ламанского, К. Я. Грот, к тому времени уже профессор Варшавского университета, живо откликнулся на это событие 30 декабря 1886 г.: «Вместе с тем усердно приветствую Вас с избранием на новую должность, которая Вам даст возможность еще расширить круг своей деятельности и принести еще много истинной пользы России и русской науке на новом столь широком и благородном поприще. От всей души желаю Вам встречать на этом пути со всех сторон одни только сочувствие, поддержку и содействие, без которых трудно достигать целей, а целей впереди много, и нет никого, кто бы их лучше Вас знал и понимал. Честь и слава Обществу за такое счастливое избрание!»²¹

Однако явно большее значение придавал Грот не столько научной стороне деятельности Ламанского в Славянском обществе, сколько его общественной значимости. Вспоминая одно из выступлений учителя, Грот отмечал: «Вы [...] знаете, с каким глубоким сочувствием и искреннею радостью я должен был отнестись в Вашему одушевленному и поучительному слову, прежде всего как истинно русский человек и патриот, а затем как славист и Ваш ученик...»²² С горечью отмечал Грот и то, что «наша публицистика оказывается так далеко не на высоте своей задачи, бессильною и невежествен-

ною в славянском вопросе». А потому: «Долг патриотизма требует теперь, чтоб люди ученые и кабинетные ученые жертвовали своим спокойствием и хоть время от времени выходили на это публичное поприще; а Ваше слово, как лица, имя которого пользуется такою популярностью, значением и силою во всем славянском мире, вполне необходимо, как руководящее, ободряющее и влиятельное!»²³

Деятельность Ламанского на посту редактора «Известий» была очень активной²⁴, но недолгой. Уже в конце 1888 г. из-за противоречий с членами Совета общества он покинул этот пост. Это событие, как свидетельствует его письмо Гроту от 17 марта 1889 г., не вызвало у него особых переживаний: «Я не жалею, что год с небольшим занимался Слав[янскими] Изв[естиями], но теперь рад и очень доволен, что их бросил. Современностью славянской скучно долго заниматься, да и все одно и то же»²⁵. Кстати, и другому своему ученику, Т. Д. Флоринскому, он писал о том же: «“Известия” я покинул с удовольствием. Они брали у меня много времени, давали мне мало, изменить их на учено-литературный журнал я не мог»²⁶. Однако идея организации периодических научных изданий продолжала волновать Ламанского. Как и в период его молодости, основной задачей таких изданий ученый считал публикацию источников. Его не вполне удовлетворяла проблематика уже существовавших журналов.

Ламанский делился своими соображениями с Гротом, при этом он специально обращал особое внимание на участие государства и общества как в подготовке специалистов-гуманитариев, так и в расширении изучения национального прошлого. При этом он, как человек уже почти с 25-летним опытом преподавания в университете, отмечал: «Никакими, конечно, желаниями, никакою сознательно и строго обдуманною деятельностью нельзя породить талантов творческих ни в искусстве, ни в науке. Но наука помимо творчества гениев и особенно сильных талантов нуждается в массе наблюдений, строго определенных известными правилами и исследований предварительных, по [нрзб.] приемам. Эти наблюдения и исследования могут быть совершаемы по указаниям и предписаниям людьми к тому приготовленными. Обязанности государства помогать таким [нрзб.] поддерживать, вызывать и вести». Но не только подобную деятельность должно стимулировать государство. По мнению Ламанского, в целом «такого рода обязанности имеет государство и по отношению к отечественной истории, археологии и пр.»²⁷.

Ученый отмечал создание и работу Архивной комиссии, Археологической комиссии с ее киевским и виленским отделениями, но

считал это абсолютно недостаточным и задавался вопросом: «Но что у нас по истории делается в настоящее время?». Ламанский призывал обратить внимание на зарубежный опыт: «Что делается в Англии [...], во Франции, в Италии, Германии, даже Венгрии, даже в Галиции, – как сравнительно слаба и ничтожна теперь деятельность наша по изучению русской истории или истории русск[ой] литерат[уры] (нет даже издания одного вида и характера, с одною программю наших древних памятников). Издания русск[их] истор[ических] общ[еств] почтенны, но сие относится преимущественно к 18 в. Но в Европе сверх государства много дают и земства, и частные люди. Сверх издания новых или переиздания уже напечатанных, но дурно или несистематически, источников, нужны еще периодические вроде Archiv немецкого, разных итальянских Archivio, англ[ийских] и франц[узских] Revue периодических (не Исторический же вестник, не [Русская] Старина и не Р[усский] Архив – лучший из них последний, кажется, почти исключительно нового времени), да и нужна подробная библиография и т. д.»²⁸. «Мне хочется, – продолжал далее Ламанский, – наметить еще несколько волнующих нужд нашей литературы [...] нужно выработать известные программы работ по русск[ой], славян[ской], визант[ийской] и пр[очим] истор[иям]»²⁹.

Грот горячо поддержал мысли Ламанского. В письме от 31 марта 1889 г. он писал: «Действительно у нас прежде всего ощущается недостаточность в определенной программе и строгой системы во всех наших ученых предприятиях и работах, а затем необходимо известное объединение в деятельности наших исторических, археологических и друг[их] обществ и учреждений! Когда ясно будут намечены пути и программы дальнейших ученых работ, установлены руководящие начала и надлежащие точки зрения и т. д., тогда обильные [нрзб.] и новые силы, и труженики для предстоящей громады ученых трудов. Молодые силы будут тогда охотнее и увереннее избирать ученое поприще – в области истории и литературы отечественной и славянской»³⁰. Соглашаясь с учителем, Грот недоумевал: «А мысль о периодическом издании по славянству? Разве она оказывается действительно неосуществимой? Неужели наше общество еще так мало подвинулось вперед в этом отношении в последние десятилетия?»³¹

Частично идея периодического издания была воплощена Ламанским в основанном им журнале «Живая старина», редактором которого он был с 1890 по 1910 год. В литературе отмечено, что журнал стал «серьезным информатором русской читающей публики о культуре, быте, науке славян»³². Ламанский продолжал искать

возможности создания специализированно славистического журнала. В 1895 г. он подал в министерство народного просвещения соответствующий проект. Ученый просил открыть финансирование журнала «Славянский мир» – «чисто ученого органа по славяноведению на русском языке»³³. Как на один из аргументов в пользу такого издания Ламанский указывал на журнал «Archiv für slavische Philologie» В. Ягича: «“Архив славянской филологии” признается в высшей степени полезным органом не только для германской, но и вообще для европейской науки». Обращал внимание ученый и на то, что «Германское и Австрийское правительства и общества дорожат журналом проф. Ягича»³⁴.

Пятидесятилетие научной деятельности Ламанского было отмечено выпуском еще одного специального сборника работ по славяноведению³⁵, в котором «приняли участие и ученики его учеников, его, так сказать, духовные внуки»³⁶, среди которых были А. А. Васильев, Н. Н. Дурново, Е. Ф. Карский, А. М. Лукьяненко, В. А. Францев, А. Н. Ясинский.

К началу XX в. славянофильские концепции, которыми руководствовался Ламанский и которые он наиболее полно выразил в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), уже потеряли в профессиональной науке свою популярность. Их придерживались лишь некоторые из его учеников старшего поколения (Будилович, Грот, Князев, Пальмов).

Грот, например, глубоко проникся четко сформулированными общетеоретическими концепциями своего учителя. Он не только разделял эти идеи, но и активно использовал их в своем научном творчестве. То, что Грот ортодоксально следовал схемам В. И. Ламанского, отмечалось еще рецензентами работ Грота. Так, Ф. Ф. Зигель, подробно анализируя переиздание в 1914 г. известного труда Грота о «карпато-дунайских» землях, прямо указывал: «Автор кладет в основание своего труда положение знаменитого нашего слависта В. И. Ламанского о противоположности и борьбе западно-германского и греко-славянского миров. Это блестящее обобщение было затем воспринято в выдающемся сочинении Данилевского “Европа и Россия”»³⁷. Кстати, отметим, что первое издание этой работы Грота было помещено в сборнике, подготовленном в честь В. И. Ламанского его учениками³⁸.

Младшее же поколение учеников Ламанского (Н. В. Ястребов и А. Л. Погодин), а также большинство его «духовных внуков» отказались от славянофильских концепций и в науке, и в политиче-

ских взглядах. Но общефилософские идеи Ламанского еще привлекали некоторых исследователей, увлеченных «славянским делом» и склонных к публицистической деятельности. К таковым, безусловно, относился Д. И. Вергун, основавший в 1900 г. в Вене журнал «Славянский век». Очень показательным в этом смысле является письмо Вергуна от 21 апреля 1903 г., в котором он противопоставляет школы Ламанского и Ягича. «Чрезвычайно больно видеть, – сетовал Вергун, – как в германстве в защиту пангерманской идеи восстают люди как [...] Моммсен³⁹ (Т. Моммзен. – М. Р.), у романцев проф. Губернатис⁴⁰, д'Аннунцио⁴¹, у славян же как будто стыдятся всеславянского движения, точно всеславянская идея – “überwundener Handlung”^{*}, и заниматься ею могут только какие-то “недоучки” или “полоумные фантазеры”»⁴².

«Вы говорите, – продолжал Вергун, – что я не знаю Ваших идей. Конечно, судьба не позволила мне расти в Петербурге и в общении с Вами проникнуться мыслями Вашими, но я ознакомился с ними из Ваших трудов, с которыми я еще до издания журнала счел нужным познакомиться основательно. Не из лекций же Ягича почерпнул я ту силу, которая толкнула меня, несмотря на кучу препятствий, посвятить свой труд служению славянству. Ягич скорее мог заморозить всякое чувство, вытравить всякий идеалистический порыв, как вытравил он его у Нахтигала⁴³, Приятеля⁴⁴, Станоевича⁴⁵ и других, которые вместе со мною учились в его семинарии»⁴⁶.

Кончина ученого 19 ноября 1914 г. была отмечена многочисленными некрологами, с характерными для этого жанра оценками многообразной деятельности Ламанского. Между его учениками также оживилась переписка, в которой они вспоминали учителя и давали оценки его деятельности. Среди некрологов можно отметить наиболее обстоятельные, принадлежащие перу А. А. Шахматова⁴⁷, И. А. Линниченко⁴⁸ и К. Я. Грота⁴⁹.

Отдавая дань научным достижениям Ламанского и особенно созданной им научной школе, его коллега по Отделению русского языка и словесности Академии наук, Шахматов, тем не менее, очень корректно выразил мысль, свидетельствовавшую об идеологической ангажированности работ покойного. Ученый отмечал: «Оставленные им труды, как мы видим, не могут быть строго разграничены по их содержанию на чисто научные и чисто политические. Выступая с трактатами публицистическими, отзываясь на события дня,

* Устаревшее дело (нем.).

В. И. Ламанский подчинял свою политическую идеологию своим научно-историческим построениям; научно-исторические исследования В. И. Ламанского в сильной степени отражают на себе его политическое мировоззрение»⁵⁰.

Линниченко, не принадлежавший к близкому кругу учеников, коллег и последователей идей Ламанского, опубликовал некролог в либеральном журнале, где позволил себе достаточно критический разбор как научных достижений, так и общих воззрений покойного. Во многом оценки эти совпадают с мнением Шахматова, но выражены в более категоричной форме. Так, Линниченко писал: «За исключением немногих, большинство его научных работ имеют более или менее выраженный публицистический оттенок. Разнообразии интересов, обилие тем, по которым ему хотелось высказаться, широкая постановка вопросов не давали ему времени сосредоточить своего исключительного внимания на отдельном научном вопросе и довести исследование до конца»⁵¹, а «взгляды автора больше интересны по изложению, чем по содержанию. Они не отличаются ни особенной глубиной, ни особенной оригинальностью»⁵². По его мнению: «Общественное значение покойного слависта следует оценивать не столько его историософическими воззрениями [...], сколько его личностью, его верой в высокое призвание славян под гегемонию Руси, в великое будущее которой он глубоко верил и свою веру умел передавать многочисленным ученикам и адептам». Отмечал Линниченко и значительное влияние идей Ламанского, «этого высокообразованного знатока и поклонника славянства», на «известную часть нашей интеллигенции».

При этом в некрологе давалась самая высокая оценка личным качествам Ламанского, которые вкупе с его преподавательской деятельностью и дают основание именовать покойного ученого «патриархом» русского славяноведения. Как подчеркивал Линниченко: «Он был гуманистом и в своих идеях, и в своей жизни. Редкая доброта, гуманность, отзывчивость, готовность всегда поддержать всякое доброе начинание, всякий проблеск интереса к вопросам научным и политическим в духе его господствующих идей, заботы о материальном устройстве учеников делали из В. И. настоящего патриарха славяноведения и славянофильства, патриарха любвеобильного, добродушно-снисходительного, отечески наставительного»⁵³.

Некролог, написанный Гротом, не только содержал оценки трудов Ламанского, но и был наполнен личными воспоминаниями. Грот, пожалуй, был наиболее идейно близок учителю, поэтому вполне

естественно звучит в его устах следующий пассаж: «Уже с первых шагов ученой и общественной деятельности своей Владимир Иванович ярко заявил себя убежденным приверженцем народно-самобытного, национального направления и славянофильского направления». Приверженность упомянутым направлениям повлияла на все исследования ученого, которые приобрели «форму совершенно оригинальных и глубоких историко-философских построений»⁵⁴. Для него «Три мира Азийско-Европейского материка» – «блестящее» выражение идей Ламанского, «замечательный трактат». Но и Грот должен был констатировать: «К сожалению, эта интереснейшая и высокопоучительная работа Ламанского мало у нас известна, а в широкой публике едва ли вообще известна, разве только по заглавию, и потому требует скорейшего переиздания»⁵⁵.

У учеников Ламанского возникли разные проекты почтить память учителя. Предлагалось собрать средства на памятник на его могиле, оказать материальную помощь семье. Вся информация стекалась к Гроту, которого коллеги называли «нашим режиссером-редактором при издании последнего юбилейного сборника»⁵⁶. Г. М. Князев уже 25 ноября 1914 г. делился с Гротом, как он писал, «мыслью, пришедшею мне в голову в день похорон незабвенного нашего Владимира Ивановича». «Как бы Вы думали, – писал Князев, – нельзя было бы нам, ученикам покойного, составить и издать, с какою-либо благотворительною по военным временам целью, под заглавием: “Памяти Влад[имира] Ив[ановича] Ламанского” – сборник популярных статей по славяноведению и восточному или славянскому вопросу применительно к переживаемому историческому моменту?»⁵⁷ Со своей стороны Князев предлагал и возможную тематику такого сборника: «Например, Вы могли бы написать об австро-угро-славянских отношениях, Т. Д. Флоринский или кто другой о сербо-русских, А. Л. Петров, может быть, о зарубежной Руси, И. С. Пальмов о гуситстве как характерном явлении чешской истории с славянской точки зрения, или о болгарях (македонский вопрос), кто-нибудь о Польше, я, с своей стороны, мог бы дать об идее славянской взаимности и западнославянском и русском славянофильстве и т. п. [...] Владимиру Ивановичу не пришлось лично ничего сказать по поводу происходящих ныне событий, сказали бы за своего учителя, под знаменем его светлого имени его ученики...»⁵⁸

Особый интерес представляет письмо Зигеля Гроту от 21 февраля 1915 г. При всех высочайших оценках Ламанского, Зигель делает такие критические замечания, которые вряд ли могли появиться в

каком-либо некрологе, принадлежавшем перу его учеников или почитателей. Соображения Зигеля свидетельствуют и об осознании новых задач, стоящих перед русским славяноведением. Мы считаем необходимым привести значительный фрагмент из этого письма.

Итак, Зигель писал: «Я с большим удовольствием прочел присланный Вами мне Ваш прекрасный некролог, помещенный, вероятно, в ЖМНП. Я желал бы очень, чтобы кто-нибудь из учеников покойного, живущих в Петрограде, изложил основные его взгляды о Западе и Востоке, а также постепенное их возникновение, притом в связи с знаменитым сочинением Данилевского “Европа и Россия”, ибо в них много общего. Заслуги покойного в сфере, так сказать, педагогической (привлечение учеников к предмету) были громадны; не менее велика была оригинальность его мыслей, но в них не всегда замечалась ясность изложения. Помню его вступительную лекцию, на которой присутствовали из профессоров И. И. Срезневский и О. Ф. Миллер; она была несколько метафизична, очевидно, под немецким влиянием. Строго научный результат трудов В. И. Ламанского кажется мне не особенно великим, если принять во внимание его талантливость. Кажется, ему здесь мешало не только большое участие в общественной жизни, но и нелюбовь к систематическому труду при всем трудолюбии и трудоспособности; он не раз брался за вопросы, которых не оканчивал, да и на выбор вопросов иногда влияла злоба дня. Как теперь помню, я поделился с ним моими впечатлениями о его первом курсе, и он вполне согласился со мною. Я сказал ему тогда, что он читает с нами по субботам словацких поэтов, а в университете Гундулича, между тем мы не имеем никакого представления о других славянских языках и литературах более важных, напр[имер], польской, и не знаем ничего о политической жизни некогда могущественных государств (Польши, Чехии). Не раз я говорил ему, что задача его написать хорошие учебники по истории отдельных народов славянских, а не заниматься годами венецианскими тайнами; вместо того, чтобы требовать введения изучения славянства в среднеучебные заведения и университеты, нужно для такого преподавания составить надлежащие учебники, которых нет; только после появления таких учебников можно уже говорить о расширении преподавания славяноведения в низших и высших школах, ибо нельзя же действительно требовать от учителя, чтобы он останавливался на истории славян и их отношении к романо-германскому Западу, когда у него нет учебников по славянской политической и литературной истории славян и когда учебники по

истории – чуть не переводы с немецкого, где, понятно, отводится первое место Германии. Вина здесь лежит в наших филологах и, пожалуй, отчасти во Владимире Ивановиче, который эту простую мысль не внедрил с достаточною силою в умы своих учеников». «Учебники, думается мне, – подытоживал Зигель, – наиболее теперь необходимы; без них расширение славяноведения в средней и высшей школах невозможно»⁵⁹.

Сделал ученый и еще одно очень важное замечание, шедшее вразрез с оценками Грота. «Мне кажется, – писал Зигель, – покойного можно отчасти обвинить и в том, что его мыслями и пером руководили политическая атмосфера и злоба дня». И более того, обобщал Зигель: «Вообще политиканство всегда казалось и кажется мне первородным грехом славяноведения»⁶⁰.

Если старейший ученик Ламанского считал идеологизацию и политизацию славяноведения изначально присущими славяноведению в XIX – начале XX в., то после Октябрьского переворота 1917 г. наступили времена, в которые славяноведение, его настоящее и прошлое, в том числе и отношение к личности и трудам В. И. Ламанского, стали рассматриваться в зависимости от зигзагов единственно возможной идеологии и политической конъюнктуры⁶¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ИРЛИ. Ф. 250. Оп. 3. Д. 253. Л. 6.
- 2 Там же. Л. 6об.
- 3 Там же. Л. 8.
- 4 *Пыпин А. Н.* [Рец. на кн.:] О славянах в Малой Азии, Африке и в Испании. Сочинение В. Ламанского // Современник. 1860. № 4. См. подробнее: *Лантева Л. П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 449–450; *Аксенова Е. П.* А. Н. Пыпин о славянстве. М., 2006. С. 344–345.
- 5 См.: *Лантева Л. П.* История славяноведения в России... С. 457.
- 6 Письмо не датировано. Можно предположить, что оно написано после выхода второго тома «Истории славянских литератур» в 1881 г. Кроме того, в письме упоминается просьба И. С. Аксакова к Ламанскому написать «ему что-нибудь в газету». Еженедельник «Русь», основанный Аксаковым, начал выходить в середине ноября 1880 г.
- 7 ИРЛИ. Ф. 250. Оп. 3. Д. 253. Л. 25об.–25 (нарушение пагинации).
- 8 Там же. Л. 25.

- 9 Там же. Л. 25–24об. (нарушение пагинации).
- 10 Там же. Л. 24об.
- 11 Там же. Л. 7об.
- 12 Томас Б. Маколей (1800–1859) – английский историк и политик, автор пятитомной «Истории Англии». Иностраннный член, член-корреспондент Академии наук с 5 декабря 1858 по Историко-филологическому отделению.
- 13 Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787–1874) – французский политик и историк. Перевод его шеститомной «Истории английской революции» (1854–1856) был издан в России в трех томах (1868).
- 14 ИРЛИ. Ф. 250. Оп. 3. Д. 253. Л. 7об.
- 15 Там же. Л. 7об.–8.
- 16 *Грот К. Я.* Владимир Иванович Ламанский († 19 ноября 1914 г.) // Исторический вестник. 1915. № 1. С. 220.
- 17 ПФА РАН. Ф. 281. Оп. 2. Д. 267. Л. 30об.
- 18 Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883.
- 19 ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 629. Л. 7.
- 20 Там же. Л. 7–7об.
- 21 Там же. Д. 487. Л. 29об.
- 22 Там же. Л. 30.
- 23 Там же. Л. 30об.
- 24 *Лантева Л. П.* История славяноведения в России... С. 368–369.
- 25 ПФА РАН. Ф. 281. Оп. 2. Д. 267. Л. 9.
- 26 Цит. по: *Лантева Л. П.* История славяноведения в России... С. 369.
- 27 ПФА РАН. Ф. 281. Оп. 2. Д. 267. Л. 9об.
- 28 Там же. Л. 10.
- 29 Там же.
- 30 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 487. Л. 35об.–36.
- 31 Там же. Л. 36.
- 32 *Лантева Л. П.* История славяноведения в России... С. 373.
- 33 Цит. по: *Лантева Л. П.* История славяноведения в России... С. 375.
- 34 Там же. С. 374.
- 35 Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905.
- 36 *Грот К. Я.* Владимир Иванович Ламанский... С. 220.
- 37 *Зигель Ф. Ф.* [Рец. на кн.]: *Грот К. Я.* Австро-Венгрия или карпато-дунайские земли в судьбах славянства и в русских исторических

- изучениях. Пг., 1914 // Журнал министерства народного просвещения. 1915. № 4. С. 360.
- 38 Грот К. Я. Карпато-дунайские земли в судьбах славянства и русских исторических изучениях // Новый сборник статей по славяноведению...
- 39 Теодор Моммзен (1817–1903) – крупнейший немецкий историк, филолог-классик и юрист, лауреат Нобелевской премии по литературе (1902).
- 40 Анджеоло де Губернатис (1840–1913) – известный итальянский литературовед и фольклорист. Был сотрудником «Вестника Европы».
- 41 Габриэле д'Аннунцио (1863–1938) – итальянский писатель, поэт, драматург и политический деятель. В 1904 г. в России вышло собрание его сочинений.
- 42 ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 318. Л. 9–9об.
- 43 Райко Нахтигал (1877–1958) – словенский филолог-славист. Первый президент Словенской академии наук и искусств (1938).
- 44 Иван Приятель (1875–1937) – словенский писатель и историк литературы. В 1909 г. перевел на словенский язык «Евгения Онегина». Большое влияние на него оказали работы А. Н. Пыпина.
- 45 Станое Станоевич (1874–1937) – сербский историк. Автор «Истории сербского народа» (1908), член Сербской АН (1933).
- 46 ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 318. Л. 9об.–10.
- 47 Шахматов А. А. Владимир Иванович Ламанский // Известия имп. Академии Наук. 1914. Сер. VI. № 18. С. 1341–1352.
- 48 Линниченко И. А. Патриарх русского славяноведения (Владимир Иванович Ламанский) // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 244–253.
- 49 Грот К. Я. Владимир Иванович Ламанский... С. 208–229.
- 50 Шахматов А. А. Владимир Иванович Ламанский... С. 1352.
- 51 Линниченко И. А. Патриарх русского славяноведения... С. 244.
- 52 Там же. С. 249.
- 53 Там же. С. 252–253.
- 54 Грот К. Я. Владимир Иванович Ламанский... С. 212.
- 55 Там же. С. 217.
- 56 ПФА РАН. Ф. 281. Оп. 2. Д. 218. Л. 6об.
- 57 Там же. Л. 5–5об.
- 58 Там же. Л. 5об.–6.
- 59 Там же. Д. 171. Л. 14–15.
- 60 Там же. Л. 15.
- 61 См. подробнее: Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. С. 298–312, 398–413.

Robinson M. A.

Vladimir Lamansky, His Vision of Development of Slavic Studies,
and Opinions of his Disciples and Colleagues about Him

The article treats the views of Vladimir Lamansky – as they are reflected in his correspondence – on the indispensable conditions for development of Slavic studies in Russia. It cites evaluations of Lamansky's scholarly contribution to studying the Slavdom and his pedagogical activity, given by his disciples and colleagues.

Keywords: *Slavdom, Slavic studies, Russian history and literature, Lamansky's school.*

Л. П. Лантева
(Москва)

Несостоявшийся форум русских славистов

В статье говорится о подготовке первого международного съезда славистов в 1904 г. и причинах, по которым он не состоялся.

Ключевые слова: *съезд филологов-славистов 1904 г.*

В апреле 1903 г. в Петербурге проходил съезд русских филологов и историков-славистов, известный в литературе как «Предварительный съезд». Это мероприятие ставило своей задачей подготовить Международный съезд филологов и историков-славистов, намечавшийся на 1904 год. Созыв Международного съезда ученых этого профиля диктовался состоянием науки о славянах, достигшей к началу XX в. значительных успехов, но лишенной возможности нормального научного общения между специалистами и необходимой координации, чтобы соответствовать требованиям и запросам времени. Предварительный съезд русских филологов и историков-славистов в 1903 г. был крупным научным событием, и его ход достаточно подробно освещен в литературе¹. На его заседаниях были подробно обсуждены проблемы, которые предполагалось рассмотреть на международном съезде. К ним относились: составление энциклопедии по славяноведению, сравнительной грамматики славянских языков, этимологического словаря славянских наречий, вопрос об издании церковнославянского словаря и церковнославянских памятников, о славянской библиографии, о межславянском книжном обмене, о насущных задачах славянской историографии. Проблемы, требующие обсуждения на международном съезде славистов, были сформулированы в 17 пунктах программы. Организатором будущего международного съезда (как и «Предварительного») являлось Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) Российской Академии наук, председателем которого являлся академик А. Веселовский. Была сформирована комиссия по организации съезда русских и иностранных славистов, в составе А. А. Шахматова, А. М. Соболевского, Ф. Ф. Фортунатова, П. А. Лаврова, И. А. Бодуэна де Куртене, С. Л. Пташицкого, Н. В. Ястребова и др. Председателем избран А. Н. Пыпин, секретарем Г. А. Ильинский². Комиссия обсудила спи-

ски кандидатов на съезд. Решили, что общее число приглашенных должно быть 600 человек: русских – около 200; поляков – 125; чехов, словаков, серболужицан – 75; южных славян – 75 и остальных – 125³.

В окончательном списке приглашенных на съезд 1904 г. было указано 342 русских ученых и 339 иностранных, а также представители всех российских университетов, духовных академий, научных обществ, библиотек и т. д. – всего 51; из польских учреждений – 13, чешских и словацких – 16, от Сербо-лужицкой матицы, матицы Словенской, сербохорватских представителей – всего 9, болгарских – 3, галицких – 2; западноевропейских университетов – всего 21; западноевропейских ученых обществ – числом 14⁴. Небезынтересно указать на список ученых-славистов, приславших согласие приехать на съезд 1904 г. Так, от чешского Национального музея командировались Й. Пич и А. Патера, Этнографическое чешско-словенское общество посылало проф. Чешского университета Любора Нидерле и доц. Вацлава Тиле. Матица Моравская в Брно рекомендовала на съезд Фердинанда Йокла (Jokl), общество «Комениум» в Праге командировало Эмиля Сметанку⁵. Из чехов участвовать в съезде отказались Ян Гебауэр⁶, Герменегильд Иречек⁷ и Шкорпил⁸.

Южные славяне откликнулись на приглашение активнее. Югославская академия наук и искусств в Загребе делегировала на съезд Таду Смичикласа и Миливоя Шрепелу⁹, Матица Хорватская – Антонина Радича¹⁰, Матица Сербская в Нови Саде – Антония Каджича и библиотекаря Ивана Радонича¹¹; Българско Книжовно Дружество в Софии делегировало Васила Златарского¹², из Сараево (Босния-Герцеговина) выразил желание приехать Кирино Тругелка (Truhelka)¹³, Bukowiner Jandes lyceum in Czernowits командировал Эугения Козака¹⁴, пожелали участвовать в съезде и другие славяне¹⁵.

Немецкие общества, университеты и академии, а также ученые Франции и Оксфорда ответили, что приехать не могут. В списке отсутствуют и поляки. Варшавский русский университет делегировал Ф. Ф. Зигеля и Е. Ф. Карского¹⁶, а Общество истории филологии и права при Варшавском университете избрало делегатом на съезд Н. Н. Любовича¹⁷. Научное общество им. Т. Г. Шевченко (Наукове Товариство им. Шевченка, Львов) избрало делегатами на съезд М. Грушевского и И. Франко¹⁸.

Проведение съезда намечалось на период с 31 августа по 10 сентября 1904 г.¹⁹ Были получены ассигнования и разработаны «Правила» его проведения²⁰. Научная программа была выработана особо. В ее преамбуле говорилось, что «съезд славянских филологов

и историков имеет целью содействовать развитию и процветанию славяноведения. Рассмотрению съезда подлежат как общие вопросы по славяноведению, так и частные вопросы по отдельным его отраслям, а именно по языку, литературе, этнографии, истории и древностям»²¹. Далее перечислялись проблемы, требующие «совместного обсуждения». Это было составление энциклопедии по славяноведению, составление сравнительной грамматики славянских языков, сравнительного или этимологического словаря славянских наречий, древнецерковнославянского словаря, а также издание памятников древнецерковнославянского языка. Предлагалось также обсудить вопросы о разработке кирилловской, глаголической и латинской (у славян) палеографии, о составлении этнографических и диалектологических карт славянских земель и народностей, и издании описания славянских рукописей, об организации ученых экспедиций для изучения славянства. Кроме того, предполагалось обсудить улучшение условий научного общения между славянскими учеными и т. п. Наряду с обсуждением этих и других вопросов на заседаниях съезда предполагалось чтение ряда рефератов, содержание которых затрагивало бы наиболее важные темы. Эти темы также приводятся в предварительной программе. Среди них указывалось на целесообразность рассмотрения вопроса о славянских элементах в немецком языке, о звуковых особенностях немецких слов, заимствованных славянами, о готских элементах в славянских языках, о славянском богослужении в пределах нынешней Венгрии, о насущных задачах славянской историографии. Рекомендовалось также обсудить в рефератах вопрос о влиянии Византии, Италии, Германии на государственный и общественный быт славян, о параллельных явлениях в политической, церковной и общественной жизни славянских народов, о происхождении русского и южнославянского эпоса, о народных и иноземных элементах в славянском искусстве и ряд других тем. Отметим, что русские ученые прислали темы своих рефератов, проблематика которых была значительно шире той, которую выработали руководители съезда²².

В связи с этим Комиссия по организации съезда русских и иностранных славистов в 1904 г. выработала правила, «желательные для более успешного достижения задач съезда и соответствующие его назначению». В документе на эту тему говорится, что доклады должны быть посвящены сообщению таких научных запросов или выводов, которые относятся к области славяноведения и являются не только общеинтересными в научном отношении, но стоят во-

обще на очереди и нуждаются в общем обсуждении. Кроме того, обсуждению должны подлежать проблемы, требующие дальнейшей коллективной разработки, достигаемой путем организации научных сил. В связи с этим Комиссия по организации съезда приветствовала бы доклады по следующим вопросам: организация экспедиций для собирания и исследования лингвистического, этнографического и исторического материала; организация хранения и описания предметов древности, рукописей и книг в важнейших хранилищах, далее обращалось внимание на исследования библиотек и архивов, особенно нуждающихся в научном изучении их содержания как в силу их богатств, так и в силу малодоступности хранилища, плохой сохранности рукописей и т. п. Далее Комиссия считала полезным обсудить доклады о разновидностях памятников языка, литературы и права, особенно нуждающихся в настоящее время в систематических изданиях и разработке. Следовало бы, по мнению комиссии, обсудить доклады, освещающие общие приемы издания текстов (например, соблюдение орфографии, составление указателей и т. п.), а также приемы изданий сводных исторических памятников, писцовых книг и др.

В повестку дня съезда рекомендовалось включить доклады, освещающие «явления общей исторической жизни славянства или несколькими славянскими народностями (например, общеславянский праязык, взаимное влияние славянских наречий, сравнительное изучение славянских юридических древностей)». Организационная комиссия приглашала также докладчиков с сообщениями, представляющими интерес в методологическом отношении, а также исследованиями о крупных явлениях и событиях в исторической жизни одной из славянских народностей, даже в том случае, если они имеют преимущественно местное значение. Они могут выступить на заседаниях съезда, преимущественно на заседаниях секций²³.

Таким образом, руководство съезда значительно откорректировало как предложения ученых, так и проблематику, которая обсуждалась на предварительном съезде. На предстоящем международном съезде планировалось обсудить вопросы, интересные для всех славян.

Приведенные выше материалы, хранящиеся в архивах Академии наук в Петербурге, показывают, как тщательно подготавливало ОРЯС первый в России международный съезд славистов. Документы свидетельствуют, что русские ученые были серьезно озабочены вопросами развития славяноведения. Программа содержала исключи-

тельно научные вопросы. Подготовительная комиссия стремилась исключить проблемы, которые можно было использовать в политических целях. Однако полностью избежать политических спекуляций вокруг предполагавшегося съезда не удалось. В окончательном решении на съезд было приглашено 219 человек (вместо предполагавшихся 600), из них 10 человек приехать отказались. Это в основном были поляки, а также романо-германские страны, где славяноведение как наука не котирировалось и отсутствовали крупные специалисты²⁴.

Материалы о подготовке съезда в 1904 г. показывают, что организационной комиссией была проведена огромная работа. Наряду с программой и правилами проведения съезда была составлена смета, оговорены условия финансирования русских и зарубежных делегатов съезда, их прибытие, проживание в Петербурге, культурные мероприятия в виде ознакомления с памятниками российской столицы, ее библиотеками и архивами, с выставками в них рукописей и литературы. Рабочими языками съезда славистов в 1904 г. были утверждены русский и французский для пленарных заседаний и все славянские языки и наречия на заседаниях секций и подсекций. Если учесть тот факт, что некоторые важные вопросы уже обсуждались русскими славистами на заседаниях Предварительного съезда в 1903 г. и по части из них была выработана позиция русской делегации, то можно сказать, что российская сторона хорошо подготовилась к предстоящему форуму ученых по славяноведению.

Но в 1904 г. началась русско-японская война, и форум славистов не состоялся. 10 марта 1904 г. на заседании организационной комиссии по устройству съезда ее председатель академик А. Н. Пыпин сообщил собравшимся, что «съезд по решению Государственного совета отложен ввиду войны, и что вследствие этого организационной комиссии предстоит обдумать способы ликвидации ее работ». Собрание выработало текст извещения об отсрочке съезда и постановило разослать его тем лицам, которые откликнулись на приглашение. Труды организационной комиссии собрание постановило издать на правах рукописи. Редакция издания была поручена С. Л. Пташицкому, который и исполнил это поручение²⁵.

Первоначально предполагалось, что съезд переносится на 1906 год. Но в Российской империи началась революция 1905–1907 гг. Политическая обстановка была крайне напряженной: бастовали студенты университетов, Варшавский университет полностью прекратил свою деятельность, проходили демонстрации и забастов-

ки рабочих, начались крестьянские восстания. В такой ситуации съезд славистов так и не состоялся. В литературе существует мнение, что съезд 1904 г. был сорван в результате политической борьбы, разгоревшейся вокруг обсуждения некоторых вопросов еще на Предварительном съезде. Так, в статье В. Р. Свирской содержится утверждение, что эта борьба продолжалась и после закрытия Предварительного съезда 1903 г. Доказательством этого факта было поведение польских националистов в Галиции, которые, отражая польско-украинскую вражду в политической жизни Галиции, выступили даже с печатным протестом против будущего съезда. Лингвисты Кракова и Львова устроили «польскую стачку», отказавшись от сотрудничества в «энциклопедии»²⁶. Далее в статье говорится о травле, которой подверглось ОРЯС со стороны газеты «Новое время», как о причине, заставившей Отделение отказаться от созыва съезда. Однако исследование материалов этой газеты не выявило статей, которые можно было бы квалифицировать как «травлю». Даже если и были выступления в прессе, направленные против ОРЯС, то при наличии официального разрешения на созыв съезда эти выступления не могли сыграть существенной роли. Представляется, что начавшаяся русско-японская война была главной причиной отсрочки съезда, а последовавшие за ней сложные политические события сделали его проведение невозможным.

Предварительный съезд филологов и историков-славистов в 1903 г.²⁷ и работа организационной комиссии по устройству международного съезда имели важное научное значение. Был подведен итог современному развитию славяноведения, намечены новые проблемы, требующие совместного, международного решения, выявлены позитивные и негативные тенденции в развитии славяноведения. Работа организационной комиссии показала, что в России появился центр, способный объединить славистов для совместных действий. Этим центром стало Отделение русского языка и словесности во главе с крупнейшим русским ученым А. А. Шахматовым. По объективным причинам этот центр не смог развернуть свою работу. Но памятником этому мероприятию остались 8 выпусков «Энциклопедии славянской филологии», которые выходили с 1908 по 1916 г. Уже в 1904 г. вышел первый выпуск сборника «Статьи по славяноведению» под редакцией В. И. Ламанского, в 1906 – сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского, а в 1907 и 1908 г. – две части сборника статей, посвященных почитателями В. И. Ламанскому. В 1910 г. была издана «История славянской филологии» И. В. Ягича²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Свирская В. Р.* Из истории славянских научных связей. Первый съезд русских славистов // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 11–12. С. 85–88; *Горяинов А. Н.* Из истории русской славяноведческой библиографии второй пол. XIX – нач. XX в. // Труды Гос. Библиотеки им. В. И. Ленина. 1963. Т. 7. С. 167–168; *Лантева Л. П.* Съезд русских славистов 1903 г. // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981. С. 261–279; *Она же.* История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 17–32; *Она же.* Петербургский съезд русских филологов и историков-славистов в 1903 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2013. Кн. I. С. 46–60; *Она же.* Съезд русских славистов в 1903 г. // XV международный съезд славистов. Письменность, литература, фольклор славянских народов, история славистики. Доклады Российской делегации. М., 2013. С. 558–569.
- 2 ПФАРАН. Ф. 134 (А. А. Шахматов). Оп. 1. Д. 237 (Материалы по организации первого съезда славянских филологов и историков 1903–1904 гг.). Л. 169, 171–172 и др.
- 3 Там же.
- 4 Там же. Л. 9–54.
- 5 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 820. Л. 195–198.
- 6 Там же. Л. 552.
- 7 Там же. Л. 554.
- 8 Там же. Л. 565.
- 9 Там же. Л. 199.
- 10 Там же. Л. 201.
- 11 Там же. Л. 202.
- 12 Там же. Л. 203.
- 13 Там же. Л. 207.
- 14 Там же. Л. 211.
- 15 Их имена перечисляются: Там же. Л. 334–390.
- 16 Там же. Л. 219.
- 17 Там же. Л. 234.
- 18 Там же. Л. 239.
- 19 Там же. Ф. 134. Оп. 1. Д. 237. Л. 7.
- 20 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 820. Л. 283.
- 21 Там же. Ф. 134. Оп. 1. Д. 237.
- 22 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 820. Л. 474–529.
- 23 Там же. Л. 189–190.

- 24 Об этом см.: Первый съезд славянских филологов и историков. Материалы по организации съезда. Август 1903 – май 1904 г. СПб., 1904.
- 25 ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 820. Л. 177–178 (Протоколы заседаний организационной комиссии по устройству съезда славистов. Заседание 10 марта 1904).
- 26 *Свирская В. Р.* Из истории славянских научных связей. Первый съезд русских славистов // Ученые записки Института славяноведения. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 363.
- 27 Подробно о его работе см.: *Лаптева Л. П.* Петербургский съезд русских филологов и историков-славистов в 1903 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2013. Кн. I. С. 46–60.
- 28 См.: *Свирская В. Р.* Из истории славянских научных связей. Первый съезд русских славистов // Научный бюллетень ЛГУ. С. 88.

Lapteva L. P.

A Might-have-been Forum of Russian Slavists

The article tells about the preparations for the first international congress of Slavists in 1904 and the reasons, why it did not take place.

Keywords: *Congress of Philologists-Slavists in 1904.*

М. Ю. Дронов
(Москва)

**Рецепция малорусской идентичности
у южнокарпатских русинов
(XIX–XX вв.)**

Статья посвящена присутствию малорусской этнонациональной идентичности в палитре идентичностей южнокарпатских русинов в XIX–XX вв.

Ключевые слова: *Восточная Словакия, малорусская идентичность, Подкарпатская Русь, русины, Угорская Русь.*

Как известно, вплоть до настоящего времени вследствие исторически обусловленной незавершенности этнонациональных процессов у южнокарпатских русинов¹ в русинской среде сосуществует и активно конкурирует сразу несколько этнонациональных идентичностей, в значительной степени определяющих культурную ориентацию и, в частности, литературный язык их носителей. На сегодняшний день это, в первую очередь, русинская идентичность, апеллирующая непосредственно к культуре Карпатского региона, и идентичность украинская, основанная на концепции этноязыкового вхождения русинов в более широкую украинскую общность. В связи с предыдущими историческими периодами нередко подчеркивается распространенность, как минимум в среде русинской интеллигенции, широкой русской и венгерской идентичностей. Однако, памятуя о том, что внешним проявлением этнической идентичности является эндоэтноним (этническое самоназвание)², кроме этого можно говорить и о многих других идентичностях, которые были когда-либо представлены у южнокарпатских русинов³. Достаточно назвать такие из них, как: карпаторусская, угрорусская, малорусская.

Оговоримся, что некоторые из указанных взаимно не исключающих позиций могут быть не без основания восприняты как разные уровни этнической идентичности. Однако у людей, которые признавали сразу несколько идентичностей⁴, видимо, одна из них являлась основополагающей (при этом не исключая ситуационной актуализации в качестве главной других идентичностей, а также возможности сущностного изменения всей иерархии)⁵. Кроме этого можно вести речь и о различных «срезах» этнической идентичности (внутренняя, декларируемая, приписываемая другими, официально фиксируемая

идентичности)⁶, которые взаимосвязаны и подвержены динамическому взаимовлиянию.

Отдав должное сложности механизмов формирования и бытования идентичностей, в рамках настоящей статьи мы попытаемся кратко рассмотреть одну из них, пожалуй, наименее исследованную в контексте русинистики. По нашему мнению, из всех идентичностей южнокарпатских русинов особенный интерес вызывает малорусская идентичность, степень распространения которой всегда заметно уступала таковой же, например, у карпаторусской и угрорусской идентичностей.

Любопытно, что многие исследователи склонны автоматически отождествлять малорусскую идентичность с идентичностью украинской. Однако по нашему глубочайшему убеждению, особенно применительно к русинам, их корректнее рассматривать по отдельности. Так, в первую очередь, бросается в глаза, что сама структура этнонимов *малоросс*, *малорус*, *малорусин* и т. п. невольно свидетельствует о наличии некоей связи с Русью в широком смысле слова, хотя и конкретизирует определенную специфику. Вытекающую из этого раздвоенность малорусской идентичности (пусть преимущественно на материале ее аппликации на Левобережье) озвучил канадский украинист Зенон Когут: «...*російський культурний складник у малоросійській ідентичності робив українську інтелігенцію нерішучою та обережною у залученні її історичних і політичних традицій до нового українського світогляду*»⁷. Этого никак нельзя сказать об украинской идентичности, которая манифестирует отношение исключительно к Украине.

Следует помнить, что составной характер этнонимов, обслуживающих малорусскую идентичность, косвенно свидетельствует об их определенной искусственности и вторичности. Не свойственная народной этнонимии сложность является свидетельством их элитарного происхождения. Так, еще крупнейший политический деятель южнокарпатских русинов XIX в. Адольф Добрянский⁸ отмечал, что каждый из восточных славян («русских людей») Австро-Венгрии и России «*утверждает, что говорит “по-русски”, несколько даже не подозревая того – если его этому не учили в школе, – что филологи и этнографы стараются различать друг от друга велико-, мало-, бело-, червоно- и черно-руссов*»⁹.

Впервые название Малой Руси фиксируется в грамоте Константинопольского патриарха 1303 г. об учреждении православной Галицко-Волынской митрополии. Как отмечает А. С. Мыльников, хотя

первоначально данный термин имел административно-конфессиональный смысл, позднее он обрел черты государственно-территориальной классификации¹⁰. В то же время очевидно, что понятие неоднократно меняло свое пространственно-географическое содержание. Вследствие этого в Российской империи XIX в. «малороссами» называли не только жителей административной Малороссии, но и всех представителей южной ветви восточного славянства, проживавших вне упомянутого региона¹¹. Подобная номинация активно использовалась и научным сообществом, причем не только российским, но и зарубежным, в том числе многими учеными Габсбургской монархии.

Очевидно, что этноним *малоросс* хотя бы отчасти был известен на территории Венгерского королевства и мог применяться здесь по отношению к местному русинскому населению (венг. *kisorosz*)¹². Следует помнить и то, что границы исторической Венгрии (и конкретно ее неотъемлемой, к тому же неформальной части – Угорской Руси) непосредственно прилегали к региону, который первым стал называться Малой Русью.

Известно, что отдельные представители южнокарпатской русинской интеллигенции не отрицали свою принадлежность к малороссам или же полного или частичного тождества своего языка с малорусским. Об этом свидетельствуют отдельные, впрочем, не слишком многочисленные, пассажи из письменного наследия ряда ее представителей.

Так, еще Иван Орлай¹³, переселившийся из Угорской Руси в Российскую империю, отзывался о своих земляках, что они *«имеют сродство с Малороссиянами, или те же Малороссияне»*¹⁴. При этом, конечно же, не следует забывать о том, что всех восточных славян Орлай называл еще «россиянами».

Гораздо увереннее точку зрения, что русины именно малороссы, отстаивал современник Орлая Иван Фогораший¹⁵. В своей работе «Въ обще о различіи Славянских нарѣчій, собственно же о мало й карпато или Угрорусских» (1827) он отмечал, что *«карпато или угророссиане исходом своим мало россиане суть»*, а *«бесѣда их по бошой части мало-русской совершенно изходна есть»*¹⁶.

Михаил Лучкай¹⁷ назвал свою знаменитую грамматику – *«Grammatica slavo-ruthena, seu vetero-slavicae, et actu in montibus carpathicis parvo-russicae, seu dialecti vigentis linguae»*¹⁸ («Грамматика славяно-русская или старо-славянская, и бытующего в Карпатских горах мало-русского, подобно диалекту процветающего языка»). Правда, несмотря на название, данная грамматика освещала правила не народного, а церковнославянского языка. Что касается самого

Лучшая, то кроме его двоичных, недостаточно четких тезисов о славянских языках, тяжело претендовать на детальное восстановление его этноязыковых представлений.

В целом, крайне сложно точно указать, кто первым из южнокарпатских русинов принял малорусскую идентичность как базовую, а не дополняющую к основной – более широкой русской или, напротив, более узкой угрорусской идентичности. Не исключено, что первым сознательным малороссом на южных склонах Карпат следует считать Анатолия Кралицкого¹⁹, который в своей статье «О малороссиянах и казаках» (1868) выразился следующим образом: «*И наша Угорская Русь вместе с Галичиной принадлежит к малорусской расе славянского племени*»²⁰. Исходя из этой и ряда других цитат, современный ужгородский историк Дмитрий Данилюк считает, что А. Кралицкий даже «*сприяв утвердженню у закарпатських русинів української національної ідеї*»²¹. Ранее сходную сентенцию высказал литературовед Владимир Бирчак (1881–1952), украинец родом из Восточной Галиции²². Однако непредвзятое знакомство с литературным наследием Кралицкого, до конца жизни стремившегося писать на русском литературном языке, скорее не подтверждает подобные смелые предположения украинских ученых²³.

Легче согласиться с другим ужгородским исследователем – Эрнстом Гейделом. По мнению этого историка, первым идейным малороссом из южнокарпатских русинов был Юрий Калман Жаткович²⁴. Именно Жаткович следующим образом сформулировал свое кредо: «*Я по убiдженiю держу себе сыном мало-руського народа, того народа, котрий совсiм так одiльний e от велико-руського, як, наприклад, от польського или болгарського*»²⁵. Конкретно, по словам Э. Гейдела, Ю. К. Жаткович был «*перший вiдомий нам закарпатський дiяч, який мислив у категорiях ексклюзивних, виключних iдентичностей, тобто iдентифiкував угро-русинiв як приналежних до малоросiян, котрi, у свою чергу, становлять цiлком окремиий слов'янський народ, який не є пiдгалуззю якоїсь iншої, бiльшої спiльноти*»²⁶. Однако примечательно, что, считая себя малороссом, он все же не торопился становиться собственно украинцем²⁷.

Во многом похожие взгляды на место малорусского народа в славянской семье в тот же период исповедовал Гиадор Стрипский²⁸. Этнонимы *русин* и *малорус* воспринимались им как синонимы²⁹. Но все-таки очевидное предпочтение (часто даже тогда, когда речь шла о населении южных губерний Российской империи) он отдавал первому из названий.

Однако далеко не все южнокарпатские деятели приветствовали отнесение себя и своих земляков к малороссам. Например, довольно критически относился к самому этому этнониму уже упоминавшийся нами А. Добрянский. Как отмечал литературовед Ф. Ф. Аристов (1888–1932), по мнению Добрянского, считавшего себя в первую очередь русским, «название “малорусский” особенно неудобно потому, что “никто не хочет быть малым и вообще без нужды унижаться”»³⁰.

В любом случае следует иметь в виду, что искусственные составные этнонимы, по всей видимости, долго оставались неизвестными широким народным массам. Активизацию размышлений о внутренней дифференциации восточного славянства в случае южнокарпатских русинов сильно тормозила их географическая отдаленность от ареала расселения белорусов и великороссов, а также отсутствие с ними регулярных контактов. Однако уже в конце XIX – начале XX в. современные этнонациональные представления все интенсивнее проникали в народную среду. Поэтому неудивительно, что в начале 20-х гг. чешскому этнографу Яну Гусеку в русинских селах Восточной Словакии уже встречались отдельные носители малорусской идентичности³¹. При этом ученый резонно констатировал, что самоназвание *малоросс (Malorus)* встречается «в устах народа очень мало и, кажется, только у тех, которых этому научили»³².

По нашему мнению, распространению малорусской идентичности среди южнокарпатских русинов, возможно, также способствовало пребывание их многочисленных представителей на рубеже XIX и XX вв. в Северной Америке. Часть из уезжавших на заокеанские заработки со временем возвращалась домой. Многие же русины навсегда остались в США и Канаде³³, однако в течение десятилетий поддерживали связь со своими родными в Европе. Конкретно в связи с интересующей нас темой хочется отметить два известных момента. Во-первых, начиная с 1890-х гг. вследствие многих причин среди трудившихся в Америке южнокарпатских русинов и галичан, униатов по вероисповеданию, началось движение за переход (или, в оригинальной трактовке, возвращение) в православие. В значительной степени религиозные потребности новой православной паствы было вынуждено удовлетворять духовенство из Российской империи. Последнее же рассматривало этих конвертитов именно как малороссов. Не исключено, что эта номинация играла и консолидирующую роль, сближая нередко враждовавших между собой восточнославянских выходцев из Венгрии и Галиции. Так, например, православная газета

для бывших греко-католиков «Свѣт», которую редактировали в том числе российские подданные, официально так и характеризовалась – «малорусская газета». Во-вторых, и сознательные униаты, которые продолжали использовать традиционные эндоэтнонимы с корнем *рус-*, но все чаще сталкивались с другой одноименной культурой (то есть собственно русской или великорусской), были вынуждены конкретизировать собственную идентичность. Одной из ступеней была идентичность малорусская. В данной связи характерен известный пример (пускай больше касающийся галичан, чем южнокарпатских русинов) генезиса атрибуции старейшей украинской газеты США «Свобода» (выходит с 1893 г.). Так, еще в 1898 г. это издание сопровождал англоязычный подзаголовок «The only Russian Political Newspaper», в 1901 г. «The Little Russian Weekly», а в 1906 г. уже «The Ruthenian Weekly». Только в 1914 г. окончательно возобладала украинская терминология³⁴.

В целом же думается, что в Америке малорусскость запустила свои корни гораздо глубже и крепче, нежели в Европе, сохранив память о себе среди членов американских православных общин вплоть до наших дней. Малорусская идентичность сохранилась у отдельных пожилых людей, предки которых происходили с Карпат³⁵. И именно как малороссов до сих пор воспринимают южнокарпатских русинов, по крайней мере, некоторые пожилые православные американцы из других этнических групп³⁶. Правда, в течение XX в., возможно, не обошлось без некоторых семантических изменений в понимании этнонимов *малоросс (Little Russian)* и *великоросс (Great Russian)*³⁷. Однако, за скудостью сведений, мы все же не беремся четко определить место малорусской идентичности в иерархии этнических идентичностей американцев русинского происхождения. Можно предположить, что она имела особенно вариативный характер, учитывая сильную идеологическую неоднородность этой диаспоры.

Вообще, нельзя не отметить семантическую неопределенность малорусской идентичности и тесно связанного с ней понятия *малорусский язык*, которое довольно часто использовалось в Подкарпатской Руси и Восточной Словакии в 1920–1930-х гг. представителями различных, в том числе враждующих лагерей в рамках русинского социума. Так, например, русофильский автор межвоенного периода, скрывавшийся под псевдонимом Зоркий, насчитал целых четыре его значения:

- «1) *литературный язык галицких сепаратистов, или*
- 2) *литературный язык российских украинских сепаратистов (Шановал), или*

3) новейший язык д-ра Ивана Панькевича, или же, наконец,
 4) язык общерусский, язык Пушкина с малорусским произношением («ть» как латинское «i» и т. д.)»³⁸.

Пожалуй, можно было бы легко расширить данный список путем введения в него дополнительных позиций местного южнокарпатского происхождения.

В целом очевидно, что малорусская идентичность у южнокарпатских русинов принадлежит к числу особенно расплывчатых – тех вариантов этнонациональной идентичности, которым даже не было суждено обрести сколько-нибудь четкие очертания. Серьезной причиной этого, видимо, была конкуренция со стороны набиравшей силу собственно украинской идентичности, с точки зрения которой идентичность малорусская являлась лишь некоей несовершенной, переходной формой на пути к украинству. Лишним, хотя чаще признававшимся звеном на пути от карпаторусскости к общерусскости была малорусская идентичность для протагонистов идентичности собственно русской. В то же время несомненно, что вопрос о рецепции малорусской идентичности среди южнокарпатских русинов еще нуждается в дополнительном, более пристальном, изучении.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Этноним *русин* и производные от него мы используем здесь исключительно как *terminus technicus* для условного обозначения конкретного сегмента восточнославянского этноязыкового массива, вне зависимости от того, к какой конкретно национальности причисляет себя тот или иной человек. При этом, учитывая распространенность указанного этнонима в разные периоды на весьма обширных территориях (в том числе удаленных от Карпат), мы руководствуемся теми границами ареала расселения русинов, которые приняты в современной русинистике (см. карту: *Magocsi P. R. Carpatho-Rusyn settlement at the Outset of the 20th century with additional data from 1881 and 1806*. Мапа розселення Карпатських Русинів на зачатку ХХ століття з далшыми даними з 1881-го і 1806-го року. [Orwell, Verm.], 1996; 2nd ed. 1998). Прилагательное *южнокарпатский* используется нами с целью уточнения, о каких именно русинах идет речь (то есть не о севернокарпатских русинах-лемках и не о русинах бывшей Югославии). Его употребление представляется

нам более корректным, чем использование прилагательных *подкарпатский* и *закарпатский*, чаще всего уже фокусирующих свое внимание исключительно на территорию нынешней Закарпатской области Украины, тем самым не охватывая фрагменты территорий соседних государств с коренным русинским населением (Словакии, Венгрии, Румынии).

- 2 См.: *Садохин А. П.* Этнология: Учебный словарь. М., 2002. С. 188, 196.
- 3 Подчеркнем, что, в отличие от большинства исследователей, мы говорим именно об идентичностях, а не о широких национально-языковых ориентациях (как правило, в этой связи упоминают триаду русофильство-украинофильство-русинофильство и мадьяронство). Данное замечание важно, потому что нередко одна и та же этнонациональная идентичность выдвигалась (или, по крайней мере, не исключалась) сразу несколькими подобными ориентациями. Конечно же, теоретически количество вариантов идентичности вместе с их допустимыми комбинациями, на порядки превышающее формальное число ориентаций, можно довести до абсурда – приближая его чуть ли не к общему количеству местных уроженцев и внешних знатоков региона, мысливших в современных национальных категориях. Поэтому имеет смысл выделять только основные, на наш взгляд, модели этнонациональной идентичности. В то же время следует помнить, что обращение к конкретным русинским судьбам часто убеждает исследователя в крайней схематичности любых классификаций, которых явно не хватает для передачи всех оттенков взглядов некоторых деятелей. Тем более что сами взгляды, в том числе на вопрос о собственной этнонациональной идентичности, имеют (особенно в условиях пограничья) очевидную тенденцию к изменению как во времени, так и в пространстве.
- 4 Думается, что применительно к южнокарпатским русинам подобное положение вещей является особенно характерным.
- 5 Таким образом, например, в случае соседства русской и карпаторусской идентичностей мы можем констатировать первостепенное акцентирование либо своей русскости (при этом карпаторусскость воспринимается в данном контексте лишь как региональное или этнографическое уточнение), или же, наоборот, карпаторусскости (а не своей одновременной принадлежности к русским [восточным славянам], как и шире – к славянству в целом). Ценным, хотя и не универсальным подспорьем в определении базовой этнонациональной идентичности являются представления о литературном языке, то есть, обращаясь к предыдущему примеру, принципиально

- важно, считает ли тот или иной русин своим литературным языком русский язык или же отстаивает право на развитие самобытного карпаторусского койне.
- 6 Классификация отечественного этнолога А. Д. Коростелева. См.: *Коростелев А. Д. Парадоксы этнической идентичности // Идентичность и толерантность*. М., 2002. С. 92.
  - 7 *Козут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України*. Київ, 2004. С. 101.
  - 8 Добрянский Адольф Иванович (1817–1901) – политик и публицист. Родился в с. Рудлов (Земплин) в семье греко-католического священника. Получил блестящее образование в Левоче, Рожняве, Мишкольце, Кошице, Эгере, Банской Штявнице и Вене. Автор политического проекта «Об объединении русских коронных областей в одно политическое и административное целое» (1849). Во время Венгерского похода являлся императорским комиссаром при армии генерала Паскевича. Позднее являлся советником начальника Ужгородского гражданского округа, депутатом венгерского парламента. Стоял у истоков русинского Общества св. Василия Великого (первый председатель) и Матицы словацкой. Являлся последовательным сторонником федерализации Габсбургской монархии, был преследуем как панславист. В 1875–1881 – в эмиграции в России. Скончался в Инсбруке. См.: *Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси*. Ужгород, 2006. С. 172.
  - 9 Цит. по: *Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. Исследование по неизданным источникам / Второе дополненное издание*. М., 1916. Т. I. Репринт: Bridgeport, Connecticut, 1977. С. 181.
  - 10 См.: *Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века*. СПб., 1999. С. 66.
  - 11 См.: *Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України / Видання третє, перероблене та розширене*. Київ, 2006. С. 21. Подробнее о метаморфозах термина *малоросс* см. в работах: *Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение*. 2011. № 108. С. 9–27; *Лескинен М. В. «Малороссийская народность» в российской науке второй половины XIX века: Проблемы этнографического описания // Русские об Украине и украинцах*. СПб., 2012. С. 245–283.
  - 12 См.: *Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості...* С. 168.

- 13 Орлай Иван Семенович (1770–1829) – ученый, медик, педагог, общественный деятель. Родился в Хусте (Мараморош). Учился в Ужгородской и Великокарловской гимназии, Великоарадинской академии, Львовском и Пештском университетах. В 1791 г. переселился в Россию. Получив медицинское образование в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, прошел все ступени карьеры до гоф-хирурга и гоф-медика. Именно по его предложению в Россию для занятия кафедр в новых университетах были приглашены ученые южнокарпатского русинского происхождения. Являлся членом Московского общества истории и древностей российских, почетным членом Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете, Российской Академии наук и др. В 20-х гг. XIX в. возглавлял Гимназию высших наук князя Безбородко в Нежине, затем Ришельевский лицей в Одессе. Поддерживал контакты с ведущими отечественными историографами Н. М. Карамзиным и П. И. Кеппеном. См.: *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 281.
- 14 *Орлай И.* О Юго-Западной Руси // Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Львов, 1905. Т. I. Сношения Карпатской Руси с Россией в 1-ой половине XIX-ого века / Собрал И. С. Свенцицкий. С. 44. Отметим, что в цитированном тексте Орлай говорит не только о южнокарпатских русинах, но и о галичанах.
- 15 Фогораший Иван (псевдоним – Бережанин; 1786–1834) – греко-католический священник, педагог, языковед, этнограф. Родился в с. Великие Комяты (Угоча). Учился в духовных семинариях Ужгорода, Трнавы и Вены. В 1814–1818 гг. являлся ректором Ужгородской духовной семинарии. Позднее был священником церкви св. Варвары в Вене. Входил в кружок славянских ученых во главе с Бартоломеем Копитаром (1780–1844). См.: *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 368.
- 16 *Бережанинъ И.* Въ обще о различіи Славянских нарѣчій, собственно же о мало й карпато или Угрорусских // Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Т. I. С. 48.
- 17 Лучкай (Поп) Михаил (1789–1843) – греко-католический священник, историк, языковед. Родился в с. Великие Лучки. Учился в гимназии в Ужгороде и духовной семинарии в Вене. В период учебы участвовал в работе кружка Б. Копитара. Позднее служил на приходах, являлся королевским «русским цензором» в Буде, работал библиотекарем и архивариусом канцелярии Мукачевского епископства в Ужгороде. В конце жизни, в связи с ростом венгерско-

- го национализма, подвергался гонениям за славянские убеждения, следствием чего стало его увольнение из канцелярии. См.: *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 237–238.
- 18 *Lutskay M.* Grammatica slavo-ruthena, seu vetero-slavicae, et actu in montibus carpathicis parvo-russicae, seu dialecti vigentis lingvae. Vudae, 1830.
  - 19 Кралицкий Анатолий (1835–1894) – греко-католический церковный деятель, писатель, этнограф, педагог. С 1858 г. – священник Прешовской епархии. В 1863 г. принял монашеский постриг. С 1869 г. – протоигумен Мукачевского Свято-Николаевского монастыря оо. василиан. Романтик-просветитель, противник мадьяризации. Богатое литературное наследие Кралицкого состоит из рассказов, повестей, этнографических и биографических очерков, компилятивных просветительских работ и т. д. См.: *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 227.
  - 20 Цит. по: *Данилюк Д.* Исторична наука на Закарпатті (кінець XVIII – перша половина XX ст.). Ужгород, 1999. С. 179, 321.
  - 21 Там же. С. 179.
  - 22 *Бірчак В.* Літературні стремління Підкарпатської Русі / Друге доповнене видання. Ужгород, 1937. Факс. вид.: Ужгород, 1993. С. 124.
  - 23 См. старую критику отнесения А. Кралицкого к предтечам украинства среди южнокарпатских русинов: *Недзельский Е.* Очерк карпаторусской литературы. Ужгород, 1932. С. 204–205.
  - 24 Жаткович Юрий Калман (1855–1920) – греко-католический священник, историк, этнограф, переводчик. Родился и получил образование в Ужгороде. Служил в селах Великий Раковец, Иза, Строино. Член Научного общества имени Шевченко во Львове и Венгерского исторического общества в Будапеште. См.: *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 187–188.
  - 25 Листи Юрія Жатковича до Володимира Гнатюка (1895–1914) // *Мазурок О.* Юрій Жаткович як історик та етнограф. Ужгород, 2001. Л. 29. С. 53. Сходные утверждения Жатковича см.: Там же. Л. 56. С. 78.
  - 26 *Гийдел Е.* Рутенія über alles // Україна модерна. № 12. Стандарти науки і академічне середовище. Київ; Львів, 2007. С. 202. Правда, Э. Гийдел подобно большинству украинских историков не различает малорусскую и украинскую идентичности.
  - 27 См.: *Недзельский Е.* Очерк карпаторусской литературы... С. 255–258.
  - 28 Стрипский Гиадор (1875–1946) – этнограф, фольклорист, переводчик, журналист. Родился в с. Шелестово (Берег). Окончил

- гимназию в Ужгороде. Учился в Будапештском, Колошварском и Львовском университетах. В начале карьеры занимался музейной работой в Колошваре, преподавал восточнославянские языки в Колошварском университете. В 1910–1918 гг. – заместитель куратора, позднее куратор этнографического отдела Национального музея в Будапеште. Издавал журнал «Ukránia». После провозглашения Венгерской республики – сотрудник Министерства просвещения и культов, советник министра по проблемам национальных меньшинств, позднее заведующий отделом просвещения Министерства по делам Русьской краины. Член Румынской и Венгерской академий наук, Научного общества имени Шевченко. См.: *Пон И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 340–341.
- 29 См., например: Письмо Гиадора Стрипського 1897 // *Удвари I.* Зберька жерел про студію русинського писемства III. Гиадор Стрипський, народописник, бібліограф, языкознаватель, товмач / *Studia Ucrainica et Rusinica Nyiregyháziensia* 21. Ніредьгаза, 2007. С. 145–174.
- 30 *Аристов Ф. Ф.* Карпато-русские писатели... С. 184.
- 31 *Húsek J.* Národopisná hranice mezi Slovákы a Karpatorusy. Bratislava, 1925. S. 15, 383.
- 32 Ibidem. S. 15.
- 33 В 1880–1914 гг. за океан переселилось приблизительно 225 тысяч русинов (включая галицких лемков и воеводинских русинов). Согласно данным П. Р. Магочи, на сегодняшний день в США и Канаде проживает соответственно около 620 и 20 тысяч человек русинского происхождения. См.: *Маточій П. Р.* Карпатськы Русины. Б. м., 2006. С. 2–3.
- 34 См.: Русско-Американский Православный Календарь на год 1950. В память 156 летия Русского Православия в Сев. Америке / Сост. П. Ю. Коханик, протоиерей. Wilkes-Barre, Pa, 1950. С. 371–373, 377.
- 35 Так, например, анонимный автор заметки о канонизации первого перешедшего в Америке в православие русинского священника Алексия Товта (1994), очевидно радикальный сторонник русинской идентичности, с сожалением отмечал, что из присутствовавших на торжестве паломников русинского происхождения «много іші называють ся “русськыма”, “малорусськыма”, “россійськыма”, а не Русинами» (Из живота православных Русинів у Америці // Русин [Пряшов]. 1994. № 5. С. 27).
- 36 Так, к примеру, долголетний настоятель Свято-Николаевского собора в Вашингтоне о. Дмитрий Григорьев в своей книге, посвященной истории Русской Православной Миссии в США и Канаде,

- называет всех восточнославянских выходцев из Австро-Венгрии («русин, карпатороссов, галичан и буковинцев») «юго-западными разветвлениями малороссов» (Григорьев Д., протоиерей. От древнего Валаама до Нового Света. Русская Православная Миссия в Северной Америке. М., 2007. С. 50).
- 37 На эту мысль нас натолкнуло знакомство со статьей современного историка православных приходов Новой Англии, потомка восточнославянских выходцев из Австро-Венгрии, считающего себя русским американцем, Роберта Джона Клянско. В его понимании, великороссы – это все русские из Российской империи («из Велико-россии – областей, включавших Москву, Минск, Санкт-Петербург, Киев»), тогда как малороссы – русские из Габсбургской монархии. См.: Клянско Р. Д. Русские православные храмы в Коннектикуте / Перевод С. Генебарта // Русский американец. 1995–1997. № 21. С. 175.
- 38 Зоркий Н. 1. Спор о языке в Подкарпатской Руси и чешская Академия Наук. 2. Как осведомляет д-р Иван Панькевич чешскую публику о наших языковых делах. Ужгород, 1926. С. 13.

Dronov M. Yu.

Reception of the Little-Russian (Maloross) Identity
among the South-Carpathian Ruthenes
(the Nineteenth and Twentieth Centuries)

The article treats the element of Little-Russian (Maloross) ethno-national identity in the spectre of loyalties of South-Carpathian Ruthenes in the nineteenth and twentieth centuries.

Keywords: *Eastern Slovakia, Little-Russian (Maloross) identity, Sub-Carpathian Rus', Ruthenes, Ugric (Carpathian) Rus'*.

М. Э. Клопова
(Москва)

Опыт парламентаризма: Украинский клуб в общеавстрийском парламенте (1907–1914 гг.)

В статье рассматривается деятельность парламентского Украинского клуба, ставшего активным участником внутривосточной политической жизни Австро-Венгрии в 1907–1914 гг. и борového за создание самостоятельного украинского университета и реформу галицийской избирательной системы.

Ключевые слова: *украинское национальное движение, политические партии, парламентская фракция, национальные противоречия.*

3 июня 1907 г. в здании австрийского Рейхсрата состоялось открытие первой сессии вновь избранной Палаты депутатов, нижней палаты парламента. На смену большинству, состоящему из немецких клерикалов, а также польских и чешских консерваторов, пришли христианско-социалистическая фракция и многочисленное славянское представительство. Впервые широко были представлены так называемые «неисторические» народы империи. К их числу относились и представители восточнославянского населения Австро-Венгрии. Если в предыдущем парламенте было всего 11 русинов, то теперь их число возросло до 34. Участие в избирательной кампании, создание собственного парламентского клуба, возможность прямого участия в политической жизни государства – все это имело огромное значение для развития национально-политических движений восточнославянского населения империи.

Идея проведения избирательной реформы поддерживалась абсолютным большинством политических партий и движений Габсбургской монархии. При этом новый избирательный закон воспринимался многими политическими деятелями Австро-Венгрии не только как важнейший шаг на пути либерализации государственного устройства Габсбургской монархии, но и как способ разрешения многочисленных национальных противоречий¹. В общей борьбе приняли участие и представители восточнославянского («русского») населения империи. К этому времени в среде австрийских, а в первую очередь галицийских, русинов оформились два конкурирующих

Статья написана в рамках гранта РГНФ № 12-01-00202.

национально-политических движения: украинское и русофильское. Участники украинского движения настаивали на существовании самостоятельного украинского народа, русофилы же были приверженцами идеи общерусского единства. На рубеже XIX–XX вв. в развитии обоих национально-политических движений начался новый этап, отмеченный созданием политических партий и участием их в общеимперской политической жизни.

В целом вопрос избирательной реформы был новым компонентом политической программы обоих движений: несмотря на то, что подобные требования содержались в программах Украинской народно-демократической партии (УНДП) и Русько-украинской радикальной партии (РУРП), они практически не выдвигались публично. Решительный поворот в этом направлении произошел в 1905–1906 гг. В начале 1905 г. от имени русинов Галиции к императору Францу Иосифу направилась делегация, которую возглавлял митрополит Галицкий А. Шептицкий, пользовавшийся большим авторитетом не только как церковный, но и как общественный деятель. На встрече с императором он говорил о необходимости предоставить русинам Галиции равные с другими народами империи избирательные права. Члены делегации подчеркивали, что справедливая избирательная реформа является одним из путей, в частности, к разрешению национального конфликта в крае. Император подтвердил свое намерение удовлетворить чаяния русинов, однако отметил, что для успешного принятия закона необходима добрая воля всех сторон. Один из членов делегации, депутат Рейхсрата Ю. Романчук, заверил императора в лояльности его «руських» подданных. Одновременно в Вену прибыли представители «Народного Комитета», исполнительного органа УНДП, такие как К. Левицкий, Е. Олесницкий, А. Колесса и др. Украинцы считали существенным успехом то, что им удалось уверить представителей венской администрации в полной лояльности не только своей, но и всего «руського» населения Галиции².

В феврале 1906 г. во Львове прошло несколько массовых выступлений, организованных украинскими активистами, причем в них принимали участие как украинцы, так и представители Русско-народной партии. На многотысячных митингах еще не раз звучали требования реформы. Наконец, был подготовлен проект избирательной реформы, включавший, в том числе, и ответ на часть требований русинов, в частности было увеличено число мест в Парламенте от Галиции. Новый закон был одобрен Рейхсратом большинством голосов. Было сохранено неравномерное распределение депутатских мест

по национальным областям (так, один депутат избирался от 40 тыс. немцев, 52 тыс. поляков, 38 тыс. итальянцев и 102 тыс. русинов)³. Закон заранее определял число депутатов от каждой провинции, и, таким образом, борьба на местах разворачивалась в основном среди политических партий. Это, по замыслу имперских властей, должно было предотвратить национальные конфликты как в Рейхсрате, так и во время выборов. Однако замысел этот удался не вполне. Национальные противоречия в полиэтничной Габсбургской империи продолжали набирать силу, и нередко их проявлениями становились ожесточенные схватки в парламенте.

Избирательная кампания началась в конце 1906 г. Украинские радикалы (РУРП) решили вести избирательную кампанию самостоятельно. Народный съезд УНДП высказался в пользу консолидации усилий всех представителей «русского» населения края, а в дальнейшем не исключался компромисс с оппозиционными польскими и еврейскими партиями. В целом это было продолжением существовавшей ранее практики избирательных консолидаций, то есть объединения усилий в ходе предвыборной борьбы разных политических объединений, представлявших интересы русинов. При подготовке к выборам в Рейхсрат 1896 г. был создан «Руський краевой выборочный комитет», в состав которого вошло 90 представителей обоих «русских» национально-политических движений – как украинского, так и общерусского, чаще называемого русофильским⁴.

Попытка консолидации была обречена на поражение. Условия, выдвинутые русофилами (они требовали половины причитавшихся русинам мандатов и непременно прохождения в парламент одного из лидеров Русско-народной партии В. Дудыкевича), были для украинцев неприемлемыми. Поэтому в апреле 1907 г. политическая организация русофилов «Руськая Рада» провозгласила собственную предвыборную программу. Тогда же, 19 апреля 1907 г., была оглашена и избирательная программа УНДП, основные пункты которой повторяли программу партии 1899–1900 гг. С самостоятельной программой выступили и украинские радикалы, социалисты и представители Католического Руського Союза под руководством А. Барвинского. Это вызывало немалую обеспокоенность, поскольку, несмотря на гарантированные места в Рейхсрате, в целом ряде округов со смешанным населением представителям «русских» партий предстояло соперничать с поляками, что в условиях Галиции означало верное поражение.

Галицийские украинцы учитывали опыт политической деятельности, полученный украинским движением в России в ходе выбо-

ров и работы в I и II Государственных Думах. Помимо несомненных успехов украинского движения – прежде всего, самой возможности заявить с парламентской трибуны о существовании в России украинского вопроса, создания Украинского блока, активных контактов с представителями общероссийских политических партий⁵, – имелся и негативный опыт. О слабых сторонах украинского движения в России немало писал М. Грушевский, в эти годы много сделавший для того, чтобы объединить украинское движение по обе стороны австро-российской границы. По его мнению, «украинское общество ничего не сделало для своей политической организации в предвыборный период, и когда выборы привели в Думу достаточно многочисленный украинский элемент, они и в Думе ничего не сделали для своей консолидации»⁶. По его мнению, именно украинцам Австро-Венгрии предстояло преодолеть эти недостатки, создав сильную парламентскую фракцию, способную представлять и защищать интересы не только подданных монархии Габсбургов, но и всего украинского народа.

В Галиции выборы состоялись в мае 1907 г. Проходили они сложно, отмечались многочисленные нарушения, столкновения представителей противоборствующих сторон, нередко носившие кровопролитный характер. Безусловно, крупного успеха добились украинцы. Их представители получили больше голосов, нежели предполагалось (27 мест от Галиции и 5 – от Буковины), депутатские мандаты получили среди прочих Ю. Романчук, К. Левицкий, Е. Олесницкий, С. Днистрянский, являвшиеся бесспорными лидерами украинского движения. Для русофилов, напротив, результаты были неутешительны, они получили всего 5 мест в Рейхсрате, не был избран и их лидер В. Дудыкевич.

Вскоре после выборов Народный Комитет УНДП возложил на своих депутатов обязанность «проявить инициативу по основанию единого клуба из тех депутатов, которые стоят на основе украинской национальной идеи»⁷, то есть фактически отмежеваться от русофилов. Тем не менее, 17 июня 1907 г. был создан единый парламентский клуб. В его состав вошли как видные деятели украинского движения (К. Левицкий, Ю. Романчук, Е. Олесницкий), так и русофил В. Курилович, – всего 30 депутатов-русинов из Галиции и Буковины (социал-демократы Витык и Остапчук вступили в общеавстрийскую социал-демократическую фракцию). Клуб был назван «Руським» («малоруським») или же по-немецки Ruthenen-klub. Задачей своей члены клуба объявили защиту интересов «малоруськой нации для ее самостоятельного разви-

тия, политического, экономического, общественного и культурного)»⁸. Характерно, что название «малоруський» было принято как украинцами, так и русофилами, хотя они вкладывали разное содержание в это понятие. Например, депутат-русифил Н. Глибовицкий так обосновывал применение понятия «малороссийский» в статье, опубликованной в газете «Галичанин»: «Малорусское племя является только ветвью великого русского народа... Принимая терминологию, установленную немецкой теорией международного и общегосударственного права, не называем малороссов в их совокупности народом (Volk), а только малорусскою народностью (kleinrussische Volkstamm)». Далее Глибовицкий подчеркивал, что русофилы признают за малорусским племенем право на его культурное развитие, «однако с тем ограждением, чтобы его развитие не было поддержано и направлено против остального русского мира – как продукта духовного творчества и создания всего русского народа».

Первой акцией объединенного Руського клуба стало заявление, которое поднимало проблему создания из Восточной Галиции и Буковины отдельной «руськой» провинции. Кроме этого, депутаты протестовали «против незаконного расширения компетентности галицийского Сейма, против исключительного положения, в которое поставлен наместник, и против произвола австрийской администрации»⁹. Такие требования были скорее характерны для украинцев, занимавших более активную политическую позицию и пользовавшихся определенной поддержкой со стороны австрийских властей, и совместное их выдвижение было дополнительным проявлением солидарности, которой в это время еще пытались достичь представители обоих направлений. Попытки эти оказались неудачными, и уже в июне 1907 г. Руський клуб распался. Основная часть его украинских членов заняла открыто националистическую позицию, заявив, что «основным стремлением украинского народа является стремление к полной государственной независимости без оглядки на интересы держав, которые теперь господствуют над украинским народом. Одним из этапов достижения этой цели является национально-территориальная автономия украинского народа в Австрии»¹⁰. Тогда же, в июне 1907 г., состоялся съезд «мужей доверия» Русско-народной партии, на котором было решено вывести русофильских депутатов из состава клуба и создать отдельное парламентское объединение. Несмотря на то, что съезд проходил достаточно бурно и не все депутаты-русофилы считали нужным окончательно разрывать парламентское соглашение, большинство настояло на разрыве¹¹. Таким об-

разом, уже в конце июня Ruthenen-klub стал полностью украинским. Русофилы осенью того же года основали немногочисленный (4–5 человек) Русско-народный клуб или «Altrutenische Verband», закрепив за собою имя старорусинов.

«Украинский клуб», состоявший в основном из представителей Украинской национальной партии (УНДП), с самого начала своего существования позиционировал себя в качестве представителя всего «руського» населения Австро-Венгрии, что не вполне соответствовало действительности. Помимо русофилов, пусть и утративших часть своего политического влияния, но все еще весьма популярных в народе, самостоятельную позицию по многим вопросам занимали члены РУРП (радикалы). Собственной линии придерживались буковинские украинцы, значительно чаще склонявшиеся к возможности компромисса и с краевыми, и с центральными властями. К многочисленной и влиятельной социал-демократической фракции в Рейхсрате примкнули также депутаты – члены Украинской социал-демократической партии. Лишь с течением времени участники Украинского клуба сумели привлечь на свою сторону практически всех депутатов-украинцев.

С первых дней работы парламента украинские депутаты проявляли большую активность, добиваясь от центрального правительства и влиятельного Польского коло признания своих требований, среди которых основными были принятие нового закона о выборах в галицийский Сейм, определенные изменения в системе местного управления, создание украинского университета и увеличение числа украинских школ. При этом они не раз прибегали к оригинальным, но вполне популярным в новом парламенте методам борьбы. Так, в ответ на нежелание центрального правительства реформировать в соответствии с новым законом и провинциальные законодательные собрания, в первую очередь галицийский Сейм, депутаты-украинцы хором исполнили песни «Ще не вмерла Україна» и «Не пора»¹². Эти усилия дали определенные результаты. По словам министра-президента М. фон Бека, правительство, не признававшее до сих пор остроты вопроса, должно приложить все усилия для его скорейшего урегулирования. Со своей стороны, правительство согласилось на ряд мер, призванных способствовать достижению компромисса. В первую очередь к ним относилось расследование нарушений в ходе выборов в Галиции и принятие соответствующих мер. Далее правительством был предложен ряд шагов относительно решения университетского вопроса, в частности расширение преподавания на

украинском языке, создание нескольких новых украинских кафедр, предполагалось увеличение финансовой помощи просветительским организациям. Однако украинцы признали эти шаги недостаточными. При голосовании по новому проекту австро-венгерского соглашения украинские депутаты несколько раз отметили в своих выступлениях, что нежелание Вены признать и защитить интересы «руського» народа в обеих частях монархии не дает возможности Украинскому клубу голосовать за принятие нового варианта соглашения. Проявленная украинскими депутатами настойчивость побудила правительство вновь вернуться к переговорам с Польским колом и Украинским клубом. В результате к концу 1907 г. было достигнуто соглашение между украинским парламентским представительством, с одной стороны, и правительством, галицийским наместничеством и Польским колом – с другой. По условиям этого соглашения предполагалось расширение прав украинского языка в вопросах галицийского и местного управления, а также во Львовском университете, создание при польских гимназиях параллельных украинских классов; достижение польско-украинского компромисса в вопросе сеймовой реформы. Украинский клуб обязался не участвовать в парламентской оппозиции до осени 1909 г.¹³ Таким образом, в первые месяцы работы Рейхсрата украинские депутаты выработали свою линию взаимоотношений с имперским правительством, основанную, с одной стороны, на возможности реального влияния украинской фракции на работу парламента, а с другой – на необходимости поддержки украинских требований со стороны центрального правительства и, соответственно, лояльности украинцев. В целом подобная система взаимоотношений украинских политиков с имперскими властями сохранилась вплоть до 1914 г.

При созыве парламентской сессии 1909 г. Украинский клуб объявил о том, что он будет впредь придерживаться оппозиционной по отношению к правительству политики. Первым шагом в этом направлении стало голосование против нового призыва рекрутов, причем украинский депутат К. Трилёвский, редактор газеты «Дело» («Діло»), подверг критике действия австрийской армии в Боснии и заявил, что до тех пор, пока с русинами считаются недостаточно, они не дадут ни одного рекрута. Столь резкое заявление вызвало не только негодование австрийских военных, но и недоумение в среде самих украинских депутатов, не желавших заходить так далеко в своей критике правительства. Особенно негативно такая позиция была воспринята украинскими депутатами из Буковины. Летом 1909 г. бу-

ковинцы вышли из состава Украинского клуба. Поводом послужили разногласия в среде парламентариев относительно голосования по ряду вопросов, связанных с австрийской политикой в Боснии. Лидер буковинских украинцев Н. Василько потребовал для своих товарищей свободы в определении своей позиции по этому вопросу, а в ответ на требование большинства украинских депутатов голосовать солидарно против правительственных мер заявил о выходе буковинских украинцев из Клуба и о поддержке правительственной линии, «поскольку такая политика казалась им более выгодной для решения их буковинских вопросов»¹⁴.

Первые годы работы избранного по новой системе Рейхсрата выявили многочисленные проблемы Габсбургской монархии. Прежде всего, не удалось преодолеть острые национальные противоречия, такие как чешско-немецкий или польско-русинский конфликты. Неэффективной оказалась и повседневная работа парламента. Обструкции стали постоянным фактором его существования. Фактически, любая из многочисленных фракций могла надолго парализовать работу законодателей, добиваясь своих целей. Это препятствовало эффективной работе парламента и правительства, в первую очередь в области финансов¹⁵. Однако для представителей многих народов эти годы оказались весьма успешными. Несомненных успехов добились участники Украинского клуба, не только добившиеся права практически единолично представлять интересы восточнославянского населения Австро-Венгрии, но и обратившие на проблемы этого населения внимание высших чиновников империи. Украинские депутаты заняли заметное место в ряду других национальных парламентских представительств. Косвенным признанием их роли стало избрание в феврале 1910 г. вице-президентом Палаты Послов Рейхсрата одного из наиболее влиятельных украинских политиков Ю. Романчука. Впервые представитель «руського» населения занял столь высокое место в политической системе империи. Его преемником в качестве лидера Украинского клуба стал К. Левицкий.

В парламенте нового созыва, выборы в который прошли в июне 1911 г., украинцам предстояло не только закрепить, но и развить свой успех, добившись в первую очередь от имперского правительства реальных мер по осуществлению своих основных требований. В ходе предвыборной борьбы УНДП не удалось создать единую коалицию украинских партий, тем не менее положение украинского представительства оставалось достаточно устойчивым. Вновь, как и в ходе выборов 1907 г., наиболее представительной была группа депутатов от

УНДП – всего 18 человек. От радикальной партии в парламент прошли 5 депутатов, а также один социал-демократ. Были избраны также 5 депутатов-украинцев от Буковины. Таким образом, в новом Рейхсрате заседали 29 украинских депутатов, что было меньше, чем в предыдущем парламентском созыве. При этом в значительно большей степени утратили свои позиции политические конкуренты украинцев – галицийские русофилы. В новом парламенте их было всего двое. Изменился и состав польского представительства: ослабили позиции национальных демократов и заметно усилились консерваторы. Последние в значительно большей степени готовы были к компромиссу с украинцами ради сохранения политической стабильности как в Галиции, так и в империи. Это открывало перед украинцами новые перспективы.

Несмотря на желание УНДП создать единый парламентский клуб, эта идея первоначально не нашла понимания среди других украинских представителей, хотя, по словам К. Левицкого, четырехлетний опыт предыдущего парламента доказал, что реальным влиянием располагают крупные парламентские группы и наиболее успешными оказались именно национальные представительства¹⁶. 16 июля 1911 г. в Вене состоялось собрание представителей всех украинских партийных групп, на котором К. Левицкий выступил с предложением о создании консолидированного парламентского союза. С этим предложением согласился лидер буковинских украинцев Н. Василько и, после некоторых колебаний, представитель радикалов В. Лагодинский. Представители трех украинских партий, входивших в союз, признали, что борьба за избирательную реформу в Сейм и украинский университет являются общим делом всего украинского представительства. При открытии первой сессии Рейхсрата вновь созданный Союз выступил с декларацией, в которой заявил, что выступает от лица самостоятельного украинского народа, целью которого является создание национально-культурной автономии в составе австрийской державы¹⁷. Это решение способствовало тому, что в Рейхсрате украинцы выступали солидарно и могли оказывать серьезное влияние на работу парламента. При этом следует отметить, что Украинский парламентский клуб заявлял о своей оппозиции правительству и активно прибегал к обструкции.

Краеугольным камнем всей украинской политики в парламенте нового созыва стало требование основания во Львове высшего учебного заведения с преподаванием на украинском языке. Университетский вопрос был одним из самых болезненных моментов в польско-украинских отношениях. Создание во Львовском университете, за

которым официально был признан польский характер, нескольких факультетов с преподаванием на «руськом», а фактически на украинском, языке положило начало длительному и весьма болезненно-му процессу. Требования расширения преподавания на украинском языке в Львовском университете, а затем создания самостоятельного украинского университета постоянно включались во все украинские политические программы. При этом идея создания университета вызывала не только в галицийской администрации, но и в польском обществе Галиции резкое неприятие. Неоднократно вспыхивали столкновения между польскими и украинскими студентами, конфликтовали преподаватели. Противостояние не раз выходило за стены университета, захватывая все новые слои галицийского общества. В пределах Галиции университетский вопрос оставался неразрешимым. Стоит отметить, что создание высших учебных заведений в Австро-Венгрии находилось в ведении имперского правительства, однако Вена вряд ли пошла бы на удовлетворение требований лишь одной из сторон, опасаясь дальнейшего роста напряженности в польско-русинских отношениях.

С началом парламентской эпохи университетский вопрос вышел на новый уровень, что во многом было обусловлено созданием единого Украинского клуба, способного оказать реальное влияние на ситуацию в империи. Вопрос об учреждении украинского университета в 1910–1914 гг. оказывался связанным с аналогичными требованиями относительно итальянского и словенского университетов. Так, депутат С. Днистрянский на заседании, посвященном созданию итальянского юридического факультета в Триесте, заявил, что русины имеют преимущественное право на аналогичные меры, поскольку являются наиболее многочисленным народом империи, не имеющим собственного университета¹⁸. При этом один из украинских публицистов Л. Цегельский отметил: «...как словенцы, так и украинцы понимают, что с основанием итальянского университета их позиции ослабнут»¹⁹, и все они настойчиво требовали одновременного учреждения всех трех новых национальных университетов. В мае 1910 г. со стороны правительства впервые прозвучало предложение, ставшее впоследствии основой для компромисса по университетскому вопросу, а именно – об основании украинского университета императорским указом при одновременном признании польского характера за нынешним Львовским университетом.

Летом 1910 г. университетский конфликт достиг своей наивысшей точки, когда в ходе студенческих столкновений был убит сту-

дент-украинец и отмечались многочисленные драки между студентами обеих национальностей. Подобное развитие событий вызвало беспокойство не только со стороны галицийской администрации, но и со стороны многих деятелей украинского движения, опасавшихся, что дальнейшая эскалация конфликта помешает конструктивному решению университетского вопроса. С этого момента основной ареной борьбы за украинский университет становятся законодательные органы империи и провинции. Еще в начале марта состоялось совещание у министра просвещения К. Штюргка, на которое были приглашены украинские депутаты Рейхсрата А. Колесса и Ю. Романчук. На совещании украинские представители заявили, что принципиальное согласие с их стороны на признание польского характера Львовского университета может быть получено лишь при условии одновременного создания отдельного украинского университета. Министр отметил, что разрешение университетского вопроса возможно лишь при обоюдном согласии сторон и одностороннее разрешение этого вопроса исключено²⁰.

На принципиально новый уровень университетский вопрос вышел в 1912 г. Считая, что «университет украинцы должны получить из рук центрального правительства, вопрос же Сеймовой реформы – это предмет переговоров с поляками»²¹, украинские депутаты заметно активизировали борьбу за университет в Рейхсрате. В апреле 1912 г. К. Левицкий созвал совещание Украинского парламентского союза, на котором представители входивших в него объединений (УНДП, РУРП и буковинских украинцев) единогласно пришли к выводу, что университетский вопрос является важнейшим для всего украинского народа.

В борьбе за самостоятельный университет украинцы прибегли к своему излюбленному приему – обструкции, которая грозила сорвать принятие важнейших для государства законопроектов, в том числе военных, что в условиях роста международной напряженности было крайне нежелательно. Как отметил украинский публицист, «украинское представительство могло не допустить принятия ни одного из них и вынудить правительство и связанных с ним поляков к разрешению университетского вопроса», добавляя при этом, что момент был «настолько выгодным, что вряд ли он может наступить еще раз»²². Это, несомненно, побудило правительство пойти навстречу украинским требованиям и ускорить принятие решения по университетскому вопросу. В начале мая занимавший теперь пост министра-президента Цислейтании К. Штюргк пригласил к себе К. Левицкого и в довери-

тельной беседе сообщил тому, что правительство вскоре предложит свой проект разрешения университетского вопроса²³.

12 мая 1912 г. Украинский парламентский союз обратился к министру внутренних дел и министру просвещения с предостережением против затягивания решения университетского вопроса, указывая, что в противном случае возможны волнения как студенческой молодежи, так и населения провинции. Депутат-украинец Окуневский при этом подчеркнул, что существует вероятность того, что Россия одумается, изменит свою национальную политику и «начнет собирать свои народы», и тогда положение Австрии заметно осложнится²⁴. Правительство предложило украинцам сформулировать свои требования таким образом, чтобы они могли бы быть использованы при подготовке императорского рескрипта. Представители Украинского парламентского союза после ряда консультаций выдвинули следующие требования: нынешнее положение львовского университета, в том числе и преподавание на украинском языке ряда предметов, сохраняется неизменным до издания императорского рескрипта; украинский университет может быть основан только во Львове; собственно украинский университет должен начать работу через пять лет. При этом принципиальным для украинцев моментом оставалось создание университета именно во Львове. Российский посол в Вене М. Н. Гирс отмечал: «Что же касается месторасположения оного, то он не может быть иным, как тот же Львов, столица Червонной Руси, иначе, по мнению клуба, и самый университет не имеет смысла. Соглашаясь на какой-либо другой город Галиции, украинцы тем самым уступили бы полякам все права как на Львов, так и на всю провинцию»²⁵.

4 июня правительство представило польскому Коло и украинскому клубу свой проект письма, в котором содержались положения, согласно которым польский язык в университете Львова являлся административным, а также языком преподавания и экзаменов. Одновременно предполагалось, что постановления относительно прав «руського» языка будут правомочны до момента основания самостоятельного университета с преподаванием на украинском языке²⁶. Также в представленном проекте письма император поручал подготовить законодательные меры для выделения в 1920–1921 гг. из Львовского университета кафедр и научных институций с преподаванием на украинском языке и организации на их основе самостоятельной высшей школы. Украинский клуб отверг эти условия как неприемлемые, поскольку признание польского характера Львовско-

го университета откладывалось до момента официального открытия украинского университета. Таким образом, только начавшись, переговоры зашли в тупик.

Желая вывести переговорный процесс из тупика и тем самым прервать парализующую деятельность Рейхсрата обструкцию, император Франц-Иосиф обратился 18 июня 1912 г. с письмом к Украинскому клубу. В письме император подчеркивал патриотизм украинцев и выражал огорчение, что они тормозят ход военной реформы. При этом Франц Иосиф впервые употребил термин «украинский» вместо традиционного «рутенский» (Ruthenen), что многими наблюдателями было расценено как официальное признание нового термина. Письмо императора произвело нужное впечатление, и Украинский клуб приостановил обструкцию. Прекращение бойкота не ослабило накал борьбы. Новый этап переговоров по университетскому вопросу начался осенью 1912 г. после окончания парламентских каникул. На открытии сессии министр-президент Штюргк подчеркнул, что для империи в равной степени необходимы как чешско-немецкое, так и польско-украинское примирение. Это говорило, прежде всего, о том, что урегулирование польско-украинских противоречий расценивалось официальной Веной как одна из первоочередных задач внутренней политики.

Неуступчивость обеих сторон и их полная неготовность к достижению компромисса привели к тому, что правительство практически устранилось от участия в переговорах, в результате чего процесс создания украинского университета был приостановлен. На протяжении 1913 г. украинские представители в Рейхсрате неоднократно возвращались к вопросу о университете, однако эти попытки так и не привели к какому-либо прорыву в этом направлении.

Неудача переговоров и их практический провал привели к росту разногласий внутри Украинского парламентского союза. В результате его покинули буковинские украинцы во главе с Н. Василько. Представители УНДП и радикалы сохранили единый парламентский клуб. На протяжении 1913 г. украинские представители в Рейхсрате неоднократно пытались вернуться к вопросу о создании университета. Основной акцент теперь ими делался на том, что именно удовлетворение справедливых требований украинского народа (при этом неоднократно подчеркивалось, что в пределах Австро-Венгрии проживает именно украинский народ, обладающий развитым самосознанием) сделает его неуязвимым для русофильской агитации²⁷. Это был хорошо продуманный и результативный ход. Нет сомнения, что

в значительной мере именно соображения внешнеполитического характера подтолкнули Имперское правительство к тому, чтобы активно способствовать достижению польско-украинского компромисса в университетском вопросе. Несомненно рассчитывая на это, депутаты-украинцы все активнее подчеркивали свою лояльность Габсбургам, и все чаще из их уст звучали антироссийские высказывания.

Наиболее последовательно выступал с этих позиций лидер буковинских украинцев Н. Василько, недавно заверявший русского консула в Черновцах, что лично он является искренним другом русского народа²⁸. Еще в 1911 г. Василько обвинял российские власти в поддержке русофильских настроений среди местного населения с целью «увлечь его на путь национального и государственного соединения с русским народом, с которым украинцы ничего общего не имеют». В октябре 1912 г. другой представитель буковинских украинцев С. Смаль-Стоцкий обвинил российских представителей в Австро-Венгрии в поддержке антигосударственных настроений среди населения Галиции и организации шпионской сети. Австрийский военный министр М. Ауфенберг не стал оспаривать высказывания Смаль-Стоцкого, а, напротив, подтвердил, что военное министерство располагает подобными сведениями. В ответ на возмущение российского посольства в Вене последовали формальные выражения сожаления, однако посол Гирс пришел к выводу, что антироссийские высказывания ряда украинских представителей находят поддержку в австрийских верхах.

Подтверждением этому стало несколько встреч украинских парламентариев с высшими сановниками империи, а также и с самим императором Францем Иосифом. Так, в ноябре 1912 г. в Будапеште состоялась встреча императора Франца Иосифа с представителями парламентских групп, в ходе которой представлявший Украинский клуб К. Левицкий получил благожелательную оценку своей деятельности. Позднее К. Левицкий подчеркнул, выступая в Рейхсрате, что украинцы Галиции и Буковины ориентируются не на Россию, где преследуется украинский народ, а на Австрию, и в случае австро-российского военного конфликта все они встанут на стороне Австрии. Ту же мысль Левицкий повторил и на встрече с императором в декабре 1913 г. Он еще раз подчеркнул, что австрийские украинцы лояльны к династии и их требования касаются лишь насущных для них вопросов, таких как открытие университета и реформа краевой избирательной системы. Левицкий отметил, что шумные, нередко граничащие с провокацией акции украинских депутатов Рейхсрата направлены исключительно против поляков, не желающих идти на

компромисс, а также против правительства, косвенно поддерживающего польскую сторону. Император высказал уверенность в том, что в скором времени польско-украинский спор разрешится благополучно, однако твердых гарантий того, что результат будет именно таким, какого добиваются украинцы, не дал. На следующий день К. Левицкий, выступая в Рейхсрате, заявил, что Австрия не обеспечила своим народам свободного развития и, оттолкнув южных славян, не учитывает также интересы русинов, отдав часть из них под власть поляков, а других – под власть мадьяр. В то же время, заявил Левицкий, война грозит начаться не на юге, а на востоке, в Галиции, где сталкиваются интересы Австро-Венгрии и России. Он подчеркнул, что пророссийская агитация в Галиции идет полным ходом, обвинив российского посла в Вене Н. Шебеко в противозаконной поддержке русофильских организаций. Левицкий указал и на деятельность митрополита Антония (Храповицкого) в деле поддержания православия среди русинов, и на ряд других фактов. В конце Левицкий еще раз высказал мысль о том, что основной заботой Австрии должен быть не страх перед Россией, а улучшение положения ее собственных народов, и предложил заменить краевую автономию автономией народов. В том же ключе прозвучало и выступление лидера буковинских украинцев Н. Василько²⁹. В Вене, безусловно, одобрительно относились к подобным высказываниям и всячески их поощряли. Однако основной своей задачи – склонить правительство на свою сторону – украинцы так и не достигли. В Вене предпочитали сохранять нейтралитет в отношении конфликтующих сторон. В результате как польской, так и украинской стороне пришлось вернуться к переговорам. Первым был решен вопрос о реформировании галицийской избирательной системы. Затем существенно продвинулся к разрешению университетский вопрос. Новый импульс этому процессу был придан, когда митрополит А. Шептицкий, принявший участие в переговорах по избирательной реформе в качестве посредника, высказал предположение, что согласие польской стороны на открытие украинского университета послужило бы проявлением стремления поляков к достижению национального примирения. Польская сторона выразила согласие на возобновление переговоров, более того, выразила согласие смягчить свои требования³⁰. Украинцы восприняли это как свою победу, однако конкретных шагов к открытию украинского университета так и не было сделано, а начавшаяся вскоре мировая война превратила создание украинского университета в дело далекого будущего.

Деятельность Украинского клуба в Рейхсрате практически закончилась в марте 1914 г., когда из-за непрекращающейся чешской обструкции, сделавшей работу парламента крайне неэффективной, его деятельность была приостановлена на три года. Начавшаяся через несколько месяцев Первая мировая война окончательно поставила точку в парламентской деятельности украинского представительства. Украинский клуб официально занимал оппозиционную по отношению к правительству позицию, однако его представители подчеркивали свою лояльность по отношению к империи, добиваясь тем самым выполнения своих требований. Это имело противоречивые последствия. С одной стороны, реализация таких задач, как создание университета, реформа краевой избирательной системы в Галиции, и ряда других, несомненно, способствовала развитию украинского движения в Австро-Венгрии, росту его популярности среди восточнославянского населения монархии и авторитета в ее политических кругах. С другой, столь энергичное вхождение в политическую систему Габсбургской монархии и одновременно усиление антироссийских высказываний не только не способствовало объединению украинского народа по обе стороны австро-российской границы, но, напротив, усугубляло его различия. Таким образом, успешная реализация тактических задач украинского движения отдаляла достижение его основной стратегической цели.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukraińskie w Galicji w latach 1888–1908. Toruń, 1996. S. 189.
- 2 *Левицький К.* Історія політичної думки галицьких українців. 1848–1914. На підставі спомніків. Львів, 1926. С. 414.
- 3 *Полтавський М. А.* Краткая история Австрии: Пути государственного и национального строительства. М., 1994. С. 137.
- 4 *Аркуша О., Мудрий М.* Русофильство в Галичине в середині ХІХ – на початку ХХ ст.: генеза, етапи розвитку, світогляд // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 1999. Вип. 34. С. 237.
- 5 *Михутина И. В.* Украинский вопрос и русские политические партии накануне Первой мировой войны // Россия–Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 197–209.
- 6 *Грушевський М.* З Державної Думи // ЛНВ. 1905. Т. 35. № 9. С. 95–101.

- 7 *Лозинский М.* З австрійської України // ЛНВ. 1907. Т. 39. Кн. 7. С. 149.
- 8 Там же. С. 150.
- 9 *Левицкий К.* Історія політичної думки... С. 447.
- 10 *Лозинский М.* З австрійської України // ЛНВ. 1907. Т. 39. Кн. 8–9. С. 392–414.
- 11 *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego... S. 208.
- 12 *Левицкий К.* Історія політичної думки... С. 452.
- 13 *Partacz Cz.* Od Badeniego do Potockiego... S. 214–215.
- 14 *Левицкий К.* Історія політичної думки... С. 516.
- 15 *Булахтин М. А.* Между политикой и моралью: краковские консерваторы в начале XX века. Пермь, 2006. С. 81.
- 16 *Левицкий К.* Історія політичної думки... С. 576.
- 17 Там же. С. 581.
- 18 Там же. С. 538.
- 19 *Цегельський Л.* З австрійської України // ЛНВ. 1910. Т. 51. Кн. 7. С. 172–179.
- 20 *Левицкий К.* Історія політичної думки... С. 538.
- 21 *Ignotus.* З австрійської України. Деякі підрахунки // ЛНВ. 1913. Т. 62. Кн. 3. С. 557–564.
- 22 *Ignotus.* З австрійської України... С. 557–564.
- 23 *Левицкий К.* Історія політичної думки... С. 612.
- 24 Там же. С. 613.
- 25 АВПРИ. Ф. 133. 1912 г. Д. 124. Л. 64–66.
- 26 *Левицкий К.* Історія політичної думки... С. 618.
- 27 Там же. С. 678.
- 28 АВПРИ. Ф. 155. 1–4. Оп. 456. 1903. Д. 29. Л. 16–41.
- 29 *Левицкий К.* Історія політичної думки... С. 676.
- 30 Там же. С. 686.

Kloppova M. E.

Parliamentary Experience: The Ukrainian Club
in the Cisleithanian Parliament (1907–1914)

The article explores the activity of the parliamentary Ukrainian Club, which was an active participant of the inner-political life in Austria-Hungary in 1907–1914 and fought for the establishment of an independent Ukrainian university and the reform of the electoral system in Galicia.

Keywords: *Ukrainian national movement, political parties, parliamentary faction, inter-national tensions.*

К. А. Попов
(Москва)

Письма читателей как инструмент освещения избирательных кампаний в словацкой прессе начала XX в.

В статье предлагается анализ специфики публикаций читательских писем в словацких газетах начала XX в., являвшихся органами как национально-мыслящих, так и проправительственных сил, дается характеристика использованию подобной корреспонденции в качестве инструмента пропаганды.

Ключевые слова: *пресса, корреспонденция, Národné noviny, Slovenský týždenník, Slovenské noviny, Словацкая национальная партия, Либеральная партия, Государственное собрание, выборы, Австро-Венгрия, Венгерское королевство.*

Начало XX в. в истории словацкой журналистики стало периодом расцвета. Для этого времени было характерно издание самых разнообразных газет и журналов, как лояльных правительству, так и оппозиционных, как национально-ориентированных, так и общевенгерских. Появление столь различных направлений неизбежно приводило к поиску собственного «места под солнцем» и своих читателей, возникновению острой публицистической полемики по животрепещущим вопросам политической жизни. В ходе ее использовались самые разнообразные средства, в частности, письма читателей, приходившие в редакции газет. В тех периодических изданиях, которые являлись достаточно влиятельными в населенных словаками комитатах¹ Венгерского королевства, для подобной «обратной связи» имелась специальная рубрика.

Ниже рассмотрены три таких издания – «Народные новины» (*Národné noviny*, «Национальная газета», 1870–1948), «Словенский тыжденик» (*Slovenský týždenník*, «Словацкий еженедельник», 1903–1919) и «Словенские новины» (*Slovenské noviny*, «Словацкая газета», 1886–1918). Первое из них являлось самым старым и авторитетным на начало XX в. изданием словацкой национальной оппозиции, официальным органом Словацкой национальной партии

Статья написана в рамках исследовательского проекта РГНФ «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914» № 12-01-00202а.

(Slovenská národná strana или СНС). «Словенски тыжденник» издавало молодое поколение национальных оппозиционеров, ведомое Миланом Годжей (1878–1944), создателем словацкого аграризма. О формальном отделении этого течения от СНС до Первой мировой войны говорить не приходится, однако ориентация «Словенского тыжденника» на крестьян и социальные низы общества в целом была заметна с первых лет его существования, что обеспечивало ему тиражи, многократно превосходившие количество экземпляров «Народних новин».

«Словенске новины», в свою очередь, было главным распространителем идеологии правившей в королевстве Либеральной партии на территориях, населенных словаками. Они выходили для тех, кого национальная оппозиция называла «мадьяронами», – людей, разделявших венгерский патриотизм, но не являвшихся при этом мадьярами по крови. Кроме этих органов словацкой печати важными изданиями были также католические «Крестьян» (*Kreštan*, «Христианин») и «Католицке новины» (*Katolícke noviny*, «Католическая газета»). Первая из них являлась органом венгерской Католической народной партии (*Katolikus Néppárt* или КН), вторая – начавшего выделяться из нее словацкого крыла, которое переметнулось в лагерь национальной оппозиции, а к 1913 г. окончательно оформилось в виде самостоятельной Словацкой народной партии (*Slovenská ľudová strana* или СЛС). Однако противостояние различных течений политического католицизма на территории будущей Словакии и их взаимоотношения с другими политическими силами королевства требуют отдельного рассмотрения.

В данной статье мы остановимся на прессе национальной оппозиции и правящих либералов, охарактеризовав опубликованные в ней письма и функции подобных публикаций. Материалы для исследования были отобраны из номеров за январь 1905 г., поскольку в это время в Венгерском королевстве разворачивалась одна из самых напряженных избирательных кампаний в Государственное собрание, которая окончилась неожиданным поражением правящей Либеральной партии и последовавшим за этим острым политическим кризисом всего дуалистического режима². Для национально-мыслящих словацких политиков эти события знаменательны тем, что если в 1905 г. им удалось провести в парламент лишь одного депутата, то в 1906 г., на волне кризиса, СНС получила сразу 7 мандатов, добившись максимального успеха за всю историю словацкой политики до Первой мировой войны.

Прежде всего, следует отметить несколько общих особенностей публикаций читательских писем в словацких газетах начала XX в. Из атрибутов, свойственных данному источнику (автор, место написания, дата отправления), неизменно указывалось место проживания адресанта, стоявшее в начале каждого письма. Сравнительно редко давалась дата, чаще всего такой скрупулезностью отличались лишь «Народные новины». Что касается самого авторского текста, то в большинстве случаев сохранялись только повествование от первого лица и стиль изложения (не имея доступа к оригиналам писем, нельзя утверждать, что текст не редактировался). Подпись под сообщениями от читателей ставилась примерно в половине случаев (за исключением «Народных новин», где подписывалась почти вся корреспонденция). При этом имя (подлинное или псевдоним) встречалось еще реже. Чаще указывались только инициалы или даже расплывчатое «Избиратель», «Крестьянин», «...ский житель» (вместо многоточия – название города, откуда пришло письмо). С одной стороны, эту анонимность можно объяснить напряженным характером избирательных кампаний в Венгерском королевстве: между представителями разных политических лагерей происходили драки, в результате которых были раненые и даже убитые. В таких условиях открыто подписаться под острым полемическим письмом могло быть опасно. С другой стороны, анонимность многих писем вкупе с их стереотипностью позволяет подозревать редакции газет в публикации поддельной корреспонденции, написанной самими же сотрудниками изданий. Окончательно разъяснить этот вопрос можно, лишь обнаружив архивы газет с читательскими письмами.

Говоря об атрибутах эпистолярного жанра, стоит добавить, что в «Словенском тыжденике» к ним добавляли один новый и необычный – заголовок. Благодаря этому текст становился более броским, а также подчеркивалась основная мысль автора, поскольку в заголовке выносилась либо самая эмоциональная фраза из письма («Слава Коллару! Вернеш – прочь!»³), либо его основная тема («Избирательная кампания в Дольняках»⁴). Другие газеты такого приема не использовали.

«Народные новины» ориентировались прежде всего на образованную, серьезную публику. Вероятно, в силу немногочисленности таковой письма читателей появлялись на страницах данного издания реже, чем в двух других газетах, рассматриваемых в статье. Однако спектр интересов этих людей представляется более широким, нежели, к примеру, у читателей «Словенского тыжденика», интересо-

вавшихся главным образом политикой. Большую роль для писавших письма в «Народные новости» играла культурная жизнь словаков, разнообразие которой стремились подчеркнуть и сотрудники газетной редакции. В результате чаще всего публиковались письма, повествующие о выступлениях местных певческих союзов. Сведения, содержащиеся в них, весьма подробны, включая перечни номеров, имена исполнителей, оценку выступлений, реакцию на них зрителей и т. п. Но по мере развития предвыборной борьбы все большее отражение в письмах находили и политико-социальные вопросы. За местными проблемами, волновавшими их авторов, всегда стоял более общий контекст, интересный читающей публике и из других комитатов. Примером этого может служить письмо, повествующее о конфликте между приходским священником и его паствой в Вайнорах⁵. Этот конфликт, если верить автору письма, длился на протяжении многих лет и носил вялотекущий характер, но особенно обострился из-за вражды между священником и местным учителем. Как утверждалось, последнего без всякой причины пытались лишить работы. Сугубо локальная проблема социального характера обретала широкое политическое звучание из-за того, что священник назвал учителя панславистом. Подобный ярлык часто навешивался и на словацких национальных политиков. Поэтому, публикуя данное письмо и привлекая внимание к произошедшему, газета стремилась продемонстрировать беспочвенность всех обвинений такого рода. К тому же подписчики «Народных новостей» в данной ситуации скорее посочувствовали бы учителю, чем священнику.

Классические образы, с помощью которых национальные политики описывали общественную жизнь Венгерского королевства, появляются в письмах, посвященных непосредственно избирательной кампании. Самые распространенные из них – образы чиновников и евреев, державших в своих руках весь процесс подготовки к выборам. Подобное положение дел авторы писем считали несправедливым, мешающим одержать победу национальным политикам. Кандидаты от Либеральной партии, главные оппоненты кандидатов от СНС, при этом не всегда изображались в черном цвете; по отношению к некоторым из них даже выражалось ироничное сочувствие, как, например, Дюро Радванскому из Банской Быстрицы, которого решением окружного руководства без объяснения причин поменяли на д-ра Хусага⁶. Впрочем, в письме высказана уверенность, что подобная рокировка кандидатов имела важную цель – воспрепятствовать победе представителей СНС на выборах. Особенностью представлений

читателей «Народных новин», равно как и их издателей, являлось то, что многократное, пусть и неудачное, участие кандидатов в избирательных кампаниях рассматривалось ими как позитивный фактор. Сама по себе борьба, пусть и окончившаяся «славным поражением», на их взгляд, заключала в себе половину победы, причем это было справедливо по отношению как к представителям СНС, так и к либералам. Данные, почерпнутые из «Словенских новин», позволяют утверждать, что ее читатели думали совсем по-другому.

«Словенски тыжденик», как уже было сказано, разительно отличался от «Народных новин» своей целевой аудиторией и, соответственно, подходами к работе с ней. Редакция еженедельника (главой которой был Милан Годжа) стремилась как можно шире распространить свои взгляды среди большинства словацкого населения, говоря с ним на понятном для него языке. Четко и ясно сформулированные требования, жесткая, порой националистическая риторика⁷ – вот что делало эту газету привлекательной для рядового читателя (14 тысяч подписчиков – хорошее число для газеты, которую запрещено продавать на улице, в киосках или магазинах⁸). Письма читателей свидетельствовали о наличии широкого отклика на публикации. Кроме того, печатая такую корреспонденцию, газета могла позиционировать себя как рупор словацкого народа, а не средство массовой информации, навязывающее мнение определенной политической группировки своим читателям. Ведь их сообщения появлялись не в рубрике «Письма», существовавшей в «Народных новинах», а в специальной рубрике «Подготовка к выборам», причем порой количественно превосходили материал, подготовленный сотрудниками редакции. Благо содержание писем прекрасно иллюстрировало и развивало идеи последних.

В отличие от писем в «Народные новины», корреспонденция «Словенского тыжденика» в период выборов носила ярко выраженный политический характер. В содержании всех писем отражается конфликтная ситуация, где есть два участника: «свои» и «чужие». В редких случаях «свои» отсутствуют, и тогда все письмо сводится к обличению несправедливостей враждебной стороны, от которых некому защитить простых словаков. Более яркий образ «чужого» позволяет говорить о том, что редакция еженедельника делала акцент на недостатках положения, существовавшего в общественно-политической жизни страны, а не на позитивных примерах борьбы за национальные права (хотя речь заходила и о них). Можно предположить, что такая тактика была вызвана отсутствием серьезных успехов оп-

позиционных словацких деятелей и несогласием с признанными авторитетами из СНС по многим пунктам их политики. Хвалить было, по сути, нечего, зато поводов для критики имелось множество.

В роли «чужого», противника для авторов писем в «Словенски тыжденник» выступали все, кто не разделял идеологии словацкого национального движения. Этими людьми были, прежде всего, представители Либеральной партии, периодически – КН, а также выказывавшие им поддержку государственные служащие и рядовые подданные монархии – мадьяроны, евреи. Прежде всего их обвиняли во враждебном отношении к словакам (как, например, в случае с руководителем окружной администрации Вермешем, противостоявшим национальному кандидату Мартину Коллару в Трнаве⁹) или, если речь шла об этническом словаке, в предательстве его «словацкости», выраженной в родном языке (экс-депутат Трубини, о котором писали, что он «предал словенчину», т. е. словацкую речь¹⁰). При этом лексика писем была очень эмоциональна. Например, автор из Липтовского Святого Микулаша, желая дать негативную характеристику кандидату от Либеральной партии, писал, что тот «съел бы всех словаков на обед, кабы мог»¹¹. Впрочем, в письмах находилось место и для здравого смысла. В частности, либералов обвиняли в несправедливом распределении голосов среди различных социальных слоев и национальных групп, при котором в сельской общине с 8 тыс. жителей словацкие крестьяне имели лишь три голоса, а все остальные принадлежали чиновникам и евреям¹².

Что бы ни превалировало в корреспонденции «Словенского тыжденника», эмоции или логика, критика противников словацкого национального движения почти всегда была беспощадной. Имелось лишь одно исключение из правила – КН, занимавшая переходное положение между «чужими» и «своими». С одной стороны, она сотрудничала с Либеральной партией, выдвигала кандидатов, имевших репутацию предателей родного языка и проводников мадьяризации (вышеупомнутый Трубини или, например, баллотировавшийся в Великий Бытче кандидат Тесельский¹³). С другой стороны, имелись примеры того, как католические священники начинали вести пропаганду против либералов, призывая избирателей голосовать за кандидата с национальной программой¹⁴. Нельзя забывать и о том, что в КН начинали свою деятельность многие представители клерикального крыла СНС, которые впоследствии создали свою собственную партию, СЛС, а после возникновения Чехословакии оформились в словацкое националистическое движение¹⁵.

Кроме вышеназванных представителей «чужих», авторы писем часто относили к враждебному лагерю и «высших панов», то есть представителей дворянства. Их вина, судя по наблюдениям современников, состояла в том, что они не разделяли интересов «бедных словаков» и противодействовали национальным кандидатам, пытавшимся отстоять права своих соплеменников. Поскольку «верхи общества» стояли и за Либеральной партией, и за КН, отдельные случаи предвыборного сотрудничества между этими политическими группировками рассматривались современниками как сговор, направленный в первую очередь против словацкого народа: «Конечно, штаб народной партии вновь выдвигает только Трубини, но мы уже видим, что этим он льет воду на мельницу мадяронов и высших панов. Партия правительства до сих пор не собирается выдвигать никакой кандидатуры против Трубини. Высшие паны сговорились между собой и желают торговать нашей совестью и нашими рубашками¹⁶. Но нам не нужен депутат-предатель, поэтому да здравствует наш крестьянский кандидат!»¹⁷

Враждебность к словакам и их национальной партии была главным, но не единственным обвинением в адрес лагеря «чужих», которое можно встретить в корреспонденции «Словенского тыжденика». Резко осуждалась, например, практика чиновничества подкупать словацких избирателей, предлагая им бесплатные угощения. Наибольшее возмущение современников вызывал тот факт, что важное место в меню подобных застолий занимал крепкий алкоголь – «паленка». Таким образом, политическая борьба становилась еще и борьбой за здоровье нации.

Положительным героем корреспонденции «Словенского тыжденика», если таковой имелся, был независимый народный кандидат. Его независимость выражалась в отсутствии связей с крупными венгерскими партиями и чиновничеством, народность – в том, что он пользовался уважением местного населения и имел репутацию «своего человека», защищал права простых людей. Часто подчеркивалась образованность такого кандидата, дававшая ему право претендовать на высокий представительский пост. Иногда, чтобы вызвать сочувствие к герою письма, использовались и сугубо эмоциональные аргументы. В частности, один из авторов лишней раз подчеркнул национальный характер кандидата от Дольне-кубинского округа Яна Пивки тем, что тот ходил в национальной крестьянской одежде¹⁸.

Большинство людей, вызывавших симпатии у читателей «Словенского тыжденика», были, разумеется, словаками по националь-

ности. Однако если речь шла об округе со смешанным населением, в письмах встречались положительные оценки представителей сербской и румынской национальных партий, рассматривавшихся в качестве союзников.

Характерной особенностью корреспонденции «Словенского тыжденника» являлось то, что зачастую положительный персонаж не имел «лица». Во многих письмах содержался безадресный призыв к сторонникам словацкой национальной идеи выдвигать свои кандидатуры на выборах. В одном из сообщений говорилось о наличии некоего безымянного кандидата из словацких крестьян (правда, образованного), пользовавшегося поддержкой земляков¹⁹. Такие примеры позволяют говорить о наличии анонимного «положительного героя». Бывали и случаи, когда людей, ранее баллотировавшихся в депутаты, рассматривали в качестве кандидатов еще до того, как они сами официально заявляли свою позицию по данному вопросу. В частности, именно это произошло с упомянутым выше Я. Пивкой²⁰.

Переходя к корреспонденции «Словенских новин», следует отметить, что материалы, публиковавшиеся в них, отличались наибольшим разнообразием. Среди них встречались и политически ангажированные письма, авторы которых словно бы отвечали на выпады «Словенского тыжденника», и сводки местных новостей, такие же, как в «Народних новинах». Сообщения, полученные от читателей, не размещались в одной подборке, как в других изданиях, а распределялась между политической рубрикой «Избирательная кампания» и постоянным разделом «Письма». В первую попадала наиболее информативная в политическом плане корреспонденция, в которой сообщалось о фактах избирательной кампании (включая анонсы программных выступлений кандидатов в разных городах). Во втором оказывались менее содержательные письма, где сведения о местных событиях смешивались с нападками на оппонентов Либеральной партии.

По сравнению с письмами читателей «Народних новин» и «Словенского тыжденника», в «Словенских новинах» положительное и отрицательное менялось местами. Кандидаты от либералов удоставались самых восторженных отзывов, много писалось о широкой поддержке этих людей словацким народом. Ни слова не говорилось о негативном влиянии евреев на ход избирательной кампании, зато остро критиковались кандидаты и сторонники СНС и КН²¹.

Положительный образ свободомыслящих²² кандидатов складывался из нескольких аспектов. Это – усилия всей партии, направленные на борьбу с обструкцией²³; реальные возможности правящей

партии оказывать помощь «простому народу», которыми не обладали их оппоненты; личные заслуги кандидатов на занимаемых ими чиновничьих должностях²⁴. В ряде писем подчеркивался подлинный патриотизм Либеральной партии и ее электората²⁵. Обращает на себя внимание восторженная реакция на публичные выступления кандидатов и возникавший благодаря этому обстоятельству эффект сплоченности приверженцев либерализма. Лишь в одном письме сообщалось об апатии и относительной слабости партийного лагеря²⁶. Впрочем, автор не опустил руки и в этом случае, пытаясь призвать сограждан под знамена проправительственной группировки с помощью риторики. Он эмоционально и в подробностях описал картину драки и погрома, учиненных оппозиционерами в палате депутатов Государственного собрания. Благодаря всему вышеперечисленному положительный образ Либеральной партии в «Словенских новинах» был ярче и подробнее, чем аналогичные образы национальных кандидатов в «Словенском тыжденике».

Оценка важности борьбы с деструктивной тактикой оппозиции и патриотизма либералов требовала от людей умения мыслить категориями не только своей национальности и региона, но и целого государства. Из этого можно сделать вывод о специфике самоидентификации читателей «Словенских новин». Они в большей степени ассоциировали себя с Венгерским королевством, чем аудитория прессы, связанной с национальным движением²⁷.

В соответствии с этим, отрицательными «героями» политической борьбы для них являлись главные оппоненты правящей в стране партии, то есть кандидаты и сторонники СНС и КН, а кроме того – представители оппозиционной Партии независимости во главе с Ференцем Кошутом (1841–1914), проводившие политику обструкции.

Представителей СНС чаще всего обвиняли в грубой пропаганде (нападки на любого, кто осуждает подстрекательства национальных меньшинств к самостоятельной политике²⁸) и обмане населения, поскольку, прикрываясь заботой о нем, предприниматели и общественные деятели из Турчанского Святого Мартина отстаивали якобы лишь свои интересы²⁹. Тот факт, что некоторые представители СНС оказывались под судом и приговаривались к тюремному заключению, также не способствовал их популярности в глазах читателей «Словенских новин». Например, в письмах из Сеницкого избирательного округа подчеркивалось: программа СНС является опасной и радикальной, поскольку кандидат этой партии в данном округе, Франц Веселовский, в ходе прошлой предвыборной кампании спро-

воцировал нарушения общественного порядка и попал за это в тюрьму³⁰. Наконец, авторы писем в «Словенске новины» неоднократно отмечали бессилие национальных кандидатов, которые из раза в раз баллотировались в Государственное собрание, однако выиграть выборы были не в состоянии. Читатели «Народних новин», напомним, оценивали тот же факт совершенно иначе.

Негативный образ КН складывался из сообщений о грязной пропагандистской кампании, сопровождавшейся открытой ложью (например, заявлениями о том, что кандидат от либералов Юрай Чиллаги являлся лютеранином, хотя тот был католиком)³¹ и жестким контролем над собственным электоратом³². Один из читателей отметил также неудачи КН при попытках создать коалицию с другими противостоявшими правительству силами: программа получалась слишком уязвимой, а целью сторонников таких коалиций становилась не победа, а привлечение к себе внимания и нарушение порядка³³.

Отрицательный образ Кошутовской партии имел двойственный характер. Во-первых, на нее возлагалась вина за обструкцию, в которой сторонники Либеральной партии видели главную проблему страны. Во-вторых, критике подвергались кандидаты от этой партии непосредственно на местах. Делать так было довольно легко, поскольку многие политики, вставшие в 1905 г. под знамена оппозиции, раньше представляли Либеральную партию. Соответственно, теперь в письмах читателей за ними закреплялась слава ненадежных людей и перебежчиков³⁴.

Подводя итоги, отметим, что значение писем читателей в словацкие газеты в период избирательной кампании 1905 г. заключалось в следующем: во-первых, в них содержалась информация о местных политических, общественных и культурных событиях; во-вторых, они играли пропагандистскую роль, тиражируя определенные образы участников кампании. Информативная задача имела решающее значение для «Народних новин», пропагандистская – для «Словенского тыжденника». «Словенске новины» на этом фоне выделялись тем, что гармонично сочетали и ту, и другую. При этом образные картины политической борьбы, нарисованные в «Словенском тыжденнике» и «Словенских новинах», сильно противоречили друг другу, поскольку то, что положительно оценивалось в первом издании, отвергалось во втором.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Комитат – историческая административно-территориальная единица Венгерского королевства.
- 2 Na začiatku storočia: 1901–1914. Bratislava, 2004. S. 157–159.
- 3 Slovenský týždenník. 1905.1.I. S. 2.
- 4 Ibid. 6.I. S. 3.
- 5 Národné noviny. 7.I. S. 4.
- 6 Ibid. 12.I. S. 3.
- 7 *Ivantyšinová T., Kodajová D.* Die slowakische Presse // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. 8: Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft. 2. Teilband. Die Presse als Faktor der politischen Mobilisierung / Hrsg. von A. Wandruszka, H. Rumpler. Wien, 2006. S. 2235.
- 8 *Ruttkay F.* Dejiny slovenského novinárstva do roku 1918. Bratislava, 1999. S. 195.
- 9 Slovenský týždenník. 1.I. S. 2. В тексте письма, кстати, подчеркивается, что вокруг Вермеша сплотились мадьяронские священники, евреи и либералы. Очевидно, что приняв сторону того, кто «до сих пор преследовал словаков», они не могли быть «своими» в глазах аудитории «Словенского тыжденника».
- 10 Ibid.
- 11 Ibid. S. 3.
- 12 Ibid. Справедливости ради стоит отметить, что автор не назвал суммарного количества голосов от упомянутой общины (Турзовка), что было, как минимум, недобросовестно.
- 13 Ibid.
- 14 Ibid. 6.I. S. 2.
- 15 Андрей Глинка, Фердинанд Юрига, Франтишек Скичак, Франтишек Йегличка и др.
- 16 Крестьянская рубаха – символ простого народа, часто применявшийся в словацкой публицистике.
- 17 Slovenský týždenník. 1905.1.I. S. 2.
- 18 Ibid. 6.I. S. 2.
- 19 Ibid. 1.I. S. 2.
- 20 Ibid. 6.I. S. 2.
- 21 В тексте писем первые имеют название národniaгу, а вторые – ľudáгу. Если переводить эти термины на русский, то получится «национальники» и «народники».
- 22 Партия свободомыслящих – другое название Либеральной партии, от венгерского слова «szabadelvű» («свободомыслящий»), служившего синонимом слова «либеральный».

- 23 Тактика политической борьбы, заключающаяся в затягивании либо срыве заседаний парламента с целью воспрепятствовать принятию нежелательного решения. Активно применялась оппозицией как в венгерском Государственном собрании, так и в австрийском рейхсрате. В результате высшие представительные органы власти в единой монархии оказывались практически парализованными.
- 24 Многие либеральные кандидаты являлись местными чиновниками. Кроме того, среди них встречались и представители знатных фамилий, те самые «высшие паны», по отношению к которым так неприязненно были настроены читатели «Словенского тыжденника».
- 25 Slovenské noviny. 1905.14.I. S. 2.
- 26 Ibid.16.I. S. 2.
- 27 Это не значит, что люди, покупавшие «Народные новины» или «Словенски тыжденник», были предателями своей родины. Однако на психологическом уровне между ними и общегосударственными интересами уже стояла их собственная «словацкость», требовавшая признания и правового урегулирования. После Первой мировой войны психологическая граница воплотится в границу государственную.
- 28 Slovenské noviny. 1905. 12.I. S. 2.
- 29 Ibid. S. 3.
- 30 Ibid. 13.I. S. 2; Ibid. 14.I. S. 2.
- 31 Ibid. 14.I. S. 2.
- 32 Ibid. 16.I. S. 2.
- 33 Ibid. 13.I. S. 2.
- 34 Ibid. 12.I. S. 2; Ibid. 14.I. S. 2.

Popov K. A.

Readers' Letters as an Instrument of Reflecting Electoral Campaigns
in the Slovak Press in the Early Twentieth Century

The scope of this article is to analyze specific features inherent to readers' letters published in Slovak newspapers in the early twentieth century, which were on the one hand media of the national opposition and, on the other, mouthpiece of the pro-government forces, and to describe the usage of such correspondence as a propaganda tool.

Keywords: *Press, correspondence, Národné noviny, Slovenský týždenník, Slovenské noviny, Slovak National Party, Liberal Party, National Assembly (Parliament), elections, Austria-Hungary, Kingdom of Hungary.*

Ю. В. Колинченко
(Москва)

**Дипломатические попытки восстановления
Сербской Патриархии
в 1913–1914 гг.**

В статье рассматриваются дипломатические переговоры МИД Сербии и Константинопольского Патриархата о получении сербской православной церковью статуса Патриархии и о решении канонического присоединения территорий Старой Сербии и Македонии, находящихся под юрисдикцией Вселенской церкви. Уделяется внимание дипломатической переписке Н. Пашича, по инициативе и под руководством которого велись переговоры.

Ключевые слова: *Сербия, церковь, православие, автокефалия, Константинопольский Патриархат, МИД.*

Восстановление самостоятельности сербской церкви в границах упраздненной в 1766 г. средневековой Печской Патриархии, канонически попавшей под юрисдикцию Константинопольского Патриархата, на протяжении нескольких столетий было важным связующим элементом сербского национального движения, направленного на освобождение и объединение всех сербских земель, находящихся под властью Османской империи. Первый шаг на этом пути был сделан в 1879 г., когда после получения независимости княжества Сербии сербская церковь смогла получить статус автокефалии. На повестку дня как перед церковью, так и перед правительством встал вопрос о возрождении Патриархии. Однако реальные дипломатические шаги стали возможны только по завершении балканских войн, принесших Сербии долгожданную победу и воссоединение с освобожденными землями Старой Сербии. Как известно, после поражения в первой Балканской войне Турция была вынуждена передать по Лондонскому договору 30 мая 1913 г. свои европейские территории участникам Балканского союза – Сербии, Греции, Болгарии и Черногории. Спустя месяц после подписания мирного договора недовольные разделом османских земель балканские государства начали вторую Балканскую войну, жертвой которой пала развязавшая военные действия Болгария. После подписания Бухарестского мира 10 августа 1913 г., определившего границы союзниц с Болгарией, и греческо-сербского договора Сербия получила Косово и Метохию, а также Северную Македонию.

В церковных границах присоединенные земли Старой Сербии и Македонии охватывали шесть епархий Константинопольского Патриархата, три из которых были условно «сербскими», три – «греческими»: Рашско-призренская митрополия (временно находилась без митрополита, однако с 1896 г. митрополитами были сербы), Скопская митрополия (с 1897/1902 г. кафедру занимали митрополиты-сербы, а с 1905 г. митрополитом стал владыка Викентий), Велешско-дебарская епархия (с 1910 г. надлежным епископом являлся сербский владыка Варнава, будущий Патриарх), Преспанско-охридская епархия (митрополит-грек), Дойранская (Полеанкская) епархия (хороепископ-грек) и Битольская (Пелагонийская) (правлящий архиерей – греческий митрополит Хризостом).

После официального объявления королем Петром 25 августа 1913 г.¹ о присоединении новых областей к Королевству Сербия, казалось бы, уже ничто не могло воспрепятствовать восстановлению Печской Патриархии, ибо почти вся область прежней Сербской Патриархии, по выражению газеты «Политика», была освобождена «от иноверцев и инородцев»². Однако было очевидно, что присоединение епархий в новоосвобожденных землях Старой Сербии и Македонии к Сербской церкви не могло совершиться автоматически. Определение границ церковных, как и определение границ политических, лежало в правовом поле и должно было регулироваться договорами.

Здесь обнаруживались два момента – *de jure* новоприобретенные епархии подпадали под власть Цариградской Патриархии, и в отличие от случая 1879 г., когда Вселенская Церковь по сути ничего не теряла от перехода новоприсоединенных епархий под юрисдикцию Сербии (ведь те были частью Болгарского Экзархата), сейчас было ясно, что Патриархия не собирается просто так расставаться с шестью своими епархиями и потребует денежную компенсацию. Второй момент заключался в том, что передача турецких земель Балканскому союзу хотя и была закреплена юридически, но мирный договор между Турцией и Сербией не был заключен. Следовательно, Цариградская Патриархия, находящаяся под политической властью Турции, не могла признать присоединение епархий к Сербской церкви, пока Турция не признает аннексию территорий³. Такое щекотливое положение епархий в присоединенных краях отразилось и в официальных документах. Одна из статей *Постановления об урегулировании положения освобожденных земель* от 27 декабря 1912 г. утверждала духовную власть Сербского митрополита над всеми православными христианами⁴, но поскольку это входило в проти-

воречие с практикой перехода епархий, находившихся под юрисдикцией Константинополя⁵, то спустя полгода *Постановлением об урегулировании положения освобожденных областей* от 18 августа 1913 г.⁶ эта статья была скорректирована – управление православной церковью ставилось под надзор министра просвещения и церковных дел согласно Конституции и церковным канонам.

Мирный договор между Сербией и Турцией был заключен 1 марта 1914 г., однако проблема присоединения епархий стояла, видимо, настолько остро, что уже 28 февраля Н. Пашич шлет сербскому представителю в Цариграде и начальнику МИД Д. Стевановичу распоряжение о начале переговоров об урегулировании отношений между королевством Сербия и Патриархией. Сербское правительство выдвигало следующие требования: выдворение с территорий сербских епархий греческих иерархов (под предлогом того, что они не знают сербский язык и не могут служить на славянском языке) и восстановление Сербской Патриархии с благословения матери-церкви. Сербия была готова компенсировать Вселенской церкви потерю епархий и выплачивать ежегодно 50 тыс. динар, а также пенсии выдворенным греческим владыкам. Предвидя, что Константинополь потребует гарантий соблюдения прав греческих общин, сохранения автономии школ и церквей в новых сербских землях, Н. Пашич инструктирует Стевановича, что согласно заключенному с Грецией договору «Сербия и Греция не вмешиваются во внутренние дела друг друга. Греческое правительство не требует греческих школ в Сербии, и точно так же и Сербия не требует сербских школ на территории Греции»⁷. Прозондировав почву и узнав, что вопрос восстановления Патриархии не так прост, Стеванович в начале марта отбывает на несколько дней в Белград получить более детальные инструкции в МИД, где решили требование признания Сербской Патриархии приберечь на самый конец переговоров.

Между тем, в Патриархии уже знали о желании Сербии урегулировать отношения с Вселенской церковью, и, избрав синодскую комиссию в составе шести митрополитов для изучения вопроса, были настроены весьма оптимистично – грекам польстил сам факт желания сербского правительства канонически урегулировать отношения, особенно же их тронул факт добровольного желания выплаты компенсации за потерянные епархии. 17 марта во время официальной аудиенции Д. Стевановича у Константинопольского Патриарха Германа V информация эта подтвердилась – Патриарх назвал дело простой формальностью, так как на сей счет, по его словам, суще-

ствовало несколько канонов, которые оставалось «лишь применить». В ответ сербский дипломат акцентировал внимание на выдаче Патриархией «томоса» – акта, которым бы Вселенская Патриархия признавала переход епархий под юрисдикцию Сербской православной церкви. Второй вопрос, поднятый Стевановичем, «экономический», касался выплаты денежной компенсации за потерянные епархии, которую сербское правительство готово было выплачивать «в границах своих возможностей». Следующая затронутая проблема касалась выдворения с епископских кафедр трех греческих владык – речь шла о митрополите Битольском, епископе Преспанском и митрополите Дойранском. Двое сербских владык – Викентий и Варнава – должны были войти в иерархию сербской церкви⁸.

Как и в 1879 г., Патриархия потребовала официальное письмо Сербского митрополита Константинопольскому Патриарху с просьбами о признании перехода епархий под сербскую юрисдикцию, возвращении обратно греческих владык и благословении оставшихся сербских архиереев⁹. Требуемое письмо в конце марта было послано через министра просвещения и церковных дел Л. Йовановича и передано Патриарху Герману. При этом, видимо, существовала некая договоренность между главой сербской церкви – митрополитом Димитрием и правительством, что в переговорах с Цариградской Патриархией кроме чиновников МИД будут участвовать и представители церкви. В своем письме митрополит Димитрий напоминает Л. Йовановичу, что «дабы дела об урегулировании этого вопроса шли быстрее, в соответствии с нашей предыдущей договоренностью надо, чтобы письмо наше в Цариград доставил г. др. Чеда Митрович, единственный наш специалист в области канонического права. Он мог быть весьма полезен нашему посланнику своими советами, если бы со стороны Патриарха возникли какие-либо деликатные вопросы касательно канона». Любопытно, что еще в ноябре 1913 г. газете «Политика» и «Вестнику» сербской церкви было известно, что в переговорах как специалист по церковному праву примет участие Чедомиль Митрович, а также ректор богословия Степа Веселинович и уже тогда набиравший популярность Николай Велемирович¹⁰. Впрочем, как выяснилось с началом переговоров, вопросы канона мало интересовали Патриархию – греческих владык больше беспокоили вопросы финансового (размер компенсации) и политического (гарантии автономии греческим общинам) характера. Поэтому Д. Стеванович специально подчеркивал в своем донесении Н. Пашичу: «Эксперт мне не нужен. Пожалуйста, не посылайте никого, пока я не попрошу»¹¹.

Надобность в церковных экспертах так и не возникла, греческие архиереи и сербский дипломат отлично нашли общий язык.

Однако из-за выборов в Синод и празднования пасхи переговоры застопорились – Стеванович в депеше Пашичу сетует, что времени понадобится больше, так как «на Фанаре не научились быстро работать». Для ускорения дел сербы даже заплатили председателю комиссии Никомидийскому митрополиту «вознаграждение» в размере 2 тыс. динар. Тем не менее на Фанаре все же были заинтересованы в благоприятном исходе дел, для чего сменили двух входивших в комиссию митрополитов, настроенных против Сербии, на более лояльных¹².

В конце апреля 1914 г. переговоры пошли полным ходом. После первого совместного заседания специальной синодской комиссии Стеванович доносил в Белград: «Комиссия изучила письмо [...] в котором я изложил точку зрения своего правительства. Комиссия находит, что канонами не предусмотрена возможность отзыва двух митрополитов и хороепископа, и полагает, что те могут остаться на своих местах. Тому обстоятельству, что они не знают сербского языка и не могут общаться с паствой и заседать в Архиерейском Соборе, можно помочь, если при них поставить владык-сербов». Сербский дипломат категорично возражал: «Поставление владык к митрополитам... усложнит все дело и привнесет политику в церковный мир. Мы требуем отзыва митрополитов не потому, что они не знают сербский язык. Это – вопрос не языка и не национальности, это – вопрос наших церковных законов...», и дипломатически подсластил пилюлю: «...наполненное дружеским духом по отношению к матери-церкви сербское правительство не хочет вызывать негативное впечатление выдворением митрополитов. Оно нашло примирительный способ предоставить их в распоряжение Патриархии и дать им пенсию до конца жизни»¹³. По словам Стевановича, его объяснения все члены комиссии приняли с одобрением.

Следующий вопрос, волновавший комиссию, – выплата компенсации Патриархии за потерянные епархии. Патриархия дала знать, что вместо ежегодной помощи предпочла бы получить «единовременную за все, и чтобы вся сумма находилась в каком-нибудь банке на депоненте». Речь, как слышалось Стевановичу, шла о 80–90 тыс. франков единовременной выплаты, – сумма была вполне приемлемой, и сербы были готовы увеличить ее до 100 тыс.¹⁴

Еще одна проблема, поднятая на комиссии, как и ожидал Н. Пашич, касалась соблюдения прав греческих общин в новоприсоеди-

ненных сербских епархиях. Стеванович был «счастлив заверить» греков в том, «что данный вопрос уже решен сербским и греческим правительствами как странами, которых связывает союз, существовавший не только вчера и сегодня, но который будет существовать и в будущем, – союз, освященный кровью». Заявление было принято членами комиссии «с огромным воодушевлением и выражением удовлетворения и одобрения».

Последний вопрос, обсуждавшийся на заседании комиссии и весьма чувствительный для Цариградской Патриархии, – освящение мира. Константинополь просил, чтобы Сербская церковь и далее продолжала брать у них мир, так же как его берет Греческая церковь, отнюдь не желая «тем самым закрепить подчиненное положение» сербской автокефальной церкви по отношению к Патриархии, а единственно – «поддержать духовную связь между двумя церквями». Здесь Стеванович ретировался, сославшись на незнание, и обещал спросить правительство и митрополита о причинах, побудивших просить, чтобы Сербская церковь сама готовила св. мир. В заключение председатель комиссии констатировал, что «соглашение полное», и стороны, обменявшись любезностями, расстались, планируя в течение нескольких дней утрясти оставшиеся формальности насчет компенсации и в скорейшем времени вынести заключение и представить его Синоду. Патриарх Герман в свою очередь обещал Стевановичу сделать все, дабы дело разрешилось быстрее.

Между тем, через несколько дней оказалось, что то ли сербский дипломат плохо расслышал, то ли греки слукавили, но сумма компенсации, требуемая Патриархией, волшебным образом увеличилась в десять раз и составила 800–900 тыс. франков единовременной выплаты¹⁵. Стеванович заявил, что сумма «вне возможности сербского государства», сравнив ситуацию с «человеком, который платит большие деньги за съем квартиры ежегодно, но не имеет денег купить эту квартиру». Сумму в конечном итоге снизили до 50 тыс. ежегодной выплаты, включая 15 тыс. динар пенсии греческим архиереям. В итоге готовый к подписанию проект договора между Сербией и Константинопольской Патриархией, соглашение о подписании которого было утверждено 1 мая 1914 г., включал в себя следующие пять статей¹⁶:

1. выдача Сербской церкви томоса о присоединении епархий,
2. немедленное выдворение двух митрополитов-греков и хоро-епископа Дойранского и право Сербской церкви тотчас же распоряжаться освободившимися кафедрами,

3. компенсация в размере 50 тыс. динаров,
4. право Сербской церкви самой готовить мир,
5. констатация факта заинтересованности и внимания Патриархии к греческим общинам. Сербское правительство только принимает это к сведению и не берет на себя никаких обязательств.

Однако 4 и 5 мая Пашич внезапно посылает в Цариград распоряжения, где ставит условием, чтобы Константинополем было дано благословение на возведение Сербской церкви в ранг Патриархии – договор мог быть подписан только при этом условии. Стеванович не стал скрывать от Пашича неожиданность и несвоевременность этого требования: «При отбытии из Белграда Вы, г. Председатель, одобрили план действий – я получаю томос на епархии, мы возвращаем им митрополитов и хороепископа, позднее Вы мне велели истребовать право самим готовить мир, и когда все будет готово, объявить им установление нашей Патриархии [...] Сейчас же все, что ранее утверждалось главным (и что я уже смог сделать), считается излишним, а главным стало получение благословения Сербской Патриархии. Это ваше последнее распоряжение, которое мне было дано в последние часы, целиком изменило прежние инструкции и расстроило все дела...»¹⁷

Реакция греческой комиссии на новое требование Сербии оказалась вполне естественна – все были поражены, «воцарилось тяжелое молчание, которое прервал председатель, сказав, что комиссия не уполномочена решать этот новый вопрос и это должен решать синод». Патриарх Герман в свою очередь заметил Стевановичу при личной встрече, что «вопрос большой и его надо изучить, для чего требуется время», и упрекнул, что в момент, когда соглашение было готово, сербы выдвигают новые требования. Сербский дипломат, хотя и заявил Патриарху категорично, «что дело это ранее известное и что тут не нужны глубокие исследования», в общем был солидарен с греческим иерархом – «если бы мы по завершении дела сделали бы только это заявление, было бы много лучше, так как в данном случае они должны были только принять это к сведению или рассориться с нами», – докладывал Стеванович в Белград¹⁸.

Сославшись на ухудшение здоровья и предвидя долгие переговоры, Стеванович просит разрешение Белграда отбыть из Цариграда домой. Согласившись, Пашич пытается представить отъезд дипломата как некий акт протеста. Стевановичу было дано распоряжение заявить Патриарху Герману, что «мы боимся, как бы политические условия не заставили нас самих решить этот вопрос в

условиях, когда церковные каноны ясно пишут, что бывает с епархиями, которые подпадают под власть другой православной державы. Нашим шагом мы хотели возвысить престол Вселенской Патриархии и никак не ожидали такого приема и обманулись в своем ожидании»¹⁹.

Стевановичем был подготовлен новый проект договора, который включал в себя следующие четыре статьи (упоминание о греческих общинах было вовсе удалено из договора):

1. выдача томоса, которым признается переход епархий под власть Сербской автокефальной церкви и дается благословение Сербской Патриархии,
2. греческие митрополиты сейчас же освобождают свои кафедры,
3. сербское правительство выплачивает ежегодную компенсацию – 50 тыс. динар, а если финансовое состояние позволит – 800 тыс. одновременно за все,
4. мир готовит Сербская церковь.

Новые сербские требования были восприняты негативно не только Цариградской Патриархией и греческим общественным мнением, но и русским посольством. Россия считала, что Сербское правительство сделало большую ошибку, выставив требование, чтобы Константинополь признал новую Сербскую Патриархию, до того, как будет подписан договор об уступке епархий. Советник русского посольства по церковным вопросам Серафимов сообщил, что «это поставило Патриарха и Св. Синод в весьма неудобное положение и привело в замешательство, ибо они боятся, что если согласятся, то потеряют субвенцию Австро-Венгрии и ее поддержку, которой часто пользуются», для Сербии же самое важное – «обеспечить канонически правильный переход данных диоцезов под управление Сербской церкви с согласия Патриархии». Через несколько месяцев после подписания договора и получения томоса Сербия сама может возвести свою церковь в ранг Патриархии, уведомив сестринские церкви и не требуя предварительного согласия, а русский Синод и Черногорская церковь будут рады признать Сербскую Патриархию, – уведомлял русский сотрудник посольства²⁰.

Из Патриархии сербских дипломатов информировали, что желание связать вместе две проблемы «произвело на Фанаре неблагоприятное впечатление», и советовали: «Не настаивайте на внесении в томос пункта о признании Сербской Патриархии. Когда завершим первый, уже поднятый вопрос, будет много лучше и быстрее прийти к соглашению и привести Вселенскую Патриархию к тому, чтобы

она сама согласилась на возведение Сербской церкви в ранг Патриархии [...] Надо избежать впечатления, что Сербия хотела использовать сегодняшнее бедственное положение Вселенской Патриархии и принудить ее к соглашению на провозглашение, которое бы она в других условиях рада была дать»²¹.

Разделение этих двух вопросов – о присоединении епархий и о Сербской Патриархии – Стеванович считал единственным шансом спасти почти погубленное дело. В частности, Стеванович писал в телеграмме Пашичу: «Новыми категоричными распоряжениями требовать в первую очередь одобрения установления нашей Патриархии испорчено целое дело и может дойти до разрыва с Патриархией. Сейчас один выход – вопрос нашей Патриархии отринуть и оставить в стороне, заключить договор и получить томос [...] Я надеюсь осуществить это, а позже, когда все будет завершено, мы можем провозгласить Патриархию с согласия двух православных церквей, для чего необходимо лишь уведомить Патриархии, которая должна будет принять fait accompli. Сейчас же она не будет отказываться от австро-венгерской помощи ради признания Патриархии, которая еще не установлена. Если вы согласны с моей точкой зрения, прошу полномочий спасти дело, пока еще можно спасти»²². Впрочем, верный своему слову Стеванович простился с Патриархом и в середине мая отбыл в Белград, телеграфировав 14 мая начальству: «Патриарх снова повторил, что вопрос надо изучить, и остался при своем. Из его слов видно, что они не согласны на восстановление нашей Патриархии»²³.

Меж тем сербское правительство предприняло дипломатические шаги, чтобы заручиться поддержкой русского и греческого правительств, надеясь на их помощь в вопросе восстановления Сербской Патриархии. Вл. Джорджевич, на плечи которого легли дальнейшие переговоры, сообщал Н. Пашичу 23 мая: «Русский посол [...] распорядился Серафимову, секретарю-референту по церковным вопросам, сообщить Патриарху желание русского правительства, чтобы Патриархия как можно скорее завершила переговоры с Сербией [...] Серафимов сказал мне, что это распоряжение выполнил [...] Русский посол просит сербское правительство согласиться решить сначала вопрос о томосе, а потом тотчас, отдельно от него, решить вопрос о новой Сербской Патриархии. Русский посол уверен, что если его просьбу удовлетворят, то оба вопроса решатся за 8–10 дней». В другой телеграмме от 23 мая Джорджевич информировал: «...русский посол передал Патриарху желание России, чтобы Патриархия при-

няла требования Сербии и закончила переговоры с ней. Патриарх общит завтра синоду рекомендацию русского правительства»²⁴. Относительно Греции Пашич давал своим чиновникам распоряжение попросить, «чтобы союзное греческое правительство приемлемым способом повлияло на работу Патриархии и пошло навстречу желанию сербского правительства».

По всей видимости, именно влиянию русского и греческого правительств в конечном итоге надо приписать согласие Константинополя дать Сербии благословение на возведение Сербской церкви в ранг Патриархии. Как бы то ни было, к концу мая Джорджевич сообщил русскому послу в Константинополе М. Н. Гирсу, что «Патриархия согласилась на все наши условия»²⁵. И в русском посольстве, и в Патриархии сербов поздравляли с успехом. Два вопроса все-таки решили разделить: Вселенская церковь подписывает томос на основе проекта Стевановича, а через несколько дней акт, в котором допускается восстановление Сербской Патриархии²⁶.

Однако переговоры вновь встали – в ответ на действия Порты по депортации фракийских греков Константинопольская Патриархия фактически объявила забастовку, закрыв все свои школы и церкви, Св. Синод также не работал. В середине июня Патриарх сообщил Джорджевичу, что между Константинополем и сербским правительством по обоим вопросам достигнуто полное взаимопонимание: «Мы дадим вам оба акта. В первом будет томос, в другом – благословение Вселенской Патриархии на учреждение Сербской Патриархии [...] Я сообщу вам, когда будет готов томос, чтобы тотчас сербская церковь направила мне письмо, в котором изъяснит свое желание провозгласить Патриархию. Я на основе этого письма в согласии с синодом тотчас изберу новую комиссию, которая быстро изучит и решит этот вопрос по вашему желанию»²⁷. Такой кульбит со стороны Патриархии вызвал подлинное негодование Пашича: «Патриарх сказал Стевановичу перед его отъездом, что даст изучить дело о нашей Патриархии секретарю комиссии. Вам сказал, что томос через два дня будет готов, а письмо с признанием Патриархии – через 8 дней. Сейчас, между тем, другая комиссия изучает дело и требует письмо митрополита. Нам это все кажется непотребным затягиванием, и мы считаем излишним письмо митрополита, так как представитель правительства и устно, и письменно в два захода сообщил об установлении и признании Патриархии»²⁸.

17 июня Вл. Джорджевич посетил Патриарха Германа и попросил его ускорить решение вопросов. Патриарх вновь посетовал, что

из-за форс-мажорных обстоятельств они были вынуждены закрыться, и, обнадеживающе пообещав, что через неделю, когда Патриархия начнет функционировать, все сербские дела быстро решатся, послал свое патриаршее благословение сербскому королю Петру и правительству.

Казалось бы, дело должно было вот-вот устроиться, однако на этом благословении переговоры между Сербией и Константинопольской Патриархией прервались (по крайней мере, переписка на сей счет в архиве отсутствует). Через полторы недели в Сараево был убит эрцгерцог Франц-Фердинанд, и на ближайшие шесть лет вопросы единства Сербской церкви стали неактуальны и были сами собой сняты с повестки дня. Лишь 1918 год вместе с переменой геополитического положения Сербии принесет Сербской православной церкви долгожданное воссоединение и возрождение средневековой Печской Патриархии в рамках нового государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Српске новине. 27 августа 1913.
- 2 Политика. 29 августа 1913.
- 3 Политика. 24 ноября 1913.
- 4 *Јагодић М.* Уређење ослобођених области Србије 1912–1914: правни оквир. Београд, 2010. С. 23.
- 5 *Јагодић М.* Нови крајеви Србије (1912–1915). Београд, 2013. С. 481.
- 6 Политика. 21 августа 1913.
- 7 Архив Србије. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9. Д. 9. Пов. № 832.
- 8 Там же. Пов. № 1151.
- 9 Там же. Д. 10. Пов. № 3484, 3485.
- 10 Политика. 24 ноября 1913.
- 11 Архив Србије. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9. Д. 10. Пов. № 3484, 3485.
- 12 Там же. Д. 9. Пов. № 1401, 1455.
- 13 Там же. Пов. № 1637.
- 14 Там же. Пов. № 1537, 1637.
- 15 Там же. Пов. № 1236, 1636.
- 16 Там же. Д. 10. Пов. № 1733, 1698.
- 17 Там же. Пов. № 1698.

- 18 Там же. Пов. № 1733.
- 19 Там же. Д. 9. Пов. № 1696.
- 20 Там же. Д. 10. Пов. № 1812.
- 21 Там же. Пов. № 1815.
- 22 Там же. Пов. № 1813.
- 23 Там же. Пов. № 1802.
- 24 Там же. Пов. № 1926, 1927.
- 25 Там же. Пов. № 1982.
- 26 Там же. Пов. № 2051.
- 27 Там же. Пов. № 2279, 2388.
- 28 Там же. Пов. № 2279.

Kolinenko Yu. V.

Diplomatic Efforts to Restore the Serbian Patriarchate
in 1913–1914

The article examines the diplomatic negotiations of the ministry of foreign affairs of Serbia with the Patriarchate in Constantinople concerning the permission to annex the territories of the Old Serbia and Macedonia, which were under the jurisdiction of the Ecumenical Church at that time. It pays attention to the diplomatic correspondence of Nikola Pašić, who initiated and conducted these negotiations.

Keywords: *Serbia, Orthodoxy, church, autocephaly, Ecumenical Patriarchate of Constantinople, ministry of foreign affairs.*

Д. Г. Дмитриев
(Москва)

**Политика российских властей в Царстве Польском
накануне Первой мировой войны (1912–1914)
в освещении польской историографии**

В статье анализируется польская историография, посвященная политике российских властей в Царстве Польском накануне Первой мировой войны (1912–1914). Рассматриваются основные этапы изучения данной проблематики в польской историографии. Ключевые слова: *Царство Польское, Российская империя, Первая мировая война, Польша, польская историография.*

В истории России периоду 1912–1914 гг. придается исследователями весьма существенное значение. С одной стороны, это было время интенсивной модернизации российского общества. Высокими темпами развивались промышленность и сельское хозяйство. Первые, хотя и весьма противоречивые результаты принесла столыпинская аграрная реформа, ставшая значительным шагом в утверждении частнособственнических отношений в аграрном секторе и вместе с тем еще более обнажившая социальные противоречия в деревне. В стране произошли весьма глубокие социальные перемены, отразившиеся на всех классах и социальных слоях российского общества. Сформировалась система общественных и политических организаций, выражавших интересы гражданского общества (профсоюзы, предпринимательские объединения, кооперативы, промышленные и финансовые корпорации, политические партии и творческие объединения и клубы). Важные модернизационные перемены происходили и в системе государственной власти, когда самодержавие постепенно эволюционировало в направлении монархии буржуазного типа. С другой стороны, период 1912–1914 гг. стал временем нового революционного подъема и резкого обострения национальных противоречий. Последние стали одной из причин, подталкивавших правительства великих держав к развязыванию мировой войны. В столицах Антанты и Тройственного союза рассчитывали таким путем не только переделить мир, но и подавить революционное движение.

Отмеченные процессы в полной мере относились и к Королевству Польскому (Царству Польскому) в Российской империи. В составе Российской империи Царство Польское имело особое значение как один из крупнейших экономических и политических центров страны, важный

центр национального и революционного движения, один из наиболее значительных объектов захватнических планов и геополитических замыслов великих держав. Этими обстоятельствами объясняется научное значение изучения истории Царства Польского предвоенных лет, предшествовавших началу Первой мировой войны. Естественно, что наиболее значительный вклад в этой области принадлежит польской историографии, анализ которой и составляет предмет настоящей статьи.

Первые попытки проанализировать политику имперского центра в Царстве Польском накануне Первой мировой войны предпринимались сразу после обретения Польшей независимости. На польскую историческую мысль межвоенного периода огромное влияние оказали перемены, которые принес 1918 год. Обретение независимости расширяло поле для научных исследований. Принципиальное значение для развития исторической науки имело появление новых научных центров (университеты в Познани, Вильно, Люблине). Польские историки межвоенного периода продолжали подчеркивать цивилизационные противоречия между Польшей и Россией. Яркими представителями такого видения истории можно назвать: Вацлава Липиньского (1896–1949), Юлиана Стахевича (1890–1934), Владислава Побуг-Малиновского (1899–1962), Стефана Помараньского (1893–1944). Следуя традициям Шимона Аскенази, историки межвоенного периода, описывая историю Царства Польского начала XX в., говоря о политике царских властей, главное внимание уделили «русификации», следуя сложившимся стереотипам о жесткости и враждебности полякам внутренней политики российской администрации.

Из наиболее значительных работ этого периода укажем на изданный в 1929 г. обобщающий труд Т. Мантейфеля¹ по образовательной политике российских властей на польских землях, в котором центральное место принадлежало тезису, согласно которому царское правительство, насаждая русский язык, последовательно проводило меры, препятствующие поступательному развитию польской национальной культуры. Та же мысль проводилась и в классическом очерке польской истории М. Бобжиньского². Отдельные главы его третьего тома посвящены русификации, которую историк связывал с политикой «русского национализма»³.

Таким образом, и после обретения Польшей независимости польская историография межвоенного периода в основном продолжила историографические традиции начала XX в., ограничиваясь утверждениями, что политика держав, разделивших Речь Посполитую, препятствовала успешному экономическому и культурному развитию польских земель.

После окончания Второй мировой войны положение Польши в Европе и в мире, а также социально-политические преобразования в ПНР не могли не отразиться и на польской исторической науке. Исследование польско-российских отношений в течение всего периода существования ПНР было осложнено идеологическими, политическими и цензурными ограничениями, что породило определенный идеологический и методологический схематизм. Польско-российские отношения описывались с помощью схемы «плохая власть – хорошее общество» или же «злой царь – добрый народ». Подобная оценка не лишена оснований, однако и она отнюдь не свободна от схематизма, поскольку в ней игнорируется важнейший фактор российской и польской истории XIX – начала XX в. – объединенное общей целью противостояние царизму русского и польского освободительного движения.

Следует отметить, что количество работ, посвященных польской истории XIX – начала XX в., в ПНР значительно возросло по сравнению с межвоенным периодом. В Народной Польше издано довольно много обобщающих трудов и монографий, изучавших конкретные аспекты, такие как образование в Царстве Польском, политика имперских властей в религиозных вопросах, экономическая политика российской администрации на польских землях.

Российская империя расценивалась историками ПНР как тюрьма народов, а царизм – как величайшее зло, поэтому во многом их точка зрения оказалась созвучной взглядам ученых межвоенного периода, которые продолжали свою исследовательскую деятельность и после Второй мировой войны, были учителями нового поколения историков, сформировавшихся в годы Народной Польши. К числу таких ученых старшего поколения можно отнести Яна Рутковского (1886–1949), который стоял у истоков исследования экономической истории Польши. В 1950 г. в Познани был издан второй том его фундаментального исследования по истории польской экономики⁴. В нем уже прослеживается влияние официального «исторического материализма», особое место уделяется зарождению и классовой борьбе пролетариата⁵. Анализируя экономическое развитие Царства Польского накануне Первой мировой войны, автор подчеркивает, что царское правительство, покровительствуя российским предпринимателям, препятствовало сбыту польской продукции не только на внутреннем рынке империи, но и на рынке самого Царства Польского⁶.

В 1950-е гг. марксистская методология становится в ПНР обязательной, что было связано с окончанием периода «народной демократии» в странах, попавших в зону влияния СССР. С этого времени

стало весьма характерным сравнение в исторических трудах положения и условий развития польских земель в рамках трех империй, а политика держав-захватчиков анализируется в контексте усиления классово-национальной борьбы. К числу таких исследований можно отнести монографии К. Гжибовского⁷, Л. Тшечаковского⁸.

Из специализированных работ следует отметить монографию Э. Сташиньского⁹, посвященную политике имперской администрации Царства Польского в области образования. Она также написана в духе марксистской историографии, отдельные главы посвящены борьбе пролетариата против имперского гнета¹⁰. Отдавая дань критике «русификации», Сташиньский подчеркивает, что количество средних школ в начале XX в. не соответствовало возросшему числу жителей¹¹. Системе народного просвещения на селе посвящена монография З. Кмечика¹². Автор подчеркивает, что большое количество начальных школ не имело собственных помещений. Если в 1904 г. таких школ было 1070, то в 1914 г. их количество возросло до 2157¹³. Кмечик особо отмечает низкий организационный уровень сельских школ: так, в 1914 г. из 4977 школ только в 63-х работало по два преподавателя, в остальных же было всего по одному педагогу¹⁴. Несмотря на такие проблемы в области образования, частные учебные заведения подвергались гонениям со стороны царской администрации¹⁵, поскольку в них находили продолжение польские национальные традиции народного просвещения.

Со второй половины 1970-х гг. в польской историографии проявляется тенденция оценивать политику царских властей на территории Царства Польского не столь односторонне. Так, С. Кеневич в работе по истории Варшавы в 1795–1914 гг.¹⁶ подчеркивает, что, несмотря на русификацию и политическое давление, именно в начале XX в. происходит экономический и культурный расцвет польской столицы.

В 1980 г. к истории народного просвещения обращается Р. Врочиньский¹⁷, уделив значительное внимание периоду накануне Первой мировой войны. Отметив значительное, почти десятикратное увеличение числа народных школ к этому времени¹⁸, он в целом повторил традиционные для польской историографии выводы, что свидетельствовало о неизменности позиции польских историков в оценке политики «русификации» в течение всего периода существования ПНР.

В 1980-е гг. появляются работы, изучающие абсолютно новые аспекты жизни польского общества начала XX в. Одной из таких работ является монография З. Кмечика о польской прессе в Царстве Польском¹⁹, в которой автор отходит от официальной марксистской методологии и от стереотипов, присущих его предшественникам.

Итак, польская историография времен ПНР концентрировала свое внимание прежде всего на негативных аспектах царской политики в Царстве Польском, традиционно уделяя главное внимание политике «русификации». Доминирование марксистской методологии, ослабление влияния которой наблюдается только со второй половины 1970-х гг., сковывало развитие исторической мысли, препятствовало свободной научной дискуссии.

Рубежом формирования новейшей польской историографии стал конец 1980-х – начало 1990-х гг. Современные польские историки существенно расширили тематику исследований по истории Польши начала XX столетия и круг используемых источников, в частности, на основе материалов открывшихся для зарубежных исследователей российских архивов. Польские ученые пытаются в том числе выявить тенденции и закономерности в действиях имперской администрации. Большое внимание уделяется восстанию 1863–1864 гг., именно здесь ученые видят причину резкого изменения политики властей в Царстве Польском. Историки стремятся критически оценить социально-политические тенденции развития польского общества, проанализировать стратегию и тактику действий польских политических сил как субъектов польской политики, выявить допущенные ими ошибки, не возлагая всю ответственность на «проклятый царизм». Однако позитивные тенденции в польской исторической науке не означают еще преодоления многих стереотипов, появившихся еще в межвоенный период, которые нередко находят себе место на страницах современных монографий.

Новый период в развитии польской историографии позволил историкам исследовать новые вопросы и проблемы, которые в прошлом по известным причинам считались якобы «бесперспективными». Среди наиболее интересных работ следует выделить труды Л. Химьяка²⁰ о варшавских генерал-губернаторах и А. Хвальбы²¹ о поляках на царской службе. Обе книги содержат чрезвычайно богатый конкретно-исторический материал, зачастую впервые вводимый в научный оборот. При этом авторы поднимают очень важную тему о роли бюрократии в России и в Царстве Польском, о формах и методах правительственной политики в Польше, о сложном и разновекторном процессе взаимодействия власти и польского общества.

В современной Польше опубликовано довольно много обобщающих трудов по истории польского народа, среди которых можно выделить монографии Е. Здрады²², А. Хвальбы²³, М. Калласа²⁴. Е. Здрада уделяет большое внимание экономическому развитию польских

земель в составе Российской империи. По его мнению, Царство Польское по многим параметрам уступало Галиции и Познанщине, например, в 1914 г. Царство Польское располагало слабо развитой сетью железных дорог по сравнению с другими польскими землями²⁵. Данный тезис представляется достаточно поверхностным, так как сравнению подлежит система железных дорог трех империй. Каждая из этих систем имела свои исторические основания, задачи и функции, что делает весьма проблематичным их формальное сопоставление. А. Хвальба в трудах по истории Польши и европейской истории XIX – начала XX в. уделяет много внимания проблемам социальной истории, что позволяет обогатить наши представления о взаимодействии социальных и политических процессов на польских землях, в особенности в начале XX в. В центре внимания М. Калласа – история государства и права Польши с древнейших времен и до наших дней, что представляет несомненный интерес, поскольку отражает собой современную интерпретацию фундаментальных достижений и традиций польской историко-правовой науки XX в., в частности и по вопросу о правовом статусе польских земель в составе Российской империи в начале минувшего столетия.

Говоря о состоянии современной польской историографии, можно констатировать, что за последние 20 лет в польской исторической науке произошли положительные сдвиги. Изучаются новые аспекты деятельности российской администрации в Царстве Польском, издаются новые монографии, посвященные экономическому, демографическому, культурному, политическому развитию польских земель в составе Российской империи. Однако, несмотря на положительную динамику развития польской историографии, публикуются отдельные работы откровенно антироссийской направленности, продолжающие негативные традиции межвоенной историографии. В целом же истории Царства Польского в период 1912–1914 гг. (кануна Первой мировой войны) уделено явно недостаточно внимания. Фрагментарно данная проблематика затрагивается лишь в обобщающих трудах и только ожидает монографического исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Manteuffel T.* Centralne władze oświatowe na terenie b. Królestwa Kongresowego (1807–1915). Warszawa, 1929.
- 2 *Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa, 1931. Т. 3.

- 3 Ibid. S. 344.
- 4 *Rutkowski J.* Historia gospodarcza Polski. Poznań, 1950. T. 2.
- 5 Ibid. S. 363.
- 6 Ibid. S. 249.
- 7 *Grzybowski K.* Galicja 1848–1914: Historia ustroju politycznego na tle historii Austrii. Kraków, 1959.
- 8 *Trzeciakowski L.* Pod pruskim zaborem. 1850–1918. Rzeszów, 1973.
- 9 *Staszyński E.* Polityka oświatowa caratu w Królestwie Polskim (od powstania styczniowego do I wojny światowej). Warszawa, 1968.
- 10 Ibid. S. 111.
- 11 Ibid. S. 242.
- 12 *Kmieciak Z.* Ruch oświatowy na wsi. Warszawa, 1963.
- 13 Ibid. S. 97.
- 14 Ibid.
- 15 Ibid. S. 176.
- 16 *Kieniewicz St.* Warszawa w latach 1795–1914. Warszawa, 1976.
- 17 *Wroczyński R.* Dzieje oświaty polskiej 1795–1945. Warszawa, 1980.
- 18 Ibid. S. 255.
- 19 *Kmieciak Z.* Prasa warszawska w latach 1908–1918. Warszawa, 1981.
- 20 *Chimiak L.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1864–1915. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999.
- 21 *Chwalba A.* Polacy w służbie Moskali. Warszawa, 1999.
- 22 *Zdrada J.* Historia Polski 1795–1914. Warszawa, 2007.
- 23 *Chwalba A.* Historia Polski 1795–1914. Kraków, 2000.
- 24 *Kallas M.* Historia ustroju Polski X–XX w. Warszawa, 2003.
- 25 *Zdrada J.* Historia Polski... S. 713.

Dmitriev D. G.

The Russian Authorities Policy in the Kingdom of Poland
on the Eve of World War One (1912–1914)
in the Mirror of the Polish Historiography

The article analyses the Polish historiography dealing with the policy of the Russian authorities in the Kingdom of Poland on the eve of World War One (1912–1914). It considers main stages in studying this problem in the Polish historiography.

Keywords: *Kingdom of Poland, Russian Empire, World War One, Poland, Polish historiography.*

А. А. Тимошинов
(Москва)

Королевство Польское в годы Первой мировой войны в российской историографии

В статье рассматривается положение дел в Королевстве Польском в годы Первой мировой войны, нашедшее отражение в работах российских и советских авторов, дается анализ отечественной историографии.

Ключевые слова: *Польша, Королевство Польское, Первая мировая война, российская историография.*

Отмечаемое в 2014 г. столетие со времени начала Первой мировой войны стало довольно значительным стимулом для обращения современных российских исследователей к ее истории. Поэтому представляется весьма важным рассмотреть сформированный в отечественной историографии потенциал ее изучения.

Одной из наиболее важных проблем истории Первой мировой войны, как со стороны России, так и со стороны стран Центральной и Восточной Европы, является восстановление в ее итоге Польского государства. Уже только это указывает на значение для российской историографии Первой мировой войны истории земель разделенной Польши. Именно на захват этих территорий, в равной мере с Балканами и Проливами, были направлены агрессивные замыслы вступивших «в борьбу за передел мира» правящих верхов Берлина, Вены и Петербурга.

Входившее в состав России Королевство (Царство) Польское в годы войны было одним из основных театров военных действий на Восточном фронте, поскольку именно через его территорию проходило важнейшее и кратчайшее направление по линии Москва – Смоленск – Варшава – Берлин. Территория Королевства также имела ключевое значение для военных действий в Восточной Пруссии, в Прибалтике и в Галиции. Однако, несмотря на весьма значительное число научных работ, созданных в нашей стране начиная с 1920-х гг. и до наших дней и посвященных тем или иным аспектам истории Первой мировой войны, польским землям в них уделено совсем немного внимания.

Первый период изучения истории польских земель, и в первую очередь Королевства Польского, в годы Первой мировой войны при-

ходится в России (в СССР) на 1920-е гг. Обращение к этой теме было обусловлено тремя обстоятельствами. Во-первых, это изучение Революции и Гражданской войны в СССР. В рамках этой темы рассматривался и опыт советско-польской войны 1920 г. Во-вторых, непосредственно с первой темой было связано осмысление «кризиса капиталистической системы», вызванной им мировой войны, подъема революционного движения в Европе и «пробуждения Азии», а также «перспективы мировой революции». В рамках этой темы анализировалось место Польши в европейском революционном движении. В-третьих, речь шла об изучении опыта Первой мировой войны для военного дела и военного строительства.

Говоря о первых двух направлениях, следует отметить, что представлены они были главным образом политической публицистикой, отражавшей официальную позицию ВКП(б) и Коминтерна. Из работ, принадлежавших, по нашему мнению, к научной историографии, можно назвать только книгу «Польша и мировая революция»¹ Юлиана Мархлевского (1866–1925) – видного деятеля российского, польского и немецкого революционного движения. Марксист по убеждениям, представитель левого крыла социал-демократии и коммунистического движения, Мархлевский в своей работе опирался на материалы польской, немецкой и русской историографии, исторической и политической мысли, что делает его книгу синтезом трех направлений национальной интерпретации марксизма начала XX в. Именно в этих рамках построена концепция труда Мархлевского. Вместе с тем, несмотря на соответствующую идеологическую и политическую тенденциозность, автор довольно подробно описывает положение на польских землях в годы Первой мировой войны, в частности на территории Царства Польского. Он дает взвешенную и справедливую оценку действий различных политических сил в Привислинском крае, подчеркивая, правда, что «среди... всеобщего воинственного опьянения одни только сознательные пролетарии сохраняли ясность ума; социал-демократия Польши и Литвы исполнила свой революционный долг и с самого начала повела кампанию против бойни народов...»². В книге Мархлевский уделяет особое внимание антигерманским настроениям в Царстве Польском, которые, по его мнению, и стали прежде всего причиной «горячего водоушевления в пользу царизма»³.

Наряду с книгой Мархлевского, для которого центральной проблемой была «мировая революция», а Первая мировая война представлялась только ее предысторией, в 1920-е гг. в СССР был опублико-

ван ряд работ, посвященных именно изучению опыта Первой мировой войны. Так, в 1923–1926 гг. русский военный историк А. М. Зайончковский написал «Стратегический очерк войны 1914–1918 годов» в нескольких частях и работу «Мировая война 1914–1918»⁴, впоследствии не раз переизданные. Став своего рода образцом, эти книги продемонстрировали, что Королевство Польское интересовало отечественных (советских) исследователей Первой мировой войны только как театр военных действий. Зайончковский упоминает земли Королевства Польского лишь тогда, когда говорит о планировании в России боевых действий до начала войны. Так, он уточняет, что «идея стратегического развертывания в течение свыше 30 лет сводилась к использованию выгодных свойств Привислинского района и сосредоточению в нем по обоим берегам Вислы главной массы сил под прикрытием содержащейся на западной границе большей части армии мирного времени»⁵. Обращаясь непосредственно к истории военных действий, он ограничивается упоминанием об «образцовом», с военной точки зрения, выводе русских армий с территории Королевства Польского⁶, не касаясь вопроса о массовой эвакуации населения и производства.

Аналогичным образом описывал военные действия в Польше другой военный историк, Ю. Н. Данилов⁷, охарактеризовав только операции русской армии на польском театре военных действий. Положение же самого Королевства Польского и его населения, роль Польши в войне автора не интересовали. И Зайончковский, и Данилов – в прошлом генералы царской армии – не были профессиональными историками. Поэтому изложение истории Первой мировой войны они свели исключительно к описанию военных действий. Вероятно, это объяснялось также и их стремлением избежать политических оценок, что отличает работы обоих авторов.

Новый период изучения в отечественной историографии истории Польши времени Первой мировой войны начинается в 1950-е гг., когда история Польши становится одним из приоритетных направлений исследований советских историков, и завершается на исходе 1970-х гг. Это объяснялось, прежде всего, местом Польской Народной Республики в системе стран социалистического содружества как ключевого союзника СССР в Европе.

Первым значительным трудом в этой области стала трехтомная «История Польши», во втором томе которой отдельная глава (автор М. В. Миско) была посвящена «польским землям и польскому вопросу в годы Первой мировой войны»⁸. Главное внимание в ней было уделено, с одной стороны, политике правительств воюющих держав

в отношении Польши, а с другой – позиции польских политических партий в годы войны, в частности, по проблеме отношения к войне и восстановления независимой Польши.

В «Истории Польши» впервые уделялось особое внимание воззванию великого князя Николая Николаевича к полякам, при этом подчеркивалось, что воззвание «исходило не от имени царя и даже не от имени правительства, а от имени главнокомандующего, следовательно, оно не имело вполне официального характера, и впоследствии могло быть отклонено официальными кругами, как не ответственными за него»⁹. Авторы также напоминали, что большевики якобы «изначально планировали решить польский вопрос с помощью создания независимой Польской республики – еще Ленин в сентябре 1914 г. заявил об этом»¹⁰. В то же время, по их словам, польская социал-демократия не выставила лозунга борьбы за создание польской социалистической республики и тем самым ослабила свое влияние на трудящиеся массы.

Во втором томе также достаточно подробно освещается история создания добровольческих формирований на стороне России. Так, отмечается, что для «вооруженной поддержки русского царизма» в его войне с Германией Польский национальный комитет пытался развернуть среди польского населения добровольческое движение и создать польские легионы в составе русской армии. Был создан один небольшой (до тысячи человек) легион в Пулавах. В дальнейшем формирование польских добровольческих частей было запрещено¹¹. Примечательно указание на особую роль польских органов власти в формировании легиона, хотя и вызывает сомнения приведенная его численность. Число легионеров составляло примерно 2,5–4 тыс. человек.

В опубликованных в 1960-е гг. обобщающих трудах по истории Первой мировой войны Королевству Польскому практически не уделялось внимания. В книге Д. В. Вержховского и В. Ф. Ляхова «Первая мировая война, 1914–1918»¹² авторы ограничились лишь упоминанием о выводе русских войск в августе 1915 г. с территории Привислинского края¹³ и об эвакуации предприятий и местного населения. В работе М. Э. Айрапетяна и П. Ф. Кабанова¹⁴ о Королевстве Польском не говорится вовсе. Представляется, что в этом нашла отражение характерная тенденция в советской историографии, когда специалисты по российской и всеобщей истории, не владевшие польским языком, мало знакомые с источниками и литературой по истории Польши, сознательно избегали обращения в своих трудах к польской проблематике. Последняя оставалась в сфере научных

интересов преимущественно историков-полонистов. В пользу такого мнения говорит и то, что в обеих работах название «Королевство Польское» (Царство Польское, Привислинский край) заменяется выражением «западная пограничная область России», хотя ранее в других работах, например в ставших к тому времени уже классическими трудах А. М. Зайончковского¹⁵, подобной терминологической замены не встречается, а история боевых действий на территории Королевства Польского естественно рассматривается как составная часть истории России и ее участия в войне.

Особое место среди работ, вышедших в 1960-е гг., занимает сборник статей «Первая мировая война 1914–1918»¹⁶ и помещенная в нем статья историка-полониста И. И. Белякевича «Из истории создания польских национальных формирований в составе русской армии во время Первой мировой войны»¹⁷. Автор довольно подробно и непредвзято (что довольно необычно для времени выхода статьи) рассматривает историю создания польских добровольческих формирований на стороне российской армии, используя при этом практически только лишь архивные документы, причем материалы как польских, так и российских (советских) архивов. Белякевич отмечает, что уже с первых дней войны при воинских частях, действовавших на территории Королевства Польского, по инициативе русского командования создавались небольшие польские добровольческие отряды, которые после выполнения специальных заданий расформировывались; отмеченная деталь крайне интересна еще и потому, что подобные случаи редко подмечались исследователями.

Белякевич предельно подробно описывает историю создания Пулавского легиона, избегая при этом однобокой оценки этого формирования. В исследованиях нередко были попытки представить Пулавский и Люблинский легионы как только результат усилий царских властей или же как «кальку» с легионов Юзефа Пилсудского, которые сражались в годы войны на стороне Центральных держав. Белякевич, напротив, стремится показать роль представителей польского дворянства, офицерства и политических сил Королевства Польского в формировании этих воинских соединений. В вопросе о других добровольческих формированиях Белякевич придерживался общепринятой трактовки, отмечая, что лишь после создания легионов под руководством Пилсудского царские власти решили противопоставить им небольшие польские отряды, включенные в состав русской армии, для использования их в разведывательно-диверсионных целях и для партизанских действий в тылу противника¹⁸.

Автор справедливо отметил, что наплыв добровольцев в Пулавский легион (около четырех тысяч человек) вызвал беспокойство царских властей, которые усматривали в этом демонстрацию национальных чувств поляков¹⁹. Говоря об особенностях политики царских властей в связи с формированием польских добровольческих частей, Белякевич отмечает, что царская цензура запретила публиковать информацию о польских легионах²⁰, что российское командование и правительство «упорно не хотели создавать в России отдельную польскую армию, переоценивая сепаратистские настроения польской буржуазии»²¹.

Тенденции, наметившиеся в 1960-е гг. в изучении истории Польши периода Первой мировой войны, получили продолжение и в следующем десятилетии. В опубликованной в 1975 г. «Истории Первой мировой войны. 1914–1918»²² также крайне мало уделено внимания Королевству Польскому. В разделе, где говорится о военных планах России, не сказано ни слова о Привислинском крае, как и о воссоздании Польского государства в итоге войны в 1918 г.

Разразившийся в 1980-е гг. в ПНР общественно-политический кризис негативно повлиял на развитие полонистических исследований в СССР. Они продолжали осуществляться, однако публикации многих трудов по истории Польши были приостановлены, а авторы по политическим и цензурным основаниям нередко избегали обращаться к польской проблематике²³. Этим объяснялось, в частности, что тема Польши в годы Первой мировой войны в это время в историографии практически не затрагивалась. В годы перестройки в СССР она также оказалась за пределами внимания исследователей. Даже на Всесоюзном совещании историков-полонистов 1989 г., обсуждавшем многие острые вопросы, она не прозвучала.

Новый период в ее изучении открывается в 1990-е гг. Смена общественно-политического строя и экономические трудности в России и в Польше в последнее десятилетие XX в. не могли не сказаться на состоянии науки и исторических исследований, однако в эти годы изучение истории Польши в России и сотрудничество российских и польских историков продолжало поступательное развитие. Свое влияние на это оказал накопленный в предшествующее десятилетие научный потенциал и подъем взаимного научного интереса, обусловленный открытием для исследователей российских и польских архивов, и в первую очередь возможностью обращения к «закрытым» ранее темам и так называемым «белым пятнам» истории российско-польских отношений²⁴.

Причины возрождения интереса российских исследователей к истории Польши в годы Первой мировой войны заключаются, в первую очередь, в характерном для исторической науки этого времени общем расширении поля научных исследований, обращении к новым темам и проблемам, во-вторых, в стремлении ученых переосмыслить сформированные прежде концепции и представления и, в-третьих, в существенном расширении сотрудничества российских и польских историков.

Одним из проявлений такого сотрудничества стала публикация в России работ польских авторов на русском языке. В связи с этим укажем на работу М. Тымовского, С. Кеневича и Е. Хольцера «История Польши»²⁵. Для российского издания авторы обновили и дополнили ее текст, что, вероятно, указывало на стремление издателей повлиять на развитие российской историографии. Применительно к периоду Первой мировой войны авторы уделили большое внимание именно польскому обществу в Привислинском крае, что, надо полагать, выгодно отличает данное издание от российских работ подобного плана. При этом они стремились выделить, подчеркнуть свидетельства героизма и страданий польского населения, иногда преувеличивая антипольскую направленность политики держав, разделивших Польшу. Так, по их словам, в ходе первых лет войны на польских землях австрийцы вели себя более-менее сдержанно, тогда как германская сторона – бесцеремонно и зачастую откровенно жестоко²⁶. Довольно подробно описываются в книге события последних дней войны, в частности, разоружение германских солдат в Королевстве Польском силами Польской военной организации²⁷.

Задача критической переоценки накопленной к началу 1990-х гг. историографии во многом решалась посредством публикации обобщающих трудов. В этом ряду была и вышедшая из печати в 1993 г. «Краткая истории Польши»²⁸, работа над которой была начата в Институте славяноведения еще во второй половине 1980-х гг. В книге в довольно сжатом виде изложены основные события Первой мировой войны, которые происходили как на территории Королевства Польского, так и в остальных частях разделенной Польши. При этом особое внимание уделено проведению эвакуации с территории Привислинского края во внутренние губернии России около 2 млн жителей, части промышленных предприятий и ряда учебных заведений²⁹. Рассматриваются в «Краткой истории...» деятельность польских политических и гражданских органов, к примеру, Польского Национального комитета, обращается внимание на формирование польских национальных подразделений в составе российской армии³⁰. Боль-

шое внимание авторы уделили стачечному движению на территории Царства Польского, особенно в 1917 и начале 1918 г.

Из специальных работ по истории Первой мировой войны можно указать на книгу В. К. Шацилло «Первая мировая война. 1914–1918. Факты и документы»³¹. Несмотря на то, что автор крайне подробно останавливается на рассмотрении дипломатических сюжетов, он ни словом не упоминает ни Королевство Польское, ни польские политические силы, независимо от их политической ориентации, в целом ограничиваясь довольно кратким описанием событий, происходивших на территории Привислинского края. Более подробно польская проблематика затронута в работе А. И. Уткина «Первая мировая война»³². Автор довольно подробно описывает планы России в отношении населения Королевства Польского, уделив внимание воззванию в. кн. Николая Николаевича, однако не преувеличивая его значения. Он выдвинул небесспорное положение, что Николай II уже тогда всерьез планировал «даровать Польше широкую автономию»³³, однако при этом совершенно справедливо заметил, что якобы содержащийся в подтексте воззвания «призыв царя, на который возлагали надежды в Петрограде, в Польше не дал особых результатов»³⁴.

А. И. Уткин – один из немногих, кто уделил сколько-нибудь серьезное внимание территории Королевства Польского в военных планах России в первые дни войны, указав, в частности, на намерение верховного главнокомандующего Николая Николаевича «наступить на полной скорости на Берлин», отметил роль Варшавы как второго после Москвы железнодорожного узла страны, подчеркнув, что она «была главным складом и опорным пунктом русской армии в ее наступлении на собственно германскую территорию»³⁵.

Период Первой мировой войны существенно освещен в работе «Западные окраины Российской империи»³⁶. В целом труд написан под значительным влиянием современной «империологии», концепции которой заслуживают отдельного критического анализа. Применительно же к истории Королевства Польского авторы рассмотрели замыслы политического устройства польских земель как в условиях начавшейся войны, так и в связи с планами послевоенного урегулирования, в частности, предложенный в начале войны министром иностранных дел С. Д. Сазоновым проект объединения под скипетром Романовых Западной Галиции, Силезии и Познанщины с Царством Польским³⁷. Говоря об отношении к войне и к собственным правительствам населения разделенной Речи Посполитой, авторы труда подчеркнули лояльность властям польских подданных трех

империй в 1914 г. Довольно подробно в работе рассматриваются и действия оккупационных властей Центральных держав на территории Королевства Польского³⁸.

Польше времени Первой мировой войны уделено внимание в книге Г. Ф. Матвеева о Юзефе Пилсудском³⁹. Конечно же, в центре находится личность Пилсудского и его деятельность во главе возрожденного Польского государства, однако также довольно подробно рассматривается и положение в Королевстве Польском до начала и в годы Первой мировой войны, в частности позиции основных общественных классов и социальных слоев, общественных элит (в первую очередь проавстрийски и прогермански настроенных). Г. Ф. Матвееву принадлежит также очерк по истории Польши во время Первой мировой войны в подготовленной в Институте славяноведения РАН новейшей коллективной монографии по истории Польши в XX в.⁴⁰ В нем автор сосредоточился на проблеме расстановки политических сил на землях разделенной Польши накануне и в период восстановления независимого Польского государства.

Рассмотрение в российской историографии истории Королевства Польского в годы Первой мировой войны осуществлялось главным образом в обобщающих трудах, и практически, за исключением отдельных статей по истории польских добровольческих формирований, она не изучалась монографически. В большей части литературы XX в. вопросам, связанным с историей Королевства Польского в годы Первой мировой войны, уделено довольно мало внимания. Однако работы, вышедшие в начале нового тысячелетия, освещают подобные сюжеты гораздо более подробно, что свидетельствует о научной значимости данной темы и о возрастании к ней научного интереса и позволяет надеяться на ее дальнейшее развитие в отечественных исследованиях.

Имеющаяся историография проблемы отнюдь не богата и практически ограничивается рассмотрением двух проблем. Во-первых – описанием истории военных действий на русско-германском фронте, при этом не уделяется должного внимания ни стратегическому или военно-политическому значению Королевства Польского в войне, ни ходу военных действий на польской территории и положению местного населения. Во-вторых – анализом позиции польских политических сил по отношению к войне и правительствам воюющих великих держав. Таким образом, обзор российской историографии проблемы дает все основания заключить, что история Королевства Польского в годы Первой мировой войны представляет собой актуальную научную задачу и тему исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Мархлевский Ю.* Польша и мировая революция. М., 1920.
- 2 Там же. С. 18.
- 3 Там же.
- 4 *Зайончковский А. М.* – генерал от инфантерии, командовал в начале Первой мировой войны дивизией, позже – армейским корпусом. См.: *Зайончковский А. М.* Мировая война 1914–1918. М., 1923 (перезд.: М., 1924; М., 1938; в статье использовано издание: СПб., 2000).
- 5 *Зайончковский А. М.* Мировая война... С. 48.
- 6 Там же. С. 450.
- 7 *Данилов Ю. Н.* – генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего в. кн. Николая Николаевича. См.: *Данилов Ю. Н.* Россия в Первой мировой войне 1914–1915. Берлин, 1924.
- 8 История Польши. М., 1955. Т. 2. С. 631–657.
- 9 Там же. С. 633.
- 10 Там же.
- 11 Там же. С. 635.
- 12 *Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф.* Первая мировая война 1914–1918. М., 1964.
- 13 Там же. С. 150.
- 14 *Айрапетян М. Э., Кабанов П. Ф.* Первая мировая империалистическая война. 1914–1918. М., 1964.
- 15 См. сноску 4.
- 16 Первая мировая война 1914–1918. М., 1968.
- 17 *Белякевич И. И.* Из истории создания польских национальных формирований в составе русской армии во время первой мировой войны // Первая мировая война 1914–1918. С. 158–169.
- 18 Там же. С. 161.
- 19 Там же. С. 163.
- 20 Там же. С. 164.
- 21 Там же. С. 167.
- 22 История Первой мировой войны. 1914–1918. М., 1975.
- 23 Отмеченные обстоятельства, разумеется, не могли приостановить в целом исследований по истории Польши в нашей стране, которые активно продолжались в Институте славяноведения и балканистики АН СССР и на кафедрах истории славян в ведущих университетах России. См. Институт славяноведения и балканистики: 50 лет. М.: Индрик, 1996; Сотрудничество российских и польских историков: достижения, проблемы, перспекти-

- вы. Изучение и публикация исторических источников в России и в Польше. М., 2011.
- 24 См. литературу в сноске 23, а также: Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / Под ред. В. К. Волкова. М., 2003; Akademia nauk, uniwersytety, organizacje nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w. / Pod red. L. Zasztowta. Warszawa, 2013.
- 25 *Тымовский М., Кеневич С., Хольцер Е.* История Польши. М., 2004. Книга, впервые опубликованная во второй половине 1980-х гг., стала доступна самим полякам лишь в 1991 г. С тех пор она выдержала несколько изданий.
- 26 *Тымовский М., Кеневич С., Хольцер Е.* История... С. 390.
- 27 Там же. С. 396.
- 28 Краткая история Польши. М., 1993.
- 29 Там же. С. 236.
- 30 Там же. С. 239.
- 31 *Шаццло В. К.* Первая мировая война. 1914–1918. Факты и документы. М., 2003.
- 32 *Уткин А. И.* Первая мировая война. М., 2001.
- 33 Там же. С. 92.
- 34 Там же.
- 35 Там же. С. 112.
- 36 Западные окраины Российской империи. М., 2006.
- 37 Там же. С. 413.
- 38 Там же. С. 414.
- 39 *Матвеев Г. Ф.* Пилсудский (серия «Жизнь замечательных людей»). М., 2008.
- 40 Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.

Timoshinov A. A.

The Kingdom of Poland in the Years of World War One
in the Russian Historiography

The article treats the state of affairs in the Kingdom of Poland in the years of World War One as it is reflected in the works of Russian and Soviet authors, suggests the analysis of Russian historiography on the problem in question.

Keywords: *Poland, Kingdom of Poland, World War One, Russian historiography.*

Е. П. Аксенова
(Москва)

Федерация исторических обществ Восточной Европы и русские ученые-эмигранты

В статье рассматривается создание Федерации исторических обществ Восточной Европы и ее деятельность в 1927–1939 гг., проведение научных конференций, выпуск информационного бюллетеня. Освещается также активное участие в работе Федерации русских ученых-эмигрантов.

Ключевые слова: *Федерация исторических обществ Восточной Европы, русские ученые-эмигранты, конференции историков, история славянских народов, историография.*

29 июня 1927 г. была основана Федерация исторических обществ Восточной Европы¹ (которая именовалась также Федерацией исторических обществ Восточной Европы и славянских стран²). Понятие «Восточная Европа» трактовалось довольно широко, и в него включались регионы от восточных границ Германии и Италии, западных пограничных земель Польши, Богемии и Австрии, европейская часть России и Украина, на севере и юге границы проходили по Финляндии и Греции³. Основное население этой территории составляли славяне. Интерес к славянству в это время не случаен – он связан с возникновением после Первой мировой войны и развитием независимых славянских государств, которые занимали все более заметное место в политической жизни Европы. Первоначально одной из важнейших целей Федерации было объединение усилий ученых прежде всего восточноевропейского региона «для содействия общему развитию изучения славянских народов в их прошлом»⁴. В этом объединении члены Федерации видели «многообещающий залог будущего расцвета исторической науки вообще и науки славянской в частности»⁵.

Следует заметить, что в 1926 г. состоялось учредительное заседание Международного комитета исторических наук (МКИН) и был принят устав этой организации. Почти одновременное параллельное создание Федерации исторических обществ может свидетельствовать о недостаточном внимании МКИН к славянской проблематике и стремлении восточноевропейских исторических организаций к более пристальному изучению истории славянского мира. Достаточно вспомнить, что только на VII конгрессе, проходившем в 1933 г.

в Варшаве, впервые была организована секция истории Восточной Европы. Представители восточноевропейских и славянских исторических обществ участвовали в конгрессах МКИН, наряду с конференциями, проводимыми Федерацией.

Инициатива создания Федерации принадлежит польским ученым; наиболее весомый вклад в это предприятие внес известный польский историк М. Хандельсман⁶. Основу объединения составило тесное сотрудничество польских, чешских и венгерских ученых, к которым вскоре присоединились ученые других стран. В состав Федерации вошли представители многих исторических обществ, академических, университетских и других научных организаций славянских и неславянских стран (за исключением Советского Союза и Болгарии, которая, впрочем, вскоре вступила в организацию). В 1928 г. список членов включал 26 обществ, к 1933 г. их число увеличилось до 32, а к 1939 г. – до 41⁷. Среди них было 11 организаций из Польши (включая львовское Научное общество им. Т. Г. Шевченко и Украинский научный институт в Варшаве⁸, которые представляли украинскую, в том числе эмигрантскую, науку), 10 – из Чехословакии, 5 – из Румынии, 4 – из Венгрии. Были представлены также Салоники (Греция), София (Болгария), Белград (Югославия), Рига (Латвия), Тарту (Эстония). В список членов входили Папский восточный институт (Pontificio Instituto Orientale)⁹, лондонский Институт славянских исследований (Institute of Slavonic Studies) и некоторые другие¹⁰.

Советские историки из-за своей идеологической платформы не только не входили в состав учредителей Федерации и не имели в ней своего представительства, но и не принимали участие в ее конференциях, как и в некоторых других исторических форумах.

В основу Федерации был положен принцип представительства стран, но в одном случае было сделано исключение: русская историческая наука разделена на советскую и эмигрантскую¹¹. Такое признание самостоятельной зарубежной русской науки эмигранты высоко ценили, но это решение, безусловно, повлияло на игнорирование Федерации со стороны советских исторических организаций¹².

Россию в Федерации представляли эмигрантские организации. «Условия исторического момента и общая политическая обстановка нашей эпохи выдвинули в ряды историков особую семью ученых, семью работников исторической науки – русских историков-эмигрантов»¹³. Они считали себя полноправными выразителями интересов русской науки и хранителями ее лучших традиций. Членами Федерации стали Русское историческое общество в Праге (Чехословацкая

Республика) и Русский академический союз во Франции (Париж)¹⁴. От РИО в Праге (основанного в 1925 г.) в качестве его представителя в Федерацию вошел историк А. В. Флоровский¹⁵.

Первая конференция историков государств Восточной Европы и славянских стран, созванная по инициативе польских научных организаций, состоялась в Варшаве 27–29 июня 1927 г. Конференцию вполне можно считать первым форумом историков-славистов, который на два года опередил съезд филологов-славистов, состоявшийся в Праге в 1929 г. (и официально признанный в истории науки как I-й международный съезд славистов). Выступая с приветственным словом к участникам конференции от имени Русского исторического общества в Праге, историко-филологического отделения Русской учебной коллегии и ученых-эмигрантов, проживающих в Чехословакии, А. В. Флоровский выразил признательность Польскому историческому обществу¹⁶ и другим историческим институциям за организацию встречи ученых, чьи интересы сосредоточены на изучении славянского мира, и надежду на то, что этот первый шаг послужит «не только началом непрерывного и постоянного научного общения между славянскими учеными, но и твердым основанием для сближения и тесного сотрудничества всего славянства»¹⁷.

На конференции, программа которой была достаточно насыщенной, рассматривались не только научные, но и научно-организационные вопросы. Главная задача состояла в создании «союза всех исторических институций славянских стран и Восточной Европы». Основной предпосылкой для реализации этого плана послужило осознание «связанности и взаимной обусловленности» исторических исследований в славянских странах и необходимости координации и консолидации усилий ученых. Отсутствие на конференции представителей ряда славянских и неславянских стран (Советской России, Болгарии, Румынии, Греции и некоторых др.), а также недостаточные полномочия отдельных ее участников привели к принятию лишь принципиального решения о создании союза исторических организаций. Однако высказывалась надежда на скорое окончательное решение этого вопроса, которое «послужит основанием для ряда коллективных и согласованных научных начинаний»¹⁸. Одно из них, обсуждавшееся на конференции, – это составление словаря славянских древностей (по проекту, изложенному в докладе проф. Фр. Буяка¹⁹). Вопрос вызвал дискуссию²⁰, в результате которой было решено образовать специальную постоянную комиссию для организации дальнейших работ в этой области²¹.

Среди научно-организационных докладов были выступления на темы более частного характера. Так, профессор Хорват²² из Будапешта представил проект курса лекций балканской истории, д-р Кордуба²³ (Львов) говорил о необходимости организованного собирания географических наименований, профессор Шмид²⁴ (Грац) изложил свои соображения о развитии славяноведения в Германии и др.²⁵

Научная программа конференции включала не очень большое число докладов, не объединенных одной тематикой. Польский профессор Розвадовский²⁶ (Краков) сделал доклад «Критические замечания по вопросу о первоначальной родине славян»; профессор Балодис²⁷ (Рига) познакомил коллег с итогами археологических разысканий в пограничных областях латышско-славянского расселения; д-р Крипякевич²⁸ (Львов) представил обзор современного на тот момент состояния украинской историографии; тема доклада профессора Лукинич²⁹ (Будапешт) – «Польская корона и трансильванские князья в XVI–XVII вв.»; пражский профессор Новотный³⁰ коснулся событий чешской истории XV в. («Польско-литовская кандидатура на чешский трон (1420–1422 гг.)»); выступление профессора Уортон³¹ из Лондона было посвящено истории печатного дела в государствах Восточной Европы и славянских землях. Были также заслушаны сообщения доцентов Таниша (Бреслау) и Мансикка³² (Хельсинки). На торжественном приеме в честь участников конференции в Краковском университете выступил профессор этого университета Кутшеба³³ с докладом «Сочетание восточного и западного влияний в истории славянского права»³⁴. Как видно из перечисления докладов, их проблематика была самой разной. К тому же одни доклады имели по преимуществу информационный («осведомительно-отчетный») характер, другие касались «вопросов взаимодействия отдельных народов или же отдельных общих вопросов истории»³⁵. Следует заметить, что не все докладчики являлись историками – были и филологи, и историки права, и историки искусства, но их объединяла проблематика истории славянства, понимаемая в широком плане.

Среди произнесенных докладов особо стоит отметить выступления эмигрантов из России. Профессор А. В. Флоровский, представитель пражской русской научной эмиграции, в своем докладе дал сжатый очерк истории русско-чешских культурных и политических отношений. Выступил на конференции и профессор-правовед Ф. В. Тарановский³⁶ из Белграда, преподававший в университете историю славянского права, – он рассмотрел идеографические черты старого сербского права. Оба профессора сделали доклады на темы,

которыми начали заниматься уже будучи в эмиграции. Кроме того, с докладами выступили еще трое русских ученых из Праги: историк Б. А. Евреинов³⁷ – о реформах центральной власти в России при Александре I, искусствовед Н. Л. Окунев³⁸ – об архитектуре Пскова, историк В. В. Саханев³⁹ – о мотивах орнаментов и сюжетах в русском народном искусстве⁴⁰.

Почти третья часть выступлений на конференции приходилась на долю русских эмигрантов. Русские докладчики по численности преобладали даже над представителями славянских стран, хотя, конечно же, выступали не от имени своей родины, а как посланцы эмигрантских организаций стран пребывания (в основном – Чехословакии).

Доклады, прозвучавшие на конференции, были опубликованы в специальном издании, вышедшем в Варшаве в 1928 г.⁴¹

В списке участников конференции значились ученые из Советской России – академик Е. В. Тарле, член-корр. А. Е. Пресняков, профессор А. Н. Ясинский, академик Украинской АН А. Е. Крымский и др. Однако никто из указанных лиц на конференцию не приехал⁴².

В программе конференции значился доклад представителя Академии наук СССР из Ленинграда, но ни его имя, ни тема выступления не сообщались. Предполагалось, что это должен был быть ленинградский профессор Б. Л. Богаевский⁴³, который был на приеме в Польском историческом обществе накануне открытия конференции в качестве делегата от научных организаций Советской России. Его приезд (в результате предварительных договоренностей организаторов конференции с советской стороной) «не мог не рассматриваться как фактическое доказательство желания и согласия русских исторических организаций принять активное участие в работах конференции». Богаевский был включен в состав президиума конференции, а также в список выступающих с приветствиями на открытии конференции, но ни на открытии форума, ни на его заседаниях он не появился⁴⁴. В одной из варшавских газет сообщалось, что Богаевского отозвали из Польши ввиду невозможности присутствия советского ученого на конференции, в которой принимают участие русские эмигранты⁴⁵. В кулуарах конференции ходили слухи (в общем-то имевшие под собой основание) о недовольстве АН СССР «стремлением польских ученых занять центральное место в организации изучения восточной Европы», а также об обиде за «неприглашение некоторых учреждений Сов[етской] России в Варшаву...». Подобный демарш со стороны СССР был адекватно оценен участниками конференции, которые поняли, что «источником этой истории с проф. Богаевским были соображения не ученые, а чисто политические»⁴⁶.

Участие русских ученых-эмигрантов в конференции могло бы быть значительно шире, но незадолго до этого польское правительство на основании «Закона об иностранцах»⁴⁷ отказало в разрешении на въезд профессору В. А. Мякотину⁴⁸ для чтения публичных лекций, и многие эмигранты решили, что их приезд в Варшаву окажется нежелательным или невозможным (о чем сообщалось в открытом письме С. П. Мельгунова⁴⁹ профессору М. Хандельсману)⁵⁰. Но пражские русские исторические организации все же признали «необходимым принять участие в конференции», направив туда своих представителей. В состав делегации вошли: А. В. Флоровский, Н. Л. Окунев, В. В. Саханев, Б. А. Евреинов и И. О. Панас⁵¹. Как отмечал по окончании конференции А. В. Флоровский, никакого недоверия и вражды между польскими и русскими учеными не было, наоборот, имело место «постоянное благорасположение и содействие, которое русская делегация встречала со стороны всех польских ученых...». Он также подчеркивал «признание польскими научными организациями за русской ученой эмиграцией прав *особого представительства* (курсив мой. – Е. А.) на конференции, построенной на принципе национального научного представительства...»⁵². Это признание было весьма важно для эмигрантских ученых, имевших возможность только в таком формате выступать от имени России, не отделяя себя от своей родины и русской науки в новых условиях научной деятельности.

Русские вели активную работу в рамках конференции. Они выступили с пятью докладами и двумя приветственными речами (А. В. Флоровский на открытии конференции, Н. Л. Окунев – на закрытии⁵³), участвовали в дискуссиях. Кроме того, А. В. Флоровский входил в состав общего президиума конференции, членом президиума организационной секции был Н. Л. Окунев, Ф. В. Тарановский председательствовал на заседаниях, во время которых обсуждалась идея создания словаря славянских древностей.

В заключительный день конференции были решены важные организационные вопросы, связанные с созданием Федерации. Главным органом была признана конференция ее членов, которая должна проходить каждые два года (однако эту периодичность не удалось выдержать). Были образованы постоянные органы Федерации, которые состояли из трех комиссий – и там представляли русские ученые. Первым председателем Исполнительного комитета (или Президиума), состоявшего из 10 человек, стал директор Чешского земского архива Я. Новак⁵⁴ (1927–1933), затем – Я. Бидло⁵⁵ (1933–1937), а после его смерти – И. Лукинич. Генераль-

ным секретарем избран Я. Рутковский⁵⁶ (Познань), вскоре⁵⁷ его сменил В. Лопачинский⁵⁸ (Варшава); членами Президиума стали: М. Кордуба (Львов), Я. Мелик⁵⁹ (Будапешт), Ф. Шишич⁶⁰ (Загреб), С. Закшевский⁶¹ (Львов) и др. В состав комитета вошел А. В. Флоровский – он принимал участие в заседаниях всех рабочих органов Федерации, в том числе сессий Исполнительного комитета в Варшаве, Праге, Будапеште, Цюрихе⁶².

На форуме было принято решение о создании редакционной комиссии под председательством И. Лукинича (Будапешт). Членами комиссии были: Ф. Балодис (Рига), Я. Бидло (Прага), В. Мансика (Хельсинки), А. Музаффер-бей⁶³ (Стамбул), Ф. Шмид (Грац), Ф. Шишич (Загреб). В комиссию вошел также Н. Л. Окунев. Через несколько лет в составе комиссии произошли некоторые изменения, из прежних членов остались Бидло, Окунев, Шмид, Шишич, в то же время комиссия пополнилась новыми членами: А. Цедерберг⁶⁴ (Хельсинки), Н. Йорга⁶⁵ (Бухарест), Й. Иванов⁶⁶ (София), А. Спекер⁶⁷ (Рига)⁶⁸. Издательская комиссия работала весьма интенсивно. Ее сессии проходили в Варшаве, Риге, Праге, Будапеште, Цюрихе⁶⁹.

Основным объектом деятельности комиссии являлся печатный орган Федерации, решение об издании которого было принято на конференции 1927 г. Главным редактором информационного бюллетеня – «Bulletin d'information des sciences historiques en Europe orientale» – стал М. Хандельсман, секретарем – Т. Мантейфель⁷⁰. Бюллетень издавался на французском языке, чтобы облегчить знакомство европейского читателя с литературой на славянских языках.

Третий постоянный орган Федерации – комиссия по составлению словаря славянских древностей (председатель – Фр. Буюк, секретарь – А. В. Флоровский). Заседания словарной комиссии проходили во Львове, Праге, Варшаве⁷¹.

Вполне естественно, что «резиденцией Федерации» стала Польша – там находилась редакция Бюллетеня, генеральный секретарь Исполнительного комитета избирался из среды польских историков⁷².

Активное вовлечение русских в различные комитеты и комиссии лишний раз подчеркивало то внимание, «с которым они были встречены и приняты в Варшаве»⁷³. Не без гордости Флоровский замечал, что «русский язык звучал на конференции чаще, чем иные славянские языки, кроме, конечно, польского»⁷⁴.

В результате работы конференции «были заложены основы для научного сотрудничества едва [ли] не всех славянских народов». Начинание оказалось удачным; оно внушало оптимистические на-

дежды на дальнейшее «широкое и благоприятное развитие» общего дела, в котором русская историческая наука сможет занять достойное место⁷⁵. Заметим, что когда в то время речь шла о «русской науке», то имелась в виду вообще русская историческая наука – включая и «советскую», и «эмигрантскую».

Однако шло время, а советские исторические научные учреждения не присоединялись к образовавшейся Федерации, и русскую науку в ней представляли по-прежнему только эмигрантские организации. Спустя несколько лет (в 1932 г.) в Праге состоялся съезд рабочих органов Федерации. Приветствуя участников съезда от имени ученых-эмигрантов, А. В. Флоровский подтвердил, что русские историки и на чужбине хранят «дорогие традиции русского свободного и независимого исторического знания, традиции, преследуемые и гонимые» на родине. Оценивая вклад первой международной конференции историков славянских и восточноевропейских стран, Флоровский отметил, что она продемонстрировала стремление «к объединению научных усилий» для изучения прошлого славянских народов, которое с тех пор уже «перешло в дело». Ученый особо подчеркнул, что русские историки-эмигранты «находят для себя высокое удовлетворение в том, что они могут посылно представлять» в работе Федерации «интересы русской науки» вообще и исторической науки в частности⁷⁶.

Деятельность Федерации проходила не без трудностей, основная из которых лежала в финансовой сфере – остро чувствовалось влияние экономического кризиса и последовавшей за ним депрессии. Большие проблемы возникали со сбором членских взносов – практически половина членов Федерации в 1932 г. являлись должниками. В 1927 г. предполагалось, что Федерация организует обмен профессорами и студентами между входящими в нее странами, но она столкнулась с отсутствием формального права и материальных возможностей⁷⁷. Были сложности со своевременным изданием Бюллетеня и с приездом делегатов на конференции. Первоначально планировалось, что Исполнительный комитет будет собираться на свои заседания каждые два года, однако после встречи в Варшаве в 1927 г. следующее собрание состоялось только в мае 1932 г. в Праге; вместо полноценной конференции удалось провести лишь сессию трех комиссий⁷⁸. Намерение проводить конференции Федерации раз в пять лет, за год до конгрессов МКИН, тоже не осуществилось. Тогда было решено, что конференции будут проводиться непосредственно перед международными конгрессами исторических наук⁷⁹.

В соответствии с этим решением II конференция Федерации исторических обществ Восточной Европы (и славянских стран⁸⁰) проходила 19–20 августа 1933 г. в Варшаве. В ней приняли участие 46 представителей организаций, входящих в Федерацию⁸¹. На конференции обсуждались вопросы текущей деятельности и было заслушано пять научных докладов⁸². Советская историческая наука вновь не была представлена. В этот период в ней усиливалось влияние марксистской идеологии; неблагоприятное воздействие на ее развитие оказывала так называемая «школа Покровского». Наблюдался отказ от исследовательских традиций прошлого. Славяноведение подвергалось незаслуженным нападкам, а слависты – необоснованным репрессиям⁸³. Историческая наука в СССР не была свободной, независимой и объективной. Представлять российских историков, хранящих «лучшие традиции *свободной* русской исторической науки», вновь выпало на долю эмигрантов. Именно эту цель – сохранение традиций – ставило перед собой Русское историческое общество в Праге, которое, впрочем, не могло «похвастаться ни длительностью своей жизни, ни богатством и значительностью своих научных достижений». От имени РИО конференцию (как и в 1927 г.) приветствовал А. В. Флоровский⁸⁴. В обращении к ее участникам он акцентировал внимание на возможности открытого выражения своего мнения, что поставил в заслугу Федерации, которая является одной «из немногих научных организаций международного характера», где еще полноправно представлена «русская свободная» (то есть эмигрантская) наука. Теперь уже Флоровский отделяет историков-эмигрантов от тех советских историков, «кто не признает иного знания, кроме подчиненного требованиям политики, власти и класса, кроме науки, служащей ограниченным интересам социального заказа партии и ее идеологии». Возможность осуществления объективных и непредвзятых исследований настолько важна для ученых старой школы, что в конце своей приветственной речи Флоровский еще раз обращает на это внимание, провозглашая: «...да процветает свобода в области изучения истории Восточной Европы и славянского мира и да живет независимая историческая наука!»⁸⁵

Вторая конференция Федерации состоялась накануне VII Международного конгресса исторических наук (Варшава, 1933), в подготовке которого (как и следующего, VIII-го – в Цюрихе в 1938 г.) Федерация принимала непосредственное участие. Как было с сожалением отмечено участником этого форума А. В. Флоровским, несмотря на

проведение конгресса в славянской стране, ни один славянский язык не был включен в список официальных языков, хотя многим участникам «была доступна и понятна славянская речь». Особенно важно было бы использование славянских языков в XV-й секции – по истории Восточной Европы. В результате некоторые докладчики явочным порядком выступали на польском и русском языках⁸⁶.

Третья конференция Федерации проводилась в Цюрихе 26–27 августа 1938 г. (накануне открытия VIII Международного конгресса исторических наук). Наряду с организационными вопросами, на ней было заслушано четыре научных доклада, и прошла она «в скромной деловой обстановке»⁸⁷.

Одной из важнейших сторон деятельности Федерации и ее безусловным достижением можно считать издание информационного бюллетеня. В 1928 г. вышел первый том, в 1939 г. – последний, девятый (большинство томов выходило в четырех выпусках)⁸⁸. В бюллетене помещались сообщения о текущей деятельности Федерации и ее комиссий, информация об исторических обществах некоторых стран, однако основное ядро публикаций составляли обзоры исторической литературы новейшего периода (преимущественно за 1920-е гг.) по отдельным странам. Особый интерес представляла информация об исторических исследованиях в государствах, возникших после Первой мировой войны, где только начинали формироваться исторические концепции в условиях независимого развития. Такие обзоры исторической литературы Эстонии, Латвии, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и других стран появились уже в четырех номерах первого тома бюллетеня⁸⁹. (Заметим, что таким образом Федерация вышла за рамки чисто славистической проблематики, раздвинув границы за счет национальной историографии стран-членов, входящих в нее.) Нельзя не отметить статью В. И. Пичеты, посвященную белорусской исторической литературе 1920-х гг.⁹⁰ Это была единственная публикация из СССР. Обзор советской украинской историографии после 1917 г. представил львовский профессор М. Кордуба⁹¹. Обширное описание исторической литературы Советской России дано А. В. Флоровским⁹². Автор довел свое обозрение до начала 1930-х гг., то есть до времени, когда к исторической науке стали предъявляться жесткие требования соответствия официальной идеологической и политической платформе. (Кроме того, как представитель русских эмигрантских научных организаций ученый взял на себя обязанности подготовки систематических библиографических обзоров⁹³ русской эмигрантской исторической литерату-

ры, которые имели значение не только для учета научных трудов в области истории, но и «для ознакомления западноевропейского научного мира с развитием русской исторической науки после войны 1914–1918 гг., после вызванного ею перерыва нормальных способов информации и научного общения между западом и востоком Европы»⁹⁴.) Аналогичные описания (развернутые обзоры или довольно подробные библиографии) в целом представляли (хотя и не без некоторых пробелов: не было обзоров литовской и болгарской исторической науки) развитие и достижения исторической науки в Восточной Европе за 1920-е гг. К сожалению, историография 1930-х гг. уже не нашла отражения в бюллетене Федерации.

Высказывались пожелания, чтобы наряду с библиографическими обзорами в бюллетене печатались и научные статьи, но на это не было средств. Однако некоторые статьи по вопросам методологии исторического изучения Восточной Европы были опубликованы в 6-м томе (Я. Бидло, М. Хандельсман, О. Галецкий). Но несмотря на все старания сделать бюллетень центром информации о развитии исторической науки в славянских и соседних с ними странах, печатный орган Федерации не получил широкого распространения даже в кругах историков⁹⁵.

Другое важное начинание Федерации – международный проект «Словарь славянских древностей» – оказалось трудным для реализации. Словарь предполагалось издать на польском языке, а затем на французском. Был разработан план и начато составление словника (однако окончательный вариант словника не был опубликован). В 1934 г. издан пробный выпуск словаря с несколькими статьями⁹⁶. Но в дальнейшем, по оценке Флоровского, работа находилась «в состоянии затишья», в частности из-за того, что трудно было объединить представителей всех славянских народов вокруг этого проекта⁹⁷.

Существует мнение, что после 1933 г. деятельность Федерации исторических обществ Восточной Европы пошла на спад⁹⁸. Причины этого можно искать в политической, экономической или иной области. Нельзя не учитывать и «конкуренцию» МКИН, более мощной организации, имевшей секцию Восточной Европы и в какой-то степени дублировавшей деятельность Федерации. К концу 1930-х гг. стало ясно, что Федерация переживает «период кризиса». Перед ней было «обширное поле для работы», требующей солидарности ученых разных стран, но сложная международная обстановка не позволила развернуть полностью программу, намеченную Федерацией⁹⁹. Прекращение существования этой организации, базировавшейся в

Польше, очевидно, связано с началом Второй мировой войны. Однако недолгое существование Федерации было довольно плодотворным. С первых же шагов ее деятельности было положено начало полезной инициативе изучения славянского мира, к сожалению, не получившей широкого развития в дальнейшем. Этому международному сообществу удалось сплотить в своих рядах многих ученых-историков – представителей различных научных организаций и учебных заведений большинства стран Восточной Европы, провести несколько конференций, начать осуществление большого научного проекта, организовать издательскую базу и наладить более или менее регулярный выпуск информационного бюллетеня, материалы которого содержат ценные историографические и библиографические сведения и дают представление о состоянии исторической науки в регионе в 20-е гг. XX в. Положительным является и тот факт, что с момента основания Федерации во всех ее мероприятиях и в работе постоянных органов принимали равноправное участие русские ученые-эмигранты. Попытки привлечь к сотрудничеству советских коллег не увенчались успехом, но само стремление к этому свидетельствовало о том, что Федерация была открыта для новых членов, для более широкого научного взаимодействия. Хочется надеяться, что привлечение новых материалов позволит более детально осветить различные стороны деятельности Федерации, которая представляет несомненный интерес с точки зрения истории науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Это наименование Федерации обозначено на ее бланках.
- 2 Название организации не может не удивлять, поскольку все славянские страны входили в обусловленные границы региона Восточной Европы, но, видимо, таким образом обозначалось присутствие в Федерации неславянских стран.
- 3 См.: *Bulletin d'information des sciences historiques en Europe orientale*. Varsovie, 1928. V. 1. № 1–2. P. 5–8.
- 4 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.
- 5 Там же. Л. 5.
- 6 Хандельсман Марцелий (1882–1945), историк, профессор Варшавского университета (1919–1939), член Польской академии знаний. Во время Второй мировой войны находился в подполье, погиб в фашистском концлагере.

- 7 См.: *Kloczowski J. East Central Europe in the Historiography of the Countries of the Region / Transl. by Ch. Garbowski. Lublin, 1995* (www.mlodszaeuropa.pl/uploads/publikacje/Kloczowski_Ksiazka_ENG.pdf) (17.01.2013); АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.
- 8 Институт основан в 1930 г., просуществовал до 1939 г. (о деятельности института см.: *Портнов А. Наука в вигнанні. Наукова і освітня діяльність української еміграції в міжвоєнній Польщі (1919–1939)*. Харьков, 2008. С. 155–186).
- 9 Pontificium Institutum Orientalium основан в Риме папой Бенедиктом XV в 1917 г. для изучения восточных церквей и восточнохристианской духовности. В 1922 г. управление институтом перешло к ордену иезуитов.
- 10 См.: *Kloczowski J. East Central Europe in the Historiography...*
- 11 См. письмо А. В. Флоровского В. А. Францеву от 30 декабря 1934 г. // АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 104. Л. 1об.
- 12 Этим обстоятельством, видимо, можно объяснить отсутствие специального интереса к деятельности и судьбе этой организации в отечественной историографии (в которой встречаются лишь отдельные краткие упоминания о Федерации).
- 13 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.
- 14 Там же. Д. 47. Л. 7.
- 15 Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968), историк, профессор Новороссийского университета (до 1922). В 1922 г. выслан из России, с 1923 г. профессор Русского юридического факультета и Русского народного (свободного) университета в Праге, профессор Карлова университета (с 1933 и в 1948–1957), член Славянского института в Праге (с 1929), член многих русских зарубежных научных организаций, в том числе Русского исторического общества в Праге (с 1925, председатель – 1938–1940), член Семинара (Института) им. Н. П. Кондакова (с 1925, в 1947–1952 – руководитель института), председатель Ученого совета Русского заграничного исторического архива (1933–1945) и др.
- 16 Польское историческое общество было основано в 1886 г., возродилось в независимой Польше в 1925 г.
- 17 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 16. Л. 5, 7–7об. Информацию о конференции и участии в ней русских эмигрантов вскоре после окончания мероприятия представил А. В. Флоровский в своей статье «Историческая конференция в Варшаве 27–29 июня 1927 г.», посланной им П. Б. Струве в Париж и опубликованной в газете «Возрождение» 26 июля 1927 г. В нашей статье ссылки даются на архивный экземпляр этой

- заметки – рукописный автограф, хранящийся в фонде А. В. Флоровского в Архиве РАН (Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17). Вторым важным документом, освещающим деятельность Федерации, является неопубликованная статья А. В. Флоровского «Федерация исторических обществ Восточной Европы и славянских стран» (1939, рукописный автограф), хранящаяся в фонде ученого в Славянской библиотеке в Праге: T-FLOR. Křab. XXXVII: Rukopisy (далее: *Флоровский А.* Федерация исторических обществ...). Благодарю Е. П. Серапионову за предоставленную мне возможность пользоваться этой рукописью.
- 18 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 1, 1об.–2.
- 19 Буюк (Вујак) Францишек (1875–1953), польский историк, экономист, профессор Ягеллонского (1909–1918 и с 1946), Варшавского (1919–1921), Львовского (1921–1939) университетов.
- 20 В частности, высказывалась мысль о создании словарей по каждому славянскому народу с последующим их объединением в общий словарь, но это предложение не было поддержано (см.: *Флоровский А.* Федерация исторических обществ... Л. 23).
- 21 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.
- 22 Вероятно, имеется в виду Енё Хорват (1881–1950), историк, член Венгерского внешнеполитического общества.
- 23 Кордуба Мирон Михайлович (1876–1947), украинский историк, публицист, переводчик, библиограф. Работал в Венской университетской библиотеке, член Научного общества им. Т. Г. Шевченко, собирал материалы для историко-географического словаря Галиции, профессор Львовского (с 1929 и с 1940) и Варшавского (с 1937) университетов.
- 24 Шмид (Schmid) Генрих Феликс (1896–1963), австрийский историк, историк права, славист, профессор славянской филологии в университете Граца (1923–1938, 1945–1948), директор Института восточноевропейской истории и юго-восточных исследований в Вене, председатель Международного комитета исторических наук (1960–1963), член Польской академии знаний (с 1929), Польской Академии наук (с 1959). Совместно с немецким славистом Р. Траутманном опубликовал программные задачи немецкой славистики (см.: *Schmid H. F., Trautmann R.* Wesen und Aufgaben der deutschen Slavistik. Ein Programm. Leipzig, 1927), с кратким изложением которой и выступил на конференции.
- 25 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.
- 26 Розвадовский (Rozwadowski) Ян Михал (1867–1935), польский языковед, профессор Ягеллонского университета (Краков), член Польской академии знаний (с 1903).

- 27 Балодис (Баллод) Франц Вольдемарович (1882–1947) – археолог, в 1912–1918 гг. работал в Московском археологическом институте, профессор Московского (1915–1918), Саратовского (1918–1923), Латвийского (1924–1940) университетов.
- 28 Крипякевич (Крип'якевич) Иван Петрович (1886–1967), украинский историк, ученик М. С. Грушевского, член Научного общества им. Т. Г. Шевченко, профессор Львовского университета (с 1939), директор Института общественных наук АН УССР (Львов), академик АН УССР (с 1958).
- 29 Лукинич Имре (1880–1950), историк, профессор, академик Венгерской академии наук.
- 30 Новотный (Novotný) Вацлав (1869–1932), чешский историк, исследователь гуситской эпохи, профессор Карлова университета в Праге.
- 31 Уортон Л. (Wharton L. С.), сотрудник Британского музея, автор раздела «Eastern Europe and Slavonic countries» в книге «Printing, a short history of the art» (Ed. by A. Peddie. London, 1927. P. 255–265). В данном разделе, в частности, дается краткая характеристика деятельности Ф. Скорины и И. Федорова.
- 32 Мансикка (Mansikka) Вильо Йоханнес (1884–1947), российский и финский филолог, фольклорист, действительный член Академии Финляндии (с 1924).
- 33 Кутшеба (Kutrzeba) Станислав (1876–1946), польский историк, историк права, Непременный секретарь (с 1927), президент (с 1939) Польской академии знаний.
- 34 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–4.
- 35 Там же. Л. 5.
- 36 Тарановский Федор Васильевич (1875–1936), правовед, историк права, профессор Юрьевского, Петроградского, Белградского (с 1920) университетов, действительный член Сербской академии наук (с 1933).
- 37 Евреинов Борис Алексеевич (1888–1933), историк, с 1920 г. в эмиграции, с 1923 – в Праге. Сотрудник Славянского института, один из организаторов и секретарь Русского исторического общества (РИО) в Праге, член Совета и ученой комиссии Русского зарубежного исторического архива (РЗИА), член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.
- 38 Окунев Николай Львович (1886–1949), историк искусства, специалист в области византийского и славянского искусства, ученик Н. П. Кондакова, преподавал в университетах Петрограда, Одессы, Скопье, а с 1925 г. – в Карловом университете (Прага).

- 39 Саханев Всеволод Васильевич (1885–1940), историк, этнограф, преподавал в Петербургском университете, Русском народном университете в Праге (с 1923), член РИО и РЗИА.
- 40 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–6.
- 41 См.: *Travaux de Conférence des historiens des états de l'Europe Orientale et du Mond Slave*. Varsovie, 1928.
- 42 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.
- 43 Богаевский Борис Леонидович (1882–1942), историк, филолог, археолог, антиковед, профессор (1920), ректор (1921–1922) Томского университета, профессор Петроградского/Ленинградского университета (с 1922), сотрудник Института материальной культуры АН СССР.
- 44 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 7–8.
- 45 См.: Там же. Л. 8.
- 46 Там же. Л. 9, 10.
- 47 В 1926 г. в Польше был принят «Закон об иностранцах»; согласно ему въезжать на территорию Польши можно было только с разрешения польских властей, в котором могло быть отказано без объяснения причин. В законе особо подчеркивалась вероятность отказа в визе, если предполагалось, что иностранец хочет остаться в стране. Положение усугубилось в июне 1927 г. после убийства полномочного представителя СССР в Польше П. Л. Войкова (см.: *Симонова Т. М. Русская эмиграция в Польше в 20–30-е гг. XX в. Некоторые аспекты проблемы сохранения национальной идентичности // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вторая половина XIX – первая половина XX в. М., 2009. С. 231–232, 234).*
- 48 Мякотин Венедикт Алексеевич (1867–1937), историк, профессор Петроградского университета, эмигрировал в Германию, с 1923 г. – в Праге, сотрудник РЗИА. С 1930 г. – профессор Софийского университета.
- 49 Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956), историк и публицист, один из лидеров народно-социалистической партии. Выслан в 1922 г., жил в Германии и Франции.
- 50 См.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 10–11.
- 51 Панас Иван Онуфриевич (1890–1976), украинский филолог, жил в Праге, директор русской гимназии, читал лекции для русских студентов в Карловом университете, профессор Русского народного университета, руководил издательством «Единство».
- 52 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 12.

- 53 Там же. Л. 14.
- 54 Новак (Novák) Ян Бедржих (1872–1933), историк, архивист, член Чехословацкой академии наук и искусств.
- 55 Бидло (Bidlo) Ярослав (1868–1937), чешский историк, славяновед и византист, профессор Карлова университета, в 1921–1935 гг. редактировал «Источники по истории Моравии».
- 56 Рутковский (Rutkowski) Ян (1886–1949), польский историк и экономист, член Польской академии знаний (1932), профессор Познанского университета (с 1919).
- 57 1 декабря 1928 г. (см.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 282. Л. 1).
- 58 Лопачинский (Łopaciński) Винценты Францишек (1886–1939), польский историк, архивист, секретарь Архивного совета (1918–1922), директор (с 1926) Архива Министерства вероисповеданий и народного просвещения в Варшаве.
- 59 Мелик (Melich) Янош (1872–1963), венгерский лингвист, академик Венгерской академии наук, профессор Будапештского университета, директор Национальной библиотеки им. Сечени, занимался, в частности, венгерско-славянскими языковыми связями.
- 60 Шишич (Šišić) Фердо (1869–1940), хорватский историк, академик Югославянской академии наук и искусств (с 1910), профессор Загребского университета (1910–1939).
- 61 Закшевский (Zakrzewski) Станислав (1873–1936), польский историк, медиевист, профессор Львовского университета (с 1907), председатель Польского исторического общества (1923–1932, 1934–1936), член-корреспондент (с 1919) и действительный член (с 1927) Польской академии знаний.
- 62 См.: *Флоровский А.* Федерация исторических обществ... Л. 9–10.
- 63 Музаффер Гёккер Али (1888–1959), турецкий историк, дипломат, политический деятель. Преподаватель на кафедре истории филологического факультета Стамбульского университета, декан факультета. Возглавлял Турецкое историческое общество. Посол Турции в Японии, депутат Великого национального собрания Турции.
- 64 Цедерберг (Cederberg) Арно Рафаэль (1885–1948), финский историк, первый директор Эстонского государственного центрального архива, преподавал в университетах Тарту и Хельсинки (курсы по истории Финляндии и Скандинавии).
- 65 Йорга (Jorga) Николае (1871–1940), румынский историк, византист, писатель, политик, академик Румынской академии (с 1911).
- 66 Иванов Йордан (1872–1947), болгарский историк, археолог, историк литературы и фольклорист.

- 67 Спекке (Spекке) Арнолдс (1887–1972), латвийский историк, дипломат. Окончил Московский университет (1915). Ряд работ посвящен балто-славянским отношениям. С 1933 по 1939 – посол Латвии в Греции, Болгарии, Албании, Италии. Эмигрировал в США.
- 68 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 17. Л. 13; Оп. 2. Д. 472. Л. 1–9.
- 69 См.: *Флоровский А.* Федерация исторических обществ... Л. 11.
- 70 Мантейфель Тадеуш (1902–1970), польский историк-медиевист, академик (с 1958), директор Института истории ПАН, председатель Польского исторического общества (1950–1953).
- 71 *Флоровский А.* Федерация исторических обществ... Л. 20.
- 72 См.: Там же. Л. 4.
- 73 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 14.
- 74 Там же. Л. 15.
- 75 Там же.
- 76 Там же. Д. 16. Л. 1–3.
- 77 См.: *Флоровский А.* Федерация исторических обществ... Л. 7.
- 78 Из письма В. Лопачинского А. В. Флоровскому следует, что заседание Исполнительного комитета предполагалось созвать в мае 1931 г. в Будапеште, а общую конференцию в сентябре того же года в Праге, но из-за «технических трудностей» съезд рабочих органов был перенесен в Прагу на май 1932 г. (см.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 282. Л. 3).
- 79 См.: *Kloczowski J.* East Central Europe in the Historiography...; *Флоровский А.* Федерация исторических обществ... Л. 8.
- 80 Так продолжали именовать ее русские участники.
- 81 *Kloczowski J.* East Central Europe in the Historiography...
- 82 См.: *Флоровский А.* Федерация исторических обществ... Л. 9.
- 83 Подробнее об этом см.: *Аксенова Е. П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000; *Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994; *Горяинов А. Н.* В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006; *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.
- 84 См.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 45. Л. 2–2об.
- 85 Там же. Л. 3об.–4об.
- 86 Там же. Д. 47. Л. 3–4.
- 87 См.: Там же. Оп. 2. Д. 282. Л. 4; *Флоровский А.* Федерация исторических обществ... Л. 1. К сожалению, мы не располагаем сведениями о составе участников и программе второй и третьей конференций Федерации.

- 88 Bulletin d'information des sciences historiques en Europe orientale. Varsovie, 1928. V. 1. № 1–2, 3–4; 1929. V. 2. № 1–2, 3–4; 1930. V. 3. № 1–2, 3; 1931. V. 4. № 1; 1932. № 2, 3–4; 1933. V. 5; 1933. V. 5 (добавочный том); 1934. V. 6. № 1–2, 3–4; 1935. V. 7. № 1–2; 1937. № 3–4; 1938. V. 8; 1939. V. 9. № 1–2. (Далее – Bulletin...)
- 89 См.: Bulletin... V. 1. № 1–2, 3–4.
- 90 *Piceta V.* La littérature historique Blanceruthène. Compte rendu 1921–1926 // Bulletin... V. 1. № 3–4. P. 213–222.
- 91 *Korduba M.* La littérature historique soviétique-ukrainienne. Compte rendu. 1917–1931 // Bulletin... V. 7. № 3–4. P. 133–196; V. 8. P. 51–97.
- 92 *Florovsky A.* La littérature historique soviétique-russe. Compte-rendu, 1921–1931 // Bulletin... V. 6. № 3–4; V. 7. № 1–2 (общий объем – 175 с.).
- 93 См. библиографию трудов А. В. Флоровского в кн.: *Пауцто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 179–183.
- 94 АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 185. Л. 40–41.
- 95 *Флоровский А.* Федерация исторических обществ... Л. 11–12.
- 96 *Slownik Starožitności Słowiańskich. Zeszyt próbny.* Warszawa, 1934.
- 97 *Флоровский А.* Федерация исторических обществ... Л. 21.
- 98 См.: *Kloczowski J.* East Central Europe in the Historiography...
- 99 *Флоровский А.* Федерация исторических обществ... Л. 34.

Aksionova E. P.

Federation of Historical Societies of Eastern Europe
and Russian Emigrant Scholars

The article treats the foundation of the Federation of historical societies of Eastern Europe and its activities in 1927–1939, organisation of scholarly conferences, publication of information bulletin. It also highlights an active participation of Russian emigrant scholars in the work of the Federation.

Keywords: *Federation of historical societies of Eastern Europe, Russian emigrant scholars, historical conferences, history of Slavic peoples, historiography.*

*А. А. Пивоваренко
(Москва)*

Становление СМИ в независимой Хорватии

В статье анализируется ход и особенности процесса становления в Хорватии средств массовой информации в первые годы независимости. Особое внимание уделяется переменам, произошедшим в деятельности СМИ в 1990–1991 гг., а также направлениям перемен, произошедших в 2000-е гг. В рамках статьи рассматриваются также законодательные и финансовые основы деятельности хорватских органов печати.

Ключевые слова: *Хорватия, Ф. Туджман, ХИНА, ХРТ, Радио 101.*

Развитие СМИ в Хорватии в первые годы независимости определялось следующими особенностями. Во-первых, объективной ситуацией, сложившейся в республике в 1990–1995 гг. Борьба за независимость и международное признание, ведение войны на собственной территории и в соседней Боснии и Герцеговине, создание устойчивого образа страны за рубежом, информационная работа с собственным населением, направленная на поддержание лояльности и патриотических чувств, – все это требовало от нарождавшихся хорватских медиа определенной централизации.

Во-вторых, следует сказать о достаточно специфическом понимании хорватским руководством понятия «демократия» и тесно связанного с ним понятия «свободная пресса». Хотя пришедшая в 1990-е гг. к власти партия «Хорватское демократическое содружество» (ХДС) и ее лидер Ф. Туджман декларировали создание в республике демократии западноевропейского типа, она понималась скорее как проявление национального единства на пути к государственной независимости. «Власть верила, что самим фактом проведения демократических выборов была гарантирована демократия и что на этих выборах правящей партии было предоставлено легитимное право выносить решение от имени общественных интересов», – отмечает исследовательница хорватских медиа Н. Зграблич¹.

Однако после провозглашения демократии хорватские СМИ по определению не могли быть полностью государственными. По этой причине государство выбрало путь непрямого контроля посредством введения строгих законодательных норм, усиления государственных информационных агентств, передачи частных изданий под контроль

владельцев, близких ХДС. Эффективность и качество СМИ в первые годы независимости оценивались главным образом по степени ответственности их позиции официальному мнению руководства страны. Такова была третья особенность.

Четвертая особенность заключалась в том, что по мере ослабления военной напряженности и увеличения интеграции Хорватии в международное сообщество в качестве независимого государства отмеченные выше принципы вступали в противоречие с традиционными представлениями о так называемой «свободной прессе», которые у хорватского общества, определенно, имелись. Несоответствие ситуации в Хорватии этим представлениям, необходимость преодоления этого противоречия определили вектор изменений, начавшихся в хорватских СМИ во второй половине 1990-х гг.

Формирование облика хорватских средств массовой информации началось вскоре после первых многопартийных выборов 22 апреля 1990 г., на которых победила партия «Хорватское демократическое содружество». Уже 31 мая 1990 г. был утвержден в должности новый министр информации Хорватии Милован Шибл.

Вскоре после назначения начались массовые увольнения. 8 июня был смещен со своего поста редактор издательского дома «Виесник» С. Маодушу. Его место занял редактор международного отдела «Виесника» Х. Бишчевич. «Это, безусловно, маститый журналист, но его перу принадлежат статьи, направленные против Сербии», – отмечал корреспондент ТАСС в Загребе В. Кузнецов². Был уволен главный редактор газеты «Вечерний лист» С. Андрашич. Как отмечал тот же Кузнецов, Андрашич держал в своем столе заявление об отставке с первого дня прихода новой власти. Появились слухи об отставке руководителей телевидения и радио Загреба Г. Радмана и М. Куленовича. Под жесткое давление ХДС попали главреды загребских журналов «Викенд» и «Арена» Д. Живкович и У. Шошкич³.

В целом в период с 1990 по 1993 г. некоторые издания сменили по 3-4 редактора, рабочих мест лишились около 30% журналистов «югославской школы»⁴. На смену им пришли молодые, национально ориентированные журналисты, такие как Е. Ловрич и Т. Торбарина, которые быстро стали популярными и даже модными. Их публикации вполне предсказуемо вызывали негативные отзывы у более старших, проюгославски настроенных коллег⁵.

По мнению английского журналиста М. Таннера, работавшего в 1990-е гг. в Загребе, причиной массовых увольнений являлась убежденность нового министра информации, что в республике не

могут работать журналисты нехорватского происхождения и проюгославской ориентации, так как они «ненавидят Хорватию»⁶. Это наблюдение отлично показывает эмоциональную окраску происшедших перемен, представлявших собой, по сути, обыкновенную чистку кадров.

Важным направлением деятельности стало создание «национальных» информационных агентств. 29 июня 1990 г. «Радиотелевидение Загреба» – первое республиканское средство вещания, образованное в 1956 г. на базе «Радио Загреба», которое появилось еще в 1924 г., – было преобразовано в «Хорватское радиотелевидение» (ХРТ). Здесь Хорватия следовала по пути Словении, переименовавшей в 1990 г. «РТВ Любляны» в «Словенское радиотелевидение». 1 января 1992 г. РТВ Белграда, Нови-Сада и «Радио Приштина» образовали «Радиотелевидение Сербии».

28 июля 1990 г. создано «Хорватское информационное новостное агентство» (ХИНА). В его обязанности входили сбор, обработка и распространение информации о деятельности правительства, политических, общественных и культурных событиях «в Республике, других республиках и краях и за рубежом». Также в задачи агентства входил рассказ о «жизни хорватского эмигрантского сообщества и информирование информационных органов диаспоры о событиях в Республике»⁷. Первым директором ХИНА стал известный публицист и деятель «Хорватской весны» Й. Шентия.

Отметим, что государственное информагентство находилось под строгим политическим контролем. Кандидатуры на пост директора ХИНА и его заместителя утверждались Сабором, главный редактор – правительством. Было также создано надзорное вече – управляющий орган из 20 человек, ответственный за выработку редакционной политики. 10 человек назначались решениями Сабора, 10 – правительством. В совете директоров ХРТ состояло 19 человек. 10 из них представляли ХДС, 1 – Хорватскую партию права⁸.

В результате контроль за СМИ перешел к новому руководству уже через несколько месяцев после его утверждения у власти. Следует напомнить, что в это время Хорватия еще была союзной республикой, находившейся в составе СФРЮ (Югославии). Быстрая переориентация СМИ предоставляла новым хорватским лидерам широкие возможности для информационного воздействия на население, его подготовки к решающим событиям, таким как референдум о независимости Хорватии (19 мая 1991 г.), Декларация о независимости (25 июня 1991 г.).

Одной из составляющих новой информационной политики было информационное противоборство со СМИ, которые можно назвать проюгославскими. 25 января 1991 г. телевидение Белграда показало документальный фильм о подготовке Хорватии к силовому отделению от Югославии. Центральным сюжетом фильма стала видеозапись, сделанная скрытой камерой, на которой министр обороны Хорватии М. Шпегель и министр внутренних дел Й. Больковац (хотя качество видеозаписи не позволяет говорить об этом с полной уверенностью) обсуждали закупку очередной партии вооружения, планы по блокированию подразделений Югославской армии (ЮНА), дислоцированных в республике, нападению на офицеров ЮНА⁹.

В феврале 1991 г. хорватские СМИ начали информационную кампанию против ЮНА. В газетах и журналах появились следующие заголовки: «Армия не отступает», «Сценарий военного удара», «Почему над Хорватией кружит призрак военной интервенции?», «Хорватия – не Литва» (сравнение с событиями в Вильнюсе в январе 1991 г. – А. П.) и т.п.¹⁰ Эту кампанию можно считать одним из первых примеров информационного противоборства Загреба и Белграда, которое стало предвестником противоборства военного.

После начала военных действий контроль над СМИ в Хорватии только усилился. Все военные годы их деятельность регулировалась весьма жестким законом «Об информационной деятельности в условиях военного положения»¹¹. Запрещалось публиковать сведения, которые могут нанести вред обороноспособности Хорватии, включая документы, данные о вооруженных силах хорватской армии. Решение о запрете новостных сюжетов принимало министерство информации. В случае если издание было замечено в распространении «запретных данных» два раза и более, министерство получало полномочия закрыть его. Журналисты, замеченные в разглашении запретных сведений, могли быть наказаны тюремным сроком до 5 лет. Подвергались цензуре новости, приходившие из-за рубежа. Во второй половине 1990-х актуальность приобрели статьи за «оскорбление» государственных лиц, под которым могла пониматься обычная критика¹².

В условиях военного времени введение таких мер было вполне естественным шагом. Однако они вступали в противоречие с европейскими принципами, к которым на законодательном уровне так стремилось молодое государство. В декабре 1990 г. Хорватия приняла резолюции Совета Европы о свободе слова. Общие принципы свободы печати были зафиксированы в ряде государственных законов и ст. 38 конституции¹³.

Другим следствием государственной политики в области СМИ стало формирование мифологии, связанной с войной за независимость. Классическими методами создавался «образ врага», преувеличивались масштабы преступлений противника, но скрывались преступления хорватских сил в отношении мирных сербов¹⁴, героизировались хорватские участники событий. Примером последнего является история журналиста радио Вуковара С. Гладаревича, голос которого в самые сложные дни войны рассказывал о событиях из центра осажденного города¹⁵.

Об особенностях работы в годы войны говорил известный журналист ХРТ М. Лилич: «Хорватскому телевидению не оставлено выбора: нам почти ежедневно приходится повторять одни и те же сюжеты, и это оставляет впечатление слабой и монотонной информации. Но если мы показываем трагические сюжеты, то следуют обвинения в распространении пораженческих настроений»¹⁶. Откровенное ведение пропаганды было в порядке вещей. Директор ХРТ А. Врдоляк считал свою работу «частью долга перед родиной в ее борьбе за выживание». М. Шибл говорил, что «единственным местом, где вы можете прочитать правду о президенте Туджмане, являются новости ХИНА»¹⁷.

Несмотря на это, процесс международного признания хорватских СМИ прошел достаточно быстро. В 1993 г. ХИНА вступило в Европейский альянс информационных агентств (ЕАНА)¹⁸, а ХРТ стало членом Европейского вещательного союза (ЕВУ)¹⁹. Это, правда, не отменяло международной критики. 5–6 февраля 1994 г. Международная федерация журналистов²⁰ попыталась провести в Загребе региональную конференцию. Целью было восстановление сотрудничества и попытка создания единого балканского пресс-центра. Конференцию посетило всего 10 человек, не приехали приглашенные журналисты из Словении и Сербии, в том числе из Воеводины и Косово. Глава МФЖ А. Уайт назвал принимавшую сторону «незайнтересованной в сотрудничестве» и пригрозил исключением ее из организации²¹.

И все же «четвертая власть» постепенно становилась на путь демократического развития. К 1994 г. в Хорватии было зарегистрировано более 100 крупных газет и журналов. Был принят Закон о телекоммуникациях, разрешивший создание коммерческих радиостанций и телеканалов разными лицами (к 1997 г. их насчитывалось уже 107). В 2 раза увеличилось число местных радиостанций, появилось 10 частных телеканалов. В 1996 г. было создано объединение «Мрежа ТВ», подорвавшее монополию ХРТ²².

Крупнейшими изданиями были газеты «Виесник» (тираж 50 000 экз.), «Слободна Далмация» (100 000 экз.), «Вечерний лист» (200 000 экз.), журнал «Глобус» (250 000 экз.). Некоторые издания распространялись за рубежом, в частности, в ФРГ. Однако имелись большие сложности с печатью. Хорватия не имела достаточного количества типографий, из-за чего малым и частным изданиям приходилось сотрудничать с государственными типографиями и рынками сбыта. Из-за этого по сравнению с довоенными временами тираж «Виесника» сократился в 3 раза (со 150 тыс. экземпляров), а «Вечернего листа» – в 2 раза (с 400 тыс. экземпляров)²³. За пять лет из-за войны на 80% была уничтожена инфраструктура ХРТ. В этих условиях главным производителем информационного продукта оставалась ХИНА. В день давалось 250 выпусков новостей на хорватском языке и 50 на английском. Делались обзоры международной прессы.

Как отмечает Е. Юришич, в 1990-е гг. «авторитетным изданиям» («Вечерний лист», «Слободна Далмация») пришлось столкнуться с жесткой конкуренцией со стороны еженедельников («Глобус», «Национал»), тяготеющих к «желтой прессе», что привело к падению популярности последних. Но конкуренция привела также к росту качества и количества услуг солидных изданий, которые улучшили свое оформление, расширили тематику публикаций и создали собственные еженедельные журнальные приложения²⁴. Можно предположить, что эта картина сохраняется и сейчас: крупнейшие издания подробно освещают события всех рубрик, начиная от политики и экономики, заканчивая спортом и жизнью знаменитостей. Специализированные СМИ, развивающие отдельные рубрики, либо проигрывают конкуренцию, либо входят в состав крупных информационных холдингов.

Еще одной проблемой была слабая правовая основа. В законодательной базе не было положений, регламентирующих статус частных СМИ, гарантирующих участие в них зарубежного капитала²⁵. Это открывало двери для не всегда чистых приватизационных операций, в результате которых издания переходили под контроль лиц, близких ХДС. Наиболее известными в этом отношении стали истории с приватизацией изданий «Слободна Далмация» и «Данас». Контроль над газетой «Слободна Далмация» получил известный бизнесмен М. Кютле, близкий правительственным кругам. В случае с журналом «Данас» правительство вначале запретило его покупку бизнесменам, близким к диаспоре, а затем передало 85% акций еженедельника другой группе, которая не проявила интереса к продол-

жению его издания. Отметим, что за процессом приватизации СМИ следили международные организации. Данные эпизоды стали причиной отмены в 1993 г. ряда кредитов со стороны Европейского банка реконструкции и развития и Мирового банка²⁶.

Первым СМИ со 100-процентным частным бюджетом стал журнал «Глобус», финансирующийся диаспорой из США и Канады²⁷. 18% акций «Вечернего листа» принадлежали журналистам, 7% – государству. Контрольный пакет, как считается, принадлежал лицам, близким к ХДС²⁸. Отсутствие цивилизованных трудовых отношений, сопутствовавшее приватизации, приводило к правовой и социальной незащищенности работников. «Владельцы еще не уверены в том, что они обязаны платить за работу, в том числе сверхурочную, ночную и по выходным, а также за больничные. Но они уверены в том, что могут привести любого с улицы и сделать из него журналиста, как они его представляют. Это один из самых сильных их аргументов перед работниками», – говорила в то время руководитель профсоюза журналистов Я. Попович²⁹.

Можно выделить две точки зрения на вопрос приватизации СМИ. Согласно первой, приватизация СМИ не отличалась от приватизации других сфер хозяйства и отвечала планам Ф. Туджмана по созданию в стране узкой прослойки предпринимателей, владевшей значительной частью общественного богатства³⁰. Согласно второй точке зрения, передать СМИ в частные руки власть вынудила тяжелая экономическая ситуация, и логично, что владельцами становились лояльные ей предприниматели. В итоге произошло расслоение, и с течением времени в стране образовалось два типа изданий: «специализированные и провластные» и «спонсорские». Специализированные издания, лояльные власти, придерживались «определенной идейно-политической ориентации, выразители которой их и финансировали»; спонсорские, стоявшие в основном на оппозиционных позициях, поддерживались «иностранными фондами и партийными организациями»³¹.

Несмотря на то, что в середине 1990-х пресса в ключевых вопросах еще демонстрировала поддержку власти, она все чаще стала обращать внимание на неудобные для нее вопросы. Так, «Глобус» подробно рассказал о приобретении для президента Хорватии новой роскошной резиденции. Тон публикаций настолько не понравился Туджману, что на одном из светских приемов он узнав, что в зале присутствует журналист «Глобуса», публично обрушился на него с критикой³². Считается, что к середине 1990-х гг. некоторые

признаки оппозиционности демонстрировали издательский дом «Тисак», газеты «Ферал трибьюн» (после конфликта Ф. Туджмана и С. Месича), «Нови лист», «Виесник» и «Голос Истрии»³³. Какое-то время с леволиберальных позиций ХДС критиковал журнал «Данас», однако под угрозой закрытия он позднее перешел на правительственные позиции.

Были и неудачные попытки со стороны государства ограничить деятельность некоторых СМИ, демонстрировавших признаки оппозиционности. Наиболее ярким примером считается ситуация с «Радио 101». Созданное в 1984 г. под названием «Молодежное радио», оно стало популярным у жителей Загреба благодаря современному музыкальному наполнению и критике югославского и сербского политического руководства. «Радио 101» было одним из немногих дававших слово Ф. Туджману в его бытность оппозиционным политиком.

Как и другие хорватские СМИ, «Радио 101» поддержало перемены в республике, случившиеся в начале 1990-х гг. Однако вскоре оно переключилось на критику действовавшей власти, обращало внимание на незаконный ход приватизации и «тайкунизацию» страны (усиление олигархии). Звучавшие в эфире оценки были популярны в обществе – станцию слушали 32% жителей Загреба³⁴.

Считается, что попытки закрыть радиостанцию начались в 1995 г., когда появились слухи о возможной передаче станции под контроль Степана Туджмана – младшего сына хорватского президента. Хотя этого не произошло, новость активно обсуждалась – разумеется, в негативном для правящей партии ключе. 20 ноября правительство приняло решение об отзыве лицензии на вещание в связи с истечением срока. Той же ночью состоялась стихийная акция протеста, в которой приняли участие 6 тыс. человек. На следующий день более 120 тыс. жителей хорватской столицы откликнулись на призыв о защите радиостанции и вышли на центральную площадь города³⁵. Поддержку «Радио 101» в те дни выразил и оппозиционный политик С. Месич. Ситуация привлекла внимание США. Так, газета «Нью Йорк Таймс» написала, что существует попытка закрыть «последнюю независимую радиостанцию Хорватии»³⁶. Благодаря этой поддержке радиостанция не была закрыта, продолжила свою работу и из первых рядов освещала митинги против ХДС 1998 г., организованные хорватскими профсоюзами. Эти события на символическом уровне говорили о начале новой эпохи освобождения средств массовой информации от государственного контроля. Однако их не

стоит переоценивать. По мнению хорватского историка Н. Барича, участвовавшего в протестных акциях, «Радио 101» не стало бы символом «борьбы за свободу», если бы не попытки закрыть его³⁷.

И все же изменения были. В 1996 г. был принят закон «Об общественном информировании», утвердивший принципы свободы печати, права на информацию и конфиденциальность. Появились комитеты в защиту свободы слова: интернет-объединение «Форум 21», группа журналистов, общественных деятелей и интеллектуалов «Комитет 38». Все это способствовало ослаблению влияния государства и утверждению плюрализма. О росте оппозиционности в СМИ (в первую очередь негосударственных) говорят следующие цифры. В 1989 г. был зафиксирован всего один случай судебного иска в отношении газеты по обвинению в клевете. В 1997 г. был подан 91 иск. Из 500 судебных исков в этот период 56% пришлось на долю изданий «Глобус», «Нови лист» и «Национал». При этом лишь 20% судебных дел было доведено до конца, то есть лишь в каждом пятом случае имелся «состав преступления»³⁸.

С приходом в 2000 г. новой власти произошла либерализация системы СМИ. ХИНА и ХРТ были преобразованы в самостоятельные общественные организации с частичным бюджетным финансированием. В новых законах об организациях и в их уставах были закреплены принципы свободы от политического или экономического контроля, профессионализма журналистской деятельности³⁹. Изменился порядок управления – главные редакторы стали назначаться не государством, а внутренними управляющими комитетами (вече), перестроенными на принципах большей коллегиальности⁴⁰. Были проведены расследования по установлению владельцев «Вечернего листа» и «Слободной Далмации», а издания подвергнуты реприватизации. Хотя это породило новые проблемы, сам факт подобных перемен означал начало совершенно нового этапа развития, изменение принципов функционирования масс-медиа и управления ими, механизма и степени влияния СМИ на общество.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Zgrabljic-Rotar N.* Hrvatska medijska politika i javni mediji // *Medij. istraž.* 2003. № 1. S. 63.
- 2 ТАСС от 08.06.1990.

- 3 Там же.
- 4 АВПРФ. Ф. Европейский департамент МИД. Отдел Хорватии. 1993 г. Оп. 1. Д. 3. П. 1. С. 32–33.
- 5 Корреспондент Белградского телевидения в Загребе Крсте Биелич в интервью еженедельнику «ТВ-Новости» говорил, что их публикации «не постыдилась бы взять на вооружение геббельсовская пропагандистская машина». См.: ТАСС от 15.03.1990.
- 6 *Tanner M.* Croatia. A Nation Forged in War. Yale University Press, 1997. P. 230.
- 7 *Zakon o Hrvatskoj izvještajnoj novinskoj agenciji «HINA»* // *Narodne novine*. № 31 (28.07.1990). – http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1990_07_31_614.html
- 8 *Zgrabljic-Rotar N.* Hrvatska medijska politika... S. 64.
- 9 Документальный фильм «Šta je istina o naoružavanju terorističkih formacija HDZ-a u Hrvatskoj» (СФРЮ, январь 1991 г.). – <http://www.youtube.com/watch?v=0D2zTSbEg6k>
- 10 *Republika Hrvatska i Domovinski rat (1990–1995). Dokumenti (1990–1991).* Zagreb, 2007. S. 82.
- 11 *Uredba o informativnoj djelatnosti za vrijeme ratnoga stanja ili u slučaju neposredne ugroženosti neovisnosti i jedinstvenosti Republike Hrvatske* // *Narodne novine*. № 57 (04.11.1991). – http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1991_11_57_1553.html
- 12 Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1997 г. № 1 (18). С. 112.
- 13 *Zakon o javnom informiranju* // *Narodne novine*. № 22 (17.04.1992). – http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/1992_04_22_490.html; *Zakon o javnom priopćavanju* // *Narodne novine*. № 83 (08.10.1996). <http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/265162.html>; *Zgrabljic-Rotar N.* Hrvatska medijska politika... S. 62.
- 14 *Glenny M.* The Fall Of Yugoslavia. London, 1996. P. 123.
- 15 Сайт Радио Вуковара. – <http://old.hrv.hr/hrv/o-nama.html>
- 16 *Будимир А. В.* Хорватское национальное сознание в процессе обретения государственной независимости // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе. М., 1999. С. 210.
- 17 *Макартур С.* Когда к штыку приравняли перо. Деятельность СМИ по освещению боснийского кризиса. М., 2007. С. 120.
- 18 См.: официальный сайт HINA. <http://www.hina.hr/>
- 19 См.: официальный сайт HRT. – http://www.hrt.hr/index.php?id=173&tx_ttnews%5Bcat%5D=96&tx_ttnews%5Btt_news%5D=23183&tx_ttnews%5BbackPid%5D=38&cHash=6ce1c9de2c

- 20 Международная федерация журналистов (EFJ) – крупнейшая в мире организация профессиональных работников СМИ, объединяющая 500 тыс. журналистов из более чем 100 стран мира. Штаб-квартира в г. Брюссель. МФЖ имеет консультативный статус в ООН, ЮНЕСКО, Совете Европы, Комитете по правам человека и других международных организациях.
- 21 АВПРФ. Ф. 893 (Референтура по Хорватии). Оп. 2. П. 2. Д. 2. С. 129.
- 22 *Юришич Е.* Формирование новой системы периодической печати в независимой Хорватии (1991–1998). Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1998. С. 16.
- 23 АВПРФ. Ф. 893 (Референтура по Хорватии). Оп. 2. П. 2. Д. 2. С. 132–135.
- 24 *Юришич Е.* Формирование... С. 15.
- 25 АВПРФ. Ф. Европейский департамент МИД. Отдел Хорватии. 1993 г. Оп. 1. Д. 3. П. 1. С. 33.
- 26 The New York Times. 05.08.2013. – <http://www.nytimes.com/1993/08/05/world/conflict-in-the-balkans-croatia-s-founding-chief-is-seen-as-mixed-story.html?pagewanted=all&src=pm>
- 27 *Будимир А. В.* Хорватское национальное сознание... С. 206–207.
- 28 АВПРФ. Ф. 893 (Референтура по Хорватии). Оп. 2. П. 2. Д. 2. С. 134.
- 29 *Popović J.* «Nova strategija na neovisne i pluralističke medije u Hrvatskoj», «Nema slobodnih novinara», *Medijska istraživanja // Media Research. God. 6. Br. 2. S. 129–135.* Цит. по: *Zgrabljic-Rotar N.* Hrvatska medijska politika... С. 71.
- 30 *Goldstein I.* Dvadeset godina samostalne Hrvatske. Zagreb, 2010. С. 274.
- 31 *Юришич Е.* Формирование... С. 14.
- 32 *Radoš I.* Tuđman izbliza. Zagreb, 2005. С. 31.
- 33 АВПРФ. Ф. 893 (Референтура по Хорватии). Оп. 2. П. 2. Д. 2. С. 132.
- 34 The New York Times. 09.10.1996. <http://www.nytimes.com/1996/10/09/world/croatia-chief-seeks-to-muzzle-a-radio-that-aided-his-rise.html>
- 35 The New York Times. 22.11.1996. <http://www.nytimes.com/1996/11/22/world/croatia-reverses-closing-of-radio-station.html>
- 36 The New York Times. 22.11.1996. <http://www.nytimes.com/1996/11/22/world/croatia-reverses-closing-of-radio-station.html>
- 37 Интервью с Н. Баричем. 15.05.2013.
- 38 *Pešurko S.* Mediji i civilne vrijednosti // *Demokratska tranzicija u Hrvatskoj.* Zagreb, 2006. С. 204.
- 39 Закон о Hrvatskoj izvještajnoj novinskoj agenciji // *Narodne novine.* Br. 96 (7.11.2001). <http://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/233183.html>
- 40 *Макартур С.* Когда к штыку приравняли перо... С. 119.

Pivovarenko A. A.

Mass Media in the Making in the Independent Croatia

The article treats the course and specific character of the process of making of independent media in Croatia in the first years of independence. It pays special attention to changes, the media went through in 1990–1991 and main vectors of their evolution in the early twenty-first century. The article also considers the legal and financial basis of functioning of the periodicals in Croatia.

Keywords: *Croatia, Franjo Tuđman, HINA, HRT, Radio 101.*

М. А. Корзо
(Москва)

Катехетические сочинения Феофана Прокоповича

В статье анализируются катехетические сочинения Феофана Прокоповича, их композиционное и содержательное своеобразие, а также история их издания и влияние на последующую катехетическую традицию в России.

Ключевые слова: *Феофан Прокопович, школьный катехизис, книгопечатание XVIII в., православная культура.*

Перу выходца из Киевской митрополии, церковного и государственного деятеля, богослова и сочинителя Феофана Прокоповича (1681–1736) принадлежит несколько катехетических пособий. Все они были опубликованы без указания его авторства, а часть из них вышла из печати уже после его кончины.

Хронологически самым ранним является «Первое учение отрокомъ. Въ немже буквы и слоги. Таже: Краткое толкованіе законнаго десятословія, Молитвы Господни, Символа веры, и девяти блаженствъ», подготовленное по повелению царя Петра I¹. Неизвестно, когда Феофан приступил к составлению учебника; его младший современник поэт Антиох Кантемир (1708–1744) датирует катехизис 1714 г.², что представляется маловероятным. К печати учебника приступили 1 марта 1720 г.³ Долгое время первое издание, датированное 23 июня 1720 г., было известно только по библиографическим описаниям XIX в.⁴; благодаря изысканиям А. А. Гусевой удалось установить, что его уникат сохранился в Фонде Франке (Frankesche Stiftung, Галле, Германия)⁵. Имя автора на титульном листе катехизиса отсутствует, но в письме к своему киевскому другу, генеральному подскарбию Якову Марковичу (1696–1770), от 10 мая 1720 г. из Петербурга Прокопович называет себя сочинителем: «Написал я также краткое изложение десяти заповедей, с толкованием Никейского символа и молитвы Господней, что скоро будет напечатано вместе с алфавитом для первого учения отрокам»⁶. Из письма Феофана следует, что катехетическая часть учебника состояла первоначально из трех частей, а именно: толкования Декалога, символа веры и молитвы «Отче наш». Во втором – самом раннем из доступных в России изданий «Первого учения» – помимо этих частей присутствует еще

раздел «Краткое толкованіе блаженствъ евангелскихъ»; сложно сказать со всей определенностью, было ли это поучение уже в первом издании. Исследователи XIX в. высказывали предположение, что толкование евангельских блаженств в «Первом учении» представляет собой краткое извлечение из другого сочинения Феофана, а именно – из трактата «Христовы о блаженствахъ проповеди толкованіе» (СПб.: тип. Александро-Невского монастыря, 16.III.1722⁷). Это сокращение, как считает А. Ежов, подготовил иеромонах Георгий⁸. Общее сопоставление двух текстов не позволяет усмотреть между ними буквального сходства; тем более удивительно, что краткая версия вышла из печати более чем на год раньше полной.

«Христовы о блаженствахъ проповеди толкование» интересно тем, что вдохновителем данного наставления выступил сам Петр I; царь же составил общий план книги и выделил ее наиболее значимые разделы⁹. После публикации второго издания царь написал свое мнение о сочинении Феофана:

«Книгу о блаженствахъ всю чель, которая зело изрядна и прямой путь христіанскій; только надлежитъ предисловіе сделать, въ которомъ разныя толкованія неправыя ханжевскія все выяснить, дабы читающій перво свой порокъ узналъ и потомъ пользу прямую и истинную. Такожъ въ конце силу всей книги зело короткою выпискою безъ толку (понеже оный уже выше писанъ) положить, дабы могъ на память оное иметь, понеже всей книги на память не возможно иметь и, сочиня сіе, напечатать до возвращенія нашего»¹⁰.

Учитывая пожелания царя, Прокопович добавляет к третьему изданию своего сочинения «Предисловіе къ благочестивому читателю» (л. 1–1об., 2-го счета) и «Краткое собраніе из книги сея, ради оудобнейшаго припамятствованія оучиненное» (л. 1–24об., 3-го счета).

Возвращаясь к структуре и содержанию напечатанного кирилловским шрифтом «Первого учения», необходимо отметить, что катехизис составлен в традиционной для этого литературного жанра форме вопросов и ответов; исключение составляет только объяснение молитвы «Радуйся, Мария» (так называемое «Ангельское приветствие»). Уже ранее подмечалось, что все толкования даются в полемическом ключе¹¹. Эта примечательная особенность катехизиса Феофана интересна тем, что жанр полемического катехизиса (столь популярный в Европе во второй половине XVI – первой половине XVII в.) к началу века XVIII уже утратил свою былую актуальность.

Но Прокопович, как представляется, обращается к этому жанру далеко не случайно: для него это возможность не просто создать вероучительный комpendиум, но и опровергнуть взгляды своих противников, слишком увлеченных, как считал Феофан, католической схоластикой.

«Первое учение» Прокоповича, а также отдельные его богословские воззрения получили достаточно критическую оценку у современников, и в первую очередь у тех представителей православной учености, которых сам Феофан считал своими оппонентами. Некоторые из них открыто обвиняли его в пропаганде чуждых православия идей, как это сделал в 1727 г. архимандрит Новгородского Юрьева монастыря Маркелл (Родышевский) (ум. 1742) в своем донесении Петру II:

«Обретаются у насъ въ Россіи книги новоизданніи [...] Буквари съ толкованіемъ десяти заповедей Ветхаго Завета [...] Въ которыхъ книжицахъ преисполнено странныхъ ученій, паче-же самыхъ прямыхъ кальвинскихъ и лютерскихъ. И таковымъ новоизданнымъ книгамъ еретическимъ велено указомъ обучатися и въ церквахъ читать, такъ же и детямъ, где ни есть школки наизусть учить, а таковымъ ученіемъ, паче-же когда кто протолкуеть, мнози имуть кальвинскою и лютерскою повредится ересю и отъ церкви святой отпасти»¹².

Детальному анализу содержащихся в букваре «заблуждений» Прокоповича посвящено пространное сочинение «Места примрачная в катихисисе, иже отъ безъимяннаго автора на Славенскомъ языке изданы и “первое ученіе отроко(м)” имянованъ есть»¹³. Сочинение сохранилось также и в латинской версии: «Loca obscura in Cathedisi, quae ab anonimo auctore Slaveno ediomate edita et “первое ученіе отрокомъ” intitulata est, dilucitata auctore principe Demetrio Cantemirio»¹⁴. Именно в латинской версии назван сочинитель критических замечаний – господарь Молдовы, князь Димитрий Кантемир (1673–1723). Его авторство указано также в одном из протестов Маркелла (Родышевского)¹⁵.

Возражение Кантемира создавалось, как считают исследователи, между 1720–1723 гг.¹⁶ Рукопись довольно большая по объему. Опровергая тот или иной тезис Феофана (отметим, что Прокопович напрямую в качестве автора «Первого учения» нигде не назван), Кантемир приводит пространную выдержку из его текста. К чему же сводятся основные возражения князя?

Больше всего несогласий связано с истолкованием ветхозаветных заповедей десятизакония. Князь считает, что автор катехизиса совершенно несправедливо сводит «закон Божий» исключительно только к Декалогу, не включая в понятие «закон» предписания, данные Христом в Новом Завете. Предлагая свое истолкование 1-й заповеди Декалога, автор «Первого учения» говорит лишь о вере в *единого* Бога, хотя речь должна была идти о Боге *триедином*. В контексте данной заповеди автор, по мнению Кантемира, обнаруживает протестантские воззрения на Св. Писание как главный и исключительный источник христианского веро- и нравоучения. В изложении 2-й заповеди дается, якобы, неверное понимание иконопочитания и ложное толкование 7-го правила Седьмого Вселенского собора, принявшего, среди прочего, постановление о почитании святых образов. В контексте 3-й заповеди автор «Первого учения» отрицает, что иконы и мощи святых могут творить чудеса; в 4-й – слишком высоко возносит пастырей Церкви, приписывая их словам едва ли не божественную силу; в 5-й – ставится под сомнение право родителей влиять на значимые жизненные решения детей. Большой фрагмент своей рукописи князь также посвящает разбору неверного, по его мнению, перевода ряда греческих терминов в «Первом учении»¹⁷.

На критику Кантемира Прокопович ответил письмом на имя неизвестного духовного лица (вероятно, законоучителя сына Дмитрия Кантемира – Антиоха, грека Афанасия Кондоиди [ум. 1737]). Данное письмо приводится в приложении к русским рукописным спискам «Мест примрачных»¹⁸. Феофан последовательно, пункт за пунктом, разбирает доводы Кантемира, хотя и не приводит никаких новых, не использованных уже в «Первом учении», аргументов в защиту своей позиции.

Не только современники Прокоповича усматривали в «Первом учении» определенные элементы протестантского вероучения. Гиссенский профессор богословия Мартин Шиян (Schian, 1869–1944) проанализировал в 1913 г. немецкий перевод этого катехизиса. По его мнению, о протестантском характере данного памятника свидетельствуют отсутствие раздела о таинствах, о постах и церковных уставах; протестантское определение Церкви; то, что для Прокоповича Писание выступает единственным источником богооткровенной истины¹⁹.

Хронологически следующим катехетическим сочинением Феофана стало «Мнение [...] каковым образом надлежит багрянородного отрока наставлять в христианском законе»²⁰, составленное в 1727 г.

по предложению воспитателя Петра II, графа Андрея Ивановича (Генриха Иоганна Фридриха) Остермана (1686–1747). План преподавания основ православного вероучения молодому царю получил положительную оценку со стороны живущих в России иностранцев и был вскоре переведен на немецкий язык²¹.

Данное сочинение нельзя считать катехизисом в строгом смысле слова: оно представляет собой по сути краткое руководство для наставника, на которого возлагалась миссия обучать царствующую особу основам христианской веры и нравственности. Принципиальным моментом является то, что Феофан буквально воспроизводит в своем «Мнении» тот план изложения вероучения, ту последовательность богословских тем и сюжетов, какие мы находим впоследствии в его развернутой богословской сумме. Композиционное построение последней было далеко не произвольным, имело строгое богословское обоснование.

Подробный план катехетического наставления Феофан предлагает и в другом своем сочинении – «Вещи и дела, о которых духовный учитель народу христианскому проповедати долженъ: иная общая всемъ, а иная некимъ собственная», опубликованном уже после его смерти (М.: тип. Н. Новикова, 1784). И здесь Прокопович остается верным той концепции изложения богословского материала, которую он воплотил в своей сумме.

Два основных катехетических сочинения Феофана также были опубликованы лишь после его кончины. Их атрибуция долгое время представляла значительную сложность, поскольку на титульном листе изданий имя автора не указано. Тексты, вне всякого сомнения, связаны между собой генетически, хотя и отличаются как формой изложения, так и объемом богословского материала.

Хронологически более раннее сочинение практически во всех известных в настоящее время списках именуется «Катехизис»²². В отдельных редакциях оно имеет развернутый подзаголовок: «Краткое учение христианское, малому отроку, и невежи всякому, прислушающее, беседами учителя и ученика составленное»²³. Текст создавался, предположительно, в 1717 г.: об этом свидетельствует запись, сделанная на титульном листе одной из рукописей:

«Книжица, сочиненная трудами бывшего Святейшаго Правительствующаго Сінода вице-президента преосвященнаго Феофана Архиепископа новгородскаго и великолуцкаго, который преставился в Санктъ Питербурхе въ 1736 году, і в подлинной в заглавіи рукою ево написано тако:

“Извещеніе о деле сей кнїжїце”:

“Желая аз послужити его царского величества и народнеи нужде, написал по моей силе сию книжицу ученія христіанского, но понеже и самая тая нужда требуетъ, и государево намереніе есть, дабы ученіе сие было краткое и простое для удобнейшаго отрочаго изученія и памяти въ томъ ісповедую погреших я, что разширилъ над потребу сіе делце, однакъ я противъ моего намеренія погрешилъ я, быв бо намерень велми кратко написать; да когда тшуся чтоб было се ясно, чтоб не было что скудно, и недоволено, и неизвѣстно: в самомъ деле дело возрасло. А ї такъ мню, много недоволено, и скудно есть. Суди жъ сіе от инной коей нїбудь потребе, яко начїнаешїм учїтїся долгое, а совершенным недоволено. Сеже мое погрешеніе награждая потшуся написать другую кнїжїцу простейшую. И такъ краткую чтоб была четвертая сего или третья часть величиною. Аще Богъ восхощетъ и живи будем.

А какъ сію, такъ і оную (когда сочїню) кнїжицу (аще со всяким опасенїемъ блюду себе. Дабъ что не положить самовольное и неизвѣстное но вся былї б от писанїй божественныхъ) подлагаю церковному разсужденїю под правилом слова Божїя.

Феофанъ Прокоповїчъ – училищъ кїевскихъ ректоръ в царств: Санктъпетерб: 1717, февраля 17”»²⁴.

Катехизис выстраивается преимущественно как беседа учителя с учеником и состоит из предисловия, «Повести краткой о Бозе, и его смотренїи» и двух бесед: «О Бозе, созданїи міра, и смотренїи общемъ» и «О смотренїи Божїемъ спасителномъ». «Повесть краткая», в свою очередь, представляет собой не диалог, но 12 развернутых тезисов, последовательному толкованию которых и посвящены 1-я и 2-я беседы (соответственно, по 6 тезисов в каждой). Своеобразие композиции своего сочинения автор объясняет в кратком диалоге, который играет роль логического перехода от «Повести краткой» к беседам:

«Учитель: Се все в кратце предложихъ тебе, еже нужно есть человеку ведати, яко прямой путь ведушїй въ животъ вечный: ты же внялъ ли еси?

Ученик: Внялъ, оучителю, но еще лучше объясни и доводами закрепи, да не зыблется вера моя.

Учитель: Сотворю, то ты сіе изучи наизустъ: таковымъ во рядомъ и беседе о всехъ сихъ поведемъ, каковымъ zde изреченная

слышаль еси. Того ради и числа всякому примечены для лучшей памяти. Разделим же оученіе сіе на 2 беседы. Первая будетъ о Бозе, купно же и о созданіи міра, и о смотреніи общемъ: и тутъ скажемъ все то, что в предложенной повести въ шести первых числехъ содержится. Вторая о человеце и о Спасителномъ о немъ смотреніи Божіи: и сія беседа въ другихъ шести числехъ заключится»²⁵.

Второе – значительно меньшее по объему – рукописное катехетическое сочинение Прокоповича²⁶ создавалось, предположительно, в 1731–1733 гг. Более ранняя датировка прижилась в историографии благодаря митрополиту Евгению²⁷, который, в свою очередь, опирался на свидетельство маргинальной записи, сделанной по нижнему полю титульного листа катехизиса в составе сборника богословских текстов из библиотеки Псковской семинарии: «Сочиненіе Феофана Прокоповича 1731-го года досталось мне Ивану Швыкину съ прочими бумагами от Новгородскаго Митрополита Димитрія Сеченова, скончавшагося въ Москве 1767-го года; а я того года [был] при Псковскомъ Архіерее Иннокентіи ученикомъ и въ хоре певческомъ»²⁸.

Более поздняя датировка приводится в рукописном сборнике сочинений Феофана из коллекции Церковно-Археологического музея при Киевской Духовной Академии. В начале интересующего нас текста рукой переписчика сделана пометка: «Сочиненное [...] Феофаномъ архиепискупомъ (sic!) великоновгородскимъ и великолуцкимъ в Санкт-Петербурхе в лето от воплощенія сына божія Иисуса Христа 1733»²⁹.

Во всех рукописях интересующий нас текст имеет одинаковое заглавие, подробно описывающее содержание катехизиса: «Краткая сказанія. Первое о Бозе, что и каковъ и коликій есть Богъ нашъ. Второе о божиемъ промысле каковыи имеетъ Богъ и обще к всемъ тваремъ своимъ и особливо к человеку о вечномъ его спасеніи. Третье о законе Божіи которымъ всякъ человекъ долженъ управлять житие свое дабы живота вечнаго не лишится. Предлагаемыя на ползу не только младымъ отрокомъ, но и мужавшимъ обоего пола особамъ темъ которымъ не удобно в пространныхъ богословскихъ ученияхъ упражняться».

Катехизис, таким образом, состоит из трех частей (или «сказаний»). Внутри частей приводится ряд констатирующих богословских тезисов (в рукописях они выделены более крупным шрифтом), к каждому из которых даны поясняющие аргументы или толкование. Повествование не разбито на вопросы и ответы, а тезисный

характер изложения производит впечатление, что мы имеем дело не с законченным катехизисом, а с каким-то кратким пособием по вероучению (в частности, отсутствуют такие важные для катехизисов разделы, как учение о таинствах и эсхатология). Особенность построения текста, предельная лаконичность тезисов и аргументов позволяет предположить, что он мог предназначаться для заучивания наизусть, как это было с большинством катехетических пособий для детей той эпохи.

Сравнение хронологически более раннего рукописного «Катехизиса» с «Краткими сказаниями» показывает, что Прокопович исполнил свой замысел и значительно сократил и переработал первоначальный текст. К числу принципиальных изменений относятся: изменение формы изложения (вместо традиционной вопросно-ответной – монологическое повествование); богословское рассуждение выстраивается теперь вокруг тезисов, перечисленных в раннем «Катехизисе» в «Повести краткой» (перечень тезисов совершенно идентичен; Прокопович добавил лишь положение, конкретизирующее учение об исхождении Св. Духа). Но «Краткие сказания», как было отмечено выше, состоят уже не из двух, но из трех частей. И это можно считать самым принципиальным содержательным отличием раннего и позднего катехетических сочинений Прокоповича: Феофан добавляет рассуждения о Законе и предписаниях Декалога; о человеческой природе до и после грехопадения; об искуплении и предопределении.

В таком виде «Краткие сказания» представляют собой развернутый план богословской системы Прокоповича. Сделать такой вывод позволяет сопоставление «Кратких сказаний» с богословским курсом, прочитанным Феофаном в Киеве в 1710 – первой половине 1716 г.³⁰ Автографы этих лекций, как считается, не сохранились. В начале XX в. Д. К. Вишневский описал в библиотеке Смоленской духовной семинарии датированные началом XVIII в. рукописные фрагменты (введение, части первая и вторая), которые он идентифицировал как курс Прокоповича. Последний из фрагментов был составлен в 1714 г.³¹ Петербургский исследователь К. Суториус считает, что отрывки автографа Феофана сохранились в ОР РГБ³²; на полях рукописи прочитываются пометы Стефана Яворского.

Богословский курс был опубликован уже после смерти Прокоповича³³. Первое издание, подготовленное Матвеем Байцуровым и Семеном Денисовым³⁴, вышло в 1773–1775 гг. в Кёнигсберге. Оно включало тома 1–3 и том 5-й. Роль 4-го тома выполняет напечатан-

ное еще в 1772 г. в Готе сочинение Феофана «De Processione Spiritus Sancti», подготовленное будущим епископом Нижегородским, тогда еще студентом Московской Духовной академии Дамаскином (Семеновым-Рудневым, 1737–1795). Тома 6 и 7 изданы в Москве в 1776 г. Второе издание вышло в 1782 в Лейпциге; его редактором был Киевский митрополит Самуил (Миславский, 1731–1796), который дополнил систему Феофана томом собственного сочинения³⁵.

Известно, что сам Прокопович в бытность свою преподавателем Киевской академии успел за 1712–1716 гг. подготовить только семь трактатов³⁶: (1) введение – о задачах богословия и о Св. писании; (2) о Боге и его свойствах; (3) о Св. Троице; (4) об исхождении Св. Духа; (5) о творении и промысле; (6) о неповрежденном человеке, или состоянии до грехопадения; (7) о состоянии человека после грехопадения. К ним примыкает трактат «Об оправдании», составленный в 1716 г. по просьбе Якова Марковича (первое латинское издание опубликовано в 1769 г. во Вроцлаве). Все остальные разделы богословской системы, известной как система Прокоповича, были дописаны его последователями, которые, правда, опирались на общий план Феофана, изложенный им как в предисловии, так и во вступительной части трактата о неповрежденном человеке.

Первые две части «Кратких сказаний» и самый ранний рукописный «Катехизис» содержательно полностью соответствуют первым семи, составленным *самим* Феофаном, трактатам его системы. Они, таким образом, представляют собой краткую церковнославянскую «выжимку» из латиноязычного богословского курса Прокоповича. Определенную сложность представляет третья часть «Кратких сказаний», потому что она *отчасти* содержит материал, который в системе Прокоповича был обработан уже его последователями. Может ли это говорить о том, что третья часть «Кратких сказаний» создавалась Феофаном как своего рода план для тех трактатов его богословского курса, которые он не успел дописать в бытность свою в Киеве? Думаю, что у нас есть все основания для такого утверждения.

Описанные выше два рукописных катехизиса Прокоповича (соответственно, 1717 и 1731/33 гг.) были опубликованы лишь через 30 лет после смерти Феофана. Нельзя сказать со всей определенностью, почему именно тогда возникла идея напечатать его катехетические сочинения. Первая попытка была, вероятно, предпринята еще в 1764 г. Упоминание об этом издании сохранилось лишь в материалах Синодальной типографии³⁷; само издание в настоящее время не известно. Вторым, косвенным свидетельством о его существовании

служит предложенный Сенату в 1764 г. историком и общественным деятелем В. В. Крестининым (1729–1795) план устройства малых школ, в котором для целей религиозного обучения предлагалось использовать печатный малый катехизис Прокоповича³⁸.

История же издания катехизисов Феофана выглядит следующим образом. 11 августа 1764 г. Св. Синод принимает решение «напечатать для продажи въ народъ два Катихизиса, сочиненные архіепископомъ Новгородскимъ Феофаномъ, изъ коихъ одинъ доконченъ преосвященнымъ Георгіемъ (Конисскимъ)»³⁹. Здесь необходимо оговориться, что Могилевский епископ Конисский несколькими годами ранее подготовил и издал в Могилеве состоящее из 3-х частей вероучительное пособие (2 аналогичных издания: 1757 и 1761 гг.), в основу которого были положены обе рукописи Прокоповича: «Катехизис» 1717 г. был воспроизведен целиком, а третья часть «Кратких сказаний» была использована в качестве плана для написания пространного раздела в вопросно-ответной форме. Решение Синода можно, таким образом, интерпретировать двояко: речь могла идти как об издании обеих оригинальных рукописей Прокоповича, так и об издании одной из рукописей и перепечатке уже опубликованной версии Конисского.

В начале следующего 1765 г., 21 февраля, на собрании Св. Синода епископ Санкт-Петербургский Гавриил (Шапошников, 1730–1801) представил для рассмотрения два катехизиса Феофана, из которых только один был рукописный (другой, как можно предположить, – версия Конисского). При этом епископ Гавриил утверждал, что предварительно просмотрел рукопись и внес в нее небольшие изменения. И уже 3 марта 1765 г. Синод принимает решение приступить к печати с рукописного текста, предписав корректору внимательно прочесть оригинал «и если, паче чаянія, въ какихъ реченіяхъ усмотритъ какое сумнительство, о томъ бы представилъ Св. Свноду». 3 августа 1765 г. Синод разрешает печатать и с печатного текста, «наблюдая, чтобъ въ орфографіи и въ прочихъ речахъ было сходство, какъ въ великороссійскихъ книгахъ печатается»⁴⁰. И в данном случае речь, без всякого сомнения, шла о версии Конисского, потому что вся печатная продукция, которая издавалась в XVIII в. на Украине и в Белоруссии, подлежала тщательной сверке с нормами орфографии, принятыми на великорусских землях. Но редакция Конисского так из печати и не вышла (или вышла, но не была пущена в продажу)⁴¹. Зато были опубликованы оба катехизиса Прокоповича, и именно в том виде, как мы их знаем по рукописным спискам.

Первыми из печати вышли более поздние «Краткие сказания» под названием «Сокращенное христианское оученіе» (СПб.: Синодальная тип., 13.III.1765)⁴². Издание существует в двух вариантах: во втором варианте подшит дополнительный титульный лист, где данное издание именуется катехизисом («Напечатана книга сия Катехизис...»)⁴³. Рукописный «Катехизис» 1717 г. был напечатан годом позднее и тоже под измененным названием: «Діалогісмъ, сіестъ беседа о догматахъ православныя церкви» (СПб.: Синодальная тип., III.1766). В 1796 г. он был переиздан в Москве без изменений.

Принципиально важным является вопрос о том, в какой мере печатные катехизисы Прокоповича использовались в школьной практике. «Первое учение» оставалось на протяжении всего XVIII в. основным школьным катехизисом в Российской Империи: в 1722 г. было высочайше предписано, чтобы в учреждаемых при Архиерейских домах школах «учить... по недавно изданным первого отроков учения книжицамъ»⁴⁴, а в 1723 г. указом Синода «Первое учение» было введено во всеобщее употребление при обучении не только духовных лиц, но и мирян⁴⁵. Впоследствии сочинение многократно переиздавалось в России до середины XIX в.; перепечатывалось оно и в украинских типографиях (например, Чернигов, 1743)⁴⁶. В середине XVIII в. Академия наук ходатайствовала перед Св. Синодом также о разрешении издать «Первое учение» гражданским шрифтом, однако ходатайство это успеха не имело⁴⁷. Архиепископ Могилевский Георгий подготовил также некий сокращенный вариант букваря Прокоповича, но и ходатайства Киево-Печерской Лавры в Св. Синод о разрешении напечатать данный катехизис успехом не увенчались⁴⁸.

Существовали также многочисленные переиздания «Первого учения» за пределами России⁴⁹ и его переводы на немецкий, английский и румынский языки⁵⁰. Переводы были подготовлены не самим Прокоповичем (в частности, он признавался, что не знает немецкого – *ipse nesciam Germanice*)⁵¹. Немецкая версия⁵² считается более точной (практически буквальной) и хронологически более ранней, чем английская⁵³; А. В. Карташев даже утверждал, что английский перевод делался с немецкого издания⁵⁴. Считается, что на английском «Первое учение» печаталось дважды (в 1723 и 1725 гг.), а перевод подготовил И. Филиппс. Из предисловия ко второму изданию ясно, что некая «важная особа», поручившая перевести катехизис, – это сэр Питер Кинг, спикер палаты лордов, член Общества пропаганды Евангелия⁵⁵. На Западе катехизис Феофана воспринимался впослед-

ствии как авторитетное изложение православного учения, переиздавался и в XIX в.⁵⁶

Гораздо сложнее обстоит дело с «Сокращенным христианским учением» и «Диалогизмом». На одной из рукописей «Катехизиса» 1717 г. (опубликованного как «Диалогизм»)⁵⁷ сделана пометка одного из ее владельцев – протоиерея Кочетова: «Этот Катихизисъ былъ напечатанъ, но былъ ли выпущенъ въ светъ, ни откуда не видно. Въ школахъ употребляли Феофаново учение о блаженствахъ; а о Катихизисе нигде ни слова. Въ 1839 году случайно въ кладовой Св. Синода отыскана большая куча печатныхъ катихизисовъ Феофана Прокоповича. Экземпляры сии тамъ и остались»⁵⁸. С другой стороны, «Сокращенное христианское учение» в основной своей части (то есть констатирующие богословские тезисы, которые и в печатном издании, и в рукописях выделялись более крупным и жирным шрифтом) было целиком перепечатано в букваре львовского Ставропигийного Института 1790 г.; а именно, в букваре, предназначенном для нужд Греко-Католической Церкви уже на территории Австро-Венгерского государства. Отличия двух текстов минимальны: во второй части букварного катехизиса добавлены перечень таинств и заповедей «церковного правительства», а в третьей части опущены два небольших фрагмента. В первом из них у Прокоповича разделение Декалога на две скрижали объясняется, в том числе, двойным предписанием любви; во втором фрагменте в Санкт-Петербургском издании излагается порядок исповеди. Также Никео-Константинопольское исповедание веры приводится во Львовском букваре с *filioque*, и это единственное исправление в букваре, которое носит явно выраженный конфессиональный характер.

В любом случае, даже если печатные катехизисы Прокоповича и не употреблялись в качестве *непосредственных* учебных пособий, они оказали определяющее влияние на последующую катехетическую традицию в России. Свидетельством этого служит влияние текстов Феофана на вероучительные сочинения митрополита Платона (Левшина, 1737–1812), которые и стали впоследствии базовым учебником не только в школах духовного ведомства, но и в светских учебных заведениях Российской империи⁵⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 О роли царя Прокопович упоминает в предисловии: «Видевъ оубо толикую въ народе своемъ тщету всероссійскій Монархъ, Царь и Государь нашъ милостивейшій Петръ Первый [...] началъ прилежно разсуждать, какъ бы оуставить в Россіи действительное и не обходимое правило отроческаго воспитанія. И вдохнулъ ему Богъ [...] таковой премудрый советъ, повелеть сочинити книжицу [...]. И се повеленіемъ его Царскаго Величества сочинена и напечатана таковая» (л. 5–5об.). В свое время Петр I обратился к Синоду со следующим воззванием: «Святейшій Синод! Понеже я разговорами давно побуждал, а ныне письменно, дабы краткія поученья людемъ сделать (понеже ученыхъ проповедниковъ зело мало имеемъ), также сделать книгу, где изъяснить: что непременный законъ божій, и что советы, и что преданія отеческая, и что вещи средніе, и что только для чину и обряду сделано, и что непременное, и что ко времени и случаю прменялось, дабы знать могли, что в каковой силе иметь. О первыхъ кажется мнѣ, чтобы просто написать так, чтобъ и поселянинъ зналъ, или на двое: поселяномъ простее, а в городахъ покрасивее для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется. В которыхъ бы наставленіяхъ – что есть прямой путь? – истолкованъ былъ, а особливо Веру, Надежду и Любовь: и о первой, и о последней зело мало знаютъ и не прямо что и знаютъ; а о средней и не слышали, понеже всю надежду кладутъ на пение церковное, постъ и поклоны и прочее тому подобное, в нихъ же строение церквей, свечи и ладанъ. О страданіи Христовомъ толкуютъ только за одинъ первородный грехъ, а спасенія делами своими получаютъ, какъ вышеписано» (Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи. Собраніе I. Т. VII. СПб., 1830. № 4493).
- 2 *Антиох Кантемир*. Сатиры и другія стихотворческія сочиненія, съ историческими примечаніями и съ краткимъ описаніемъ его жизни. СПб., 1762. С. 40.
- 3 Описание изданій, напечатанныхъ кириллицей. 1689 – январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич; ред. и вступит. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1958. С. 221. Последующіе изданія – V.1721², 27.VII.1722⁴, I.II.1723⁵, IV.1723⁷, VI.1723⁸, VIII.1723⁹ (Там же. № 136, 172, 189, 190, 190а, 193).
- 4 *Ундольскій В. М.* Очеркъ славяно-русской библиографіи с дополненіями А. Ф. Бычкова и А. Викторова. М., 1871. № 1619; *Пекарскій П. П.* Наука и литература в Россіи при Петре Великом. Т. II.

- Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. СПб., 1862. С. 479.
- 5 Гусева А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010. № 1711.
  - 6 Латинский оригинал письма см. в: *Epistolae [...] variis temporibus et ad varios amicos datae [...]. Mosquae: Universitatis Caesareae Mosquensis, 1776. P. 28.* Русский перевод опубликован в: Материалы для истории русской религиозной и церковной жизни. Письма Феофана Прокоповича // Труды Киевской Духовной Академии. 1865. Февраль. С. 289; *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1868. Т. 4. С. 47.
  - 7 Следом за первым, в 1722 г. вышли почти сразу еще два издания, соответственно, 24.IV и 28.VIII (Каталог русской книги кирилловской печати Петербургских типографий XVIII века (1715–1800). Л., 1971. № 30, 31, 35).
  - 8 *Ежов А.* По каким книгам обучались у нас Закону Божию в XVIII столетии, и – чему обучались? // Странник. Духовный журнал. 1896. Т. 1. Апрель. С. 597.
  - 9 См.: «Заметки Петра I, предложенные Феофану Прокоповичу в качестве плана для книги “О блаженствах против ханжей и лицемеров”» (*Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. С. 125–127).
  - 10 Там же.
  - 11 *Ежов А.* По каким книгам обучались у нас Закону Божию в XVIII столетии, и чему обучались? // Странник. 1896. Т. 1. Апрель. С. 597.
  - 12 Там же. Апрель. С. 607.
  - 13 Далее цитируется по рукописи: ОР БРАН. Шифр 33.11.3 (описание рукописи: *Бабий А. И., Ничик В. М.* Д. Кантемир и Ф. Прокопович // Идеиные связи прогрессивных мыслителей братских народов (XVII–XVIII вв.). Киев, 1978. С. 118). Известна еще одна копия данного сочинения: ОР РНБ. Шифр Q.I.273 (из библиотеки графа Ф. А. Толстого. № 433). О ней также упоминает Д. Г. Извеков (Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича // *Заря. Журнал учено-литературный и политический, издаваемый В. Кашпиревым.* 1870. Август. Отдел второй. С. 10).
  - 14 *Извеков Д. Г.* Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича. С. 10.
  - 15 *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. С. 50.

- 16 *Извеков Д. Г.* Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича. С. 16, прим.
- 17 Позиция Кантемира проанализирована также в: *Извеков Д. Г.* Один из малоизвестных литературных противников Феофана Прокоповича. С. 19–29; *Ежов А.* По каким книгам обучались у нас Закону Божию в XVIII столетии, и – чему обучались? // *Странник.* 1896. Т. 1. Апрель. С. 602–604.
- 18 Например: ОР БРАН. Шифр 33.11.3. Л. 101–108.
- 19 *Карташев А. В.* К вопросу о православии Феофана Прокоповича // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко от сослуживцев по Императорской Публичной Библиотеке. СПб., 1913. С. 228.
- 20 *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. С. 226. «Мнение» опубликовано в: [*Бильфингер Г. Б.*] Расположение учений его императорского величества Петра второго / Перевод с немецкого В. Адурова. [СПб., 1728/1732?]. С. 67–82.
- 21 Vorschläge wie ein Prinz in der christlichen Religion solle unterrichtet werden. S. 1., s. a. См.: *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб., 1880. С. 332.
- 22 Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины (далее – ИР НБУ). Ф. 301. Церковно-Археологический музей при Киевской Духовной Академии. № 900. Л. 63–103; ИР НБУ. Ф. 301. № 298. С. 769–771 (фрагмент); ОР БРАН. Шифр 45.4.10; ОР БРАН. Шифр 28.6.18 (фрагмент); ОР РНБ. Ф. 588. Собрание М. Погодина. № 1175 (рукопись оправлена в 1756 г.); ОР РНБ. Ф. 777. Собрание П. Н. Тиханова. № 469. Общий перечень всех известных на настоящее время рукописных списков сочинений Прокоповича приводится в: *Cracraft J.* Feofan Prokopovich: a Bibliography of His Works // *Oxford Slavonic Papers.* 1975. Vol. VIII. P. 1–36.
- 23 ОР БРАН. Шифр 45.4.10.
- 24 ОР РНБ. Ф. 777. № 469. Л. 1. Надпись также воспроизводится в: *Майков В. В.* Заметка о Катихизисе Феофана Прокоповича // Сборник статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко. С. 212.
- 25 ОР БРАН. Шифр 45.4.10. Л. 13.
- 26 ИР НБУ. Ф. 301: № 292; № 900. Л. 106об.–151; № 298. С. 549–592; ОР БРАН. Шифр 17.12.6; ОР РНБ. Ф. 487. Собрание Н. М. Михайловского. Ф. 95. Л. 263–300об.
- 27 *Митрополит Евгений (Болховитинов).* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской Церкви. М., 1995. С. 330–331.

- 28 ОР РНБ. Ф. 487. Ф. 95. Л. 263. Прочитировано также в: *Майков В. В.* Заметка о Катихизисе Феофана Прокоповича. С. 215.
- 29 ИР НБУ. Ф. 301. № 900. Л. 106об.
- 30 *Вишневский Д.К.* Киевская Академия в первой половине XVIII столетия (новые данные, относящиеся к истории этой Академии за указанное время). Киев, 1903. С. 248.
- 31 *Вишневский Д. К.* Описание рукописныхъ собраний, находящихся въ г. Смоленске. Вып. 1. Рукописи на латинском языке Смоленской семинарской библиотеки. Смоленск, 1900. № 6 и № 7. Шифры, соответственно, А.821.0.8 и А.830.0.4.
- 32 Ф. 173.1. № 245 (*Суториус К. В.* Источники по истории преподавания православного латиноязычного богословия в России в первой половине XVIII века. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2008).
- 33 Издания подробно описаны в: *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. С. 124 прим.
- 34 *Титлинов Б.* Феофан Прокопович // Русский Биографический словарь. Т. Яблоновский – Фоминь. СПб., 1913. С. 426.
- 35 Там же. С. 426.
- 36 *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. С. 18; *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. С. 128.
- 37 *Гаврилов А. В.* Очерк истории Санктпетербургской Синодальной типографии. Вып. 1. СПб., 1911. Вып. 1. 1711–1839. С. 308.
- 38 *Ежов А.* По каким книгам обучались у нас Закону Божию в XVIII столетии, и чему обучались? // Странник. 1896. Т. 1. Апрель. С. 611.
- 39 Цит. по: *Гаврилов А. В.* Очерк истории Санктпетербургской Синодальной типографии. Вып. 1. С. 312, прим.
- 40 Там же. С. 312, прим.
- 41 После завершения печати синодальному архивариусу Никите Рыбникову было, правда, предписано «безъ резолюціи оныя книги не употреблять въ продажу, иметь [...] въ должномъ храненіи» (*Майков В.В.* Заметка о Катихизисе Феофана Прокоповича. С. 214).
- 42 *Ежов А.* По каким книгам обучались у нас Закону Божию в XVIII столетии, и чему обучались? // Странник. 1896. Т. 1. Апрель. С. 611.
- 43 Каталог русской книги кирилловской печати Петербургских типографій XVIII века. С. 92–93. Экземпляр с двумя титульными листами – РНБ, шифр VIII.7.35.
- 44 Полное собрание законов Российской Империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. VI. № 4021.

- 45 Полное собрание законов Российской Империи. Собрание I. Т. VII. № 4172.
- 46 На титульном листе указано, что это – перепечатка Санкт-петербургского издания 1725 г., которое в библиографии не известно (*Каменева Т. Н.* Черниговская типография, ее деятельность и издания (XVII–XVIII вв.) // Труды Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1959. Т. III. № 80).
- 47 *Афанасьева Т. А.* Издание азбук и букварей кириллической печати в XVIII в. // Из истории рукописных и старопечатных собраний. Исследования. Обзоры. Публикации. Сб. научных трудов. Л., 1979. С. 44.
- 48 *Одинцов Н.* К вопросу о сочинении и издании учительных книг в XVIII столетии // Христианское Чтение. 1905. Август. С. 184–185.
- 49 В Сербии, например, катехизис издавался в 1726, 1727, 1734, 1759, 1763, 1767, 1774 и, вероятно, в 1792 гг. (*Дарчевска И.* Старинные славянские азбуки и буквари (к вопросу о единой истории древнеславянского литературного языка в ареале «греко-славянского мира») // Советское славяноведение. 1979. № 4. С. 60).
- 50 Румынское издание (Рымник: тип. Илии от Чернаводы, 1726; экз. МК РГБ) было фактически двуязычным («въ славенскомъ и власкомъ діалекте»). В кратком предисловии предписывалось использовать катехизис как для нужд домашнего наставления, так и в приходской практике: «[отцы] ваша чада, и инныя домашны ваша по вашей должности такожде исправляйте от безчинія их, и закону Божію научайте я. Найпачеже вы Благоговенніи Протопопи и прочіи Попове, и священници, научите ваша Парохіяльны закона Божія всякимъ оусердіемъ, яко имущій воздати слово за ныхъ» (л. А4).
- 51 Об этом Прокопович упоминает, в частности, в ответе на полемическое послание лютеранских богословов из Кёнигсберга к киево-печерскому монаху Михаилу Шию: *Apologia fidei...* // *Miscellanea Sacra [...].* Vratislaviae: cura Iohannis Iacobi Kornii bibliopolae, 1745. P. 9. Издание подготовил к печати тогда еще простой слушатель Киевской Духовной академии Даниил Нащинский (1720/21–1793).
- 52 *Erste Unterweisung der Iugend. Enthaltend ein ABC Būchlein, wie auch eine kurtze Erklärung der zeiben Gebote, des Gebets des Herrn, und des Glaubens Bekantnisses [...].* Sl., 1723.
- 53 *The Russian Catechism, Composed and Published by Order of the Czar. To which is annex'd, A Short Account of the Church-Government, and Ceremonies of the Moscovites.* London: s.n., [1723]. Издание подробно описано в: *British Museum. General Catalogue of Printed Books.* London, 1964. Vol. 237. P. 63.

- 54 *Карташев А. В.* К вопросу о православии Феофана Прокоповича. С. 227.
- 55 Там же. С. 228, прим.
- 56 *The Doctrine of the Russian Church, being the Primer or spelling book... / Translated from the Slavono-Russian originals by R. W. Blackmore. Aberdeen, 1845.*
- 57 ОР РНБ. Ф. 777. № 469.
- 58 *Майков В. В.* Заметка о Катихизисе Феофана Прокоповича. С. 213–214.
- 59 *Ежов А.* По каким книгам обучались у нас Закону Божию в XVIII столетии, и – чему обучались? // *Странник.* 1896. Т. 2. Май. С. 69–70; *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб., 2001. С. 743–744. «Православное учение, или Сокращенная христианская богословия» (1765) Платона в своей композиции полностью следует заданному Феофаном порядку изложения богословского материала. На основе этого сочинения митрополит создает в 1775 г. «Краткий катехизис для обучения малых детей Православному христианскому закону». Оба труда Платона выдержали целый ряд переизданий.

Korzo M. A.

Catechetical Writings of Feofan Prokopovich

The study analyzes the catechetical writings of Feofan Prokopovich, originality of their content and composition, as well as the history of their publication and the impact on the catechetical tradition in Russia.

Key words: *Feofan Prokopovich, school catechism, book printing in the eighteenth century, Greek-Orthodox culture.*

*Е. В. Байдалова
(Москва)*

**Политика и поэтика, или О роли сюжетных мотивов
в романах В. К. Винниченко 1910-х гг.
(«По местам!», «Божки», «Хочу!»)**

В статье рассматривается роль сюжетных мотивов в романах 1910-х гг. выдающегося украинского политика, писателя, социального философа В. К. Винниченко (1880–1951), анализируется значение родового начала в идейно-философских воззрениях автора, связь между политической и литературной деятельностью писателя.

Ключевые слова: *В. К. Винниченко, родовое начало, сюжетный мотив, политика, национальный вопрос.*

*Так же как политика является акцией
против несовершенства планеты [...] так и литература
является акцией против несовершенства человека.*

Бертольд Брехт

Владимир Кириллович Винниченко (1880–1951) был одной из наиболее ярких фигур в литературной жизни Украины начала XX в. и, пожалуй, одним из самых популярных украинских писателей того времени. Однако к началу 1990-х г., в период обретения Украиной независимости, его имя было известно лишь узкому кругу специалистов. Как и многие другие украинские авторы 1910–1930-х гг., в советскую эпоху Винниченко получил клеймо буржуазного националиста и контрреволюционера (так, например, он назван в «Большой советской энциклопедии»), перестал печататься на территории СССР, многочисленные тиражи его произведений, изданных до середины 1930-х гг., были в основном уничтожены – лишь малая часть книг осталась в спецхранах. Такое отношение советской власти к Винниченко было вполне оправданно: в отличие от целиком сфабрикованных дел «националистов» и «контрреволюционеров» Остапа Вишни, Костя Буревоего, Николая Зерова и многих других репрессированных украинских писателей и деятелей культуры, Винниченко действительно был заклятым врагом советской власти, о чем сам неоднократно писал. Он был не только литератором, но и политиком, революционером, одним из основателей Украинской социал-демократической рабочей партии (1905), заместителем руко-

водителя украинской Центральной Рады (1917–1918), председателем Директории Украинской народной республики (1918–1919). Некоторое время Винниченко выступал на стороне коммунистов: сначала в качестве организатора западного крыла Украинской коммунистической партии, затем даже члена РКП(б). В 1920 г. украинский политик встречался с В. И. Лениным и обсуждал возможность попасть в состав советских органов управления. Сначала он даже получил пост заместителя председателя Совнаркома Украинской Советской Социалистической Республики, однако, не будучи введенным в состав членов Политбюро, о чем, видимо, была договоренность с политической элитой СССР, отказался от участия в органах управления УССР, осознав, что реально не сможет влиять на политическую ситуацию в Украине. После этого он окончательно покинул родину, а в дневнике записал: «*Советской* власти, власти советов по сути нет. Есть власть бюрократов, комиссаров, отдельных единиц, которые опираются главным образом на физическую силу военных и административных аппаратов»¹. При этом до конца своей жизни Владимир Кириллович следил за политической жизнью Украины, открыто выступал в европейской печати против советской власти, создавал свою социально-философскую концепцию устройства общества (конкордизм) с надеждой, что она когда-нибудь будет реализована на его родине. Литература и политика были двумя смыслами его жизни. По образному выражению М. Г. Жулинского, «литература и политика – это два крыла, на которых возносился творческий дух Владимира Винниченко»².

Романы Винниченко 1910-х гг. принято называть «ранными». В его творчестве они занимают особое место. В это время писатель постепенно отказывается от малой прозы, с которой он буквально ворвался в украинскую литературу в начале века, и сосредоточивает внимание на драматургии и крупной прозе. Именно жанр романа позволяет автору с большей свободой художественно воплотить свою еще находящуюся в стадии формирования идейно-философскую концепцию устройства мира и «переустройства» человека, в которой социальные, национальные и морально-этические начала неразрывно связаны. Существенно и то, что именно в процессе создания романов эта концепция была окончательно сформирована. С 1911 по 1917 г. им было написано семь романов, затем писатель на некоторое время полностью посвятил себя политике и не занимался художественным творчеством. Не все его ранние произведения равноценны с художественной точки зрения, однако исследование истории их

создания и поэтики представляется крайне важным для осмысления как социально-философских воззрений писателя, так и эволюции жанра романа в его творчестве, приведшей к созданию им первого украинского философского фантастического романа-антиутопии «Солнечная машина» (1924), а в поздний период – социально-политических романов-трактатов 1930–1950-х гг. Новаторские, во многом провокационные романы Винниченко 1910-х гг. отличают экспериментальность, глубокий психологизм, основанный, как правило, на жизненных парадоксах и противоречиях, поиск нового героя и новых, нетрадиционных для украинской литературы художественных средств.

Три произведения раннего периода составляют особую группу. Это диалогия «По местам!»* (1913) и «Божки» (1914), а также роман «Хочу!» (1915). Интересны история и последовательность их создания. Первую часть диалогии – роман «По местам!» Винниченко начал писать после своей поездки на остров Капри в 1908 г., где произошло его знакомство с М. Горьким, когда он и вошел в круг постоянных посетителей писателя. Винниченко приехал на Капри в то время, когда Горький пригласил туда В. А. Базарова, А. А. Богданова, А. В. Луначарского, а позже В. И. Ленина, чтобы снять противоречия, возникшие в редакции большевистской газеты «Пролетарий» между Богдановым и Лениным после публикации горьковской статьи «Разрушение личности», основанной на философии Богданова. Ленин и Богданов по-разному трактовали философские положения марксизма: в философии коллективизма Богданова Ленин небезосновательно усмотрел отступление от материализма и подверг автора жесточайшей критике в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Судя по всему, Винниченко был хорошо знаком с этими философскими дискуссиями и принимал участие по крайней мере в одной из них, вызванной содержанием рассказа, прочитанного им на вилле М. Горького³. Рассказ, к сожалению, не сохранился. Винниченко описывает эту полемику в письме к одному из своих корреспондентов: «Все нашли мой рассказ “несомненно художественным”, а меня “большим талантом”. Но направление рассказа им не понравилось: индивидуалистическое. А нужно Вам знать, что Горький теперь стал таким правоверным эскедом, что аж грустно становится. До фанатизма! По поводу этого рассказа один вечер были горячие споры. Они все заседали на меня и доказывали, что индивидуализм – пло-

* Укр. «По-свій!».

хая вещь. Я с ними полностью соглашался, но старался убедить, что убийство, унижение единицы во имя коллектива унижает сам коллективизм. Я старался им доказать, что реальны не общество, не класс, а индивид, который абстрагирует некоторые явления и создает для себя понятие общества. Ясно, что мы ни до чего не договорились. Я, разумеется, и не думал переубедить таких людей, как Богданов, Луначарский и другие»⁴. Однако мнение Горького и как состоявшегося писателя, и как возможного издателя было важно для Винниченко, поэтому годом позже в письме к будущему классику соцреализма он постарается еще раз прояснить свою позицию: «...я хочу, чтобы **Я** не затиралось **Мы**, чтобы **Мы** складывалось из больших оригинальных **Я**, чтобы был синтез **Я** и **Ты**, а не абстрактное бесцветное **Мы**»⁵.

Этот спор о соотношении индивидуального и коллективного Винниченко продолжает в диалогии («По местам!» и «Божки»). Главный герой романов, украинский поэт Вадим Стельмашенко, возвращается в родной город из ссылки. Из его дневника мы узнаем, что в Сибири в течение двух лет он находился в полной изоляции от общества: сначала вынужденной (товарищи объявили ему бойкот), потом добровольной (сам не желал ни с кем общаться). Бойкот Вадиму был объявлен из-за его непорядочного, по мнению ссыльных, отношения к некрасивой и никому не нужной девушке Наташе. У них «случился» роман, границы которого, по мысли поэта, были четко обозначены. Однако Наташа забеременела, и общество ссыльных посчитало, что в такой ситуации единственный выход для Вадима – жениться. Стельмашенко от ребенка не отказывался (хоть и просил Наташу избавиться от ненужной им обоим «обузы»), но насильственную женитьбу решительно отвергал. В итоге Наташа покончила с собой, а колония ссыльных решила предать Вадима остракизму. В результате герой создает собственную философскую концепцию «ничего не чувствования», которую можно назвать теорией абсолютного экзистенциального индивидуализма. Согласно ей свободным от общественной морали человека делает только способность находиться вне каких бы то ни было эмоций. В этом Стельмашенко видит отличие своей идеи от представлений Ницше, который, по мысли поэта, не был имморалистом, так как «каждая страница его произведений пылала то гневом, то злостью, то презрением»⁶. Поэт, как ему кажется, действительно находится «по ту сторону добра и зла», поскольку ничего не чувствует по отношению к людям и абсолютно не зависит от их мнения. Так, например, при общении с семьей Микульских «глаза

его смотрели просто, ясно, все впитывая, но ни на что не отклика-
ясь»⁷. Однако и в этом романе, и во второй части дилогии индивидуалистические идеи героя терпят крах, когда Вадиму приходится взаимодействовать с иной общностью – своим родом, своей семьей, к судьбе каждого члена которой он не может остаться равнодушным и непричастным. Как только он входит в комнату к родным, еще не осознавая и не видя в деталях ничего вокруг себя, он чувствует «удар, который будто встряхнул его всего»⁸, «будто пелена спала с его глаз, и он воочию увидел всего себя стоящим перед этой комнатой оголенным, полностью беззащитным»⁹. Вся жизненная философия «ничего-не-чувствования», взращенная в ссылке, оказывается нежизнеспособной при общении с семьей, тем единственным, что заставляет Вадима Стельмашенко чувствовать («с чувством страха, боли, ужаса стал смотреть он на отца»¹⁰). Именно чувство возрождает его к жизни, превращает в человека, способного вновь на безусловную любовь к отцу, матери, брату, сестре, племянникам, а затем и к женщине, детям, «униженным и оскорбленным». Любовь эта становится деятельной: во втором романе Вадим из созерцателя, равнодушно наблюдающего за копошащимися где-то внизу и ничего не значащими для него людишками, превращается в активного деятеля, который устраивает жизнь не только всех своих близких, но помогает и бастующим рабочим (среди которых, правда, его брат и муж сестры) победить в борьбе против жестокого фабриканта, жертвуя ради них и любовью к отвечающей ему взаимностью Олесе Микульской, и даже своей собственной свободой. Понятие семейной, родовой общности соотносится у Винниченко с понятием национальной общности, для которой возможен синтез «Я» и «Ты», а не только абстрактное «Мы». При этом, как и в других своих произведениях, Винниченко высмеивает показной украинский патриотизм тех, кто спекулирует на национальном вопросе. В дилогии многие герои часто и бурно обсуждают «українську справу»*, но главный герой всегда остается в стороне от этих вопросов: он просто живет на украинской земле, он украинец и украинский поэт, который в итоге оказывается среди тех, кто не говорит, но делает.

Появление романа «Хочу!» во многом связано, как указывает В. Панченко¹¹, с многочисленными дискуссиями по национальному вопросу 1913–1914 гг. Точку зрения, с которой солидаризировался Винниченко, высказал Левко Юркевич в журнале «Дзвін» (одним

* Украинское национальное возрождение.

из его основателей был писатель). Юркевич писал, что хотя русские марксисты и признают «необходимость бороться против национальных притеснений, но вместе с тем сами являются участниками этих притеснений, когда выступают против национальных форм рабочего движения подневольных народов»¹². Ряд исследователей считает¹³, что роман «Хочу!» написан как ответ на драму Леси Украинки «Оргия» (1913), где поэтесса в аллегорической форме выступила с критикой тех представителей творческой элиты, которые усердствуют на ниве не своей национальной культуры, а культуры господствующей. Причем, как написал в своих воспоминаниях муж Украинки Климентий Квитка, «происхождение этой вещи имело непосредственную связь с поведением Винниченко»¹⁴. По-видимому, речь идет о намерении писателя, огорченного нелестными рецензиями в украинской прессе и скромными гонорарами на родине, начать писать исключительно по-русски и тем самым перейти в русскую литературу, где его уже ждали контракты на издание новых драм и романов.

Главный герой романа «Хочу» с говорящей фамилией Халепя* – русский поэт среднего уровня, украинец по происхождению, разочаровавшись в жизни и не видя больше в ней смысла, в начале действия неудачно стреляется, но остается жив. За раненым в гостинице, где он пытался свести счеты с жизнью, начинают ухаживать соседи-украинцы (отец и дочь), открывают ему глаза на его принадлежность к старинному казачьему роду и, заразив его идеей возрождения 35-миллионного народа, уезжают домой. Через какое-то время в их украинский город приезжает начинающий украинский поэт Андрей Халепя с идеей стать настоящим украинцем и преобразовать окружающую действительность в справедливо устроенное общество с помощью предприятий «свободного труда». За сердце поэта одновременно сражаются две женщины: цветущая украинка, привлекающая Халепю своим богатым внутренним миром, и роковая русская красавица из его прошлой богемной жизни, влекущая его сексуально. Несмотря на то, что в романе многие эпизоды национального прозрения и «возрождения» героя изображены проникновенно, с тонким лиризмом (особенно те моменты, когда поэт слушает украинские народные песни в исполнении семьи Сосненко), в целом он вполне иронично изображен как типичный неопит, планы которого обречены на неудачу. По-украински Андрей говорит с трудом, тщательно подбирая слова и делая ошибки, предприятия «свободно-

* Укр. 'беда, напасть, неприятность, передряга'.

го труда» не открываются, потому что на их создание нет средств, и даже избавиться от чар роковой красавицы ни гипноз, ни медитация не помогают – спасает его обычное бегство. Финал романа открыт: начинается Первая мировая война, Халепа мобилизован в армию, его дальнейшая судьба неизвестна. Такое откровенно игровое, пародийное содержание романа является исключительным для всей романистики Винниченко, хотя и встречается в его малой прозе¹⁵.

Сходство вышеназванных романов прослеживается не только на содержательном уровне (полемика по остроактуальным для Винниченко общественно-политическим вопросам, генетическая общность главных героев), но и в области поэтики произведений. Один из ее аспектов – наличие одинаковых сюжетных мотивов, которые, однако, по-разному реализуются. Такими мотивами являются мотив возвращения на родину, возвращения блудного сына, отъезда из дома, соблазнения мужчины роковой женщиной, соблазнения женщины роковым мужчиной, самоубийства, зачатия ребенка, получения займы крупной суммы денег.

Вадим Стельмашенко **возвращается на родину** из сибирской ссылки, Андрей Халепа приезжает в один из украинских городов, где живет спасшая его семья Сосненко. Мотив возвращения удваивается (излюбленный прием Винниченко) и превращается в мотив **возвращения блудного сына**. Причем если Стельмашенко действительно возвращается к своему отцу и всей своей семье, то Халепа возвращается не к родному отцу, который давно уже умер, а к Андрею Николаевичу Сосненко, человеку, который его «украинизировал». В финале Вадим **уезжает из дома**, так как отправляется в тюрьму, Андрей – на войну. Главные герои подвергаются **соблазнению со стороны роковых женщин**. Образы Ли (Лидии) – героини романа «Хочу!» – и Тепы (Степаниды) из дилогии очень близки. Обе они роковые красавицы, развращенные, имевшие ранее долгую любовную связь с главными героями. Обе пытаются вновь их соблазнить. Если Андрей поддается соблазну, то Вадим отказывается от связи со Степанидой. В свою очередь, **роковые мужчины соблазняют женщин**: в романе «Божки» Валя Микульская не может устоять перед Водосвятским, которому нужны исключительно деньги ее семьи, а не она сама, Рина находится в зависимости от Юры Микульского; в романе «Хочу!» Нина Сосненко, сгорая со стыда за свои действия, не может отказать в близости мужу сестры. В дилогии многие герои **заключают брак** или пытаются его заключить. Это и ссыльные «старобрачные», которые бесконечно долго ждут разрешения повенчаться,

и Микульские, и Стельмашенко, и Рыбацкие – то есть представители всех трех семей, находящихся в центре повествования. Андрей Халепа в романе «Хочу» всерьез задумывается о том, чтобы жениться на «миллионерше» ради осуществления своей идеи «освобождения труда». **Зачатие ребенка** осуществляется у пар Вадим–Наташа, Валя–Водосвятский в дилогии, и до конца неясно, будет ли ребенок у Елены Сосненко–Чупрун и ее мужа в романе «Хочу!». **Самоубийство** в дилогии совершает Наташа, делает попытку покончить с жизнью и Андрей Халепа. **Крупную сумму денег взаймы** практически всю дилогию пытается раздобыть Вадим Стельмашенко, и в итоге получает ее от Тёпы. Андрей Халепа безуспешно предпринимает попытки получить где-нибудь деньги на свою идею переустройства общества.

Обозначенные мотивы в структуре дилогии выстроены по принципу зеркальности: каждый из них как минимум двоятся, а чаще повторяется несколько раз, тем самым усложняя архитектонику произведения и углубляя его метафизический смысл. Так, например, мотив заключения брака повторяется десять раз, причем пять раз реализуется, а пять остается нереализованным. В романе «Хочу!» те же мотивы оказываются фальш-мотивами. Халепа возвращается на родину, которую не знает и не помнит, к не своей семье, не своему отцу, не в свой дом: «Ему казалось странным, что он лежит где-то в доме чужих ему людей, что дом этот стоит в городе, про который он никогда не думал; и казалось, что он не сам приехал, а волной какой-то принесло его сюда и выкинуло, словно на берег»¹⁶. Поэт неудачно совершает самоубийство, так как рука его перед выстрелом дрожит. Перед соблазнением роковой женщиной он не может устоять, ребенок оказывается не зачат, а деньги не взяты взаймы. Таким образом, можно говорить о сознательной парадоксальности дилогии и романа «Хочу!». Принцип зеркальности в романе «Хочу!» практически не используется, его структура линейна, максимально упрощена. Именно такая конструкция произведения и наличие антимотивов являются одними из принципиальных средств создания иронического дискурса произведения, высмеивания утопических идей быстрого искусственного возрождения национального самосознания личности и социального преобразования мира, не укорененного в родовом начале.

Сопоставление структуры и содержания вышеназванных романов выявляет масштаб взгляда писателя на поднятые общественно-политические и национальные проблемы. Винниченко не предлага-

ет готовых решений: индивидуалистические идеи Вадима Стельмашенко разбиваются о «живую жизнь», главным для героя становится родовое начало, – вопрос о том, как они будут реализованы в обществе, остается в диалогии открытым; идеи же Андрея Халепы в романе «Хочу!», со страстью неофита принявшего свою новую (давно забытую) национальную (украинскую) и социальную (преобразователя общества) идентификацию, не получают развития, так как одного «хотения» (личного индивидуального стремления, онтологически не укорененного) оказывается недостаточно не только для изменения мира, но даже и для изменения себя самого.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Цит. по: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/obshchestvo/ukraina-narbate>.
- 2 *Жулинський М.* «Я не знаю таких записок і щоденників». Володимир Винниченко: щоденникові записи 1926–1928 рр. // *Винниченко В.* Щоденник. Т. 3 (1926–1928). Київ; Едмонт; Нью-Йорк, 2010. С. 14.
- 3 Подробнее о пребывании Винниченко на о. Капри см.: *Панченко В.* Капрі: Експерименти та експериментатори // *Капрійські сюжети: «Італійська проза Михайла Коцюбинського та Володимира Винниченка»* / Упоряд. В. Панченко. Київ, 2003. С. 187–221.
- 4 Цит. по: Там же. С. 197.
- 5 Там же. С. 198.
- 6 *Винниченко В.* Твори: У 24 т. Київ, 1927. Т. 18. С. 34.
- 7 Там же. С. 36.
- 8 Там же. С. 55.
- 9 Там же. С. 56.
- 10 Там же. С. 58.
- 11 *Панченко В.* «Занадто я рано родився...» (Роман В. Винниченка «Хочу!» на тлі «Відродження нації») // *Дзеркало: Драматична поема Лесі Українки «Оргія» і Володимира Винниченка «Хочу!»* / Упорядник В. Панченко. Київ, 2002. С. 309–311.
- 12 *Юркевич Л.* Російські марксистки і український робітничий рух // *Дзвін.* 1913. № 7–8. С. 85.
- 13 См., например: *Бабишкін О.* Драматургія Лесі Українки. Київ, 1963. С. 322–323; *Панченко В.* «Я не буду загрозувати переходом в чужу літературу...» (Загадка генези драматичної поеми Лесі

- Українки «Оргія») // Дзеркало... С. 5–19; Хархун В. «Задзеркалля» модерністської літератури, або Текстуальний діалог Лесі Українки з Володимиром Винниченком // Слово і час. 2003. № 5. С. 85–87.
- 14 Квітка К. На роковини смерті Лесі Українки // Спогади про Лесю Українку. Київ, 1963. С. 234.
- 15 См., наприклад, розказ «Уміркований та щирий».
- 16 Винниченко В. «Хочу!» // Дзеркало... С. 199.

Baydalova E. V.

Politics and Poetry, or Concerning the Role of Plot-Motifs
in the Novels of Volodimir Vinnichenko Written in the 1910s
(«Action Stations!», «Little Gods», «I Want!»)

The article scrutinises the role of plot-motifs in the novels of the outstanding Ukrainian politician, writer, social philosopher Volodimir Vinnichenko (1880–1951) written in the 1910s, analyses the meaning of ancestors derivation in his ideological and philosophical concepts, links between political and literary activities of the writer. Keywords: *Volodimir Vinnichenko, ancestors derivation, plot-motif, politics, national question.*

Н. Н. Старикова
(Москва)

Этнические проблемы современной Словении и их воплощение в литературе

В статье рассматриваются проблемы этнических иммигрантов бывшей Югославии на территории независимой Словении, их стремление к сохранению своей идентичности, проявления ксенофобии и расизма в современном обществе и отражение этих актуальных вопросов в современной словенской литературе. Ключевые слова: *постюгославское пространство, национальные меньшинства, проблема идентичности, этническая субкультура.*

Начало нового тысячелетия стало для Словении важным этапом развития. Как и многие другие «молодые» европейские страны, она пережила несколько политических и экономических кризисов, смену правительств, финансовые трудности, связанные с расходами при вступлении в Евросоюз. Первые десятилетия независимости выявили целый ряд проблем, вызванных коренными изменениями в общественной и социокультурной жизни словенцев. Смена политического строя, экономические миграции, давление законов рынка, столкновение стремления к национальному самоутверждению с процессами глобализации – все это сказалось на отношениях государства и культуры и облике национальной литературы. В нее вошли новые, продиктованные реалиями времени темы, одна из которых обращена к этническим проблемам, к судьбе национальных меньшинств в независимой Словении, их самоидентификации и интеграции.

Вопрос об этническом меньшинстве имеет для словенцев особый подтекст, связанный с перипетиями собственной исторической судьбы: на протяжении веков они сами были в роли зависимого национального меньшинства сначала внутри многонациональной Австрийской империи, а после возникновения королевства СХС и за его пределами (по итогам плебисцита 1920 г. большая часть словенской Каринтии попала под юрисдикцию Австрии). И ныне живущие на юге Австрии каринтийские словенцы (которых насчитывается от 20 до 30 тысяч) продолжают с переменным успехом бороться за свои национальные права. Официальный юридический статус национального меньшинства в современной Словении имеют венгры, итальянцы и цыгане. Согласно Конституции, итальянской,

венгерской и цыганской общинам гарантируются исторически приобретенные особые привилегии, предоставляемые в традиционных местах расселения этих общин, по территориальному принципу и независимо от количества их членов. Защита прав указанных общин национальных меньшинств, предусмотренная статьей 64 Конституции, служит дополнением к гарантиям осуществления общих прав человека, которыми пользуются все граждане. При этом по статистике 2002 г. проживающие в Словении итальянцы, венгры и цыгане в количественном отношении значительно уступают сербам, хорватам и выходцам из Боснии. Согласно материалам, предоставленным Республикой Словенией для Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации ООН в 2005 г., в стране живет менее 2,5 тысяч итальянцев, более 6 тысяч венгров и более 3 тысяч цыган против 38 тысяч сербов, 35 тысяч хорватов и почти 30 тысяч босняков¹. На момент провозглашения государственной независимости Словении в 1991 г. около 97% населения составляли словенцы, то есть в новом государстве они являлись титульной нацией. Наличие представителей других народов бывшей Югославии было связано с предыдущим периодом, когда на ударные социалистические стройки добровольно-принудительно посылали свободные рабочие руки, по-нашему, лимитчиков. Сразу после провозглашения суверенитета любой проживающий на территории республики и имеющий постоянную или временную работу мог получить словенское гражданство; так отдельные приезжие стали словенскими гражданами. После окончательного распада Югославии процессы миграции резко интенсифицировались и были вызваны экономическими причинами – жители беднейших республик и краев бывшей титовской империи перед лицом нищеты искали прибежища в более развитых ее частях. Всего на территории бывшей Югославии с 1991 по 2000 г. в состоянии вынужденного перемещения находилось около 4 млн человек². В первые годы независимости Словении число нелегальных иммигрантов резко увеличилось. Сама нелегальность их пребывания в стране связывала этих людей с криминальными структурами, вынуждала участвовать в торговле наркотиками, «живым товаром», органами, лишала возможности найти законное занятие. В результате многие оказались вне принимающего общества, которое, в свою очередь, не было к ним достаточно доброжелательно. Стремясь противодействовать этой враждебности, боснийские, македонские, черногорские переселенцы образуют неформальные земляческие группы.

К началу 2000-х гг. ситуация ухудшилась настолько, что в Любляне был создан специальный Институт по национальным проблемам, специалисты которого выступили с инициативой предложить парламенту принять, наконец, специальную резолюцию, определяющую правовые нормы для этнических групп, признанных национальными меньшинствами, а таковых в Словении к 2007 г., помимо итальянцев, венгров и цыган, насчитали уже около 35. Открытая общественная дискуссия о статусе представителей народов бывшей Югославии – боснийцев, албанцев, хорватов, македонцев, сербов и черногорцев, – осевших в Республике Словении, ведется еще с начала 1990-х, особенно активны ее участники последние пять лет. Практически все названные этнические группы имеют здесь свои культурные общества, но не имеют особых конституционных прав, охраняющих их национальную самобытность, язык и культуру. В последнее время в это обсуждение включились официальные представители независимых Хорватии и Сербии.

Одними из самых активных переселенцев в относительно благополучную Словению начала 1990-х оказались жители Боснии. Часто это были люди без образования, почти не владевшие словенским языком, согласные на любую и не всегда законную работу. Они старались селиться вместе, так в Словении возникло несколько мест компактного проживания боснийского населения. Самый известный такой район Любляны называется Фужины, его обитатели получили от местных обидное прозвище «чефуры» (и в России существует подобный ряд пейоративных этнических обозначений: «хачеки», «равшаны», «ара» и т.д.). В словенском этимологическом словаре слово «чефур» с пометой «презрительное» обозначает иммигранта из южных республик бывшей Югославии. Не исключено также заимствование из сербского и хорватского языков, где диалектный турцизм «чивут» имеет значение «еврей» в уничижительном смысле. При этом оскорбительный оттенок слово имеет при употреблении его представителями других народов, сами чефуры используют его, скорее, для уточнения своего статуса переселенца из республик бывшей Югославии (например, «я – чефур из Боснии»), а ученые-социологи – как название представителя городской субкультуры. В середине 2000-х гг. в Словении остро встала проблема детей старшего поколения боснийских иммигрантов, которые, хотя выросли и учились в Словении, были кровно связаны с другим – балканским – менталитетом, языком и культурными приоритетами,

поэтому не всегда «вписывались» в предлагаемую европейскую систему общественных координат и ценностей.

Фужины – не самый благоустроенный и по люблянским меркам довольно опасный квартал, живут там, главным образом, боснийские мусульмане, т.е. люди иной по сравнению с коренными жителями этнической, языковой и религиозной принадлежности, они сохраняют привычки южной жизни, свои обычаи и фольклор, зачастую со страхом, недоверием и презрением относятся к «этим словенцам». В свою очередь, «белым» жителям Любляны оказались не чужды ксенофобские настроения, многие из них убеждены, что о жизни фужинского «гетто» можно узнать только из криминальных новостей. Так Словения оказалась в эпицентре одной из важнейших общественно-политических проблем современности – отношений национального большинства с меньшинствами, в которых часто доминирует стереотипное противопоставление «свой – чужой» с расистским подтекстом.

К «фужинской» теме впервые обратился прозаик Андрей Скубиц, получивший широкую известность благодаря роману «Горький мед» (1999), где независимая Словения впервые показана «чужими» глазами – через наблюдения английской семьи, живущей в Любляне. В его следующем романе «Фужинский блюз» (2001) сделан первый шаг к осмыслению межнациональных проблем современного словенского общества. Действие происходит 13 июня 2000, в день отборочного матча чемпионата Европы по футболу между командами Словении и Югославии. Хозяева встречи, словенцы, большую часть игры вели в счете, однако она закончилась вничью: за полчаса до конца второго тайма югославы блистательно отыграли три мяча. Четыре персонажа: две женщины и два мужчины, соседи по этажу в фужинской многоэтажке, люди разного национального и социального происхождения (от родственницы черногорского мафиози до скромной школьной учительницы словенского языка), смотрят трансляцию, по-разному выражая свое отношение к происходящему на стадионе и тем самым, как оказывается, – к недавнему прошлому. Спортивный характер, который проявила югославская сборная, вызывает у болельщиков своеобразную «югостальгию» – чувство гордости, которое пробуждает воспоминания о когда-то великой многонациональной стране. Особый колорит Фужин автор пытается передать через речь героев – коктейль из языков и диалектов народов бывшей Югославии и словенского уличного сленга. Произведение Скубица было благожелательно встречено публикой,

большой успех имела его инсценировка, осуществленная в 2005 г. режиссером А. Ласич в Люблянской драме. Отчасти проблему мультикультурализма и процессы интеграции в современной Европе затрагивает и его предпоследний роман «Легко» (2009).

С учетом остроты для ряда европейских стран «цыганской» проблемы³, не так актуальной, впрочем, для самой Словении, определенный общественный резонанс вызвал также роман Ф. Ланишчека «Неприкасаемые, миф о цыганах» (2007), в котором прослеживается история цыганской семьи, скитающейся по Европе после окончания Второй мировой войны.

В 2008 г. тема боснийских иммигрантов получила продолжение: роман Г. Войновича «Чефуры, вон!» стал бестселлером не только в Словении, но и на территории всей бывшей Югославии, а затем и в Европе, в частности, в Польше и Швеции. В 2009 г. он был отмечен премией фонда Прешерна и премией Кресник, присуждаемой газетой «Дело» за лучший роман года, переведен на сербский, боснийский и хорватский языки, а затем инсценирован люблянским театром «Глей!»* Согласно анализу данных электронного каталога COBISS, проведенному профессором Люблянского университета М. Хладником, этот роман в конце 2008 г. был самым востребованным словенскими читателями.

Горан Войнович (род. 1980) – в прошлом баскетболист, ныне дипломированный кино- и телережиссер боснийского происхождения, снявший несколько документальных фильмов, выступает также как журналист и кинокритик. В 2006 г. он начал работать над сценарием для документального фильма о Фужицах, где сам рос с шестилетнего возраста; из этого текста в итоге получился роман. В интервью корреспонденту журнала «Казин» в январе 2011 г. Войнович назвал свой литературный дебют «отражением того, что происходит в современном словенском обществе, крайне далеком от мультикультурализма»⁴. Названием романа послужило излюбленное ксенофобское граффити люблянских улиц: «Čefurji raus!» – «Чефуры, вон!». Этот лозунг, а также цитата из эстрадной песни и этимологического словаря, в которых объясняется, кто такие чефуры, вынесены в эпиграф романа. Само произведение, безусловно, имеющее автобиографические черты, написано от лица семнадцатилетнего Марко Джорджича, сына боснийских иммигрантов Радована и Ранки, обитаю-

* В октябре 2013 г. в Словении на широкий экран вышел одноименный фильм.

щих в малогабаритной квартире фужинской многоэтажки. Герой с трудом учится в местной школе («ну нет у нас способностей к этому грёбаному словенскому»), тихо ненавидит постоянно ругающихся друг с другом родителей, болеет за «Барселону», общается с себе подобными – Ацо, Ади и Деяном – парнишками из неполных семей, «в тренировочных штанах и с бритыми затылками, у которых нет компьютеров, поэтому они торчат на улице с пивом и наркотиками, матерятся, пристают к девчонкам, машут кулаками и больше всего боятся показаться кому-нибудь лохами». Они прекрасно понимают свою второсортность и самоутверждаются через вызывающее, наглое поведение: например, врубают кассету на полную катушку, когда едут в подержанном отцовском «мерине» допотопной модели по центру Любляны, чем доводят до истерики добропорядочных люблянских пешеходов. «Самое большое удовольствие – это видеть, как пипл глаза тарачит [...] Едешь себе по городу и бесишь оглушительной музыкой местное население. Вот вам, вашу мать! Вы все на нас пялитесь, точно мы из зоопарка сбежали, глаза вылупили и думаете, почему только восемнадцать тысяч этих в нелегалы записали, а не всех сразу [...] Смотрите-смотрите, прикольное нас еще долго никого не увидите, словенскую вашу мать!» С жизнью героя несколько примиряет баскетбол (его отец уверен, что сын когда-нибудь будет играть в ЭнБиЭй) и хорошенькая телеведущая местного кабельного канала, которая почему-то оказывается его соседкой по дому и на которую он с обожанием смотрит каждое утро в лифте. Но как только переростка Марко исключают из юниорской баскетбольной команды, все идет наперекосяк: с горя он с друзьями напивается, они набрасываются на шофера рейсового автобуса и попадают в полицию. В итоге, опасаясь судебного разбирательства, отец отправляет сына в Боснию. Но и там герой не чувствует себя своим, потому что, привыкший быть чефуром в Словении, герой не собирается становиться «янезом»* в Боснии – «Вот уж хрен вам!».

Роман написан как исповедь неприкаянного тинейджера, отвергнутого школой, не слишком понимаемого родителями, оказавшегося между двумя национальными культурами и столкнувшегося с проблемой выбора и поиска самоидентичности. В то же время произведение Войновича – это своеобразный путеводитель по Фужинам, энциклопедия чефурской жизни в Словении, представленная через быт

* Презрительное прозвище словенцев за пределами Словении на других территориях бывшей Югославии.

и нравы семьи Джорджич и других боснийских семей, оказавшихся заложниками последнего югославского конфликта. Отцу героя, простому сербу из Боснии, национализм, процветающий в независимой Сербии, чужд: «Нет у Радована своей страны – вот это его и напрягает. Так у всех боснийских сербов. Боснию они типа вычеркнули из списка и типа подсели на Сербскую Республику, а потом вроде как начали за Сербию болеть, и теперь тарашатся на этих своих Шешелей, и сами уже не знают: а может, мусульмане и хорваты и получше будут всех этих идиотов? Вот Радован и смотрит на Сербию, надеется, что она станет нормальной страной, и тогда он скажет, что это его страна. А сейчас ему стыдно так говорить, пока у власти там персонажи вроде Коштуницы. Но Сербия-то никогда не будет нормальной страной. Мы все это точно знаем».

Главный герой одинаково скептически относится и к словенцам, в которых ощущает скрытую враждебность и явное превосходство («вот дебилы – они все время работают»), и к землякам, замечая их смешные, а иногда и постыдные стороны. О них в известной песне поет словенский шансонье Роберт Пешут Магнифико: «Чефур – низкий лоб, сросшиеся брови и мощный подбородок, работать он не любит, а вот выпить не дурак, за телкой приударить, футбол посмотреть, чефур грязно ругается, ходит весь голдах, лезет в драку без причин, чефур не хочет жить культурно». Названия сорока шести глав, а по сути эпизодов сценария о жизни современного люблянского подростка из Фужин, написанных от первого лица, анафоричны, начинаются со слова «почему», в каждом названии есть скрытый подтекст и отнюдь не скрытая ирония. «Почему чефуры сидят на задних партах», «Почему чефуры не говорят о сексе», «Почему чефуры врубают музыку в машине», «Почему Босния не для чефуров», «Почему чефуры кладут на всех» и т. д. Даже из самих этих названий ясно, что главная особенность романа, одновременно привлекающая и отталкивающая, – провокационность языка. Пожалуй, впервые в словенской литературе для аутентичной передачи разговорной речи персонажа, а именно она является основой всего текста, автор использует не только люблянский сленг, но и обсценную лексику в таком объеме. В этом Войновича нельзя назвать первопроходцем – многие прозаики, например, А. Морович и вышеупомянутый А. Скубиц, довольно активно оперируют в своих текстах вульгарными, нецензурными выражениями. Однако в «Чефурах» резко возрастает стилистический и семантический потенциал обсценизмов. Марко Джорджич говорит на специфическом «чефурском» наречии, в основе которого – иско-

верканый словенский с вкраплениями боснийских диалектизм, сербизмов, молодежного жаргона, непременным атрибутом которого является нецензурная брань. В словенской национальной традиции на протяжении веков существовал жесткий запрет на публичное употребление обсценной лексики и фразеологии, который сначала поддерживался католической церковью, а в XX в. – школой и иными культурными институтами, поэтому у словенцев практически нет своих непристойных ругательств и они пользуются заимствованиями из других южнославянских языков, где такого запрета не было. В целом снятие нормативных ограничений в литературном языке – тенденция общеевропейская, если не общемировая, связанная с изменением языкового эталона на фоне усиления роли масс-медиа и Интернета, ослабления воздействия на общество печатной продукции. Герой Войновича говорит так, как принято среди его земляков, для которых употребление непечатных оборотов естественно и не вульгарно. Монолог Марко максимально приближен к живой речи современной молодежи со всеми ее функциональными особенностями. Его язык эмоционален, спонтанен, выражает отношение повествователя к происходящему и несет в себе большой семантический потенциал. Это форма протеста молодежи против авторитетов и правил, усиленная этническим компонентом. В зависимости от интонации одно и то же «грязное» выражение может иметь совершенно различные смысловые оттенки. Например, давая социопсихологический портрет своих земляков, Марко одновременно осуждает их и жалеет: «Их все достали и отымели, еще бы – ведь платят им гроши, вот им и кажется, что в душу насрали...» Джорджич – плоть от плоти этой фужинской жизни, он вырос среди криков и ругани родных и соседей, среди звуков балканской музыки и оглушительных футбольных трансляций, пряных ароматов обильной еды, в атмосфере братства и взаимопомощи, основанной, правда, на принципе родственных связей и блага. И подростку приходится принимать окружающую действительность как то, чего он не в силах изменить, он с горечью констатирует: «Нет в мире человека, который бы с детства мечтал жить на окраине этой долбаной Любляны в переполненной квартире в полторы комнаты с видом на стену соседнего дома. Никто никогда не мечтал, что тридцать дебилов будут на него косо смотреть только потому, что он не знает, как правильно ставить ударения в этих грёбаных словенских словах!» Марко постоянно приходится выбирать между Боснией и Словенией, между открытостью и коллективизмом ленивых и невежественных земляков и трудолюбием и дисциплинированностью

равнодушных и эгоистичных коренных жителей его новой родины. Далекая Босния кажется ему значительно милее тех словенских реалий, в которых он живет, потому что там «все друг другу помогают, к любому можешь прийти в гости кофе попить без приглашения и всякой прочей мурни. Заходишь, когда хочешь, так – побазарить просто, пообщаться, без понтов и прочей мути [...] Здесь же все только и думают о своей заднице, чтобы у них всего было побольше: и тачка крутая, и хата в несколько этажей – и насрать им на братьев, сестер, дядьёв, тёток. Замкнутые все. Потому и несчастливые». Но когда возникает реальная перспектива оказаться на земле предков, герой вдруг осознает, что «Фужины – это круто. Я ни в каком другом месте не хотел бы жить. По сравнению с этой долбанутой Боснией, с этим бараклом, а не страной, Фужины – Голливуд. Самые крутые чуваки – с Фужин. Да и вообще, что тут сравнивать? Здесь в Боснии просто полнейший облом!».

Прочитав роман, понимаешь, что понятие «чефур» у Войновича шире, чем обозначение иммигранта из южных республик или представителя этнической субкультуры. Опираясь на личный опыт, автор соединяет в поступках и речи своих чефурских персонажей комическое и трагическое, как «ценностное свойство конфликтных ситуаций»⁵, чтобы привлечь внимание к проблеме отношений между малыми и большими этносами в условиях глобализации. Как жить дальше «другой» молодежи, «чужой» для окружающих уже по рождению, за спиной которой лишь опыт родителей с их боязнью и нежеланием интегрироваться в так и оставшуюся для них враждебной и чуждой культурную среду, а впереди – целая неприкаянная жизнь «в этой недоделанной Европе»? Думается, опыт самого молодого писателя может служить здесь ориентиром.

Книга Войновича, как уже было отмечено, получила две самые престижные национальные литературные премии, в том числе награду «за лучшую презентацию словенской культуры и словенского литературного языка». Это кажется симптоматичным.

«Чефурь» вызвали не просто дискуссию, а целые боевые столкновения в блогах, на телевидении, на страницах литературно-критических и массовых изданий. Это, пожалуй, первый случай в современной словенской истории, когда именно литература публично «озвучила» актуальную социально-политическую и этническую проблему словенского общества, и оно отреагировало. Значит, художественное слово все еще приучает читателя осознавать действительность и тем самым оказывает на него определенное влияние.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Седьмые периодические доклады государств-участников, подлежащие представлению в 2005 г. Словения // Цит. по: http://www2.ohchr.org/english/bodies/cerd/docs/CERD.C.SVN.7_ru.doc
- 2 Молодикова И. Н. Особенности этнических миграций в странах Центральной Европы в XX – начале XXI века. Будапешт // Цит. по: http://migrocenter.ru/publ/konfer/kavkaz/m_kavkaz039.php
- 3 Изрицкий Ю. И., Лыкошина Л. С. Национальные меньшинства в странах Центрально-Восточной Европы: сборник обзоров и рефератов. М., 2007. С. 24.
- 4 Vojnović G. Premalo odprti da bi srkali vase. Intervju // Kazin. 2011. № 1. S. 35.
- 5 Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб., 1997. С. 168.

Starikova N. N.

Ethnic Problems in Modern Slovenia and Their Reflexions
in Literature

The article discusses problems of ethnic migrants from the former Yugoslavia on the territory of independent Slovenia, their endeavour to preserve their identity, manifestations of xenophobia and racism in society and reflections of these acute questions in modern Slovenian literature.

Keywords: *post-Yugoslav space, national minorities, problem of identity, ethnic subculture.*

Н. А. Лунькова
(Москва)

Диалектика художественных образов в литературе и кино (на примере экранизации повести «Дикие пчелы» С. Стратиева)

В статье рассматриваются особенности воплощения художественных образов в литературе и кино на материале повести «Дикие пчелы» болгарского писателя Станислава Стратиева и ее экранизации – художественного фильма «Равновесие», принципы отображения художественных образов, трансформации сюжетно-композиционной структуры литературного текста при экранизации.

Ключевые слова: *болгарская литература, проза, Станислав Стратиев, художественный образ, экранизация, кинематограф.*

Целью настоящего исследования является анализ трансформаций и развития художественных образов в повести «Дикие пчелы» (1978) болгарского писателя Станислава Стратиева (1941–2000) и при ее экранизации в фильме «Равновесие»¹ (1983).

Художественный образ представляет особую форму отражения действительности через призму ее восприятия художником. Отражая окружающий мир и реализуя авторскую концепцию его видения, художественный образ формирует новый, вымышленный мир, который рождается в воображении субъекта, его воспринимающего.

Проблема взаимосвязи разных видов искусства в настоящее время является предметом изучения многих исследователей. В процессе своего исторического развития каждый вид искусства складывался благодаря своим специфическим средствам визуализации, возможностям воплощения художественных образов. Творческая практика свидетельствует о том, что наряду с дифференциацией искусств большое значение имеет проблема их взаимосвязи и взаимопроникновения: ни один из видов искусств не находится в изоляции, напротив, каждый стремится перенять что-либо от смежных с ним видов. Одна из особенностей положения кинематографа состоит в том, что он появился значительно позже музыки, искусства слова, живописи и театра. Это позволяет говорить о кино как о синтетическом искусстве, использующем достижения своих «предшественников» и трансформирующем их в соответствии со спецификой экранного восприятия.

С. Стратиев часто перерабатывал свои прозаические произведения в киносценарии или пьесы. В прозе у автора всегда есть возмож-

ность комментировать действия героев, описывать их внешность, место действия, вести повествование то от 1-го, то от 3-го лица. В драматургии и кино, где «эмоции выражаются только через действие, поэтому замедленный темп прозы [...] неуместен»², Стратиев уделял особое внимание диалогам персонажей. Он обладал тем качеством писателя, которое С. М. Эйзенштейн называл «кинематографичностью мышления», созданные болгарским автором литературные тексты по самой своей структуре киногоеничны. В композиционном строении повестей Стратиева есть своеобразные «монтажные сцепления», без труда позволяющие перейти с одного «кадра» на другой. Это можно проследить, сопоставив диалектику художественных образов в повести «Дикие пчелы» и ее экранизации, на материале которых будут рассмотрены сходства и различия их образной системы.

Повесть «Дикие пчелы» (сборник «Подробности пейзажа», 1978) рассказывает об истории жизни Елены, ее мужа Милко и его любовницы Марии. События освещаются, соответственно, с трех разных позиций, что позволяет и читателю, и зрителю заметить различия в мировоззрении героев. Перипетии их судеб, данные автором ретроспективно, показаны на фоне основного сюжетного действия – съемок художественного фильма. Повесть начинается с описания пейзажа, где проходят съемки, – маленького подсолнечного поля на берегу реки с жужжащими над ним дикими пчелами. Этим пейзажем любуется сценарист, внутренний мир которого находится в полной гармонии с природой: «В какой-то момент ему даже показалось, что он стал бесплотным и невесомым, без начала и конца, стал продолжением света, который пробивался сквозь листву и был везде. В последнее время ему сопутствовала удача, все складывалось как нельзя лучше, жизнь текла спокойно и размеренно, работа над фильмом шла успешно, режиссер оказался толковым, сценарий был оценен высоко»³. Автор передает чувство умиротворения, испытываемое героем, в жизнь которого уже совсем скоро ворвется хаос и нарушит его душевное равновесие. Затем с помощью монтажа, который является одним из основных композиционных приемов повести, прозаик обращается к сюжетной линии, связанной с жизнью Милко, шофера съемочной группы, рассказывает о его мечте стать профессиональным гонщиком. Путем ретроспекции в повесть включены главные этапы прошлого героя: детство на окраине Софии, трудные школьные годы, работа на заводе, знакомство и женитьба на крановщице его цеха Елене, служба в армии, служебный роман с чертежницей, увольнение, работа в такси, мечта об участии в ралли, в чем

ему помогла бы Мария, поскольку за предприятие ее отца выступает команда гонщиков... Эпизод знакомства с Марией и завязки их отношений – финальный в этой части повести. Описание каждого события по объему не занимает больше 2–3 небольших абзацев, что придает повествованию динамизм и находит отражение в экранизации.

В центре следующего сюжетного узла – образ Марии, раскрытие которого начинается с описания внешности героини. «Мария была хороша собой и знала об этом»⁴, – эту фразу можно расценивать как своеобразный девиз девушки. Все, чего она достигала в жизни, было связано с ее отношениями с мужчинами, которые складывались весьма удачно благодаря ее внешним данным. В том же ретроспективном ключе, что и при описании прошлого Милко, автор раскрывает основные «вехи» жизни Марии: ее отношения с Мартиновым, другом отца, когда ей не было еще шестнадцати, недолгое увлечение физикой, плаванием, где самым прекрасным были тренировочные лагеря на море, ночи с молодым тренером, аттестат, полученный благодаря отцу, оборудовавшему школьный кабинет физики, поступление в вуз, знакомство с кинооператором, кинопробы, работа ассистентом режиссера. В университет она больше не вернулась, выбрав свободу общения и трудового графика. После знакомства с Марией автор возвращает читателя во временной пласт основного действия, воссоздавая встречу Марии и Милко на берегу реки, когда «на землю опустилась ночь... Та же самая ночь опустилась и на городок, и на гостиницу, в которой где-то сонно текла из крана вода. В душном номере на втором этаже было жарко. Елена встала, открыла окно»⁵. Так, с помощью приема синтаксического параллелизма, автор вводит образ Елены, жены Милко. Через ретроспективную структуру повествования Стратиев раскрывает основные этапы жизни Елены: «взрослое» детство, учеба в школе, где ей самой приходилось сидеть на родительских собраниях, конфликт с директором, работа на заводе, знакомство с Милко, жизнь с которым была отнюдь не проста. Говоря о Елене, автор неоднократно использует эпитет «трудный». Ничто не давалось героине легко: с шести лет она ухаживала за парализованной матерью, учиться бросила, потому что маминной пенсии по инвалидности не хватало на жизнь, муж Милко был очень вспыльчив и не терпел, чтобы им командовали. Пока он служил в армии, Елена похоронила мать, потеряла ребенка, потом «случилась та история с чертежницей, Елена тогда ничего не сказала»⁶. Она любила мужа, доверяла ему и не могла поверить в его измену. Любовный треугольник «Милко – Елена – Мария» («муж – жена – любовница»)

носит у Стратиева архетипический характер. Подобная устойчивая форма взаимоотношений героев встречается как в литературе, так и в кинематографии. В качестве примера можно привести известный треугольник – «Каренин – Анна – Вронский» («Анна Каренина» Л. Н. Толстого), где, согласно заданной модели поведения, Каренин играет роль «предаваемого», Анна – «предателя», а Вронский выступает в качестве «инструмента предательства». Но если у Толстого треугольник разрушается из-за смерти «предателя», то в повести Стратиева любовный конфликт разрешается иначе. Познакомив читателя с тремя образами героев, воплощающими три разные поведенческие модели, автор подводит его к кульминации любовного конфликта – ссоре Милко и Елены в гостиничном номере, невольным свидетелем которой оказался сценарист. Во время этой ссоры Милко признается, что связь с Марией ему нужна, чтобы стать участником ралли и обладателем гоночной машины. Упрекая Елену в том, что она ничего не смогла дать ему, герой произносит: «Закрой на все глаза и потерпи немного. Ничего с тобой не случится!»⁷ Развязка трагична: Елена в отчаянии покидает номер и, двигаясь по набережной, не замечает, как оказывается на шатких деревянных мостках и падает в воду: «Она не поняла, что произошло, а вода уже сомкнулась над головой, прижала непосильной тяжестью. Сильное течение понесло ее, ударив несколько раз об опоры мостков. Она погружалась все глубже и глубже, с открытыми глазами...»⁸

Гибель Елены – поворотный момент в развитии нравственно-го конфликта повести. Ее смерть больше всего поразила не мужа, а сценариста съемочной группы. Нарушив привычный ход жизни, она заставила героя задуматься об истинном смысле существования. Труп Елены обнаружили у маленького подсолнечного поля, над которым «яростно жужжали дикие пчелы»⁹, и теперь пейзаж, радовавший глаз сценариста в начале повести, стал для него причиной мучительного волнения. В ответ на реплику режиссера: «...если из-за измен все побегут топиться, не хватит водоемов», сценарист говорит, что дело даже не в физиологических отношениях, а «в доверии... в тех человеческих чувствах, которые больше всего уязвимы»¹⁰. Он готов бросить работу, перестать быть только зрителем, пассивно плыть по течению жизни. Герой уезжает с места проведения съемок и всю дорогу до Софии вспоминает свою жизнь, пытается понять, как стал эгоистом. Его память воспроизводит фрагменты прошлого: он видит отца, который распрягает ослика, мать, стирающую белье, деревенскую школу, знакомство с будущей женой, ее родителями.

Он вспоминает, как, попав в Софию, стал жить двойной жизнью: в действительности обитал в крошечной мансарде, бедствовал, носил вылинявший плащ, а в мечтах, защищенных от реальности миром книг, получал престижные премии в Европе и Америке. Постепенно эта выдуманная им жизнь становилась явью, но в ней было «много лжи, самообмана и зависти», а сам герой, приобретя известность, стал человеком, «который идет на компромиссы ради собственного благополучия [...] Вдруг он почувствовал неприязнь к этой девушке, которая неожиданно ворвалась в его налаженную жизнь, внесла в нее смятение и тревогу. Он почувствовал, что ненавидит эту девушку с ее простой и страшной истиной, сразу все перевернувшей... Он хорошо устроился в этой жизни и не хотел, чтобы его беспокоила совесть»¹¹. Сценарист вернулся к съемкам фильма, премьеры прошла в торжественной атмосфере. Казалось бы, все идет в привычном ритме, ничто не может его нарушить. Но ночью сценарист просыпается от «запаха дикого меда, острого и горького», выбрасывает подаренный букет, но запах остается. «И тогда он понял: теперь в темноте ночи его всегда будет будить аромат дикого меда, напоминающий о маленьком подсолнечном поле, трепетном свете, девушке, лежавшей с открытыми глазами, яростном жужжании диких пчел»¹².

При характеристике образов повести и их систематизации будет использована классификация М. Н. Эпштейна. Следуя вычленению в образе двух главных компонентов – предметного и структурного, Эпштейн выделяет три уровня, на основе которых формируются соответствующие группы: 1) *предметная* (образы-детали, фабульный слой, образы-характеры, образы-обстоятельства), 2) *обобщенно-смысловая* (образы индивидуальные, характерные, типические; образы-мотивы, топосы, архетипы) и 3) *структурная*, в основе которой лежит соотношение двух планов образа – явленного и подразумеваемого. В последней группе выделяются следующие типы образов: а) автологические, где оба плана совпадают, б) металогические, в которых явленное отличается от подразумеваемого как часть от целого или вещественное от духовного, и в) суперлогические, или символические образы, где подразумеваемое превосходит явленное степенью всеобщности¹³.

Главными «двигателями» фабульного действия, участвующими в коллизиях и конфликтах, носителями идеи произведения являются *образы-характеры*. Уже обозначенный ранее любовный треугольник «Милко – Елена – Мария» составляют три образа-характера, по смысловой обобщенности относящиеся к индивидуальным, но в большей степени претендующие на роль характерных и даже

типических. Это связано с тем, что их любовная история, вскрывающая определенные закономерности жизни болгарского общества, не ограничивается лишь национальными рамками, ведь верность или предательство, самопожертвование или эгоизм – вечные свойства человеческой природы. Если рассматривать взаимоотношения героев в рамках любовного треугольника, то образы являются архетипическими и суперлогическими, поскольку такой вид любовной коллизии встречается еще в мифологии и входит в постоянный фонд сюжетов, используемых писателями («Красное и черное» Стендаля, «Любовник леди Чаттерлей» Д. Лоуренса и т. д.). Особого внимания заслуживает образ Елены, характеристика которого выходит за рамки любовного конфликта.

Центральными проблемами творчества Стратиева 1970-х гг. являются проблемы нравственные. В своих повестях и рассказах он создает портрет современника, исследование духовного развития которого и есть главная авторская задача. Все герои Стратиева этого периода так или иначе проходят своеобразную нравственную проверку¹⁴, поэтому образ Елены можно отнести к образам-мотивам, поместив его в один ряд с образами главных героев повестей «Недолго светило солнце» и «Дикая утка между деревьями». Кроме того, образ Елены связан с архетипом Персона (Маска), который, согласно концепции К. Г. Юнга, есть внешнее выражение социальности, демонстрация компромисса между индивидом и обществом¹⁵. Персона – это та социальная роль, которую вынужден играть человек, выполняя требования общества; таких примеров противостояния личности и общества много, взять хотя бы протест барона Мюнхгаузена, не желавшего становиться таким, как все, жить «по правилам». В повести есть эпизод, где между директором школы и ученицей Еленой произошла «схватка» в День славянской письменности: «Директор нервничал, он бегал вдоль колонн школьников и вдруг ни с того ни с сего принялся ругать Елену. Он привык, что ученики ему не прекословят, и потому был поражен, когда Елена набросилась на него и стала колотить своими маленькими кулачками»¹⁶. Снизив девочке оценку за поведение, директор вряд ли ожидал, что Елена повесит свой дневник рядом с учительской и напишет в нем, что себе она оценку повышает, а директору понижает. Юная максималистка не согласна с несправедливыми требованиями общества, которое с детства пытается ее заставить на многое «закрывать глаза». В экранизации этот эпизод с директором отсутствует, но есть другой, гораздо более точно раскрывающий конфликт общества и человека, который

не хочет надевать маску и хочет быть самим собой. Речь идет о сцене на уроке словесности, тема сочинения которого «Почему я хочу быть как Ботев?». Личность Христо Ботева, болгарского революционера, яркого поэта и национального героя, может послужить темой для школьного сочинения, однако, как вскоре выясняется, предыдущее сочинение было на тему «Почему я хочу быть как Левский¹⁷?». Учеников сознательно просят отказаться от своей личностной характеристики, заменив ее на чужую, спрятав свое «я» за Маской. Героиня отказывается писать эту работу, на экране возникает перекошенное от злости лицо учителя и спокойный взгляд Елены:

- Почему ты не пишешь? Ждешь специального приглашения?
- Я не могу быть такой, как Ботев.
- Встань! И почему же ты не можешь?
- Потому что не могу.
- Что?!
- Я не могу быть, как он, потому что не хочу. Я Елена. Елена Иванова.

И в повести, и в экранизации Елена все время пытается отстоять свое «я», свое право на жизнь «с открытыми глазами». Неслучайно в фильме большое внимание уделено именно лицу героини, ее глазам: они то покрасневшие, воспаленные от усталости, то смеющиеся, то печальные; когда находят труп женщины, камера фиксирует ее полуоткрытые глаза, приоткрытый рот. Кадр, где мертвая девушка лежит на берегу, будет постоянно повторяться, раскрывая внутреннее состояние сценариста.

Образ сценариста также является образом-характером. С ним связано развитие действия, где персонаж выступает не столько как активное действующее лицо, сколько как наблюдатель. Сценарист слышит ссору Милко и Елены, видит, как женщина выбегает из гостиницы, но ничего не делает, чтобы помочь ей. Потрясенный произошедшей трагедией, герой пытается переломить ход своей жизни, в повести эти переживания передаются через его внутренний монолог или несобственно-прямую речь. Натура рефлекслирующая, имеющая духовный потенциал, силы отказаться от конформизма и комфорта ради сохранения своей индивидуальности, чести и достоинства, сценарист, однако, оказывается неспособен измениться к лучшему: он так и остается заложником общества, в котором ценятся прежде всего материальные блага. Такой тип героя хорошо представлен в мировой литературе.

Система образов-персонажей повести и ее экранизации состоит не только из образов-характеров, но и из вспомогательных *образов фабульного слоя*, функция которых заключается в дополнении главных образов-персонажей или в развитии сюжетных линий, *образов-мотивов* произведения. К ним относятся образ режиссера, данный в сопоставлении со сценаристом (оба раскрывают мотив творчества). Режиссер, как и сценарист, уезжает со съемок с мыслью начать новую жизнь, но когда понимает, что жена и дети не оценят его поступка, то возвращается назад, к съемочной группе. Эпизодические автологические образы участников съемочной группы, актеров, жены сценариста и другие придают динамичность сюжетной линии, посвященной съемкам. К фабульному слою относится и образ матери Елены, прикованной к постели после несчастного случая на заводе. По смысловой обобщенности это образ-архетип, существовавший в искусстве еще на ранних стадиях его развития, а по соотношенности структуры и смысла он тяготеет к металоогическим. За образом матери стоит образ семьи, рода; после смерти самого близкого для нее человека Елене «не за что было ухватиться, почва уходила из-под ног, она тонула»¹⁸. Все эти образы сохранены в экранизации, но добавлены и новые (фабульные, индивидуальные, автологические): подельники Милко, чертежница и кинооператор, лишь упомянутые в повести, учителя Елены, врач в женской консультации, актриса Ваня и др.

В литературе образ является умозрительным, в киноискусстве – визуально-словесным, поэтому в экранизацию нужно было ввести большее число персонажей, во взаимодействии с которыми герои обнаруживали бы свои отличительные черты. На примере экранизации повести «Дикие пчелы» наблюдается значительное сокращение объема вербального содержания, хотя слово продолжает играть важную роль в кинотексте. В исследуемом кинопроизведении жизнь героев менее детализирована, их внутренние монологи, игравшие столь важную роль в исходном тексте, сохранены лишь частично, нет авторского комментария, являвшегося вспомогательным элементом при формировании у читателя/зрителя оценки персонажей и событий. Однако и в исходном тексте, и в тексте экранизации существуют *образы-детали*, которые формируют определенную оценку характеров и обстоятельств. Одним из ключевых в повести выступает образ диких пчел, вынесенный в название. Образ маленького подсолнечного поля у реки, над которым жужжат дикие пчелы, является рамкой композиции. Повторяющееся описание диких пчел,

их жужжания постоянно напоминают о свободной природе человека. Дикие пчелы, их «яростное жужжание», запах дикого меда – сквозные образы, символизирующие свободу, нечто неподвластное рациональному восприятию мира. Кроме того, пчела символизирует этическую чистоту и высокие нравственные устои. С этим образом из всех героев сравнивается только Елена: «Знания она накапливала медленно, как пчелка»¹⁹. Пчела – символ трудолюбия, и мотив труда в повести неразрывно связан именно с Еленой, считавшей, что без него ничего нельзя добиться. В философии Ф. Бэкона пчела является воплощением идеального способа эмпирического познания: она не только накапливает, но и перерабатывает, синтезируя лучшие качества материала. Но существует и другая трактовка образа пчелы, связанная с концептом смерти. В традициях некоторых древних народов мед использовался в качестве ритуальных возлияний при погребении, медовые напитки – нектар бессмертных олимпийских богов и т. д. По смысловой обобщенности этот образ относится к индивидуальным, авторским. По своему культурному коду он близок к архетипическому, а по соотношению структуры и смысла – к суперлогическому, то есть образу-символу. В экранизации образ диких пчел не нашел адекватного отражения: возможно, это объясняется сложностью визуализации и отсутствием возможности его словесного воспроизведения.

В фильме символом свободы является типический образ-мотив – образ моря, ассоциирующийся с вольной природой человека и заменивший имевшиеся в повести образы реки, подсолнечного поля и диких пчел. В экранизации образ моря выступает и в качестве образа-обстоятельства: гостиница, где живут герои, расположена в приморском городке, на берегу моря проходят съемки, там же встречаются Милко с Марией, там находят труп Елены. Визуальное изображение в экранизации стало полной заменой словесного описания пейзажа, что в значительной степени привело к однозначности восприятия природы, так как зрительный образ навязывается аудитории, в то время как читатель с помощью фантазии может сам построить картину изображаемого. В связи с этим в фильме не удалось полностью компенсировать отсутствие уже перечисленных символов первичного текста и сохранить то эмфатическое воздействие, которое они оказывали на реципиента. Еще одним образом-деталью является дом Елены, убогий интерьер которого в определенной степени накладывает отпечаток на характер самой героини. В фильме режиссер несколько раз оставляет в фокусе трещину на белом по-

толке, на которую смотрит Милко, лежа на кровати в единственной комнате этого старого дома и мечтая о чем-то более роскошном, чем их с Еленой жилье. С мотивом семьи связан не только образ дома, но и образ старых детских санок, сидя на которых, оставшаяся в одиночестве Елена переживает новость об измене Милко. Кроме деталей интерьера значимыми также оказываются *вкусовые образы* (образы еды) и *образы-запахи*; последние в экранизации отсутствуют. Среди образов-запахов в тексте встречаются запах дикого меда, связанный с образом диких пчел и мотивом свободы, и запах дикой мяты и айвы, дополняющие образы Марии и Милко. Вкусовые же образы относятся, как и образы-запахи, к металолическим и воплощают проявление животного начала в человеке, его тягу к вещественному (подобные типические образы встречаются в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Ф. Рабле, «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова). В тексте важные события в жизни героев часто передаются одним-двумя предложениями, тогда как описание блюд и напитков, поданных на премьере, занимает почти полторы страницы, в экранизации же использована монтажная метафора, когда точка съемки совпадает с точкой обзора персонажей, участвующих в сцене: в данном случае актеров, членов съемочной группы и приглашенных гостей (их голоса заглушены звоном бокалов).

И, наконец, последней группой образов, отсутствующей в первичном тексте, являются *звуковые образы*, выполняющие в фильме несколько функций. Во-первых, персонажи «заговорили» благодаря особенностям воплощения художественного образа в кино, во-вторых, присутствуют такие образы-детали, как шум моря, закадровое звучание которого связано не столько с непосредственной демонстрацией стихии на экране, сколько с душевными переживаниями сценариста, перед глазами которого то и дело встает образ Елены. В-третьих, появляется музыкальное оформление для усиления напряженности и выразительности изображаемого, за кадром звучат популярные в то время музыкальные композиции. Так, в фильме знакомству Милко и Елены предшествует эпизод, когда героя избивают, при этом в качестве звуковой дорожки использована песня группы «Битлз» «Can't buy me love», она звучит словно пролог к будущим отношениям героев. Когда Милко знакомится с Еленой в столовой завода, звучит фрагмент песни «Ваканцията свърши» («Отпуск закончился») в исполнении популярной эстрадной певицы Лили Ивановой, камера сфокусирована на лицах Елены и Милко, завязывают-

ся их отношения. Там же, когда Милко будет обедать уже с женой Еленой, изображение ее лица будет расфокусировано, а камера покажет на чертежницу, сидящую сзади. За кадром слышится песня «Зимна приказка» («Зимняя сказка») той же Лили Ивановой, но если в первом случае музыкальный фон гармонировал с развитием отношений героев, то здесь он дан для контраста, поскольку песня о любви посвящена отнюдь не Елене.

Говоря в целом о том, какие «превращения» происходят с литературным произведением при экранизации, не следует забывать о различиях между художественным текстом и киноматериалом. Основное значение любого текста массовой коммуникации (в том числе и кинотекста) – сделать общедоступным ключевые содержательные моменты происходящих событий, включая и те, что лежат в основе литературных произведений. Экранизация требует создания вторичного текста – сценария, для воплощения которого необходимо знание оригинала и контекста. Поскольку Стратиев выступил одновременно и как автор повести, и как ее сценарист, ему принадлежит принцип сохранения, замены или дополнения системы образов исходного текста, что позволило передать на экране оригинальный авторский замысел.

Подводя итог, отметим, что система художественных образов повести «Дикие пчелы» и фильма «Равновесие» представлена на разных уровнях предметного и структурного слоев: в экранизации сохранены образы-характеры и большинство образов-деталей, но отсутствуют образы-запахи, в повести нет звуковых образов. Все изменения в системе художественных образов были вызваны основной задачей экранизации – языком кинематографа донести до зрителя содержание литературного произведения, сохранив при этом его эмоциональную насыщенность и затронутые автором нравственные проблемы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 «Равновесие» – болгарский художественный фильм 1983 г., экранизация повести «Дикие пчелы» С. Стратиева. Режиссер – Людмил Кирков, сценарист – Станислав Стратиев. В главных ролях: Георги Георгиев-Гец – сценарист, Пламена Гетова – Елена, Константин Коцев – режиссер, Катерина Евро – Мария, Павел Поппандов – Милко. Производство киностудии «Бояна»; продолжительность 140 минут.

- 2 *Канушева И.* Основни характеристики в творчество на Станислав Стратиев // Млади изкуствоведи: Алманах. София, 1997. С. 126.
- 3 *Стратиев С.* Подробности пейзажа. София, 1990. С. 102.
- 4 Там же. С. 116.
- 5 Там же. С. 121.
- 6 Там же. С. 125.
- 7 Там же. С. 129.
- 8 Там же. С. 133.
- 9 Там же. С. 141.
- 10 Там же. С. 146.
- 11 Там же. С. 169.
- 12 Там же. С. 173.
- 13 Подробнее см.: *Эпштейн М. Н.* Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 252–256.
- 14 Подробнее см.: *Лунькова Н. А.* Повести 1970-х и рассказы 1990-х гг. Станислава Стратиева: к проблеме жанра // Славянский альманах 2012. М., 2013. С. 342–351.
- 15 Подробнее см.: *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М., 1991.
- 16 *Стратиев С.* Подробности пейзажа. София, 1990. С. 123.
- 17 Васил Левский (болг. Васил Левски, 1837–1873) – болгарский революционер, участник национально-освободительного движения, один из основателей Болгарского центрального революционного комитета.
- 18 *Стратиев С.* Подробности пейзажа. С. 125.
- 19 Там же. С. 111.

Lunkova N. A.

Dialectics of Artistic Images in Literature and Cinematography
(with an Example of the Screen Version
of Stanislav Stratiev's Novel «Wild Bees»)

The article treats the peculiarities of how artistic images are being realised in literature and cinematography on the material of the Bulgarian writer Stanislav Stratiev's novel «Wild Bees» and its screen version – the film «Balance». Furthermore it considers the principles of transformation of the plot and composition of the literary text while making a screen.

Keywords: *Bulgarian literature, prose, Stanislav Stratiev, artistic image, screen version, cinematography.*

Н. В. Шведова
(Москва)

Реалии современности и поэтика в творчестве словацкого писателя Павла Яника

Статья посвящена поэзии П. Яника, в которой поднимаются проблемы экзистенциального и нравственного характера. Поэзия Яника сопоставляется с поэзией классика словацкой литературы XX в. М. Валека.

Ключевые слова: *словацкая поэзия, современный мир, абсурд, игра слов, П. Яник, М. Валека.*

Павол Яник (род. 1956, Братислава) – современный словацкий поэт, драматург, автор афоризмов. Среди своих коллег он выделяется постановкой важнейших нравственных, экзистенциальных, политических вопросов современности, склонностью к иронии и абсурду, виртуозной работой со словом. Многие он сознательно унаследовал от выдающегося словацкого поэта второй половины XX в. Мирослава Валека (1927–1991). Под руководством Валека, в ту пору министра культуры, Яник работал в этом министерстве в 1983–1987 гг. В частности, от Валека у младшего поэта идет «острашение» фразеологизмов, идиоматических выражений, развитием которого стала игра со схожими по звучанию словами, рождающая новые смысловые оттенки. Объединяет двух поэтов тяга к парадоксу, сюрреалистическому неожиданному столкновению отдаленных значений слов.

Яник окончил театральный факультет Института музыкального и театрального искусства по специальности «кино- и теледраматургия и сценаристика». Как поэт он дебютировал в 1981 г. сборником «Недостовверные известия». Помимо стихотворных книг, он публиковал пьесы, сборники афоризмов. Его избранные стихи и три пьесы изданы на русском языке (2004, 2006), произведения выходили также в антологиях словацкой поэзии, российской периодике (2000-е гг.). В стихах Яник эволюционировал от камерности к планетарности мышления, от юношеской лирической игривости к серьезному, все более пессимистичному самопознанию современного человека и его среды, к обнаружению жестокости и зачастую бессмысленности окружающего мира, что обусловило тягу к поэтике абсурда. Яник, как и большинство современных словацких поэтов, пользуется в

основном верлибром, но иногда прибегает и к рифмованной силлабо-тонике – в юмористических или иронических стихах, а также в произведениях, навеянных поэзией XIX века («Пушкин») или написанных в песенном жанре («Тишина»).

Наиболее светлая часть поэтического творчества Яника – его любовная лирика. Она тонка и исполнена проблематичности, неуспокоенности, как и у Валека. В ранних стихах Яника обострено чувственное восприятие действительности, живая связь впечатлений и настроений. Например: «Ты приходишь от запаха. // Помытый цветок. // Я вдыхаю тебя, завитую узлом, как дым»; «От тебя у меня болит голова, // и доныне я тебя путаю с музыкой» («Тебе»); «Дрожь созревающих садов! // Твой ароматный вздох яблок» («Похищение», пер. Е. Тамбовцевой); «Каждый день я вижу, как ты отцветашь // в объятии трав» («Супружество» – всё из сб. «Недостовверные известия»). Есть здесь и приметы индустриального мира, спроецированные на мир природы (черта авангардной поэтики): «Горные цепи спешно обнажают // бетонные конструкции вершин. // В кронах деревьев стрекочут телеграфные станции» («Вмешательство»). Заметно и влияние так называемой «трнавской группы», или «конкретистов» (группа поэтов, вступавших в литературу на рубеже 1950–1960-х гг. – Я. Стахо и др.). В частности, строки «Каждый день я тебя вкладываю в глаза, // как детский рисунок, // и затаиваю дыхание» («Супружество») напоминают стихотворение конкретиста Яна Ондруша «Губы». Впрочем, некоторые критики и Валека причисляли к конкретистам, что не вполне правомерно: он ближе к сюрреализму, особенно в 1960-е гг.

Строка Яника «...и доныне я тебя путаю с музыкой» уже напрямую перекликается со стихотворением Валека «За минуту до сна»: «Я твоя музыка // Мелодия что не идет из головы» (сб. «Прикосновения», 1959). Есть в любовной лирике Яника (как и в других жанрах) развитие валековских приемов или образов. Например, такое гиперболическое выражение любовного чувства:

Все радиостанции
передают биение твоего сердца.
В трубках
всех телефонов
слышно твое дыхание.
По всем телевизионным каналам
показывают в прямой трансляции

из зеркала в гостинице «Алькрон»
твое спящее лицо*.

(«Сон из стекла», сб. «Ура, горит!», 1991)

Валек:

С утра к вам приходят телеграммы,
море писем захлестывает дом,
телефоны зазвонили во всем квартале сразу.

Ничего не случилось, ничего не случилось,
это лишь я тебя постоянно зову...

(«Прикосновения» из одноименного сборника)

Отметим, что у Валека в приведенных примерах чувство направлено от лирического героя к любимой, а у Яника – наоборот. Лирика Яника – более сдержанная и отстраненная.

В более поздних любовных стихах Яник активно использует парадоксы («Скорбь от победы // невыносима» – «Вынужденная посадка в твоих волосах», пер. Е. Тамбовцевой) и столкновения разных пластов лексики, чаще всего – газетно-канцелярских штампов с традиционными поэтическими образами: «Оно пахло цветами, // лепестки которых // снегом падали на наши тела // на зло всем видам // коммунальных служб» («Зеркала после сумрака» – сб. «Ура, горит!»).

Еще в молодости Яник задумывался о печальной участи стариков («Molto adagio») или о псевдореальности бюрократического мира («Ex off»), используя приемы синонимического выражения одинакового содержания (однообразие старости) и канцелярские выражения (сборник с «незваловским» названием «До свидания во множественном числе», 1985). В первом из названных стихотворений Яник трижды повторяет мотив «переселения» старых людей, изобретательно находя близкие по значению слова. Третье появление мотива обнаруживает основную мысль стихотворения – философское осознание неизбежности перемен.

Старые люди переселяются.
Медленно и неуклюже,

---

* Все стихотворные переводы Н. В. Шведовой.

не по собственной воле
и без помощи других.
Они тяжеломерно перетаскивают свою старомодную мебель,
допотопные взгляды
и неизбывные боли в суставах. [...]
Старые люди переселяются
в нас.
Понемножечку и коряво,
волей-неволей
и собственными силами.
Мы с усилием перетаскиваем свою устарелую мебель,
изношенные взгляды
и ноющие суставы.

В «Ех offo» Яник показывает мертвящую атмосферу административной деятельности, оттененную бурлящей за окнами жизнью, о которой чиновники «ничего не знают».

Мы ничего не знаем о том,
что на дневном свету
на поверхность усердно пробиваются новые источники,
из всех отверстий земли
брызжет загадочная вода.
Чистая и справедливая,
отмеряющая время
и остальные меры нашей жизни,
настойчиво ищущая дорожки для возвращения в землю.

У зрелого Яника усиливается ощущение бренности и порой даже бессмысленности бытия, подкрепленное опытом мировых событий конца XX, а затем и начала XXI в. Горькая ирония, звучащая в стихотворении «Договор о перемирии души и тела» (сб. «Ура, горит!»), опять отсылает к поэзии Валека, на этот раз текстуально.

Я думаю о памяти усопших
мясников и ремесленных убийц.
Меня ослепляет их белоснежная, гигиеническая,
профессионально совершенная смерть.

Валек:

*Усовершенствованная смерть в каждую семью!
Гигиеническая смерть для будущих мам и грудных детей!
Смерть,
обложенная кафелем, белая, конечная форма текущего времени.
(«Дробь на обратной стороне», сб. «Беспокойство», 1963.
Курсив мой. – Н. Ш.).*

Валек также пародирует здесь рекламные призывы. Этому есть место и в поэзии Яника – на поприще рекламы он успел поработать (рекламе посвящено стихотворение «Ода шестому чувству», сб. «Кто-то как Бог», 1998).

Камертоном поэзии Яника, даже самых мрачных и безнадежных его творений, служит четкая нравственная позиция, выраженная, в частности, и в цитированных строках. Приходилось слышать, что его стихи отдают цинизмом, но в чем-то сходном – в нигилизме, механистичности – обвинял поэзию Валека, полную будоражащих метаний в поисках смысла жизни, критик Милан Гамада в 1960-е гг. На наш взгляд, в споре с ним был прав Станислав Шматлак, зорко усмотревший в стихах Валека гуманистическое начало.

Внимание к слову как инструменту поэтического творчества и универсальному Логосу свойственно обоим названным поэтам. Достаточно вспомнить поэму Валека «Слово» (1976), огульно обвиненную после «бархатной революции» в различных «грехах», даже в художественной слабости (Я. Замбор, в остальном чуткий интерпретатор Валека), притом что Валек виртуозно владеет и широким образным арсеналом, и формой рифмованного стиха. Мы уже касались таких сторон поэтики Яника, как парадоксы, столкновения поэтических образов и штампов, обыгрывание синонимии. Трудность обретения адекватного слова, образного выражения тонко и ярко передана в одном из лучших стихотворений раннего Яника – «Непроизнесенная» (сб. «Зеркало в конце лета», 1984).

До сих пор ты не высказана. [...]
Я учусь тебя выговаривать,
вынимать из кристаллов, капель и звезд.

Видны от тебя лишь мороз,
дрожащий в зазвучавших зеркалах,
и музыка, спящая в древесине.

Серьезные размышления о слове и поэтическом творчестве выражены в цикле (или свободной поэме) «Ура, горит! или Четыре миллиона за убийство поэта». Эти размышления пессимистичны: к таким выводам располагают и саркастично обрисованные поэты, объединенные местоимением «мы», и современный мир, к которому они пытаются приспособиться.

Вместе с рабочим временем
и другими активами государственного банка
мы надежно течем в никуда,
иногда только нам мешает отлов
словацких поэтов
для заморских зоологических садов.

В горько-ироничной фразе – мужественное признание «экзотичности» словацкой поэзии в мировом контексте, в том числе и для российского читателя, близкого как этнически, так и по менталитету.

Углубление мира вплоть до подкопа
достигает высшей точки.
Поспешим-ка отсюда,
на этом месте
некогда изменять свет.

Через минуту нам присудят
Нобелевскую премию войны
и наши поэтические кишки
в первую очередь употребят на колбасы.

Здесь Яник использует и парадокс, и характерное для его зрелого творчества обыгрывание устойчивых выражений («Нобелевская премия войны»). Подобные контрастные столкновения слов и «разламывание» идиом, идущие от Валека, но еще более заостренные, имеют, как мы увидим, мировоззренческую основу.

После падения ангела
с двенадцатого этажа
свободное падение
стало олимпийской дисциплиной.

Яник сталкивает христианского «падшего ангела», прозаическое падение с высоты дома, физический термин «свободное падение» и частое включение новых дисциплин в олимпийскую программу, достигая чисто комического эффекта, но и заставляя при этом задуматься об «узаконивании» нравственного падения современного человека. В этом же ряду – «дважды лирические герои», «лавровый лист // на голове поэта, // который бдительно не почил // на лаврах» (“bdie na vavřinoch”). Но Яник прибегает и к открыто публицистическому языку: «Слова отказываются слушаться. // Стихи трещат, // и выходит из них // сценарий видеоклипа... // Поэзия избегает слов. // Она брезгает ими». В другом фрагменте: «Пусть смогут умереть // бессмертные авторы // телевизионных сериалов». Так средства массовой коммуникации, по мысли Яника, ведут наступление на поэзию.

Есть у Яника и очередная аллюзия на цикл Валека «Из абсолютного дневника I»: «В спортивной форме // лукавых поэтов // мы перелагаем в стихи // безосновательно и до омерзения // фотографии детства // и других времен года». У Валека – жестче, настойчивее и философски глубже: «Мы падаем после бега, выплевываем окровавленные города, // оставляем их, душим себя собственными руками // и перед зеркалом // обнажаем половой член малолетнего слова, // желая переспать с каждой недурной поэмкой» (этот мотив отзовется в «Слове»). Далее также соотносятся образные мотивы: поэты пьют «черный кофе осени» (Яник) и глотают «свои наркотики» (Валек).

Памяти Мирослава Валека посвящены два проникновенных стихотворения Яника из сб. «Кто-то как Бог»: «Одинокая молния» и «Умудренные твоей смертью», – в которых он скорбно провожает в последний путь любимого поэта, мастерски воспроизводя его образность. «На дне своей души // каждый латает собственный “Титаник”» – обыграны название и философский смысл поэмы Валека «Гибель “Титаника”» (сб. «Любовь в гусиной коже», 1965).

В сборнике «Да будет запах твой» (2002) Яник прибегает к избретательной «подмене» корней созвучных слов: «tůžba – služba», «hrom – hrob», «hrom – strom», «dom – strom», – создавая абсурдные, иногда шокирующие, ставящие в тупик словосочетания. Название книги и одноименного стихотворения – измененная на одну букву строка из молитвы: «Bud’ vůľa tvoja» – «Да будет воля Твоя». Стихотворение кончается столкновением завершающих слов молитвы и компьютерного «Enter». Эти стихи – казалось бы, непередаваемые – блестяще переложила на русский Дарья Анисимова.

В связи со словесными экспериментами Яника можно выдвинуть тезис о стремлении к «предательству» слов, об искомом возникновении неожиданных и порой неприятных значений, ассоциаций, параллелей (сюрреалистический по своей природе прием). Всё это направлено на постижение современного мира, смысла жизни, тайн человеческой души. Искажение смысла слов может быть связано с выхолащиванием содержания или автоматизмом человеческих поступков (идея Валека 1960-х), с невозможностью выразить свои мысли адекватно (ср. тютчевское «Silentium», романтические корни).

Подобные приемы Яник применил в своих пьесах. Личностная стертость и банальность высказывания может привести к тому, что персонажи меняются репликами в рамках почти целого действия («Частный стриптиз»), а нагромождение лозунгов, клише и афоризмов, вплоть до анекдотов, обнажает скрытые пружины государственной политики и мирового господства («Ловушка для себя»).

П. Яник – достойный продолжатель идейно-художественных поисков словацкой авангардной поэзии, начиная с Лацо Новомеского и надреалистов, с акцентом на творчестве Мирослава Валека, и кончая конкретистами, «фантазером» Штефаном Моравчиком и другими.

Shvedova N. V.
Modern Realities and Poetics
in the Work of Slovak Writer Pavol Janík

The article deals with poetry of Pavel Janík, which raises the issues of philosophically-existential and moral character. Janík's poetry is compared with the heritage of the classics of Slovak literature of the twentieth century Miroslav Válek.

Keywords: *Slovak poetry, modern world, absurd, play on words, Pavol Janík, Miroslav Válek.*

Л. Н. Будагова
(Москва)

**Ипостаси и варианты «самого прогрессивного метода эпохи».
К столетию со дня рождения
Дмитрия Федоровича Маркова**

В статье рассмотрена родословная тех явлений в литературе разных народов, которые после Первого съезда советских писателей (1934) обрели название «социалистический реализм»; освещены его проявления и стадии; показано значение концепции соцреализма «как открытой эстетической системы», разработанной Д. Ф. Марковым.

Ключевые слова: *1 съезд советских писателей, соцреализм, концепция Д. Ф. Маркова, преодоление нормативности творчества.*

Тесно связанный с советской историей и советской властью, социалистический реализм не был ни их продуктом, ни изобретением. Как ни парадоксально это звучит, он стал одной из жертв этой истории и власти. Это надо понимать не только в прямом смысле слова¹, но и более широко, с точки зрения функции этого метода/направления и уготованной ему судьбы. Соцреализм был скомпрометирован прежде всего тем, что был превращен властью в ее идеологическое оружие и навязан советскому искусству без права выбора альтернативы.

Однако стал он таким в определенных условиях, и был таким не всюду и не всегда. Необходимо различать разные стадии и обстоятельства, место и время его возникновения и бытования.

Прежде всего остановимся на предпосылках и корнях этого явления. Свойственный ему радикальный антибуржуазный настрой был подготовлен живущим в искусстве нонконформистским, оппозиционным по отношению к существующим порядкам началом, которое постепенно, под влиянием стремительно набиравших в XIX–XX вв. популярность марксистских идей, обрело революционно-социалистический характер. У него богатая и разветвленная корневая система, восходящая к романтизму и реализму, к творчеству русских революционных демократов и поэтов Парижской коммуны. В 1990-е гг. было модно выводить соцреализм из художественного авангарда. Их связывали в первую очередь антибуржуазный пафос и жажда обновления современного искусства. Однако если не принимать во внимание некоторые нюансы, близкие, часто предшествовавшие соцреализму явления, называвшие себя пролетарской лите-

ратурой, социальным реализмом, новым реализмом, отличались от авангарда представлениями и о функции искусства XX в., и о характере/степени его обновления. Авангард и соцреализм одинаково стремились к пересмотру «старого способа творчества». Но соцреализм (и родственные ему течения) был озабочен прежде всего изменением его идеологии, проблемно-тематической сферы, обязанной реагировать на протекающие социальные процессы понятным и доступным широким массам языком с опорой на реалистические и отчасти романтические традиции. Авангард, действуя в духе концепции русских формалистов – «искусство – это прием», – стремился к эстетической революции – к радикальному обновлению психологии и стилистики творчества через интенсивный формальный эксперимент. В большинстве своих проявлений его сторонники выступали против гражданской ангажированности искусства, против его служебных, прикладных функций, призывая освободить художника от внеэстетических задач и не смешивать творческую деятельность с политической. В противовес этому революционно-пролетарское искусство стремилось быть «оружием революции», активно участвовать в общественной борьбе и построении бесклассового общества.

Должны были пройти годы и созреть ситуации, чтобы элементы просоциалистического художественного сознания (возникавшие под влиянием марксизма или независимо от него) сложились в идейно-эстетическую базу социалистического реализма. Само же их присутствие в менталитете художников разных стран и поколений говорит о его естественных корнях, о том, что он был следствием и проявлением мировосприятия людей, остро реагировавших на социальные пороки бытия и вдохновлявшихся далеко не самыми плохими идеалами.

В советский период в нашей стране о соцреализме было написано множество работ, в том числе и литературоведами Института славяноведения. Далеко не все в этих работах, особенно созданных в 1960–1980-е гг., устарело. Устарел, разумеется, пафос, отношение к соцреализму как к некой высшей ценности литературы XX в. Но сохранили свое значение выявленные факты и связи. Они свидетельствуют о формировании аналогичного или родственного соцреализму искусства не только в России, но и в Германии, Франции, Польше, Чехословакии, Болгарии, Югославии, Венгрии, США и т. д. Все это позволяет расширять рамки метода, толковать соцреализм как факт не только советской, но и зарубежной культуры, как тип социалистически ангажированного творчества, который получил распространение в мире еще до октября 1917 и августа 1934 гг.

Как известно, термин «социалистический реализм» впервые появился в 1932 г., в «Литературной газете» от 23 мая. Он возник в связи с необходимостью противопоставить рапповскому, сугубо философскому обозначению метода советской литературы («диалектико-материалистический творческий метод») другое – из лексикона не философии, а литературного творчества.

Термин этот был закреплен на Первом Всесоюзном съезде советских писателей (август 1934 г.) для обозначения метода социально ангажированной, пронизанной революционной тенденциозностью советской и зарубежной литературы. Проблема соцреализма поднималась на съезде в ряде докладов. Но самым директивным, «установочным» был доклад секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова «Советская литература», примечательный хрестоматийными формулировками метода. Докладчик исходил из призыва Сталина к писателям быть «инженерами человеческих душ». «Какие обязанности накладывает на вас это звание? – обращаясь к переполненному залу Жданов и четко разъяснял. – Это значит [...] знать жизнь, чтобы уметь [...] правдиво изобразить действительность в ее революционном развитии», что должно сочетаться «с задачами идейной переделки и воспитания трудящихся людей в духе социализма. Такой метод художественной литературы и литературной критики есть то, что мы называем методом социалистического реализма»². Допускался и «революционный романтизм», поскольку классовая борьба овеяна «величайшей романтикой»³.

В основополагающем принципе – «изображение действительности в ее революционном развитии», то есть с марксистских позиций, – не было ничего неожиданного для многих увлекавшихся марксизмом художников. «Классовая борьба, битва пролетариата с капиталом, мечта о новом, более справедливом и человеческом строе является такой великой и потрясающей реальностью, что каждый, кто попытался бы оказаться над нею и вне ее, продемонстрировал бы не свободу чувств, а их полное отсутствие», – писал в 1920 г. задолго до Первого съезда советских писателей Иржи Волькер⁴. У его соотечественника Б. Вацлавека были все основания уже после Первого съезда, где метод революционно-социалистического искусства был узаконен, обрел свое имя и высокий статус, сказать: «Мы видим, что социалистический реализм не является для чешской литературы чем-то чужеродным, а подготовлен творчеством ее лучших представителей» (1935)⁵. И это не было натяжкой.

В самом термине «социалистический реализм» есть своя логика. Его осеняли авторитет реалистического, то есть правдивого,

близкого жизни искусства и социалистических идеалов. Он как бы соединял в себе великие художественные традиции с набирающей популярность идеологией.

Однако официальное советское искусство этим традициям не соответствовало. Идеология искажала, фильтровала, замалчивала правду жизни, подменяла ее объективное отражение тенденциозным, предвзятым. Соцреализм еще мог оставаться реализмом по отношению к некоторым сторонам «проклятого прошлого». Но по отношению к настоящему, к новой действительности он становился псевдореализмом, романтизмом, идеализмом, сея иллюзии, выдавая желаемое за действительное. Правда жизни подменялась полуправдой. Советская литература не обходила трудности Гражданской войны, нэпа, «первых пятилеток» (они запечатлены в романах «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Разгром» А. Фадеева, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Цемент» Ф. Гладкого, «Бруски» Ф. Панферова, пьесах «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Аристократы» Н. Погодина и др.). Но все это были трудности как бы объективно-исторические, вытекавшие из противоборства реакции и прогресса, старого и нового мира. Они не касались преступлений советской власти, «подлого режима» (выражение С. Клычкова), трагедий «развития русской революции» как «сплошного предательства породившей ее идеи» (Ф. Степун)⁶. Их замалчивали то ли по незнанию (во что трудно поверить), то ли из чувства страха, то ли из-за слепой веры в избранный путь, искусно разжигаемой советской пропагандой, внедрявшей в общественное сознание мысль «Лес рубят, щепки летят».

При сходных истоках и предпосылках для возникновения литературы соцреализма в СССР и близкой или идентичной ей за рубежом, есть большая разница между ее советским и довоенным «иностранным» (1920–1930-х гг.) вариантами⁷. «Искусство, которое служит власть имущим, каким бы блистательным оно на первый взгляд ни казалось, всегда обнаруживало свою бесплодность и пустоту, потому что было лишено нравственного ядра»⁸, – писал в 1923 г. З. Неедлы. Зарубежное революционно-пролетарское искусство (зарубежный соцреализм) несло в себе нравственное ядро, имело морально-этическую ценность. Оно было течением оппозиционным, мятежным по отношению к режимам своих стран, по сути дела диссидентским, ничего, кроме неудобств, своим сторонникам не сулившим. Советский соцреализм призван был обслуживать правящий режим, выполняя по отношению к нему апологетическую функцию, искажая, замалчивая или приукрашивая ему в угоду реальное по-

ложение дел. Литература, закрывавшая глаза на противоречия и пороки советской действительности, утрачивала нравственное ядро.

В условиях буржуазных государств соцреализм существовал в насыщенном культурном контексте, был одним из течений, с которым спорили и взаимодействовали другие течения и концепции. За рубежом к нему приходили по зову души (как, к примеру, Луи Арагон или Поль Элюар, разочаровавшиеся в сюрреализме, как Мирослав Крлежи, Август Цесарец, Бруно Ясенский и многие другие писатели, начинавшие в русле авангарда) и так же добровольно с ним расставались, как рассталась с принципами пролетарского искусства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. целая плеяда чешских писателей (К. Тейге, Я. Сейферт, К. Библ, Ф. Галас и др.).

В СССР он был «истиной в последней инстанции», внедрялся и консервировался сверху как единственно допустимый метод «прогрессивного искусства». В этом и заключается его беда и роковая роль Первого съезда писателей, который обрек советских литераторов на соцреализм. Впрочем, это мог сделать и не съезд, а любая партконференция или постановление ЦК ВКП(б). Хорошо срежиссированный форум 1934 г. придал акции закабаления душ особый размах, видимость долгожданного праздника советской культуры, вступающей в новый этап своего развития. Впрочем, по сравнению с узко классовым пролеткультовским подходом к литературе, насаждавшимся РАППом, соцреализм все-таки был шагом вперед в советской культурной политике, определенным расширением ее горизонтов. Об этом наглядно свидетельствовала хотя бы «реабилитация» после роспуска РАППа русских классиков из дворян. Их портреты украшали Колонный зал Дома союзов во время съезда.

Обычно художественные течения, концепции и методы рождаются и, исчерпав себя, уходят со сцены естественным путем. Их стихийным регулятором является жизнь, развитие творческих способностей и потребностей человека. Но советское государство, озабоченное «идеологическим воспитанием масс», насильственно задерживало существование соцреализма. Он был лишен права уйти из советского искусства (а после войны – из искусства других стран сферы советского влияния), становясь своего рода Агасфером, Вечным жидом культуры XX века, обреченного на муки бессмертия⁹. Обращаясь в период «перестройки», в 1989 г., к истории советской литературы и вспоминая тот съезд, Борис Васильев констатировал: «I съезд писателей принял устав, создал союз и т. п. Но это было формой: существом являлось утверждение догмы, авторство кото-

рой БСЭ 1947 г. приписывает И. Сталину, а “Философский словарь” 1954 г. М. Горькому. Впервые в истории мировой культуры был решен вопрос туннельного движения художественного творчества. Отныне вместо моделирования общественных процессов и исследования сил, движущих эти процессы, искусству предписывалось “отображать жизнь” под вполне определенным углом зрения, исходя из рецептурных соотношений “нового” и “старого”, “положительного” и “отрицательного”. На советское искусство была накинута узда со стальными удилами, а поводья цепко взял реакционно-административный аппарат. 1934 год оказался годом Великого Перелома нашего искусства, культуры и нравственности: тех художников, которые не приняли государственных Правил Творчества, лишали возможности трудиться, травили в печати, ссылали, сажали. Исключения, естественно, существовали, но ни Шолохов, ни Твардовский не могли воспрепятствовать мутному потоку очень идейной и абсолютно безнравственной литературы»¹⁰.

Здесь известный прозаик несколько сгущает краски. К счастью, не вся советская литература отвечала канонам соцреализма. Далеко не всех сломал, превратив в нравственных калек, год «Великого перелома». В СССР творили и издавались (порой с большими трудностями) не только Д. Бедный или А. Безыменский, но и Б. Пастернак, и выдержавшая все удары судьбы А. Ахматова, не только Ф. Панферов, К. Тренев, А. Корнейчук, П. Павленко, но и М. Булгаков, М. Зощенко (до поры до времени), А. Платонов, И. Эренбург, М. Шолохов – автор не только «Поднятой целины», но и «Тихого Дона». (Остается загадкой, как это глубокое и честное произведение, где революция не прославляется, а трактуется как всенародная трагедия, бессмысленная бойня, где нет ни правых, ни виноватых, почему-то всегда считалось классикой соцреализма. А ведь именно «Тихий Дон» в трактовке революции и гражданской войны в какой-то мере проложил путь «Доктору Живаго», невинному любовному роману Б. Пастернака, преданного анафеме¹¹.) Однако многие из этих писателей становились объектами партийной критики¹², притеснений, зачисляясь в разряд писателей, еще не доросших до научного социализма, до конца не овладевших нужным мировоззрением и т. п. Некоторые испытывали трудности с изданиями своих книг или вовсе попадали под запрет, причем клеймо идейной неполноценности лежало на человеке не только в 1930–1950-е, но и в годы оттепели, вплоть до перестройки. Даже советские литературоведы широких взглядов, не страдавшие узколобым догматизмом, не удерживались от упреков в

адрес художников родом из Серебряного века за то, что они чего-то еще не поняли и до чего-то еще не доросли¹³.

В советской стране могли возникать и публиковаться и произведения на темы, позволявшие игнорировать политику, власть, революционную борьбу, воспитание нового человека и строительство нового общества. Социалистической тенденциозности удавалось избегать и писателям вполне «благонадежным», которые обращались к жизни природы, заботам простых людей, общечеловеческим проблемам. Среди них – В. Каверин, Б. Житков, О. Перовская, К. Паустовский, В. Лидин, А. Пришвин, отчасти А. Арбузов, Ю. Герман, А. Гайдар. Поэтому далеко не вся советская литература (или – литература советского периода?) была прямолинейной (туннельной), «очень идейной и абсолютно безнравственной». Надо заметить, что и соцреализм (виновник этих качеств) не всегда служил охранной грамотой. В преследовании деятелей культуры в СССР, как и вообще в развернувшихся там политических репрессиях, трудно найти логику. Жертвами режима стали не только неуправляемый О. Мандельштам или неумолимый экспериментатор В. Мейерхольд, но и идейно выдержанный М. Кольцов, чья публицистика отвечала критериям соцреализма, и автор «Конармии» М. Бабель, и вождь рапповцев Д. Авербах, сторонник гораздо более жестких пролеткультовских концепций, чем доктрина соцреализма.

Еще больше, чем практику, соцреализм тормозил теорию советской литературы. Настоящие художники даже в условиях тоталитарного государства мало думают о методах и программах, руководствуются не ими, а своим жизненным опытом, зовом таланта. А вот обнаружить в советской литературе что-то кроме социалистического реализма, выработать расходящиеся с ним критерии ценностей критика и литературоведение опасались, заикливаясь, если речь шла о литературе XX века, на исследовании и прославлении «самого прогрессивного метода». Все остальное – декаданс, модернизм, авангардизм – считалось реакционным, упадочническим, формалистическим, свидетельствующим о «кризисе буржуазной культуры». Более лояльные исследователи старались раскопать в творчестве их выдающихся представителей признаки соцреализма или, хотя бы, реализма и романтизма, а еще выявить противоречия между программой и практикой. Последняя всегда признавалась более приемлемой, чем концепция. Заниматься другими методами и течениями литературы XX века было безопаснее под прикрытием соц- или просто реализма¹⁴.

Однако жизнь все-таки стремилась брать свое. Обреченность на соцреализм приводила к попыткам если не отказаться от него, заслужив репутацию «антисоветчика», то его модифицировать, подправить концепцию в пользу расширения проблемно-эстетического диапазона, в пользу «разнообразия стилей и форм» советской и просоветской зарубежной литературы.

Самую большую роль в этом деле сыграли такие литературоведы, как Б. Сучков, Л. И. Тимофеев и в первую очередь Дмитрий Федорович Марков. Литературовед по базовому образованию, болгарист по специализации, историк и теоретик литературы по сфере интересов, автор и организатор многих научных трудов, действительный член АН СССР и многолетний директор (1969–1987) Института славяноведения, он получает признание и известность в нашей стране и за рубежом прежде всего как разработчик и популяризатор новой, «широкой» концепции «самого прогрессивного метода эпохи», призванной не сковывать, а раскрепощать творческую личность, терпимо относиться к ее инициативам и поискам. Делая в своей концепции традиционный упор марксистской эстетики на «художественную правдивость» искусства и тем самым связывая себя с первоначальным, узаконенным пониманием соцреализма, он далее отходит от него, отвергая заложенную в нем нормативность, директивную абсолютизацию определенных творческих приемов. «...Речь идет о формировании принципиально новой эстетической структуры, в рамках которой проявляются и взаимодействуют различные формы художественной правдивости – и унаследованные, и вновь творимые. Их удельный вес, разумеется, различен. И проявляются они отнюдь не случайно, а в зависимости от объекта и характера изображения [...] Абсолютизация каких-либо из этих форм неизбежно ведет к разрушению целостной эстетической структуры, к жесткой нормативности»¹⁵. Пересматривая хрестоматийную концепцию метода, он объявляет «социалистический реализм – исторически открытой системой правдивого изображения жизни»¹⁶.

Оставляя в стороне философско-эстетическое обоснование этой концепции с неизбежными в то время реверансами в сторону марксизма, ленинизма, партийности, социализма и т. д., остановимся на ее сути и роли в судьбе советской и просоветской зарубежной литературы.

Эта концепция, которую вполне можно назвать «концепцией Маркова», принципиально меняла взаимоотношения между теорией и практикой литературного творчества, между теорией и практикой

соцреализма, отдавая приоритет практике. Если в 1930–1950 гг. теория соцреализма, его принципы претендовали на то, чтобы быть демиургом творческого процесса, управлять им и его регламентировать, то теория Маркова, вызревавшая в 1960-е гг., годы «оттепели», и обнародованная в 1970-е гг., возникла на волне стремления приспособить концепцию соцреализма к практике, в том числе к творчеству писателей, от соцреализма отклоняющихся или уклоняющихся. Не посягая на священное понятие – «социалистический реализм», – автор и его сторонники фактически размывали его принципы, превращая соцреализм из направления и метода советской литературы, из руководства к действию в нечто вроде прикрытия для стихийно развивающегося литературного процесса. Разумеется, это тоже было попыткой (не столько принципиальной, сколько тактической) продлить жизнь терпящему свою почву и своих сторонников явлению, но сохранив его уже не в виде властного субъекта литературного процесса, а скорее в виде щита безопасности участников этого процесса.

Провозглашение соцреализма «открытой эстетической системой» позволяло авторам писать обо всем, за исключением пропаганды фашизма, войны, насилия и разного рода мракобесия (это, впрочем, нежелательно и сейчас), и писать, хоть и «следуя правде жизни» (что, в общем-то, допускает разные трактовки), но по-разному, используя свой опыт и потенциал и опираясь на традиции не только реализма и «революционного романтизма», но всего широкого спектра мирового искусства. «Для художника социалистического реализма нет пределов объективному познанию непрерывно развивающейся реальной действительности, нет ограничений в выборе проблем, а следовательно и в выразительных средствах, способных передать правду жизни. Социалистический реализм исторически открыт на всех этих уровнях, и именно в этой открытости заложены его широчайшие эстетические возможности»¹⁷.

В узкие рамки теории соцреализма, утвержденной Первым съездом писателей, не укладывалось еще довоенное творчество многих советских и революционных зарубежных авторов, чей талант оказывался сильнее их идеологии. Тем более в стороне от него оставалась значительная часть послевоенной советской прозы (военной, деревенской, городской, гулаговской), набиравшей силу с потеплением политического климата после смерти Сталина. Ее авторы (А. Солженицын, Ч. Айтматов, Ф. Искандер, Ю. Трифонов, В. Семин, Г. Бакланов, Б. Можаяев, В. Быков, В. Астафьев, В. Распутин, В. Шукшин, А. Кондратьев и др.), изображавшие действительность не в револю-

ционном развитии, а в самых разных состояниях, стихийно и тихо освободили себя от соцреализма гораздо раньше, чем он был громко предан анафеме.

Помимо «реализма без берегов», который утверждал Роже Гароди¹⁸, концепция Д. Ф. Маркова дала жизнь «соцреализму без берегов», безбрежному варианту «самого прогрессивного метода». Его сразу же взяли на вооружение литературы стран соцлагеря. Ведь эта концепция раскрепощала писателей точно так же, как в свое время раскрепощал творческую личность вольнолюбивый дух модернистских и авангардных течений. Хотя в одном случае речь шла о внутреннем раскрепощении личности, об ослаблении ее самоконтроля, в другом – о спасении от цензуры внешней, от партийного контроля.

Концепция Маркова отражает определенную, как оказалось – заключительную, стадию в истории социалистического реализма, которую, если понимать его узко, в трактовке съезда 1934 г., можно назвать стадией его вырождения, а если по-марковски широко – стадией трансформации соцреализма, позволявшей, оставаясь под его прикрытием, игнорировать его принципы и реализовывать право на свободу творчества. Иными словами, она возникла, когда, с одной стороны, уже невозможно было писать в духе социалистического реализма, то есть в духе «изображения действительности в ее революционном развитии», а с другой – публично и открыто отменить эту «священную корову» советского искусства.

Марковская концепция как бы узаконила, обеспечив беспроигрышным термином, тот стихийный литературный процесс, который, сумев вырваться из «тоннеля», куда загнал его было 1934 год, стал овладевать с потеплением политического климата все более широким культурным и жизненным пространством.

Концепция Д. Ф. Маркова, прибегавшего к разного рода аргументам и ухищрениям, спасала (может быть, и вопреки интенциям) не соцреализм, изживший и исчерпавший себя вместе с вызывавшими его процессами и настроениями, а литературу, которой он был навязан. Действительно: если никакой другой метод, никакое направление неприемлемы для «прогрессивного» искусства СССР и других соцстран, и здесь ничего нельзя изменить, то пусть соцреализм изменит себя, размоет свои принципы, откроется для всего талантливого, что рождает современная литература. Концепция Маркова откликнулась на зов жизни, на стремления «дать волю» людям творческих профессий, пусть пока не отрешиваясь от соцреализма, пусть хотя бы в его пределах, но превратив эти пределы в условности.

Время освобождения современного искусства от «химеры соцреализма» пришло с «перестройкой». Раздутая величина отнюдь не химерического, а объективно-исторического явления уменьшилась до его реальных размеров. Из иконы он превратился в одно из направлений/методов искусства XX в., из предмета культа – в предмет научных исследований¹⁹.

Разумеется, в пору идейно-эстетического плюрализма концепция Д. Ф. Маркова утратила то практическое значение, которое она имела прежде. Однако она осталась важным фактом истории литературы XX в., который нельзя игнорировать и не следует забывать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Как известно, из 582 делегатов Первого съезда Советских писателей с правом решающего и совещательного голоса, закрепившего понятие соцреализм, в годы политических репрессий были арестованы 218 человек. Большая часть из них была причислена к «врагам народа» и на свободу не вернулась, сгинула в тюрьмах и лагерях. Среди них – И. Бабель, М. Кольцов, Б. Корнилов, Б. Пильняк, Т. Табидзе, А. Тагиров, П. Яшвили, главный редактор «Известий» Н. Бухарин – автор доклада о поэзии на Первом съезде советских писателей, журналист Михаил Кольцов. Среди репрессированных в СССР были и зарубежные сторонники соцреализма, эмигрировавшие в нашу страну, чтобы найти поддержку и защиту своих убеждений, а нашедшие там смерть (поляки Б. Ясенский, В. Вандурский, С. Р. Станде, болгарин Д. Гачев и др.).
- 2 Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1934. С. 5.
- 3 Там же. С. 4. Подробнее см.: *Будагова Л. Н.* Незвал и I съезд советских писателей // *Общение литератур.* Чешско-русские и словацко-русские литературные связи XIX–XX вв. М., 1991. С. 181–225.
- 4 *Walker J.* Próza a divadelní hry. Praha, 1954. S. 236.
- 5 *Václavek B.* Tvorba a společnost. Praha, 1961. S. 15.
- 6 *Стенун Ф.* Трагедия и современность // Шиповник: Сборник литературы и искусства. М., 1922. Цит. по: *Костиков В.* Не будем проклипать изгнание. Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. С. 70.
- 7 После Второй мировой войны в литературах стран советской сферы влияния эта разница стиралась.

- 8 *Nejedlý Z. Z české literatury a kultury. Praha, 1972. S. 233.*
- 9 См. подробнее: *Будагова Л. Н. Истоки и муки соцреализма. Выступление в дискуссии: Социалистический реализм как историко-культурное явление // Славяноведение. 1993. № 5. С. 25–29; Она же. Социалистический реализм. Предпосылки и судьба // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995. С. 5–10.*
- 10 *Васильев Б. Люби Россию в непогоду // Известия. 18 января 1989 г. С. 3.*
- 11 А ведь Б. Пастернак сидел в президиуме Первого съезда, его лирику расхвалил Н. Бухарин в докладе о поэзии. Благосклонная тогда к поэту судьба, как бы опомнившись, нанесла ему удар через два десятилетия с небольшим, во время «оттепели».
- 12 См. постановление ЦК ВКП(б) от 14.8.1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», разгромивших А. Ахматову и М. Зощенко, исключенных затем из членов Союза писателей.
- 13 «...А. Овчаренко не раз подчеркивает ту справедливую мысль, что не все писатели, особенно в первые годы советской власти, овладели идеями научного социализма, что, по его словам, “социалистический реализм как метод даже в советской литературе не сразу завоевал гегемонию” (прервав цитату, теперь мы скажем: И слава Богу! – Л. Б.). [...] Характерно, что и А. Овчаренко, и другие литературоведы называют в этом случае один и тот же круг имен – Булгакова, Платонова, Ахматову, Пастернака, Цветаеву, Хлебникова и некоторых других, подтверждая тем самым, что речь идет именно о писателях, еще не утвердившихся в новом миропонимании» (*Марков Д. Ф. Проблемы теории социалистического реализма. Изд. 2-е, доп. М., 1978. С. 364*).
- 14 В трудах Сектора славянских литератур Института славяноведения и балканистики АН СССР довольно глубоко и объективно, без поруганий, анализировались модернистские и авангардные течения в литературах западных и южных славян. Однако на обложку они выносились непременно под термином «другие», разбирались под прикрытием «реализма» или просто прятались в сборниках статей о реализме XX в. («Литература славянских и балканских народов. Реализм и другие течения». М., 1976; «Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы первой трети XX в. Художественные поиски. Особенности развития». М., 1989; коллективный труд ИМЛИ им. М. Горького (1970-е гг.) про направления и методы европейских литератур XX в., где было много всего

- и помимо соцреализма, пройдя успешное обсуждение в авторском коллективе, не был издан то ли из-за перестраховки директора Института, то ли по велению свыше.
- 15 Марков Д. Ф. Проблемы теории социалистического реализма. С. 290.
  - 16 Там же. С. 281.
  - 17 Там же. С. 326.
  - 18 Garaudy R. D'un réalisme sans rivage. Plon, 1963; *Гароди Роже*. Реализм без берегов. М., 1965.
  - 19 См.: Куренная Н. М. Социалистический реализм. Историко-культурный аспект (Из опыта восточноевропейских литератур. 1930–1970-е годы). М., 2004; Некрасова Е. С. Социалистический реализм как культурный феномен. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. СПб., 2006; и др.

Budagova L. N.

Hypostases and Variants of «the Most Progressive Method of the Age»: To the Centennial Anniversary of Dmitry Fedorovich Markov

The article explores the genealogy of those phenomena in the literatures of different nations, which after the First Congress of Soviet Writers (1934) would be described as «socialist realism». It underlines manifestations and stages in the development of this method, shows the significance of the concept of socrealism «as an open aesthetic system», worked out by Dmitry Markov.

Keywords: *First Congress of Soviet Writers, socrealism, concept of Dmitry Markov, surmounting of the normativeness of creative work.*

В. В. Мочалова
(Москва)

Борис Федорович Стахеев

Статья посвящена научной деятельности крупнейшего отечественного филолога-полониста, Бориса Федоровича Стахеева (1924–1993).

Ключевые слова: *Б. Ф. Стахеев, история польской литературы, переводы спольского на русский язык.*

Выдающемуся отечественному филологу-полонисту Борису Федоровичу Стахееву (1924–1993)¹ 16 августа 2014 г. исполняется 90 лет, однако он не дожил и до своего 70-летия², и в 2013 г. прошла печальная 20-я годовщина его безвременного ухода. Тем не менее этот исключительно талантливый ученый успел сделать неопределимо много для полонистики, для изучения и популяризации польской литературы в России, для славяноведения в целом³. Начиная с 1954 г. научная деятельность Бориса Федоровича была связана с Институтом славяноведения Академии наук. Борис Федорович был незаурядной личностью, блистательным эрудитом, пользовался бесспорным научным авторитетом среди нескольких поколений отечественных полонистов, для которых он был мудрым учителем, неформальным лидером, коллегой и другом.

Борис Федорович родился в деревне Азарово под Кимрами, рано потерял отца, в 1932–1941 г. учился в московской школе, а в 1942 г. был призван в армию, воевал на нескольких фронтах как рядовой саперной части, в звании старшины вступил на территорию Польши, дошел до Берлина. Он был награжден многочисленными орденами и медалями, в том числе – «За освобождение Варшавы». Такой стала первая встреча будущего полониста с Польшей, а десятилетия спустя польское правительство отметило его заслуги в области популяризации польской литературы высокой наградой – кавалерским крестом ордена «Возрождение Польши» (“Polonia Restituta”), затем в 1970 г. он стал лауреатом премии польского Пен-клуба.

После демобилизации (сентябрь 1945 г.) Борис Федорович, будучи уже возрасте 22 лет, в 1946 г. поступил на славянское отделение филологического факультета МГУ, а по его окончании с отличием⁴ был принят в аспирантуру. Он специализировался в области изуче-

ния польского романтизма, который наложил глубокий отпечаток на польскую культуру в целом, «оказался мерой ценностей, камертоном национальной настроенности»⁵.

Центральной фигуре польского романтизма – Адаму Мицкевичу были посвящены и диссертация Б. Ф. Стахеева, и новаторская по материалу и его интерпретации монография «Мицкевич и прогрессивная русская общественность»⁶. Эпоха романтизма в Польше и творчество ее выдающихся представителей (А. Мицкевича, А. Фредро⁷, Ю. Словацкого, З. Красиньского) нашли свое отражение в нескольких написанных им главах коллективного труда полонистов Института «История польской литературы» (Т. 1–2, 1968–1969), одним из инициаторов и членов редколлегии которого был Б. Ф. Стахеев, а также в принадлежащих его перу соответствующих главах «Истории зарубежной литературы XIX в.» (1979–1983) и «Истории всемирной литературы»⁸; в таких его трудах, как «Романтизм и его роль в развитии национального самосознания и национальной культуры» (1973), «Воровский и проблемы польского романтизма» (1975), «Мир и человек в польской романтической поэзии» (1990) и др.

В стремлении сделать богатое наследие польского романтизма достоянием не только научной, но и широкой читательской аудитории Борис Федорович самым активным образом участвовал в изданиях русских переводов произведений польских романтиков – А. Мицкевича («Пан Тадеуш», 1954; «Стихотворения», 1956; «Сонеты», 1958; «Стихотворения. Поэмы»⁹; «Стихотворения», 1974; «Стихотворения. Поэмы», 1979)¹⁰, Ю. Словацкого («Избранные произведения», 1960; «Лирика», 1966; «Беневский»¹¹; «Стихи. Мария Стюарт», 1975¹², «Избранное», 1984), Ц. Норвида («Стихотворения», 1972)¹³ и др., составлял эти сборники, писал изящные и глубокие предисловия и комментировал в текстах все, что могло стать непонятным русскому читателю, причем делал это с присущим ему вкусом и любовью к поэзии¹⁴. Трудно переоценить важность этой посреднической деятельности, способствующей сближению и диалогу культур. В случае русско-польских культурных взаимоотношений, обремененных многовековым и отнюдь не всегда позитивным опытом, включавшим и драматические, и трагические эпизоды, и непонимание, и сложившиеся стереотипы взаимного восприятия, ценность такой культурной инициативы особенно велика. У истоков этого направления деятельности Бориса Федоровича можно усмотреть понимание превосходящей силы и ценности культуры.

Однако Б. Ф. Стахеев не был склонен замыкаться в кругу даже столь объемной темы, как польский романтизм, что справедливо отмечал в своем посвященном памяти ученого некрологе В. А. Хорев. Борис Федорович расширял горизонт исследования, выходил за пределы одной национальной литературы, обращаясь к другим славянским и европейским литературам и проявляя как свою блестящую эрудицию, так и вкус к компаративистике, к исследованию литературных связей¹⁵.

Его живой интерес к литературе разных эпох в сочетании с широкими познаниями и феноменальной памятью стали основой его исследований польской литературы в весьма широком диапазоне – от Средневековья до XX века. Спустя несколько лет после выхода в свет академической «Истории польской литературы» Борис Федорович выступает одним из организаторов и авторов своеобразного продолжения этого издания, призванного дополнить его отражением современного литературного процесса в Польше¹⁶.

Как историк литературы он стремился установить закономерности литературного процесса и его связи с развитием общества, изучить и приблизить к читателю творческий путь писателя, специфику художественного произведения, его значение для современности. Это относится к его трудам и изданиям, посвященным творчеству Я. Кохановского¹⁷, М. Рея, Г. Сенкевича¹⁸, Э. Ожешко (1960), Т. Бой-Желеньского, П. Гоявичиньской (1961), Ю. Стрыйковского (1953), М. Брандыса (1952), К. Брандыса (1955), М. Яструна (1963), В. Жукровского (1979), Ю. Тувима, Т. Парницкого (1969), В. Маха (1973), Т. Конвицкого (1973), Т. Новака (1980), Я. Ивашкевича (1980), польской поэзии XVII в.¹⁹ и послевоенного периода, и т. д.

Стремясь представить польскую поэзию панорамно, Борис Федорович обращался к антологическому жанру: он подготовил (совместно с М. Живовым) и сопроводил комментариями двухтомник «Польская поэзия», адекватно освещавший ее пятивековое развитие (XVI–XX вв.), что было по достоинству оценено Ярославом Ивашкевичем, автором предисловия к этому изданию: «Книга дает ясную, четко очерченную картину развития польской поэзии»²⁰. Антологический принцип лежит в основе сборника польской лирики в переводах русских поэтов²¹ и избранных стихотворений трех выдающихся польских поэтов XX в.²² Все эти издания, наряду с названными выше антологиями, ознаменовали собой важный этап в истории переводов польской поэзии разных эпох на русский язык, в чем заслуга Бориса Федоровича представляется неоспоримой. Можно сказать, что русский читатель

воспринял польскую поэзию через посредничество Бориса Стахеева, из его рук, им отобранную и интерпретированную, и трудно установить, сколь глубока печать этой яркой личности на том литературном богатстве, которое усвоено в России благодаря ему.

Обладая тонким поэтическим слухом, Борис Федорович и сам был талантливым переводчиком польской поэзии, по скромности не опубликовавшим, однако, своих переводов. В его архиве сохранился блестящий перевод поэмы Ю. Словацкого «Беневский», изданный уже после смерти Стахеева стараниями его коллег и учеников²³. В сохранившихся записях Борис Федорович характеризует эту поэму как один из шедевров польской поэтической классики, а в творчестве Словацкого – как, безусловно, лучшее произведение. Поскольку Борис Федорович относил «Беневского» к вершинным – после «Пана Тадеуша» Мицкевича – художественным достижениям романтизма, он полагал, что поэтические произведения такого ранга могут и должны издаваться неоднократно, в разных переводах (ранее с его вступительной статьей и комментариями был издан упомянутый выше перевод С. Свяцкого). В своем переводе Борис Федорович, по его словам, стремился как можно более точно, *художественно* передать богатство мыслей и чувств польского поэта в соединении с непринужденностью поэтической речи, свободным течением стиха, с поиском русского художественного эквивалента образным средствам подлинника. Как отмечал в своей статье в этом издании поэмы А. А. Илюшин, Борису Федоровичу было присуще «изумительно тонкое и проникновенное чувство стиха, прежде всего польского. Стахеев влюбленно относился к творчеству Мицкевича, Словацкого, Норвида, был подлинно великим знатоком поэзии (и шире – истории культуры) их страны. Знал наизусть несметное количество польских стихов, читал их вслух и умел передать свою увлеченность окружающим... Человек, настолько эмоционально переживавший поэтическое слово, удивительно располагал к себе, слушать его можно было часами, открывая для себя много нового»²⁴.

Эти свойства личности Бориса Федоровича не могли не способствовать успешности его преподавательской деятельности: он использовал свой незаурядный научный талант и эрудицию также и в своих блистательных курсах лекций по истории польской литературы для студентов филологического факультета МГУ, Литературного института им. А. М. Горького и других вузов, руководил дипломниками и аспирантами, заражал новое поколение полонистов своей любовью к литературе и ее исследованию, щедро

делясь с молодыми коллегами своими обширными познаниями и научным опытом²⁵.

При этом в широком понимании своим добрым наставником, учителем, помощником его могли бы назвать многие из знавших его людей²⁶, а не только его студенты и аспиранты, к которым относится и автор этих строк.

Борис Федорович был тонким и великолепным редактором²⁷, работать с которым для авторов, коллег-полонистов было настоящей школой мастерства и большой научной удачей (его критика была дельной, конкретной, прямой, но никогда – обидной). Его готовность тратить свое время, силы, знания на других была общеизвестна; он умел видеть чужой текст объемно, со всеми его недостатками и достоинствами. Возможно, этот дар был производным от его удивительной способности общения с людьми на таком уровне, который исключает осуждение или восхваление, а предполагает понимание – подлинную и редкую ценность, которой он с присущей ему легкостью обладал, – в отличие от многих своих современников и коллег.

Sine ira et studio* – кажется, было его неписанным девизом, и сколь многие полонисты обязаны ему и своим научным ростом, и возможностью углубить собственные исследования, посмотреть на свой труд критически и со стороны.

В его 90-ю годовщину мы, друзья, коллеги и ученики, воздаем дань благодарной памяти блистательной личности, большому ученому-полонисту, филологу и поэту, талантливому педагогу, учителю, коллеге, другу – Борису Федоровичу Стахееву.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См. о нем, в частности: *Хорев В. А.* Стахеев Б. Ф. // Краткая литературная энциклопедия. М., 1978. Т. 9. С. 711; *Bialokozowicz B.* *Borys Stachiejew* // *Polonistyka Radziecka. Literaturoznawstwo.* Warszawa, 1985. S. 246–247; *Славяноведение в СССР: Изучение южных и западных славян: Библиографический словарь.* New York, 1993; *Кто есть кто в русском литературоведении.* М., 1994. Ч. 3. С. 115; *F. N. Borys Stachiejew* // *Słownik pisarzy rosyjskich / Pod red. F. Nieuważnego.* Warszawa, 1994. S. 368.

* Без гнева и пристрастия (лат.)

- 2 См.: Хорев В. А. Памяти Бориса Федоровича Стахеева // Славяноведение. 1994. № 3. С. 125. Его памяти посвящен сборник статей, изданный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР: «Путь романтичный совершил...» / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 1996. В названии сборника использована строка из поэмы Ю. Словацкого «Беневский» в переводе Б. Стахеева.
- 3 Борис Федорович активно участвовал в подготовке трудов серии «Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры», был автором и членом редколлегии коллективных трудов «Литературные связи и литературный процесс» (1986), «Славянские литературы в процессе становления и развития» (1987), «Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи в XX в.» (1989) и др.
- 4 Его блестящая дипломная работа о III части «Дзядов» А. Мицкевича опубликована в: Ученые записки Института славяноведения АН СССР. 1954. Т. 8.
- 5 Стахеев Б. Ф. Романтизм и литературный процесс в Польше (отражение традиций в литературном сознании автора) // Развитие литературы в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Романтизм / Отв. ред. Б. Ф. Стахеев. М., 1983. С. 45–46.
- 6 Стахеев Б. Ф. Мицкевич и прогрессивная русская общественность / Под ред. Е. З. Цыбенко. М., 1955. Монография была переведена и издана в Польше: *Stachejew B. Mickiewicz i społeczeństwo rosyjskie*. Warszawa, 1960.
- 7 См. также: Фредро А. Избранное / Сост. и вступ. ст. Б. Стахеева. М., 1987.
- 8 Стахеев Б. Ф. Польская литература // История всемирной литературы. Т. 6 / Отв. ред. И. А. Тертерян. М., 1989.
- 9 Эта книга, в которой Б. Ф. Стахеев выступил составителем, автором вступительной статьи и примечаний, вышла в престижной серии «Библиотека всемирной литературы» (М., 1968).
- 10 См. также: Мицкевич А. Избранные произведения / Сост. и коммент. Б. Стахеева; вступит. ст. М. Рыльского. М., 1955.
- 11 Словацкий Ю. Бенёвский / Пер. С. Свяцкого, под ред. Д. Самойлова; ст. и примеч. Б. Стахеева. М., 1973.
- 12 Словацкий Ю. Стихи. Мария Стюарт / Пер. с польск. Б. Пастернака; предисл. Б. Стахеева; послесл. Е. Пастернака. М., 1975. В своей вступительной статье к этому сборнику – «Словацкий в переводах Б. Пастернака» – Борис Федорович останавливается на двух раз-

- ных поэтических стратегиях («верность» и «поэтичность»). Участие Б. Стахеева в подготовке этого издания выразилось также и в том, что он – совместно с В. Хоревым – выполнил для Пастернака подстрочный перевод «Марии Стюарт», который поэт высоко оценил. См.: Зарубежная поэзия в переводах Б. Л. Пастернака. М., 1990. С. 632.
- 13 *Норвид Ц.* Стихотворения / Сост. М. Полякова; предисл. Я. Ивашкевича; коммент. и краткая летопись жизни и творчества Ц. Норвида Б. Стахеева. М., 1972.
  - 14 См. также: Польская романтическая поэма XIX века / Сост. и предисл. Б. Стахеева; пер. под ред. Д. Самойлова и Б. Стахеева. М., 1982. Борис Федорович участвовал и в создании серии «Библиотека всемирной литературы» – ее томов, посвященных европейским поэтам Возрождения (М., 1974) и европейской поэзии XVII в. (1977), представляя на их страницах польскую поэзию.
  - 15 См., в частности: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. М., 1958. С. 133–136; *Никольский С. В., Соколов А. Н., Стахеев Б. Ф.* Некоторые особенности романтизма в славянских литературах // Исследования по славянскому литературоведению и стилистике. М., 1960; *Стахеев Б. Ф.* О польском романтизме в сопоставлении с русским // Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973 (эта статья вышла также и в польском переводе: *Stachew B.* Romantyzm polski i romantyzm rosyjski // *Polonistyka Radziecka*. S. 247–261); *Стахеев Б. Ф.* Польско-русские литературные взаимодействия // Литературные связи и литературный процесс. М., 1986; *Он же.* Актуализация ценностей национального прошлого в славянских литературах XIX–XX вв. // Славянские литературы в процессе становления и развития. От древности до середины XIX века. М., 1987; *Он же.* Романтизм в зарубежных славянских литературах как литературное движение эпохи формирования наций // Советское славяноведение. 1988. № 3; *Он же.* Стадиальность литературного развития и литературные связи // Функции литературных связей. На материале славянских и балканских литератур. М., 1992.
  - 16 Писатели Народной Польши / Ред. колл.: В. В. Витт, Б. Ф. Стахеев, В. А. Хорев. М., 1976. Б. Ф. Стахееву здесь принадлежит и монографический очерк, посвященный творчеству В. Жукровского (с. 298–309).
  - 17 См. также: *Ян Кохановский.* Лирика / Сост. Б. Стахеева; предисл. И. Голенищева-Кутузова. М., 1970; *Ян Кохановский.* Стихотворения / Сост. и вступ. ст. Б. Стахеева. М., 1980.

- 18 *Сенкевич Г.* Собрание сочинений. В 9 т. / Редкол.: И. Горский, А. Сахаров, А. Севастьянова, Б. Стахеев, Е. Цыбенко. М., 1983–1985.
- 19 См.: Польская поэзия XVII века / Сост. и примеч. А. Панченко; вступит. ст. Б. Стахеева. М., 1977.
- 20 *Ивашкевич Я.* Предисловие // Польская поэзия. В 2 т. / Сост. М. Живов и Б. Стахеев. Справки о поэтах – Б. Стахеев. Пер. под ред. В. Левика. М., 1963. С. 11.
- 21 Польская лирика в переводах русских поэтов / Сост. Б. Слуцкий, Б. Стахеев; коммент. Б. Стахеев. М., 1969.
- 22 *Юлиан Тувим. Владислав Броневский. Константы И. Галчинский.* Избранное / Сост. Д. Самойлов и Б. Стахеев; предисл. Д. Самойлова; примеч. Б. Стахеева. М., 1975.
- 23 *Словацкий Ю.* Беневский / Пер. Б. Ф. Стахеева; отв. ред. В. А. Хорев; коммент. В. Мочаловой, Б. Стахеева. М., 2002.
- 24 *Илюшин А. А.* «Беневский» в переводе Б. Ф. Стахеева // *Словацкий Ю.* Беневский. С. 15.
- 25 См., в частности, подготовленный по инициативе МГУ университетский учебник «История зарубежной литературы XIX в.» (М., 1979–1983, ч. 1–2), где перу Б. Стахеева принадлежат посвященные польской литературе главы.
- 26 Об этом свидетельствует, в частности, автор книги о П. А. Вяземском, пораженный готовностью Бориса Федоровича, приглашенного издательством в качестве ее научного редактора, защищать «польские главы» от нападок советской политической цензуры, его неутомимой помощью в сочетании с многосторонними познаниями и мгновенным пониманием проблемы и ситуации. – См.: *Перельмутер В. Г.* «Звезда разрозненной плеяды!..» М., 1978. С. 32–34.
- 27 Долгие годы Б. Стахеев был заместителем главного редактора академического журнала «Советское славяноведение», ответственным редактором многотомного библиографического труда «Польская художественная литература XVI – начала XX в. в русской и советской печати. Указатель переводов и литературно-критических работ на русском языке, изданных в 1711–1975 гг.» (совместное издание ВГБИЛ и Национальной библиотеки в Варшаве, 1982–1988, составитель И. Курант); входил в редколлегии многочисленных польско-российских трудов (например: *Tradycja i współczesność. Powinowactwa literackie polsko-rosyjskie.* Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978) и многотомных серий (например: *Polski ruch społeczny i życie literackie lat 30–50 XIX wieku. Studia i materiały.* Warszawa, 1978. Т. 1; 1981. Т. 2). Он – как автор и редактор-консультант – ак-

тивно участвовал в создании Краткой Литературной энциклопедии, Большой Советской энциклопедии. Среди изданий Института славяноведения и балканистики РАН едва ли найдется труд, так или иначе связанный с проблематикой польской литературы и культуры и подготовленный за долгие годы работы здесь Б. Ф. Стахеева, в котором он не принял бы участия – как ответственный редактор, член редколлегии или автор. Его имя как ответственного редактора стоит на титульных листах столь многих работ его коллег, что из них составила бы обширная библиотека.

Mochalova V. V.
Boris Fedorovich Stakheev

The article is devoted to the work of renowned Russian philologist and specialist in the Polish literature Boris Fedorovich Stakheev (1924–1993).

Keywords: *Boris Stakheev, history of Polish literature, translations from Polish into Russian.*

М. Фрончек
(Краков)

У истоков белорусской фольклористики: Ян Чечот

Статья посвящена фольклорной и этнографической деятельности Яна Чечота, который в своих произведениях хотел не только увековечить проявление уникальной культуры для будущих поколений, но и создать научное описание белорусского языка. Автор обращается к наиболее важным фактам и произведениям, которые характеризуют Чечота как белорусского фольклориста и этнографа.

Ключевые слова: *фольклористика, белорусские песни, этнография, Ян Чечот.*

Знаць Чачота ўсе павінны...
Ф. Багушэвіч¹

Может показаться, что о литературе польского романтизма и предромантизма сказано уже все и больше сказать невозможно: написаны тысячи научных работ и проведены сотни исследований. Однако есть одна неприметная личность, влияние которой на польскую и белорусскую литературу первой половины XIX столетия нельзя переоценить. Эта личность – Ян Чечот².

История не совсем хорошо обошлась с творческим наследием Чечота, который сегодня является поэтом малоизвестным, даже забытым³. В сознании читателей Чечот присутствует прежде всего как друг Адама Мицкевича, один из тех, кому тот посвятил первый том своей поэзии⁴. Однако роль, которую сыграл Чечот в истории литературы и науки, выходит далеко за рамки этого посвящения и даже дружбы с Мицкевичем, хотя следует отметить, что для самого Мицкевича эта дружба имела ключевое значение. Будучи ближайшим другом Мицкевича, Чечот особым образом заботился о нем и его творчестве: собирал рукописи, делал копии текстов⁵, он был первым, кто увидел в Мицкевиче гения и предсказал ему славу национального поэта-пророка. Наконец, именно Чечот стал редактором второго сборника поэзии Мицкевича, в состав которого вошли II и IV часть драматической поэмы «Дзяды» и поэма «Гражина».

Первые стихи Яна из Мыши⁶, как называли Чечота в кружке филоматов⁷, также оказали влияние на форму ранней поэзии Мицкеви-

ча. Он первым заинтересовал будущего автора «Баллад и романсов» белорусской народной песней, указал на возможность использования сюжетов из народного творчества в поэзии. В то время, когда Мицкевич писал еще стихи исключительно классицистические, Чечот в своих произведениях не только перерабатывал услышанные в детстве народные легенды и сказки, но и пытался записать их в форме стихов на диалекте кривичей – так он называл язык, на котором говорили местные крестьяне.

Роль Чечота в интересующей нас области – фольклористике – не ограничивалась только использованием в поэзии сюжетов белорусского народного творчества. В отличие от его друзей-филоматов, увлечение Чечота культурой белорусских крестьян не было только модой, а возникло изнутри его личности и являлось основой его мировоззрения. Он – сын управляющего, был воспитан среди крестьян и уже в раннем детстве узнал обо всех обычаях и традициях белорусского народа, влюбился в его песни и сказки, в которых видел сокровищницу моральных и художественных ценностей.

В молодости вместе с Мицкевичем Чечот участвовал в народных ярмарках и свадьбах, обжинках⁸ и похоронах. Однако насколько Мицкевич после первоначального увлечения фольклором, вместе с развитием его поэтического таланта, поднялся на высший уровень поэтической рефлексии, настолько Чечот на протяжении всей жизни остался верным народности, и в своем творчестве как в период общества филоматов, во время ссылки в глубь России, так и после возвращения из ссылки он не вышел за рамки народной песни⁹. Именно в этом заключается значение Чечота как поэта, фольклориста и этнографа.

Большинство филоматов, включая Мицкевича, обращение к белорусскому фольклору воспринимало как проявление эстетических предпосылок романтизма и привязанность к месту рождения (местный патриотизм). Чечот первым заинтересовался культурой и языком крестьян, проживавших на территории между Неманом и Западной Двиной, на более научном уровне. Именно он предпринял попытку создать классификацию белорусского фольклора. Для этого он собирал народные сказки и песни, проводил этнографические исследования, пробуя создать первое научное описание белорусского языка¹⁰.

Работу над сборником народных песен Чечот начал в 1833 г. в Лепеле, Витебской губернии. Здесь появились три первые томика из серии «Piosnek wieśniaczuch», которые были изданы в типографии Юзефа Завадского в Вильно в 1837, 1839 и 1840 гг. анонимно, потому что фамилии Чечота как ссыльного нельзя было печатать¹¹.

Очередные три тома песен были изданы уже после ссылки, во время пребывания Чечота в Щорсах, Бартниках и Долматовщине. Они опубликованы, как и предыдущие, в типографии Завадского¹².

В предисловии к первому из двух сборников под заглавием «Песни крестьян с Немана и Западной Двины» Чечот объяснил принципы своей фольклорной деятельности и способ подготовки к изданию собранных песен. Редакторские записи он дополнил краткой характеристикой белорусского народа, в которой звучит своеобразный дидактический тон защитника крестьян, призывающий дворянство проявлять солидарность с народом: «Наши крестьяне, – говорит автор, – народ добрый, мягкий, трудолюбивый и добродушный, он должен вызывать в нас доброжелательные чувства. Только с народом мы можем жить счастливо. За их физическую работу мы должны предоставлять им результаты умственного труда и просвещение, только таким образом мы можем умножить общее благосостояние»¹³.

Чечот говорит, что интеллигенция может многое взять из легенд, сказок и песен, которые являются источником «нежных, красивых, тонких даже и глубоких чувств»¹⁴ крестьян. Народные песни, по мнению Чечота, могли бы объединять крестьян и дворян, быть проводником ценностей и идей между деревней и домом помещика; песни могли бы стать элементом национальной культуры, который скрепляет в одно два слоя формирующейся нации.

Однако, как замечает Ришард Радзик, увлечение Чечота белорусским народом, его культурой и языком возникло не в связи с уверенностью Чечота в том, что этот народ может стать самостоятельным, тем более не хотел он таким образом поддерживать белорусскость в национальном понимании¹⁵. Чечот, как и многие интеллигенты его времени, нацией считал общество, которое выросло на почве общих убеждений и территории, при этом он одобрял все типы этого общества. Белорусский язык, которым пользовались крестьяне, он считал чертой, характерной для одного из слоев общества, которое составляло в эти времена польскую нацию. Он очень хотел познакомить интеллигенцию как с этим языком, так и с народной культурой. Итак, о языке крестьян Чечот думал, во-первых, как о характерной черте среды, в которой он вырос и которую вспоминал с ностальгией, во-вторых – как о предмете изучения (исследования), при этом воспринимая его как элемент общенациональной (польской) культуры, компонент исторической непрерывности сообщества на определенной территории¹⁶. Такое – культурное и этническое – понимание белорусскости совпадало с мнением многих представителей интеллигенции первой половины XIX столетия.

Чечот знал, что белорусский язык в прошлом был литературным языком, то есть имеющим собственный алфавит и форму записи. Этот язык являлся – по мнению Чечота – общим для дворян и крестьян¹⁷. Поэтому Чечот старался собранные песни жителей деревни воссоздать не только в их оригинальном звучании, но и в записи.

Это намерение порождало много проблем, с которыми поэт боролся на протяжении всего времени работы над сборниками песен. В первых томах он поддался существующей тогда моде переводить крестьянский диалект на литературный язык – в данном случае на польский. Однако он считал, что этот метод несовершенный, и в конце предисловия к этому циклу писал: «В другое время и когда собрание песен увеличится, я собираюсь издать их в подлиннике»¹⁸.

Метод двойной записи песни – в художественной обработке и в оригинальной версии – Чечот использовал в позднейших сборниках, в частности в «Песенках крестьян с Немана и Западной Двины. Некоторых пословицах и идиомах в речи славяно-кривичской, с замечаниями» («Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny. Niektóre przysłowia i idyotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi»), в которых он собрал итоги своих исследований о языке и культуре белорусского народа.

Характерно, что последний том «Piosnek wieśniaczych» Чечот посвятил Станиславу Сташицу – общественному деятелю эпохи Просвещения, который стремился улучшить положение крестьян. Этот жест придает работе Чечота уникальное общественное и национальное значение, так как поэт утверждает себя здесь как зрелый исследователь белорусской народной культуры. В шестой сборник песен, помимо обширного вступления, Чечот включил сто самобытных народных песен, известных на территории от Немана до Западной Двины, словарь белорусских слов с некоторыми идиомами и собрание пословиц.

В своих рассуждениях о диалекте кривичей Чечот сосредоточил внимание на поиске различий между польским языком, который использовало дворянство, и белорусским, на котором говорили крестьяне. На основании собранных песен он выделил некоторые морфологические различия между этими языками, а также фонетические расхождения, например отсутствие согласных звуков «ф» и «г» (взрывное) и аканье.

Однако Чечот не сумел сопроводить эти наблюдения более широким грамматическим комментарием. Он сожалел, что анализ его получился несколько поверхностным. «Я очень хотел бы, – писал Чечот, – иметь столько знаний и умений, чтобы составить какой-либо грамматико-исторический портрет этого языка и подготовить подробные заме-

чания для исследователей славянских языков. Но так как этому быть не суждено, я вынужден ограничиться лишь только подготовкой небольших заметок и представить некоторые наблюдения, которые у меня появились по этому вопросу»¹⁹.

Чечот обратил внимание на необходимость разработки принципов белорусской орфографии, сожалел, что насчитывающий несколько миллионов носителей белорусский язык все еще не имеет ни грамматики, ни словарей. Он призывал филологов устранить это упущение, и, чтобы показать хороший пример, сам разработал небольшой словарь белорусских слов (всего 238 словарных статей) и словарь идиом, в который поместил белорусские слова, отличающиеся от остальных славянских языков звучанием. Он был убежден, что собрание большого количества идиом кривичей сможет показать сходство белорусского языка и санскрита. В первой половине XIX в. считалось, что сходство с санскритом проявляется лишь в языках народов высокой культуры²⁰.

В конце шестого тома Чечот собрал кривичские пословицы, которые разместил в алфавитном порядке по инципитам. Он знал, что это не самый удачный способ записи, но другой возможности их систематизации он не нашел. «Я собрал едва ли не все пословицы, – писал Чечот во вступлении, – которые я слышал в детстве, которые я помню, которые использовались и в дворянской среде. Имея совсем немного пословиц, я не мог записать их иначе как в алфавитном порядке, чтобы тому, кто заинтересуется этим вопросом, было легче их затем разобрать: первоначально согласно алфавитному порядку, потом – по содержанию. Я не мог также сравнить их с какими-либо пословицами, ранее изданными на других славянских диалектах, из-за отсутствия соответствующих изданий»²¹.

Таким образом, Чечот записал 130 белорусских пословиц в алфавитном порядке и 15 по календарному циклу – относящихся к традиции праздников. В отдельной части он поместил 40 языковых выражений, которые люди использовали в качестве пословиц. Последней частью этого сборника пословиц является список поговорок из произведений Клементины Гофман-Танской, польской детской писательницы, которая являлась первой в Польше женщиной, жившей за счет своей педагогической и литературной деятельности.

Паремиологическое наследие Чечота, хотя и небольшое, свидетельствует о том, что и в этой области народоведения он явился одним из первых исследователей-паремиологов эпохи романтизма, работавших на территории сегодняшней Беларуси²².

Исследования Чечота следует признать пионерскими в области народоведения. Крестьянские песни, собранные в шести томах, оказали

сильное влияние на белорусскую литературу второй половины XIX в. Многие песни, приписываемые авторству Теофиля Ленартовича²³ либо Эдмунда Бояновского²⁴, основываются непосредственно на «Piosenkach wieśniaczuch» Чечота. Это не единственный случай, когда другие использовали его произведения: так, например, некоторые стихи Чечота, его песни, подражающие белорусскому фольклору, сегодня существуют как пример настоящего народного творчества²⁵. Вина в том и сам Чечот, который, правда, на склоне лет, опубликовал свои песни и стихи в Вильне, но опубликовал анонимно и таким малым тиражом, что в настоящее время их можно найти лишь в нескольких библиотеках.

Все это означает, что по прошествии ста шестидесяти лет с момента последнего издания «Piosenki wieśniacze» Чечота всё еще ждут внимания филологов и редакторов. А произведение это стоит внимания не только как источник новой информации о раннем периоде творчества Мицкевича, но и, прежде всего, как источник знаний о белорусской фольклористике и языковедении, которые начали свое становление как раз в песнях Чечота²⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 «Все должны знать Чечота». – *Багушэвіч Ф.* Творы. Мінск, 1967. С. 287.
- 2 Ян Чечот (польск. *Jan Czeczot*, белор. *Ян Чачот*, лит. *Jonas Čečiota*; 1796–1847) – польский, белорусский и литовский поэт, фольклорист и этнограф, член общества филоматов. В статье намеренно опущены многие биографические сюжеты, так как они не столь важны для исследования в интересующей нас области. Внимание уделено лишь тем фактам из жизни автора, которые оставили след в его фольклорном творчестве. Более подробно о жизни Яна Чечота см.: *Świrko S.* Z Mickiewiczem pod rękę, czyli życie i twórczość Jana Czeczota. Warszawa, 1989. См. также: *Яцкевіч З.* Радавод Яна Чачота. Мінск, 1996; *Цвірка К.* След на цаліку. Творчы шлях Яна Чачота // *Беларусіка Albaruthenica* / Пад рэд. Н. Давыдзенка, А. Мальдзіса. Мінск, 1998. № 10. С. 17–27; *Мархель У.* Станаўленне Яна Чачота як паэта і фалькларыста // Там же. С. 33–40; *Крамко І.* Спадчына Яна Чачота як выток беларускага мовазнаўства // Там же. С. 53–58; *Он же.* Чачот Ян // *Беларуская мова. Энцыклапедыя* / Пад рэд. А. Я. Міхневіча. Мінск, 1994. С. 611–612; *Лысенка І.* Ян Чачот у гісторыі беларускага мовазнаўства // *Роднае слова* (1997). № 2. С. 53–58.

- 3 Поэтическое наследие Чечота – многочисленное, но рассеянное по рукописям и малоизвестным журналам, сегодня почти недоступным, – не вызывало интереса исследователей. На сегодняшний день опубликовано около дюжины статей и одна (неполная) монография о жизни и творчестве этого филомата, тогда как его друзьям – Эдуарду Одынцу, Томашу Зану и Онуфрию Петрашкевичу – посвящено куда больше работ.
- 4 В дарственной надписи Мицкевич написал: *«Яну Чечоту, Томашу Зану, Юзефу Ежовскому и Францишку Малевскому – друзьям моим в память счастливых минут молодости, которые я пережил с ними, посвящаю»* [в подлиннике: *«Janowi Czeczotowi, Tomaszowi Zanowi, Józefowi Jeżowskiemu i Franciszkowi Malewskiemu – Przyjaciółom moim na pamiątkę szczęśliwych chwil młodości, którą z nimi przeżyłem, poświęcam»*]. См.: *Mickiewicz A. Poezyje*. Wilno, 1822. S. 5.
- 5 *Świrko S. Z Mickiewiczem...* S. 8.
- 6 В раннем детстве Яна семья Чечотов переселилась из Малюшиц, где Чечот родился, в Жепихов, недалеко от Новой Мыши, где Тадеуш Чечот – отец Яна – стал управляющим в имении графа Тизенгауза.
- 7 Тайное патриотическое и просветительское объединение студентов Виленского университета (1817–1823).
- 8 День народного календаря славян и обряд завершения жатвы.
- 9 *Stankiewicz S. Pierwiastki białoruskie w polskiej poezji romantycznej*. Wilno, 1936. Cz. 1. S. 49.
- 10 Не будучи специалистом-языковедом, тем более не зная исторической грамматики белорусского языка, мы не беремся в данной статье оценить приведенные Чечотом замечания о языковых особенностях его произведений. Это решение объясняется тем фактом, что даже такие исследователи, как Ян Прусиновский (Jan Prusinowski), Леонард Подгорски-Околув (Leonard Podhorski-Okołów), Станислав Станкевич (Stanisław Stankiewicz), Станислав Сwirkо (Stanisław Świrko), Мстислав Олехнович (Mścisław Olechnowicz), имеющие соответствующее знание и исследовательский опыт, не решились сопоставить замечания Чечота о белорусском языке с современным состоянием изучения истории и грамматики этого языка.
- 11 *Świrko S. Z Mickiewiczem...* S. 311 [примечание].
- 12 Там же. С. 256.
- 13 *Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny. We dwóch częściach*. Wilno, 1837. S. V–VIII. «Włóścianie nasi lud dobry, łagodny, pracowity i poczciwy, powinni wzbudzać w nas najprzychylniejsze ku sobie uczucia. Z nimi możemy być szczęśliwi. Za pracę rąk ich udzielając im pracy umysłu i oświecenia naszego, możemy pomnożyć dobro powszechnę».

- 14 Там же. С. VIII. «Tkliwych, pięknych, delikatnych nawet i głębokich uczuć».
- 15 *Radzik R.* Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin, 2000. S. 208.
- 16 Там же. С. 209.
- 17 Там же.
- 18 *Świrko S.* Z Mickiewiczem... S. 245. «Na inny czas i gdy się zbiorok pieśni pomnoży, zachowuję sobie wydanie ich z tekstem oryginału».
- 19 *Czczot J.* Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny. Niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno, 1846. S. V. «Chciałbym bardzo mieć tyle nauki i zdolności, abym dał jakiś rys gramatyczno-historyczny tego języka i dla badaczy słowiańszczyzny przysposobił gruntowne uwagi, ale że to być nie może – ograniczyć się muszę samym przygotowaniem dla nich podobnych uwag niewielkiego materiału i rzucić niektóre choć nieszykowne postrzeżenia, jakie mi się w tym względzie nastreczyły».
- 20 *Olechnowicz M.* Polscy badacze folkloru i języka białoruskiego w XIX wieku. Łódź, 1986. S. 224.
- 21 *Czczot J.* Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dźwiny. Niektóre przysłowia... S. XXXI. «Przysłowia, którem zebrał są ledwie nie wszystkie przypominane, słyszane w latach dziecinnych, powtarzane i między szlachtą. Nie mając wielu ich, nie mogłem uszykować inaczej jak alfabetycznie, aby nawet komuś chcącemu pomnożeniem się ich zajmować, ułatwić sposób alfabetycznego zebrania, a potem ułożenia systematyczniejszego podług treści. Nie mogłem też porównać z żadnymi dotąd wydanymi przysłowiami w innych słowiańskich dialektach, nie mając książek zawierających je pod ręką».
- 22 *Świrko S.* Z Mickiewiczem... S. 266–267.
- 23 Ленартович Теофиль (1822–1893), польский этнограф, скульптор и романтический поэт.
- 24 Бояновский Эдмунд (1814–1871), польский «благословенный» католической церкви, собирал народные песни польского и других славянских народов.
- 25 Например, «*Prząśniczka*» на музыку Станислава Монюшко неизменно пользуется большой популярностью, однако следует заметить, что в массовом сознании поляков автор слов этой песни является неизвестным (!).
- 26 *Świrko S.* Z Mickiewiczem... S. 7–8.

Frączek M.

At the Source of the Byelorussian Folkloristic: Jan Czczot

The article explores the folklore and ethnographic activity of Jan Czczot, who in his works wanted not only commemorate manifestations of the unique culture for the generations to come, but also wanted to create a scholarly description of the Byelorussian language. The author treats most important facts and works, which characterise Czczot as Byelorussian folklorist and ethnographer.

Keywords: *folkloristic, Byelorussian songs, ethnography, Jan Czczot.*

Т. А. Агапкина
(Москва)

**Символика деревьев в традиционной культуре славян:
боярышник, терновник
и другие колючие деревья и кустарники**

В статье рассматривается символика и ритуальные функции колючих кустарников в народной культуре балканославянских и карпатских регионов, а также связанные с ними мифологические рассказы и фольклор.

Ключевые слова: *колючие кустарники, символика, фольклор, мифология, апотропей.*

В традиционной культуре славян – в легендах, магических практиках и быличках, в песнях и других жанрах – заметное место занимают рассказы о колючих деревьях и кустарниках – таких как боярышник¹, терновник², шиповник³, ежевика⁴, держидерево⁵, свидина⁶ и некоторые другие.

Их колючесть обычно воспринимается как проклятье, ниспосланное за непочитание Святого Семейства, вследствие чего народная традиция приписывает этим кустарникам особую дружбу с демонами, а то и просто ведет их происхождение от дьявола. В то же самое время именно эти кустарники, а чаще их шипы, колючки и ветки, широко используются в магии – прежде всего в качестве апотропея, для защиты от тех же демонов, «ходячих» покойников, а также болезней и других напастей. Этот парадокс хорошо известен исследователям народной культуры (см. хотя бы: Зайковская 1997; Усачева 2008). Мы вернемся к нему в самом конце статьи, а сейчас рассмотрим символику и ритуально-магическое использование колючих кустарников.

Несколько предварительных замечаний. Во-первых, народная традиция «воспринимает» колючие кустарники в основном «типологически» (да они и на самом деле часто похожи один на другой), чем, на наш взгляд, объясняется сходство (точнее даже – общий набор) связываемых с ними сюжетов и магических практик, а также тот факт, что названия отдельных биологических видов этих кустарников легко присваиваются другим, отчего не всегда можно

Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ (№ 12-04-00006а) «Символика деревьев в фольклоре и традиционной культуре славян».

точно сказать, о каком именно растении идет речь. И во-вторых, апотропеическая функция колючих кустарников особенно заметна в славянских культурах Балкан и Карпат, в то время как на большей части восточнославянской территории и в других северных областях Славии эта роль обычно отводится хвойным деревьям, таким как ель, можжевельник и некоторым другим, а также традиционно осине (хотя единичные примеры из других славянских территорий, аналогичные балканославянскому и карпатскому материалу, всё же встречаются, и мы будем приводить их по ходу изложения).

Пожалуй, самым выразительным фрагментом мифологии колючих кустарников являются легендарные сюжеты, приписывающие им «участие» в земных страданиях Иисуса Христа. Заметнее всего эти сюжеты в мифологии терновника – в основном благодаря мотиву тернового венка. Карпатская колядка, рассказывая о крестных муках Христа, упоминает о том, что, распиная Христа, его подпоясали ветвями ежевики: «...żydowe – Chrysta spijmały, / Chrysta spijmały – Chrysta muczały, / Chrysta muczały – na chrest rozpniały, / Taj ożynkoju – wperizowały» [...жиды Христа поймали, / Христа поймали, Христа Мучили, / Христа мучили, на крест распинали / И ежевикой подпоясали] (Kolberg 1962/29: 96). У старообрядцев-беспоповцев на южной Вятке боярышник и шиповник запрещали даже употреблять в пищу якобы потому, что этими колючими растениями «Христа терзали» (Материалы к истории старообрядчества 2012: 230).

В Польше в память о терновом венце Спасителя, которым он был увенчан на Кресте, в Страстную субботу ломают ветки терновника, боярышника и других колючих кустарников и жгут из них костры около костела, а недогоревшие ветки хранят и втыкают в засеянные поля от непогоды, порчи и града, кладут на окно от молнии во время грозы; освящают и хранят на случай несчастий, втыкают под крышу от пожара, делают из веток терновника подобие венца и вешают где-нибудь в доме или даже носят на голове и т. д. (Paluch 1984: 163–164; Niebrzegowska 2000, № 233–235). Тогда же нарубают целые охапки терновника: из него делают крестики, которые также втыкают в поля и посевы, чтобы защитить от мышей, кротов и насекомых. Их также втыкают по углам домов и на противоположных концах крыши, а также прибивают над окнами и дверями, чтобы уберечь дом во время грозы (Gustawicz 1882: 283–284, юж. Польша). Воспоминание о терновом венце нашло отражение в хрононимах Страстной недели, см. *Cierniowy czwartek* ‘Терновый четверг’, т. е.

Страстной четверг (Janota 1878: 36, Горлицкий пов.; ныне – часть Малопольского воев.).

Проклятие было наложено на эти деревья и кустарники также и за неуважение и непочитание, «проявленное» ими по отношению к Святому Семейству. Так, в галицкой колядке, в рамках традиционного сюжета об бегстве Св. Семейства от Ирода, перед младенцем Иисусом преклоняются все деревья, кроме терновника и осины, за что, собственно, они и оказываются прокляты (Головацкий 1878/2: 9–10; № 13; о сюжетах, связанных с проклятием и благословением деревьев, см. специально: Усачева 2010).

Иногда проклятие на колючие кустарники насылают святые, также в качестве наказания за неоказанную помощь. В южнославянской версии апокрифической Сисиниевой легенды св. Сисиний, преследуя дьявола, укравшего ребенка его сестры Мелетии, встречает на своем пути ежевику и спрашивает у нее, не видела ли она дьявола, но та не открывает ему правды, за что святой Сисиний и проклинает ее: «...иде край мора и (вїде купину край мора и) рече Ст҃ы купино, купино, древо бж҃їе вїдѣла ли еси Врага бѣжаща втроча оу зуби носяща она же баше видѣла и рече не видѣ, и рече ей Ст҃ы купино, да си проклета, гдѣ ти Вр(хъ), ту ти и корень...» [пошел к морю и увидел ежевику у моря и сказал святой: Купино, купино, древо Божие, видела ли ты Врага бежащего, отрока в зубах носящего. Она же, хотя и видела, сказала, что не видела, и сказал ей святой: Купино, будь ты проклята, где у тебя корень, пусть там будет и верхушка] (из собрания центра «Иван Дуйчев». Амулет – Cod. D. Slavo 31; цит. по: Minczew 2003: 129–132, рукопись серб. ред. XVII–XVIII вв.).

Как бы в продолжение темы проклятия в мифологии колючих кустарников получает развитие тема их дьявольского происхождения, связанная с дуалистическими представлениями в народной этиологии. Чаще эти сюжеты можно встретить в легендах и поверьях, относящихся к ежевике. Так, в болгарских и сербских легендах названия ежевики, соответственно *дьяволско грозде* и *ђавоље грозђе*, т. е. «дьявольский виноград», объясняют тем, что ее создал дьявол (Българска народна медицина 1999: 205, № 475) или она выросла из пальца дьявола, отрубленного и брошенного им на землю (Раденковић 1996: 227). Поскольку ежевика составляет своего рода дьявольскую пару к созданному Богом винограду, ее нельзя есть прежде винограда, т. е. до Преображения (Живковић, Ромелић 1997: 294, Заечар), хотя болгары и верят, что дьявол сделал так, чтобы плоды ежевики созрели раньше винограда (БМ: 196).

Аналогичных карпатских легенд нам пока не встретилось, но некоторые другие косвенные параллели к этим верованиям удалось найти в других славянских регионах. Так, по харьковскому поверью, «шыпшыну и глид» (шиповник и боярышник) сотворил лукавый, «шоб люды лаялись и гришылы, як уколяцьця ными» (Материалы для изучения Харьковской губернии 1894: 316). В чешском языке выражение *jděte k šipku* означает «идите к черту!», что также указывает на ассоциативные связи между дьяволом и колючими кустарниками.

Колючие кустарники, видимо, в силу исходящей от них опасности, тесно связаны с разного рода демонами – начиная с поверий о том, что они являются местом обитания демонов и заканчивая сюжетами об их взаимных перевоплощениях. Так, македонцы говорили, что на боярышнике собираются демоны (Вражиновски 2006: 133), а сербы считали, что там живут именно демоны болезней. Поэтому в канун праздников знахарки относили под боярышник вино, воду, цветы, лепешки, подкову, соль и клинышки, которыми «заклинивали» демонов на этом кустарнике, чтобы они приняли предложенную жертву и оставили больного в покое (Чајкановић 1936: 131). Боярышник «использовался» демонами и для изготовления колдовского инструмента. По данным хорватских судебных процессов над ведьмами, чтобы умертвить человека, вештица якобы делала из боярышника колышек, обжигала его и вбивала в землю перед домом выбранного ею человека, затем делала колышком углубление в земле, наливала туда молоко и втыкала в него раскаленный гвоздь, произнося при этом: «Сейчас мы сделали то, что думали» (Слащев 1: 160–161).

Шиповник, терновник и ежевика также считались местом обитания демонов. Македонцы рассказывали, что вокруг шиповника собираются злые духи – *вампири*, *ветрошчини*, самовилы (они устраивают там трапезы, вешают на шиповник качели и качаются), см. болгарское название шиповника *самодивски трендафил*. Верили, что если найдешь на перекрестке шиповник, надо отнести туда дары (рубашку, штаны и др.), чтобы умиловить самовил. Поэтому под шиповником запрещалось сидеть и спать (будешь видеть плохие сны), выкорчевывать и рубить его, а нарушение этих запретов было чревато болезнями (скрутит ногу или руку) (Вражиновски 2006: 142). В окр. Ловеча (Болгария) рассказывали о женщине, которая случайно забрела в заросли терновника, где находилось место трапезы самодив, и присела там по малой нужде, за что впоследствии ее долго мучили эти демоны (Ловешки край 1999: 278).

Заросли ежевики также были местом обитания, игрищ и трапезвил и самодив, поэтому в местах, где буйно росла ежевика, запрещалось находиться в темное время суток (р-н Преспы, Македония); в Далмации верили, что в ежевике прячется *вукодлак* (Чајкановић 1985: 153), а в обл. Сакар в ю.-вост. Болгарии известны легенды о том, что первые люди на земле – *елени* – жили и спали в кустах ежевики и там же умирали, отчего почитали ее и приносили ей жертвы (Сакар: 251). Отметим параллель к такому демоническому «портрету» ежевики в быличках западного Полесья, где известен сюжет о превращении ведьмы в ежевику в купальскую ночь: «На Купало... вэдьмы ходять, воўшэбници. То ужэ оны на шчо ўорожать... От чоловик у нас рыбку ловиў да йшоў до дома. А тая воўшэбница скинула ежыною, а вин зачапиўса да й упаў и рыбку рассыпаў. А оны (вэдьмы) ужэ булы такімы неякімы пташкамы, да давай тую рыбку збираты. Той дид пошоў до хаты. А вин шчо, вин взяў, буў у яго топор, а вин сякнуў по тий ежыни, перэсик ее. А ужэ эта жэншчына, як зробылася ужэ нэ воўшэбница, так ужэ у ее спына была у ее побитая» (ПА, Ласицк Брестской обл.).

Связываемый с колючими кустарниками комплекс описанных выше сюжетов и мотивов, страх, чувство опасности и боль, которую они вызывали, стали, по всей видимости, причиной того, что в фольклоре и языке эти растения ассоциируются почти исключительно с негативными эмоциями и в целом оцениваются отрицательно. Так, в лексике и фразеологии терновник становится символом неприятностей, трудностей, неадекватного поведения, ср. укр. *маю ся, як в терню* (Дикарев 1903: 35); болгарское название держидерева *драка* имеет также значение ‘надоедливый человек, от которого трудно избавиться’, ср. рус. *репей, колючка* с тем же значением. Образы колючих кустарников широко используются в проклятиях, ср. болг. «Драки очите да му издерат» (Геров I: 365) и под., где часто символизируют недобрую смерть и соответствующие ей похороны (сжигание на костре из терновых веток, помещение их в могилу, обсаживание могилы колючими кустарниками и т. д.): «Сус црни трјне да се греје!» [Пусть тебя согреет терновник!], «Црни трјне на гробут да му никнат!» [Пусть у него на могиле вырастет терновник], «Црни трјне прагут да му затворат!» [Терновник порог ему закроет!] (Тановић 1934: 40), «Да му је драча под ногама, а плоча над главом» [Пусть у него будет терновник/держидерево под ногами, а доски над головой] (Чајкановић 1936: 127) и др.

Негативными эмоциями объясняют и происхождение колючих кустарников. В болгарской этиологической легенде говорится о том, что ежевика произошла от злой жены, и потому она цепляет и ранит любого, кто проходит мимо нее (Българска народна медицина 1999: 205, № 475), а в сербской песне – о том, что колючие кустарники (*трње*) появились там, где пролилась кровь жены-завистницы, погубившей сестру своего мужа (Софрић 1912: 42). В украинских песнях зарастание тропинки ежевикой символизирует расставание с семьей: «Ой давно-давнісенько я у ньеньки була, / Та вже тая стежечка терном заросла, / Ой терном-терночком ще й ожиною, / Зеленою черемшиною! (Дикарев 1903: 23), а также ненависть, ревность, зависть и иные сильные и опасные чувства. В русских семейных песнях известен сюжет о молодой жене, которая стелет своему старому мужу постель из крапивы и шиповника: «Я старому сноровлю, / Сноровлю, сноровлю: / Постелюшку постелю, / Постелю, постелю, – / В три рядочка кирпичу; / В четвертый шипицу колючую, / Колючу, колючу; / Крапиву шипучую...» (Шейн 1898: 87). Особенно часто мотивы с упоминанием колючих кустарников встречаются в восточнославянских балладах о гонимых влюбленных, где, например, свекровь сажает терновник или шиповник на могиле нелюбимой невестки: «Поховала сина на цвинтару, / А невістку під цвинтаром, / Посадила сину яворину, / А невісточці тернину» (Дикарев 1903: 34), что, впрочем, не мешает разлученным возлюбленным быть вместе и после смерти: «...Колына и шэпшина до купы зрослися, / Шо сын и нэвістка до купы зийшлися» (ПА, Олбин Черниговской обл.).

Сербы-граничары использовали колючий терновник во вредоносной магии: чтобы поссорить домочадцев между собой, надо было прийти с веткой терновника к ним домой и незаметно коснуться ею цепей над очагом, после чего вся семья начала бы ссориться и стремиться «уколоть» друг друга (Беговић 1986: 278). У сербов же запрещалось оставлять детские пеленки на кусте терновника, чтобы в них не попала к нему какая-нибудь злая душа (которую зацепил терновник), «јер ће деца срдити» [иначе дети будут сердиться] (Чајкановић 1936: 128). Показательной параллелью к этим материалам являются русские вредоносные заговоры, в которых терновый куст занимает место мирового дерева (обычно в качестве мирового дерева в заговорах фигурируют дуб, липа и другие вполне «позитивные» деревья). Например, в «присушке», с помощью которой на человека насылали сильную страсть, в центре мира, под терновым кустом, сидит персонаж, вполне соответствующий по своему статусу

су этому недоброму дереву: «Во чистом поле стоит тернов куст, а в том кусту сидит толстая баба, сатанина угодница. Поклонюсь я тебе, толстой бабе, сатаниной угоднице, и отступлюсь от отца и от матери, от роду, от племени. Поди, толстая баба, разожги у красивой девицы сердце по мне, рабе имярек» (Ефименко 1864: 17, Архангельская губ.; показательно, что в других подобных заговорах на месте терновника фигурирует осина, см.: Русские заговоры 1998, № 860).

* * *

Как мы уже говорили вначале, именно этим колючим кустарникам, символизирующим демоническое начало, страх, зло и неприязнь, в магической практике придаются апотропеические функции, причем эти функции, как и рассмотренные выше представления, проявляются главным образом в магической практике балканославянских и карпатских традиций.

Первое и главное, что объединяет образы колючих кустарников как растений-оберегов, – это то, что все они используются для того, чтобы помешать умершему превратиться после смерти в вампира или иного «ходячего» покойника. Наиболее выразительны в этом отношении болгарские поверья. Болгары считали, что видеть вампиров и других «ходячих» демонов и неприкаянные души (типа *пльтеникъта*), противостоять им и бороться с ними могут так называемые «субботные» люди (*съботници*, т. е. родившиеся в субботу), а также *глогинковци*, *глоги*, *глогове* (от *глог* ‘боярышник’). Таким образом, «победитель вампиров» просто получал имя дерева (колючего кустарника), который считался действенным апотропеем. Такой *глог* может убить «пльтеника», для чего идет на его могилу и пробивает его труп колючкой черного боярышника (Маринов 1984/2: 76–78; Илиев 1919: 118).

В магической практике Балкан и Карпат «ходячих» покойников пробивали колом из древесины колючих кустарников, втыкали в их тела колючки и шипы, обкладывали в гробу колючими ветками и, наконец, в качестве самого радикального способа – сжигали их тела на разведенном на колючих ветках огне; широко практиковались и комбинированные способы нейтрализации вампиров.

Сербы в Заечаре протыкали покойника колом из боярышника, а его колючки раскладывали по углам комнаты, где лежал покойник, «да се не повампири и да му се душа ту не би вртела» [чтобы он не стал вампиром и чтобы его душа тут не крутилась] (Живковић, Ромелић 1997: 292); в Таково втыкали эти колючки покойнику в пу-

пок, забивали в рот (Таковци: 211) и горло (Сакар 2002: 316); в Бачке их сжигали на могиле покойника (Етнички контакти 1997: 56) и т. д. Сербы в окр. Чачака верили: чтобы умерший некрещеный ребенок не стал вампиром, его надо закопать под кустом боярышника (ГЕМБ 1938/13: 133). В Сербии с этой же целью женщины после похорон шли на кладбище, где на уровне груди похороненного покойника втыкали в могилу нож, а на уровне рук и ног – колышки из боярышника (Милићевић 1894: 343), ср. сербское выражение *прикован за гроб глоговим коцем* (Чајкановић 1936: 129). Болгары в Ловечском крае кидали ветки боярышника прямо в могилу, обматывали ими тело умершего, а также втыкали колючки боярышника в то место, где обмывали покойного, чтобы он не превратился в вампира (Ловешки край 1999: 278, 414). А чтобы на святках умерший не превратился в демона *каракончо*, его тело обкручивали ветвями ежевики (там же: 283).

Пытаясь определить, кто из покойников является вампиром, и помешать ему, македонцы в Гевгелии считали необходимым забить по колышку из боярышника во все новые могилы (Тановић 1927: 261). Колючки боярышника македонцы и болгары втыкали в обувь покойника и даже в пятки: если бы он попробовал встать, то наколотся бы на колючки (Вражиновски 2006: 133; Ловешки край 1999: 282). В том же Ловечском крае (с. Дълбок Дол) рассказывали о том, как однажды *глогове* пришли на могилу вампира, обложили могилу ветвями черного боярышника, развели на нем же огонь, на котором вскипятили воду, а затем вылили кипяток на могилу и услышали, как в ней что-то лопнуло, вероятно, это была наполненная кровью кожа вампира (Ловешки край 1999: 282).

В той же функции на Балканах использовали и другие колючие кустарники, прежде всего терновник. Болгары в Гоцделчевско, подозревая в умершем вампира, разрывали его могилу, кидали прямо в нее целое ведро терновых веток, на огне из которых и сжигали вампира (Мицева 1994: 116), в Благоевградско обсаживали дом терновником, и если вампир, пришедший ночью в дом, задевал терновник и накалывался на его колючки, то тотчас падал, как мертвый (там же: 103). В обл. Сакар верили, что вампир не может пройти через кусты терновника, и потому «затърнява се къщата» (дом «тернится», т. е. окружается терновыми ветками); вампир наткался на них, прокалывал кожу (а состоял он до 40-го дня только из нее), лопался от впившихся в нее колючек и погибал (Сакар 2002: 245). Сербы, чтобы уберечь покойника от превращения в вампира, одежду, в которой умер человек, относили за село и бросали в терновник; а прежде чем

положить покойника в гроб, протыкали его тело шипом терна или втыкали такой шип в палец ноги, причем особую силу имел терновник, освященный в Вербное воскресенье, или тот, который стоял в алтаре в течение Страстной недели (Чајкановић 1936: 126–127). Случайно убив домашнюю змею и опасаясь ее превращения в вампира, ее хоронили глубоко под терновым кустом (там же: 127).

Сербы в Скопской Котлине считали, что местные ведьмы, называемые *вештерице*, происходят от старух, уже умерших или очень старых (которые бродят во сне, когда их душа покидает тело), и что они ходят по ночам в виде огня или пучка света. От них можно защититься только с помощью колючки держидерева (*чалија*), если этот огонь или свет поцарапать или поскрести такой колючкой. В этом случае наутро какая-нибудь старуха в селе будет ходить с поцарапанным лицом, что позволит распознать в ней *вештерицу* (Филиповић 1939: 520–521). В обл. Сакар (ю.-вост. Болгария) хозяева обсаживали дворы кустарником держидерева, чтобы защититься от вампиров, самодив и зловредной магии. Верили также, что если на могиле вампира или перед убежищем мифического змея зажечь костер из держидерева, демон будет уничтожен или изгнан (Сакар 2002: 241).

Чтобы помешать вампиру проникнуть в дом, на Балканах колючки и ветки боярышника помещали на окнах, пороге, в дверях и в дымоходе, замыкали ими дверь, просто держали боярышник в доме, носили на себе крестики из боярышника, клали крестики из черного боярышника в наволочку и т. д. (Чајкановић 1936: 129; Маринов 1984/ 2: 77; Ловешки край 1999: 283). Боярышник упоминается также в сербской апотропеической формуле-проклятии, произносимой при упоминании вампира: «На путу му броћ и глогово трње» [Чтобы на его пути встали марена (*Rubis tinctorum*) и колючки боярышника] (Чајкановић 1985: 76).

На Карпатах вампиров и ведьм также сжигали в костре, разведенном на ветках терновника, а также можжевельника, и протыкали упырей терновыми колючками или даже колышком из древесины терновника (Fischer 1921: 347; Киевская старина 1890: 29, 113). Если покойник после смерти начинал «ходить», у лемков его выкапывали из могилы, вынимали из гроба и пробивали осиновым колом, а возвращая тело в могилу, прикрывали его сверху колючими ветвями, в т. ч. терновыми (Reinfuss 1990: 89). Если это не помогало, то тогда тело (например, умершей босорки) выкапывали и сжигали на огне, разведенном из терновых веток (Лемківщина 2: 339). У украинцев Карпат в р-не Верецкого перевала записан рассказ об упыре, заму-

чившем все село: он ходил после смерти, говорил голосами людей и животных и т. д. Чтобы избавиться от него, мужчины вырыли могилу, открыли гроб, обвязали цепями тело и вытянули его наверх, после чего порубили его на куски топором и сожгли на терновом огне, хотя он и пытался вырваться и разорвать цепи (Демян 1927: 171). На Карпатах умершего двоедушника обезвреживали также с помощью ежевики: его тело клали в гроб, сердце пробивали осиновым колышком (чтобы оно не ожило никогда, так же как не оживет и не превратится в дерево этот колышек), а ноги и руки связывали ветвями ежевики (*ужиновим терньом*), которым «венчали» Христа на Кресте (Світлик 1930: 54–55).

Подобным образом, раскапывая могилу «ходячего покойника» и пробивая тело колом, поступали и восточные славяне – с той лишь разницей, что использовали они для этого осину, а южные славяне и жители Карпат – преимущественно колючие кустарники.

Впрочем, функцией избавления от «ходячих» покойников и вампиров не исчерпывались все возможности магического использования колючих кустарников. Боярышник, терновник, ежевику и шиповник широко применяли в качестве действенного и многофункционального оберега в целом ряде других ситуаций – для защиты от демонов, ведьм и змей, а также разнообразных проявлений злонамеренной магии.

Хорваты Каставщины были убеждены, что, отправляясь в путь на неделю, соединяющей времена года, надо иметь при себе палку из черного боярышника, и тогда человеку не страшна нечистая сила (Jadras 1957: 83), а македонцы носили с собой от злых духов амулеты из черного боярышника в форме креста (Вражиновски 2006: 133). Болгары Ловечского края на святках, опасаясь демонов *каракончо*, клали ветки боярышника и ежевики под печную трубу и втыкали их в двери дома, а также носили на шее в это время крестики из боярышника (Ловешки край 1999: 277–278). Черногорцы в Сочельник срубали в лесу, помимо бадняка, еще и *ватраль* ‘кочергу’ из боярышника, который якобы способен выгнать из дома дьявола (ГЕМБ 1970. Књ. 33: 166). В окр. Требине (Республика Сербская в Боснии и Герцеговине) в день свадьбы все домочадцы и молодежь втыкали себе в одежду кусочки и шипы терновника, чтобы им не навредили злые духи (Чажкановић 1936: 126). Болгары Ловечского края считали, что от летающего змея, похищающего девушек, можно уберечься, облив его отваром из трав и других растений, в число которых входит и *трънка-гръмотрънка*, т. е. терновник (Ловешки край 1999: 288).

В Полесье, «провожая» из села русалок по окончании Русальной недели, пели: «Правяду русалку, правяду, / Да ясиною задамлю, / Да шупшинаю закалю» (ПА, Копачи Киевской обл.).

Однако особенно широко колючие кустарники применяли как защиту от ведьм. Сербь в Бачке верили, что ведьму можно отогнать, ударив ее наотмашь палкой из черного боярышника (ГЕМБ. 1932. Кн. 7: 86), а в Крагуевской Ясенице с помощью боярышника возвращали отнятое у скота молоко. Для этого кропили водой скотину у той хозяйки, которую подозревали в отбирании молока, а остатки этой воды выливали на боярышник со словами: «О глокчићу, по Богу брат да си ми, прими Бога и св. Јована, поврати ми сир, млеко и кајмак, као што ми је раније било, а ово што не ваља подај оној чије је» [О, боярышник, брат мне по Богу, прими Бога и св. Иоанна, верни мне сыр, молоко и каймак, что раньше были у меня, а то, что не следует, отдай той, которой оно принадлежит] (Павловић 1921: 141). Болгары в Сакаре в канун дня св. Георгия втыкали в посевы ветки и колючки боярышника, «да им бучка на мамниците в очите, да не мож да видят» [чтобы воткнуть их в глаза ведьмам (отбирающим урожай), чтобы они не видели] (Сакар 2002: 358).

Аналогичные функции защиты от ведьм приписывали и другим колючим кустарникам. Сербь считали, что терновник оберегает от вештицы, и потому держали его в доме, а ветки и колючки клали на ворота, чтобы вештицы не могли проникнуть во двор (Чајкановић 1936: 126). Чехи в Славонии в ночь накануне дня свв. Филиппа и Якуба, когда ведьмы представляли наибольшую опасность, втыкали в порог хлева и в навоз ветки терна, боярышника и шиповника, чтобы «поймать» на них ведьм (Heroldova 1971: 234). Словаки в Зеленый четверг выгоняли скот веткой шиповника – от ведьм. Тех, кого сглазили или испортили ведьмы, следовало слегка ткнуть трижды терновым прутом, и тогда ведьма будет вынуждена прийти к этому человеку, так как ее раны (вызванные таким прикосновением) начнут сильно болеть (Sobotka 1879: 186). Бойки, веря, что, переступив через последнее снесенное курицей яйцо, можно заболеть, поступали следующим образом: шли с этим яйцом на межу, ломали там терновник и шиповник и сжигали всё это вместе с яйцом в лесу под вывернутым бурей деревом (Левкович 2010: 74, Львовская обл.).

В том же Полесье в купальскую ночь в ворота хлева и двора втыкали шиповник, колючую грушу и крапиву, а также ежевику, чтобы ведьма исколола руки, если попытается добраться до коровы (ПА, Выступовичи Житомирской обл.). У чехов в Глинецко над

огнем, разожженным из древесины шиповника, вешали мешочек с творогом из молока коровы, которую испортил «шкодник» (ведьмак), и, пока этот мешочек висел над огнем, глаза «шкодника» были налиты кровью и по этому признаку того можно было легко распознать (Adámek 1900: 228).

И вновь отметим здесь параллелизм колючих кустарников и осины, на огне из которой, согласно восточнославянским поверьям, надо прокипятить цедилку, чтобы заставить ведьму, испортившую корову, прийти в дом к обиженному ею человеку и признаться в содеянном.

Боярышнику приписывалась способность отгонять змей, а также других хтонических животных, насекомых и др. У балканских славян 1 мая, в день св. Иеремии, совершался апотропеический обряд, направленный на то, чтобы шумом, огнем и отгонными формулами изгнать со двора и из села змей, появившихся в это время. В некоторых формулах змее угрожают тем, что, оставшись в селе, она погибнет, напорвшись на острые колючки боярышника и шиповника: «Јеремија у поље, беж'те, змије, у море. Све редом отишле, само једна остала, и она је пропала: оба ока избола, на два трна глогова, на четири шипова!» [Иеремия в поле, бегите, змеи, в море. Все подряд ушли, только одна осталась, и она пропала: оба глаза выколола, на два шипа боярышника, на четыре шиповника!] (Петровић 1848: 244, Крагуевац) (об обряде и формулах см. подробнее: Плотникова 2004: 134–135). Сербь верили также, что змею можно убить палкой (посохом) из черного боярышника, а также ножом, ножны которого сделаны из него же (Чајкановић 1936: 130). При укусе змеей рекомендовали проткнуть рану шипом боярышника (ГЕМБ. 1930. Књ. 5: 109), а знахарки заговаривали такие раны с веткой боярышника в руках (Сакар 2002: 241). Ср. восточночешский обычай выгонять тараканов из дома прутом из шиповника, срезанным в Страстную пятницу (Adámek 1900: 264), или делать из боярышника колышки для вязания снопов, чтобы позже в амбарах мыши не ели хлеба, собранного в снопы с помощью таких колышков (там же: 269).

Отношение к колючим кустарникам как к сильным апотропеям определило их применение при угрозе повальных и моровых болезней – в основном в качестве средств защиты села, двора и дома от проникновения чумы или холеры. Так, в Болгарии, в окр. Ловеча, чтобы не заразиться чумой, рекомендовали носить крестик из черного боярышника (Ловешки край 1999: 289). Жители Заечара во время эпидемии чумы ветки боярышника клали на ворота, а также

замуровывали в фундамент дома или огораживали ими двор и дом (Живковић, Ромелић 1997: 292). В Сербии при начале любой эпидемии домочадцы отдавали знахарке свои тканые пояса, которые она связывала один с другим, зацепляла за ворота дома и растягивала на всю их длину; в том месте, куда дотягивалась эта связка, знахарка вбивала топором в землю колышек боярышника и говорила: «До коца дошла, а колац не прешла, нити мојој кући доспела» [До колышка дошла (болезнь), а через колышек не перешла и в мой дом не попала] (Милићевић 1894: 309). На юге Болгарии при начале таких эпидемий женщины шли к целебным источникам с дарами в виде лепешек с медом и завязывали кусочки ткани на росших вокруг кустах боярышника (Сакар 2002: 234).

В западной Болгарии, как рассказывают поверья, при угрозе чумы или холеры люди скрывались в зарослях терновника, куда якобы не могла проникнуть болезнь, а также окружали свои дворы рвами, заполненными терновником (Маринов 1914: 49).

К помощи колючих кустарников прибегали и в случае обычных, не эпидемических болезней. Боярышник широко применялся в народной медицине, в том числе как растущее дерево, под которым можно было провести ритуал исцеления и на которое можно было символически перенести болезнь. В обл. Сакар знахарки лечили эпилепсию заговорами, при этом окуривая больного дымом от сожженных куриных перьев и веток «георгиевского» боярышника, которыми украшали дома ко дню св. Георгия (Сакар 2002: 345). У боснийцев в Височской Нахии, когда у ребенка болела нога или взрослого человека одолевала подагра, больного вели к кусту боярышника и, проведя топором вниз по телу, ударяли им по стволу, тем самым «засекая» болезнь на боярышнике (Филиповић 1949: 303). В Сербии большой *улог*'ом (название болезни) шел к боярышнику с калачом, прижав хлеб к больному месту на теле, дотрагивался им до дерева и говорил: «У глог улог, а у тело одлог!» [В боярышник *улог*, телу облегчение!], оставлял хлеб на дереве и уходил (Милићевић 1894: 307).

Македонцы купали больных детей, положив в воду ветки боярышника (Вражиновски 2006: 133). Сербы кусочком черного боярышника вычерчивали на калачике магическую формулу от бешенства (Чајкановић 1936: 130). При болезни «далак» (отек селезенки?) знахарка вела больного к навозной яме, где якобы собирались болезни, и там грозила этой болезни веткой боярышника (там же: 129), см. также в магической формуле от «наступа»: «За вечеру камен, за

постельу глогово трње» [На ужин (тебе, болезнь) камень, в качестве постели – колючки боярышника] (Вукова грађа 1934: 42).

Аналогично применяли и терновник. У хорватов Пригорья, когда терновник созревал, его надо было погрызть и горсть ягод бросить туда, где он рос, произнеся при этом: «*Denas boli, jutru celi!*» (Сейчас болит, завтра вылезется) (Rožić 1908: 103). У болгар к источникам, называемым *трескави кладенци* (*треска* ‘лихорадка’), ходили больные лихорадкой и оставляли на терновых кустах, растущих около этих источников, части своей одежды, нитки и пояса (Гинчов 1892: 131, Тырновско). В сербских заговорах болезнь пугали тем, что описывали место ее обитания в теле человека как поросшее боярышником и терновником: «*Туж не можеш да боравиш, туж је глоговито, туж је трновито...*» (Грбић 1909: 228).

В Родопах считали, что от шиповника бегут многие болезни, поэтому если ребенок никак не выздоравливал, знахарка делала проход в кусте шиповника и протаскивала ребенка через него. При эпидемии оспы под шиповник относили дары в виде меда и обрядовых хлебов, говоря: «Сипка зад шипка, шарка зад шишарка» (Родопи 1994: 26). В обл. Сакар (ю.-вост. Болгария) при эпилепсии знахарка принимала больного через расщепленную ветвь шиповника, а заболевших детей проводила под кустом ежевики (Сакар 2002: 344).

Шиповник фигурирует также в мифологических рассказах и сказках, связанных с насыланием крепкого сна. Так, в восточной Чехии (Глинецко) детям, чтобы они лучше спали, вешали на шею в мешочке или клали под голову «*šipkove jablko*» (яблоко шиповника, иначе говоря, галл – образующийся на диком шиповнике моховидный круглый нарост) (Adámek 1900: 45), а парни тайно клали его в постель к своим девушкам, чтобы те хорошо спали и видели сладкие сны (Sobotka 1879: 187), ср. чеш. *šipková ruženka* «спящая красавица». Это свидетельство перекликается с данными германской мифологии, где известно поверье об уколе колючкой терновника или шиповника, вызывающем беспробудный сон. Галл в Германии называли *Schlafapfel* «сонное яблоко». Верили, что если положить его под голову, то человек будет спать, пока галл не уберут (там же).

Колючие кустарники, правда существенно реже, использовали в профилактической магии. Во время молотбы болгары изготавливали особую метлу из целого ствола терновника (*търнометка*): ею подметали на току, веря, что такая метла не позволит подняться вихрю, который мог бы унести зерно, а также уберезет девушек от похищения змеем (Маринов 1914: 49). Сербь из кусочка терна-

«близнеца», взятого с места срастания двух стволов, выросших из одного корня, делали амулет и прикрепляли его к шапочке ребенка (Чајкановић 1936: 126). У донских казаков, если для похорон случайно сделали гроб больше, чем требовалось для умершего, свободное пространство в нем, чтобы избежать следующей скорой смерти, набивали терновыми ветками и колючками (Власкина 2011: 93). В Заечаре в Юрьев день протаскивали людей через куст ежевики, чтобы защитить их от всякого зла (Живковић, Ромелић 1997: 294). Болгары в Добрудже надевали на роженицу темный платок, на который сверху крепили разные апотропеи, в том числе крестик из держидерева (*чалія*) (Добруджа 1974: 231).

Широкое применение в профилактических целях нашел боярышник. Кусочки боярышника вшивали в амулеты для детей; его ветками в Вербное воскресенье украшали дома и загоны со скотом; в Юрьев день женщины кидали их в воду под мельничное колесо, в которой собираются купаться, и т. д. (Чајкановић 1936: 130); амулеты из боярышника, чаще всего в форме креста, брали с собой шахтеры, спускаясь в забой (Живковић, Ромелић 1997: 292, Болевац). В Груже (центр. Сербия) утром на Рождество хозяйка высыпала перед очагом угли от сгоревшего бадняка, а поверх на них клала кол из боярышника; все домочадцы перелезали через этот кол и угли, говоря: «У ватри бисмо, не опекосмо се, у болести бисмо, не примисмо» [В огне были – не обожглись, в болезни были – не заразились] (Петровић 1948: 230). Использовали боярышник и для защиты скота. Перед первым ритуальным доением овец в Юрьев день болгары украшали посуду для дойки ветками боярышника и шиповника, ими же кропили овец молоком после первой дойки; украшали цветами боярышника первый приготовленный сыр, а резали его ножами, сделанными из боярышника или груши (Колева 1981: 31, 34, 36), прогоняли овец через кусты боярышника – от болезней (Сакар 2002: 241); в зап. Сербии скотину в Юрьев день пересчитывали колючкой боярышника (ИСД 12: 305) и т. д.

Применение боярышника в профилактических целях известно и за пределами южнославянской традиции – иногда у западных славян, на Карпатах и Украине. Рано утром в Сочельник срывали боярышник и перед ужином съедали его, чтобы в течение года рот не болел (Gustawicz 1882: 247). В отваре веток купали детей, чтобы были крепче (Rokossowska 1889: 175, Звягельский у.).

* * *

Подытожим сказанное. Как можно было заметить, разные виды колючих кустарников, используемых в качестве оберега, часто применяются параллельно, т. е. попадают в одни и те же контексты и ситуации. Возможен, однако, и другой вариант, когда несколько таких колючих растений сосуществуют в рамках одного ритуала или магического текста. Яркий пример тому – украинский заговор от лихорадки, в котором святые намереваются изгнать сестер-лихорадок с помощью веток терновника, боярышника, свидины и шиповника: «Е у поле дуб, а под тим дубом стоить три девять девиць, голи и босіи и простоволосіи; разнав же их Яков Исааков и святыи Арсеній и посилають Ирода: “иди ты, Ироде, в лес и вирубай три девять дубцов тернових, глодових {боярышник}, шепшинових {шиповник} и свидових {свидина – подрод кизила} и будим ми тіи три девять девиць бити и карати, чтобы они по сему свету не ходили, християнской кости не ломили и крeve не разбивали и християн не нападали”. – “Не бийте ж нас, не карайте ж нас! Кто сію молитву буде знать, то того хату девятим двором будим обминать”» (Гринченко 1896/2: 34). Другой пример сосуществования этих «синонимических» образов находим в моравском мифологическом рассказе. В Глинецко (вост. Чехия) в случае, если чародейница отбирала молоко у коровы, поступали следующим образом: доили корову, а молоко вливали в новый горшок, куда клали девять острых щепок шиповника, терна и боярышника, после чего замазанный глиной горшок помещали в печь и кипятили; чародейница начинала чувствовать страшные колики и должна была прийти к тому, чей скот она испортила, тем самым выдав себя (Adámek 1900: 227).

Рассматривая апотропеическое использование колючих кустарников, мы не могли не обратить внимание на тот факт, что в этой своей функции упоминаемые в статье колючие кустарники не универсальны. Они направлены прежде всего на зло вообще – демонов, «ходячих» покойников, змей, эпидемии и болезни, причем, как правило, с целью не столько предотвратить их негативное воздействие на человека и окружающее его культурное пространство, сколько избавить человека от этих злых сил и уже имеющихся последствий их действий. В то же время профилактически, в качестве оберега (особенно детей, рожениц, молодоженов, плодовых деревьев, скотины, посевов и др.), эти колючие кустарники, будучи сами тесно связаны с демоническими и вредоносными силами, используются нечасто.

Возвращаясь же к началу статьи, к вопросу о том, почему такие растения, ведущие свое происхождение от злого начала, от дьявола,

повинные в страданиях Христа, ставшие местом обитания разного рода демонов и нечистых духов, а также вызывающие в людях негативные эмоции и ассоциирующиеся в фольклоре с отрицательным началом, – почему именно такие растения последовательно используются в качестве апотропея против тех же злых сил, мы можем высказать следующее мнение. На наш взгляд, в данном случае магическая практика реализует известный принцип, согласно которому «подобное лечится подобным». Явное зло, которое воплощают колючие кустарники, фактически оборачивают против него же самого, а это в свою очередь многократно усиливает негативный эффект, «производимый» колючими растениями.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Беговић 1986 – *Беговић Н.* Живот и обичаји Срба граничара. Београд, 1986.

Българска митология: Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 1994.

Българска народна медицина 1999 – Българска народна медицина. Енциклопедия / Съст. и общ. ред. М. Георгиев. София, 1999.

Власкина 2011 – *Власкина Т. Ю.* Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX – середина XX в.). Ростов-на-Дону, 2011.

Вражиновски 2006 – *Вражиновски Т.* Македонска народна библија. Библијски мотиви во народната традиција. Скопје, 2006.

Вукова грађа 1934 – Вукова грађа // Српски етнографски зборник. Београд, 1934. Књ. 50. С. 9–93.

ГЕМБ – Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд.

Гинчов 1892 – *Гинчов Ц.* Баяния, врачувания и лекувания // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1892. Кн. 8.

Головацкий 1878 – *Головацкий Я. Ф.* Народные песни Галицкой и Угорской Руси. Вып. 2, 3. М., 1878.

Грбић 1909 – *Грбић С.* Српски народни обичаји из среза Бољевачког. Београд, 1909.

Гринченко 1896 – *Гринченко Б. Д.* Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1896. Т. 2.

Петровић 1948 – *Петровић А.* Живот и обичаји народни у Грузи // Српски етнографски зборник. Београд, 1948. Књ. 58.

Демян 1927 – *Демян Л.* Похоронні обряди і вірованя Веречанского окр. // Подкарпатска Русь. Ужгород, 1927. Р. 4. С. 170–172.

Дикарев 1903 – *Дикарев П. П.* Знадоби до української народної ботаніки // Посмертні писання Митрофана Дикарева з поля фольклору й мітології // Збірник фільольогічної секції Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1903. Т. 6.

Добруджа 1974 – Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974.

Етнички контакти 1997 – Етнички и етнокултурни контакти у панонско-карпатском простору. Београд, 1997.

Ефименко 1864 – *Ефименко П. С.* Памятники языка и народной словесности, записанные в Архангельской губ. // Памятная книжка Архангельской губ. на 1864 год. Архангельск, 1864. Отд. I. С. 9–20.

Живковић, Ромелић 1997 – *Живковић Г., Ромелић Ж.* Чаробно биље // Етно-културолошки зборник. Сврљиг, 1997. № 3. С. 291–296.

Зайковская 1997 – *Зайковская Т.* Роль колючих и жгучих растений в духовной культуре юго-восточной Сербии на балкано-славянском фоне // Етно-културолошки зборник. Сврљиг, 1997. Књ. 3. С. 53–58.

Илиев 1919 – *Илиев А.* Растенията от българско фолклорно гледище // Списание на Българската академия на науките и изкуствата. София, 1919. Кн. 8. С. 93–180.

ИСД 12 – Исследования по славянской диалектологии. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006.

Колева 1981 – *Колева Т.* Гергьовден у южните славяни. София, 1981.

Левкович 2010 – *Левкович Н.* Народна демонологія Бойківщини (Турківський район Львівської області) // Міфологія і фольклор. 2010. № 1 (5). С. 71–87.

Лемківщина – Лемківщина. Земля – люди – історія – культура. Нью-Йорк; Париж; Сидней; Торонто, 1988. Т. 2.

Ловешки край 1999 – Ловешки край. Материална и духовна култура. София, 1999.

Маринов 1984 – *Маринов Д.* Избрани произведения в 2 т. София, 1984. Т. 2.

Материалы для изучения Харьковской губернии 1894 – Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии // Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю». Харьков, 1894. Вып. 8. С. 1–384.

Материалы к истории старообрядчества 2012 – Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки (по итогам комплексных археогра-

фических экспедиций МГУ им. М. В. Ломоносова) / Сост. В. П. Богданов. М., 2012.

Милићевић 1894 – *Милићевић М. Ђ.* Живот Срба селяка. Београд, 1894.

Мицева 1994 – Невидими ношни гости / Подбор и научен коментар: Евгения Мицева. София, 1994.

ПА – Полесский архив Института славяноведения РАН. Москва.

Павловић 1921 – *Павловић Ј. М.* Живот и обичаји народни у Крагујевачкој Јасеници у Шумадији // Српски етнографски зборник. Београд, 1921. Књ. 22.

Петровић 1948 – *Петровић А.* Живот и обичаји народни у Грузи // Српски етнографски зборник. Београд, 1948. Књ. 58.

Плотникова 2004 – *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Раденковић 1996 – *Раденковић Љ.* Символика света в народной магии Јужних Словена. Београд, 1996.

Родопи 1994 – Родопи. Традиционална народна духовна и социално-нормативна култура. София, 1994.

Русские заговоры 1998 – Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. В. П. Аникина. М., 1998.

Сакар 2002 – Сакар. Етнографско, фолклорно и езиково изследване. София, 2002.

Світлик 1930 – *Світлик П.* Двдущник // Подкарпатска Русь. Ужгород, 1930. Р. 7. С. 52–56.

Седакова 2007 – *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007.

Слащев 1 – *Слащев В. В.* Сравнительная характеристика персонажей украинской народной демонологии и демонологических народных персонажей сербов, черногорцев, хорватов и муслиман. МГУ, 1992. Ч. 1. Дипломная работа. Рукопись.

Софрић 1912 – *Софрић П.* Главније биље у народном веровању и предању код нас Срба / По Ангелу де Губернатису скупио и саставио Нишевљанин (Павле Софрић). Београд, 1912.

Тановић 1927 – *Тановић Ст.* Српски народни обичаји у Ћевђелијској Кази // Српски етнографски зборник. Београд, 1927. Књ. 40.

Тановић 1934 – *Тановић Ст.* Урок – уручовајне у околини Ћевђелије // ГЕМБ. 1934. Књ. 9. С. 32–45.

Усачева 2008 – *Усачева В. В.* Растения-апотропеи в славянской традиционной культуре // *Усачева В. В.* Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008. С. 214–224.

Усачева 2010 – *Усачева В. В.* Судьба благословенных и проклятых деревьев в традиционной культуре славян // *Этноботаника: растения в языке и культуре* / Отв. ред. В. Б. Колосова. СПб., 2010. С. 130–163.

Филиповић 1939 – *Филиповић М.* Обичаји и веровања у Скопској Котлини // *Српски етнографски зборник*. Београд, 1939. Књ. 54. С. 277–566.

Филиповић 1949 – *Филиповић М.* Живот и обичаји народни у Височкој нахији // *Српски етнографски зборник*. 1949. Књ. 61.

Филиповић 1972 – *Филиповић М.* Таковци. Етнолошка посматрања // *Српски етнографски зборник*. Београд, 1972. Књ. 84.

Чајкановић 1936 – *Чајкановић В.* Трн и глог у народној српској религији // *Српски књижевни гласник*. 1936. Књ. 49. С. 128–132.

Чајкановић 1985 – *Чајкановић В.* Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985.

Шейн 1898 – *Шейн П. В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1.

Adámek 1900 – *Adámek K.* Lid na Hlinecku. Praha, 1900.

Fischer 1921 – *Fischer A.* Zwyczaje pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921.

Gustawicz 1882 – *Gustawicz B.* Podania, przesady, gadki i nazwy ludowe w dziedzinie przyrody. Cz. 1 // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*. Kraków, 1882. Т. 6. S. 201–317.

Heroldova 1971 – *Heroldova I.* Godišnji običaji Daruvarskih Čeha // *Narodna umjetnost*. 1971. Књ. 8. S. 199–250.

Jadras 1957 – *Jadras J.* Kastavština // *Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena*. Zagreb, 1957. Књ. 39.

Janota 1878 – *Janota E.* Lud i jego zwyczaje // *Przewodnik naukowy i literacki*. Lwów, 1878. Roczn. 6. S. 151–174, 224–255, 358–366, 558–567.

Kolberg 1962/29 – *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1962. Т. 29: Pokucie. Cz. 1. 1962.

Minczew 2003 – *Minczew G.* Święta księga – ikona – obrzęd. Teksty kanoniczne i pseudokanoniczne a ich funkcjonowanie w sztuce sakralnej i folklorze prawosławnych Słowian na Bałkanach. Łódź, 2003.

Niebrzegowska 2000 – *Niebrzegowska S.* Przestrach od przestachu: Rośliny v ludowych przekazach ustnych. Lublin, 2000.

Paluch 1984 – *Paluch A.* Świat roślin w tradycyjnych praktykach leczniczych wsi polskiej. Wrocław, 1984 (*Acta Universitatis Wratislaviensis*, Nr. 752).

Reinfuss 1990 – *Reinfuss R.* Śladami Łemków. Warszawa, 1990.

Rokossowska 1889 – *Rokossowska Z.* O świetcie roślinnym // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1889. T. 13. S. 163–199.

Rožić 1908 – *Rožić V.* Prigorje. Narodni život i običaji // Zbornik za narodni život i obiçaje Južnih Slavena. Zagreb, 1908. Knj. 13. Z. 1. S. 16–112.

Sobotka 1879 – *Sobotka P.* Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Praha, 1879.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Боярышник (лат. *Crataegus*) – род листопадных, редко полувечнозеленых кустарников или небольших деревьев, относящихся к семейству Розовые (*Rosaceae*). Славянские названия: пол. *glóg, glóžyna, jaworek*; в.-чеш. *hloh (loh)*, укр. *глид, глиз, малай* (гуцул.), *лога* (бойков.), *глик*, полес. мозыр. *гудэрэво*. У сербов под названием *глог* известно несколько колючих кустарников – *Prunus spinosa* (терн), *Crataegus nigra*, *Crataegus oxyacantha* (Чайкановић 1936: 128) и др.
- 2 Терн, терновник, или Слива колючая (лат. *Prunus spinosa*) – небольшой колючий кустарник; вид рода Слива (*Prunus*). У юж. славян название этого вида (серб., болг. *трн*) относится также к кустарникам и деревьям других родов: к *Spina alba* и *Crataegus monogyna* (так наз. *бели трн, бела драча*) и к *Paliurus aculeatus* (*црни трн, црна драча*); другие славянские названия: чеш. *trnka*, пол. *tarnina, ciernie, tarń*, рус. *терен, терновник*, укр. *терен*.
- 3 Шиповник (*Rosa*), род растений семейства Розовые (*Rosaceae*). Славянские названия: *шиповник, шипок, шипица, шупшина, шипшина, шипак, šipek* и др. (от праслав. *šipъ «стрела, острие, колючка»); *свороборина, своробовина* (от *свороб* – «зуд», из-за волосистости семян); *терновник*; пол. *glóg*; укр. *троянда, троян-зилле, трандафиль*, болг. *трндафил* (от греч. τριαντάφυλλο – «тридцатилепестная» роза) и др.
- 4 Ежевика – подрод рода *Rubus* (*Rubus caesius* и *Rubus fruticosus*). Славянские названия: укр. *ожина*, пол. *jeżyna*, серб., болг. *купина, куманика* и др.
- 5 Держи-дерево, Христова колючка (*Paliurus spina-christi*, *Paliurus aculeatus*) – листопадный кустарник или небольшое дерево семейства Крушиновые; растет в том числе на юге России и Украины. Согласно легенде, именно из этого дерева был сделан терновый венец Христа – в память об этом событии дано научное, а также англоязычное («Christ's Thorn», или «Jerusalem Thorn») название рас-

- тения. Славянские названия: укр. *держидерево*, бел. *дзяржыдрэва*, серб., макед. *драч*, *чалија*, *вукодржица*, болг. *чалия*, *кара-чилия*, *шипак*, *трендафил*, укр.-карпат. *свербиуз*, *гечи-печи* (гуцулы, бойки).
- 6 Свидина (*Swida*, *Thelycrania*), кустарники или невысокие деревья семейства кизиловых, часто относимые к роду кизил (*Cornus*). Свидину южную и свидину красную часто называют *глогом*, подобно боярышнику.

Agarkina T. A.

Symbolism of Trees in Traditional Slavic Culture: Hawthorn,
Blackthorn, and Other Thorny Bushes

The article considers the symbolism and ritual functions of thorny bushes in the popular culture of Slavs in the Balkans and the Carpathian region, as well as related mythological plots and folklore.
Keywords: *thorny bushes, symbolism, folklore, mythology, amulet.*

М. А. Аникин
(Санкт-Петербург)

«Духовный реализм» в живописи Болгарии XIX–XX вв.

Автор статьи обращается к наиболее ярким примерам болгарской живописи XIX–XX вв., объединяя творчество упоминаемых мастеров понятием «духовный реализм».

Ключевые слова: *архетип, духовный, реализм, икона.*

Живопись XIX века в Болгарии заслуживает самого пристального внимания и изучения потому, что именно в этот период в болгарском искусстве появляются многие выдающиеся явления и имена, влияние которых на всю последующую историю искусства этой страны чрезвычайно велико. Тут прежде всего следует назвать Захария Зографа, а также ряд других известных не только в Болгарии мастеров¹.

Среди них во второй половине XIX в. особенно выделяются такие художники, как Николай Павлович (1835–1894) (учился в Вене и Мюнхене), Станислав Доспевский (1823–1878) (Московское училище живописи, ваяния и зодчества и Академия художеств в Петербурге), Христо Цокев (1847–1883), воспитанник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, художник-самоучка Георгий Данчов (1846–1908), а также Димитр Добрович (Димитър Георгиев Добрев Пехлиханов) (1816–1905), учившийся в Греции и Италии, известный не только в Болгарии боец отрядов Гарибальди².

При всем том, что каждый из названных мастеров испытал влияние различных живописных школ и национальных традиций, есть нечто такое, что объединяет этих достаточно разных в силу художественного образования и судеб живописцев. Это нечто автор этих строк попытается определить научным термином «духовный реализм», в свое время удачно примененным М. Дунаевым и А. Любомудровым относительно художников русского зарубежья первой половины XX в.³ С нашей точки зрения, «духовный реализм» имеет значительно более широкие границы и, собственно, проявляется уже с того момента, когда художники начинают подписывать свои произведения или когда зрители сравнительно легко узнают их манеру среди работ других мастеров. То есть с того момента, когда мастера испытывают особое индивидуальное переживание, которое при-

ходит к ним в минуту просветленного духовного состояния. Так, в России первым духовным реалистом может быть назван Рублев, а на западе, скорее всего, – Джотто.

Разумеется, у этого термина найдутся и оппоненты. И в самом деле – почему именно «духовный реализм», почему не духовный символизм и не импрессионизм, и т. д.

Вроде бы трудно оспорить такой контраргумент. Но вместе с тем и очень легко.

Все же только реализм в своем развитии совсем не случайно получил наибольшее количество уточняющих эпитетов. Мы помним критический реализм, знали и даже изучали социалистический реализм, знакомы с понятиями сюрреализма и неореализма. А символизм, импрессионизм, экспрессионизм вполне укладываются в рамки того или иного художественного течения, применение к ним уточняющего эпитета совершенно не требуется и даже выглядит странным.

Наиболее ярким примером духовного реализма в болгарской живописи является, с нашей точки зрения, творчество Захарии Зографа. Напомним о том, что Захарий Зограф был хорошо знаком как с традиционной православной иконописью, так и с теми приемами чисто живописного мастерства, которые позволяют говорить о нем не только как о иконописце, но и как о художнике-портретисте. Портреты, автопортреты и религиозно-философские произведения Зографа до сих пор поражают зрителя особой одухотворенностью и психологизмом, в них мастер гармонично объединяет вечное и временное, символичное и конкретное. Можно уверенно говорить о том, что именно по такому пути идут и все названные нами мастера. В своем творчестве они также стремятся к передаче как чисто болгарского колорита, так и вечных ценностей.

Продуктивно в этом ракурсе рассмотреть несколько конкретных работ известных болгарских художников. Особенно выразительными в предложенном плане выглядят работы Станислава Доспевского – племянника Захарии Зографа, получившего образование в России. Так, «Портрет Кирилла Нектариева» (1868) Доспевского во многом напоминает известный портрет «Неофита Рильского» (1838) работы Захарии Зографа, в котором художник весьма характерно сумел передать образ духовного борца за интересы болгарского народа. Так же как Захарий Зограф, Станислав Доспевский обращается к образу духовного лица, по существу не внося каких-то особых новаций живописного плана. Несомненно, что и тот и другой портреты

разных художников с временным разрывом в тридцать лет выполнены практически в одном стиле – стиле именно духовного реализма. Представляется, что тут кроется некая имманентно присущая особенность творчества «духовных реалистов» – их почти не интересуют чисто живописные, модные новации, основное внимание сторонники этого направления и метода сосредотачивают на реальном образе человека. Но реализм этот – особого рода, как бы вневременной.

Кирилл Нектариев у Доспевского изображен с богослужебной книгой в руках, в священническом облачении. Острый взгляд старца, испытующе направленный на зрителя, словно пробуждает его от сна, побуждает к действию и к молитве за родной край. Смысловым центром портрета является изображение креста на богослужебной книге. Изображение креста не только напоминает о крестной смерти Христа, но и указывает дорогу всякому болгарину, вступающему в борьбу за независимость от многовековых поработителей. Художник, как известно, окончил свой жизненный путь в турецких застенках. Всей своей жизнью он олицетворял тот выбор, к которому так выразительно призывал в портрете Нектариева.

Существенной особенностью творчества художников, которых мы называем «духовными реалистами» в болгарской живописи XIX–XX вв., является стремление избегать какой бы то ни было чрезмерной экзальтации или излишнего пафоса.

В рамках этого же направления следует рассматривать «Монахиню» (1850-е гг.) Хр. Цокева или «Портрет Домники Ламбревой» (1861) того же Ст. Доспевского. Женские образы проникнуты чистотой, целомудренностью и скромностью. При этом в каждой из картин такого рода чувствуется нестигаемое достоинство болгарской женщины, готовой идти на крест за свою веру и за своих родных. Тут можно привести целый ряд ярких произведений такого плана: это и «Портрет Мариолы Бошковой, жены художника» (1869) Ст. Доспевского, его же «Портрет Е. Зографской» (1876), «Портрет Иваны Неновой (сер. 1870-х гг.) Хр. Цокева и много других.

При том, что болгарские художники с интересом воспринимали все те новации, которые стали появляться в европейской живописи на рубеже XIX–XX вв., «духовный реализм», по нашему мнению, продолжал оставаться стержневым, определяющим фактором развития этой школы. Достаточно взглянуть на произведение Ц. Тодорова «Моя мать» (1910), чтобы в этом убедиться. В том же ключе выполнен «Портрет Ив. Вазова» (1907) Н. Михайлова и несколько более поздний «Автопортрет» (1921) А. Михова.

Трагические события XX века не обошли стороной Болгарию. Революции и войны во многом изменили развитие искусства, и живописи в том числе. Казалось, «духовный реализм» навсегда должен был остаться в прошлом, вытесненный, с одной стороны, революционным пафосом «освобожденного народа», а с другой стороны – всеми теми формотворческими экспериментами и поисками, которые принес с собой бурный XX век.

Однако, как показала история, и в сложных условиях ангажированного искусства, и под прессом позднее надвинувшейся коммерциализации именно «духовный реализм» оказался самым жизнестойким явлением болгарской культуры. Для нас несомненно, что наиболее крупный болгарский художник XX в. Владимир Димитров-Майстора все свои произведения создал в рамках названного метода и стиля⁴.

К «духовному реализму» во многих своих произведениях обращались П. Георгиев («Смерть крестьянки», 1926) и Ив. Милев («Сельская мадонна», 1925), З. Бояджиев, Б. Иванов, А. Поплилов, М. Минчев и многие другие художники XX в.

И все же особенно необходимо выделить Владимира Димитрова-Майстора, феномен которого на фоне развития европейского (прежде всего немецкого и французского) искусства выглядит чрезвычайно колоритно и, с нашей точки зрения, неповторимо. Можно говорить об уникальности творчества этого болгарского мастера, сумевшего добиться синтеза народного и классического, национального и «вселенского». Его имя вполне может стоять в одном ряду с такими великими мастерами XX в., как Матисс и Пикассо, Дали и Магритт, Павел Корин и Виктор Васнецов.

В основе феномена Димитрова-Майсторы лежит несомненный интерес к народному искусству Болгарии, к той натуре, которая составляла самое главное, что наделяло его работы неповторимой энергетикой и особым колоритом. И все же он не стал только этнографическим мастером. Его влияние распространилось далеко за пределы Болгарии в силу многих причин. Художник внимательно изучал опыт таких европейских школ, как французская и немецкая. Мастер был знаком с творчеством Кранаха и Дюрера, с рядом работ французского импрессионизма, с русской школой иконописи и живописью русских художников-реалистов.

При этом о каком-то эпигонстве или подражательстве говорить не приходится. Мастер до такой степени самобытно осваивал все новые веяния, что остается только удивляться мощной живописности и продуманной структуре его знаменитых работ. Привлекает и то, что

художник не ограничивается только колоритными находками, он стремится проникнуть во внутренний мир своих героев, как бы героизирует простой быт болгарских крестьян, превращая его в некий праздничный цикл под сияющим солнцем. Не забывая о драматизме крестьянского труда, о трагичности бытия («Моя мать на смертном одре», 1921 г.), мастер все же старается избегать темных тонов и черных красок.

Феерия жизни во всех ее проявлениях – вот что является главной темой и смыслом для этого мастера от первого до последнего дня его творчества.

Как представляется, главной архетипической доминантой, при всем уважении к новациям современной европейской живописи, для Димитрова-Майстора несомненно оставалась икона. Именно из мира иконы, мозаики и средневековой фрески, словно со стен, сходят многие его героини и герои. Как на один из наиболее показательных примеров можно указать на его «Автопортрет» из Художественной галереи в Видине. Длинная борода, словно у древнего пророка или святого Иоанна Рыльского, отказ от научной перспективы в пользу чистой живописи на плоскости, горящий взор, направленный прямо на зрителя, словно зовет в недостижимые духовные выси, напоминает о незримом присутствии горнего мира на этой грешной земле. Таким же глубоким смыслом проникнут и «Автопортрет в красном». Художник здесь словно растворяется в лучах закатного солнца, прощается со зрителем, практически сливается с окружающим его фоном. Особенно поражает взгляд умудренного жизнью мастера: он смотрит одновременно со скорбью и надеждой, словно провидя все то, что еще придется пережить приходящим поколениям, но уповая на то лучшее, что есть в жизни.

Болгарский исследователь творчества мастера Йонка Коцева написала о Димитрове-Майсторе такие слова: «Мир для него – это радостно-хвалебная песнь в честь человека-творца и природы-красавицы»⁵. Сам же мастер так говорил о своем искусстве: «Да, дивно богата наша родина материалом для искусства, и незачем ездить в Азию, Америку или Африку. Библейские фигуры наших дедов и отцов – пророков, девушек, молодых и матерей – святых, наши прекрасные плодородные поля, цветы и плоды, горы, реки и море могут, были бы только сносные условия для творчества, превратить наши работы в живые дела (а не в торжественный синодик безвременно отошедших дарований), в памятники, которые вдохновили бы грядущие поколения на подвиги во имя расцвета нации, братства народов, общего блага для всех людей на земле»⁶. Великий гуманизм,

вера в светлые силы человека и опора на глубокие традиции помогли художнику найти то, что сделало этого выдающегося мастера Болгарии одной из ключевых фигур в изобразительном искусстве Европы и мира XX века. Для автора этих строк не подлежит сомнению то, что творчество Димитрова-Майстора имеет далеко не только региональное значение, но стоит в одном ряду с наивысшими достижениями мирового изобразительного искусства.

В наше время, когда современное изобразительное искусство переживает тяжелый кризис, что выражается даже на уровне организации выставок последних лет в России и в Болгарии, творчество таких художников, как Димитров-Майстора, приобретает особое значение, может служить примером для мастеров не только Болгарии, но и других национальных школ.

Автор статьи полагает, что в наступившем уже XXI веке именно «духовный реализм» может явиться тем плодотворным методом и стилем, который будет востребован как самими творцами, так и зрителем, заметно уставшим от слишком смелых и часто неоправданных экспериментов с формой, которыми был так богат XX век.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Аникин М.* Захари Зограф и «духовният реализъм»: <http://www-knigi-news>
- 2 *Божков А.* Болгарское изобразительное искусство. София, 1964.
- 3 *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003.
- 4 *Колев Б., Коцева Й.* Владимир Димитров-Майстора. София, 1974.
- 5 Там же. С. 259.
- 6 Там же. С. 58.

Anikin M. A.
«Spiritual Realism» in Bulgarian Painting
in the Nineteenth and Twentieth Centuries

The author contemplates most outstanding examples of the Bulgarian painting of the nineteenth and twentieth centuries, characterising the work of the painters under scrutiny as «spiritual realism».

Keywords: *archetype, spiritual, realism, icon.*

*Р. Кишине-Будаи
(Будапешт)*

**«Художник его императорского величества».
Михай Зичи в России**

К 400-летию Дома Романовых

Краткий биографический очерк посвящен деятельности в России Михая Зичи (1827–1906), известного венгерского живописца и графика, в течение более 50 лет служившего художником при дворе четырех российских императоров. Особое внимание уделяется связям Зичи с современной ему русской художественной культурой, а также его деятельности в качестве иллюстратора русской литературной классики.

Ключевые слова: *Зичи, венгерское искусство, русское изобразительное искусство XIX в., императорский дом Романовых, венгерская революция 1848 г.*

Венгерский художник Михай Зичи (1827–1906), известный в России как Михаил Александрович, попал в Россию по прихоти судьбы 20-летним юношей; из 60 лет своей последующей жизни (весьма плодотворной в творческом отношении) провел здесь более пятидесяти. Эти полвека не были для него безоблачными, но после неоднократных попыток поискать удачи в другом месте, и даже обосноваться на родине, он все равно возвращался в Россию. Скончался Зичи в Петербурге, однако похоронен был в Будапеште, где ценят его вклад в венгерскую национальную культуру.

Михай Зичи родился в 1827 г. в среднепоместной дворянской семье. Род его был знатным, восходил своими корнями к XIII в., представитель одной из ветвей рода (не той, к которой принадлежал художник) за верную службу Габсбургам получил в XVIII в. графский титул. Как бы то ни было, семейство Зичи относилось в середине XIX в. к числу обедневших дворянских фамилий. Родовое имение Зичи находилось к югу от Балатона, в комитате Шомодь, в селе Зала. В сохранившемся по сегодняшний день родительском доме, где одно время располагалась и мастерская художника, сегодня находится его музей.

Зичи рано потерял отца. Вдова-мать (как это было принято в среде венгерского среднепоместного дворянства) заботилась о том,

чтобы сын получил юридическое образование. Михай в 1844 г. поступил по настоянию матери в Венский университет, но его с юных лет куда сильнее тянуло к искусству. В 15 лет вопреки возражениям матери он записывается в Пеште в частную художественную школу довольно видного в то время в Венгрии художника итальянского происхождения Якоба Марастони. В Вене молодой венгр берет уроки у академика живописи Фердинанда Георга Вальдмюллера (1793–1865), человека довольно передовых для Вены того времени художественных принципов, который сразу обратил внимание на незаурядные способности юноши. Уже в 1845 г. Зичи не только ассистирует Вальдмюллеру в создании ряда работ, но и с успехом выставляет свои произведения. А через год венский академик взял его с собой в творческую поездку по Италии.

В феврале 1847 г. в Вену прибыл с супругой и младшей дочерью великий князь Михаил Павлович, младший брат императора Николая I. 20-летняя великая княжна Екатерина Михайловна Романова (1827–1894) увлекалась искусством, и Вальдмюллер был приглашен дать ей уроки рисунка. Вначале предполагалось, что пожилой венский маэстро совершит летнюю поездку в Россию, однако Вальдмюллер предложил великокняжеской чете вместо себя молодого ученика-венгра. Так Зичи оказался в свите путешествовавшей по Европе семьи Михаила Павловича, побывал с ней в Берлине, Ницце. Между великой княжной Екатериной и красивым венгерским дворянином, учителем рисования (они были ровесниками), быстро вспыхнула искра взаимного увлечения, что трудно было скрыть от посторонних глаз. Естественно, что в придворных кругах реагировали на это с немалым раздражением – слишком очевиден был мезальянс.

Как бы то ни было, великая княжна Екатерина настояла на том, чтобы молодой учитель рисования приехал с ее семьей в Петербург зимой 1847/1848 г. Зичи очутился в чужой незнакомой стране с иной культурой. Независимо от его отношений с царской племянницей предложение было весьма заманчивым и с материальной точки зрения: большое жалованье позволяло расплатиться с долгами, которые молодой художник наделал за месяцы учебы в Вене. Помимо этого, Зичи теперь мог наконец доказать своей строгой матери, что, избрав стезю профессионального художника, тоже можно достичь высокого общественного положения. Правда, в творческом отношении многие заказы, полученные молодым художником (например, поручения сделать зарисовки любимых комнатных собачек августейших дам), не представляли для него никакого интереса.

Вскоре после прибытия в Петербург Зичи был представлен самому императору, и эта встреча дала пищу распространенному анекдоту, в котором трудно отделить правду от вымысла¹. На дворе был 1848 год. К этому времени в Венгрии (и шире – в монархии Габсбургов) вспыхнула революция, для спасения венского императорского дома выступила 200-тысячная русская армия. В эти же месяцы при знакомстве с Николаем I молодой венгр вместо ожидавшегося от него осуждения мятежников, не дав оснований упрекнуть себя в невежливости, вместе с тем совершенно не счит нужным скрывать глубокий венгерский патриотизм и тревогу за судьбу своего отечества. Правда, в последовавшем вскоре удалении Зичи от царского двора сыграл главную роль не этот эпизод, а другие обстоятельства. В сентябре 1849 г., через месяц после подавления венгерской революции, скончался великий князь Михаил Павлович, в определенной мере покровительствовавший 22-летнему художнику и глядевший сквозь пальцы на отношения с ним любимой дочери. Терпеть продолжавшийся роман царской племянницы с бедным венгерским дворянином при дворе больше не могли.

Оказавшийся без императорского жалованья, молодой живописец, пока еще не известный в российской художественной среде, остался в Петербурге, начав тяжелым трудом зарабатывать себе на хлеб. Вместе с тем этот период пребывания Зичи в России был весьма плодотворным в творческом отношении, ведь он теперь куда чаще, чем в бытность придворным художником (и даже позже, став именитым живописцем и графиком), брался за кисть, движимый не конкретным заказом, а настоящим творческим побуждением. Именно в этот период устанавливаются и тесные связи Зичи с русской культурой и российским профессиональным художественным сообществом, что во многом определило всю его последующую жизнь.

Вначале в полном одиночестве, обремененный долгами, он снимал комнату в невзрачном петербургском доме, с окном, выходящим во двор-колодец. В ту суровую петербургскую зиму молодого художника, остро нуждавшегося в деньгах, преследовали болезни. Он не прочь был бы вернуться в Вену, но ни возможности, ни средств для этого не было. После нескольких горьких месяцев, в начале 1850 г., Зичи нашел себе работу в фотосалоне братьев Веннингеров, где ретушировал дагерротипы, и только этим зарабатывал себе на жизнь. Работа была совсем не творческой и вызывала скуку, однако и в этой непростой ситуации Зичи сумел использовать преимущества своего нового положения. Он познакомился с некоторыми аристократами,

посещавшими салон, и даже получил от них ряд заказов на изготовление портретов и миниатюр. Весной 1850 г. дела пошли в гору, и это позволило обзавестись семьей. Спутницей жизни стала привлекательная и добрая девушка Александра Ершова из купеческой семьи. Бескорыстно ухаживая за Михаем во время болезни, она по настоящему привязалась к нему. Зичи довольно долго скрывал от нее свое дворянское происхождение, но еще больше проблем доставляло различие вер. Живя в России, Зичи оставался всю жизнь католиком, категорически отказавшись принять православие. Брак долгое время был гражданским, в конце концов они венчались по католическому обряду, но по тогдашним российским законам брак был недействительным (жена католичество тоже не приняла). Детей крестили в католическом соборе, но они были оформлены как внебрачные. Все это впоследствии принесло немало головной боли супружеской паре и их детям – Ольге, Софье, Марии и Николаю.

В начале 1850-х гг. Зичи активно писал портреты аристократов в технике акварели, но в 1852 г. получил заказ на ряд картин религиозного содержания, к сожалению, не сохранившихся. По заказу была написана серия портретов офицеров, им был выполнен также ряд портретов-миниатюр в рамке из слоновой кости. В свое удовольствие, по вдохновению Зичи писал картинки из повседневной уличной, городской жизни, бытовые юмористические зарисовки, где в качестве персонажей выступали офицеры, возившиеся со своим обмундированием. Благодаря связям, приобретенным в 1848–1849 гг., две такие зарисовки были показаны при дворе и весьма понравились членам царской фамилии, художник был близок к тому, чтобы вновь завоевать расположение царственных особ, и уж во всяком случае перед ним открылись новые возможности.

Между тем в качестве свободного художника Зичи в 1850–1853 гг. завел знакомство с людьми из творческой среды. Он интересовался современным русским искусством, ходил на выставки. В его работах, относящихся к этому периоду, прослеживаются следы влияния таких разных по своей творческой манере художников, как Карл Брюллов и Павел Федотов.

Зичи не только прекрасно овладевает к этому времени русским языком, но и читает русскую литературу. Особенно он увлекается Лермонтовым. Можно предположить, что именно благодаря знакомству с творчеством Лермонтова Зичи уже в начале 1850-х годов заинтересовался Кавказом – этот интерес он пронес через всю свою последующую жизнь. В последние годы николаевского царствования

у иностранного подданного не было шансов получить разрешение поехать на Кавказ. Но это отнюдь не удержало Зичи от воплощения своего творческого замысла. В 1852 г. он выполняет серию литографий с видами Кавказа, на следующий год она была издана и имела успех. Другой важной работой (и примером удачного сочетания заказа и творческого вдохновения) явилась серия иллюстраций к «Слову о полку Игореве» в переложении Н. В. Гербеля (подарочное издание 1854 г.). Образами «Слова» он и впоследствии не уставал восторгаться. В следующем, 1855 г. с цветными литографиями Зичи, изображающими сцены Крымской войны, вышло лубочное издание с рассказами для детей (позже, уже в начале 1870-х гг., он принял участие в большом проекте издателя А. Н. Якоби – издании цветной иллюстрированной антологии русской литературы, адресованной детям).

Первый придворный заказ после четырехлетнего перерыва художник получил в октябре 1853 г. Его вызвали в Гатчину для выполнения группового портрета членов императорского дома в акварельной технике.

Начиная с этого времени заказы становятся постоянными, за считанные месяцы он создал более 20 работ. Конечно, память о военной кампании 1849 г., подавлении при участии русской армии венгерской революции была жива в сознании Зичи, однако художник был не в том положении, чтобы отказываться от выгодных императорских заказов.

После смерти в 1855 г. Николая I и прихода к власти его сына Александра II положение Зичи в принципе не изменилось, он продолжал получать заказы императорского дома. Самым важным заданием было участие наряду с другими художниками (как русскими, так и иностранцами) в оформлении художественного альбома, запечатлевшего коронационные торжества. Новому монарху пришлось по душе стиль художника, сочетавший величественность изображения с интересом к выразительным, подчас комическим и юмористическим деталям. В событиях, которые Зичи хотел запечатлеть, он выхватывал для изображения наиболее яркие эпизоды, мастерски выписывая по памяти запоминающиеся детали. Virtuозное владение художника техникой рисунка, акварели, гуаши высоко оценивается не только при дворе, но и в петербургском высшем обществе, помогает ему сделать хорошую творческую карьеру. С 1856 г. он закрепился на позициях придворного художника, а с 1859 г. в качестве «художника его императорского величества» получал постоянное и немалое жалованье и право на высокую пенсию после ухода с государствен-

ной службы. В 1858 г. Зичи избирают в Академию художеств (президентом Академии был, как правило, представитель императорского дома, в тот момент – великая княгиня Мария Николаевна). Мастерская художника была оборудована в одном из императорских владений – здании Нового Эрмитажа, ныне входящем в комплекс зданий Государственного Эрмитажа. Зичи был удостоен высоких государственных наград – в 1859 г. получил орден Святого Станислава III степени, а в 1863 г. – II степени.

Придворная служба была делом почетным и доходным, но чрезвычайно обременительным. Приходилось сопровождать царя и членов императорской фамилии в поездках, постоянно присутствовать на царских охотах, фиксировать в зарисовках дворцовые праздники и придворные церемонии. К этому периоду творчества Зичи относится более тысячи рисунков и акварелей, на которых были запечатлены совершенно разные события, как будничные, так и официальные – балы и маскарады, торжественные официальные обеды и праздничные ужины, военные парады, дипломатические приемы, театральные представления и концерты. В обязанности художника входила своего рода хроника событий – фиксация ритуалов и церемоний, связанных с повседневной жизнью всего немалочисленного клана Романовых. Рождения новых великих князей, их крестины, обручения, свадьбы, отпевания, похороны – весь круговорот семейной жизни правящей фамилии запечатлевался в рисунках и акварелях. Но придворная жизнь была достаточно многоликой, она могла предстать взору художника и своими веселыми, неформальными сторонами, что находило отражение в юмористических зарисовках игр и развлечений. Работы Зичи, выполненные при дворе, отнюдь не сводились к произведениям графики. Так, по высочайшему заказу он оформлял веера для членов царской фамилии. Одна из самых значительных работ – относящийся к 1860 г. альбом из 52 миниатюр с изображением сцен царской охоты, стилизованных под игральные карты. Планы издания альбома в виде книги так и не были реализованы. Оригинал хранится в фондах Государственного Эрмитажа, как и большинство произведений, выполненных Зичи по заказу царского двора.

Хотя придворная служба оставляла мало свободного времени, Зичи не пренебрегал общением с коллегами-художниками. С ноября 1857 г. складывается сообщество художников, собиравшихся, как правило, по пятницам поочередно на одной из квартир. Приходили И. К. Айвазовский, представители знаменитого художественного семейства Клодтов, П. П. Соколов, В. Ф. Тимм, итальянец А. Лавец-

цари, работавший в России, и другие. В процессе общения делались зарисовки. Некоторые из них выставляли на продажу свои работы в витринах художественного магазина Бегрова, выручка шла на поддержку нуждавшихся художников. Общение Зичи не ограничивалось только этим кругом, он имел и другие знакомства в художественной среде и в 1857–1858 гг. выполнил серию сатирических и юмористических портретных зарисовок (по сути дела карикатур), получившую хождение в кругу художников и ценителей искусства и вызвавшую немалый отклик. В 1860-е гг. все большее место занимали в его творчестве иллюстрации, особенно известны к поэме М. Ю. Лермонтова «Демон». Можно предполагать, что он познакомился с ней еще до ее первого издания (1856), в рукописи, благодаря своему другу князю Г. Г. Гагарину. Есть основания также считать, что он был знаком с лермонтовскими рисунками, выполненными на Кавказе, – ощутима перекличка мотивов двух рисовальщиков. Вообще образ летящего «Демона», появившись в рисунках Зичи в 1850-е гг., сопровождал потом художника всю творческую жизнь, эту же фигуру можно видеть в разных произведениях². Зичи выполнял также иллюстрации к «Герою нашего времени» (образы княжны Мэри и др.). На 1860-е гг. приходится наиболее значительные иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина – прежде всего к «Бахчисарайскому фонтану»³, а также «Евгению Онегину». К образам Пушкина он обращался и позже. Иллюстрировал он и «Тараса Бульбу» Н. В. Гоголя.

В 1858 г. состоялась знаменательная встреча, в определенной мере повлиявшая на дальнейшую судьбу художника и сделавшая его творчество более известным как в России, так и за рубежом, в том числе на родине. В Россию приехал известный французский писатель, критик и искусствовед Теофиль Готье (1811–1872), один из законодателей художественных вкусов эпохи. Его поездка широко освещалась в прессе, сам Готье отразил свои впечатления в очерках, публиковавшихся не только во Франции, в журнале “L’Artiste”, но и в России. Позже, в 1867 г., в Париже выходит его книга «Путешествие в Россию», нашедшая большой отклик в Петербурге⁴. В одну из пятниц Готье посетил собрание кружка художников, к которому относился Зичи, а потом побывал и в его мастерской. В своих очерках Готье восторженно оценил работы Зичи, а в книге посвятил ему целую главу; мнение знаменитого француза повлияло на восприятие его творчества и на родине, в Венгрии.

Между тем в 1866 г. вследствие покушения Д. Каракозова на царя правительство ужесточает внутреннюю политику. К тому же поль-

ское восстание усилило подозрения в отношении католиков. Зичи всерьез опасался административных преследований за незаконный брак с православной женщиной и от греха подальше выехал с семьей в Венгрию, в свое родовое имение Зала. Жена с четырьмя детьми поселилась там, сам же Зичи через несколько месяцев вернулся в Петербург, где его ждали новые заказы. Венгрию в последующие годы он посещал наездами.

В 1869 г. при поддержке императрицы Марии Александровны Зичи организовал свою первую персональную выставку в Петербурге (был отпечатан каталог). Всего была представлена 91 работа, причем посетитель мог познакомиться с разными этапами более чем 20-летнего к этому времени творческого пути художника. Отклик художественного сообщества был неоднозначным. Критика отмечала высокое техническое мастерство художника и вместе с тем обращала внимание на то, что его творческие установки были весьма далеки от идеалов передвижников и – шире – тех течений в искусстве, которые ставили во главу угла изображение повседневной народной жизни. Для Зичи, между тем, становилось очевидным, что служба в качестве придворного художника оставляет мало времени и сил для воплощения некоторых заветных замыслов. Ему наскучил и придворный мир с его строгим регламентом и этикетом, художника тянуло к более свободным формам творческой жизни.

В 1871 г. Зичи, воспользовавшись приглашением британского престолонаследника, получил творческий отпуск и совершил поездку по Европе. Непосредственное ознакомление с новейшими явлениями искусства, как и знакомство с более либеральной творческой атмосферой, усилили в художнике желание изменить образ жизни. В 1873 г. он просил разрешения выйти на пенсию, и его совершенно не удерживали, тем более что в придворных кругах неодобрительно смотрели на его широкие и разнообразные связи в художественной среде, на создание произведений, не имевших никакого отношения к высочайшим заказам (в одной из дневниковых записей Зичи откровенно заметил, что впал в немилость). С 1 января 1874 г. художник оказывается в отставке, по сути без обещанной когда-то пенсии, а летом того же года покидает Россию. Его отъезд привлек внимание общественного мнения, нашел отклик в петербургской прессе (было не ясно, покидает ли он Россию навсегда или нет). Причем доминировали довольно теплые отзывы о сделанном им за годы пребывания в России. Сам 47-летний Зичи всерьез хотел начать творческую жизнь заново, теперь

уже в роли свободного художника. Он считал в то время маловероятным, что ему доведется вернуться в Россию.

Проведя летние месяцы в Венгрии с семьей, художник затем переселился в Париж, надеясь, что там еще помнят хвалебные отзывы Т. Готье, а бурная художественная жизнь придаст его творчеству новые импульсы. В июле 1875 г. к нему присоединилась молодая подруга и ученица Мария Этлингер (1857–1934), дочь придворного врача, на протяжении последующих восьми лет, вплоть до своего замужества, неизменная его спутница в поездках по Европе.

В Париже Зичи провел семь лет. Интересно, что и в работах, относящихся к этому времени, прослеживаются русские мотивы. Так, на одном из больших живописных полотен, написанных в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., запечатлен образ царя Александра II, призывающего войска к выступлению. В силу политических причин (страх Европы перед российской экспансией на Балканах), а также из-за присутствия в ней антицерковных мотивов появление этой картины сопровождали скандалы, после которых художник счел бесперспективной парижскую карьеру. Он покидает Париж, живет в Ницце, затем приезжает в Венгрию и проводит несколько месяцев как в Будапеште, так и в своем имении Зала с семьей. Творческого удовлетворения он не испытывает и все больше подумывает о возобновлении работы в России.

Сложившийся под влиянием увлечения творчеством Лермонтова интерес к Кавказу и желание увидеть его своими глазами усилились после неожиданного знакомства с дворянами грузинского происхождения. С этим совпало еще одно событие: старый приятель Зичи, петербургский издатель и редактор популярного журнала «Нива» А. Ф. Маркс отыскал в Париже художника и завел с ним разговор об иллюстрациях к готовящемуся тому сочинений Лермонтова. Более того, он обещал организовать Михаилу Александровичу поездку на Кавказ, что было давней мечтой художника. В сентябре 1881 г. вместе с ученицей М. Этлингер художник прибыл в Тифлис. Очарованные природой Кавказа, они проводят многие часы за мольбертом с карандашом и кистью, создавая все новые и новые панорамы гор. Завязав знакомство с представителями грузинской культурной элиты, Зичи заинтересовался предложением создать иллюстрации к шедевру грузинской средневековой литературы – эпической поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Эта работа была выполнена, главным образом, в 1885–1887 гг. 26 прекрасных иллюстраций украсили подарочное издание поэмы на грузинском языке, вышедшее в

свет в 1887 г. и ставшее событием громадного значения для развития грузинской национальной культуры нового времени. Венгерский художник Зичи сумел довольно глубоко постичь образную ткань средневековой поэмы, хотя и написанной на чужом для него языке⁵.

Именно поездка в Грузию пробудила в Зичи интерес к этнографии, он становится страстным коллекционером предметов народного прикладного искусства, в его богатой коллекции имелись среди прочего образцы народной одежды и старинное оружие. Поддерживая связи со своими соотечественниками, Зичи сделал ряд зарисовок костюмов из своей коллекции для известного художника Берталана Секея, мастера костюмированных исторических сцен. Они были использованы в 1896 г., когда в Венгрии с большим размахом отмечалось тысячелетие «обретения родины» (прихода венгерских племен в Среднее Подунавье), прежде всего при создании одежды, стилизованной под древнюю венгерскую, которая была востребована во время торжественного костюмированного театрального представления об истории прихода венгров на их новую историческую родину.

Хотя то издание Лермонтова, для которого Зичи готовил иллюстрации к «Демону», не состоялось, эти работы были опубликованы в приложении к журналу «Нива» и в декабре 1883 г. переданы в основанный при Николаевском кавалерийском училище в Петербурге Лермонтовский музей; в советское время, после упразднения училища, они были направлены в музей Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР (ныне РАН). Рисунки, выполненные в Грузии, позже, в 1900 г., вышли отдельным изданием в виде фотоальбома – в работе над реализацией этого замысла художнику помогала ученица, Анна Гусева. Уже в последние месяцы своего пребывания в Грузии, осенью 1882 г., Зичи возобновил связи с представителями императорского дома, согласившись выполнить два заказа (серию картин с изображением охоты и альбом с гравюрами, на которых запечатлен военный праздник).

В следующем, 1883 году, с согласия нового императора Александра III, М. А. Зичи получил предложение вернуться на государственную службу в прежнем качестве придворного художника. 56-летний мастер принял это предложение, гарантировавшее ему стабильное существование на склоне лет. Ему пришлось вернуться в Петербург и вновь заняться привычным делом – художественной хроникой бесконечной череды событий придворной жизни. Впрочем, самое первое поручение было особенно ответственным – подготовка альбома, посвященного коронации Александра III. 27 мая 1883 г. художник

присутствовал в Москве на коронационных торжествах и сделал многочисленные зарисовки. Впрочем, эта работа так и не была реализована в задуманном объеме.

В этот период Зичи жил довольно замкнуто, много работал над выполнением придворных заказов. При этом у него сохранялась привычка жить на широкую ногу, и, несмотря на высокое жалованье, денег по-прежнему не хватало, приходилось бороться с долгами (тем более что он продолжал материально заботиться об оставшихся в Венгрии жене, детях и внуках). Последние двадцать три года его жизни, проведенные главным образом в Петербурге, реконструировать довольно трудно. Пресса довольно мало сообщала о его судьбе, отклик публики на его работы также был не слишком велик, к тому же в своей переписке Зичи не часто упоминал о конкретных заказах, которые выполнял при дворе. Санкт-Петербург он покидал чаще всего в составе свиты, совершая путешествия и выезды вместе с членами царской фамилии. Отдыхать в летние месяцы он предпочитал в дачной местности Лахта на берегу Финского залива. Плохо перенося суровые русские зимы, Зичи несколько раз, чтобы поправить здоровье, выезжал в Ниццу. В родную Венгрию он в последний раз приехал в 1887 г., но позже неоднократно встречался с детьми в Вене. Жена вплоть до своей кончины жила с детьми в Венгрии.

В художественных пристрастиях и творческом методе Зичи произошли изменения. Прежде всего, после парижской неудачи он утратил интерес к созданию крупномасштабных аллегорических полотен и вообще не собирался больше бросать вызовов общественному вкусу, не рассчитывая на международное признание. Он теперь почти не обращался к живописи, занимаясь только графикой, и все реже брался за работы, выходящие за рамки его обязанностей придворного художника (исключение составляли прежде всего книжные иллюстрации). В то же время после посещения Грузии продолжал устойчиво сохраняться его интерес к пейзажу. К числу увлечений прибавился театр. Хотя на поприще театрального художника Зичи не успел себя проявить, но зато с высочайшего разрешения подготовил ряд альбомов с зарисовками театральных представлений, состоявшихся при дворе. По итогам путешествий с членами царской семьи рождались панорамные пейзажи и бытовые зарисовки. Что касается искусства книжной иллюстрации, то оно занимало в его творчестве все большее место, и обращался он к нему, как правило, по собственному внутреннему побуждению. Причем это была как раз та нить, которая связывала Зичи с его родной национальной культурой. По

заказам, полученным с родины, им были выполнены иллюстрации к изданиям произведений классиков венгерской литературы – Шандора Петёфи, Яноша Араня, Имре Мадача⁶.

Особое место в творчестве Зичи занимают эротические рисунки. В этом жанре художник дебютировал довольно рано. Из его дневника, в частности, узнаем, что уже в 1856 г. он активно выполнял частные заказы в этой области и один из его рисунков купил даже сам принц Уэльский. Особенно много Зичи занимался изображением эротических сцен в 1880-е гг. Император Александр II смотрел на все это совершенно сквозь пальцы. Правда, его сын Александр III, будучи подчеркнутым блюстителем пуританской морали, такие вещи не одобрял, но и мер никаких по сути не принимал. А при Николае II царили вольные нравы и, более того, расцвела мода на порнографию, так что эротические рисунки Зичи пришлись в полном смысле этого слова ко двору. Альбом с эротическими рисунками Зичи впервые был издан еще в 1885 г. («Études de femmes»), в 1895 г. выходит более полное собрание из 58 зарисовок («Breviarium eroticum»), оригиналы многих из которых утрачены. Всего же Зичи создал не менее 160 эротических рисунков, в год его смерти (1906) большой альбом выпустило немецкое издательство, за ним последовало другое, посмертное издание, 1911 года (Liebe), тогда же вышло издание с текстом на французском языке («Les plaisirs de l'amour»). Наиболее полное издание эротического наследия художника – венгерское издание 1989 г.⁷

В 1894 г. художник отмечал в Петербурге 50-летний юбилей своего творческого пути – он вел отсчет своей профессиональной деятельности с 1844 г., когда начал брать уроки у Вальдмюллера в Вене. Поздравления пришли в этот день из разных уголков Российской империи. В тот же год скончался Александр III, с приходом к власти Николая II положение Зичи в роли придворного художника не изменилось. 26 мая 1896 г. при церемонии коронации Николая II в Москве Зичи был свидетелем ходынской трагедии, унесшей жизни более 1300 человек.

В 1897 г. Зичи отмечал свое 70-летие и 50-летие придворной службы при русском дворе (отсчет велся с того момента, когда он стал давать уроки рисования великой княжне Екатерине Михайловне, до юбилейной даты не дожившей всего три года). В это время он пробует свои силы (если не считать, конечно, писем и дневников) в новом качестве – как литератор, причем на родном венгерском языке. Зичи обращается к описанию царских охот, сопровождая текст своими рисунками. Издание этой книги предполагалось организовать

в Венгрии при помощи сына Миклоша (Николая), который, живя с детства в Венгрии, овладел венгерским языком настолько, что в конце 1890-х гг. уже выступал в роли литературного редактора своего обрусевшего отца, потомственного венгерского дворянина. Но в 1900 г., когда Зичи находился в Крыму с императором и его окружением, пришла горестная весть о безвременной кончине сына, через которого, по сути, осуществлялась связь Михая с родной страной и ее культурой. Утрата сына была одной из самых горестных потерь в жизни Михаила Александровича. К тому же с уходом Миклоша оборвался по мужской линии дворянский род Зичи (по крайней мере та его ветвь, к которой принадлежал художник).

В 1903 г. Зичи познакомился с русским писателем новой генерации – Максимом Горьким. В восприятии Горького венгерскую литературу представляла прежде всего знаменитая философская драма Имре Мадача «Трагедия человека». Писатель хотел посодествовать изданию поэмы в русском переводе и предложил маститому художнику выступить в качестве иллюстратора. Зичи, конечно, дал согласие, однако план этот был реализован в менее дорогостоящем варианте, без его иллюстраций.

М. А. Зичи скончался в Петербурге 15 февраля (по новому стилю 1 марта) 1906 г. в возрасте 79 лет. Уважительные некрологи были опубликованы как в российских, так и в венгерских газетах. Отпевание прошло в петербургском католическом костеле 4 марта. Вначале была идея захоронить художника на загородном кладбище в Лахте, любимом месте отдыха. Но венгерское правительство обратилось с предложением о захоронении Зичи на родине, на Керепешском кладбище, где и состоялось погребение. На могилу было возложено большое количество венков, среди которых выделялся грандиозностью венок от царской семьи⁸. Надгробный памятник по заказу дочерей и внуков изготовил один из крупнейших венгерских скульпторов, Алайош Штробль. Он был установлен в 1916 г., за полгода до падения династии Романовых, которой шесть десятилетий верно служил художник, занимаясь своим профессиональным делом. При установлении памятника об этом старались не вспоминать: Россия и Австро-Венгрия сражались друг против друга на полях первой мировой войны. А до войны, в 1907 г., в Петербурге состоялась выставка, приуроченная к 80-летию со дня рождения Зичи. На ней были выставлены работы, находившиеся в частных собраниях.

Столетие Зичи отмечалось в эпоху Хорти, в 1927 г. Вышла большая монография искусствоведа Я. Бенде «Жизнь и искусство Михая

Зичи», основанная на добросовестном изучении его жизненного и творческого пути⁹. Положение Зичи при царском дворе сравнивалось в ней с положением жаждущего свободы орла в золотой клетке. Автор неплохо передал душевные терзания художника, временами тяготившегося своим статусом. Надо к тому же принять во внимание, что и клетка была не из чистого золота, учитывая нравы, царившие при дворе: зависть и мстительность сопровождали Зичи на протяжении многих лет его пребывания в должности придворного рисовальщика. Но оказавшись в Париже в ином амплуа – свободного художника, – Зичи так и не смог себя реализовать, во всяком случае, его творчество получило не тот резонанс, на который рассчитывал художник. В конце концов он предпочел в 1883 г. вернуться в «золотую клетку», которую когда-то покинул. Живя до последних своих дней в комфорте и довольстве, он в то же время испытывал определенное угнетение от той системы, при которой деятельность художника почти всецело предопределялась заказами свыше и зависела от прихотей августейших особ. Отношения Зичи с царским двором до конца оставались амбивалентными – проявляя уважение к работодателю, честно работая на него и рассчитывая на его благосклонность, он в то же время внутренне не изменил своим юношеским идеалам. Из его иллюстраций к произведениям Лермонтова и Петёфи, выполненных в бытность Зичи придворным художником, предстает свободлюбивая натура, чей духовный настрой мало совместим с абсолютистским произволом царской власти.

Зичи родился и вырос в семье с глубокими патриотическими традициями, и в юности, в годы общественного подъема в канун революции 1848 г., был убежденным приверженцем идей прогресса и далеко идущих реформ, с которыми выступали Л. Кошут и его сторонники. Как художник, способный принести славу венгерскому национальному искусству, в 20 лет он подавал большие надежды. Не случайно его учитель Вальдмюллер в октябре 1847 г. уделил ему много внимания в своем послании к депутатам венгерского Госсобрания, где речь шла о необходимости поддержки талантливых молодых художников, в противном случае они будут потеряны для родины. Этот голос не был тогда услышан. Как бы то ни было, обстоятельства сложились так, что Зичи оказался надолго в Петербурге. На родине почти ничего не знали о нем до тех пор, пока он не стал известным художником. К тому же в общественном мнении после военной кампании 1849 г. существовали предубеждения – не удивительно, ведь Зичи находился на службе у той державы, которая помогла Габсбур-

гам подавить венгерскую революцию. Первое официальное приглашение посетить родину Зичи получил только в 1876 г., через два года после ухода с царской службы. Но и в дальнейшем он не удостоился каких-либо заманчивых предложений, которые преопределили бы его возвращение на родину. Важно, однако, заметить, что Зичи до самого конца сохранял гражданство своей родной страны, хотя это было сопряжено для него с определенными неудобствами, и более того, давало повод для насмешек в петербургском высшем свете. Интересно, что на петербургских приемах (и даже дипломатических) с личного разрешения Александра III он бывал в венгерском парадном костюме. В последние десятилетия жизни Зичи получал все больше заказов именно с родины и, несмотря на свою занятость в качестве придворного художника, работал над ними предельно добросовестно, внося огромный вклад в венгерское искусство книжной иллюстрации. Зичи вел активную переписку с венгерскими деятелями культуры, особенно художниками и писателями.

В своих письмах Зичи не скрывал горечи в связи с тем, что почти весь его творческий путь протекал на чужбине. Приходится иногда сожалеть, откровенно заметил он в одном письме, что «мне пришлось пожертвовать собой ради хотя и искренне любимой, но все же чужой для меня нации»¹⁰. В последние годы жизни он особенно сильно чувствовал тоску по родине и одиночество. Большая часть обширного творческого наследия Зичи (и в том числе работы, выполненные по высочайшему заказу) находится в российских собраниях – в Государственном Эрмитаже, Русском Музее, Третьяковской галерее, а также в литературных музеях¹¹. Многие – в запасниках и выставляются для широкой публики лишь во время временных выставок. Но некоторые значительные работы художника имеются и в Венгерской национальной галерее. Первая большая выставка работ художника, хранившихся в СССР, прошла в Венгрии в 1952 г., к 125-летию Михая Зичи¹². За этой выставкой последовали другие, в том числе недавняя – 2007–2008 гг., плод сотрудничества Эрмитажа и Венгерской Национальной галереи¹³.

Перевод с венгерского А. С. Стыкалина

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Сам Зичи упоминает эту историю в письме от 17 октября 1897 г. См.: Magyar Országos Levéltár (Венгерский государственный архив). Ernst hagyatéka. № 183–184.
- 2 См. исследование на эту тему К. Геллер в сборнике: Zichy Mihály, a “rajzoló fejedelem”. Budapest, 2007. См. ее же: *Geller K. Zichy Mihály, 1827–1906*. Budapest, 1990.
- 3 Эта серия акварелей находится в отделе графики Третьяковской галереи.
- 4 *Готье Т.* Путешествие в Россию. М., 1988.
- 5 Иллюстрации Зичи к «Витязю в тигровой шкуре» были выставлены и в Будапеште в 1888 г. Первое издание поэмы в венгерском переводе (1917, переводчик Б. Викар) также сопровождалось иллюстрациями Зичи.
- 6 Крупноформатное венгерское издание 1887 г. «Трагедии человека» Имре Мадача с его иллюстрациями имело огромный успех, выдержало 5 переизданий. К этой серии иллюстраций проявила интерес императрица Мария Федоровна, которой художник подарил немецкоязычное издание «Трагедии человека».
- 7 См.: *Zichy M. Erato*. Budapest, 1989.
- 8 Подробный фоторепортаж о церемонии похорон Зичи опубликовала будапештская воскресная газета «Вашарнапи уйшаг» в номере от 25 марта 1906 г.
- 9 *Bende J. Zichy Mihály élete és művészete*. Budapest, 1927. Через год под таким же названием вышла книга Б. Лазара: *Lázár B. Zichy Mihály élete és művészete*. Budapest, 1928.
- 10 Письмо приводится в книге: *Lázár B. Zichy Mihály... O.* 128–129.
- 11 Из литературы о Зичи, вышедшей на русском языке, см.: *Тихомиров А.* Искусство Венгрии IX–XX веков. М., 1961; *Алешина Л. С.* Михай Зичи. М., 1975.
- 12 Из работ, вышедших в эпоху социализма, заслуживает упоминания: *Berkovits I. Zichy Mihály*. Budapest, 1964.
- 13 См. каталог: Zichy Mihály, a “rajzoló fejedelem”. Budapest, 2007.

Kissné-Budai R.
«His Imperial Majesty's Painter» Mihály Zichy in Russia

The short biographical sketch is devoted to the Russian period in life of the famous Hungarian painter and drawer Mihály Zichy (1827–1906), who had been serving at the court of four Russian emperors more than fifty years. The author pays particular attention to the connections of Zichy with contemporary Russian artistic culture and his activity as an illustrator of the Russian classical literature.

Keywords: *Mihály Zichy, Hungarian art, Russian fine arts of the eighteenth century, Russian imperial house, Hungarian revolution of 1848.*

А. М. Кузнецова
(Москва)

Кирилл и Мефодий и Балатонское княжество IX века

В статье идет речь о Балатонском княжестве IX в., правители которого, Прибина и Коцел, активно участвовали в христианизации своих подданных. Кирилло-мефодиевская миссия также не осталась в стороне от славян, проживавших в районе озера Балатон, о чем свидетельствуют современные событиям источники. Статья знакомит и с результатами археологических раскопок на территории княжества в районе поселке Залавар в современной Венгрии, в ходе которых, в частности, обнаружена глаголическая надпись.

Ключевые слова: *кирилло-мефодиевская миссия, Балатонское княжество, жития, славянская письменность, хронология, археология, Прибина, Коцел, Залавар.*

Блатенское (Балатонское) княжество, в IX в. отданное франками во владение славянскому князю Прибине, расположено к западу от озера Балатон в современной Венгрии, границы которого в раннем средневековье были намного пространнее. Фактически поселения, о которых пойдет речь, были отгорожены от внешнего мира болотами, что и дало название княжеству и его центру как на латинском, так и на немецком и славянском языках. В латинских источниках центр княжества называется *civitas Priwinae, urbs paludarum, Mosapurc, castrum Chezilonis*. Последнее время на его территории, в районе венгерского поселка Залавар, ведутся интенсивные археологические раскопки, проливающие свет на многие стороны его истории, в том числе и те, что связаны с началом славянской письменности.

Два основных письменных источника дают нам право рассматривать Балатонское княжество как один из центров Кирилло-мефодиевской миссии, начавшейся 1150 лет назад. Это Жития святых Константина (Кирилла) и Мефодия, которые, по мнению большинства ученых, были написаны в конце IX – начале X в. последователями святых – создателей славянской азбуки¹, и сочинение «Об обращении в веру баварцев и хорутан», написанное или по заказу Зальцбургского архиепископа Адальвина, или им самим, датировка которого 870–871 гг. основывается на косвенных данных². Эти па-

мятники написаны с разных позиций – сторонников и противников богослужения на славянском языке, и потому сопоставление их известий – чрезвычайно интересно и плодотворно для определения исторического контекста появления славянской письменности.

Когда именно Кирилл и Мефодий посетили Балатонское княжество, можно определить, только восстановив общую последовательность деятельности святых. Этой проблеме посвящена многочисленная литература, которая проанализирована Б. Н. Флорей³, и мы будем придерживаться того мнения, что источники указывают на начало 60-х гг. IX в. в качестве отправной точки миссии к славянам.

Из Житий Константина и Мефодия мы узнаем о письме моравского князя Ростислава к византийскому императору Михаилу III с просьбой прислать к его народу «такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру»⁴. Далее, как известно из Жития, Константин изобрел славянскую азбуку и отправился к князю Ростиславу учить его народ христианству с помощью новой азбуки.

В XV главе Жития Константина говорится о том, что, пробыв 40 месяцев в Моравии, святой отправился рукополагать своих учеников (в Житии не говорится, куда именно). Тогда-то и состоялась его встреча с «паннонским князем Коцелом», который «очень возлюбил славянские буквы и научился им и дал до пятидесяти учеников, чтобы научились им»⁵. В V и VI главах Жития Мефодия говорится о том, что святой и его брат Константин пробыли в Моравии три года, когда узнал о них римский папа Николай и послал за ними. Он «освятит учение их, положив славянское Евангелие на алтаре (собора) Святого Петра Апостола. И посвятит в попы блаженного Мефодия»⁶. Вернувшись к Житию Константина, мы обнаружим в XVII главе повествование о том, что в Риме святые были встречены папой Адрианом⁷. Предполагалось, что святые прибыли в Рим в конце 867 г., когда на смену умершему 13 ноября 867 г. папе Николаю пришел папа Адриан (вступивший на престол св. Петра 14 декабря 867 г.), что и вызвало различия в сведениях двух Житий⁸. Хронология миссии Константина и Мефодия выстраивалась путем вычитания из установленного таким образом времени трех лет или 40 месяцев. Существовали и точки зрения, следуя которым надо было отдавать предпочтение сведениям так называемой Итальянской легенды, в которой говорилось, что святые пробыли в Моравии четыре с половиной года⁹. Позволю себе добавить к этой дискуссии лишь деталь, относящуюся к особенности чисел 3 и 40, использованных в Житиях для указания на время

пребывания Кирилла и Мефодия в Моравии. Сакральный характер этих чисел, выбранных, возможно, для более резкого обозначения святости миссии к славянам, мог в то же время несколько повлиять на точность указанного таким образом времени. Тем не менее, мы будем исходить из того, что миссия Кирилла и Мефодия, точное время начала которой определяется разными учеными по-разному (862, 863 или 864 г.), в определенное время проходила и через земли Балатонского княжества, которое после смерти Прибины было унаследовано его сыном Коцелом, неоднократно упоминающимся в Житиях святых – создателей азбуки.

Так, в VIII главе Жития Мефодия мы узнаем, что после смерти Константина Коцел обратился к папе с просьбой прислать к нему в княжество «блаженного Мефодия, учителя нашего». В ответ Коцелу пришла булла папы Адриана «Слава в вышних Богу», сохранившаяся только в житиях и адресованная Ростиславу, Святополку и Коцелу. Судя по тексту этого письма, папа Адриан был весьма воодушевлен возможностью просвещения славян на их родном языке, чего явно нельзя сказать о немецком духовенстве, видевшем в Мефодии своего соперника. В послании папа угрожает всем тем, кто «начнет, дерзнув, вносить к вам разлад, порицая книги на вашем языке, пусть будет отлучен не только от причастия, но и от Церкви, пока не исправится». Спустя некоторое время, согласно Житию, Коцел посылает Мефодия к папе для посвящения славянского учителя в епископы Паннонии¹⁰. Скорее всего, именно этот юридический акт и вызвал особое беспокойство у архиепископа Зальцбурга Адальвина, которое вылилось в сочинение «Об обращении в веру баварцев и хорутан», о котором речь пойдет позже. В IX главе Жития Мефодия подтверждается недовольство немецкого духовенства, обвинявшего Мефодия: «В нашем округе учишь» и угрожавшего ему. Получив поддержку короля Людовика Немецкого, они «его (Мефодия) сослали в Швабию и держали там два с половиной года»¹¹. Узнав о заточении Мефодия, римский папа велел, чтобы «все епископы короля не пели мессы, то есть службы, пока его держат». Выпустив Мефодия, епископы пригрозили Коцелу: «Если будет он у тебя, не избавишься от нас по доброму». Так или иначе, но после освобождения Мефодий был принят князем Святополком и переместился в Моравию¹². Роль Коцела в освобождении Мефодия обсуждалась в литературе. Так, ученый Ф. Гривец считал, что именно балатонский князь мог сообщить папе о заточении славянского учителя¹³. Контекст Жития Мефодия свидетельствует о правомерности такого предположения.

Вернемся к сочинению «Об обращении в веру баварцев и хорутан». Это произведение содержит скрытую полемику если не с самими Житиями святых – создателей славянской азбуки, то уж точно с плодами их деятельности. Как уже упоминалось, сочинение это было написано в Зальцбургском архиепископстве скорее всего с целью защитить его права на церковную юрисдикцию в том числе и на территории Балатонского княжества. Там рассказывается об активной деятельности зальцбургского духовенства и архиепископов, освятивших в Балатонском княжестве около 30 церквей.

Характер повествования «Об обращении в веру» хорошо исследован в литературе¹⁴. Прибина, изгнанный моравским князем Моймиром из Нитры, упоминается в этом сочинении в XI главе¹⁵. Сообщается также, что он бежал к Ратбоду, отвечавшему за охрану юго-восточных границ Империи франков, и со временем получил в качестве бенефиция земли Нижней Паннонии (*Pannonia inferior*), о чем свидетельствует грамота Людовика Немецкого от 12 октября 848 г.¹⁶ Известно также, что прежде чем он бежал от Моймира, он построил храм в Нитре, освященный Зальцбургским архиепископом Адальрамом в 827/8 г. В XII главе «Об обращении в веру» говорится, что на основании договора между архиепископом Лиупрамом и Прибиной в Блатенском княжестве служил священник Доминик. На смену ему пришел Сварнагал, священник и известный ученый (*preclarus doctor*) прибыл в Мозабург с дьяконами и другими служащими церкви. После Сварнагала там появился священник и магистр искусств Альгфрид, на смену которому пришел протоиерей Адальвин. Затем в Мозабурге долгое время служил протоиерей Рипальд, пока не появился в резиденции Прибины «некий грек, по имени Мефодий, с недавно изобретенными славянскими буквами». Мефодий, как пишет автор «Об обращении в веру», начал противостоять латинскому языку, римскому учению и латинской философии, а также тем, кто служил литургию и читал евангелие по-латыни. Рипальд не мог с этим мириться и был вынужден вернуться в Зальцбург¹⁷.

Интересно с точки зрения последовательности событий начало XIII главы «Об обращении в веру». Она начинается с рассказа о том, что «в 865 году досточтимый архиепископ Зальцбурга Адальвин праздновал Рождество в замке Коцела (*castrum Chezilonis*), который ныне зовется Мозабург (*Mosapure*)». Упоминается и о том, что Коцел наследовал своему отцу Прибине, убитому в сражении с моравянами¹⁸. Предыдущая, XII глава заканчивается появлением Мефодия, который, согласно хронологии его Жития, не мог оказаться в Ба-

латонском княжестве раньше конца 869 г. Такая несогласованность хронологии скорее всего объясняется тем, что XIII глава посвящена полностью истории создания и освящения многочисленных церквей на территории Балатонского княжества. Во владении Виттимара, вероятно, представителя знати Балатонского княжества, архиепископ Адальвин, отслужив литургию, освятил храм в честь св. Стефана. Затем, 1 января, во владениях Коцела, в месте под названием Ортаху, он освятил церковь в честь Михаила Архангела. В том же году, 13 января, в Вериде архиепископ освятил храм в честь апостола Павла. Далее в главе перечисляются и другие храмы в различных местах, не поддающихся топографической идентификации, которые архиепископ освящал, например, в честь св. Маргариты, св. Лаврентия. Указывается, что архиепископ поставлял там священников, а затем приезжал с визитами, во время которых проповедовал перед паствой¹⁹.

Лишь немногие из тех церквей, что описаны в «Об обращении в веру», удалось обнаружить и идентифицировать. Тем не менее подробное описание Балатонского княжества в сочинении «Об обращении в веру баварцев и хорутан» позволило археологам сопоставить обнаруженный ими материал с данными этого источника и локализовать град Прибины на юге современного поселка Залавар в Венгрии. Безусловно, такая возможность для археологии раннесредневекового периода – большая удача. Известны примеры, когда точное описание местоположения некоторых поселений отсутствует, что порождает споры относительно локализации тех или иных мест и даже государств. Один из них – дискуссия вокруг местонахождения Великой Моравии, княжества Ростислава, а затем и Святополка, когда было предложено считать это государство IX в. расположенным к югу от Дуная в отличие от наиболее распространенной его локализации к северу от этой реки²⁰.

Богатейший археологический материал, ставший известным нам благодаря длительным раскопкам на территории Залавара (см. рис.), заслуживает особого внимания. Археологические изыскания начались там еще в 1861 г., когда основатель венгерской археологии Ф. Ромер посетил место предполагаемых раскопок, проведенных им только в 1881 г. Систематические же раскопки начались в Залаваре только в 50-е гг. XX в. под руководством Г. Фехера и его ученицы А. Ч. Шош. Помимо значительной части центра княжества Прибины и Коцела, ими были обнаружены тогда и около 400 захоронений, а также фундамент базилики в Рецешкут²¹.

Территория княжеской резиденции огорожена таким образом, что с юга была защищена земляным валом. В этой ее части скорее всего и располагались палаты Прибины и Коцела. На территории княжеской резиденции 24 января 850 г. архиепископ Зальцбурга Лиупрам освятил храм в честь Девы Марии. Этот храм известен по рисункам военного инженера Г. Турко, сделанным в 1569 г., когда, скорее всего в перестроенном виде, он являлся частью бенедиктинского монастыря. Согласно этим зарисовкам, храм был 22–24 м в длину и 9–10 м в ширину. Уже в XVIII в. храм был полностью разрушен.

К северу за рвом, окруженное деревянным забором, могло располагаться само поселение, особая роль в защите которого отводилась болотам²². Спустя два-три года после освящения храма в честь Девы Марии, как сообщается в «Об обращении в веру», Прибина обратился к архиепископу Лиупраму с просьбой прислать ему каменщиков, кровельщиков и других ремесленников, которые вскоре построили храм, освященный в честь св. Адриана. В этом храме были помещены мощи мученика Адриана. По мнению исследователей этого сооружения, его архитектура типична для паломнических церквей Саксонии, Тюрингии и Баварии, так как снабжена часовнями и галереей вокруг алтарной части. Храм был достаточно велик: 50 м в длину и 25 м в ширину. Б. М. Сёке обратил внимание на то, что центральный неф мог быть отделен позднее стенами от боковых нефов, что совсем нетипично для архитектуры западных церквей. Поскольку подобные конструкции встречались в византийской архитектуре, было сделано предположение о том, что возведение этих стен могло быть связано с деятельностью Кирилла и Мефодия²³.

Совсем рядом с храмом св. Адриана располагался баптистерий в честь св. Иоанна Крестителя (10 метров в длину и 10 метров в ширину). Упомянутые три храма составляли типичную для раннесредневековых церковных сооружений группу зданий, получивших у историков искусства название *Kirchenfamilie*²⁴.

К северо-востоку от княжеского града, в Рещешкут, был обнаружен фундамент базилики, возведенной скорее всего в начале XI в. и не поддающейся идентификации по данным «Об обращении в веру». Предполагается, что этот храм мог быть основан кем-то из окружения Прибины. Там же были обнаружены остатки двух деревянных церквей, сгоревших в IX в. и окруженных захоронениями²⁵.

Последнее время археологическая экспедиция Венгерского национального музея, под руководством Б. М. Сёке и А. Ритток, выявила и проработала богатый материал, свидетельствующий о жизнеде-

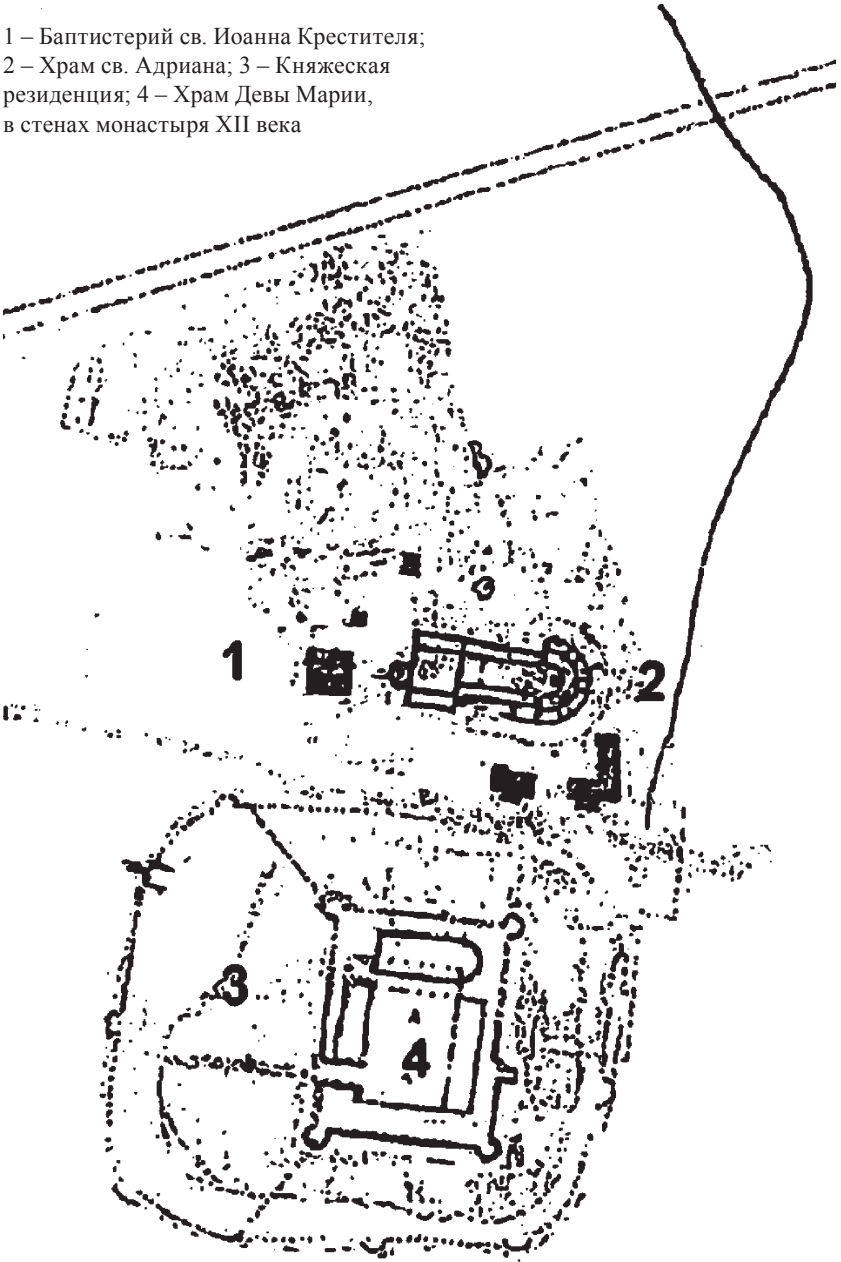
тельности княжества. Это – фундаменты храмов, описанных в сочинении «Об обращении в веру баварцев и хорутан», остатки мастерской по изготовлению стекла, всевозможные ювелирные украшения, пуговицы, предметы конской упряжи, керамика. Одна из последних и ценнейших находок 2009 г. – короткая глаголическая надпись на осколке керамической фляги, сделанная явно в начальные времена славянской письменности, – яркое доказательство деятельности Кирилла и Мефодия и их учеников среди паннонских славян второй половины IX в. находка была обнаружена во рву рядом с палатами князя. Основанием для датировки второй половиной IX в. является метод относительной стратиграфии²⁶.

На небольшом осколке читаются три буквы глаголической азбуки – аз, иже, веде, которые в совокупности могут означать «Я, который знаю» или «Я знаю». Скорее всего, для начинающих писать на родном языке было достаточно и такой короткой надписи, чтобы продемонстрировать свое умение²⁷.

Находка венгерских археологов не только подтверждает тезис о первичности глаголического алфавита, но и заставляет нас еще раз обратиться к вопросу о существовании школы на территории княжества Коцела. В XV главе Жития Константина Философа, как уже упоминалось, говорится о том, что князь дал 50 учеников для обучения славянской грамоте. В связи с этим высказывались предположения о том, что школа должна была уже существовать в Мозабурге до того, как туда пришли святые – создатели славянской азбуки. Известный славист В. Варжинек в своем обстоятельном труде по христианизации Великой Моравии приводит данные о церковном соборе (*Consilium Rispacense*), состоявшемся в 798 г. По мнению исследователя, инструкция о создании школ для обучения священников в каждой епархии, зафиксированная этим собором, должна была неминуемо привести к созданию школы и в центре Балатонского княжества²⁸. Подтверждение своей гипотезы автор ищет в исследовании венгерского ученого Бодяи, который считает, что архиепископ вполне мог закрепить успехи своей христианизаторской деятельности путем создания школы в Мозабурге²⁹. Тем не менее, нам кажется, что эти гипотезы нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Зальцбургские архиепископы вполне могли открыть школу непосредственно в своем центре, откуда и посылали священников в Балатонское княжество. Что же до собора 798 г., то его постановление скорее всего призывает епископов не ограничиваться монастырскими школами, до сих пор занимавшимися образованием

Археологические раскопки в окрестностях Залавара

- 1 – Баптистерий св. Иоанна Крестителя;
2 – Храм св. Адриана; 3 – Княжеская
резиденция; 4 – Храм Девы Марии,
в стенах монастыря XII века

священников, а открывать такие школы непосредственно у себя, в епископских центрах.

Что касается археологических изысканий на территории Балатонского княжества, то остатков здания, которое можно было бы идентифицировать как школу, обнаружено не было. Вполне возможно, что первой школой, созданной в Мозабурге, была именно школа по обучению славянской грамоте.

Редкая для изучения раннего средневековья возможность сопоставить письменные тексты разного происхождения, а также уникальные для Центральной Европы археологические находки глаголического письма на керамике лишней раз подтверждает, что в Балатонском княжестве IX в. действительно проходил важный этап становления славянской письменности, созданной Константином (Кириллом) и Мефодием.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Новейшее критическое издание рукописей Житий все еще отсутствует. В данной статье будет использовано наиболее обстоятельное издание перевода Житий с подробными комментариями: *Флоря Б. Н.* Сказания о начале славянской письменности. СПб., 2000. Имена собственные приводятся в соответствии с этим изданием.
- 2 *Losek F.*, ed. *Die Conversio Bagoariorum et Carantanorum und der Brief des Erzbischofs Theotmar von Salzburg* // MGH, Studien und Texte 15. Hannover, 1997.
- 3 *Флоря Б. Н.* Сказания о начале... С. 370–381.
- 4 Житие Константина, гл. XIV // *Флоря Б. Н.* Сказания о начале... С. 167.
- 5 Житие Константина, гл. XV // *Флоря Б. Н.* Сказания о начале... С. 170.
- 6 Житие Мефодия, гл. VI // *Флоря Б. Н.* Сказания о начале... С. 187.
- 7 Житие Константина, гл. XVII // *Флоря Б. Н.* Сказания о начале... С. 174.
- 8 *Флоря Б. Н.* Сказания о начале... С. 373.
- 9 Там же. С. 374–378.
- 10 Житие Мефодия, гл. V // *Флоря Б. Н.* Сказания о начале... С. 187–189.
- 11 Житие Мефодия, гл. IX // *Флоря Б. Н.* Сказания о начале... С. 189–190. Гипотезы о точном месте заточения Мефодия изложены в комментариях Б. Н. Флоры: Там же. С. 306–308. См. также исследова-

- ние А. В. Назаренко, который считает, что местом ссылки Мефодия был монастырь в Рейхенау: *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 51–70.
- 12 Житие Мефодия, гл. X // *Флоря Б. Н.* Сказания о начале... С. 190.
  - 13 Там же. С. 309.
  - 14 *Wolfram H.* Salzburg, Bayern, Österreich. Die Conversio Bagoariorum et Carantanorum und die Quellen ihrer Zeit // *Mitteilungen des Insituts für Österreichische Geschichtsforschung, Ergänzungsband 31.* Wien; München, 1996; *Wood I.* The Missionary Life. Saints and the Evangelisation of Europe 400–1050. London, 2001. P. 168–186; *Флоря Б. Н.* Сказания о начале... С. 258–260.
  - 15 *Conversio Bagoariorum et Carantanorum.* Cap. 11.
  - 16 *MGH Diplomata, Urkunden der deutschen Karolinger / Ed. P. Kehr.* Vol. 1. № 46. S. 63.
  - 17 *Conversio Bagoariorum et Carantanorum.* Cap. 12.
  - 18 Из новейшей литературы о смерти Прибины см.: *Goldberg E. J.* Struggle for Empire: Kingship and Conflict under Louis the German, 817–876. Ithaca; New-York, 2006, P. 273–274; а также: *Róna-Tas A.* Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1999. P. 244.
  - 19 *Conversio Bagoariorum et Carantanorum.* Cap. 13.
  - 20 *Boba I.* Moravia's History Reconsidered. The Hague, 1971; *Bowlus Ch. R.* Franks, Moravians and Magyars: The Struggle for the Middle Danube 788–907. Philadelphia, 1995; *Eggers M.* «Das Grossmährische Reich»: Realität oder Fiktion? Eine Neuinterpretation der Quellen zur Geschichte des mittleren Donauraumes im 9. Jahrhundert. Stuttgart, 1995.
  - 21 *Szöke B. M.* Die karolingische Civitas Mosaburg (Zalavár) // *Europas Mitte um 1000 / A. Wiczorek, H.-M. Hinz, Hrsg., Theiss, 2000.* S. 217–220.
  - 22 *Ibid.* С. 217.
  - 23 *Peschlow U.* Dividing interior space in Early Byzantine churches: the barriers between the nave and aisles / *Sh. E. J. Gerstel – E. J. Sharon,* eds., *Thresholds of the Sacred.* Washington, 2006. P. 53–71. Цит. по: *Szöke B. M.* Mosaburg/Zalavár und Pannonien in der Karolingerzeit // *Antaeus.* 2010. № 31–32. Old. 9–52.
  - 24 *Lehmann E.* Von der Kirchenfamilie zur Kathedrale // *Varia Formae Veritas Una.* Kunsthistorische Studien. Festschrift Friedrich Gerke. Baden-Baden, 1962. S. 21–37. Цит. по: *Szöke B. M.* Mosaburg/Zalavár... Old. 9–52.

- 25 *Szőke B. M.* Die karolingische Civitas Mosaburg... S. 218–219.
- 26 *Szőke B. M.* Mosaburg/Zalavár... Old. 49–52.
- 27 Автор выражает особую благодарность Марице Чунчич, которая не только прочитала эту надпись, но и проконсультировала нас о том, что подобные короткие надписи на осколках керамики широко распространены в Хорватии и демонстрируют, каким образом учились грамоте в начале славянской письменности.
- 28 *Vavřínek V.* Die Christianisierung und Kirchenorganisation Grossmährens, *Historica VII* (Praha, 1963) S. 5–56, 26–27. См. также: *Флоря Б. Н.* Сказания о начале... С. 259.
- 29 *Bogyay Th., von.* «Mosapurc and Zalavár: Eine Auswertung der archäologischen und schriftlichen Quellen» *Südost-Forschungen 14* (1955). S. 349–405, 392.

Kuznetsova A. M.
Cyril and Methodius and Balaton
Principality in the Ninth Century

The article deals with Balaton Principality of the ninth century, whose rulers Pribina and Kocel took an active part in the Christianisation of their subjects. According to the sources of that period, Cyrillo-Methodian mission passed through this principality, as the sources of that time testify. The article presents some results of archaeological excavations on the territory of contemporary Hungary, when, among others, a Glagolitic inscription was found.

Keywords: *Cyrillo-Methodian mission, Slavic alphabet, chronology, archaeology, Pribina, Kocel, Zalavar, the Balaton principality, the Saints' Lives.*

В. С. Ефимова
(Москва)

Об изучении старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах

В статье обосновывается целесообразность изучения старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах, которые формируются из синонимичных и близких по значению старославянских и греческих слов. Целью анализа лексики внутри таких групп является определение приоритетов выбора способов номинации первыми славянскими переводчиками – свв. Кириллом и Мефодием и их учениками и последователями.

Ключевые слова: *кирилло-мефодиевская проблематика, старославянский язык, способы номинации.*

Попытки исследовать старославянскую лексику путем анализа отдельных групп предпринимаются уже давно. Книги известного лексиколога и лексикографа Р. М. Цейтлин основываются на анализе старославянских лексико-семантических групп, которые формируются как бы со словообразовательной точки зрения («морфемные ЛСГ»): в группу включаются слова, либо имеющие общий аффикс, либо имеющие общий корень. На описании групп слов, имеющих общий суффикс, построена монография автора 1977 г.¹, описание некоторых групп слов, имеющих общий корень, дается в ее монографии 1996 г.² Анализу групп слов со значением речи, имеющих общий корень, были посвящены в свое время и наши статьи³.

Изучение старославянской лексики внутри морфемных лексико-семантических групп имеет свои преимущества, о которых писалось в упомянутых работах: оно позволяет более глубоко проникнуть в семантику входящих в группу лексем, по-новому осветить ограниченный круг контекстных значений слов, на основе значений известных восстановить значения, не зафиксированные дошедшими до нашего времени рукописями. Вместе с тем такой анализ почти не выходит за рамки языкового материала рукописей «старославянского канона» и, будучи по существу методом дескриптивной лингвистики и синхронного подхода к языку, не ставит своими задачами ни выяснение происхождения старославянской лексики («старые» ли это лексемы или новообразования), ни определение обстоятельств ее вхождения в старославянский лексический ин-

вентарь, ни рассмотрение приоритетов выбора первыми славянскими переводчиками – свв. Кириллом и Мефодием и их учениками и последователями – способов номинации.

Накопленный к настоящему времени опыт изучения памятников древнеславянской письменности, имеющиеся уже в распоряжении исследователей индексы и словари⁴ позволяют исследовать проблему становления старославянского языка и формирования его лексического инвентаря на качественно ином уровне – перейти от описания фактов языка к их объяснению. А поскольку созданный свв. Кириллом и Мефодием и их учениками и последователями старославянский язык является первым литературным языком славян, такой подход к языку чрезвычайно важен не только в собственно лингвистическом, но и в культурологическом аспекте.

Рассмотрение приоритетов выбора первыми славянскими переводчиками способов номинации (иногда даже и предположение о возможных мотивах этого выбора) становится возможным при анализе старославянской лексики внутри тезаурусных греческо-старославянских групп. Этот подход был уже применен нами на практике при изучении старославянских наименований лиц⁵, но он может быть использован при исследовании и других сегментов старославянского лексикона.

Тезаурусные группы старославянских наименований лиц впервые были выделены Т. И. Вендиной – в монографии 2002 г. «Средневековый человек в зеркале старославянского языка». В своей работе мы учитываем стратификацию старославянской лексики, сделанную Т. И. Вендиной, но формирование и анализ тезаурусных греческо-старославянских групп проводим на иных принципах. Т. И. Вендина сформировала группы исключительно из старославянской лексики по словнику известного (так называемого «малого») Старославянского словаря (по рукописям X–XI вв.) 1994 г.⁶, причем в фокусе ее внимания была, главным образом, лексика мотивированная (производная на уровне старославянского языка). Конечной же целью нашего исследования является объяснение приоритетов выбора книжниками способов номинации, поэтому анализу должен подвергаться в равной мере и старославянский, и греческий материал. Нами тезаурусные группы формируются из синонимичных и близких по значению старославянских и греческих слов, причем в них включаются как греческие соответствия старославянских слов, так и старославянские соответствия греческих слов. В результате границы групп и их конкретное «наполнение» не совсем совпадают с тем,

что было предложено Т. И. Вендиной, – даже в части старославянского материала, а в одной тезаурусной греческо-старославянской группе оказываются синонимичные и близкие по значению старославянские и греческие слова разной формальной и семантической структуры, разного происхождения, разной частотности в текстах, вошедшие в старославянский лексический инвентарь при разных обстоятельствах.

Как уже говорилось, целью нашего анализа тезаурусных групп является объяснение «стратегии» книжников в выборе способов номинации. Как видим, для такого анализа оказываются важными дифференциация старославянской лексики по ее происхождению и выяснение обстоятельств ее вхождения в старославянский лексический инвентарь. Что это значит? Проблеме дифференциации старославянской лексики по ее происхождению посвящен ряд наших работ последних лет⁷. Здесь кратко напомним основные их положения. Старославянский лексический инвентарь имел два основных источника – народную славянскую речь и словотворчество самих книжников. В свое время немало было сказано о народной основе старославянского языка. Более того, еще не так давно старославянский язык рассматривался как чуть ли не письменный вариант праславянского. Однако если такой взгляд на старославянский язык и оправдан в отношении его фонетики и в некоторой мере морфологии, то лексический инвентарь старославянского языка с очевидностью отличается от лексического инвентаря народной славянской речи того времени наличием в нем новой лексики. Из народной славянской речи книжники черпали, главным образом, слова собственно славянского происхождения, и эти слова в старославянском лексическом инвентаре могут представлять праславянский лексический фонд. Также в старославянский лексический инвентарь из народной славянской речи попадали и старые заимствования, усвоенные народным языком до времени кирилло-мефодиевских переводов (то есть не в процессе перевода текста). Эти заимствования могли иметь не общеславянское распространение. Среди них и заимствованные целиком из древнебългарского тюркизмы типа самъзнн⁸, и старые германизмы типа мѣтаѣ⁹, и старые латинизмы типа цѣсаѣ¹⁰, и заимствованные устным путем грецизмы.

К новой старославянской лексике относится, конечно, некоторое количество грецизмов, которые вводились книжниками в старославянский лексический инвентарь в процессе перевода (то есть в процессе «текст → текст»). Однако их относительно немного, к тому же

эти заимствования были для переводчиков почти безальтернативной необходимостью: большинство гречизмов используется для номинации тех денотатов греческих лексем, которые не были известны или были мало известны славянам того времени, – стран, городов, народов, культовых предметов, персон, занимающих малознакомые славянам должности, имеющих чины, саны и т. п. Большая же часть новой старославянской лексики – результат словотворчества самих книжников. Эта лексика создавалась древними книжниками разными способами: и путем деривации по славянским словообразовательным моделям, и путем калькирования или с элементами калькирования (так называемые «частичные кальки»). Однако процедура калькирования осуществлялась также с использованием славянских словообразовательных моделей, то есть на калькирование налагались правила славянского словообразовательного механизма. (Аналізу этих процедур был посвящен ряд наших работ последних лет¹¹.)

К словотворчеству книжников можно отнести и расширение семантического объема слов народной славянской речи – довольно широко использовавшийся ими для целей перевода прием¹². Однако эти слова употреблялись в текстах как в новых значениях, так и в старых, присущих им в народном языке, поэтому формально, в качестве словарных единиц, их можно считать старыми славянскими лексемами. В соответствии с вышесказанным мы видим основную дихотомию старославянского лексического инвентаря: принципиальное значение имеет, было ли слово взято в него в готовом виде (из народной ли славянской речи, либо заимствовано) или оно было создано какими бы то ни было способами самими книжниками.

Далее. Старославянский лексикон формировался постепенно по мере выполнения свв. Кириллом и Мефодием и их учениками, а затем их последователями переводов с греческого, а потом и с латинского. Поэтому для объяснения приоритетов выбора книжниками способа номинации в процессе перевода оказывается необходимым выяснение обстоятельств вхождения переводящей лексемы в старославянский лексический инвентарь. Дело в том, что слово, введенное в старославянский лексический инвентарь из народной речи или созданное самими книжниками для перевода определенного греческого слова определенной морфемной структуры, затем могло употребляться для перевода и других греческих слов, другой морфемной структуры. Это очень важное наблюдение впервые сделала, кажется, Э. Благова¹³. Она сделала это наблюдение в отношении старославянских калек-композигов, но оно справедливо и в отношении слов

другой морфемной структуры. Поскольку до нашего времени, как известно, дошли далеко не все старославянские тексты, особенно в древнейших списках, не всегда в последних слова, созданные книжниками для перевода определенных греческих слов, употребляются для перевода именно их, а не других слов, с другой морфемной структурой. Возьмем для примера наименования лиц с суффиксом *-tel'(b)*. Если в переводе Евангелия эти наименования передают греческие наименования как с суффиксом *-της*, так и с другой морфемной структурой¹⁴, то постепенно в эпоху формирования старославянского языка намечается явная тенденция к переводу греческих наименований с суффиксом *-της* наименованиями с суффиксом *-tel'(b)/-itel'(b)*, особенно к использованию этой словообразовательной модели при создании наименований самими книжниками¹⁵. Не всегда это соответствие выявляется в рамках круга сохранившихся до наших дней древнейших рукописей. Так, в круге рукописей «старославянского канона» сущ. *правнтелѣ* встречается лишь однажды: это гапакс Супрасльской рукописи, где оно используется для передачи греч. ὁδηγός ‘вождь, предводитель’ (то есть слова без суффикса *-της*) в метафорическом употреблении. Ср.: Ὡ ἀσθένεια ἀρρωστούτων ἰατρέ, πίστεως ὁδηγέ, θανάτου ἀντίπαλε... – (Ⓔ) болѣзнь болаштннм . врачюу . вѣрѣ правнтелю . смърьтн сппостате . (Супр 313, 9). Однако слово *правнтелѣ* встречается и у Иоанна Экзарха Болгарского, творившего в то же время, когда переводились и редактировались произведения, входящие в Супрасльскую рукопись. Находим это слово в «Богословии» Иоанна Экзарха, древнейшая из сохранившихся рукописей которого – древнерусская конца XII – начала XIII в. Там сущ. *правнтелѣ* соответствует как субстантивно употребленному причастию *κυβερνῶν* (л. 39а 4), так и существительному с суффиксом *-της* *κυβερνήτης*. Ср.: Εἶς τοίνυν ἐστὶ Θεός, τέλειος, ἀπερίγραπτος, τοῦ παντός ποιητής, συνοχεύς τε καὶ *κυβερνήτης* – едннзъ естъ бѣ съвършенъ , неупнсанъ , всемоу творецъ , съдръжтан н *правнтель* възшнн (л. 39b 4–5). Встречается сущ. *правнтелѣ* и в «Шестоднев» Иоанна Экзарха, в древнейшей из сохранившихся рукописей – древнесербской 1263 г.: н тако вѣроуемъ . яко же тн хзытрнн *правнтеле* сказаше . (л. 37с 20), хотя о греческом соответствии здесь мы судить не можем, так как греческий текст к этому пассажиру не подобран. Ввиду того, что со времен Н. Ван Вейка палеослависты отмечают совпадение характерной лексики Супрасльской рукописи с характерной лексикой произведений Иоанна Экзарха¹⁶, мы можем предполагать, что ст.-слав. *правнтелѣ* – слово Иоанна Экзарха, созданное им для

передачи греческого наименования с суффиксом *-της κυβερνήτης* ‘кормчий, рулевой; руководитель, правитель’.

Количество подобных примеров можно увеличивать.

Взаимоотношения между лексемами в разных тезаурусных группах оказываются разными. Сравним две группы наименований лиц – группу «властвующих и управляющих» и группу наименований, отражающих духовно-нравственную характеристику личности.

В группе наименований «властвующих и управляющих» наблюдается преобладание «старых», почерпнутых из народной славянской речи, лексем (владыка, князь, цесарь, воєвода), каждая из которых используется для перевода целого ряда греческих лексем и демонстрирует высокую частотность. Много и новообразований, некоторые из которых вошли в старославянский лексический инвентарь уже при переводе Евангелия и были созданы, видимо, самими переводчиками (то есть свв. Кириллом и Мефодием). Другие новообразования появляются несколько позже и обязаны своим существованием, возможно, словотворчеству преславских книжников. Однако новообразования по большей части малочастотны.

Слово праславянского происхождения владыка с уникальным (то есть уже не продуктивным в ту эпоху) суффиксом используется для перевода целого ряда греческих слов разной морфемной структуры и разных – хотя и близких – значений: ἡγεμών, δεσπότης, ἡγουμένος, κρατῶν. Также для перевода целого ряда греческих слов используется «старый» германизм князь: ἄρχων, βασιλεύς, ἡγεμών, τύραννος, μεγίστων, κόμης. «Старый» латинизм цесарь в более общем значении ‘правитель, владыка’ переводит греческие ἄρχων, βασιλεύς, κύριος, при номинации кесаря, римского императора – καίσαρ, βασιλεύς, αὐτοκράτωρ, δεσπότης, τύραννος. Эти почерпнутые из народной речи наименования – владыка, князь, цесарь – употребляются и в переводе Евангелия (в том числе уже и Евангелия-апракоса), и в переводе Псалтыри. В переводе Евангелия-тетра появляется сложение праславянского происхождения воєвода, которое в старославяnskих текстах выступает чаще в своем вторичном значении ‘правитель, владыка’ – при передаче греческих ἡγεμών, ἡγουμένος, ἄρχων, στρατηγός. Слова владыка, князь, цесарь, воєвода высокочастотны, в то время как их синоним властель употребляется крайне мало¹⁷, хотя, видимо, это – одна из немногих старославяnskих лексем с суффиксом *-tel'(b)*, относящихся к праславянскому лексическому фонду¹⁸.

Высокочастотны также архаичное сложение *господь*, которое в некоторых случаях имеет значение ‘господин, хозяин’, и образованное от него с суффиксом *-in(ь)* сущ. *господнѣ*. Эти слова переводят ряд греческих лексем – *κύριος, δεσπότης, οἰκοδεσπότης* – с разными оттенками в значениях. Также целый ряд греческих слов с разными оттенками значений и различной морфемной структуры – *ὁ πρῶτος, ὁ προεστῶς, ἄρχων, ἀρχηγός, ἀφηγούμενος* – переводит «старое» существительное с суффиксом *-in(a)* старѣншина, образованное от основы косвенных падежей компаратива старѣн.

Гораздо менее частотными оказываются в этой тезаурусной группе наименования лиц с продуктивными суффиксами *-ьnik(ь)* и *-tel(ь)*: *прнставьнкъ (ἐπίτροπος, οἰκονόμος)*, *сзвѣтънкъ ‘член Совета’ (βουλευτής)*, *стронтеѣ (κηδεμών, οἰκονόμος)* в значении ‘управитель’, а также *мѣчнтелѣ*, которое вошло в старославянский лексический инвентарь при переводе Евангелия как словообразовательно мотивированное в значении ‘мучитель, палач’ (для передачи греч. *βασανιστής*), но в относительно более поздних переводах могло приобретать (переносное) значение ‘владыка, властелин’ – при переводе *ἡγεμών* или *τύραννος*. Еще менее частотны кальки с греческого – двукорневые композиты, хотя по количеству лексем они занимают в этой группе значительное место: *мнрѣдрѣжнтелѣ (κοσμοκράτωρ)*, *самовластьць (αὐτοκράτωρ)*, *самодръжнтелѣ (αὐτοκράτωρ)*, *самодръжьць (αὐτοκράτωρ)*, *четвьртовластьнкъ (τετραάρχης)*, *четвьртовластьць (τετραάρχης)*.

Слова *прнставьнкъ (ἐπίτροπος, οἰκονόμος)* и *сзвѣтънкъ (βουλευτής)* вошли в старославянский лексический инвентарь уже при переводе Евангелия и, возможно, образованы самими переводчиками (то есть свв. Кириллом и Мефодием), хотя и не являются кальками с греческого, так как их морфемно-семантическая структура не аналогична структурам их греческих соответствий¹⁹. Не аналогична морфемно-семантическая структура структурам греческих соответствий и у слова *стронтеѣ (κηδεμών, οἰκονόμος)*, хотя оно тоже могло быть новообразованием – но, видимо, несколько более поздним, возможно, преславских книжников, так как появляется в Супрасльской рукописи и других произведениях, связанных с Преславской школой²⁰.

Относительно высокую частотность демонстрируют два книжных грецизма – *нѣмонъ (ἡγεμών)* и *нгоуменъ (ἡγούμενος)*, хотя вообще грецизмы в этой тезаурусной группе малочастотны. Представлены они, главным образом, наименованиями имперских

чиновников разных рангов: тетрархъ/тетраархъ (тетραρχης), антнпатъ (ἀνθύπατος), комнсъ (κόμης), антнграфенсъ (ἀντιγραφεύς), доместнкъ (δομέστικός), епархъ (ἐπαρχος), магнстрннъ (μαγιστριανός), палатнн и палатннъ (Παλατίνος).

С другой стороны, греч. ἡγεμών переводится не только словом праславянского происхождения владыка, но и другими словами разной морфемной структуры и разного происхождения: словами праславянского происхождения воєвода и вождь в значении 'правитель, владыка', «старым» германизмом кзнась, грецизмом нгѣмонъ, словом с продуктивным суффиксом *-tel'(b)* мѣнтелѣ, созданным, возможно, самими переводчиками Евангелия²¹. Греч. δεσπότης переводится не только словом владыка, но и другими словами праславянского происхождения: господь, господннъ, творьць; Gen. τοῦ δεσπότηου переводится образованным от властелѣ прилагательным властельскъ. Переводится греч. δεσπότης также и словом с продуктивным суффиксом *-tel'(b)* знжднтелѣ (Супр 484, 27), созданным, возможно, самими книжниками. Греческое соответствие слова владыка ἡγούμενος передается не только им, но и «старым» сложением воєвода, и грецизмом нгоуменъ. И т. д.

Мы видим в этой тезаурусной группе и конкуренцию разных способов номинации, отраженную в конкуренции словоупотреблений. Грецизмы составляют конкуренцию – хотя и слабую – «старым» лексемам, почерпнутым из народной речи: ἡγεμών переводится как владыка, воєвода, вождь, кзнась, но также и грецизмом нгѣмонъ; грецизм нгоуменъ конкурирует в передаче греч. ἡγούμενος со «старыми» лексемами владыка и воєвода. Кальки с греческого четвьртовластьннкъ и четвьртовластьць конкурируют с грецизмом тетрархъ/тетраархъ. Кальки с греческого αὐτοκράτωρ самовластьць, самодръжнтелѣ, самодръжьць конкурируют между собой (как образования с разными суффиксами на базе разных опорных компонентов) и со «старым» латинизмом цѣсарѣ. Со «старыми» лексемами конкурируют новообразования: греч. δεσπότης передается как «старым» творьць, так и новым знжднтелѣ. Более позднее новообразование стронтелѣ конкурирует в передаче греч. οἰκονόμος с новообразованием прнставьннкъ.

В целом в отношении этой тезаурусной группы нельзя не отметить следующего: наряду с тенденцией создания новой лексики у переводчиков было явное стремление обходиться – там, где это было уместно – лексикой «старой». Эти лексемы не только более частотны (причем в значительной степени), но и используются, как правило, для передачи нескольких греческих соответствий, то есть исполь-

зается широкий семантический спектр «старых» слов, почерпнутых книжниками из народной славянской речи.

Если мы обратимся к группе наименований, отражающих духовно-нравственную характеристику личности, мы увидим, что основное различие в способах номинации здесь существует между наименованиями лиц, положительно или отрицательно маркированными безотносительно к христианской морали, и наименованиями лиц, связанными с новой христианской моралью. Наименования лиц, положительно или отрицательно маркированные безотносительно к христианской морали (главным образом, отрицательно: эти наименования являют довольно широкий спектр «общечеловеческих» пороков), были почерпнуты книжниками из народной славянской речи. По своей морфемной структуре это – древние имена с общеименной суффиксацией, существительные с непродуктивными в старославянском языке (то есть не используемыми книжниками для создания новых слов) суффиксами (в том числе и существительные м. р. с основой на *-a*), «старые» префиксальные и двукорневые сложения. Формальные и семантические структуры подлежащих переводу греческих лексем не оказывали здесь, как правило, влияния на выбор книжниками славянской лексемы: перевод осуществлялся «по смыслу», принималось во внимание соответствие только тех значений лексем, которые были актуальны для перевода. Ср.: *ὁ πλάγος* – льстыць (Мт 27, 63, хотя позже этим словом переводится и *ληστῆς* – в Супр 245, 23, *κολακευτής* в Супр 71, 18–19), *ὁ πονηρός* – zъaz(зи)н (Мт 5, 45; Супр 415, 29), *ὁ μαχιώτερος* – которнчь (Супр 46, 16), *ὁ μεθών* – пняннца и пьяннца (Мт 24, 49; Супр 564, 16), *ὁ ἄλλιος* – окаянз (Супр 66, 17), *οὐρά* – опашь (Супр 74, 30), *ὁ μοιχός* – прѣлюводѣн (Л 18, 11), но *ὁ ἀγαθός* – благз(зи)н (Мт 5, 45), *ὁ μωρός* – боун (Пс 93, 8; Евх 45б 4; Евх 82б 11), *ὁ λῆρος* – продз (Супр), *φονεύς* – оубннца (Мт 22, 7) и оубонца (Супр).

Среди наименований, значения которых связаны с новой христианской моралью, преобладает новая старославянская лексика. Греческими соответствиями новых старославянских слов часто являются имена, не содержащие маркирующих частеречных суффиксов и употребляемые как в качестве прилагательных, так и в качестве существительных: *δίκαιος*, *ἄδικος*, *ἁμαρτωλός*, *ἄνομος*, *ἀμαθής*, *ἀνελεήμων*, *ἀσεβής* и др. Старославянские соответствия – это и существительные, содержащие маркирующий частеречный суффикс (чаще всего суффикс *-(ъ)ик(ъ)*), и субстантивно употребляемые прилагательные. (То есть в этой подгруппе наименований широко рас-

пространен такой способ номинации, как субстантивное употребление прилагательных, и в этом язык старославянского перевода сходен с языком греческого оригинала.) Вариативность номинаций типа *правѣднѣ(зи)н* – *правѣдннкѣ*, *неправѣднѣ(зи)н* – *неправѣдннкѣ* составляет отдельную проблему, которой мы сейчас касаться не будем.

В вопросе о происхождении наименований, значения которых связаны с новой христианской моралью, можно отчасти согласиться с Н. Молнаром о влиянии на их образование греческих соответствий²². Например, в случае с *неправѣднѣ(зи)н* ‘несправедливый, неправедный человек’ наличие в греческом соответствии ἄδικος отрицательного префикса α- влияло на выбор лексемы с отрицательным префиксом *ne-*. Это подтверждается словоупотреблением в Саввиной книге, известной своими инновациями в направлении использования средств выражения народной славянской речи: в стихе Мт 5, 45 во всех старших списках Евангелия кроме Саввиной книги ἄδικος переводится субстантивно употребленным прил. *неправѣднѣ*, но в Саввиной книге здесь субстантивно употреблено прил. *обндѣлнѣ(зи)н* – славянское слово, производное от гл. *обндѣти*, морфемная структура которого не совпадает с морфемной структурой греческого соответствия. Ср.: ὅτι... βρέχει ἐπὶ δίκαιους καὶ ἄδικους, – ꙗко ... дѣждѣнтѣ на правѣднѣ(зи)н . и неправѣднѣ(зи)н . Зогр, Мар, Ас – ꙗко ... дѣждѣнтѣ на правѣднѣ(зи)н . н *обндѣлнѣ(зи)н* . Сав²³. То есть редактором евангельского текста, сохраненного Саввиной книгой, прил. *неправѣднѣ* было заменено на *обндѣлнѣ(зи)н*. Но это также значит, что несмотря на то, что в распоряжении переводчиков Евангелия был славянский глагол *обндѣти* (который, кстати, неоднократно ими использовался для перевода глагола ἀδικεῖν ‘совершать несправедливость, преступление; грешить’), от которого регулярно производится прилагательное с суффиксом *-iv-* *обндѣлнѣ(зи)н*, для перевода греч. ἄδικος они предпочитали употреблять слово, более близкое ему по морфемной структуре, а именно *неправѣднѣ(зи)н*.

Под влиянием структур греческих соответствий книжные образы образовывали номинирующие праведников и грешников двукорневые композиты: εὐσεβής – *благочѣстьнѣ(зи)н* ‘набожный, благочестивый человек’ (Супр 506, 18), θεάρετος – *богогоднѣ(зи)н* ‘угодный Богу человек’ (Супр 327, 3). Субстантивно употребленные греческие прилагательные и причастия переводились ими субстантивно употребленными прилагательными и причастиями старославянскими, хотя при этом не всегда морфемное и семантическое соответствие бывало точным. (Например: εὐσεβῶν –

благовѣрнѣи. Ср.: καὶ πολλὸς ὁ θυμὸς καὶ θηριώδης παρὰ τῶν κριτῶν τῆς ἀδικίας κατὰ τῶν εὐσεβούντων κекίνητο – н многа ѣрость зѣврѣнѣска двнѣаше сѧ . отъ неправеднѣиныхъ на благовѣрнѣи – Супр 85, 11.) На раннем этапе становления старославянского языка такие двукорневые композиты еще не отличались высокой частотностью.

Также несомненно влияние структур греческих соответствий на образование книжниками несколькословных номинаций: ὁ καθαρὸς τῆ καρδίᾳ – чнстѣ(зин) срьдьцемь, ὁ εὐθής τῆ καρδίᾳ – правѣ срьдьцемь, ὁ οἰκεῖος τῆς πίστεως – прнснѣи вѣроѣ, ὁ εὐχῆ προσίων – прнходѧн кѣ молнтвѣ, ὁ σέβων τὸν παντοκράτορα Θεόν – чѣтѣи вседръжн-телѧ вога и др. Например: ὥστε καθαρὸν ὀργῆς εἶναι τὸν εὐχῆ προσιόντα. – да чнстѣ бѣдет гнѣва кѣ молнтвѣ прнходѧн . (Супр 407, 4); Ἔτους ὀκτώκαδεκάτου... Σαβωρίου βασιλέως Περσῶν, αὐτὸς Σαβωρίος διωγμὸν ἐποίησε κατὰ τῶν ἐκκλησιῶν τοῦ Χριστοῦ καὶ τῶν σεβόντων τὸν παντοκράτορα Θεόν: ... – вѣ лѣто осмонадесатое црѣ перьска саворѧ . гоненне бѣстѣ на црѣквн хрнстосовѣи . н на чѣтѣштѧ вседръжнтелѧ во[во]га . (Супр 254, 30).

Влияние греческого оригинала могло выражаться не только в процедуре калькирования. Так, возвращаясь к упоминавшемуся уже в связи с наименованием овндѧнѣи глаголу овндѣти, укажем и на другое образованное от него наименование со значением ‘неправедный человек’, а именно на субстантивно употребленное причастие овндѧн, переводящее субстантивно употребленное причастие ἀδικῶν. Ср.: ὁ θεὸς μου, ῥῦσαί με... ἐκ χειρὸς παρανομούντος καὶ ἀδικοῦντος: – бѣ же moi избави мѧ... нѣ-д-рѣкѣи законпрѣстѣпнаго | овндѧнштаго. (Пс 70, 4 Син). При наличии общего значения у ἀδικῶν и овндѧн здесь нет соответствия в морфемной и семантической структурах греческого и старославянского слова, но морфологический статус субстантивно употребленного причастия овндѧн аналогичен тому, что видим в греческом оригинале, и это словоупотребление также явно находится под влиянием последнего.

Таким образом, выявление взаимоотношений внутри группы близких по значению греческих и старославянских слов различной формальной и семантической структуры и разного происхождения с учетом обстоятельств вхождения их в старославянский лексический инвентарь позволяет не только уточнять их значения, но и попытаться объяснить «стратегию» книжников в выборе способов номинации. Мы видим, что она была разной в разных тезаурусных греческо-старославянских группах. Приоритеты выбора способов номинации

менялись по мере становления старославянского языка, расширения круга переводимых текстов, перемещения переводческой деятельности в новые центры, появления новых «авторитетных лиц» в среде славянских книжников. Тем самым становится очевидной целесообразность изучения старославянской лексики внутри тезаурусных греческо-старославянских групп.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.
- 2 *Цейтлин Р. М.* Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв.: Проблемы и методы. М., 1996.
- 3 *Ефимова В. С.* Лексика со значением речи в старославянском языке. I. Слова с корнями *-вѣт-*, *-вѣстѣд-*, *-каз-* // Славяноведение. 1996. № 1. С. 18–30; *Ефимова В. С.* Лексика со значением речи в старославянском языке. II. Слова с корнями *-рек-*, *-глас-*, *-глагол-* // Славяноведение. 1997. № 5. С. 22–33.
- 4 *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1958–1997. T. I–IV; *Indexy k staroslověnskému slovníku.* Praha, 2003; продолжающаяся публикация словарей и индексов: *Etymologický slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1989. Seš. 1; *Řecko-staroslověnský index.* Praha, 2008. T. I; *Речник на црковнословенскиот јазик од македонска редакција.* Скопје, 2006. T. I; *Rječnik crkvenoslavenskoga jezika hrvatske redakcije.* Zagreb, 1991.
- 5 *Ефимова В. С.* Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора. М., 2011.
- 6 *Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
- 7 *Ефимова В. С.* Влияние греческого языка на формирование лексического фонда старославянского языка // *Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект.* М., 2007. С. 196–244; *Ефимова В. С.* К вопросу о способах номинации лица в старославянском языке // *Slavia.* Roč. 78. Praha, 2009. S. 349–35; *Ефимова В. С.* Некоторые наблюдения над номинацией лиц в старославянском евангельском тексте (на материале древнейших кодексов) // *Язык Библии: лингвотекстологические исследования.* М.; СПб., 2012. С. 27–46; *Ефимова В. С.* О проблеме диф-

- ференциации старославянского лексического инвентаря (в поисках кирилло-мефодиевских переводов) // Славянский альманах. 2012. М., 2013. С. 29–42 и др.
- 8 *Дыбо А. В.* Булгары и славяне: фонетические явления в ранних заимствованиях // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлева. М., 2011. С. 134.
  - 9 Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1999. Seš. 9. S. 511.
  - 10 Ibid. Seš. 2. S. 93.
  - 11 *Ефимова В. С.* О старославянском калькировании как специфическом способе словообразования // *Byzantinoslavica*. 2007. Т. LXV, Fasc. 2. S. 117–128; *Ефимова В. С.* Наименования лиц в старославянском языке... С. 12–26 и др.
  - 12 Такое расширение для целей перевода семантического объема слов народной славянской речи Р. Вечерка назвал случаем «эксцессивной семантической идентификации» (*excessive semantic identification*), а Е. М. Верещагин – «транспозицией». См.: *Večerka R.* The Influence of Greek on Old Church Slavonic // *Byzantinoslavica*. 1997. Т. LVIII. Fasc. 2. S. 368; *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997. С. 40–41. Е. М. Верещагин рассматривал эту процедуру только в применении к термину.
  - 13 *Bláhová E.* Kompozita v staroslověnské terminologii // *Slavia*. Roč. 65. Praha, 1996. S. 261.
  - 14 Ср. перевод в евангельском тексте а) греческих наименований с суффиксом -της: βαπτιστής – крѣстнѣлѣ, βασιανιστής – мѣштѣлѣ, ἐργάτης – дѣлатѣлѣ, εὐεργέτης – благодѣтелѣ, θεριστής – жнѣлѣ, μεριστής – дѣланѣлѣ, πολίτης – жнѣлѣ, προδότης – прѣдѣтелѣ; б) греческих наименований с другой морфемной структурой: γεωργός – дѣлатѣлѣ, γονεύς – роднѣлѣ, διδάσκαλος – оучнѣлѣ, μάρτυς – свѣдѣтелѣ, νομοδιδάσκαλος – законооучнѣлѣ, πειράζων – нскоучнѣлѣ, προσαίτης – проснѣлѣ.
  - 15 Частое соответствие слов с суффиксом *-tel'(ь)* греческим с суффиксом -της было замечено еще Р. М. Цейтлин: «Греч[еские] соотв[етствия] слов данной группы имеют обычно суффиксы] -της или (реже) -ος, в отдельных случаях и некоторые другие производные или простые слова» – см.: *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка... С. 105. Подробнее о соотношении этих суффиксов см.: *Ефимова В. С.* Наименования лиц в старославянском языке... С. 56–72.

- 16 *Благова Э.* Лексика Супрасльской рукописи и лексика Иоанна Екзарха // Проучвания върху Супрасълския сборник – старобългарски паметник от X век. София, 1980; *Илиева Т.* Наблюдения върху лексиката на Богословието в превод на Йоан Екзарх // *Palaeobulgarica*. XXIX. София, 2005. № 2. С. 36–60; и мн. др.
- 17 Сущ. *властѣль* входит в старославянский лексический инвентарь в тексте Евангелия-апракоса, но при переводе греч. ὑπὸ ἐξουσίας τασσόμενος ‘подвластный’ в составе выражения *подъ властелн оуниѣнъ* (Л 7,8). В круге рукописей «старославянского канона» *властѣль* встречается еще только однажды – в Супрасльской рукописи, где переводит греч. ἑπαρχος (Супр 354, 5–6).
- 18 *Ślawski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego / Słownik prasłowiański / Pod red. F. Ślawskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. T. 2. S. 50–51.
- 19 *Ефимова В. С.* Наименования лиц в старославянском языке... С. 136–137.
- 20 *Slovník jazyka staroslověnského.* Praha, 1985. Seš. 38. S. 183; *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. М., 1989. Т. 3. Ст. 552–554.
- 21 *Ефимова В. С.* Наименования лиц в старославянском языке... С. 64.
- 22 Н. Молнар вообще считал и *неправъдънъ*(зн), и *неправъдъннкъ*, и многие другие подобные слова поморфемными кальками – «real structural calques». См.: *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985.
- 23 Ср. также и другие случаи употребления прил. *обндънвъзн* в соответствии с ὄδικος в более поздних списках со старославянских протографов. См.: *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. 1989. Т. 2. Ст. 504.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Ас – Ассеманиево евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Kurz J.* Evangeliiâř Assemaniŭv. Praha, 1955.

Зогр – Зографское евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Jagić V.* Quattuor evangeliorum codex glagoliticum dim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.

Мар – Мариинское евангелие, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Ягич И. В.* Мариинское четвероевангелие. Graz, 1960.

Сав – Саввина книга, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века / Изд. подг. О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. М., 1999. Ч. I.

Син – Синайская псалтырь, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Северьянов С. Н.* Синайская псалтырь. Graz, 1954.

Супр – Супрасльская рукопись, старославянская рукопись X–XI вв.; изд.: *Severjanov S.* Codex Suprasliensis / Editiones monumentorum slavlicorum veteris dialecti. Graz, 1956. Vol. I–II; *Заимов Й., Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982–1983. В 2 т.

Yefimova V. S.

Concerning Studying of the Old-Slavonic Vocabulary
in the Thesaurus Greek-Old-Slavonic Groups

In the present article, the author substantiates the necessity of investigation of the Old-Slavonic vocabulary in the thesaurus Greek-Old-Slavonic groups, which are formed by synonymic and lexically similar meanings of the Old-Slavonic and Greek words. The purpose of this analysis of the lexical inventory inside of such groups is the detection of the priorities in the choice of nomination methods by the first Slavonic translators Ss. Cyrill and Methodius and by their pupils and disciples.

Keywords: *Cirillo-Methodian problematics, Old-Slavonic language, nomination methods.*

П. Станковска
(Любляна)

Антифоны и библейские тексты в хорватских глаголических бревиариях

В статье рассматриваются антифоны, которыми отделяются части литургических гомилетических чтений на литургии часов, в том виде, как они известны по хорватским глаголическим бревиариям, возникшим до XV в. Путем сравнения библейского текста, находящегося в тексте антифонов, с древнейшим старославянским переводом и с библейскими чтениями в хорватских глаголических бревиариях и миссалах автор заключает, что в антифоны первоначально был взят библейский текст в старославянском переводе.

Ключевые слова: *хорватский глаголический бревиарий, антифоны, респонсории, перевод библейского текста.*

Антифоны поются в форме восклицания и ответа, и таким образом в литургии отделяются ее части. На литургии часов антифоны поются между отдельными библейскими или гомилетическими чтениями – и тогда, как правило, называются респонсориями – и литургическими стихами, содержание которых связано с характером литургического дня или периода. Текст часто состоит из библейских цитат в форме полных стихов или кратких кусков нескольких библейских стихов, которые в своем содержании следуют предшествующей или следующей перикопе. Так, например, во время Адвента их содержание в основном берется из пророческих текстов (которые читаются также в виде библейских чтений в данный период года), во время Великого поста – часто из исторических книг Ветхого завета, но, конечно, также из Псалтыри, Евангелий и других ветхозаветных и новозаветных книг.

В этой статье мы рассмотрим литургические стихи, состоящие полностью или частично из библейских цитат, которые следуют за отдельными гомилетическими чтениями. В обоих случаях – при использовании и полных стихов, и кусков библейских стихов – они основаны непосредственно на библейских текстах, и поэтому их можно с ними сравнивать. Особое значение это имеет при исследовании хорватского глаголического бревиария с целью определения версии славянского библейского перевода, которая в них заключается. В некоторых случаях такое сравнение может помочь при обсуждении

вопроса, какой вариант славянского перевода Библии первоначально входил в хорватский глаголический breviарий. Если хорватские глаголиты в процессе перевода антифонов с латинского встречали библейский текст, они должны были либо самостоятельно его перевести на церковнославянский, либо использовать славянскую версию библейского текста, который они знали наизусть. В последнем случае при таком цитировании, конечно, получались небольшие отклонения, которые могут быть разными в разных текстах: например, текст Псалтыри, наверное, переводчики и переписчики хорошо знали наизусть, также и часто повторяемые отрывки из ветхозаветных и новозаветных перикоп, поэтому более вероятно, что эти тексты могли быть процитированы более точно, чем другие, которые глаголиты не повторяли столь часто. И если мы предполагаем, что древнейший известный хорватским глаголитам старославянский библейский перевод входил в антифоны, то это была, конечно, версия перевода, хорошо известная глаголитам, которой они обычно пользовались в литургии.

До нашего времени сохранилось почти 30 кодексов и более чем 100 фрагментов хорватского глаголического breviария, относящихся к периоду до конца XV в. (Pantelić 2000). Из этого факта следует, что breviарий в хорватско-глаголической версии в течение почти трех веков своего несомненного существования имел богатую текстологическую традицию. Изучение breviария показывает, что его хорватско-глаголическая версия возникла, скорее всего, в XIII в. (вероятно, в его середине¹) как перевод латинского breviария. Этот первоначальный вариант хорватского глаголического breviария был, возможно, на рубеже XIII и XIV вв., ревидирован по латинским кодексам с немножко измененным содержанием и в некоторых рукописях (рукописи так называемой южной текстологической группы) дополнительно правлен с установкой на сильную латинизацию (Stankovska 2013), которая стирает многие следы использованного первичного старославянского перевода.

Как следует из результатов предыдущих исследований хорватских глаголических breviариев, библейские тексты встречаются в них в нескольких формах, проникших в эти книги по-разному: либо они были перенесены в них в древнем славянском переводе с греческого, либо первоначально переведены с латинского – вероятно, в процессе составления хорватско-глаголической версии breviария на основе латинского breviария. Breviарий содержит полную Псалтырь с кантами и части библейского текста в форме литургических

лекций (отрывков ветхозаветных текстов, Апостола и Апокалипсиса) или инципитов евангельских чтений (одного или двух начальных стихов чтения определенного дня)². Библейские цитаты появляются также в виде литургических стихов и, конечно, библейских цитат в патристических текстах; в некоторых случаях они являются единственной средой их присутствия в брeвиарии (и часто также в миссале).

На использование древнего славянского перевода с греческого в хорватских глаголических брeвиариях несомненно указывают некоторые перикопы из следующих частей Библии: книги пророка Ионы (Ribarova 1987), книги пророка Иоила (Bauerová 1987), книги пророка Иезекииля (Тасева 1997) и др., а также (из текстов Нового Завета) Евангелия от Иоанна (Алексеев 2008), которые в некоторых случаях демонстрируют следы преславской редакции (Ribarova 1987; Петков, Димитрова 2004; Stankovska 2012 и др.). Но следы перевода с греческого в большой группе памятников в текстовой традиции были устранены – первый раз частично в процессе создания хорватского глаголического брeвиария, а позже – во время последовательного редактирования с сильной латинизацией, связанной, вероятно, с пересмотром содержания брeвиария на рубеже XIII и XIV вв. или в первой половине XIV в.

Другие библейские тексты в хорватском глаголическом брeвиарии находим лишь в переводе с латинского. Незначительные различия свидетельствуют только о принадлежности отдельных рукописей двум текстологическим линиям хорватского глаголического брeвиария³. Это, например, чтения из книги Маккавейской (Badurina-Stipčević-2006), Есфири (Badurina-Stipčević 2012), Иудифи (Hamm 1958), а также и некоторые другие.

Библейский текст в литургических стихах – его форма, происхождение и текстологические взаимоотношения. Библейский текст в литургических стихах может дать нам информацию о том, какой версией славянского перевода Библии могли пользоваться хорватские глаголиты. Литургические стихи были, наверное, в процессе перевода или составления хорватского глаголического брeвиария переведены отдельно, без дополнительного библейского контекста. Если показалось бы, что здесь есть видимые следы некоторой редакции церковнославянского библейского перевода, мы могли бы быть почти уверены, что именно в этой редакции тексты были доступны глаголитам. Но также мы должны допускать возможность,

что некоторые литургические стихи могли быть переведены дополнительно, например, в ходе ревизии содержания breviария, вероятно на рубеже XIII и XIV вв.

В принципе библейский текст интегрирован в литургические стихи тремя способами: (1) как полная цитата целого стиха, (2) компиляция из нескольких частей различных стихов (от двух до пяти библейских стихов), (3) парафраз библейского текста. Для поиска славянской версии библейского текста, который используется в литургических стихах, подходят лишь антифоны типа (1) и (2), так как парафразированные тексты (3) было бы сравнивать трудно и в результате малоубедительно.

Библейский текст цитирован полностью. (1) Полная цитация библейского текста является наиболее частой для псалтырных и пророческих текстов, часто ее встречаем также и при цитации новозаветных текстов. Эти тексты затем появляются в антифонах либо (а) в версии, известной из рукописей славянской традиции (Псалтырь, тетраевагелия, апракосы, паримейники, сборники), или (б) в старославянской версии со следами правки по латинскому тексту, которая, как правило, касается прежде всего синтаксиса и значительно реже лексики, или (в) в форме, в которой нет видимых следов оригинального старославянского перевода, и, следовательно, они могли возникнуть независимо, как прямой перевод с латинского в процессе составления пленарного хорватского глаголического breviария⁴. Breviарные тексты приводим в транскрипции из второго Новлянского breviария с добавлением только текстологически релевантных вариантов из сохранившихся breviариев⁵, текст миссала цитирован по изданию Хрвоева миссала (Štefanić 1973). Выделенные жирным шрифтом и подчеркиванием места показывают влияние латинского оригинала; только жирным шрифтом выделены разночтения, известные по старославянскому библейскому переводу.

(1a) антифоны, состоящие из полных библейских стихов в форме, известной по старославянской традиции.

Эта категория включает в себя полностью псалтырные цитаты, а также цитаты из других частей Библии, которые почти всегда показывают хотя бы минимальные изменения, в основном латинизирующей природы. В качестве примера мы выбираем респонсории и литургические стихи, находящиеся между гомилетическими чтениями во второе воскресенье после Богоявления (Пс 24: 1–2 и Пс 24: 20) и в четвертое воскресенье Великого поста (Пс 77: 1 и Пс 77: 2):

Rěš(ропъ). K' tebě g(ospod)i v'z'dvigь d(u)šu moju b(ož)e moi nate up'vahь da nepos'tiž'dju se va věкъ. **B(e)r(a)š(ь).** Shrani¹ d(u)šu moju i iz'bavi me² b(ož)e moi³.

1. shrani| add. me N1; 2. me| ju LJ; 3. b(o)že moi| om. VB1 VAT VO VB3 LJ N1 MA D2 KOS BAR, g(ospod)i ILL

R:⁶ Ad te Domine levavi animam meam: Deus meus in te confido, non erubescam. /Ps 24: 1–2/

V: Custodi animam meam, et eripe¹ me. /Ps 24,20/

1. eripe/ erue Vg

BR(N2): k' t(e)bě g(ospod)i vazdvigь d(u)šu moju b(ož)e moi na te up'vahь da ne postiju se va v(ě)къ.

S'hrani d(u)šu moju i iz'b(a)vi me da nepos'tiju se êko up'vahь na te.

PsSin(=Fra)⁸: кз теѣѣ ꙗ҃и въздвигъ дшѣ моѣ бже мои на те оуптвахъ да не постыждѣ сѣа въ вѣкъ съхрани дшѣ моѣ избеви мѣа да не постыждѣ сѣа

Rěš(ропъ). Vnemlíte ljudi moi zakonь moi. i priklonite uho vaše v gl(agol)i usť moiһ' **B(e)r(a)š(ь).** Otvrzу v pričahь usta moê¹.i pročaju² gananiê³ moê is' prva.

1. usta moe| uho moe KOS; 2. i pročaju| i provećaju VB1 VAT VO PM VB3 MO DR LJ MA KOS BAR, provećaju VB2 N1, i proveću ILL; 3. gananię| hananię DR

R: Attendite popule¹ meus legem meam: inclinate aurem vestram in verba oris mei /Ps 77,1/

V: Aperiam in parabolis os meum: loquar propositiones **ab initio saeculi**.² /Ps 77,2/

1. attendite popule| auscultat populus Vg; 2. propositiones ab initio saeculi| enigmata antiqua Vg

BR(N2): vнем'лѣте ljudi moi zakonь moi. Prik'lonite uho vaše v' gl(agol)i us'tь moiһь

Ot v'rзу v' pričahь usta moê provećaju gananiê moê is'pr'va

PsSin(=Fra): вѣнзѣмѣте [внѣмѣте POG, BOH] людие мои законъ мои приклоните оухо ваше въ глѣзи оустъ моихъ

штѣвѣзъ въ притѣвахъ оуста моѣ прѣвѣштаѣж гананиѣ їспрѣва

(16) литургические стихи составлены из целых библейских стихов в версии, известной по старославянской традиции, значительно правленных по латинскому тексту:

Между гомилетическими чтениями в день Богоявления (Epirhania Domini) поются литургические стихи, состоящие из полных цитат трех последовательных стихов из Евангелия от Матфея (Мф 2: 9–11).

Сильное влияние латинского текста в литургических стихах в отличие от перикоп в миссале можно объяснить тем, что надо было переводить изолированно лишь единичные стихи без контекста. Некоторых стихов переводчик, может быть, не знал хорошо наизусть и поэтому следовал латинскому оригиналу, используя некоторые лексические элементы известного ему старославянского перевода. Такая ситуация соответствовала бы цитированию по памяти. С этой гипотезой совпадает также дистрибуция стиха на праздник Богоявления, для которого, как одного из особенно важных литургических дней, антифоны были переведены рано, скорее всего уже при первоначальном составлении хорватского глаголического бревиария:

Rěš(ponь). Zvěz' da juže viděše vls'vi na v'stocě **pred'stupaše e** do-
iděže **priš'la bi¹ k' mes'tu²** iděže bē³ otroče. **Viduće že ju** radovahu se⁴
rados'tiju **velieju.**⁵ **B(e)r(a)š(ь)** v'niduće⁶ v' domь **obrětu** otroče s' m(a)
rieju mat(e)riju ego i pad'she pok'loniše se⁷ emu.

1. priš'la bi| prišli bi VB3 KOS, prido DR, pride VAT PM N1 ILL BAR;
2. k'mes'tu| na město VAT PM DR N1 BAR; běl biše DR LJ ILL;
4. že ju radovahu se| ubo ju radovali se sut' VB1 VO VB3 LJ MA KOS;
5. velieju| add. **zělo** VB1 VO VB3 LJ KOS;
6. v'niduće| **všadše** VAT DR N1 ILL;
7. se| om. VB3

R: Stella, quam viderant Magi ab Oriente¹, antecedebat eos, donec venirent ad locum², ubi puer erat: (10) Videntes autem eam³, gavisusunt gaudio magno⁴ /Mt 2,9–10/

V: Et intrantes domum, invenerunt puerum cum Maria matre eius, et procidentes adoraverunt eum /Mt 2,11/.

1. Magi ab Oriente|in Oriente Vg;
2. donec venirent ad locum| usque dum veniens staret supra;
3. eam| stellam Vg;
4. magno| add. valde Vg

MIS: I se zvězda ku vidiše na vstocě **idiše před' nimi** dokolě **prišad'si sta svrhu** kadě bē otroče (10) **vidivše zvězdu** vzradovaše /radovahu Ro/ se radostiju veliku vele (11) I **všadše** v domь **obrětu** otroče s m(a)riju materiju nega. I padše pokloniše se emu.

Mar: ꙗ zvězda ѣже видѣша на възстоцѣ **идѣше прѣдъ ними** дондеже **пришедъши ста врѣхѣ** идеже бѣ otročь. **видѣвши же зvězдж** възрадоваша сѧ радостиж **велинѣж зѣло** и **шадше** въз храминѣ/домъ/ видѣша штрочѧ сѧ мариѣж материж ѣго. ꙗ падъше поклониша сѧ ѣмѣ и шврзъзше скровища своѧ принесоша ѣмѣ даръи злато и либанъ и змирнѣж

Стих из пророчества Исаяи 2: 3 показывает в перикопном чтении из бревиария и миссала очевидную связь со старославянским

переводом, о чем свидетельствует, например, употребление лексемы *v'zvěstit* (перевод греч. ἀναγγελεῖ), которая не соответствует латинскому *docebit*. Это механическое перенесение слова *v'zvěstit* мы не встречаем в литургическом стихе (читается в 3-е воскресенье Адвента), где даже в древнейших breviариях употреблен глагол *naučit'* – в соответствии с латинским *docebit*. Возможно, что в литургическом стихе, именно в самом его начале (таких примеров в нашем материале несколько), держались латинского подлинника, в продолжении же стиха часто употребляли старославянский перевод – если он приблизительно совпадал с латинским подлинником. Если совпадения не было, то его часто переводили с латинского, как показывает текст «*hoditi vač' nem stazami ego*» там, где латинский добавляет «*in semitis eius*» в отличие от греческой версии «*πορευσόμεθα ἐν αὐτῇ*», которой в точности соответствует паримейная версия перевода:

Rěš(рoнь). **Naučit'** ni g(ospodь)ь putemь s'voimь. i **hoditi vač'nemь s'tazami ego.** êko ot siona izidetь z(a)k(o)нь i sl(o)vo g(ospodь)ne ot er(u) s(al)ima. /Is 2,3/ **B(e)r(a)š(ь) poidite** vzidemь na goru g(ospodь)nju. i v' hra(!) b(og)a iêkovla² /Is 2,3/.

1. hra(!)| hram' VB1 PM ILL BAR; 2. êkovla| add. êko ot siona VB1

Vg (Is 2,3): *venite et ascendamus ad montem Domini et ad domum Dei Iacob et docebit nos vias suas et ambulabimus in semitis eius quia de Sion exhibit lex...*

Br/N2 (z perikopy): i **vz'věs'titь** n(a)мь puti s'voe i **hoditi v' s'tazahь ego vač'nemь** êko ot sion **izidetь** z(a)k(o)нь i sl(o)vo g(ospodь)ne.

MIS: **Pridite** vzidemь na goru g(ospodь)nju i v hramь b(og) iêkovla i **naučitь /vzvěstitь** III 4/ v(a)sь putem' svoimь i **hoditi v'čnemь stazami nega** /var. ego/. Kako ot siona izidetь zakonь i sl(o)vo g(ospodь)ne ot er(u) s(o)lima

Parim⁹: 16г: **придѣте** въззидамъ на горѣ гдѣна ѿ въз храмъ бгѣ инаковлѣ. **възвѣститѣ** намъ пѣтъ свои ѿ **поидемъ по немъ** (в паримейнике кончается так).

Респонсорий и литургический стих, читаемый между гомилетическими лекциями в субботу четвертой недели Адвента, состоит из трех стихов с начала 11-й главы пророчества Исайи (конкретно из первого, второго и пятого стихов). Респонсорий совершенно совпадает с текстом ветхозаветной перикопы в хорватском глаголическом миссале (по изданию Хрвоева миссала) и в breviарии (по фототипическому изданию Новлянского breviария и по содержащим вариан-

ты рукописям). Из сравнения с паримейным текстом следует, что тот же перевод находится полностью и в ховатско-глаголической традиции (Ис 11: 1–2), ближайший бревиарному вариант – в Захариинском паримейнике, только стих Ис 11: 5 демонстрирует признаки первичной ревизии (проведенной, вероятно, в процессе составления хорватского глаголического бревиария) по латинскому тексту, который своей синтаксической структурой полностью отличается от греческого текста. В то время как в греческом тексте пассивные причастия в именительном падеже (ἐζωσμένος и εἰλημένος) относятся к субъекту предыдущего стиха, обозначая предмет – опоясанную часть тела – в винительном падеже (τὴν ὀσφύν и τὰς πλευράς), ту же реалию в латинском тексте обозначают существительные (*cingulum* и *cinctorium*) в составе именного сказуемого, а опоясанную часть тела – существительные в родительном падеже (*lumborum* и *renis*). Это несовпадение, конечно, переводчику пришлось преодолеть, и он по возможности сохранил лексемы паримейной версии (*črěsla*, *prěpojasanie*), хотя и использовал их для перевода не того же самого места (*črěsla* на месте *renes*), а на месте *črěsla* добавил *bokъ* для передачи латинского фактически синонимичного *lumbi*.

Rěš(ponь): Izidetъ žъz(ь)ь is korene eisěova i c'větъ ot korene ego v'zidetъ /Is 11,1/ I budetъ pr(a)vda **prepoěsanie** boku¹ ego. i vera poěсъ **č'resalъ**² ego. /Is 11,5/ **В(е)р(а)š(ь)** I počietъ na nemъ d(u)h' g(ospodь)нь. d(u)h' premudros'ti i razuma. d(u)h' s(ve)ta i **krěpos'ti** /Is 11,2/

1. prepoěsaniē boku| poěсъ LJ, poěсъ bokъ FragLond¹⁰; 2. poěсъ č'těsalъ| prěpoěsaniē utrobi LJ FragLond, prěpoěsaniē č'těsalъ ILL

Vg (Is 11,1–5): (1) et egredietur virga de radice Iesse et flos de radice eius ascendet (5) et erit iustitia cingulum lumborum eius et fides cinctorium renis eius (2) et requiescet super eum spiritus Domini, spiritus sapientiae et intellectus, spiritus consilii et fortitudinis

BR (N2): (1) izidetъ roz'astvoga /var. žъzъь/ ot korene eisěova i c'větъ ot korene ego v'zidetъ. (5) I budetъ prav'da poěсъ boku ego. I vera prěpoěsanie č'řesalъ ego (2)

MIS: Izidet' žaz'ь is korene eisěova i cvětъ ot korene nega **vzidetъ**. (5) i dudetъ pr(a)v(ь)da poěсъ boku nega i věra prěpoěsanija **č'řesal** utrobi nega (2) I počietъ na nemъ d(u)h' g(ospodь)нь. D(u)h' prēmud'rosti i razuma. D(u)h' s(vě)ta i **krěposti**

Parim: (1) изидетъ жезлъ ис корене несешва и цвѣтѣтъ ѿ корене изидетъ (**вззидетъ** Zach) (5) и правдоѣ вѣдетъ прѣпоѣсаннѣ (**прѣпоѣсаннѣ** Zach) вѣ **чрѣсла** своѣ (add. и истинож шбличитъ в рѣбра своѣа Zach) 2

поуиетъ на немъ дхъ прѣмѣдрости і разѣма дхъ свѣта і разоума (var. **крѣпости**. Lobk Zach)

Следующий респонсорий и литургический стих читается в хорватских глаголических бревиариях между гомилетическими чтениями в субботу перед воскресеньем до семидесятицы (Sabbato ante septuagesimam). Цитата состоит из трех стихов из книги Бытия (Быт 4: 9–11), которые не встречаются в литургическом чтении в бревиариях или миссалах в другом месте, и, следовательно, придется сравнивать текст литургических стихов только с паримейной версией, с которой совпадение таково, что трудно эти тексты считать двумя разными переводами. Даже там, где версия основного хорватско-глаголического текста немножко отличается от паримейной, находим в других хорватско-глаголических источниках разночтения стихов, которые совпадают с паримейным текстом (*on' že r(e)če MO / i r(e)če LJ*; или вместо «*otvrze usta t'voê. priêti*» в Люблянском бревиарии, где используемая инфинитивная конструкция синтаксически соответствует паримейному и также греческому тексту, а все же отличается от латинского, в котором читается предложение «*et suscepit...*», которому соответствует перевод во всех других бревиариях «*i priê...*»), и вполне вероятно, что хорватские глаголиты, составлявшие бревиарий в славянской версии, знали старославянский перевод в его паримейной версии, которую перенесли в бревиарий:

Rěš(рошь): Kadě e(stь) avelь bratъ t'voi r(e)če g(ospod)ь kainu.¹ ne vѣmь² g(ospod)j³ eda азъ esамь⁴ s'tražь bratu moemu. i r(e)če emu g(ospod)ь⁵. č'to stvorilь esi. **Sebe**⁶ glasь kr'vi brata t'voego abela var'еть ka m'ně ot z(e)mle. /Gn 4,9–10/ **B(e)r(a)š(ь)**. Prokletь budeši na z(e)m'li poneže **otvrze** usta t'voê⁷. i priê⁸ kr'vь brata t'voego⁹ ot ruki t'voe /Gn 4,11/

1. kainu| add. **on' že r(e)če MO, i r(e)če LJ**; 2. vѣmь| v(ě)do MO, vidě kadě e(stь) LJ; 3. g(ospod)| om. LJ; 4. esамь| om. MO; 5. g(ospod)ь| om. PM DR MO MA KOS; 6. sebe| **se bo** VBI VAT VO PM DR MO KOS BAR, om. LJ; 7. t'voê| s'voê MO; 8. i priê| **priêti** LJ; 9. t'voego| s'voego MO

R: Ubi est Abel frater tuus? Dixit Dominus ad Cain.¹ Nescio Domine, numquid² custos fratris mei sum ego? Et dixit ad eum: Quid fecisti? Ecce³ vox sanguinis fratris tui Abel⁴ clamat ad me de terra

V: Maledictus⁵ eris super terram, quae aperuit os suum, et suscepit sanguinem fratris tui de manu tua.

1. Cain| add. qui respondit Vg; 2. Domine, numquid| num Vg; 3. ecce| om. Vg; 4. Abel| om. Vg; 5. maledictus| nunc igitur maledictus Vg;

BR, MIS – tyto verše nemá ve formě lekcí

Parim: 9 и реуе гъ бъ канноу где естъ братъ твои авелъ **ѠНЪ ЖЕ РЕУ** не вѣамъ еда стражъ братъ моемъ есмъ азъ **10** и реу гъ бъ что еси створилъ гласъ крѣе братъ твоего възпиетъ къ мнѣ Ѡ зема и мнѣ **11** проклатъ ты на земли и ѣже **РАЗДВИЖЕ** оуста своѣ **ПРИАТИ** крѣеъ братъ твоего Ѡ ржоу твоею

(1в) литургические стихи составлены из целых библейских стихов без видимых следов старославянского перевода.

В некоторых случаях нельзя с уверенностью показать соотношения между старославянской и заключенной в литургических стихах хорватско-глаголической версией библейского текста, которую, следовательно, можно считать независимым переводом с латинского оригинала. Таких случаев в нашем материале немного, чаще всего они находятся между лекциями в будние дни в течение литургически важных периодов года. Примером может быть респонсорий и литургические стихи, читаемые между гомилетическими лекциями по будням в неделю после Богоявления, которые состоят из стихов пророчества Исаяи (Ис 60: 1 и 60: 3). Но даже в этом случае можно с осторожностью предполагать, что выбор лексем в хорватско-глаголической версии, хотя и в разных местах в тексте, напоминает словопотребление в паримейной версии:

Rěš(ponь) Pride¹ s'vety² er(u)s(al)ime. i sl(a)va g(ospod)na na te v'siê. /Is 60,1/ **B(e)r(a)š(ь)**. I poiduty narodî³ v' s(ve)tě t'voemъ. i **c(ěsa)ri** v' **s(ve)t'los'ti v'siêniê**⁴ t'voego. /Is 60,3/

1. pride| add. **bo ti** VAT PM DR, add. i d(a)boti BAR; 2. s'vety| add. tvoi VB1 VAT VO PM DR MO MA KOS BAR; 3. narodî| **êzici** VB1 VO MA KOS; 4. v'siêniê| siêniê VAT PM ILL BAR

R: Illuminare, illuminare Jerusalem¹, quia venit lux tua²: Et gloria Domini super te orta est.

V: Et ambulabunt gentes in lumine tuo, et reges in splendore ortus tui.

1. Illuminare, illuminare Jerusalem/ surge illuminare Vg; lux tua/ lumen tuum Vg

MIS: = та же самая версия, что в респонсории и стихе

BR(N2): = та же самая версия, что в респонсории и стихе

Parim: 1 свѣти са, свѣти са иерлме. приде **БО ТИ** свѣтъ твои слава гдѣ на та **взсияе 3** и поидѣтъ **црїе** въ свѣтъ твоемъ и **азъци** въ **зари** **взстока** твоего

Компиляция из нескольких частей различных стихов. (2)

Литургические стихи, состоящие из частей различных библейских стихов, чаще всего из стихов старозаветных исторических книг, особенно Бытия и Исхода; но иногда таким же образом используются и стихи из Евангелия.

Некоторые литургические стихи состоят из частей нескольких библейских стихов, как правило, близких по содержанию, которые являются или непрерывным библейским текстом, или расположены не слишком далеко друг от друга. Таким образом составлены, например, антифоны из стихов Евангелия от Луки (Лк 8: 4–5 и Лк 8: 8), которые помещены между гомилетическими чтениями в воскресенье перед шестидесятницей (Dominica in sexagesima). Основой текста в хорватском глаголическом брeвиарии несомненно является старославянский перевод (нами цитирован по Мариинскому тетраевангелию), который в брeвиариях в разной степени в разные времена был редактирован в соответствии с латинской версией. В цитациях из Вульгаты (Vg) и миссала (MIS) подчеркнуты стихи, которые включены в антифоны.

Rěš(понь). Eg' da narodi m'nozi priš'li¹ běhu k' sp(a)su² ot gradъ m'nogъ³ prib'ližahu se k' nemu. i r(e)če k' nimъ⁴ prit'ču siju. Izide sěei sěētī⁵ sēmene s'voego. /L 8,4–5/ **B(e)r(a)š'ь** I eg' da sěēše /L 8,5/ ovo pade na dob'ri z(e)mli i v'zraste i s'tvori p'lođъ s'tokraticeju. /L 8,8/

1. priš'li| saš'li se LJ; 2. sp(a)su| is(us)u i VB1 VO PM VB2 VB3 MO LJ ILL MA BAR, add. i VAT KOS; 3. m'nogъ| om. VB1 VO PM MA KOS BAR, mn(o)zihъ ILL; 4. k' nimъ| add. is(us)ъ LJ; 5. sěei sěētī| **īže sěētъ**, VAT PM, **siēe siētelъ** ILL, **īže sietъ siētī** BAR

R: Cum¹ turba plurima convenirent ad Iesum, et de civitatibus properarent ad eum, dixit per similitudinem: (5) Exiit qui seminat, seminare semen tuum²

V: Et dum seminat, aliud cecidit in terram bonam, et ortum fecit fructum centuplum.

1. cum| add. autem Vg; 2. tuum| suum Vg;

Vg (L8, 4–8): *Cum autem turba plurima conveniret et de civitatibus properarent ad eum dixit per similitudinem (5) exiit qui seminat seminare semen suum et dum seminat aliud cecidit secus viam et conculcatum est et volucres caeli comederunt illud (6) et aliud cecidit supra petram et natum aruit quia non habebat humorem (7) et aliud cecidit inter spina set simul exortae spinae suffocaverunt illud (8) et aliud cecidit in terram bonam et ortum fecit fructum centuplum*

BR (N2): Izide sēei¹ sēēti² sēmene s'voego. i eg' da sēēše ovo pade pri puti i poprano bis(ть). i p'tice n(e)b(e)skie pozobaše e. (L 8,4–5)

1. sēei| iže sietь PM DR BAR; 2. sēēti| sēēt' VB1 VO VB3, siētelь ILL

MIS: Sašad šim se narodomъ mnogimъ i prihodećimъ od gradъ mnozihъ kъ is(us)u i r(e)če imъ prit'ču siju. Izide sēei sēēti sēmene svoega i kada siēše ovo pade pri puti i poprano bis(i) i ptice n(e)b(e)skie pozobaše e. A ovo/drugo III 4 Ro/ pade na kameně i prozebe i usaše kako/zane III 4 Ro/ ne imě vlagi a drugo pade v tr'ni i vzraste š' nimь trnie i podavi e. A ino/drugoe III 4/ pade na dob'ri zemli i stvori plodъ stokraticeju

Mar: разоумѣхъшто же народоу многоу i граждѣмъ отъ въсѣхъ градъ къ немуу рече Гъ притъужъ сиѣжъ къ нимъ 5 изиде **сѣи сѣти** сѣмене своего i **егда сѣаше** ово паде при пѣти i попзрано бѣистъ i птица **небскѣи**а позобаша е б а другоуе паде на камене и прозавъ оуше зане не имѣаше влаги 7 а другоуе паде по срѣдѣ тръниѣ i въздрасте трънии и подави е 8 а другоуе паде на земли добрѣ i прозавъ сътвори плодъ сътократицеѣжъ

Выводы:

1. Форма библейского текста в респонсориях и литургических стихах хорватских глаголических breviариев совершенно ясно свидетельствует о славянской версии перевода, которая была, вероятно, часто использована авторами (хорватскими глаголитами) хорватско-глаголической версии западных богослужебных книг – breviария и миссала. Литургические стихи, вероятно, переводились всегда отдельно, без дальнейшего библейского контекста. Поэтому вероятно, что в литургических стихах глаголиты цитировали (если цитировали – будь то буквально или свободно) библейский текст наизусть в такой версии, которая им была известна.

2. Из-за относительной изолированности библейского текста в респонсориях и литургических стихах (будь то в виде цитат целых библейских стихов в качестве одного литургического элемента или в виде компиляции отрывков нескольких стихов) они более важны для подтверждения использованной хорватскими глаголитами версии библейского перевода, чем непрерывные перикопы, которые могли быть механически скопированы с других рукописей непосредственно в хорватский глаголический breviарий или миссал.

3. Исследование респонсориюв и литургических стихов подтверждает, что многие библейские тексты перешли в хорватский глаголический breviарий в версии, известной по памятникам старославянской традиции, которые использовались на славянском литургическом Востоке, – это верно для евангельских текстов (вероятно,

в версии, самой близкой к преславской редакции), для псалтырных текстов (вероятно, в версии, близкой к вариантам Болонской псалтыри) и паримейных текстов, где большая часть материала – из исторических и пророческих книг (вероятно, в версии, ближайшей к Захарьинскому паримейнику).

4. Старославянский перевод библейских текстов не переносился в хорватские глаголические книги механически и сразу был подвержен минимальному редактированию в определенных местах, которые заметно отличаются в латинской и греческой версиях, если следы греческого текста хорошо видны в старославянском переводе. Почти регулярно встречаем обычай редактировать по латинскому тексту начала литургических стихов, а затем продолжать библейский текст в версии, известной по древнейшим старославянским памятникам¹¹.

5. Тексты респонсоров и литургических стихов также свидетельствуют о сильной латинизации, которой некоторые брeвиарии были подвергнуты, вероятно, в начале XIV века и которая ясно видна в брeвиариях южной текстологической группы (Задарско-крбавской) и в принципе ее определяет. Эта латинизация отличается от первой, проходившей, вероятно, уже в ходе составления брeвиария, тем, что была более систематичной и почти механически копировала латинские синтаксические структуры, часто не учитывая природу славянского языка и его синтаксические и морфологические особенности.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 2005 – Алексеев А. А. Евангелие от Матфея в славянской традиции. СПб., 2005.

Алексеев 2008 – Алексеев А. А. О взаимосвязи православной и католической традиции Нового Завета в рукописную эпоху // Slovo. 2008. 56–57. S. 57–65.

Badurina-Stipčević 2006 – Badurina-Stipčević V. Knjige o Makabejcima u hrvatskoglagoljskoj književnosti: Prva knjiga o Makabejcima u hrvatskoglagoljskim brevijarima // Slovo. 2006. 54–55. S. 5–126.

Badurina-Stipčević 2012 – Badurina-Stipčević V. Hrvatskoglagoljska knjiga o Esteri. Zagreb, 2012.

Badurina-Stipčević, Mihajlević, Šimić 2012 – Badurina-Stipčević V., Mihajlević M., Šimić M. Mjesto Dabarskoga brevijara među hrvatskoglagoljskim liturgijskim kodeksima // Gračanin H., Holjevac Ž. (ur.) Gacka u sredn-

jem vijeku. Zbornik radova. Zagreb; Otočac: Institut društvenih znanosti Ivo Pilar, 2012.

Bauerová 1987 – *Bauerová H.* K staroslověnskému překladu knihy proroka Joela // *Slavia*. 1993. 62. S. 455–462.

Bauerová 1993 – *Bauerová H.* Slovanské překlady profetických textů v církevněslovanských paramejnicích a charvátskohlaholských breviářích. Habilitační práce. Olomouc, 1993.

Breviarium Romanum – Breviarium Romanum. Ratisbonae, 1885.

Fischer 1983 – *Fischer B. (ed.)* Biblia Sacra iuxta vulgatum versionem. Stuttgart, 1983.

Hamm 1958 – *Hamm J.* Judita u hrvatskim glagoljskim brevijarima // *Radovi Staroslavenskog instituta*. Zagreb, 1958. Br. 3. S. 103–201.

Jagić 1960 – *Jagić V.* Codex Marianus. 2. vydání. Graz, 1960.

Pantelić 1993 – *Pantelić M. A.* Fragmenti hrvatskoglagoljskoga brevijara starije redakcije iz 13. stoljeća // *Slovo*. 1993. 41–43. S. 61–146.

Pantelić 2000 – *Pantelić M. A.* Sastav sanktorala i kalendara hrvatskoglagoljskih misala i brevijara (s kulturološkog i liturgijskopovijesnog motrišta) // *Hrvatska i Europa. Kultura, znanost i umjetnost*. Sv. II. Srednji vijek i renesansa (XIII–XVI. Stoljeće). Ur. Eduard Hercigonja. Zagreb, 2000. S. 349–366.

Петков, Димитрова 2004 – *Петков П., Димитрова М.* Перикопи от Книгата на пророк Даниил в хърватската глаголическа книжнина // *Dürriegl M., Mihaljević M., Velčić F.* Glagoljica i hrvatski glagolizam. Zagreb; Crk, 2004. S. 167–182.

Ribarova 1987 – *Ribarova Z.* Knjiga proroka Jone // *Slovo*. 1987. 37. S. 123–159.

Рибарова, Хауптова 1998 – *Рибарова З., Хауптова З.* Григоровичев паримејник I. Текст со критички апарат. Скопје, 1998.

Северьянов 1954 – *Северьянов С.* Синайская псалтырь, глаголический памятник XI века. Пг., 1922; переизд.: Graz, 1954.

Stankovska 2012 – *Stankovska P.* Odkaz přeslavské školy v chorvatsko-církevněslovanských liturgických památkách // *Preslavska knižovna škola*. Šumen, 2012. T. 12. S. 76–89.

Stankovska 2013 – *Stankovska P.* Odnos sadržaja sačuvanih hrvatskoglagoljskih i latinskih srednjovjekovnih brevijara // *Zbornik radova iz znanstvenog skupa održanog 5.–6. listopada 2012 g. na Krku*. 2013.

Štefanić 1973 – *Štefanić Vj. (red.)* Missale Hervoiiae ducis spalatensis croato-glagoliticum / Editionem curaverunt Grabar B., Nazor A., Pantelić M. Sub redactione Štefanić Vj. Ljubljana; Graz; Zagreb, 1973.

Тасева 1997 – *Тасева Л.* Книга на пророк Иезекиил в средновековната българска и хърватска книжнина // *Palaeobulgarica*. 1997. 21/3. S. 12–30.

Vajs 1910 – *Vajs J. Nejstarši breviář hrvatsko-hlaholský (Prvý breviář Vrbnický)*. Praha, 1910.

Waddell 2007 – *Waddell Ch. The Primitive Cistercian Breviary*. (Staatbibliothek zu Berlin, Presseurischer Kulturbesitz, ms. lat. oct. 402). Fribourg, 2007.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 На основе фрагментов, древнейшие из которых датируются XIII в. (Pantelić 1993).
- 2 Список библейских перикоп, заключенных в хорватских глаголических брeвиариях, опубликовал уже Й. Вайс (Vajs 1910).
- 3 С текстологической точки зрения сохранившиеся хорватские глаголические брeвиарии распадают в две основные группы: в первую входят рукописи т. наз. северной (крчской) группы, которые сохраняют относительно более древние лексические и некоторые синтаксические варианты, чем рукописи т. наз. южной группы. Но некоторые рукописи смешивают элементы обеих групп (см., например: Badurina-Stipčević, Mihajlević, Šimić 2012).
- 4 Полный или пленарный брeвиарий возник, вероятно, в XIII в. В отличие от древнейших брeвиариев, возникавших в XI в., которые на самом деле содержали только чтения по воскресеньям и праздникам (ср. Waddell 2007) в неструктурированной форме (первым был список антифонов в антифонарной части, после – все чтения из Ветхого Завета с разбивкой по дням и евангельские инципиты с проповедью, в основном читаемые только по воскресеньям, но не в будние дни важных литургических периодов – как это встречаем в пленарных брeвиариях), эти пленарные брeвиарии уже содержат чтения, структурированные по частям литургических часов на каждый литургически значительный день так, как это встречается в хорватских глаголических брeвиариях.
- 5 Разночтения приводим из следующих памятников (сокращения в скобках): Вербницкого первого, второго, третьего (VB1, 2, 3); Вита из Омишля (VO); Пашманского (PM); Илугицо5/Ватиканского (VAT); Люблянского (LJ); Драгучского (DR); Новлянского первого (N1); Московского (MO); Илугицо 10 (ILL); Косиньского (KOS); Баромичевого (BAR); из библиотеки Сан Пиетро (D215–D215); Маврова (MA) и Дабарского (DAB).
- 6 Латинская версия респонсория и литургических стихов цитируется по (Breviarium Romanum).

- 7 Текст перикопы или псалмов из breviария (сокращение BR), а не из литургических стихов.
- 8 Текст из Синайской псалтыри (PsSin) с вариантами из Погодиновой (Pog), Болонской (Bon) и хорватско-глаголической Фрашичевой псалтыри (Fra).
- 9 Паримейный текст цитирован по изданию Григоровичева паримейника (З. Рибарова, З. Хауптова 1998).
- 10 Сокращение FragLond – Лондонский фрагмент, который М. Пантелич датирует первой половиной XIII в. Цит. по изданию (Pantelić 1993).
- 11 Такой метод использования старославянского перевода и частичного переноса текста в хорватские глаголические breviарии для ветхозаветных перикоп пророческих книг описан (Bauerová 1993).

Stankovska P.

Antiphons and Biblical Texts in Croatian Glagolitic Breviaries

The article examines the antiphons that separate the individual parts of the liturgical homiletic readings for the liturgy of the Hours, as they are known from Croatian glagolitic breviaries written by the 15th century. These liturgical verses often contain either the complete biblical verses, or parts of them. By comparing the biblical text captured in the text antiphons with the old Old Church Slavonic translation and possibly even biblical lessons in Croatian glagolitic breviaries and missals, we conclude that it was primarily taken the old Old Church Slavonic translation into the antiphones, probably in different redactions depending on which part of the Bible they are from. This text was partly revised immediately, and fully revised later according to the Latin original.

Keywords: *Croatian glagolitic breviary, antiphon, responsory, biblical text, translation.*

В. Савич
(Белград)

Западносербский вставной лист в Мокропольском тетраевангелии

Статья посвящена вставному пергаменному листу в Мокропольском евангелии – важном памятнике церковнославянского языка сербского извода середины XIII в. Этот вставной лист содержит языковые особенности «западной» («боснийской») группы рукописей. Автор пришел к выводу, что он написан в конце XIV в. в области «восточнобоснийского диалекта».

Ключевые слова: *Мокропольское евангелие, сербскославянская рукописная традиция, «западная» («боснийская») группа сербскославянских рукописей, Новый литургический тетр.*

Мокропольское четвероевангелие было найдено в 1954 г. в церкви Св. Луки в нас. п. Мокро-Поле (неподалеку от города Книн). Благодаря усилиям Академии наук Сербии была произведена его консервация в Белграде в 1955 г., а затем евангелие перевезли в монастырь Крка, сербский духовный центр в северной Далмации, где оно было включено в собрание рукописей (номер 2).

Рукопись выполнена на пергамене, который за время использования был поврежден во многих местах. Сохранилось 155 листов размером 278×191 мм, с текстом, написанным в два столбца¹. Рукопись написана на уставной кириллице XIII в. и относится к сербской редакции старославянского языка. Выдающийся сербский лингвист Митар Пешикан после детального палеографического и орфографического анализа пришел к выводу, что это памятник середины XIII в., возможно, относящийся к первому периоду царствования короля Уроша I (1243–1276), внука Стефана Немани². Уже Милан Радека связывал характеристики письма в данной рукописи с копией Законоправила св. Саввы 1262 г. – Иловицкой кормчей, а исключительную близость двух данных памятников подтвердил и М. Пешикан, указав, что книга все-таки написана другим переписчиком (не Богданом). Мокропольское четвероевангелие несколько

Работа выполнена в рамках проекта Министерства просвещения, науки и технологического развития Республики Сербия «Изучение древнего сербского письменного наследия и создание Словаря церковнославянского языка сербской редакции» (№ 178030).

«ять» в начале слога (напр. достоѣннѣ 30а.14, свѣѣ 30а.24, ѡдѣнѣ 30г.9). Графема ю используется только в начале слога и не имеет функции обозначения палатальности. Время от времени наблюдается архаическое использование «и десятиричного» после букв, обозначающих гласные, или между ними (ѡвоиѣ 30в.17–18, достоини 30в.20). Пассивное отношение к источнику заметно и в тех случаях, когда слово обрывается в конце строки, что характерно для некоторых сербских памятников XII–XIII вв., а также для других ранних памятников данной группы, которые отражают ту же картину. Нередкими в тексте являются ошибки и неточности, возникшие вследствие недопонимания протографа из-за невысокой культуры переписчика. Несмотря на то, что для памятников данной группы характерно использование «он» во всех позициях, кроме неединообразного написания *от-* (пишется и с «омегой», как ѡ), здесь мы сталкиваемся с более ранним распространенным использованием «омеги» в начале слова, как в развитой рашской школе.

Буква «ять» преимущественно употребляется этимологически верно, как в словах народного происхождения, так и в заимствованиях, однако в нескольких случаях наблюдается иная картина. В первую очередь, в приставке или в начале слова смешивается прѣ-/прн-: используется и вместо ѣ – приѣлѣсть 30а.21, а также «ять» употребляется на месте этимологического *и* – прѣдѣтѣ 30а.12 (*прид[и]те*), прѣтѣхъ 30б.14 (*притчу*); у глаголов с основой инфинитива на -ѣти (ѡзѣрѣти) тематическое *ять* заменяется гласным *и* – ѡзѣрише 30а.11 (подобно первоначальному ѡзѣрѣша); в глаголе имѣти по сути то же явление, сопряженное с широко известным фактом, что *ять* перед *j* в икавских говорах дает *и* – не имѣе 30г.9 (ср. не имѣе Акад Нк Хв – не имѣ Рх и др.); межслоговая ассимиляция – зли-и зли 30а.20 (первоначально зъли зълѣ). В одном случае наблюдается экавский рефлекс, имеющий, вероятно, более позднее книжное происхождение, однако в слове, в котором он мог распространиться и в народном говоре⁵: ѡт[ь]вѣщавъ 30б.19 (то же в Бд, Нк и Хв). Последовательно произведена замена ф на п (ѡриѣнѣ 30б.14, ѡриѣнѣ 30г.20)⁶. Также в тексте имеется такая особенность, как одиночная замена л на р (в значении *ль*): дѣлѣтеремъ 30а.19, что носит систематический характер у первого переписчика Чайничского евангелия, в Евангелии от Матфея, а это означает, что речь идет не о случайном явлении⁷. Наблюдается удвоение гласных для обозначения долготы в предл. п. мн. ч. ж. р. -ѣх (въ кни|гаахъ 30а.27) – явление, относящееся к частотным и в основной части Мокропольского четвероевангелия.

В грамматической системе наблюдается небольшое число особенностей, большинство из которых легко объяснить текстологически. Например, окончание *-uje* в им. п. мн. ч. м. р. в одном слове могло возникнуть по аналогии с протографом: *паристѣне* 30б. 14 и *паристѣне* 30г.21⁸. Для раннего окончания сложного адъективного склонения (в данном случае причастия) в дат. п. ед. ч. м. р. *-уму* этот факт не вызывает сомнения (*творѣщѣмъ* 30б.8–9), так как то же наблюдается в большом числе сербских рукописей независимо от времени и места их создания, хотя в поздней сербской редакции распространяется общее окончание *-ому/-ему* в соответствии с развитием народного языка. В род.-предл. п. дв. ч. в мягком местоименном склонении наблюдается новое окончание *-ију*, однако и оно могло быть употреблено по уже имеющемуся образцу, так как данная флексия уже длительное время использовалась в сербской редакции: *въ ѡнию нашію* 30б.5 (первоначально *въ ѡнию нашею*).

Известно, что из форм глагола прошедшего времени в евангелиях чаще всего используется аорист в качестве типичной нарративной формы⁹, поэтому, как и в старославянских текстах, аорист и здесь употребляется на месте греческого аориста. Асимметрический аорист отсутствует там, где он мог бы находиться по традиции: Мф 22: 10 *ѡврѣтж* Мар и др. (греч. *εἶρον*), также Мир Хв (трансформируется в настоящее время в Нк: *ѡврѣтжѣ*) – сигматический новый аорист *ѡврѣтжѣ* Рх Бд (как и в Остр ранее: *ѡврѣтжѣ*). В этом рассматриваемый нами вставной лист является наиболее инновационным: *ѡврѣтжѣ* 30в.26. В Мф 22: 5, как и в Рх, он отделяется от других евангелий, следующих за Мар в использовании асимметрического аориста: *ѡтъндѡшѣ* 30в.8 – *отидж* Мар (греч. *ἀπῆλθον*), сербскослав. *отидоу* Мир Бд Нк Хв. Однако уже в старославянских евангелиях в Мф 21: 38 употребляется старый сигматический аорист: *рѣша* Мар и др. (греч. *εἶλον*), и такая картина практически в неизменном виде сохраняется в сербских евангелиях (также Мп₂: *рѣша* 30а.11); в качестве исключения в Остр и Гильф² имеются более поздние формы аориста: *рекоша*, *рекоше*.

Старый сигматический аорист в основном употребляется там же, где и ранее: Мф 21: 38 *хзрише* Мп₂ 30а.10, а также в текстах той традиции, которая восходит к Мариинскому евангелию: *ѡузрѣша* Мар Ас Остр (*ѡузрѣше* Рх), что в данном случае представляет собой раннюю инновацию, так как в греческом здесь действительное причастие прошедшего времени (греч. *ἰδόντες*): *ѡузрѣвше* Мир Нк Хв, или *видѣвше* Бд (как и в Сав). Имеется немало примеров данного аориста в большинстве текстов: Мф 21: 45 *раззѣвше* 30б.15 Мп₂ и др., а также

Мар: *razogmъsha* (греч. *ἔγνωσαν*); Мф 21: 46 *xъkoъше се* 30б.16–17 Мп₂ и др., а также Мар: *oъkoъsha ca* (греч. *ἐφοβήθησαν*); Мф 22: 6 *zъише* 30в.12 Мп₂ Рх Бд, хотя первоначально там стояла другая лексема: *изъиша* Мар (греч. *ἀλέκτειναν*), *изъише* Мир Нк, *выше* Хв; Мф 22: 10 *исплънише* 30в.27–30г.1 Мп₂ Рх, подобно *исплъниша* Мар (грч. *ἐπλήσθη*), с заменой на ед. ч. в одной группе сербских текстов: *исъплъни се* Бд Нк Хв, а затем и в одной древней лексической трансформации: *наплънише* Мир (подобно *наплъниша* Остр) и т. д. Судьбу большинства сербских рукописей данная повторяет и в Мф 22:8 в отношении характерного употребления различных основ глагола-связки (*бы-/вѣ-*), где сигматический аорист соответствует греческому имперфекту: *не вѣше* 30в.19–20 Мп₂ Рх Бд Нк Хв – *не вѣша* Мар и др. (греч. *οὐκ ἦσαν*), как и *не вѣше* Мир.

Картина в Мф 21: 42 крайне нетипична для общей текстовой традиции¹⁰: *съ вѣсть въ главахъ оуглахъ отъ [г] (о)па)а вѣ си* 30б.2–3 (греч. *οὗτος ἐγενήθη εἰς κεφαλὴν γωνίας παρὰ Κυρίου ἐγένετο αὐτῆ*). В изученных славянских рукописях нет данного различия в образовании аориста: *съ вѣсть* въ главахъ жгълахъ отъ в(ог)а *вѣсть* си Мар и др., а также в сербских *выс(тъ)* Мир Рх Бд Нк Хв и др. Хотя выделенная форма в Мп₂ могла возникнуть в результате упрощенного написания, когда опускалось выносное с источника (*вѣ), ни в коем случае не следует исключать возможность того, что здесь сохраняется след какого-то более раннего подхода (возможно, даже исходного перевода), когда писцы стремились сохранить различие между греческими формами этого глагола (*γίνομαι*) в оригинале, заметное здесь, поскольку они стоят в том же стихе.

Употребление двух сигматических аористов является неожиданным, однако поскольку одна и та же модель появляется в двух отдельных местах, то случайная ошибка маловероятна. Речь идет об отличительной черте либо речи переписчика, либо непосредственно протографа: Мф 21: 39 *извѣше* 30а.15 (греч. *ἐξέβαλον*) – *извѣсе* Мир Рх Бд (*извѣса* Мар Ас), *изъведоше* Бд Нк Хв (*изведоша* Сав); приведенный выше пример Мф 22: 10 *оърѣше* 30в.26 (греч. *εὔρον*) – *оърѣтоше* Рх Бд (*оърѣтоша* Остр), *оърѣтю* Мир Хв (*оърѣтж* Мар), *оърѣщж* Нк. Наблюдаемые компромиссные формы аориста из Мп₂ строятся так, что к упрощенной основе инфинитива непосредственно присоединяются окончания аориста (*изве-ше, оърѣ-ше*), но без предварительного удлинения (что показывает форма *извѣше*, иначе было бы *извѣше), подобно глаголам с инфинитивной основой на гласный.

Употребление стяженного/нестяженного окончания имперфекта, возможно, унаследовано из протографа: Мф 21: 46 нцѣѣхѣ 30б.18–19 Мп₂ (возможно, вследствие разрыва между строчками) и в некоторых других памятниках (только с другими орфографическими решениями) нцѣахѣ Мир А 3 Нк Хв (нцѣахѣ Мар, греч. εἶχον), нцѣахѣ Ват А 54 А 277 – нцѣахѣ Црк Гр Хл 52 и др., нцѣахѣ Рх Бд; Мф 22: 3 нѣ хлѣѣхѣ 30б.26–27 Мп₂, Рх Црк Гр – нѣ хотѣахѣ Мир Бд А 3 Нк Хв (нѣ хотѣахѣ М, грч. οὐκ ἤθελον), нѣ хотѣахѣ Бд А 54 А 277.

Даже для форм 2 л. мн. ч. повелительного наклонения с обобщенным окончанием *-ите* вполне можно предположить, что они употреблялись уже в протографе, несмотря на то, что в тех же позициях в тексте в других рукописях преобладает регулярное *-йте*: Мф 22: 4 рцѣте 30в.2 Мп₂, Хв и Мф 22: 9 призовѣте 30в.23 Мп₂, Зогр₂, Бд Хл 52 Хв (однако придѣте 30в.6, идѣте 30.в.20, въздѣте и възѣте 30г.13–14).

В изученном сегменте древний супин заменяется инфинитивом, хотя эти формы управляют дополнением в род. п., что можно считать особенностью текстов, развитой на сербской почве: Мф 22: 11 въшьд же ц(а)рь | н видѣти въздѣжещнихъ 30г.2–4 Мп₂, Рх Бд Нк и т.д. (видѣтъ Мар, греч. εἰσελθὼν δὲ ὁ βασιλεὺς θεάσασθαι τοὺς ἀνακειμένους). В другом случае одиночное появление нового супина (супина без управления), с аналогией в Рх, опять же может происходить из протографа: Мф 22: 7 н посла коѣ | коѣ погубѣтъ хъницѣ ти 30в.15 Мп₂, Рх, что связано с погубити в Мир; в остальных случаях аорист: погуби Мар и др. (греч. καὶ λέμψας τὰ στρατεύματα αὐτοῦ ἀπώλεσεν τοὺς φονεῖς ἐκεῖνους), а также Бд Нк Хв.

При переходных глаголах прямое дополнение в форме вин. п. ед. ч. (именное и местоименное склонения) имеет окончание им. п., что соответствует ранней традиции, которая в разной степени представлена в сербских рукописях: Мф 21: 37 посла ... с(ы)нѣ свон 30а.7 (греч. ἀπέστειλεν ... τὸν υἱὸν αὐτοῦ), Мф 21: 38 хърише с(ы)нѣ 30а.10 (греч. ἰδόντες τὸν υἱὸν), Мф 21: 39 хъише н 30а.16 (греч. καὶ ἀπέκτειναν *[αὐτὸν]), Мф 21: 44 хътреть и 30б.12 (греч. λίκμήσει αὐτόν), Мф 22: 15 да н овьлѣсть 30г.22 (греч. ὅπως αὐτὸν παριδεύσωσιν).

В текстологическом отношении представляется важным сопоставить данный источник с древними славянскими евангелиями – в первую очередь, Мариинским евангелием (которое близко первому тетру), и, с другой стороны, с древнейшими сербскими евангелиями. Мирославо евангелие является ключевым текстом для всей сербской письменности, а из круга рашских памятников релевантны Рашско-хиландарское и Богданово четвероевангелия, тогда как из

«западного собрания» важны Никольское четвероевангелие и евангелие из Хвалового сборника.

Характерно, что вставной лист Мокропольского евангелия близок к Рашско-хиландарскому евангелию (то же установлено и по отношению к основному тексту Мокропольского евангелия)¹¹. В ряде случаев они следуют древнему Мариинскому евангелию, в отличие от большинства других упоминаемых здесь памятников: Мф 21: 38 егда Мар, Рх Мп₂: от Мир Бд Нк Хв; Мф 21: 38 оузьрѣша Мар, оузьрѣше Рх, ззрише Мп₂: оузьрѣше Мир Нк Хв – видѣше Бд. Подобная картина наблюдается не только в данных двух памятниках, но и в других евангелиях, которые опираются на них, прежде всего в Мирославовом или Богдановом, но нередки и такие примеры, когда данные памятники сами по себе удаляются от Мариинского евангелия. Исследуемый нами вставной лист обнаруживает родство и с Богдановым евангелием из литургической группы св. Саввы Сербского: Мф 21: 43 ц(ѣ)с(а)р(ѣ)ствіє Мар, ц(ѣ)с(а)ръствіє Рх, ц[а]ръствіє Мп₂ Бд, ц(а)р(ѣ)стіа Мир: ц(а)ръство Нк Хв, а нередко в этот круг входит и более древнее Рашско-хиландарское евангелие: Мф 22: 6 избиша Мар, избише Мир Нк: збише Рх Бд Мп₂ – быше Хв; Мф 22: 10 ѡже Мар, аже (еже Нк Хв) Мир Нк Хв: елико Рх Бд Мп₂. Можно увидеть различие между вставным листом и другими православными евангелиями, с одной стороны, и типичными евангелиями «богомильского собрания», с другой стороны: Мф 21: 37 къ ннцѣ Мар, к ннцѣ Мир Рх Бд Мп₂: нцѣ Нк Хв; Мф 21: 42 дивѣна Мар, дивна (дивѣна Рх, дивна Бд) Мир Рх Бд Мп₂: диванѣ (дыбанѣ Хв) Нк Хв. Нередко эти два памятника сближаются с Мирославовым или Богдановым евангелиями: Мф 21: 45 притѣуж Мар, притѣю Мир, притѣю Рх, прѣтѣж Мп₂: притѣе (притѣе Нк) Бд Нк Хв; Мф 22: 12 браѣна Мар, браѣна Рх Мп₂ Бд: браѣнаго (браѣнаго Нк) Мир Нк Хв. Итак, разделение памятников на две группы на основании религиозных критериев не представляется устойчивым.

Вместе с тем, на материале исследуемого вставного листа можно наблюдать за формированием «западного собрания» и его удалением от Мариинского евангелия: Мф 22: 13 в(ѣ)зъмѣте и ѿ вѣврѣзѣте Мар, възмѣте и ѿ вѣврѣзѣте и Мир Рх Бд: възмѣте и врьзѣте Мп₂ Хв – и врьзѣте и Нк (от възмѣте). «Западное собрание» достаточно разнородно, в нем наблюдаются и отдельные расхождения: Мф 22: 4 юнцы Мар, Рх Бд Нк: юнцѣ Мир, юнацѣ Мп₂ Мир Хв. Данные сдвиги являются частью более широких процессов, что видно на примере Богданова евангелия и, разумеется, Мирославова: Мф 22: 22 ц(ѣ)с(а)р(ѣ)ствіє Мар, ц(а)р(ѣ)ствіє Рх Бд: ц(а)р(ѣ)ство Мир Мп₂ Нк Хв; Мф 22: 2 н(ѣ)в(ѣ)ское Мар,

н(ε)β(ε)σ(ε) ρх: н(ε)β(ε)σ(ε)ноε Мп₂ Мир Бд Хв, н(ε)β(ε)σ(ε)но Нк. Никольское евангелие и Хвалов сборник демонстрируют дальнейшее развитие в сопоставлении с Мариинским евангелием, однако практически все данные случаи могут легко объясняться более глубокой традицией, особенно апракосной (напр. Мир, Вукан, Акад, Карп), хотя ряд ученых склонны отрицать наличие апракосных евангелий в данном собрании.

Мокропольское четвероевангелие было рано перевезено в Боснию. Нечто подобное ранее произошло с Ватиканским евангелием, которое было принесено ко двору боснийского бана Матея Нинослава (1232–1250)¹². Биляна Йованович-Стипчевич на основании палеографического анализа пришла к выводу, что эти евангельские тексты переписал переписчик Карейского типа 1220–1230-х гг. (АС 132/134), при жизни св. Саввы Сербского¹³, а Анатолий Аркадьевич Турилов установил, что данного переписчика звали Будило¹⁴. В историографии было отмечено, что бан Матей Нинослав, который был католиком, ориентировался на династию Неманичей как на идеологический образец и взял себе их княжеское имя «Стефан»¹⁵. По нашему мнению, эти факты можно связать; кроме того, в этом свете следует рассматривать и появление в Боснии Мокропольского евангелия, родственного по палеографическим и орфографическим характеристикам древнейшей копии Законоправила св. Саввы Сербского (1262). Эта связь дополнительно подкрепляется отнесением данного четвероевангелия к копиям нового литургического тетра в критическом издании отдельных евангельских книг в славянской традиции¹⁶. Новый тетр возник в связи с реформой св. Саввы Сербского – введением иерусалимской практики в Хиландарском монастыре¹⁷. Мы недостаточно знаем ситуацию в Боснии XIII в., чтобы определить границы контактов боснийского двора и ведущих сербских скрипториев.

Поскольку сохранилось крайне мало памятников «западного собрания» (немногим более 20), каждое дополнение списка, даже фрагментом, имеет большое значение. Большинство зарегистрированных учеными памятников в жанровом отношении представляют собой евангелия (15 полных, 3 отрывка). Практически все данные евангелия сохранились благодаря тому, что они активно использовались в Сербской православной церкви после завоевания средневековой Боснии турками. В церкви крайне не хватало книг, а данные книги отвечали практически всем требованиям¹⁸. Живым свидетельством этой роли книг являются позднейшие ли-

тургические пометы на их полях, а также на свободных местах внутри текста.

В науке велось много дискуссий о причинах переписывания (только?) нелитургических четвероевангелий в рамках данной письменности. Нередко давались различные объяснения, связывавшие отмеченное явление с якобы еретическим характером Церкви боснийской. Мы не будем рассматривать данный вопрос, а только упомянем следующий давно установленный факт: неполные пометы о литургических чтениях в новозаветных рукописях (слова *даче* и *реже коньць*)¹⁹ своим распределением свидетельствуют, хотя только отдельными следами, о восточном обряде (хотя бы образцов), что не является необычным для кирилло-мефодиевского наследия²⁰. Авторы критического издания славянского Евангелия от Иоанна отмечают в Зографском и Галицком евангелиях редактирование тетра согласно новому греческому оригиналу. Во время этого редактирования были устранены литургические обозначения, и после такой тетра мог использоваться в чтении в келье в славянских монастырях. В рамках данной традиции, согласно указанным авторам, следует рассматривать возникновение Никольского евангелия и евангелия из Хвалового сборника²¹. Разделение на Аммониевы главы, широко распространенное в памятниках данного собрания (имеющееся и в изучаемом отрывке), не является особой чертой «западного собрания». Об их обычном использовании в Новом литургическом театре, с соответствующими руководствами в месяцеслове, говорит и А. А. Алексеев²². Специфическое использование заглавных букв, как мы показали, проведя аналогию с Хиландарским евангелием № 52, указывает на недавнее наличие литургических помет.

До настоящего времени было известно всего несколько памятников, которые были привезены в средневековую Боснию, при этом их влияние на местную письменность не доказано. Анализ Чайничского евангелия показал, что оно, кроме всего прочего, имело протографы, привнесенные из рашской среды²³. Однако сейчас мы первый раз своими глазами видим книгу, которая привезена извне, причем мы доказали, что она несомненно использовалась в Боснии: об этом свидетельствует тот факт, что поврежденная страница рукописи заменена новой, имеющей местные особенности. Мокропольское евангелие, таким образом, и само могло послужить образцом для каких-либо более поздних рукописей в данной среде.

На основании выявленных языковых характеристик можно предположить, что вставной лист возник на широкой территории

«восточно-боснийского» (сегодня «центрально-боснийского») диалекта. Об этом свидетельствует достаточно стабильное использование буквы *ять* (данный диалект преимущественно иекавский), а дифтонгизация *ятя* в направлении иекавского рефлекса на целое столетие опаздывала в начальной стадии по сравнению с икавской трансформацией *ятя*. Имеется только три примера, свидетельствующих о смещении *ръ/-при-*. Остальные два случая мы объясняем аналогией и звуковыми закономерностями. Все это характерно для некоторых неикавских говоров²⁴.

Важное значение имеет и последовательно проведенная замена ф на п. Особенностью является одиночная замена л на р; такая же замена, только в большей степени, проведена в части Чайничского евангелия, что приписывается первому писцу. На основании установленного палеографического сходства, а также несколько расширенного использования «омеги» мы предполагаем, что данный вставной лист мог быть переписан неподалеку от места возникновения Чайничского евангелия до конца XIV в.

Анализ некоторых реликтовых черт показал, что они не ограничены особенностями памятников «западного собрания», а присутствуют всюду, не столько в зависимости от реальной степени развития литературного языка, сколько в зависимости от степени архаичности данного текста. Следовательно, об указанных явлениях можно говорить только узко локализованно и в зависимости от текстологического окружения²⁵. В остальных случаях оригинальные собственноручные записи переписчика отражают иную картину языкового развития²⁶.

А. А. Алексеев заключил, что так наз. «богомильские» рукописи не представляют собой один текст, свидетельствующий об общей традиции, а также что здесь речь идет скорее об использовании старых источников, чем о непрерывности традиции древних текстов. Он замечает, что здесь в первую очередь имела место позднейшая переработка, «контаминированный текст», и ставит под сомнение «богомильскую гипотезу»²⁷. Наш анализ это подтверждает. Подобно наблюдениям и Алексеева, и некоторых других исследователей до него, наш анализ также не установил гомогенности обработанного собрания рукописей, что указывало бы на выделение данного собрания как специфического явления во время возникновения богомильской ереси (X в.) и тем самым позволяло бы объяснить сохранение наиболее архаичного текста того времени²⁸. Изученный фрагмент отражает иную версию текста, которая по сути ближе к Рашско-хиландарскому евангелию, а в отдельных случаях обнаруживает ряд

характеристик, которые со временем аккумулируются в Никольском евангелии и в Хваловом сборнике. Эти два «западных» памятника обнаруживают и значительные различия между собой в исследуемом отрывке. Основные особенности, которые встречаются в двух данных рукописях, можно объяснить путем сопоставления с другими сербскими и иными более древними рукописями²⁹.

СОКРАЩЕНИЯ ЕВАНГЕЛЬСКИХ РУКОПИСЕЙ

А 3 – Четвероевангелие, сербскослав. фрагмент, 1360–1370 гг. Архив САНУ № 3.

А 54 – Четвероевангелие, сербскослав. рукопись, XIII–XIV вв., Архив САНУ № 54.

А 277 – Четвероевангелие, сербскослав. рукопись, перв. четв. XIV в., Архив САНУ № 277.

Акад – Апостольское евангелие, сербскослав. рукопись, 1366–1371 гг., Архив САНУ № 2.

Ас – Ассеманиево евангелие, древнеслав. рукопись, нач. XI в.; изд.: *Kurz J. Evangeliarium Assemani*. Pragae, 1955.

Бд – Богданово евангелие, сербскослав. рукопись, XIII–XIV вв., Архив ХАЗУ, IIIc 20, Михановић № 24.

Ват – Ватиканское евангелие, сербскослав. рукопись, перв. четв. XIII в., Ватикан. Cod. Slav. 4.

Вукан – Вуканово евангелие, сербскослав. рукопись, ок. 1200 г.; изд.: *Врана Ј. Вуканово еванђеље*. Београд, 1967.

Гильф – Гильфердингово евангелие, сербскослав. рукопись, ок. 1284 г., РНБ, Гильфердинг № 1.

Гр – Груйичево евангелие, сербскослав. рукопись, посл. треть XIII в., Музей СПЦ, Грујић 3–I–25.

Зогр₂ – болгарскославянский вставной лист в древнеславянском Зографском евангелии (л. 41–57), XII в.; изд.: *Jagić V. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanius*. Graz, 1954.

Карп – Карпинское евангелие, болгарскославянская рукопись, XIII в., ГИМ, Хлудов № 28.

Мар – Мариинское евангелие, древнеслав. рукопись, X–XI вв.; изд.: *Јагич И. В. Мариинское четвероевангелие*. Graz, 1960.

Мир – Мирославово евангелие, сербскослав. рукопись, посл. десятилетия XII в.; изд.: *Родић Н., Јовановић Г. Мирослављево јеванђеље (критичко издање)*. Београд, 1986.

Мп – Мокропольское четвероевангелие, сербскослав. рукопись, сер. XIII в., Крка № 2.

Мп₂ – сербскослав. пергаменный вставной лист в Мп (л. 30), конец XIV в.; см. Мп.

Нк – Никольское евангелие, сербскослав. рукопись, посл. четв. XIV в.; изд.: *Даничић Ђ.* Никольско јеванђеље. Биоград, 1864.

Остр – Остромирово евангелие, древнерус. рукопись, 1056–1057 гг.; изд.: *Ганка В.* Свѣтоѳ евангелиѳ по Остромировоу ѳпискоу. Празѳ, 1853.

Рх – Рашско-хиландарское евангелие, сербскослав. рукопись, втор. четв. XIII в., Хиландар № 22.

Сав – Саввина книга, древнеслав. рукопись, XI в.; изд.: *Князевская О. А. и др.* Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века. М., 1999.

Хв – Четвероевангелие из Хвалового сборника, сербскослав. рукопись, 1404 г.; изд.: *Gošić N. i dr.* Zbornik Hvala krstjanina (transkripcija i komentar). Sarajevo, 1986.

Хл 52 – Четвероевангелие с праксапостолом, сербскослав. рукопись, посл. четв. XIII в., Хиландар № 52.

Црк – Црколезское евангелие, сербскослав. рукопись, сер. XIII в., Дечани – Црколез № 1.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: *Радека М.* Мокропольско јеванђеље // *Старинар.* Београд, 1958. № VII–VIII (н. с.). С. 209–210.
- 2 *Пешикан М.* Мокропольско четворојеванђеље из XIII века – споменик значајне фазе у развоју старосрпске писмености // *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику.* Нови Сад, 1973. № XVI/1. С. 84.
- 3 *Пешикан М.* Мокропольско четворојеванђеље... С. 84.
- 4 Три десятилетия назад, тем не менее, на основании анализа обширного материала было установлено, что данная орфография была зафиксирована прежде всего в Хуме и в Боснии, поэтому название, связанное с ними, является более оправданным (*Ивић П., Јерковић В.* Правопис српскохрватских ћирилских повеља и писама XII и XIII века. Нови Сад, 1981. С. 193). С другой стороны, Ђ. Врана более 10 лет назад показал, что орфография в Зете была такая же, как и в Рашке (*Вуканово еванђеље.* Београд, 1967. С. 24). До реформ правописания, начавшихся в государстве

- Стефана Немани и его наследников на рубеже XII–XIII в., в Рашке (с Зетой), Хуме и Боснии использовалась общая орфография (ср.: *Грковић-Мејџор Ј.* Средњовековно језичко наслеђе Босне и Херцеговине // *Језик и писмо у Републици Српској.* Бања Лука, 2012. С. 27–28).
- 5 Ср.: *Јерковић В.* Палеографска и језичка испитивања о Чајничком јеванђељу. Нови Сад, 1975. С. 122, 135; *Rešetar M.* Der štokavische dialekt. Wien, 1907. С. 72.
  - 6 Замена в обоих направлениях имеется уже в Мирославовом евангелии, напр., ꙗѣсѣи 36а.7, 1066.20, 244а.4 (*Кульбакин Ст. М.* Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом јеванђељу. Сремски Карловци, 1925. С. 103). О ситуации в «восточнобоснийском диалекте» см.: *Brozović D.* O problemu ijekavskošćakavskog (istočnobosanskog) dijalekta // *Hrvatski dijalektološki zbornik.* Zagreb, 1966. № 2. С. 139–140.
  - 7 *Јерковић В.* Палеографска и језичка испитивања... С. 124.
  - 8 Он давно имеется в сербской редакции, напр., ц(ѣ)с(а)р(ь)сти манастирѣ (н) нгоумѣннѣ в Хиландарском типиконе (нач. XIII в.), 12а.24 (13 глава). Появляется внизу на предыдущей странице основного текста Мп: дѣлатѣи 29г.27.
  - 9 *Грковић-Мејџор Ј.* Питања из старословенске синтаксе и лексике // *Лингвистичке свеске.* Нови Сад, 2001. № 1. С. 10.
  - 10 Ср. *Алексеев А. А., Пичхадзе А. А., Бабицкая М. Б. и др.* Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998. С. 115 (sub 42).
  - 11 *Пешикан М., Јовановић Г.* Текстолошки састав и основне одлике текста најстаријих српских четворојеванђеља // *Јужнословенски филолог.* Београд, 1974–1975. № XXXI. С. 26–27.
  - 12 Нови податак о ватиканском српском јеванђелистару XIII века // *Зборник Владимира Мошина.* Београд, 1977. С. 141–142.
  - 13 *Јовановић-Ступчевић Б.* Писар Карејског типака // *Свети Сава у српској историји и традицији.* Београд, 1998. С. 127, 129–131.
  - 14 *Турилов А. А.* Ватиканское сербское [Будилово] евангелие // *Православная Энциклопедия.* М., 2004. Т. VII. С. 306.
  - 15 *Благојевић М.* Српска државност у средњем веку. Београд, 2011. С. 139–140.
  - 16 *Алексеев А. А., Пичхадзе А. А., Бабицкая М. Б. и др.* Евангелие от Иоанна... С. 14; *Алексеев А. А.* Сербская традиция славянского евангелия // *Словенско средњовековно наслеђе.* Београд, 2001. С. 37.
  - 17 Данная литургическая группа заимствует структуру и разделение на Аммониевы главы из древнего тетра-текста, а также некоторые

- лексические черты из полного апракоса Мстиславова типа (*Алексеев А. А.* Сербская традиция... С. 36–37).
- 18 Сам факт, что эти книги использовались в православном богослужении, ясно указывает на то, что они по сути не отличались от других сербскославянских «исправных книг» (*Грицкат И.* Дивошево јеванђеље. Филолошка анализа // *Јужнословенски филолог.* Београд, 1961–1962. № XXV. С. 291).
- 19 В этом проявляется связь с апракосами, о чем на материале Мостарского евангелия в свое время говорил и М. Н. Сперанский (*Сперанский М. Н.* Мостарское (Манойлово) боснійское евангелие. Варшава, 1906. С. 28–30).
- 20 С другой стороны, давно замечено, что в евангелиях данного собрания нет элементов, которые бы указывали на ересь (*Грицкат И.* Дивошево јеванђеље. С. 276–279).
- 21 *Алексеев А. А., Пичхадзе А. А., Бабицкая М. Б. и др.* Евангелие от Иоанна... С. 37. Это можно связать с фактом, замеченным полстолетия: «крстьяне» из средневековой Боснии были так наз. «василианцами». Монахи из ордена св. Василия жили в «двойных» монастырях, жизнь которых была строго регламентирована решениями Никейского собора 787 г. (*Miletić M.* I “Krstjani” di Bosnia alla luce dei loro monumenti di pietra // *Orientalia christiana analecta.* Roma, 1957, № 149. С. 55–56; *Ђурковић С.* Историја средњовековне босанске државе. Београд, 1964. С. 51, 353–354 (нап. 3)).
- 22 Напр.: *Алексеев А. А.* Сербская традиция... С. 36.
- 23 *Пешикан А.* Још један (четврти) препис друге верзије старосрпских тетра и однос ове верзије према Чајничком јеванђељу // *Јужнословенски филолог.* Београд, 1989. № XLV. С. 206–207.
- 24 *Ивић П.* О неким проблемима наше историске дијалектологије // *Јужнословенски филолог.* Београд, 1955–1956. № XXI/1–4. С. 107–109; *Брозовић Д.* О problemu... С. 133; *Ђурковић В.* Палеографска и језичка испитивања... С. 123.—Это значительно более широкий ареал с длительно сохранявшимся незаменным *јтем*, простиравшийся и с другой стороны реки Дрины. В домиграционных зонах говоров северо-западной Сербии и далее имелись оазисы с незаменным *јтем*. Подлинное удаление данных говоров произошло в XIV в., когда на левом берегу Дрины произошла дифтонгизация *јтя* в результате длительно протекавшего процесса.
- 25 Ср.: *Ђурковић-Мејџор Ј.* Средњовековно језичко наслеђе... С. 25.
- 26 *Купа Н.* Srednjovjekovna bosanska književnost // *Forum Bosnae.* Sarajevo, 2008. № 45. С. 75.

- 27 *Алексеев А. А.* Сербская традиция... С. 41, 43.
28 Там же. С. 39–40.
29 А. А. Алексеев указывает на особые параллели между текстами Хвалового сборника и богослужебным Апостола-евангелием XV в. (НБС 496), а также между Никольским евангелием и Вукановым евангелием, полным апракосом (*Алексеев А. А.* Сербская традиция... С. 40).

Savić V.
Western Serbian Insert in the Four Gospel Book
of Mokro Polje

The paper deals with a parchment insert found in the Four Gospel Book of Mokro Polje, which is a very important mid-thirteenth-century written monument of the Serbian redaction. The Four Gospel Book of Mokro Polje is a representative of the New Liturgical Tetraevangelion, defined in the reform of St Sava of Serbia. This makes the fact that the book later appeared in medieval Bosnia all the more interesting. It was in Bosnia that a missing or a severely damaged folio was replaced with a new one during the restoration of the book; the copied text bears the features of the «western» («Bosnian») manuscript group. The analysis shows that the insert was written somewhere in the territory of the ‘east Bosnian dialect’, near the place of origin of the Gospel of Čajniče, in the late fourteenth century.

Keywords: Four Gospel Book of Mokro Polje, Serbian Church Slavonic manuscript tradition, “western” («Bosnian») group of Serbian Church Slavonic manuscripts, New Liturgical Tetraevangelion.

Т. И. Вендина
(Москва)

Проблемы сравнительно-исторического языкознания в свете новых данных ОЛА

Статья посвящена анализу проблем сравнительно-исторического языкознания в свете новых данных Общеславянского лингвистического атласа. Оценивая предварительные итоги этого международного проекта, автор говорит о том, какую новую лингвистическую информацию дают карты Атласа, какие коррективы вносит Атлас в сложившиеся представления об эволюции некоторых праславянских единиц и дифференциации диалектного ландшафта Славии.

Ключевые слова: *славянская диалектология, сравнительно-историческое языкознание, лингвистическая география.*

Славянское сравнительно-историческое языкознание переживает сегодня новый этап в своем развитии. Он связан с такими капитальными международными начинаниями, как праславянская лексикография («Słownik prasłowiański» польских ученых и «Этимологический словарь славянских языков» – российских) и славянская лингвогеография («Общеславянский лингвистический атлас»). Эти крупномасштабные научные предприятия относятся к числу «долгосрочных», однако, несмотря на свою незавершенность, они позволили читателю прикоснуться к «живому» праславянскому слову и в неозримой его реализации почувствовать дыхание времени.

Идея создания Атласа возникла в начале XX в., когда пришло осознание ограниченности знаний, касающихся пространственной проекции многих праславянских явлений, и стало очевидно, что эмпирические наблюдения над историей отдельных славянских языков имеют атомарный характер и требуют своей систематизации и интерпретации в пространственно-временном аспекте.

Именно поэтому на I Международном съезде славистов в 1929 г. в Праге крупнейший компаративист XX в. А. Мейе выступил с докладом «Projet d'un Atlas Linguistique Slave», в котором поставил вопрос о необходимости создания атласа с целью изучения славянских языков методами лингвогеографии.

Однако в тот период «еще недостаточно ясно осознавалось различие между лингвогеографическим изучением каждого славянского языка, с одной стороны, и Общеславянским лингвистическим

атласом – с другой. Кроме того, общая политическая обстановка 30-х гг. в Европе не благоприятствовала проведению столь обширного международного начинания, поэтому оно не получило своего развития» (Аванесов 1978: 5). И только лишь спустя тринадцать лет после окончания Второй мировой войны, в 1958 г., на IV Международном съезде славистов этот проект вновь стал предметом обсуждения. Признав создание Атласа одной из важнейших задач славянского языкознания, съезд рассмотрел организационные формы осуществления этого проекта.

Началась разработка Вопросника Атласа, его Программы, а позже и экспедиционная работа по сбору материала в полевых условиях на всей территории Славии (в 853 населенных пунктах, расположенных во всех славянских странах, а также в Австрии, Албании, Венгрии, Германии, Греции, Румынии и Турции).

Программа Атласа предусматривает решение двух качественно разных задач – сравнительно-исторического и синхронно-типологического изучения славянских диалектов.

Первая – традиционная область славянского языкознания – «охватывает такие вопросы, как образование славянского языкового единства и последующее его диалектное членение, решение вопроса о первоначальной территории, занимаемой славянами, контакты славянских языков с языками неславянских народов – с германцами, балтийцами, кельтами, фракийцами, иранцами, финно-уграми, тюрками, греками, романцами... и т. д.» (ОЛА. Вступительный выпуск, 1994: 28–30).

Другая задача Атласа, также не менее важная и к тому же в значительной степени новая, – задача синхронно-типологическая. Решение этой задачи предполагает типологическое изучение славянских диалектов путем создания карт, которые в соответствии с Программой Атласа должны репрезентировать фрагменты языковых систем славянских языков с целью выявления их сходств и различий.

Таким образом, Атлас является грандиозным лингвогеографическим проектом сравнительно-исторического языкознания XX в., аналога которому славистика не знает. Благодаря Общеславянскому лингвистическому атласу славянское сравнительно-историческое языкознание вышло за рамки национальных филологий и, преодолевая атомарность и поверхностность отдельных славистических штудий, обратилось к изучению праславянских явлений в общеславянском масштабе.

Работа над созданием Общеславянского лингвистического атласа продолжается уже более 50 лет. Несмотря на то, что процесс создания Атласа растянулся во времени и при этом знал разные коллизии, его коллективу удалось опубликовать восемь томов фонетико-грамматической серии: «Рефлексы *ě» (Београд 1988), «Рефлексы *ę» (Москва 1990), «Рефлексы *ǫ» (Warszawa 1990), «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» (Warszawa 1994), «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (Скопје 2003), «Рефлексы *ь, *ь» (Загреб 2006), «Рефлексы *о» (Москва 2008), «Рефлексы *е» (Москва 2012) и семь томов лексико-словообразовательной серии: «Животный мир» (Москва 1988), «Животноводство» (Warszawa 2000), «Растительный мир» (Мінск 2000), «Профессии и общественная жизнь» (Warszawa 2003), «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва 2007), «Человек» (Kraków, 2009), «Сельское хозяйство» (Братислава 2012), и это при том, что в 80-х гг. публикацию Атласа пришлось «заморозить», так как в процессе работы возникли сложности экстралингвистического характера, преодолеть которые удалось практически только спустя двадцать пять лет.

В настоящее время во всех странах-участницах этого международного проекта ведется работа по подготовке к печати очередных томов Атласа лексико-словообразовательной серии («Обычаи и обыряды», «Степени родства» «Пути сообщения, транспорт», «Метеорология и измерение времени» и др.) и фонетико-грамматической серии («Рефлексы *а», «Рефлексы *i, *у, *и», «Рефлексы *tort, *tert, *tolt, *telt», «Местоимения» и др.).

Оценивая предварительные итоги проделанной работы, следует отметить, что Атлас предоставил исследователям богатейший диалектный материал, бывший ранее во многом неизвестным, а потому долгое время остававшийся в тени при описании диалектного ландшафта Славии и тех языковых процессов, которые протекали в славянских диалектах в прошлом и имеют место сегодня. Этот языковой материал является главным итогом международного проекта. Картографирование языкового материала на огромном пространстве terra Slavia придало картам Атласа статус особо ценного источника лингвистической информации, так как чем больше территория, тем вероятнее получение новых сведений о дифференциации славянских диалектов.

Публикация Атласа убедительно доказала, что реконструкция системы праславянского языка, решение вопроса о локализации прародины славян невозможно без изучения современного славянского диалектного континуума методами лингвогеографии.

Вместе с тем работа над Атласом высветила некоторые проблемы современной славистики, которые требуют своего решения.

1. Проблема интерпретации ареалов. Как известно, задача любого атласа состоит в том, чтобы дать представление об общей картине распространения изучаемых явлений с целью выявления изоглосс и определения их топографической и лингвистической значимости. «Лингвогеограф интересуется прежде всего современное состояние явлений, место, которое они занимают в наши дни, и взаимоотношения их в пространстве. Только после подробного географического их исследования и на основе этого исследования лингвогеограф считает себя вправе обратиться к их истории» (Теньер 1966: 118).

Однако задача исследователя заключается не только в том, чтобы локализовать диалектные материалы в географическом пространстве, но и в том, чтобы их интерпретировать¹. А для этого необходимо заставить «заговорить» пространство, научиться «читать» и понимать язык карты.

Следует, однако, признать, что лингвистическая карта трудна для восприятия, причем не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста, так как это довольно «специфический текст, несущий слишком большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся языковедческим стереотипам и постулатам» (Гриценко 2004: 86).

Дело в том, что карты Атласа являются довольно сложными как в структурно-типологическом отношении, так и по своим хронотопическим характеристикам. Эксплицированный на картах материал в хронологическом плане оказывается чрезвычайно разнородным, так как изоглоссы межславянских соответствий проецируются в разновременные плоскости. Поэтому перед читателем предстает довольно сложная ареалогическая картина связей и отношений славянских языков. Несмотря на то, что в основу Вопросника Атласа был положен принцип диахронического тождества общеславянских корней и лексем, на его картах наряду с праславянскими оказались и лексемы более позднего образования, являющиеся свидетельством собственной истории славянских языков и их диалектных контактов. Поэтому истинная картина связей и отношений славянских языков периода праславянской эпохи оказалась во многом затемнена более поздними временными напластованиями.

Для осмысления этой картины простое суммирование выявленных изоглосс мало что дает. Межславянские ареальные связи невозможно рассматривать только в одной плоскости – статистических соответствий, ибо они не укладываются в какой-либо один ареальный сценарий. Кроме того, происходит отождествление разных по времени изоглосс, которые отличаются друг от друга и по своей древности, и по устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для разных уровней языка. Для понимания истинного характера ареальных связей славянских языков необходимо научиться «читать» карту.

Трудность, однако, заключается в том, что в отечественной лингвистической географии (как, впрочем, и в зарубежной) еще довольно плохо проработаны методологические основы приемов и принципов научного осмысления картографических данных в ареальном аспекте, а тем более методика ретроспективного изучения фактов, представленных на картах самого разного типа. Разработка методов лингвистической географии является по существу своеобразным «побочным» продуктом ареальных исследований, хотя следует отметить, что ее успехи были бы более впечатляющими при целенаправленной разработке теории и методов (например, методов отграничения праязыковых истоков некоторых инноваций от процессов развития новообразований, возникающих параллельно и являющихся фактами собственной истории отдельных славянских языков, или методов хронологической стратификации эксплицируемого на карте материала и т. д.). Возможно, именно поэтому материалы атласов еще довольно медленно вводятся в научный оборот.

Между тем Атлас предоставил исследователям богатейший материал, который дает основания для нового взгляда на традиционно устанавливаемые связи как в современной, так и в праславянской Славии. Поэтому карты Атласа, с развернутой на них экспозицией лексико-словообразовательных и фонетико-грамматических явлений, требуют сегодня глубокого анализа и всестороннего изучения межславянских диалектных соответствий.

Основные проблемы возникают при хронологической стратификации лексического материала. Что касается фонетики, то здесь само фонетическое явление, его история указывает на время его возникновения (например, явление непоследовательности палатализаций заднеязычных согласных, сохранение фонологической индивидуальности *ě или слоговых сонантов, судьба сочетаний *tort, *tert, *tolt, *telt и т. д.). При решении же вопроса о хронологической стратификации лекси-

ческого материала возникают определенные трудности, поскольку «в лексике, более чем в какой-либо иной области языка, имеют значение междиалектные контакты, в результате чего может явиться экспансия одних лексем и утрата других» (Клепикова, Попова 1968: 106).

Встает вопрос: какие критерии являются надежными, необходимыми и достаточными при хронологической интерпретации лексических изоглосс? Можно ли вообще найти такие критерии или вслед за Н. С. Трубецким², повторяя, что «каждое слово распространяется в своих собственных границах», следует признать, что оно имеет и свою собственную топографическую историю, а потому от поисков таких критериев следует отказаться?

Между тем интерпретация изоглосс применительно к задачам ареальной лингвистики имеет особое значение, поскольку без нее не могут быть сделаны соответствующие выводы. Но, к сожалению, славистика пока не располагает надежными критериями для хронологического расслоения языкового материала. «Закономерности соотношения типов ареалов и хронологии самих явлений, сформулированные М. Бартоли на материале романских языков, имеют скорее индикативный характер, то есть они лишь указывают на *возможность* истолкования явления, например, как архаического, если оно зафиксировано в изолированных, периферийных или в значительных по территории областях» (Клепикова 2008: 363).

Трудности диахронической интерпретации фактов порождены, в частности, тем, что информация о временной стратификации представлена на картах в «закодированном» виде. Для понимания истинного характера того или иного ареала и природы его возникновения необходимо ее «декодировать». Однако сама процедура этой дешифровки пока не проработана.

Поэтому на современном этапе развития компаративистики приходится использовать далеко не совершенные трактовки ареальных ситуаций, предложенные неолингвистикой. Существующий сегодня разрыв между эмпирическими успехами лингвистической географии и состоянием разработки ее теоретическо-методического аппарата является одним из парадоксов ареальной лингвистики. Будучи увлеченной своими реальными достижениями в решении масштабных задач, связанных с изучением территориального варьирования единиц того или иного языка, лингвистическая география довольно долго шла по пути экстенсивного развития, оставляя без должного внимания вопросы, связанные с используемым ею методическим инструментарием. В результате сложилось неадекватное соотношение

диапазона накопленных диалектных фактов и их интерпретации, которая в лучшем случае сводится к описательной процедуре.

Между тем публикация материалов Общеславянского лингвистического атласа заставляет задуматься над закономерностями, действующими в лингвистическом пространстве, а именно над такими лингвоареальными явлениями, как системность ареала (когда на огромном географическом пространстве наблюдается последовательное распространение одного и того же рефлекса или одной и той же лексемы, см., например, карты первого лексико-словообразовательного тома «Животный мир»: к. 1 ‘зверь’, к. 9 ‘ласка’, к. 10 ‘еж’, к. 11 ‘заяц’ или карты, посвященные рефлексам носовых) и противоположная ей асистемность, размытость ареала (когда на сравнительно небольшой территории наблюдается огромное разнообразие рефлексов или высокая концентрация разнорексемы номинаций – ср. ситуацию в словенских диалектах, где чаще всего наблюдается такая картина: на к. 20 *dem* ‘ножик’ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», например, зафиксированы следующие лексемы: *nož-ьk-ь*, *nož-ič-ьk-ь*, *nož-itj-ь*, *nož-itj-itj-ь*, *nož-itj-ьc-ь*, *nož-ьc-ь*, *nož-ьč-ьk-ь*, *nož-ej-ь*, *nož-ik-ь*, *nož-ę*, *brit-ьv-ic-a*, и это при том, что сетка Атласа включает всего 25 пунктов из словенских диалектов).

Ясно, что на картах отразилось не только территориальное распределение лексем, но и временное. Лингвогеографическое изучение разных ареальных сценариев позволит обратиться к рассмотрению типологии ареалов, их величины, конфигурации, иерархии.

2. Проблема фонетической субституции праславянских единиц. Как уже отмечалось, Атлас имеет прежде всего сравнительно-историческую направленность, поскольку в основе его лежит генетический принцип установления диахронического тождества слов и морфем, реконструируемых для позднего праславянского периода. Эта диахроническая направленность Атласа особенно хорошо прослеживается в его фонетико-грамматической серии, где отчетливо видна дифференциация славянских диалектов в зависимости от исторического развития праславянских континуантов.

Давая представление о шкале возможных и допустимых перемещений в исторической эволюции праславянских фонем, карты этой серии впервые предоставили возможность исторического прочтения лингвистического ландшафта Славии, продемонстрировав эффективность синтеза сравнительно-исторического и лингвогеографического методов исследования.

Публикация фонетических томов Атласа позволила критически оценить высказанные ранее гипотезы о фонетической субституции некоторых праславянских единиц в позднепраславянском и современных славянских языках. Так, например, материалы первого фонетического тома «Рефлексы *ě» дали возможность ответить на два принципиально важных вопроса, а именно: 1) какова была фонетическая природа *ě, в частности его линейный характер (являлся ли он дифтонгом или был монофтонгом); 2) что представлял собой *ě в артикуляционном отношении (если это был дифтонг, то каковы были его компоненты, если монофтонг, то каково было его качество). Как известно, эти вопросы неоднократно обсуждались в славистике и имели разные решения, поскольку фонетическая субституция *ě связывалась то с долгим открытым *e*ː, то с долгим закрытым *e*ː, то с широким открытым гласным переднего ряда типа *'ä*, коррелирующим с гласным непереднего ряда нижнего подъема *a*, то с дифтонгами либо закрытого типа *ië*, либо открытого типа *iä*, *ea*, *ēa*, *eä* (подробнее см.: Вендина 1998: 130). Такое многообразие точек зрения объясняется как сложностью самого предмета исследования, так и недостатком материала, необходимого для всестороннего анализа. Публикация первого тома Атласа «Рефлексы *ě» позволила прояснить некоторые моменты, и прежде всего выявить в деталях весь спектр рефлексов *ě во всем их диалектном разнообразии.

На фоне синхронных и ареальных показателей Атласа более убедительной представляется эволюционная диалектальная теория *ě, когда в качестве исходной для одних диалектов признается широкая открытая артикуляция типа *ea* (*ea*, *eä*, *'ä*), а для других – узкая закрытая типа *e* с последующим преобразованием либо в сторону дальнейшего сужения (ср. модель *ea* > *e* > *ië* > *i* (*ije*), характерную для многих сербских, хорватских, словенских, а также, возможно, и некоторых севернорусских говоров, или *e* > *ië* > *i* – для украинских и некоторых севернорусских говоров, *ea* > *e* – для македонских, северо-восточных штокавских и западноболгарских), либо в сторону расширения (ср. модель *ea* > *'a* > *'a*, которая характерна для ряда восточноболгарских и македонских говоров или модель *e* > *e* – для многих русских говоров, подробнее см. Вендина 1998: 136).

Таким образом, сам материал Атласа говорит о том, что фонетическая система праславянского языка была чрезвычайно сложной и при этом диалектно дифференцированной. Включение в систему доказательств фактора пространства не только позволяет определить фонетическую сущность праславянской единицы, но и является

убедительным свидетельством отсутствия единого в фонетическом (как, впрочем, и в лексическом) отношении «праславянского наречия» (Мейе 1951: 1), из которого традиционно выводились все славянские языки.

3. Проблема интерпретации некоторых фонетических явлений. Фонетические тома Атласа, посвященные редуцированным «Рефлексы *ъ, *ь» (Загреб 2006), «Рефлексы *ъ, *ь. Вторичные гласные» (Скопје 2003), «Рефлексы *ыг, *ыг, *ыл, *ыл» (Warszawa 1994), заставляют по-новому взглянуть и на проблему, которая в славистике казалась давно уже решенной, а именно на оценку их «сильной» и «слабой» позиции. Карты ОЛА показывают, что в восточнославянских диалектах правило Гавлика в так называемой «слабой» позиции перед слогом с гласным полного образования «не работает», поскольку в этой позиции прослеживается вокализация «слабых» редуцированных (см., например, карты *drъva, *stъklo, *тъха, *krъvavъ, *krъstjenъ, *xръbътъ, *trъbuxa, *grъmitъ, *blъxa, *glъtalъ, *jablъko, *slъza, *klъnetъ и др.).

Материалы Атласа говорят о том, что традиционно принятые аргументы при объяснении этого фонетического явления теряют свою объяснительную силу, как только в систему доказательств включается фактор пространства. Ярким примером может служить вокализация редуцированных в форме *тоха*, которая засвидетельствована практически повсеместно в западно- и восточнославянских диалектах, а также в словенских и в некоторых сербских говорах. Это доказывает возможность фонетического обоснования развития редуцированных в праформе *тъха и подрывает традиционную точку зрения о влиянии морфологической аналогии. Морфологическая аналогия, проявляющаяся, как правило, индивидуально, вряд ли могла стимулировать изменение фонетического облика слова на таком обширном языковом пространстве. В противном случае это означало бы признание морфологической аналогии таким необъяснимым феноменом, который распространяется на огромной территории и на большой временной протяженности (ибо известно, что падение редуцированных в разных языках шло в разное время), что едва ли правомерно.

4. Проблема типологии фонетических процессов. Не менее важным является и другой аспект фонетико-грамматической серии Атласа – синхронно-типологический, который высвечивает

проблемы типологии фонетических процессов, требующих своего осмысления. Во всех томах фонетико-грамматической серии ОЛА содержатся типологические карты, репрезентирующие фрагменты языковой системы. Типологические карты посвящены исследованию таких, например, вопросов, как влияние консонантного окружения, вокального количества и ударения на рефлексацию праславянских вокалов. В большинстве сравнительно-исторических исследований эта информация отсутствует или носит эпизодический характер. Между тем карты Атласа продемонстрировали, как важен учет этих параметров при изучении рефлексации праславянских гласных, поскольку наличие или отсутствие влияния фонетического контекста может являться причиной возникновения древнейших диалектных различий.

Эти карты позволяют обратиться к изучению проблемы диахронической типологии фонетических процессов, повлиявших на развитие фонетической системы праславянского языка. Материалы Атласа свидетельствуют о том, что изменения в фонетической системе праславянского языка происходили под воздействием в основном двух факторов – **просодических** (ударение, количество, тон) и **позиционных** (граница слова, качество предшествующего и последующего согласного, а также качество гласного следующего слога). Причем главными среди них являются ударение (а точнее безударность), количество и мягкость соседнего согласного.

Неравномерность развития диалектных систем, помноженная на исключительное многообразие праславянских континуантов, представленных на картах Атласа, позволяет установить и последовательность различных стадий процесса исторической эволюции праславянских фонем, выявить типологию их развития, что дает возможность внести коррективы в сложившиеся в славистике представления об их рефлексации. Так, например, материалы томов, посвященных праславянским носовым, «Рефлексы *ę» (Москва 1990), «Рефлексы *ǫ» (Warszawa 1990), обнаруживают факты, ранее неизвестные в славистике: на картах обоих томов прослеживаются различные стадии процесса деназализации рефлексов праславянских *ǫ, *ę, ибо носовой резонанс этих праславянских гласных характерен далеко не для всех польских диалектов: полностью, в виде вокальной назальности, он сохранился в кашубских, в отдельных мазовецких (пп. 272, 285) и малопольских (пп. 294, 304–306, 311, 316–319, 323) говорах; кроме того, он наблюдается также в отдельных говорах Каринтии (п. 148), хотя и только у представителей старшего поко-

ления; в большинстве других польских диалектов, а также в южно-македонских говорах (пп. 106, 108, 109, 112) он представлен лишь в виде консонантной назальности (Topolińska, Видоески 1990: 110). Таким образом, карты Атласа свидетельствуют о высокой исторической информативности диалектного ландшафта Славии, ибо разрозненная фиксация языковых фактов, представленная в отдельных сравнительно-исторических штудиях, выстраивается на его картах в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений в пространстве и времени.

Сопоставительный анализ этих структурно-типологических карт ОЛА позволит в будущем описать механизм развития многих праславянских гласных и «нащупать» внутренние связи сходных по своим результатам рефлексаций (например, *ě и *ę), что в конечном итоге позволит создать типологию фонетико-фонологических систем славянских диалектов.

5. Проблема релевантности лексических данных. Не менее важной для сравнительно-исторического языкознания является и лексико-словообразовательная серия Атласа. Выход в свет семи томов этой серии заставляет по-иному взглянуть на проблему релевантности данных лексики и словообразования для изучения вопроса о диалектном членении праславянского языка.

Напомню, что в сравнительно-историческом языкознании еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам лексики и словообразования как к фактам, которые в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Отсюда и отсутствие должного внимания к изучению лексического уровня праславянского языка методами лингвогеографии (примечательно, что, выступая в поддержку идеи А. Мейе о создании Общеславянского атласа, И. А. Бодуэн де Куртенэ в своем докладе «Изоглоссы в славянском языковом мире» говорил лишь о фонетических изоглоссах).

В этих суждениях, освященных именами Р. Раска, К. Бругмана, А. Мейе, Н. С. Трубецкого и других ученых, на первый взгляд, есть известная доля истины. Пронизывая всю толщу языка, фонетические различия охватывают огромное количество слов (в отличие от лексических, наблюдающихся лишь в отдельных словах, реже – в группе слов), и в этом смысле они достаточно рельефно обнажают различия между языками.

Однако, не вдаваясь в вопрос о том, насколько продуктивна языковая (пусть даже и абстрактная) модель, не насыщенная лексически, мы должны признать, что все эти аргументы, строго говоря, не выдерживают серьезной критики. Открытость и подвижность словарного состава языка, в том числе и праславянского, является довольно относительной, если учесть и другой важный экзистенциальный принцип любой лексической системы, а именно ее консерватизм, который и позволяет языку выполнять коммуникативную и эпистемическую функции. Это сочетание в лексической системе языка двух прямо противоположных тенденций – динамики и консерватизма – является следствием общего механизма эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Именно этот принцип позволяет сохранять лексическую систему языка во времени в значительно большей степени, чем фонетическую или морфологическую³. И это прекрасно доказали карты Общеславянского лингвистического атласа, продемонстрировавшие хорошую степень сохранности праславянского лексического элемента во всех диалектах славянских языков.

На современном этапе славистических исследований, когда в значительной степени исчерпаны возможности внутренней реконструкции на фонетическом и морфологическом уровнях, все большее значение приобретают данные лексики, ибо они дают более дифференцированный и количественно богатый материал для изучения межславянских языковых связей. Материалы Атласа убедительно доказали, что оперирование многочисленными лексическими изоглоссами, в количественном отношении во много раз превосходящими фонетические, дает исследователю возможность быть более объективным в восстановлении сложной картины схождения и расхождений славянских языков⁴. Поэтому сегодня лексический материал не только не игнорируется в сравнительно-исторических исследованиях, но и активно привлекается как полноценный критерий, представляющий самостоятельный интерес для этих исследований.

6. Проблема лексического фонда праславянского языка. Публикация томов лексико-словообразовательной серии дает основания и для нового взгляда и на проблему лексического фонда праславянского языка.

Известно, что праславянская «словарная коллекция» довольно долгое время создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции. Из-за отсутствия достоверных материалов и надежных сведе-

ний по древним лексическим изоглоссам лексический состав праславянского языка воспринимался не дифференцированно: «достаточно было фиксации какой-либо лексемы в двух из трех ныне существующих групп славянских языков (западной, южной или восточной), чтобы, при отсутствии показателей поздней инновации, отнести ее к общему праславянскому лексическому фонду» (Толстой 1997: 111).

С выходом в свет Общеславянского лингвистического атласа ситуация в корне изменилась. Каждый лексико-словообразовательный том Атласа содержит в себе целую серию древних лексических диалектизмов, имеющих нередко эксклюзивные сепаратные связи. Наличие этих изоглосс придает Атласу статус особо ценного источника сравнительно-исторических и этимологических штудий. В отличие от праславянских этимологических словарей, он позволяет выявить пространственную локализацию межъязыковых схождений и, что самое главное, оценить их с ареальной точки зрения, так как эти схождения могут иметь разный характер – очаговый или системный, то есть они могут охватывать значительные ареалы, отражая сложные отношения между двумя и более диалектами. В этом смысле Атлас не только обогатил славистику новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности создать фонд праславянских лексических единиц, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную, – рассмотреть те или иные диалекты в общеславянском контексте, став бесценным источником для изучения истории формирования современных славянских языков и диалектов.

7. Проблема типологии мотивационных признаков. Мотивационные карты Атласа содержат уникальный материал для разработки проблемы типологии мотивационных признаков. Пока удельный вес этих карт в Атласе сравнительно невелик, однако число их в каждом томе увеличивается. Ценность их определяется тем, что, эксплицируя внутреннюю форму того или иного слова, они позволяют определить некоторые типологические универсалии в принципах номинации.

Кроме того, они дают возможность увидеть мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проекцией языка этой культуры.

Так, например, в шестом томе Атласа «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» находится мотивационная карта, посвященная

названию 'первого куска хлеба, отрезанного от буханки, горбушки'. На этой карте наряду с пространственным и процессуальным мотивационным признаком (ср. *kraj-ьс-ь*, *kraj-ьѣ-е*, *kraj-išč-e*, *kraj-ьк-а*, *kraj-ик-ь*, *kraj-ик-а* или *kroj-ь*, *сь-kroj-ьк-ь*; *pri-lěp-ьк-а*, *сь-lěp-ьк-ь*; *rqb-ь*, *rqb-ьѣ-е*; *na-čęt-ьк-ь*, *na-čin-ьк-ь*, *ob-ber-ьк-а*) представлен антропоморфный признак (ср. лексемы *гѣб-их-а*, *гѣб-иш-а*, *гѣб-иш-ьк-а*, *гѣб-иш-ьк-ь*, *гѣб-ьк-ь* и др., распространенные главным образом в русских и частично украинских и белорусских диалектах; или лексемы *рѣт-ьк-а*, *рѣт-иѣ-ьк-а* и др., характерные в основном для периферийных македонских, южнопольских и чешских диалектов; лексема *льб-ьк-ь*, отмеченная только в украинских диалектах; лексемы *jan-ьк-ь*, *jan-ьк-о* и др., встречающиеся в словацких и изредка в чешских диалектах). Все эти названия говорят о том, что хлеб в языках этих культурных традиций воспринимается как живое существо, имеющее свои «части тела». На это косвенно указывает и другая карта Атласа – 'подходит, растет' (о тесте), которая свидетельствует о том, что тесто практически во всех славянских диалектах уподобляется живому существу. Это существо живет (ср. лексемы *ži-v-e-tь*, *za-ži-v-e-tь*, *vy-ži-v-e-tь* – севернорусские диалекты), движется (ср. лексемы *xod-e-tь*, *xod-i-tь*, *podъ-xod-i-tь*, *възь-xod-i-tь*, *възь-xod-j-e-tь*, *vy-xad-j-i-va-je-tь* и др. – восточнославянские, словенские и частично чешские диалекты; или *възь-ьд-e-tь*, *podъ-ьд-e-tь*, *nadъ-ьд-e-tь* и др. – македонские, частично южнорусские, болгарские и сербские диалекты; *dvig-a-je-tь se*, *orз-dvig-ne-tь se*, *dviž-e-tь se*, *na-dviž-e-tь se* и др. – лужицкие, хорватские и словенские диалекты), растет (ср. лексемы *orст-e-tь*, *na-orст-a-je-tь*, *pod-orст-a-je-tь* и др. – польские, западноукраинские, сербские и македонские диалекты) и даже работает (ср. *orb-i-tь* и др. – кашубские диалекты).

Карты Атласа позволяют не только увидеть разные мотивационные признаки в пространстве языка той или иной культуры, но и провести глубинную смысловую реконструкцию метафорических образов, лежащих в основе этих мотивационных признаков. Так, например, многочисленные диалектные названия божьей коровки, представленные на карте 44 'божья коровка' т. 1 «Животный мир», являют собой осколки разбитого славянского мифа «свадьба солнца», которые рассыпаны по всем славянским диалектам. Глобальная оппозиция формируется мифологемами «жених» и «невеста», которые реализуются в разных мотивационных признаках – либо **антропоморфных** (**ivan-ьѣ-ик-ь*, **petr-ик-ь*, **nikolaj-ьѣ-икъ*, **andrej-ьк-о*, **ne-věst-a*, **pan-ьн-а*, **sir-ot-ьк-а*, **rod-in-ьк-а*, **pas-t-us-ьк-а*, **po-*

vet-ъk-a, *god-in-ъk-a, *kat-ar-in-ъk-a, *marg-et-ic-a и др. в чешских, польских, украинских, белорусских, южнославянских диалектах), либо **зооморфных** (**bož-bj-a kory-ъk-a*, *kory-ic-a, *kory-us-ъk-a, *ov-ъc-ic-a, *vol-ъ, **bož-bj-ъ vol-ъk-ъ*, *baran-ъ, *baraš-ъk-ъ, *koz-ar-ъk-a и др., в основном в русских, отчасти в украинских и белорусских, а также в отдельных хорватских, сербских и македонских диалектах), либо **солярных** (*sъln-ič-ъk-o, *sъln-ъč-ъk-o, *sъln-ъč-ъn-ik-ъ, *sъln-uš-ъk-o и др., в основном в лужицких, чешских, отчасти польских и юго-восточных украинских диалектах) – подробнее см. (Вендина 2000: 193). Материалы Атласа не только являются бесценным источником для реконструкции и прочтения этого мифа, но и сами могут быть осмыслены и поняты при условии их соотнесенности с данными фольклора и духовной культуры славян.

Разработка типологии мотивационных признаков, выявление устойчивых моделей мотивации открывает большие перспективы в картографической проекции языка духовной культуры славян.

8. Проблемы славянской диалектологии. Обосновывая идею создания Общеславянского лингвистического атласа, А. Мейе в своем докладе предлагал рассматривать славянские диалекты в аспекте единого языка, то есть речь шла не об атласе различных славянских языков, а об атласе единого славянского языкового континуума в его противопоставлении романским и германским языкам. А это значит, что публикация ОЛА требует осмысления terra Slavia с позиций славянской диалектологии. Закономерно встает проблема релевантности диалектных признаков, которые должны быть положены в основу классификации славянских диалектов с целью выявления междиалектных сходств и различий. Опубликованные фонетические тома Атласа говорят о том, что в их число должны входить такие признаки, как аканье и оканье, еканье и иканье. Рассмотренные в общеславянском контексте, эти признаки должны пролить свет на ряд нерешенных проблем сравнительно-исторического языкознания, и в частности, на проблему происхождения аканья, которая, как известно, до сих пор не имеет своего решения.

Лексико-словообразовательная серия атласа поможет выявить лексико-семантические противопоставленные и непротивопоставленные диалектные различия, которые позволят говорить о дифференциации славянских диалектов в синхронно-типологическом плане (ср., например, следующие карты, на которых выявляется четкое разделение Славии по линии **север ~ юг**: т. 1 «Животный мир» карта

30 'ящерица': север //ašč-er- (//ašč-er-ъ, //ašč-er-ic-a, //ašč-er-ъk-a) ~ юг *gušč-er-* (*gušč-er-ъ, gušč-er-ic-a, gušč-er-ъk-a*); т. 2 «Животноводство» карта 4 'некастрированный самец овцы': север *baran-ъ* ~ юг *ov-ъn-ъ*; карта 10 'самец кошки': север *kot-* (*kot-ъ, kot-j-ur-ъ*) ~ юг *mač-* (*mač-ъk-ъ, mač-or-ъ, mač-or-ъk-ъ*); т. 3 «Растительный мир» карта 6 'тень под деревом': север *těn-ъ* ~ юг *xold-ъ*; карта 11 'лес': север *lěs-ъ* ~ юг *šim-a*; карта 17 'сосна': север *sos-ъn-j-a* ~ юг *bor-ъ* и т. д.).

Сравнение материалов карт лексико-словообразовательной и фонетико-грамматической серии Атласа дает возможность «реально представить» общую картину механизма эволюции славянских диалектов. Она свидетельствует о том, что в лексических и фонетических системах славянских языков процессы их дивергенции носили разный характер: если на фонетических картах мы можем довольно часто наблюдать четкое диалектное размежевание, своеобразные «разломы» на диалектном ландшафте terra Slavia (см., например, карты фонетических томов ОЛА, посвященных рефлексам носовых), то на лексических картах таких резких обрывов изоглосс не прослеживается, скорее здесь отражен процесс медленного разрушения праславянского единства, при котором следы прежней близости языков не только не утрачиваются, а, напротив, довольно долго сохраняются (хотя нередко и лишь в виде осколков). И эта разная картина эволюции славянских языков на фонетическом и лексическом уровне порождена кумулятивным принципом развития лексического состава каждого языка, когда новое не устраняет старое, а прекрасно «сосуществует» с ним, усложняя эту систему во времени и в пространстве.

9. Проблема этногенеза. Как уже отмечалось выше, одной из важнейших задач Атласа является задача определения прародины славян.

Следует, однако, признать, что Атлас пока не может дать ответ на этот вопрос. Решение его затруднено прежде всего тем обстоятельством, что практически все вышедшие тома Атласа (за исключением трех последних) имеют лакуну в виде болгарского материала, что делает какие-либо предположения и выводы по этой проблеме не вполне корректными. Думается, однако, что устранение этой лакуны в последующих томах Атласа поможет найти ее решение.

Этому в немалой степени должна способствовать и разработка методологии пространственно-временной интерпретации изоглосс. Она позволит соотнести материал, представленный на картах, с различными гипотезами славянской прародины (висло-одерской,

дунайской, среднеднепровской, прикарпатской, припятской и др.). Тем самым материалы Атласа позволят перевести дискуссию о славянской прародине из плана абстракции в план конкретного сравнительного анализа лексем, имеющих праславянское происхождение. Фактов для этого накопилось уже достаточно.

Пока же можно сказать, что современные диалектные отношения, характеризующие славянские языки, не имеют четкой экспликации на плоскости праславянского. Думается, однако, что выявление этих соответствий возможно путем синтеза сравнительно-исторического метода с методами лингвистической географии.

Карты Атласа не подтверждают традиционной точки зрения о существовании единого в лексическом отношении праславянского языка. Благодаря этим материалам «на смену представлению о первоначально бездиалектном праславянском языке приходит учение о диалектно сложном древнем языке славян с сильно развитым диалектным словарем» (Трубачев 1983: 236). Поэтому механизм его развития сегодня переосмыслиется: «Прямолинейные схематичные построения в духе теории родословного древа уступают место более сложным представлениям о процессе развития, вытекающим из положения о динамичности праславянского языка, незамкнутости, проницаемости занимаемой им территории» (Куркина 1985: 61).

Общий ареалогический анализ лексических материалов, содержащихся в опубликованных томах лексико-словообразовательной серии Атласа, свидетельствует о том, что восточнославянские языки на фоне западно- и южнославянских демонстрируют удивительное лексическое единство (подробнее см.: Вендина 2003: 63; Вендина 2009), что свидетельствует о высокой степени гомогенности восточнославянского диалектного континуума, в отличие от южно- и западнославянских языков, отличающихся гетерогенностью. Этот факт не может оставаться без внимания при рассмотрении вопроса о лингвистическом этногенезе южных и западных славян. Он заставляет по-новому взглянуть на проблему существования праюжнославянского и западнославянского языков. Даже если предположить, что в ходе истории славянских языков их бывшее единство было разрушено временем, наличие незначительного количества общезападнославянских и общеюжнославянских изоглосс является серьезным аргументом против существования в прошлом их языкового единства⁵.

Материалы Атласа не подтверждают и гипотезы о том, что распад праславянского языка происходил сначала на юго-восточную

и западную группы, а потом первая из них разделилась на южную и восточную группы, что привело к образованию трех славянских языковых групп. Напротив, они недвусмысленно говорят о «сложных и длительных процессах дивергентного и конвергентного развития славянской языковой семьи, начиная с праславянской эпохи, инициированных, в частности, интенсивными миграциями древних славян (а позднее – отдельных славянских этносов). Отсюда – существование, с одной стороны, диалектной дифференциации уже в праславянском, а с другой – “вторичных” сближений как на уровне прадиалектов, так и в дальнейшем – между отдельными славянскими языками в целом или некоторыми диалектами различных языков» (Клепикова 2005: 62). Прерывистые изоглоссы, связывающие разные славянские диалекты на всем пространстве terra Slavia, являются отражением более сложных диалектных отношений, чем существующее сегодня в славистике представление.

Думается, что создание Общеславянского лингвистического атласа, накопление изоглосс самого разного характера со временем даст возможность ответить на вопрос, ЧТО в диалектной структуре современных славянских языков является продолжением праславянского наследия, а ЧТО сложилось позднее, в эпоху миграций, под влиянием факторов культурно-исторического характера.

Во всяком случае, уже сейчас можно с уверенностью сказать, что если раньше при решении проблемы этногенеза славян привлекались разрозненные факты, а иногда лишь интуиция ученого, то с созданием ОЛА эта проблема получает твердые основы и достаточно убедительную аргументацию.

Информация, содержащаяся на картах Атласа, бесспорно, явится прочным фундаментом для новых сравнительно-исторических и синхронно-типологических штудий, которые в будущем будут иметь своим итогом полноценную реконструкцию той языковой модели, с преобразованием которой связано существование семьи славянских языков.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов 1978 – *Аванесов Р. И.* Общеславянский лингвистический атлас (1958–1978). Итоги и перспективы // VIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации. М., 1978.

Вендина 1998 – *Вендина Т. И.* Общеславянский лингвистический атлас и лингвистическая география // XII Международный съезд сла-

вистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 1998.

Вендина 2000 – *Вендина Т. И.* Мотивационный признак в лингвогеографическом пространстве Общеславянского лингвистического атласа // *Јужнословенски филолог*. LVI/1. Београд, 2000.

Вендина 2003 – *Вендина Т. И.* Лексика и семантика на картах Общеславянского лингвистического атласа // XIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации. М., 2003.

Вендина 2009 – *Вендина Т. И.* Русские диалекты в общеславянском контексте. М., 2009.

Гриценко 2004 – *Гриценко П. Е.* Об интерпретации лингвистических карт // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2001–2002. М., 2004.

Журавлев 1994 – *Журавлев А. Ф.* Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.

Клепикова, Попова, 1968 – *Клепикова Г. П., Попова Т. В.* О значении данных лингвистической географии для решения некоторых вопросов истории болгарского языка // *Вопросы языкознания*. 1968. № 6.

Клепикова 2005 – *Клепикова Г. П.* Типы ареалов, репрезентирующих македонско-севернославянские параллели // *Ареална лингвистика. Теории и методи*. Скопје, 2005.

Клепикова 2008 – *Клепикова Г. П.* Очерки карпатской диалектологии: Предисловие. Введение // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008.

Куркина 1985 – *Куркина Л. В.* Праславянские диалектные истоки южнославянской языковой группы // *Вопросы языкознания*. 1985. № 4.

Мейе А. 1951 – *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.

ОЛА. Вступительный выпуск, 1994 – Общеславянский лингвистический атлас. Вступительный выпуск. Изд. 2. М., 1994.

Теньер 1966 – *Теньер Л.* О диалектологическом атласе русского языка // *Вопросы языкознания*. 1966. № 5.

Толстой 1997 – *Толстой Н. И.* О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов // *Избранные труды*. Т. I. М., 1997.

Topolińska, Видоески 1990 – *Topolińska Z., Видоески Б.* Сохранившаяся назальная артикуляция *q и *q̣ // Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 26. Рефлексы *q. Warszawa, 1990.

Трубачев 1983 – *Трубачев О. Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // *Славянское*

языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983.

Трубачев 2003 – *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М., 2003.

Трубачев 2002 – *Трубачев О. Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 2002.

Трубецкой 1987 – *Трубецкой Н. С.* Фонология и лингвистическая география // *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.

Шустер-Шевц 1983 – *Шустер-Шевц Г.* Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития // Вопросы языкознания. 1983. № 2.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Ср. в связи с этим довольно жесткое определение целей и задач лингвогеографии, данное О. Н. Трубачевым: «Лингвистическая география не сводится к картографированию, будучи сугубо исторической наукой, а значит, это не составление атласов, а их интерпретация, использующая понятие ареала, изоглоссы, очага распространения и такой критерий, как обращенность в прошлое» (Трубачев 2002: 7).
- 2 «Всякое отдельно взятое слово, которое обнаруживает какое-то звуковое изменение, распространяется в своих собственных границах, и поэтому границы географического распространения звуковых изменений никогда не могут быть установлены надежно и точно» (Трубецкой 1987: 32).
- 3 Ср. в связи с этим следующие рассуждения А. Ф. Журавлева: «Лексический состав языка, в силу кумулятивного принципа его формирования и меньшей значимости системных факторов в его организации, не подвержен таким большим потрясениям в своей эволюции, как грамматика и особенно фонетика. Изменения в фонетической системе языка часто носят характер цепной реакции, которая охватывает всю систему и изменяет принципы, обеспечивающие ее статическое равновесие, весьма радикальным образом. Лавинные фонетические процессы в славянских языках являют собой классический пример: действие закона открытого слога или падение редуцированных приводили к переменам в фонетической

- организации языка, которые нельзя оценить иначе как катастрофические» (Журавлев 1994: 26).
- 4 Ср. в связи с этим высказывание О. Н. Трубачева: «Методика, преувеличенно опирающаяся на фонетические критерии, может оказаться недостаточно тонкой в вопросах лингво- и этногенеза, для которых требуются более широкие и гибкие категории и допущения» (Трубачев 2003: 62).
- 5 Не могу в связи с этим не привести слова Л. В. Куркиной, много и плодотворно занимавшейся проблемой диалектной дифференциации праславянского языка, которая пишет: «При отсутствии специфических южнославянских новообразований едва ли правомерно предполагать для южных славян ступень отдельного существования в рамках праславянского даже для ограниченного периода» (Куркина 1992: 15); ср. также мнение Г. Шустера-Шевца: «Едва ли можно говорить об особой западнославянской диалектной группе (как, впрочем, и южнославянской) как промежуточном звене между праславянским и более поздними собственно западнославянскими языками» (Шустер-Шевц 1983: 39).

Vendina T. I.

Problems of Comparative-historical Linguistics
in the Light of New Data of the Slavic Linguistic Atlas

The article is devoted to the analysis of the problems of comparative-historical linguistics in the light of new data of the Slavic Linguistic Atlas. Estimating the preliminary results of this international project, the author tells, which new linguistic information the Atlas maps contain, which correctives the Atlas suggests – for the dominating concepts of evolution of some proto-Slavic units, and for differentiation of the dialect landscape of Slavia.

Keywords: Slavic dialectology, comparative-historical linguistics, linguistic geography.

С. Милорадович
(Белград)

Субстантивные конструкции, выражающие посессивность, в сербских народных говорах и реинтерпретация исторического развития формальных экспликаций

Статья посвящена анализу субстантивных конструкций, выражающих посессивность, в сербских народных говорах. Приведенные примеры подтверждают, что географическая распространенность наблюдаемой языковой особенности представляет собой определенный вид реинтерпретации ее исторического развития.

Ключевые слова: *сербские народные говоры, адноминимальный притяжательный дательный, адноминимальный притяжательный родительный, НА-конструкция, реинтерпретация исторического развития.*

I. Тема настоящей статьи инициирована и вдохновлена следующей цитатой Н. И. Толстого: «Нынешний славянский диалектный ландшафт в отношении многих явлений представляет собой нечто **вроде развернутой в пространстве диахронии**, в которой временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции» (Толстой 1997: 15). Имея в виду тот факт, что географическая распространенность различных формальных экспликаций для выражения значения собственно принадлежности (*кућа мога оца // моме оцу кућа // на мојега оца кућа*) и т. наз. неотторжимой принадлежности (*сестра мога оца // моме оцу сестра // на мојега оца сестра*) отражает аналогичные процессы в истории балканославянских языков, в данном изложении мы хотели, с помощью материала из четырех сербских диалектных групп, еще раз напомнить о важности исследования диалектологического синтаксиса для выведения достоверных заключений в области исторической диалектологии. Материал из некоторых лишь сербских народных говоров с приведенными примерами субстантивных конструкций для выражения посессивности подтверждает цитируемый вывод Н. И. Толстого, видоизменение которого состоит лишь в том, что в данном случае он ограничен сербским диалектным пространством.

Известно, что в сербском языке дательный падеж в функции обозначения принадлежности «в большинстве диалектов и в литературном языке употребляется редко (адвербиальное употребление го-

раздо более обычно). Он чаще всего встречается в восточных диалектах, призренско-тимокском и косовско-ресавском» (Ивић 1957: 344). Приводя основные признаки косовско-ресавского диалекта, П. Ивич пишет: «С другой стороны, дательный притяжательный все еще очень употребителен, и не только дательный личных местоимений, и не только в адвербиальном употреблении: *Донесе мечку у богатем трговцу кућу* (= в дом богатого купца)» (Ивић 1985²: 104)¹. Адноминальный притяжательный дательный, согласно данным опубликованных исследований и статей, на территории косовско-ресавского диалекта употребляется более активно, чем в литературном языке. Исследователи отметили многочисленные примеры так называемой синтаксически связанной притяжательности, типа *кућа моме оцу* (= *кућа мога оца*), то есть параллельное употребление притяжательного дательного и притяжательного родительного.

В призренско-тимокских говорах, в огромной степени подверженных балканским языковым процессам и причисленных к балканскому языковому союзу, первичной является роль предлогов в структурировании именных конструкций. Только лишь в этих говорах категория притяжательности выражается в прямом смысле как «балканский аналитизм» – предложная конструкция с общим падежом. Следует отметить, что *Genitivus originis* с предлогом *od* не является особенно частой конструкцией в призренско-тимокских говорах. В литературе по диалектологии (Ивић 1985²: 112) существует утверждение, что в большей части призренско-тимокских говоров для выражения посессивных значений используется конструкция, лишенная флексии (*na* + ОП), в то время как в некоторых из них есть специальные формы дательного падежа с притяжательной функцией как более архаичное решение, то есть пережиток древней системы склонения, «переживший аналитизм». Такие формы дательного падежа чаще всего существуют одновременно с эквивалентной им конструкцией *na* + ОП. И как до сих пор неоднократно подчеркивалось – удаление дательного падежа из морфологической системы и его замена *na*-конструкциями принадлежит в аспекте истории языка к заключительному этапу исчезновения синтетических форм.

Синтетический способ выражения грамматических значений, как нам известно, считается исходным для славянской языковой структуры. Тем не менее, в определенный период произошла смена общеславянской синтетической тенденции на тенденцию аналитического характера. Изучение материала четырех сербских диалектов (шумадийско-воеводинского [ШВ], смедеревско-вршацкого [СВ], косовско-

ресавского [КР] и призренско-тимокского [ПТ]), опубликованного в монографических исследованиях и трудах, посвященных народным говорам, принадлежащим этим диалектным группам, то есть разбор современного состояния этих отдельных диалектных единиц, позволил более точно установить ход процесса и последовательность явлений в историческом развитии средств выражения семантической категории посессивности в рамках адноминальных конструкций – «как именно происходила борьба и смена главенствующих тенденций развития» (Соболев 1989: 220). Но здесь я должна отметить, что работа над конструкциями этого типа дополнительно осложняется тем, что синтаксис народных говоров изучен и описан еще недостаточно.

II. [ШВ] В говорах Баната существует только адноминальный притяжательный дательный местоименных энклитик (*снајка ми, човек тај и жена му*), а родительный притяжательный обыкновенен как связанная падежная форма: *снајиног брата ћерка, моје матери сукња* (Ивић et al. 1997: 311–312). При этом «яркой диалектной характеристикой являются контаминированные конструкции, как *моје снаје братова ћерка*», и к этой разновидности относится и пример: *када сам једаред ницо баба-Јуци, том Јуци Борићевим његовој матери* (там же, 312). Иван Попович указывал на то, что в бачском говоре с. Господжинци существует притяжательный дательный, «но он употребляется лишь в энклитических формах личных местоимений, причем только в сочетании с существительными, обозначающими родственников». Таким образом, регулярными являются формы: *његовог брата дете, кућа онџ Триве* (Поповић 1968: 223).

[СВ] Полевые данные из смедеревского Подунавья свидетельствуют о влиянии косовско-ресавского миграционного потока. Довольно много примеров записано и в моравских селах, а в остальных селах этой области отмечены лишь единичные примеры, поскольку преобладает притяжательный родительный. Примеры из моравских сел: *то је мојем мужу фамилија, њонем стрицу кућа, колиба ди је била тим мојим овџем пџсџнку, овџ одџ мојим дџверу био плџц, сџн мојем дџверу, ту кућа ди сџд двџм мојем синџвцу*. Также и в смедеревско-вршацком говоре с. Чумичи можно услышать примеры типа: *њџној другарџци џтац џма мџлу плџту*. Отмечается, что данный тип дательного падежа «употребляется более интенсивно, чем в литературном языке» (Грковић 1968б: 146).

[КР] В монографии о ресавском говоре не имеется, к сожалению, никаких синтаксических записей, но я приведу примеры, которыми

иллюстрируются падежные окончания существительных всех трех родов: *то је твѡјему ђцу фамилија, то је твѡјем пријатељу бѡстан* (Пецо/Милановић 1968: 303), *мѡ(ј)ем ђцу мајке баба* (там же: 323). В говоре с. Левача, согласно записям Радоя Симича, притяжательный родительный (*ћѣрка рѣвога гѡзде што е у Сибници*) значительно реже дательного притяжательного. Родительный притяжательный последовательно употребляется лишь тогда, «когда речь идет не о собственно обладании» (Симић 1980: 30): *да трѡжим мѡем сѣну дрѡгови, овѣм Милѣнку унук, у мѡем тѣчѣ винѡград, Драгѡтину овѣм дућан* (там же: 98). Адноминальный дательный притяжательный является высокочастотной категорией в говоре с. Трстеника, главным образом в восточной части этого говора: *овѣм Јѡчѣћу женѣ, у Милѡмиру Ђѡсийћу лозѣ* (Јовић 1968: 167). В говоре сел Александроваца и Брус часто употребляется притяжательный дательный вместо притяжательного родительного: *овѡ 'е жѣна нѡшем учѣтелю, тѡ 'е сѣстра мѡме дрѡгу* (Алексић/Вукомановић 1966: 312). Следующими примерами из Лукова проиллюстрировано «очень [...] живое употребление притяжательного дательного»: *ѡна је ћѣрка Мѡрку Недѣлѡквићу, ѡн је твѡѣм чѡвѣку роћак* (Грковић 1968а: 130). В говоре с. Мрча в куршумлийском крае обыкновенным является притяжательный дательный: *сѣстра овѣм чѡвѣку, говѣда твѡем дѣверу, кѣшобран једнѣ женѣ* (Радић 1990: 35). Дательный падеж в говоре парачинского Поморавья очень часто появляется в именных словосочетаниях, и тогда им выражается собственно принадлежность, в рамках двух отношений: *лицо – лицо* и *лицо – предмет* (Милорадовић 2003: 135–142). Он чаще появляется в этой функции, чем синонимичная ему предложно-падежная конструкция *од + Р/ОП*, а форму беспредложного притяжательного родительного он совсем (!) вытеснил из употребления. Я приведу только некоторые из многочисленных подтверждений адноминальной дательной формы с притяжательной функцией: *мѡјем унѡку двѡ детѣта, ѡни свѣ вѣчу да је дрѡгем чѡвѣку дѣте, Љубѣише ветеринару жѣна, овѣм детѣту дѣда, у његѡвем брѡту кѡћу, да нѣта дѣ тѣм чѡвѣку кѡћа, тѡ њѣнем мѡжу плѡц, у мѡјем комиѣје ѡвѡришите наѣће, дѣ слѣка ѡнѣм дѡвѡчету*. Самая большая доля записанных примеров относится к неотчуждаемой притяжательности, то есть к обозначению семейных отношений. В сербском клисурском говоре села Радимци, в Румынии, дательный притяжательный не особенно частотен: *мѡјѡј мами сѣстра* (Томић 1987: 439).

[ПТ] Говор алексиначкого Поморавья сохранил специальные формы дательного с притяжательной функцией у всех типов склонен-

ния: *моём брату шурак, моёй маме татко, до моём комшије вратници* (Богдановић 1987: 152–153). Сохранившиеся формы относятся преимущественно к лицам. Неделько Богданович отмечает, что такие формы Д сосуществуют с ОП (*на моу мајку отац, на овога Вељка брат* – там же, 239, прим. С. М.) для тех же функций и не воспринимаются как необычные или “устарелые” (там же, 153). В дальнейшем тексте он отмечает, что в говорах Сврлига они не являются обычными, особенно вне примеров т. наз. синтаксически связанной посессивности (*моём брату шурак*), и что там в этих случаях употребляется *на*-конструкция (там же, 152, прим. 275). В говоре с. Запल्या для выражения посессивности мы встречаем и употребление дательного падежа, и употребление конструкции *на* + ОП: *мојему дедету брат, и овому едан син* (тоже и: *штала човеку*); *она е ујна на тога Раче, на комшије, на овија е амбар* (Марковић 2000: 223, 226). В Бучуме посессия выражается конструкцией *на* + ОП: *то је дете на Радена и на Раду* (Богдановић 1979: 117). То же самое в Лужнице: *брат на мојевога старца је свирил кланета, на Славка Бранкоскога шталу нећи запалил* (Ћирић 1983: 65). В говорах Понишавья притяжательное значение формализуется общим падежом с предлогом *на*: *на мојега оца сестра седам (детета) имала, на зьлу ми на снау брат* (= брат невестки моей золовки), *на моју тетку син* (Ћирић 1999: 155). В говорах Црна-Травы и Власины отмечены примеры типа: *од оца мајка, ћерка од брата*, но в материале, данном в монографии, не содержится ни одного примера с притяжательным существительным дательным (Вукадиновић 1996: 141–143). Отмечен и пример *родители на онога сина* (там же, 256), без каких-либо комментариев о частотности посессивных конструкций, имеющих место в этом говоре. Слободан Реметич заметил, что дательный очень хорошо сохраняется в говоре Призрена и что и притяжательный дательный встречается очень часто: *мојему брату другар, јеному инајдѐру же́на туј родила* (Реметић 1996: 451).

Членом $\text{ProN}_{\text{Dat}} // \text{Adj}_{\text{Dat}}^2$ чаще всего является притяжательное или указательное местоимение, т. е. прилагательное в форме дательного падежа, в качестве обязательного детерминатора, а им может стать и числительное, название профессии и т. п. Существительное в дательном падеже выступает в качестве посессора; существительное в качестве коррелята чаще всего находится в именительном падеже, но оно встречается и во всех косвенных падежах, в соответствии с синтаксической функцией коррелята. Почти все конструкции, приведенные в качестве примеров употребления адноминального дательного притяжательного в указанных народных говорах, характеризуются

ются синтаксической маркированностью. А именно, употребление дательного падежа в них обусловлено обязательным употреблением детерминатора, вследствие чего дательный в этом случае является связанной падежной формой. Так как в сербском языке употребление притяжательного дательного встречается только тогда, когда существительное сопровождается определением, субстантивный притяжательный дательный, «захватив» семантическую сферу выражения отношений принадлежности посредством родительного падежа, редко может быть выражен как свободная падежная форма.

III. Представленные диалектные примеры позволяют определить «динамику формального перераспределения средств» выражения притяжательности на территории четырех сербских диалектов, в направлении север – юг (а точнее, северо-запад – юго-восток). Приведенные материалы позволяют установить следующую синхронную цепочку, отражающую установленный диахронический ряд: притяжательный родительный → притяжательный родительный // притяжательный дательный → притяжательный дательный → притяжательный дательный // *на*-конструкция → *на*-конструкция. Она свидетельствует о способе вторжения дательного падежа в субстантивные посессивные словосочетания – на основании семантической аналогии родительных и дательных падежных словосочетаний.

Как я уже отмечала в своих прежних работах, при отсутствии выражения различия между значением места и значением цели движения и формальной их омонимии, а также употреблении конструкции с предлогом *с(а)* в качестве средства выражения и инструментальных, и социативных значений – слияние притяжательных функций родительного и дательного падежей, а также и обобщение адноминального дательного притяжательного, является еще одной особенностью сербских народных говоров, свидетельствующих об их склонности к аналитизму. Подтверждение факта «слияния» посессивных функций родительного и дательного падежей – как первого этапа ликвидации флективной формы – находим и в следующем утверждении П. Ивича: «...вместо дательного *на* + та же форма (*казала на царску ћерку*), та же конструкция используется и для посессивного значения (*кућа на мојега брата*), что говорит о том, что до упрощения системы склонения это значение было обозначено дательным, а не родительным падежом» (Ивић 1985²: 112).

Сегмент исторического синтаксиса, касающийся вытеснения притяжательного родительного дательным и возникновения нового

средства выражения *посессивности*, аналитического по своему характеру, опираясь на данные письменных источников, обработала А. Минчева в монографическом исследовании, посвященном развитию притяжательного дательного в болгарском языке (Минчева 1964). Это позволяет проследить цепочку развития дательного притяжательного и его функциональные аналитические параллели: (1) существование близких по значению средств (родительный//дательный) выражения притяжательности, (2) в ряде случаев наряду с одними синтаксическими конструкциями (родительный) параллельно функционируют соответствующие первично синонимичные словосочетания (дательный), (3) они на определенном этапе своего функционирования превращаются в дублеты (дательный) некоторых из конструкций, с которыми они вступили в совместное действие при выражении определенных семантических отношений, (4) обобщение одного средства (дательный падеж) в качестве замены другого, прежнего (родительный), для обозначения принадлежности, (5) установление аналитической конструкции (*на* + ОП) как функциональной параллели прешествующей флективной³.

Случаи замены притяжательного родительного дательным падежом появляются уже в старославянских текстах. Они встречались на различных стадиях развития почти всех славянских языков. Как уже известно, ни в одном из современных балканских языков нет специальных флективных форм родительного и дательного падежей, так как произошло совпадение их первичных форм и функций. В связи со сказанным, учитывая и материал сербских народных говоров, мы четко должны разделять процессы прошлого: функции, разделяющие родительный и дательный как два разных падежа, не могли больше играть роли в распределении их притяжательных употреблений. Два употребления совпали, и таким образом была создана возможность для того, чтобы один падеж перестал употребляться с определенным значением. Адноминальный притяжательный родительный уступил место адноминальному притяжательному дательному падежу. В свое время А. Н. Соболев писал, что для установления соответствующих фактов и процессов в истории балканославянских языков необходим «новый источник информации по истории балканославянских языков», причем он предложил в качестве такого источника сербохорватские народные говоры контактных зон и говоры так называемой переходной косовско-ресавской зоны (Соболев 1989: 221). Мотивируя свое предложение, он пишет: «Именные системы этих говоров, представляя

как бы различные ступени перехода к аналитизму (от момента его зарождения до практически полной его победы), являются несомненно важнейшим источником для своего рода “типологической” верификации результатов исследования истории падежной системы говоров, отраженных памятниками средневековой балканославянской письменности» (там же: 222). Специфичная, до недавнего времени почти неизвестная ситуация в так называемом переходном говоре парачинского Поморавья подтверждает определенным образом «переломный» момент в развитии *субстантивный притяжательный дательный* → *аналитическая предложно-падежная конструкция*. Установление субстантивного притяжательного дательного в качестве полного синтаксического и семантического эквивалента притяжательного родительного обозначает одно переходное звено в «цепочке последовательности», в которой следующим звеном должно было бы быть – создание конструкции с предлогом и нейтрализованной дательной флексией.

Выводы. Итак, когда речь идет о средствах выражения притяжательности в субстантивных конструкциях, материал сербских народных говоров, представленный по географическому принципу (условно говоря) в направлении северо-запад – юго-восток, является подтверждением транспозиции *темпоральности* в *линеарность*. Географическая распространенность наблюдаемой языковой особенности представляет собой определенный вид реинтерпретации ее исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

Алексић, Вукомановић 1966 – *Алексић Р., Вукомановић С.* Основне особине александровачког и брусског говора // *Анали Филолошког факултета*. Београд, 1966. Т. VI.

Асенова 1989 – *Асенова П.* Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. София, 1989.

Богдановић 1979 – *Богдановић Н.* Говори Бучума и Белог Потока // *Српски дијалектолошки зборник*. Београд, 1979. Т. XXV.

Богдановић 1987 – *Богдановић Н.* Говор Алексиначког Поморавља // *Српски дијалектолошки зборник*. Београд, 1987. Т. XXXIII.

Вукадиновић 1996 – *Вукадиновић В.* Говор Црне Траве и Власине // *Српски дијалектолошки зборник*. Београд, 1996. Т. XLII.

Грковић 1968а – *Грковић М.* Неке особине говора села Лукова // Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1968. Т. 4.

Грковић 1968б – *Грковић М.* Употреба падежа у чумићком говору // Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1968. Т. 4.

Ивић 1957 – *Ивић П.* О говору Галипољских Срба // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1957. Т. XII.

Ивић 1985² – *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад, 1985.

Ивић et al. 1997 – *Ивић П., Бошњаковић Ж., Драгин Г.* Банатски говори шумадијско-војвођанског дијалекта (друга књига: морфологија, синтакса, закључци, текстови) // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1997. Т. XLIII.

Јовић 1968 – *Јовић Д.* Трстенички говор // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1968. Т. XVII.

Марковић 2000 – *Марковић Ј.* Говор Запања // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2000. Т. XLVII.

Минчева 1964 – *Минчева А.* Развој на дателнија притежателиен падеж в българския език. Софија, 1964.

Милорадовић 2003 – *Милорадовић С.* Употреба падежних облика у говору Параћинског Поморавља. Балканистички и етномиграциони аспект // Посебна издања Етнографског института САНУ. Београд, 2003. Књ. 50.

Пецо, Милановић 1963 – *Пецо А., Милановић Б.* Ресавски говор // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1963. Т. XVII.

Поповић 1968 – *Поповић И.* Говор Госпођинаца у светлости бачких говора као целине // Посебна издања САНУ. Одељење литературе и језика. Београд, 1968. Књ. 21.

Радић 1990 – *Радић П.* Цртице о говору села Мрче у куршумлијском крају // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1990. Т. XXXVI.

Реметић 1996 – *Реметић С.* Српски призренски говор. I (гласови и облици) // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1996. Т. XLII.

Симић 1980 – *Симић Р.* Синтакса левачког говора. I // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1980. Т. XXVI.

Соболев 1989 – *Соболев А. Н.* Сербохрватска дијалектологија и изучение историје балканославјанских језыков // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1989. Т. XXXII/2.

Толстой 1997 – *Толстой Н. И.* Славјанска лексикологија и семасиологија // *Толстой Н. И.* Избранные труды. М., 1997. Т. 1.

Томић 1987 – *Томић М.* Говор Радимаца // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1987. Т. XXXIII.

Тополињска 1988 – *Тополињска 3*. Дативниот однос и кирилометодиевското јазично наследство // Кирилометодиевскиот период и кирилометодиевската традиција во Македонија. Скопје, 1988.

Тирић 1983 – *Тирић Љ*. Говор Лужнице // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1983. Т. XXIX.

Тирић 1999 – *Тирић Љ*. Говори Понишавља // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1999. Т. XLVI.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 В данный момент речь не идет об употреблении энклитической формы дательного падежа личных местоимений в притяжательной функции, известном и литературному языку, которое, между прочим, очень частотно в косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах.
- 2 Символы: ProN_{Dat} – местоимение, дательный; Adj_{Dat} – притяжательное, дательный.
- 3 О синкретизме родительной и дательной падежных форм в языках балканского языкового союза писала П. Асенова (Асенова 1989: 59–61). Исследовательница считает, что в самих балканских языках существовали предпосылки для совпадения этих двух падежных форм и что межъязыковые контакты только усилили некоторую общую тенденцию. Данное вытеснение одного синтаксического средства другим объясняет З. Тополињска, выделяя конструкции, которые дали знать о пересечении функциональных зон родительного и дательного падежей (Тополињска 1988).

Miloradović S.

Substantive Constructions Expressing Progressivity in Serbian Popular Dialects: A Re-interpretation of Historical Development of Formal Explications

The article analyses substantive constructions expressing progressivity in Serbian popular dialects. Examples drawn in the article testify that geographic areal of the linguistic feature under scrutiny is a sort of re-interpreting of its historic development.

Keywords: *Serb popular dialects, adnominal possessive dative, adnominal possessive genitive, NA-construction, re-interpretation of historical development.*

С. С. Скорвид
(Москва)

***Kříš nemn'el hdo sundat* (об одном случае
развития конструкции *nominativus cum infinitivo*
в центральноевропейских славянских языках и диалектах)**

В статье рассматриваются безличные конструкции глагола 'иметь' с местоимением 'кто' и инфинитивом, развившиеся в некоторых ареалах Славии. Приводятся примеры употребления таких конструкций из языков и диалектов, распространенных от Центральной Европы на восток, вплоть до переселенческих чешских говоров на Северном Кавказе и в Западной Сибири.

Ключевые слова: *центральноевропейские славянские языки, ареальные языковые контакты, глаголы 'быть' и 'иметь', посессивные конструкции, безличность.*

Согласно известному разделению европейских языков на 'be' & 'have' languages (Isačenko 1974), или типы 'esse' и 'habere', славянские языки, локализующиеся в ареале Центральной Европы¹, относятся ко второму из них. С исторической точки зрения этот тип моложе второго: как отмечал Ю. С. Степанов, в работах 1960–70-х гг. Э. Бенвенист «доказал, что выражения типа 'мне есть', лат. *est mihi* с дативом, являются [...] вполне реальными конструкциями индоевропейских языков, исторически предшествовавшими выражениям обладания с глаголом 'иметь'» (Степанов 1989: 159)². Так, на материале древних памятников западнославянских языков можно проследить процесс перехода от более ранних конструкций с глаголом 'быть' и именем в дативе к конструкциям с глаголом 'иметь', причем далеко не только там, где те и другие имели посессивное значение. Аналогичный переход от первого ко второму типу происходил в инфинитивных конструкциях с модальной семантикой долженствования (др.-чеш. *jest mi umřieti* → *jmám umřieti* 'мне должно → я должен умереть'), а также в конструкциях со страдательным причастием (др.-чеш. *psáno /jemul/ bieše* → *psáno jmieše* '/ему/ было писано'), что стало базой для развития в современных западнославянских и – шире – центральноевропейских славянских языках результативных (квазиперфектных) конструкций типа чеш. *mám zameteno*, словац. *mám zametené*, польск. *tam zamiecione*, словен. *imam pometeno* 'я подмёл / подмела' или 'у меня подметено'.

Как показал И. Немец, древнечешский глагол *jmieti*, выступавший в системной оппозиции к ингессиву *jiyeti* < *jejeti с первонач-

чальным значением ‘взять, схватить’, обладал именно результативным значением (Němec 1979: 12–17). Оно сохранялось также в квазиперфектных конструкциях со страдательным причастием (*psáno jmieše*, видимо, исходно значило ‘он получил нечто написанное’), в модальных же конструкциях с инфинитивом, естественно, ослаблялось. Тем не менее переход к конструкции с глаголом ‘иметь’ и здесь был, как кажется, связан с усилением активности субъекта, который в конструкциях с глаголом ‘быть’ типа *jest mi umřieti* трактовался как адресат при безличном предикате.

Разумеется, конструкция с глаголом ‘иметь’ в центральноевропейских славянских языках далеко не всегда подчеркивает активность конкретного субъекта, мыслимого как «обладатель» или иначе. По крайней мере в одном специфическом случае ее употребления с отрицанием она, напротив, выражает отсутствие активного субъекта-деятеля (а без отрицания – наличие деятеля, но мыслимого абсолютно отвлеченно). Речь идет о поздней трансформации одной разновидности посессивных конструкций с объектным инфинитивом и местоимением либо местоименным наречием при нем в позиции объекта или обстоятельства, как в чеш. *nemají co jíst* ‘у них / им нечего есть’, *neměli kam si lehnout* ‘им негде было лечь’ и т. п., в непосессивную конструкцию с местоимением ‘кто’ в им. п. при глаголе в инфинитиве, типа чеш. *neměl kdo jim děti opatrovat* ‘у них некому было присматривать/ухаживать за детьми’, букв. ‘не имел кто им детей опекать’.

Об этой чешской конструкции писал в 1943 г. в журнале «Naše řeč» некто О. S.: «Такие сочетания распространены в обиходном языке; различные их вариации обнаруживаются и в некоторых диалектах, особенно восточных. Это конструкция несколько нерегулярная, поскольку в ней видоизменено основополагающее соотношение подлежащего с личной формой глагола. Мы привыкли к сочетаниям типа “neměli koho poslat”, “neměli kam si lehnout”, “mají co jíst” наряду со сложными предложениями “neměli, koho by poslali”, “neměli, kam by si lehli”, “mají, co by jedli” (букв. ‘не имели, кого бы послали’, ‘не имели, куда бы легли’, ‘имеют, что бы ели’. – С. С.) и в соответствии с этим наряду с “neměli, kdo by jim děti opatroval” мы ожидали бы “neměli kdo jim děti opatrovat” (букв. ‘не имели, кто им детей опекать’. – С. С.). Но так никто не говорит. Глагол здесь, по-видимому, в силу аттракции приспособился к именительному падежу местоимения kdo, и так возникли сочетания “neměl kdo”, “nemá kdo”, “má kdo” и т. п., например: Nemá je kdo živit. Však jim má kdo uvařit! Má

jím kdo posloužit? (букв. 'Не имеет кто их кормить', 'Ничего, им имеет кто приготовить', 'Имеет их кто обслужить?' – С. С.). Эти выражения явственно напоминают французскую безличную конструкцию *il y a, il n'y a pas* и ее аналоги в других романских языках, на что обратил внимание еще Фр. Оберпфальцер в «Языкознании» 1932 г., с. 160 след.» (О. S. 1943: 23).

Автор заметки не уточняет, в каких именно чешских диалектах («особенно восточных») и в каких вариациях встречается эта конструкция. Во всяком случае, нами она была засвидетельствована в говорах потомков чешских переселенцев второй половины XIX в. на Северном Кавказе и начала XX в. в Среднем Прииртышье (Западная Сибирь), восходящих соответственно к южночешским и к восточночешским диалектам. Ср. в северокавказском: *teť nemá hdo co dělat / já sem sama* 'теперь некому что-то сделать, я одна', *nemá hdo za tím chodit* 'за этим некому ухаживать', *uš to nemn'el hdo spravuvat* 'уже некому было это справлять', *tak kříš nemn'el hdo sundat* 'так что крест некому было снять'; в среднеприиртышском: *nemá // nemn'el hdo dělat* 'некому (было) работать'.

В современном чешском языке эта конструкция (с отрицанием) является довольно частотной, как показывают примеры из новостных заголовков в Интернете:

(1) *Věznice se vyprázdnila, ve Stráži nemá kdo pracovat.*

'Тюрьма опустела, в Страже некому работать'.

(2) *V továrnách chybí amnestovaní vězni. Trestance zatím nemá kdo nahradit.*

'На заводах не хватает амнистированных заключенных. Преступников пока некем заменить'.

(3) *Nemocnice v noci: nejsou lékaři, nemá kdo operovat.*

'Больница ночью: нет врачей, некому оперировать'.

(4) *Letenky z Prahy jsou čtvrté nejdražší v Evropě, cenu nemá kdo tlačit dolů.*

'Авиабилеты из Праги – на четвертом месте по дороговизне в Европе, цену некому сбить'.

(5) *Do Labe na Mělnicku uniká olej. Likvidaci havárie nemá kdo zaplatit.*

'В Лабу в окрестностях Мельника вытекает масло, за ликвидацию аварии некому заплатить'.

(6) *Nejhezčí Volvo všech dob neměl kdo vyrábět.*

'Красивейший «вольво» всех времен некому было производить'.

(7) *Finanční gramotnost v kostce, aneb co Vás neměl kdo naučit.*

'Финансовая грамотность в кратком изложении, или Чему вас некому было научить'.

(8) *Školákům neměl kdo uvařit. Kuchařky jely na demonstraci do Prahy.*
 ‘Школьникам некому было готовить. Поварихи уехали на демонстрацию в Прагу’.

(9) *Televizního milionáře neměl u soudu kdo hájit; neplatil advokátovi.*
 ‘Телевизионного миллионера некому было защищать в суде: он не платил адвокату’.

(10) *Nový pavilon zatím nebude. Možná by tu neměl kdo léčit.*
 ‘Нового больничного корпуса пока не будет. Возможно, в нем некому было бы лечить’.

Инфинитивная конструкция с местоимением ‘кто’ без отрицания отмечается значительно реже. Тем не менее в Чешском национальном корпусе (подкорпус SYN2000) было обнаружено по три примера с глаголом *mít* в настоящем и прошедшем времени и 12 примеров с *mít* в сослагательном наклонении в составе придаточных предложений цели, вводимых союзом *aby*:

(11) *Dnes jsou rádi, že jim ty diplomy a okna má kdo zasklít, že má kdo jim půjčit talíře.*

‘Сейчас они рады, что им есть кому застеклить дипломы и окна, есть кому одолжить им тарелки’.

(12) *Jsem moc ráda, že mi tam má kdo dělat nepořádek.*

‘Я очень рада, что у меня есть кому создавать там беспорядок’.

(13) *Hraje se tak dlouho dokud se má kdo s kým utkat.*

‘Играют до тех пор, пока есть кому с кем соревноваться’.

(14) *Únava pro opavské reprezentanty velkou překážkou nebyla, protože je měl kdo nahradit.*

‘Усталость членам сборной Опавы не слишком мешала, потому что их было кому заменить’.

(15) *Aby měl kdo sedět na lavičce náhradníků, musely být povolány dvě dorostenky.*

‘Чтобы было кому сидеть на скамье запасных, пришлось вызвать двух юниорш’.

Те же конструкции известны и другим современным западно-славянским языкам (кроме серболужицкого, чему будет дано объяснение ниже). Ср. словацкие новостные заголовки в Интернете:

(16) *Smeti pri Váhu nemá kto vyzbierať.*

‘Мусор на берегах Вага некому собирать’.

(17) *Túlavé psy nemá kto odchyťavať.*

‘Бродячих собак некому отлавливать’.

(18) *Dôchodcov po prepustení nemá kto nahradit'.*

‘Пенсионеров после выхода на пенсию некем заменить’.

(19) *Nemocnice prenajaté súkromníkom nemá kto skontrolovať.*

‘Больницы, сданные в аренду частным владельцам, некому проконтролировать’.

(20) *Upratať ihrisko na Fajnorovom nábreží nemá kto už tri mesiace.*

‘Убрать спортплощадку на набережной Файнора некому уже три месяца’.

(21) *Poslanci ukončili rokovanie skôr, nemal kto predkladať zákony.*

‘Депутаты прекратили заседание раньше времени, некому было вносить законопроекты’.

(22) *Mäso po nehode nemal kto odpratať.*

‘Мясо после аварии некому было вывезти’.

(23) *Ako keby sa o MČ Nad jazerom nemal kto starať!*

‘Как будто бы о районе «Над озером» некому было позаботиться!’

Примеры без отрицания из Словацкого национального корпуса (SNK):

(24) *Žena v domácnosti, ak ju má kto živiť, sa bez štátneho jazyka zaobíde.*

‘Домохозяйка, если ее есть кому содержать, без знания государственного языка обойдется’.

(25) *Nahradit' ho mal kto.*

‘Заменить его было кому’.

(26) *Len aby vás mal kto počúvať.*

‘Лишь бы вас было кому слушать’.

В польском Интернете пользователи даже обращаются к специалистам с вопросами относительно правильности конструкций типа *Nie ma kto wynieść śmieci* ‘Некому вынести мусор’, с которыми сосуществует тип с местоимением в дательном падеже, ср. на странице <http://obcyjezykpolski.strefa.pl/?md=archive&id=539>:

– *Spieramy się w domu o powiedzenie „Nie ma komu wynieść śmieci”. My z mężem uważamy, że nie jest ono poprawne, i przekonujemy, że należy je zastępować zwrotem „Nie ma kto wynieść śmieci”, rodzice są przeciwnego zdania. Uznają sformułowanie „Nie ma komu coś zrobić” za jak najbardziej poprawne, spotykane w literaturze. Będziemy wdzięczni za Pana opinię w tej sprawie... – prosi internautka (wild_eyes@poczta.fm).*

‘У нас дома возник спор из-за выражения *Nie ma komu wynieść śmieci*. Мы с мужем считаем его неправильным и убеждаем,

что вместо него следует говорить *Nie ma kto wynieść śmieci*, а родители противоположного мнения и считают выражение *Nie ma komu coś zrobić* (Некому что-то сделать) самым что ни на есть правильным, употребительным в литературе. Мы будем благодарны за Ваше мнение по этому вопросу... – спрашивает пользовательница.

Интересно заключение эксперта, который считает оба типа равноправными, хотя конструкции с дативом оценивает как «постепенно выходящие из употребления» (допуская при этом, что они могли распространиться в польском языке из русского³, но укоренились в нем). «Такова точка зрения лингвистов в этом вопросе», – утверждает он, ссылаясь на академический *Słownik poprawnej polszczyzny* под редакцией В. Дорошевского и Х. Курковской 1973 г. и более новый *Wielki słownik poprawnej polszczyzny* под редакцией А. Марковского 2004 г.

Другие польские примеры конструкций с местоимением в номинативе и глаголом ‘иметь’ с отрицанием и (реже) без него в формах прошедшего и будущего времени, а также сослагательного наклонения, почерпнутые из Интернета:

(27) *Książki poszły na makulaturę. Nie miał kto czytać?*

‘Книги сдали в макулатуру. Некому было читать?’

(28) *W klubie nie miał kto zadzwonić do lekarza.*

‘В клубе некому было вызвать врача’.

(29) *Nie miał kto mu pożyczyć piłki do drzewa?*

‘Некому было дать ему пилу для дерева?’

(30) *Na szczęście miał kto strzelić gola.*

‘К счастью, было кому забить гол’.

(31) *Balcerowicz: w Polsce nie będzie miał kto pracować.*

‘Бальцерович: в Польше некому будет работать’.

(32) *Czy w szpitalu przed operacją będzie miał Cię kto znieczulić?*

‘Будет ли кому в больнице сделать тебе анестезию перед операцией?’

(33) *W półfinale nie miałby kto zagrać!*

‘В полуфинале некому было бы играть!’

(34) *Nie miałby kto na kogo i komu donosić!*

‘Некому было бы на кого-то кому-то доносить!’

(35) *Przynajmniej miałby kto targać lodówkę na ósme piętro.*

‘По крайней мере было бы кому втаскивать холодильник на восьмой этаж’.

Аналогичные конструкции (также, как правило, с отрицанием) существуют и в южнославянских языках: в словенском с инфинитивом, в хорватском – параллельно с инфинитивом и конъюнктивом с *da*, в сербском и болгарском – только с конъюнктивом. Ср. примеры из Интернета:

(36) словен. *Asteroidi pretijo Zemlji, znanstveniki trdijo, da se z njimi nima kdo boriti.*

‘Астероиды угрожают Земле; ученые утверждают, что с ними некому бороться’.

(37) словен. *Vrtca nisem dobila... otroka mi nima kdo pazit...*

‘Места в детском саду я не получила, присматривать за ребенком у меня некому’.

(38) хорв. *Hrvatska gospodarska diplomacija: Njezin program nema tko napisati.*

‘Хорватская экономическая дипломатия: ее программу некому написать’.

(39) хорв. *Božić dolazi, a mene nema tko da zagrli.*

‘Наступает Рождество, а меня некому обнять’.

(40) серб. *Нема ко да заустави растакање Србије.*

‘Некому остановить разбазаривание Сербии’.

(41) болг. *Няма кой да премахне това паднало дърво във Варна.*

‘Некому в Варне убрать это упавшее дерево’.

Впрочем, в отличие от словенского, хорватского и сербского, в болгарском эта конструкция наряду со значением отсутствия кого-либо способного совершить названное действие, как кажется, может иметь также значение иного модального плана – отсутствия кого-либо желающего его совершить; например:

(42) *Ако не помогнем ние, няма кой да го стори.*

‘Если не поможем мы, никто этого не сделает’.

(43) *Няма никой разумен. Няма кой да търси Бога.*

‘Нет понимающего; никто не ищет Бога’ (Римлянам 3: 11).

Другое важное отличие словенских, хорватских и сербских конструкций состоит в том, что при употреблении глагола ‘иметь’ в формах прошедшего, а в словенском языке также будущего времени и сослагательного наклонения, включающих причастие на *-l*, последнее здесь, как и в западнославянских языках, выступает в мужском роде:

(44) словен. *Trebalo je dostikrat seči globoko v žep, ker mi stroškov ni imel kdo plačati.*

‘Приходилось довольно часто запускать руку глубоко в карман, так как оплачивать мои расходы было некому’.

(45) *Če ne bo mladih, potem vam tudi za pokojnine ne bo imel kdo delati in zaslužiti.*

‘Если не будет молодых, тогда и на ваши пенсии некому будет работать и зарабатывать’.

(46) хорв. *Nobelovu nagradu za mir nije imao tko preuzeti.*

‘Нобелевскую премию мира некому было получить’.

(47) хорв. *Poslijepodnevnu smjenu nije imao tko odraditi.*

‘Послеобеденную смену некому было отработать’.

(48) хорв. *Zločincima nije imao tko da sudi.*

‘Преступников некому было судить’.

(49) серб. *Ливаде није имао ко да покоси.*

‘Луг некому было скосить’.

(50) серб. *Црквено богослужење не би имао ко да обавља.*

‘Богослужение в церкви некому было бы совершать’.

Напротив, в соотносительных болгарских конструкциях с *l*-причастием оно имеет форму среднего рода. Ср. в пересказывательном наклонении:

(51) *Държавата имала пари за борба с младежката безработица, нямало кой да ги вземе.*

‘У государства как будто есть деньги для борьбы с безработицей среди молодежи, но некому их взять’.

(52) *Не искат да ми дадат болничен – нямало кой да работи.*

‘Не хотят дать мне больничный – якобы некому работать’.

Другими словами, перед нами экзистенциальное безличное болгарское *има/няма*, сопоставимое с польской супплетивной формой глагола *być* при отрицании – *nie ma*, в прошедшем времени – *nie było* с причастием на *-l* в среднем роде, какую мы наблюдаем и при трансформации в прошедшее время конструкции *Nie ma komu wy-
nieść śmieci, Nie ma komu dzieci pilnować* ‘Некому присматривать за детьми’ и т. п.

Иная структура у славянских конструкций «центральноевропейского» типа, как в польск. *Nie ma tko pilnować dzieci*, словац. *Nemá kto strážit’ deti*, чеш. *Nemá kdo hlídat děti*, словен. *Nima kdo pa-
ziti otroke*, получающего продолжение в хорватско-сербском ареале как переходном от центральноевропейского к балканскому (Kurzová 1996: 68). Этот тип, характеризующийся употреблением *l*-причастия

глагола 'иметь' в мужском, а не среднем роде, в результате ареального контакта в первую очередь с польским языком проникает также – хотя, видимо, только в качестве регионального либо даже идиолектного явления – в (западно)украинское и в белорусское языковое пространство. В редких белорусских примерах такие конструкции с глаголом *мець* в форме настоящего и прошедшего времени выглядят полонизмами:

(53) *Сьвятарам часта ня мае хто сказаць, што яны хворыя.*

'Священникам часто некому сказать, что они больны' (из изложения статьи в газете «Rzeczpospolita» на сайте польского зарубежного радиовещания).

(54) *але не меў хто памагаць ёй у гэтым...*

'но некому было помогать ей в этом...'

(55) *за імі не меў хто заступіцца...*

'за них некому было заступиться' (из текстов Сократа Яновича – белорусского писателя, жившего в Польше).

Устный комментарий филолога – носителя белорусского языка: «Для меня эта конструкция выглядит очень странной. Впрочем, у Яновича таких много. Я бы это выразил так: *не было каму...* и в презенсе: *няма каму заступіцца, няма каму памагаць*».

В украинском языке подобные же инфинитивные конструкции, по всей вероятности, возможны только с глаголом *мати* в прошедшем времени, ср. примеры с интернет-сайтов:

(56) *Не мав хто говорити, то я мусив сказати першу проповідь.*

'Некому было говорить, так что первую проповедь пришлось произнести мне' (из мемуаров украинского священника в Люблине).

(57) *Та так умирали, шо вже й в домовину не мав хто класти, яму не мав хто копати.*

'Умирали так, что уже и в гроб некому было класть, и яму некому было копать' (из устных свидетельств украинцев в Молдавии о голоде 1946–47 годов).

(58) *Та й не мав хто їх здіймати, бо хлопців у селі майже не було.*

'Да и некому было их снимать, потому что парней в селе почти не было' (из «художественно-краеведческого» романа Д. Мохорука о жизни крестьян в Галиции).

(59) *Я думав, що мені дадуть спокій та не візьмуть до війська, бо не мав хто провадити господарку.*

'Я думал, меня оставят в покое и не возьмут а армию, потому что некому было вести хозяйство' (из воспоминаний хорватского

украинца в журнале Союза русин и украинцев в Хорватии «Нова думка»).

Комментарий филолога, носителя украинского языка (и закарпатско-русинского диалекта), в частном письме: «Да, так можно... Но в настоящем/будущем я бы сказал: *Не є кому провадити...; Не буде кому здійсмати...*».

Примечательно, что в самом польском языке, из которого конструкция *nie ma / nie miał kto* + инфинитив в той или иной мере проникает в соседние восточнославянские языки, с ней конкурирует «восточного» типа безличная конструкция с дативом (*nie ma / nie było komu*).

«Центральноевропейская» конструкция с глаголом ‘иметь’ в 3-м л. ед. ч. при употреблении в соответствующих его формах причастия на *-l* в мужском роде, также безличная, напоминает архаичные деагентивные конструкции типа др.-чеш. *jakž by mohl dovrći z praka*, букв. ‘как мог бы добросить из пращи’, сохраняющиеся в диалектах (ср. из записей северокавказского чешского говора 2009 г.: *hora, hde lámal kamen* ‘гора, где ломал /т. е. ломали/ камень’), история которых в чешском и других славянских языках подробно прослеживается в статье (Poljakov 2008)⁴. Парадокс кроется в том, что анализируемая нами конструкция глагола ‘иметь’ в формах 3-го л. ед. ч., согласуемых с местоимением ‘кто’ при инфинитиве основного смыслового глагола, возникла довольно поздно.

Так, в древнечешском языке значение ‘некому что-либо сделать’ выражалось экзистенциальным глаголом ‘быть’ в 3-м л. ед. ч. с подлежащим-местоимением ‘кто’ в полупредикативной конструкции с действительным причастием настоящего времени в форме им. п. ед. ч., типа *nenie kto pomoha*, букв. ‘не есть кто помога’ в старейшей чешской Псалтири – *ŽaltWittb 21: 12* (лат. *non est qui adjuvet* ‘некому помочь’⁵), которую вытесняла конструкция с формой сослагательного наклонения глагола в придаточном предложении, ср. *nenie kto by pomohl* в другой Псалтири 1-й пол. XIV в. – *ŽaltKlem (Lamprecht, Šlosar, Bauer 1977: 254)*⁶. Новейший чешский тип *nemá kdo pomoct*, вероятно, представлял собой продукт контаминации давних конструкций глагола ‘быть’ с причастием и местоименным субъектом при нем, закономерно выраженным номинативом, и конструкций глагола ‘иметь’ с объектным инфинитивом и объектным же местоимением, таких как др.-чеш. *nejmiechu co dáti*, откуда соврем. чеш. *neměli co dát* ‘им нечего было дать’, *neměli koho poslat* ‘некого было послать’ и др. Связь старых объектных и развившихся впоследствии

субъектных конструкций глагола 'иметь' справедливо отмечал О. S. в журнале «Naše řeč». Вопреки его мнению, однако, секундарно безличную форму 3-го л. ед. ч. глагола 'иметь' (при вхождении в нее /-причастия – мужского рода) в поздних конструкциях с *nominativus cum infinitivo* приходится признать не адаптированной к местоимению в именительном падеже в результате аттракции, а наследующей личной форме глагола 'быть' в исходной причастной конструкции с местоимением-субъектом.

Автор журнальной заметки 1943 г. вслед за Фр. Оберпфальценом указывал на типологический параллелизм чешских конструкций структурно аналогичным безличным конструкциям с глаголом 'иметь' в романских языках. Наглядной иллюстрацией этого параллелизма между романскими, с одной стороны, и не только чешским, но, шире, центральноевропейскими славянскими языками – с другой, может служить перевод заглавия известной повести Габриэля Гарсиа Маркеса, которое по-испански звучит “*El coronel no tiene quién le escriba*” (что по-русски традиционно передается с вынужденной неточностью как «Полковнику никто не пишет»⁷) на чешский, словацкий, польский и хорватский языки:

(60) чеш. *Plukovníkovi nemá kdo psát.*

(61) словац. *Plukovníkovi nemá kto napísať.*

(62) польск. *Nie ma kto pisać do pułkownika.*

(63) хорв. *Pukovniku nema tko pisati.*

В переводе на словенский соответствующая конструкция не употребляется, хотя в этом языке она существует. В данном случае после глагола 'иметь' находим конструкцию с отрицательным местоимением в винительном падеже и придаточным предложением с основным глаголом в сослагательном наклонении – что напоминает немецкий перевод, где, однако, оба глагола имеют форму изъявительного наклонения:

(64) словен. *Polkovnik nima nikogar, ki bi mu pisal*⁸.

(65) нем. *Der Oberst hat niemand, der ihm schreibt.*

Немецкий язык конструкцией глагола 'иметь' с *nominativus cum infinitivo* типа центральноевропейской славянской или романской не располагает. По-видимому, именно тесным контактом с ним объясняется несколько неожиданное на фоне фактов других западнославянских языков отсутствие такой конструкции в серболужицком ареале.

Повесть Маркеса ни на один из серболужицких литературных языков не переведена, но, например, поиск в Верхнелужицком текстовом корпусе НОТКО, включенном в качестве иноязычного подкорпуса в Чешский национальный корпус, показывает, что ситуация, когда '(у кого-либо) некому что-то сделать', описывается в верхнелужицком языке личной конструкцией глагола *buć* или (при наличии референции 'у кого-либо') *měć* с отрицанием и отрицательного местоимения с придаточным предложением, в котором основной смысловой глагол – в отличие от сходных конструкций в немецком – выступает в сослагательном наклонении:

(66) *Njeje nichtó, kiž by tutomu surowemu, bjezzmyslnemu ničenju mjezu stajil?*

'Разве некому положить предел этому жестокому, бессмысленному уничтожению?'

(67) *Běda pak samotnemu! Hdyž wón padnje, nima nikoho, kiž by jeho zběhnył.*

'Горе же одинокому! Если он упадет, некому (будет) его поднять' (Ек 4: 10; синодальный перевод: *Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его*).

Исходя из этого, мы можем с большой долей вероятности предположить, что название произведения испаноязычного прозаика в переводе на верхнелужицкий звучало бы аналогично словенскому:

(48) *Polkovnik nima nikoho, kiž by jemu (na)pisal.*

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Бурлак, Мельников, Циммерлинг 2002 – Бурлак С. А., Мельников А. С., Циммерлинг А. В. Параллели между славянскими и германскими языками: индоевропейское наследие и типологическое сходство // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 2002.

Степанов 1989 – Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М., 1989.

Gebauer 1970 – Gebauer J. Slovník staročeský. Díl 1 (A–J). Praha, 1970.

НОТКО – Hornjoserbski tekstowy korpus. Serbski institut / Sorbisches Institut, Budyšin / Bautzen. Режим доступа: <http://www.korpus.cz>

Isačenko 1974 – *Isačenko A. V.* On 'have' and 'be' languages: A Typological Sketch // *Slavic Forum: Essays in Linguistics and Literature* / Ed. M.S. Flier. The Hague, 1974.

Kurzová 1996 – *Kurzová H.* Mitteleuropa als Sprachareal // *Germanistica Pragensia* 13. Praha, 1996.

Lamprecht, Šlosar, Bauer 1977 – *Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J.* Historický vývoj češtiny. Ptaha, 1977.

Němec 1979 – *Němec I.* Staročeské *jmiati* a novočeské *míti* // *Listy filologické*. 1979. Roč. 101. Sv. 1.

O. S. 1943 – *O. S.* Neměl kdo jim děti opatrovat // *Naše řeč*. 1943. Roč. 27. Č. 1.

Poljakov 2008 – *Poljakov D.* *Je to blízko, co by kamenem dohodil*: De-agentní věty s 3.sg. ve spisovné češtině a v českých nářečích // *Slavistika v moderním světě. Konference mladých slavistů III. Červený Kostelec*; Praha, 2008.

SNK – Slovenský národný korpus. Jazykovedný ústav Ľ. Štúra Slovenskej akadémie vied. Режим доступа: <http://korpus.juls.savba.sk>

SYN2000 – Český národní korpus SYN2000. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha 2000. Режим доступа: <http://www.korpus.cz>

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Круг формирующих этот контактный ареал славянских и неславянских (немецкий, венгерский) языков очерчен в его наиболее детальном на сей день описании (Kurzová 1996). Из славянских языков исследовательница относит сюда «ядерные» чешский и словацкий и периферийные словенский и польский (другими авторами в том же ряду упоминаются кашубский и серболужицкий). В качестве переходных от центральноевропейского к балканскому ареалу ею, далее, рассматриваются хорватский и сербский языки. Остается добавить, что по некоторым чертам подобной же «переходностью» с центральноевропейским пространством оказываются связаны также западные ареалы восточнославянского континуума (украинский и белорусский), как это обнаружится и в данной статье.
- 2 А. В. Циммерлинг в коллективной работе (Бурлак, Мельников, Циммерлинг 2002: 157) возводит это положение Э. Бенвениста к гипотезе А. Мейе.
- 3 «Русские действительно иногда говорят также *некому идти в магазин* = *nie ma komu ísć do sklepu* или *некому бросать мусор* =

- nie ma komu wyrzucić śmieci; чаще, однако, они скажут: *net nikogo, чтобы пойти на прогулку* (= nie ma nikogo, żeby pójść na spacer), *net nikogo, чтобы написать письмо* (= nie ma nikogo, żeby napisać list); *net nikogo, чтобы работать* (= nie ma nikogo, żeby pracować)», – добавляет эксперт. Искусственность «моделируемых» им конструкций с придаточным предложением очевидна.
- 4 В сопоставительном славяно-германском аспекте данный тип безличных конструкций рассматривается также в более ранней работе (Бурлак, Мельников, Циммерлинг 2002: 162–166).
- 5 Ян Гебауэр в первом томе «Древнечешского словаря» (Gebauer 1970) приводит в статье *býti* 12 примеров употребления такой причастно-местоименной конструкции с данным глаголом в формах презенса (в том числе без отрицания: *jest kto pozdvihna* ‘есть кому поднять’), императива (*nebud’ kto bydle* ‘пусть будет некому жить’), имперфекта, аориста и перфекта (*nebyl kto pomoha ni rady přidati toha* ‘некому было помочь или дать совет’).
- 6 В старейшей словенской Библии Ю. Далматина 1584 г. – как и в последующих, вплоть до современных – на параллельном месте представлена отчасти похожая конструкция с формой сослагательного наклонения в придаточном предложении, однако при глаголе ‘быть’ в главном: *nikogar nej kir bi pomagat*.
- 7 Более точный перевод [?]*Полковнику некому писать* был бы неоднозначен: формой дательного падежа существительного и местоимения мог бы имплицироваться как семантический субъект, так и адресат. Удивительным кажется полное совпадение русского перевода этого заглавия с английским *No One Writes to the Colonel* (без использования конструкции с глаголом ‘иметь’ типа *I have no one to love me* ‘Меня некому любить’, которая, впрочем, в структурном отношении отличается от романской и центральноевропейской славянской).
- 8 Ср., однако, в интернет-репортаже: *In potem smo bili pri »polkovniku nima kdo pisati*« ‘А потом мы оказались в ситуации «полковнику никто не пишет»’ (<http://e-migrator.com/reportaze/>).

Skorvid S. S.

Křiš nemn'el hdo sundat (Concerning One Case of Developing
of the Construction *nominativus cum infinitivo*
in Central-European Slavic languages and Dialects

The paper deals with impersonal constructions which developed in some Slavic areas that use the verb 'to have' with the pronoun 'who' followed by an infinitive. The author gives examples of these constructions in the relevant languages and their dialects, which occur over a widespread territory from Central Europe eastward, including an immigrant Czech dialect spoken in the Northern Caucasus and in Western Siberia.

Keywords: *Central European Slavic languages, areal language contacts, verbs 'to be' and verb 'to have', possessive constructions, impersonality.*

Е. О. Борисова
(Екатеринбург)

Скорость в зеркале предметной метафоры (на материале польского языка)

В статье рассматривается предметная метафора как способ выражения представлений о скорости в польском языке. Материал извлечен из общенародных и диалектных словарей польского языка и картотеки «Słownika gwar polskich».

Ключевые слова: *семантическая деривация, метафорическая лексика, фразеология, этнолингвистика, полонистика, славянская диалектология.*

В статье рассматривается предметная метафора как способ выражения представлений о скорости. Предметная метафора понимается нами в широком смысле – как субстанциональная, в противопоставление признаковой и акциональной. Материалом послужила лексика и фразеология польского языка, извлеченная из общенародных и диалектных словарей, а также картотеки «Słownika gwar polskich». Скорость – параметр измерения времени, характеризующий действия субъекта во временном потоке. Как абстрактное понятие она номинирована в польском языке с помощью базовых (и обладающих высокой частотностью) наречных лексем, а также слов других частей речи (при конкретизации, т. е. обозначениях скорости определенного действия или его исполнителя). Скорость входит в число характеристик качества работы, поэтому номинации в большинстве случаев экспрессивны, что проявляется на уровне как семантики, так и внутренней формы лексем: например, в образном соотношении быстрого или медлительного человека с объектами иных областей действительности. В статье предполагается охарактеризовать тематические сферы, используемые для образного воплощения признака скорости («Животные», «Персонажи народной религии», «Игрушки», «Музыкальные инструменты», «Пища»), предпосылки, направляющие перенос значения, а также выявить те черты, которые приписываются медлительному или расторопному субъекту языковым сознанием.

Наиболее многочисленную группу образуют лексические факты, образованные на основе наименований представителей **живой природы**, а также слов, входящих в соответствующий фрейм (обо-

значающих, к примеру, способы использования животных, их повадки etc.). Эталоны скорости могут становиться домашние и дикие животные, птицы, насекомые, рептилии – рыбы, при этом наиболее подробно разработаны образы домашних животных (птиц); они непосредственно контактируют с человеком, делят с ним пространство обитания и участвуют в хозяйственной деятельности. Перенос осуществляется на основе представлений о внешнем виде, повадках и способе использования животного. Так, невысокая скорость связывается, во-первых, с образом коровы – животного крупного размера, ведущего малоподвижный образ жизни в силу специфики хозяйственных функций: *krowa*, *krówsko* ‘с неприязнью о женщине, особенно неловкой и медлительной’¹, диал. *lezie (rusza się, wlecze) jak krowa* <ползет (двигается, тащится), как корова> ‘двигаться медленно’², диал. *klepa*³ ‘женщина, которую говорящий оценивает как неловкую, медлительную и неопрятную’⁴; во-вторых, с образом вола – животного спокойного, поведение которого предсказуемо и контролируемо: диал. *cieluch* ‘о вялом, медлительном, ленивом человеке’⁵ (← диал. *cieluch* ‘вол’).

Кроме номинаций от наименований животных-эталонов, может происходить развитие скоростного значения у слов, называющих действия, выполняемые самими животными⁶: диал. *cielić się* ‘медлить, затягивать с работой’ (← *cielić się* ‘телиться’)⁷, кашуб. диал. *jajec są* ‘возиться, медленно работать’⁸ (← кашуб. диал. *jajec są* ‘нести яйца’), диал. *latać jak kura z pierwszym jajkiem* <летать как курица с первым яйцом> ‘неспокойно бегать’⁹; детенышей животных: диал. *cielok* ‘человек медлительный и слезливый’¹⁰ (← диал. *cielok* ‘теленок’), *boże cielę* <божий теленок> ‘беспомощный, медлительный человек’¹¹, *cielę na niedzielę* <теленок в воскресенье> ‘то же’¹², *cielę marynowane* <маринованный теленок> ‘глупый человек, без энергии, беспомощный’¹³, *jak cielę nieoblizane* <как необлизанный теленок> ‘неповоротливый, медлительный’¹⁴. Наконец, «скоростные» характеристики могут усиливаться указанием на определенное состояние животного: диал. *chodzi jak cielno krowa* <ходит как стельная корова>¹⁵, *wlecze się jak cielna krowa* <тащится как стельная корова> (возможен также вариант с имплицитным указанием животного: диал. *chodzi jak cielny* <ходит как стельный>¹⁶).

Помимо рассмотренных ситуаций, в которых «скоростное» значение развивается на основании каких-либо реальных характеристик животного, возможны также переносы, объясняющиеся «внутриязыковыми» особенностями оппозиции «быстро – медленно».

Так, эмоциональное восприятие быстрых или медленных действий стимулирует появление экспрессивных характеристик скорости, в которых образ животного чаще всего поддерживает негативную оценку. Показательно выражение *dupa wolowa* <воловья задница> ‘кто-либо медлительный, флегматичный’¹⁷, в котором *wól* усиливает отрицательные коннотации слова *dupa* ‘задница’ (вообще, различные обозначения этой части тела как занимающей самое «заднее» положение используются как в польском, так и в русском языке для передачи идеи промедления¹⁸).

Образ еще одного домашнего животного – козы – используется для воплощения представлений о действиях с низкой скоростью, которые приводят к отставанию субъекта действия от других. Механизм возникновения «скоростного» значения в данном случае основан на переосмыслении переносного значения зоонима: *koza* используется для обозначения непрокосов и недокошенных полос травы на поле (по данным KSGP), в результате чего в составе идиоматического сочетания значение слова переосмысливается на основе аттракции к обозначению животного. Так, из неубранных колосьев вяжут «козу» (*kozę*) или «козью бороду» (*brodę kozia*); отстающему во время жатвы говорится, что он «остался на козе» (*został na kozie*) или «коза блеет» (*koza beczy*); ему в шутку предлагают, чтоб он «подогнал козу» (*napędzał kozę*); используется также выражение «тянуть волка за хвост» (*ciągnie wilka za ogon*)¹⁹. Отметим, что значение ‘несжатые колосья’ у «козы» и его ремотивация встречаются в различных славянских языках, ср., например, данные, приведенные в словаре «Славянские древности»: «В жатвенной обрядности *koza*, *kozěl* – это венки из жита, свитый по окончании жатвы, или горсть колосьев, оставленная на корню при дожинках (пол., бел., полес.) [...] *Koza* упоминается в белорусских дожиночных песнях. В Полесье отстающего жнеца дразнили “козел-борода”, “на тебя коза мекает” [...] На Псковщине под пение “бородных” песен водили по меже козла»²⁰. В русском языке также фиксируются случаи, аналогичные приведенным польским: диал. *posadít na kozúľu* ‘обогнать соседа в работе (при косьбе)’²¹, диал. *na kozé poéhat* ‘отстать ото всех при косьбе’²².

Лошадь (конь) – животное, обладающее более широким спектром функций в жизни человека, чем, например, корова и вол, вписанные в деревенский быт. Конь использовался также в ходе военных действий, на охоте, на скачках и т. д. – и это находит отражение при разработке его образа в «скоростном» аспекте. Образ коня востребован при описании высокой скорости линейного движения или

произведенного с большой скоростью результативного действия. Первый вариант выражения представлений о скорости с помощью образа коня – использование базовой лексики (*koń*) с возможным указанием на признаки, влияющие на повышение скорости: *gna jak koń* <гонит как конь> ‘бежит очень быстро’²³, *bieżu jak koń* <бежит как конь> ‘быстро’²⁴, диал. *gonić na sto koni* <гнать в сто коней>²⁵, диал. *lecieć jak koń okuty* <лететь, как подкованный конь> ‘бежать быстро’²⁶, *leci jak koń wyuzdany* <летит, как выезженный конь> ‘без замедлений’²⁷. Во втором случае во внутренней форме лексем оказывается отраженной конкретная ситуация использования коня, в которой скорость принципиально важна: *kawalerska jazda* <кавалерийская езда> ‘езда очень быстрая, неосторожная’²⁸. И наоборот, иронически осмысляются ситуации, в которых конь (реже – лошадь) не может проявлять свойственную ему высокую скорость: *żwawy jak koń w pługu* <резвый, как конь в плуге> ‘нерезвый’²⁹, *skory jak skarbowa kobyła* <быстрый, как казначейская лошадь> ‘небыстрый’³⁰.

Образ коня как эталона скорости раскрывается еще одним способом: регулярно осуществляется семантический перенос «обозначение определенного хода коня» → «обозначение передвижения в быстром темпе или результативного действия»: *galopem* ‘очень быстро, поспешно’, *galopować* ‘делать что-либо очень быстро, спешить’³¹ (← *galop* ‘галоп’); *swalować* ‘о человеке: бежать очень быстро, нестись’³², диал. *swalać* ‘нестись карьером (в том числе о человеке)’³³, *swalem* ‘самым быстрым бегом, очень быстро’³⁴ (← *swal* ‘карьер’); *klusac* ‘быстро ехать’, *biec, lecieć, pędzić klusem* <бежать, лететь, нестись рысью> ‘о людях: бежать очень быстро’³⁵ (← *klus* ‘рысь’); *trucht* ‘применительно к людям: вид не особенно быстрого бега, мелкими шажками’³⁶ (← *trucht* ‘трусца’). Как видно из дефиниций, в большинстве случаев действительно номинируется быстрое линейное перемещение, но фиксируются также примеры, где наименования хода лошади используются для обозначения любого действия, произведенного с высокой скоростью: ср., например, выражение *galopem załatwić jaką sprawę* <галопом уладить какое-либо дело>³⁷.

В следующую группу метафорических обозначений скорости объединяются лексемы и фразеологизмы, в основе которых наименования **персонажей народной религии**. Источниками номинаций скорости являются названия только «отрицательных» мифологических существ – нечистой силы. При этом номинируется в основном

высокая скорость совершения действий (эти условия формируют специфику данной группы: высокая скорость, в большинстве случаев воспринимаемая как положительная характеристика, в значениях «мифологических» слов и выражений оценивается исключительно негативно): польск. *jeździ jak szatan* <ездит, как сатана> ‘ездит быстро и небезопасно’³⁸, польск. *goni jak Lucyfer* <гонит, как Люцифер> ‘быстро гонит’³⁹.

Эталонами скорости становятся образы как христианской мифологии (*łoce jak diabli pomietło* <летит как дьявольское помело> ‘летит быстро’⁴⁰, *szatan, nie człowiek* <сатана, не человек> ‘с удивлением о человеке, отличающемся неистощимой энергией, полным инициативы, быстром в действиях’⁴¹), так и народных верований. Так, поспешность ассоциируется с таким персонажем, как *skrzat* – гном-домовой, «сферой влияния» которого является изба и двор; он действует потихоньку, чаще всего когда никто не видит, чем и объясняется его использование в качестве эталона высокой скорости: *leci jak skrzat* <летит как гном> ‘летит поспешно’⁴².

В литературном языке фиксируется выражение *lelum polelum* ‘медленно, флегматично, не спеша’⁴³, объясняемое в некоторых лексикографических источниках связью с образами Леля и Полеля, трактуемых как мнимые славянские божества, образы и имена которых фигурируют в старопольских весенних припевах⁴⁴. Однако А. Брюкнер отмечает, что Лель и Полель были «выдуманы» мифологами на основе напева или окрика *leli poleli*, который в действительности использовался по отношению к тем, кто не мог уверенно стоять на ногах, покачивался, поскольку *lelejać* значит ‘качать’, а *leli-poleli*, *lele* применялось еще в XVI–XVII вв. в адрес «пошатающихся людей», «бездельников, слабаков»⁴⁵, откуда логично развитие значения низкой скорости (признак низкой скорости в значениях лексем регулярно сочетается с признаками слабости, вялости и т. п.).

Мифологическим существом, которому приписывается медлительность, является мара: *chodzi / snuje się jak mara*; *chodzi by jaka mara* <ходит / бродит как мара; ходит, как будто какая мара> ‘ходит медленно, бродит’⁴⁶. Появление скоростного значения может объясняться, с одной стороны, тем, что, как указывается в словаре «Славянские древности», «лексемы с корнем **mar-* часто обозначают не персонифицированное мифологическое существо, а нечто странное и непонятное, то, что мерещится, кажется, является в сновидениях, помрачениях ума, забыты и других измененных состояниях сознания. Отсюда о.-слав. *mara ‘призрак, привидение, наваждение,

обман чувств, морок'»⁴⁷; призракам же приписывается низкая скорость передвижения (ср. *wlec się jak widmo* <тащиться как призрак> 'тащиться'⁴⁸). С другой стороны, «в польской традиции слово *mara* – синоним более частотных названий этого персонажа с корнем *mor- типа *mora, zmora*»⁴⁹, который также становится эталоном медлительности: у зморы «сонный вид, замедленные движения»⁵⁰; «Змора передвигается в решетке, на метле, колесе от тачки, мотовиле, колвороте от прялки или в тележке с одним колесом (пол., кашуб.). Змора едет на такой тележке чрезвычайно медленно, ср. поговорку о медлительном человеке: “*Lezie jak zмога*” [Тащится, как змора]»⁵¹.

Субъекты, для которых характерна высокая или низкая скорость деятельности, сравниваются с различными **неодушевленными предметами**, такими, например, которые движутся с определенной скоростью в процессе использования: *kręci się jak w kołowrotku* <крутиться как в прялке> 'крутиться быстро'⁵².

Назовем наиболее явно выделяемые группы обозначений неодушевленных предметов, участвующих в воплощении представлений о скорости. Среди них обозначения **игрушек**, а точнее, различные наименования юлы, механизм действия которой основан на высокой скорости кругового движения: *kręcić się, biegać itp. jak fryga* <крутиться, бегать и т. п. как юла> 'двигаться быстро, энергично, ловко'⁵³, *jak bąk (bączek)* <быстро> 'то же', *kręci się jak cyga* <вертится как юла> 'вертится быстро', *kręci się / zwija się jak fruszka* <крутиться / вертеться как юла> 'то же'⁵⁴ (вероятно, здесь представлена звукоподражательная номинация юлы, не зафиксированная в известных нам словарях; ср. *fruczka* с тем же значением⁵⁵).

Важная предметная группа-донор для наименований со «скоростной» семантикой – обозначения **музыкальных инструментов**. «Музыкальные» номинации отражают тип звуков, которые извлекаются из соответствующих инструментов, а также внешний вид и способ игры на них. Интересно, что все зафиксированные обозначения связаны только с низкой скоростью. Так, с медлительностью ассоциируются низкие монотонные протяжные или повторяющиеся звуки, поэтому скоростные значения развиваются у наименований волынки, трубы и барабана: *powolny jak dudy* <медлительный, как волынка>⁵⁶, *chłop / człowiek jak dudy* <парень / человек, как волынка> 'о мужчине медлительном, не имеющем собственного мнения'^{57, 58}, *trąba* 'о ком-либо неэнергичном, беспомощном'⁵⁹ (← *trąba* 'труба'), *tarabanić się* 'идти, двигаться с трудом, вяло, медленно'⁶⁰ (← *taraban* 'барабан'). В последнем случае также может быть важен размер ин-

струмента, поскольку крупным предметам регулярно приписывается признак медлительности, неповоротливости (ср., например, рус. простореч. *колода* ‘о неповоротливом, нерасторопном человеке’), а *taraban* – это большой барабан продолговатой формы. Кроме того, его нужно было нести на себе, что снижало скорость перемещения (или, по крайней мере, затрудняло его; ср. *tarabanić* ‘бить в барабан’, ‘нести что-либо с трудом’⁶¹). Поскольку медлительность как характеристика человека регулярно сочетается с такими признаками, как беспомощность, отсутствие воли, глупость и пр., соответствующие значения развиваются у названий музыкальных инструментов, легких в использовании, не требующих специфических умений звукоизвлечения. Таковыми воспринимаются варган⁶² и дудочка: польск. *fujara* ‘беспомощный человек, лишенный энергии и воли’⁶³ (← *fujara* ‘дудочка’), *faja* ‘то же’⁶⁴ (В. Борысь отмечает, что слово заимствовано из немецкого с первоначальным значением ‘трубочка, дудочка’⁶⁵), диал. *drumla* ‘язвительно о женщине медлительной, малосообразительной’⁶⁶ (← *drumla* ‘варган’).

Кроме того, примеры из данной группы говорят об аксиологической подоплеке восприятия (и, соответственно, номинации) медлительных людей: человек, не способный к деятельности с той же скоростью, что и другие, сравнивается с предметами, изготовленными из негодных материалов, ср. *chłop jak z bobu gajdy* <парень как из боба волынка> ‘о неуклюжем, вялом парне’⁶⁷ (*gajdy* – вид волынки, изготовливалась она из шкуры животного и деревянных трубочек).

Распространены также номинации высокой и невысокой скорости с использованием лексем, называющих **пищу**. Так, медлительный человек сопоставляется с блюдом, приготовленным из теста: *cieple kluski, kluchy* <теплые клецки> ‘о человеке безвольном, неэнергичном, вялом’⁶⁸ (в данном случае ему приписывается признак мягкости; ср. также рус. диал. *тёплый* ‘медлительный’). Кроме того, для номинации скорости привлекаются производные от слов *pieprz* ‘перец’ и *chrzan* ‘хрен’. Они обладают в польском языке высокой экспрессивностью (ср. польск. *pieprzyć się* ‘перестать хорошо функционировать’, ‘слишком долго, слишком тщательно что-либо делать’, ‘о мыслях, воспоминаниях и т. д.: ошибаться’, ‘иметь половые отношения’⁶⁹ и др.), на которой основывается их использование в данном случае: *chrzanić się* ‘делать что-либо слишком долго, без результата’⁷⁰, *zachrzanić* ‘идти или ехать куда-либо поспешно’⁷¹, *zapięprzać* ‘быстро идти или бежать’⁷², *zapierniczać* ‘то же’⁷³ (ср. польск. диал. *pierny* ‘приправленный перцем (*pieprzem*)’⁷⁴). В случае с обозначени-

ем перца возможна и «ситуативная» мотивировка, проявляющаяся, например, в выражении *lata jak z pieprzem*⁷⁵ (ср. приведенный выше комментарий к фразеологизму *jakby mu ktoś pieprzu na ogon nasypał*, появление которого, возможно, связано с купеческими практиками придания коню «товарного вида»).

Итак, в статье были рассмотрены группы слов-источников предметной метафоры, номинирующей скорость действия или передвижения: «Животные», «Персонажи народной религии», «Игрушки», «Музыкальные инструменты», «Пища». Наиболее многочисленной является группа «Животные». Это объясняется регулярностью семантических переносов, соединяющих наименования животных и обозначения личностных качеств человека, которые воспринимаются экспрессивно. Важен и бытийный фактор – проявление животными признака скорости в реальной действительности, что упрощает соотнесение их повадок с действиями человека. Остальные группы имеют примерно равный объем.

При обозначении быстроты выбираются объекты, каким-либо образом проявляющие признак высокой скорости; в то же время наименования медлительности нередко основываются на «нескоростных» чертах. Это объясняется, на наш взгляд, большей экспрессивностью (ср. наличие аксиологических номинаций) выражений со значением низкой скорости (поскольку она однозначно воспринимается отрицательно), а также синтетическим восприятием медлительности как черты личности, которая неразрывно связана с рядом таких характеристик, как «неуклюжесть», «беспомощность», «глупость», «лень» и т. п. (например, в дефинициях регулярно встречаются сочетания «osoba powolna, życiowo niezaradna» и подобные).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Praktyczny słownik współczesnej polszczyzny (далее PSWP). Poznań, 1998. Т. 18. S. 117–118, 137.
- 2 Rak M. Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gór Świętokrzyskich i Podtatrz. Kraków, 2007. S. 75.
- 3 В литературном языке первое значение этого слова – ‘самка лося’, но в говорах оно, по данным картотеки «Słownika gwar polskich» (далее KSGP), чаще используется как пейоративное обозначение коровы; этот факт, а также отсутствие примеров, подтверждающих

- «скоростные» переносы на основе обозначений лося, позволяют отнести слово *klepa* к номинации «коров».
- 4 PSWP. 1998. Т. 16. S. 240.
  - 5 Mały słownik gwar polskich. Kraków, 2009. S. 37.
  - 6 Факты, демонстрирующие возможность соотношения действий человека с определенными повадками животных по параметру скорости, представлены в разных лексических пластах. Ср., к примеру, глагол *gmerać się*, имеющий в современном польском языке единственное значение – ‘делать что-либо медленно, без энтузиазма; выполнять неловкие действия при какой-либо деятельности’. По мнению В. Борыся, у этого глагола выделяется корень **gьm-*, звукоподражательный по происхождению, а первоначальное значение формулируется как ‘двигаться с шумом, роиться, кишеть (о большом количестве насекомых), ползать’, отсюда ‘двигать неловко конечностями (как насекомые), двигаться неловко’ и дальше ‘копаться, возиться’ (*Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005. S. 166*).
  - 7 *Nowak J. K. Słownik gwary górali żywieckich. Żywiec; Grojec; Warszawa, 2012. S. 66; Słownik gwarowy Śląska Cieszyńskiego (далее SGŚC). Ustroń, 2010. S. 71.*
  - 8 *Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław, 1968. Т. 2. S. 75.*
  - 9 KSGP (Zakład Dialektologii Polskiej IJP PAN, Kraków).
  - 10 SGŚC. S. 71.
  - 11 PSWP. 1996. Т. 7. S. 195.
  - 12 Там же.
  - 13 Там же.
  - 14 *Wysoczański W. Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych. Wrocław, 2005. S. 142.*
  - 15 *Ondrusz J. Przysłowia i powiedzenia ludowe ze Śląska Cieszyńskiego. Wrocław, 1960. S. 32.*
  - 16 Там же.
  - 17 PSWP. 2004. Т. 46. S. 53.
  - 18 Ср. *dupa* ‘увалень, копуша’ (SJP-I), а также рус. диал. *гүзатъ* ‘медлить, мешкать; тянуть’, *гүза* ‘неповоротливый, медлительный, мешковатый человек’ (Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Т. 7. С. 206) и др. < *гүз* ‘ягодицы’.
  - 19 KSGP.
  - 20 Славянские древности (далее СД). М., 1999. Т. 2. С. 523.
  - 21 Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965. Т. 14. С. 75.

- 22 Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета).
- 23 *Bańko M.* Słownik porównań. Warszawa, 2007. S. 54.
- 24 *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 149.
- 25 *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków, 1900. T. 3. S. 211.
- 26 KSGP.
- 27 *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 149.
- 28 Słownik frazeologiczny (далее SF). Warszawa, 2008. S. 104.
- 29 *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 140.
- 30 Там же. S. 151.
- 31 PSWP. 1997. T. 12. S. 116, 117.
- 32 PSWP. T. 7. S. 311–312.
- 33 *Kąś J.* Słownik gwary orawskiej. Kraków, 2001. T. 1. S. 133.
- 34 PSWP. T. 7. S. 311.
- 35 PSWP. T. 16. S. 297–298.
- 36 PSWP. 2003. T. 43. S. 231.
- 37 PSWP. T. 12. S. 116.
- 38 *Bańko M.* Słownik... S. 64.
- 39 *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 335.
- 40 Там же. S. 281.
- 41 SF. S. 310.
- 42 *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 338.
- 43 PSWP. 1998. T. 19. S. 96.
- 44 См. PSWP. T. 19. S. 96; *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 330 и т. д.
- 45 *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 2000. S. 294.
- 46 *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 340.
- 47 СД. 2004. Т. 3. С. 178.
- 48 *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 339.
- 49 СД. Т. 3. С. 178.
- 50 СД. Т. 2. С. 342.
- 51 Там же. С. 343.
- 52 *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 275.
- 53 SF. S. 66.
- 54 *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 324.
- 55 Słownik języka polskiego. Warszawa, 1898. T. 1. S. 776.
- 56 *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 321.
- 57 Там же.
- 58 В русском языке наблюдается аналогичный перенос: литер. *волын-ка* ‘замедляемая работа, бесполезная трата рабочего времени’, *за-*

- тягивать, тянуть* (заводить, завести) *волынку* ‘тянуть, медлить в работе, вообще затягивать какое-л. дело’ и мн. др.
- 59 Słownik języka polskiego (далее SJPPWN-I) (электронный ресурс). – <http://sjp.pwn.pl/>
- 60 Там же.
- 61 Там же.
- 62 Ср. междиалектную энантиосемию у дериватов наименования этого инструмента: пск. *варгáнить* ‘делать что-либо медленно’ (Псковский областной словарь. Л., 1973. Т. 2. С. 33) и волог., орл., том. *варгáнить* ‘быстро делать что-либо, мастерить, изготавливать’ (Словарь русских народных говоров. Л., 1969. Т. 4. С. 46). Очевидно, такая энантиосемия возникла на основе значения ‘делать что-л. кое-как’, которое, в свою очередь, производно от представления о примитивности варгана. «Кое-как, примитивно» – это может быть и быстро (если не думать о результате), и медленно (если неумело).
- 63 PSWP. Т. 12. S. 52.
- 64 PSWP. 1997. Т. 11. S. 140.
- 65 *Boryś W.* Słownik... S. 148.
- 66 *Kąś J.* Słownik... Т. 1. S. 207.
- 67 *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 321.
- 68 PSWP. Т. 7. S. 223.
- 69 SJPPWN-I.
- 70 Там же.
- 71 Там же.
- 72 Słownik języka polskiego (электронный ресурс). URL: <http://sjp.pl/>
- 73 SJPPWN-I.
- 74 *Boryś W.* Słownik... S. 430.
- 75 *Wysoczański W.* Językowy obraz świata... S. 214.

Borisova E. O.

Speed in the Mirror of the Subject Metaphor
(Based on the Polish Language)

The article discusses the subject metaphor as a way of expressing the idea of speed in the Polish language. The data are taken from literary and dialect dictionaries of Polish language and the card index of the dictionary of Polish dialects (“Słownik gwar polskich”). Keywords: *semantic derivation, metaphorical language, phraseology, ethnolinguistics, Polish language and literature studies, Slavic dialectology.*

А. С. Стыкалин (Москва),
А. Колин (Кишинев)

Сдача революционной венгерской армии русским войскам под Вилагошем в августе 1849 г. Воспоминания очевидца

Вниманию читателя предлагаются мемуары российского офицера И. Дроздова, свидетельствующие об обстоятельствах капитуляции венгерской революционной армии в Трансильвании в августе 1849 г. российскому войску. Публикуемый документ вновь ставит дискуссионные вопросы об оценке действий генерала А. Гёргея и участия российских войск в подавлении венгерской революции.

Ключевые слова: *венгерская революция 1848–1849 гг., венгерская кампания русской армии 1849 г., Николай I, И. Ф. Паскевич, Ф. В. Ридигер, внешняя политика Российской империи, Россия и монархия Габсбургов.*

Публикуемый ниже документ представляет собой мемуары русского офицера, участвовавшего в венгерской кампании 1849 г. и явившегося непосредственным свидетелем сдачи в плен русским войскам под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича венгерской революционной армии. Опубликованный в 1870 г. в Санкт-петербургском «Военном сборнике», этот источник редко привлекал внимание историков, его обходили стороной даже многие авторы, обращавшиеся к истории венгерской революции 1848–1849 гг. и смежных с ней событий в Центральной Европе. Между тем, он позволяет осмыслить под непривычным углом зрения одно из ключевых событий революции, ее печальный финал, в интерпретации которого специалистами (а в Венгрии и более широким общественным мнением) до сих пор бытует немало прочно устоявшихся стереотипов. Один из них – отношение к командующему венгерской армией генералу Артуру Гёргею, яркий образ которого предстает и со страниц нижеследующих мемуаров. Миф о малодушном, изменническом поведении Гёргея, сдавшего без сопротивления царскому войску, получил широкое распространение в венгерской исторической литературе второй половины XIX – первой половины XX в., был за-

---

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 12-01-00202, тема «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг.» (руководитель проекта О. В. Хаванова).

имствован и отечественными историками¹. Живучести его в нашей литературе² способствовало и то обстоятельство, что с осуждением поступка венгерского генерала, своим якобы малодушным поведением поставившего крест на европейской «весне народов», выступало левое общественное мнение дореволюционной России³. Однако в последние десятилетия в венгерской историографии (в работах крупнейшего специалиста по истории венгерской революции 1848–1849 гг. Р. Германна и др.) доминирует иной подход к Гёргею, яркому полководцу эпохи венгерской национально-освободительной войны 1848–1849 гг. Талантливый военачальник, осуществивший ряд победоносных операций против австрийских императорских войск⁴, он незадолго до решающей схватки и поражения большого соединения венгерской армии 9 августа под Темешваром отказывался вести с командованием численно превосходящей русской армии какие-либо переговоры о сложении оружия, «ибо речь здесь идет о спасении моей бедной, притесненной отчизны, политическую жизнь которой австрийский император и его ближайшее окружение хотят уничтожить»⁵. Однако через считанные дни⁶, осознав всю несопоставимость численности 200-тысячной российской и 30-тысячной венгерской армий, а значит бессмысленность сопротивления, Гёргей предпочел избежать ненужного кровопролития и сложить оружие, причем именно перед русским, а не австрийским императорским войском⁷. «Лучше допущу уничтожение всего корпуса в отчаянной битве против любых превосходных сил, чем безоговорочно капитулировать перед австрийскими войсками», – писал он Ридигеру (письмо было получено 12 августа)⁸. Почти все члены Военного совета (кроме двух, предлагавших сдаться непосредственно австрийцам) поддержали предложение своего командующего. Надо было торопиться, ведь австрийские войска под командованием фельдмаршала Гайнау приближались к Араду, к местам расположения основных формирований ослабленной венгерской армии. При этом у Гёргея в момент принятия решения сохранялась надежда на австрийское императорское великодушие к поверженному достойному противнику, готовность венского двора воздержаться от мести. Надежда, как известно, не оправдавшаяся. Не оправдались и надежды Гёргея на российское посредничество⁹.

В русской мемуаристике нашло отражение мнение об обоснованности поступка Гёргея, который, взвесив все обстоятельства, «признал бесполезным дальнейшее сопротивление Русским войскам, и чтобы не истощать в материальном отношении своей родины, ре-

шился покончить бесцельную войну. В том, что он положил оружие, нельзя видеть измену, а только относительную его предусмотрительность и желание сохранить Венгрию для будущей ее деятельности, за что венгерцы должны его благодарить, а не порицать»¹⁰. С еще большей определенностью и более эмоционально характеризует поступок Гёргея другой мемуарист, участник кампании 1849 г.: «Подвиг Гёргея был истинным самоотвержением, ибо он знал, что его оклеймят позором [...] в письме к графу Ридигеру он первого себя отдавал в жертву, с условием спасения своих соратников [...] Люди поверхностные, легкомысленные, судящие издалека о событиях, в которых не принимали участия, говорили и, быть может, скажут и впредь, что ему надлежало бороться до последней крайности; но если лично всякий должен быть готов умереть, то начальнику нельзя распоряжаться так легкомысленно жизнью других. Обдумывают ли эти строгие судьи, что ни один из людей Гёргея не согласился бы на такое продолжение войны, и что остатки его армии скорее бы все разбежались, ибо уныние и безнадежность были всеобщие»¹¹. В отличие от политического лидера венгерской революции Л. Кошута, свекорыстного и тщеславного «политического мечтателя», готового все принести в жертву «своему неограниченному самолюбию и властолюбию», Гёргей, по мнению мемуариста Ф. Григорова, «пожертвовал своим самолюбием для счастья своего отечества»¹².

Среди венгерских историков до сих пор нет единого мнения, был ли поступок Гёргея тактически правильным или нет¹³. По мнению Р. Германна, Гёргей избрал меньшее зло, ведь к тому времени, когда русские передали Гайнау плененных венгров, кровожадный австрийский главнокомандующий получил от императора Франца Иосифа распоряжение не торопиться с расправами, провести более основательную процедуру расследования перед вынесением приговоров. Как бы то ни было, число расстрелянных австрийцами представителей генеральского и старшего офицерского корпуса превысило сотню. А потому заслуживает внимания и точка зрения других венгерских историков. Л. Контлер признает, что Гёргей предпочел сдаться не Гайнау, а русским, полагая, что это может облегчить участь побежденных. «Однако такая выходка, – продолжает он, – еще более разозлила австрийцев, и без того униженных прежними военными неудачами и необходимостью обращаться за внешней помощью»¹⁴. При венском дворе возобладало мнение о том, что мятежных венгров надо на ближайшие 100 лет отвлечь от любой мысли бунтовать против законного императора.

Между тем, карательные акции, предпринятые Гайнау с санкции своего императора (их жертвой стал и премьер-министр первого венгерского революционного правительства граф Л. Баттяни), потрясли всю образованную Европу. Когда палач Гайнау (уже будучи в отставке) выезжал после 1849 г. за рубеж, возмущенная публика встречала его оглушительным свистом в Лондоне и Брюсселе, что не раз приводило к дипломатическим скандалам. Казнь 6 октября 1849 г. в Араде 12 видных военачальников сдавшейся венгерской армии (так называемых «арадских мучеников») была с немалым возмущением воспринята и в Петербурге в окружении Николая I как неблагоприятный, вероломный поступок венского двора, бросающий тень и на российского союзника, передавшего плененных венгров австрийцам¹⁵. Как вспоминает свидетель эпохи, «пошли сетования на русских. Венгерцы рассчитывали на Россию и полагали, что Россия в видах своих на будущее при разрешении Восточного вопроса, заняв Венгрию, не выйдет из нее и назначит туда кого-либо из своих великих князей... [венгры мне] говорили, что Гёргей не думал, что Россия предаст Венгрию на жертву и на месть Австрии»¹⁶. Российский император потом довольно долго отказывался принять австрийского посла. Никакого политического выигрыша от участия в кампании по подавлению венгерской революции Российская империя не получила. Уже в 1849 г. и среди отечественных, и среди зарубежных наблюдателей бытовало мнение, что Россия в определенном смысле продешевила. «Отдав Венгрию Австрии (вместо того, чтобы посадить на венгерский престол одного из своих великих князей, как надеялись в окружении Гёргея. — А. С., А. К.), Россия закрыла себе ворота на Восток. Австрия будет мешать успешному разрешению этого вопроса. [В свою очередь и] Венгрия не позабудет 1849 года и постарается отомстить России за свое унижение»¹⁷. Действительно, граф Дюла Андраши, в 1849 г. заочно приговоренный юным Францем Иосифом к смертной казни за участие в революции, а в 1871 г., в условиях австро-венгерского компромисса, им же назначенный на пост министра иностранных дел двуединой Дунайской монархии, вошел в историю не только как один из выдающихся европейских политиков и дипломатов своей эпохи, но и как человек, неизменно воспринимавший Россию как главного исторического врага Венгрии и как главное препятствие на пути осуществления не только венгерских, но также (уже не противоречивших им в новых условиях) австрийских интересов, особенно на балканском направлении.

С особым волнением читается описание последнего перед сдачей знамен и сложением оружия обеда, в котором по приглашению венгерского командования участвовали и российские военнослужащие. Настроение было тягостным, причем с обеих сторон. Собравшиеся как бы на собственную тризну венгерские генералы и офицеры не теряли, однако, достоинства, зная о собственном пленении и неминуемом наказании. Многие русские офицеры, общавшиеся с венграми в период кампании 1849 г., сохранили неподдельное уважение к достойному противнику. Об этом свидетельствуют не только публикуемые ниже, но и многие другие офицерские мемуары. «Нельзя не признаться, что во время Венгерской кампании между нами и неприятелями нашими всегда проглядывали радушные отношения, чего нельзя было сказать по отношению к нашим союзникам – австрийцам, государство которых в 1848 г. было спасено Россией», – заметил мемуарист Н. Богдановский, оставивший описание пирушки русских и венгерских офицеров после сдачи венграми крепости в Мункаче (Мукачево)¹⁸. Ему вторит М. Лихутин: «Мы пришли помогать австрийцам и помогли им – и вдруг наши симпатии оказались, по-видимому, на стороне тех, во вред которым мы действовали»¹⁹. Венгерский поход ради спасения Габсбургов казался многим офицерам, в нем участвовавшим, бессмысленным, тем более что сопровождался большими и бессмысленными жертвами вследствие эпидемии холеры²⁰. Причем мемуаристы вспоминают не только о стихийно происходивших братаниях и пьянках с венграми, об уважении русских солдат и офицеров к тем, кто ведет открытую, честную борьбу, но и о частых сожалениях, что государь не решился дать корону святого Стефана (Иштвана) одному из своих сыновей, сделав тем самым не только венгров, но и многих славян подданными дома Романовых²¹.

Через несколько лет отношения двух монархий испортились. После начала в 1853 г. Крымской войны русские войска временно оккупируют Дунайские княжества Молдову и Валахию, что не отвечало интересам монархии Габсбургов. Сохранивший в 1849 г. свою власть только благодаря своевременному вмешательству российской армии, Франц Иосиф «удивил весь мир неблагодарностью», заняв формально нейтральную, но на самом деле недружественную России позицию. После вынужденного вывода российских войск из Дунайских княжеств русскую оккупацию сменила австрийская. Более того, после падения Севастополя Австрия выступила с ультимативным требованием к России о присоединении к пока еще контролиру-

емому Веной Молдавскому княжеству Южной Бессарабии (с 1812 г. входившей, как и вся Бессарабия, в состав Российской империи) с выходом к Дунаю²². Николай I никак не мог простить молодому Францу Иосифу измены. Согласно одной красивой, но при этом вполне правдоподобной легенде, российский император, предчувствовавший резкое обострение отношений с монархией Габсбургов, разглядывая при посещении Варшавы памятник польскому королю Яну Собескому, снявшему осаду турками Вены в 1683 г., якобы изрек: Собеский и я были самыми большими ослами в истории, поспешив на спасение Австрии, так и не пожелавшей потом их отблагодарить.

И. Дроздов

Сдача венгерской армии русским войскам
под Вилагошем 1-го августа 1849 г.²³

По разбитии венгерского корпуса под городом Дебречином²⁴, 21 июля, войска, направленные под предводительством генерал-адъютанта графа Ридигера²⁵ для преследования отступившей к крепости Араду армии Гёргея²⁶, прибыли 29-го того же месяца в деревню Артанд. Здесь встретили нас присланные от Гёргея парламентареры: генерал барон Пельтенберг, адъютант его, ротмистр Бетлен Габор, и полковник Ваницкий, с письмом к главнокомандующему нашею армиею, в котором венгерцы пытались предложить некоторые условия при капитуляции. Граф Ридигер, приняв от них письмо, отправил его к генерал-фельдмаршалу²⁷ в Дебречин, а парламентареры, в ожидании ответа, остались в нашем штабе, были обласканы графом и приглашены им к обеду²⁸.

После обеда граф поручил генералу Фролову²⁹ переговорить с ними частным образом и убедить их в совершенной невозможности, со стороны их, к дальнейшему сопротивлению; но они, считая тогда силы свои до 200 000 человек (?), говорили, что обязаны до конца исполнить долг свой и, в случае неблагоприятного ответа, должны еще попробовать счастья в бою. С тем, действительно, парламентареры и отправились в свой стан, когда на письмо Гёргея приказано было ответить, что императорско-российская армия прибыла в Венгрию не для переговоров, а для военных действий, и что с переговорами они должны обращаться к австрийскому главнокомандующему, барону Гайнау³⁰.

Продолжая грозное наше наступление к крепости Араду, центру революции в тогдашнее время, мы, по приходе в местечко Киш-Йено,

снова были встречены там адъютантами Гёргея с письмом к графу Ридигеру. Гёргей писал, что армия его изъявила готовность безусловно покориться и сложить оружие перед воинством Его Величества Российского Императора, и просил графа прислать к нему доверенное лицо для того, чтобы условиться относительно церемониала сдачи войск и сложения оружия. Тотчас же, по приказанию графа Ридигера, генерал Фролов, инженер-поручик барон Оффенберг, саперный поручик Ахбауер и я³¹, в сопровождении адъютантов Гёргея, на четырех телегах быстро помчались в стан неприятельской армии. Это было в 10 часов утра, 31 июля. Главная квартира Гёргея находилась тогда в городе Вилагоше, куда мы и прибыли в час пополудни.

Вилагош, довольно красивый небольшой городок, живописно раскинут при подошве холмистых гор³². Над самую средину города, на скате одного из холмов, возвышался прекрасный каменный дом, с галереєю в саду, который расстился по скату холма до самой улицы. По огромной около этого дома толпе народа и солдат, можно было догадываться, что здесь квартира главнокомандующего, а медвежьи шапки часовых гренадеров (при воротах) служили еще более несомненным признаком его тут пребывания. Едва подъехали мы к крыльцу дома, как Гёргей вышел навстречу нам. Сделав приветствие, он взял генерала под руку и повел его прямо в кабинет, где они тотчас же и занялись предстоявшим делом. В это время мы трое вошли в главную залу, наполненную множеством офицеров. Дежурный адъютант поочередно рекомендовал нам находившихся тут генералов, членов временного правления и офицеров, составлявших главный штаб Гёргея. Это собрание можно было назвать живою галереєю красавцев-мужчин в роскошных венгерских мундирах; здесь собран был цвет венгерской молодежи самых знатных фамилий. Вскоре и нас пригласили в кабинет, где генерал Фролов откомендовал нас Гёргею.

Мы были восхищены увлекательно наружностью молодого генерала, который был пред тем грозою для союзников наших, австрийцев, а теперь облечен в сан диктатора³³ и главнокомандующего всех сил венгерской инсурекиции.

Гёргею на вид казалось лет двадцать пять. Он тонок, строен, высок. На круглом миловидном лице его, покрытом небольшими редкими бакенбардами, усиками и бородкою, начертаны кротость и добродушие. Большие голубые глаза его блещут быстрым, неизмеримым взглядом, выражающим полное сознание силы и превосходства³⁴. На голове Гёргея была повязка: пестрый шелковый платок,

охватывая одним концом верхнюю часть головы, другим ниспадал на плечи и закрывал на затылке рану³⁵. При такой фантастической повязке кроткое, доброе лицо его еще более казалось нежным. Его костюм составляли: совершенно простое, темно-коричневое пальто, с красными шнурками на груди и с позументом на воротнике; через плечо неразлучная спутница его – дорожная сумка, огромные (далеко выше колен заходящие) сапоги из самой грубой кожи. Речь его проста; гармонический голос звучит силою воли; в приемах виден врожденный дар повелевать...³⁶

После кроткого (sic!) приветствия к нам Гёргея, мы вышли в залу; генерал наш оставался еще в кабинете. Выйдя оттуда, он тотчас же отправил барона Оффенберга с донесением к графу Ридигеру.

Вся Венгрия обедает в час пополудни, а потому в зале стол был уже давно накрыт. Вскоре явился Гёргей и просил нас к столу. Обед, состоявший, по венгерскому обычаю, блюд из пятнадцати, продолжался часа три. За столом сидело до пятидесяти особ – генералов, старших из чинов гражданских и офицеров, и сверх того хозяйка дома, г-жа Дитрих, и жена главного доктора армии, г-жа Мигалик. Каждый из собеседников старался придать разговору веселый тон, какого и можно было бы, казалось, надеяться, в особенности при превосходных подававшихся тут винах; но речь не оживлялась; напротив, на лицах наших собеседников видны были явные следы глубокой думы. Все были в каком-то тревожном состоянии духа. Даже мы сами находились в странном, никогда не испытанном положении. Душу мою наполняла мрачная мысль: неужели, по страшному определению судьбы, они собраны здесь для рокового празднования своей собственной тризны?.. Несчастные! многие из них не ошибались в предчувствии своей гибели...³⁷

По выходе из-за стола, простившись с новыми нашими знакомцами, мы, сопровождаемые теми же адъютантами до деревни Заранд, отправились в корпусную нашу квартиру, куда и прибыли к шести часам вечера.

В самую полночь на 1-е августа войска наши бодро снялись со своих позиций и стройно двинулись вперед; 2-я и 3-я легкие кавалерийские дивизии составляли передовую колонну; за нею следовали 7-я и 8-я пехотные дивизии. Около пяти часов утра прибыли мы к деревне Заранд, где перестроились в боевой порядок, в котором продолжали наше наступление, и наконец остановились на равнине, при деревне Шеллош³⁸. Ни солдаты, ни частные командиры войск наших не знали о предстоявшем событии. Все готовились к бою...

Равнина Шеллош с юго-запада окаймлена цепью красивейших холмов, покрытых возделанными виноградниками и зеленеющими рощами; при подошве холмов извивается дорога от крепости Арада в местечко Борош-Йено. Около десяти часов утра по этой дороге поднялись густые облака пыли, которые были для нас вестниками приближения к нам венгерских войск. Мало-помалу головы колонн пехоты их стали показываться на равнине и выстраиваться в одну линию, параллельно к нашей; за нею артиллерия строилась во вторую линию, а кавалерия стала на флангах пехоты. Таким образом, среди самого полудня, под раскаленными лучами солнца, в стройном безмолвии сошлись две враждовавшие армии...³⁹

Ровно в час Гёргей, сопровождаемый своим блистательным штабом, быстро мчался к нам на прекрасном золотисто-гнедом коне, в своем скромном пальто, с сумкой через плечо и в белой круглой пуховой шляпе с пером. Остановив штаб свой в почтительном от нас расстоянии, он, с поникнутой головой, приблизился к графу Ридигеру и открыл торжественный акт сложения оружия продолжительным объяснением; в заключение подал графу рапорт о числе сдаваемых войск и оружия. Возвратясь к своему штабу, Гёргей передал ему приветствие графа, на которое венгерцы, потрясая в воздухе своими киверами и шляпами, отвечали громким возгласом: «Да здравствуют русские!» Затем Гёргей приказал, чтобы войска складывали оружие, и в ту же минуту весь штаб его – с места в карьер... каждый понесся к своей части, для исполнения приказа своего вожда.

Войска Гёргея состояли из 1-го, 3-го и 7-го пехотных корпусов и простирались до 30 000 человек нижних чинов. Они имели 11 генералов, до 2000 офицеров, 5000 строевых и 3000 упряжных лошадей и 144 орудия, один понтонный и два артиллерийских парка, с огромным количеством артиллерийских снарядов, ружейных и амуниционных вещей.

Около пяти часов вечера, когда 3-й и 7-й корпуса были уже на местах, а 1-й корпус все еще продолжал выстраиваться, началась «церемония сдачи». По отдании чести пехота с грустью снимала с себя боевую амуницию и ставила ружья в козлы. Солдаты, прощаясь, плакали и целовали знамена своих полков⁴⁰. Гусары, оставляя своих коней, обнимали их и, рыдая, прощались с ними; столь же горько прощались они и со своим ружьем⁴¹.

Затем граф Ридигер, сопровождаемый своим штабом, приблизился к войскам Гёргея и, приветствуя их, начал осмотр. Невыразимо трогателен был вид этого войска, стройного⁴², сильного и бодрого,

которое, за несколько месяцев, было так страшно для Австрии, а в эту минуту стояло обезоруженное, покорное и, как бы обреченное на казнь, ожидало исполнения своего приговора!.. Грустным взглядом провожали нас солдаты; офицеры, поникнув головами, плакали.

По удалении графа Гёргей подъехал к рядам своих войск и тотчас же был окружен офицерами и солдатами. Он начал было говорить им последнее приветствие, но не мог произнести ни одного слова: глухое рыдание вырвалось из груди его, и вся армия, огласив воздух криком «Да здравствует Гёргей!», отвечала слезами искренней преданности своему вождю. Один из офицеров вышел вперед, чтобы от лица всех сказать несколько слов бывшему своему генералу; но, не в силах будучи удержаться от рыданий, он мог только произнести: «Прощай, Гёргей!» «Прощай, Гёргей!», – повторилось в рядах всей армии⁴³.

Между тем наша 2-я легкая кавалерийская дивизия стройно подошла к фронту венгерской армии и приступила к принятию военнопленных. Это окончилось около восьми часов вечера. Потом, перед самыми уже сумерками, обезоруженные колонны потянулись безмолвно в плен за любимым своим вождем, под конвоем нашей кавалерии, по направлению к Гросс-Вардейну⁴⁴. Вскоре мрак ночи покрыл эту печальную для венгерцев картину непроницаемую завесой⁴⁵.

Начальник штаба, еще днем приняв Гёргея, не оставлял его и, вместе с ним предшествуя пленной армии, следовал всю ночь в корпусную нашу квартиру Киш-Йено, куда мы прибыли к четырем часам утра 2-го августа.

В этот день все военнопленные нижние чины расположены были бивуаком около Киш-Йено, а генералам и офицерам отведены в местечке квартиры; им дозволено было оставить при себе сабли и предоставлена свобода личности в такой мере, что они могли почти не замечать своего плена⁴⁶.

К удовлетворению главных потребностей жизни пленных приняты были самые деятельные меры: тотчас же начали выдавать офицерам на содержание деньги, обер-офицерам по одному, а штаб-офицерам по два гульдена на серебро в день, а для нижних чинов отпускать печеный хлеб и мясо. Граф Ридигер пригласил Гёргея, с его генералами и некоторыми из старших офицеров, к обеду. Такое великодушное, снисходительное обхождение главных и частных наших начальников с военнопленными внушило им полное к нам доверие и вообще расположило их к русским⁴⁷.

Того же числа прибыли в корпусную нашу квартиру от коменданта крепости Арада, Дамианича, парламентареры, с письмом к Гёргею, в котором также предлагались условия при сдаче крепости. В ответ на это письмо Гёргей, между прочим, писал Дамианичу⁴⁸: «С нами так обходятся, что мы тому удивляемся и почти того стыдимся; ибо если бы мы были в обратном положении, то я не мог бы, кажется, ручаться за такое же милое, великодушное обхождение со стороны наших офицеров в отношении к неприятельским военнопленным⁴⁹. Я сообщаю тебе об этом потому, что в настоящее время это должно быть для тебя самым интересным предметом. Решение его светлости генерал-фельдмаршала заключается в том, что он не может принять никакого предварительного условия; но он полагает, что, обхождением своим с нами приобрел доверие гарнизона». Вследствие этого убедительного ответа крепость Арад 5-го августа сдана безусловно нашим войскам.

С этого времени венгерская война полагается оконченною. Дальнейшим делом нашим было принимать и обезоруживать добровольно приходившие к нам из Трансильвании и из других мест отряды венгерских войск. Обезоружив, мы отправляли их в учрежденный общий бивуак, при местечке Саркад⁵⁰, где наконец и передали их австрийским войскам⁵¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Революции 1848–1849. Под редакцией Ф. В. Потемкина и А. И. Молока. М., 1952. Т. I–II. Соответствующий раздел в этой книге так и называется: «Изменническое поведение Гёргея» (Т. II. С. 121–123).
- 2 О предательстве Гёргея говорится и в 3-томном фундаментальном труде начала 1970-х гг. по истории Венгрии. См.: История Венгрии. В 3 т. М., 1972. Т. 2. С. 176. Однако в «Краткой истории Венгрии. С древнейших времен до наших дней» (М., 1991) автор соответствующего раздела Т. М. Исламов дал более дифференцированную оценку роли Гёргея.
- 3 Из литературы см., в частности: *Орлик И. И.* Венгерская революция 1848–1849 годов и Россия // Новая и новейшая история. 2008. № 2.
- 4 Отзывы о незаурядных полководческих способностях Гёргея встречаются и в мемуарах русских офицеров: «...нельзя не отдать Гёргею справедливости, что он показал себя весьма искусным на-

- чальником, который сумел отлично воспользоваться ошибками своего противника» (Дневник барона Л. П. Николаи, веденный им во время Венгерской кампании 1849 г. // Русская старина. СПб., 1877. Т. XX. Сентябрь – декабрь. С. 242).
- 5 Письмо Гёргея генералу российской армии Ф. В. Ридигеру от 24 июля 1849 г. цитируется по: *Германн Р.* Русские войска в Венгрии в 1849-ом году. Будапешт, 2002. С. 15. Члены венгерского правительства адресовали после этого командованию российской армии послание, в котором содержалось предложение о создании венгеро-русских союзнических отношений и даже выражалась готовность принять для суверенной Венгрии короля «не-австрийской» династии с намеком на одного из российских цесаревичей. Однако Николай I, ставя превыше всего монархическую солидарность, не разрешил фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу вести с венгерской стороной переговоры политического, а не военного (то есть об условиях полной капитуляции) характера. Гёргею через Ридигера в письме было сообщено: назначение русских войск – воевать, и если Гёргей «желает согласовывать о поклонении перед законным императором», пусть обращается к главнокомандующему австрийской армии барону Гайнау (см.: там же. С. 16).
- 6 К этому времени лишь на востоке Трансильвании, неся большие потери, продолжало оказывать сопротивление австрийским войскам соединение венгерской революционной армии под командованием талантливого польского военачальника Юзефа Бема.
- 7 Важно заметить, что в соответствии с изначальными планами австрийцев русской армии отводилась лишь вспомогательная роль: «...австрийцы объявляют, что мы должны постоянно находиться в резерве как вспомогательное войско, а драться впереди должны они, мы только помогаем и потому в резерве» (*Баумгартен А. К.* Дневник 1849 г. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Кн. 4. С. 27).
- 8 Цит. по: *Германн Р.* Русские войска в Венгрии в 1849-ом году. С. 17.
- 9 В письме Гёргея Ридигеру содержалась просьба, «чтобы сдавшиеся не были переданы австрийцам как преступники, ибо те, которые первоначально состояли в австрийской службе, опасаются лишиться, в руках их, жизни и, быть может, даже чести». Далее он продолжал: «Как нам неизвестна будущность Венгрии и как если его императорское величество Император Всероссийский не оградит ее, с известным своим великодушием, могущественным своим посредничеством, всех нас может ожидать эшафот или изгнание, то

- мы все вместе осмеливаемся, не столько для нас самих, сколько для наших сограждан, просить о великодушном ходатайстве, дабы несчастный край, столько уже пострадавший, не был подвержен новым еще истязаниям» (письмо Гёргея передано в изложении, приводимом в тексте: *Григоров Ф.* Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года (адъютанта графа Ф. В. Ридигера) // *Русская старина.* 1998. № 6. С. 509).
- 10 *Верниковский А. Л.* Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // *Русский архив.* М., 1885. № 12. С. 537.
  - 11 *Григоров Ф.* Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 506.
  - 12 Там же. С. 505.
  - 13 Разные мнения существовали и в XIX в. Так, согласно представлениям активного участника революции графа Пульски, сопротивление одновременно австрийскому и русскому войску было бы безумием. См. обзор изданных в Германии его мемуаров: *Вестник Европы.* СПб., 1883. № 4. С. 636. «Проблеме Гёргея» в Венгрии посвящена большая литература, в том числе труды одного из крупнейших венгерских историков XX в. Домокоша Кошари, основательно разбирающего все версии, бытующие в историографии. См.: *Kosáry D.* A Görgey-kérdés története. Budapest, 1994. I–II.
  - 14 *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002. С. 336. Ср. со свидетельством русского мемуариста: «Австрийцы более строго относятся к тем из венгерцев, которые положили оружие перед русскими войсками, и ходатайство русских о смягчении их участи не принято во внимание» (*Верниковский А. Л.* Венгерский поход 1849 года... С. 535).
  - 15 Как уже отмечалось, А. Гёргей в последнем письме Ридигеру настаивал на получении от Вены гарантий сохранения жизни своих офицеров, просил «не отдавать их в жертву слепой мстительности» австрийцев (см.: *Ореус И.* Описание венгерской войны 1849 г. СПб., 1880. С. 113). Его надежды не вступали в противоречие с ожиданиями венгерского общества. Русский офицер А. Верниковский, находившийся в части, дислоцированной в Кашау (венг. Кашша, ныне Кошице в Словакии), вспоминает, как убийственно подействовала на венгерское общество этого города весть о сдаче Гёргея: «Грусть и отчаяние выражались на лицах. Разно толковали о причинах». При этом «венгерцы на первых порах никак не полагали, что русские передадут участь Венгрии в руки Австрии» (*Верниковский А. Л.* Венгерский поход 1849 года... С. 529).

- 16 Там же. С. 535.
- 17 Там же.
- 18 *Богдановский Н.* Из воспоминаний о венгерской и крымской кампаниях // Русская старина. 1893. № 1. С. 244. Мемуарист И. Павлов также вспоминает, что при встречах с венгерскими офицерами неизменно пили вместе с ними вино, чтобы «показать наши взаимные дружеские чувства»; «Сколько тостов! Какая дружба! Даже страшно вспомнить» (*Павлов И. В.* Воспоминания о Венгрии. Походные записки 1849 г. // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1910. № 5. С. 9, 11).
- 19 *Лихутин М.* Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875. С. 247.
- 20 «Со вступлением в пределы Австрии начало выражаться и нерасположение наших войск к австрийцам. Между офицерами нередко можно было слышать вопросы, зачем мы идем спасать фальшивых австрийцев?» – вспоминает участник кампании А. Верниковский (*Верниковский А. Л.* Венгерский поход 1849 года... С. 512). Далее он продолжает: «...дружеского сближения между русскими и австрийскими офицерами я не замечал: обе стороны держали себя странно, с каким-то нерасположением и недоверием друг к другу» (там же. С. 512). А другой участник венгерского похода, Н. Исаков, говорит с еще большей прямоотой: «Цель войны была нам чужда. Союзники наши, австрийцы, были нам противны» (*Исаков Н. В.* Венгерская кампания 1849 г. // Исторический вестник. СПб., 1913. № 3. С. 838).
- 21 *Алабин П.* Русские в Венгрии в 1849 г. (из походных заметок) // Русская старина. 1882. № 7.
- 22 Проект, реализованный решением Парижского конгресса 1856 г. и находившийся в силе вплоть до Берлинского конгресса 1878 г.
- 23 Статья впервые опубликована в «Военном сборнике» (1870. № 9. С. 133–138). Примечание редколлегии «Военного сборника»: «Статья эта написана очевидцем, личным адъютантом начальника штаба 3-го корпуса, генерала Фролова». 1 августа – 13 августа по новому стилю. Далее в авторском тексте все даты также указаны по старому стилю.
- 24 Ныне г. Дебрецен в Восточной Венгрии.
- 25 Ридигер Федор Васильевич, граф (1783–1856) – крупный российский военачальник, генерал от кавалерии. Член Государственного совета. Участник русско-шведской войны 1808–1809 гг., наполеоновских войн, русско-турецкой войны 1828–1829 гг., подавления польского восстания 1830–1831 гг. В период венгерской кампании

- 1849 г. командовал авангардом русских войск. Во время Крымской войны исполнял обязанности Наместника Царства Польского.
- 26 Гёрге́й Арту́р (1818–1916) – венгерский военачальник, генерал. Командовал главными силами венгерской революционной армии во время национально-освободительной войны венгерского народа против Габсбургов 1848–1849 гг. Понимая бессмысленность сопротивления, в августе 1849 г. сложил оружие перед численно превосходящим русским войском. Сохранение жизни Гёргею явилось предметом особой договоренности между российским и австрийским дворами, достигнутой (согласно одной из бытующих в литературе версий) наследником российского престола во время пребывания в Вене. Вплоть до установления в 1867 г. системы австро-венгерского дуализма находился под арестом в австрийском г. Клагенфурте. Любопытно, что существовала версия, по которой австрийцы держали Гёргея в Клагенфурте, дабы уберечь его от мести венгерских патриотов, не способных простить своему генералу «предательство»: «В Кашау рассказывали, что Гёргея увезли австрийцы на жительство в крепость Клагенфурт, потому что опасались, чтобы венгерцы не убили его за измену, и что ему определила Австрия пенсию бригадного генерала» (*Верниковский А. Л.* Венгерский поход 1849 года... С. 530–531).
- 27 Речь идет о главнокомандующем русской армии генерал-фельдмаршале Иване Федоровиче Паскевиче (1782–1856).
- 28 Другой мемуарист, адъютант Ридигера, которому было поручено «находиться всегда при наших гостях и доставить им удобное помещение», вспоминает: «Не забуду этого знакомства; мы перестали быть врагами; это была все молодежь самая блистательная, и я узнал потом, что граф Ридигер, ходатайствуя об адъютантах Гёргея, просил также и о них» (*Григоров Ф.* Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 509).
- 29 «Начальник штаба 3-го пехотного корпуса, генерал-майор, ныне генерал-адъютант» (примечание редколлегии «Военного сборника»).
- 30 Гайнау (Хайнау), Юлиус фон (1786–1853) – австрийский фельдмаршал. Командовал в 1849 г. главными силами императорских войск при подавлении венгерской революции.
- 31 «Личный адъютант начальника штаба» (примечание редколлегии «Военного сборника»).
- 32 Ныне населенный пункт Ширия, Румыния.
- 33 10–11 августа, после поражения значительного соединения венгерской революционной армии под командованием польского генера-

- ла Х. Дембиньского под Темешваром (ныне Тимишоара, Румыния), Л. Кошут и большая часть венгерского революционного правительства подали в отставку. С этих пор вся полнота власти была сосредоточена в руках генерала А. Гёргея.
- 34 У участника венгерской кампании полковника царской армии А. Баумгартена сложилось мнение, зафиксированное им в дневнике от 21 мая 1849 г.: венгерские военачальники «употребят все возможные средства, чтобы сделать самое восстание сколь возможно более упорным и отчаянным и только при последней крайности положить оружие» (*Баумгартен А. К. Дневник 1849 г. С. 18*).
- 35 «От сабельного удара под крепостью Комаром» (примечание редколлегии «Военного сборника»).
- 36 По свидетельству другого мемуариста, общаясь с русскими офицерами, Гёргеи неизменно «был очень вежлив, давая чувствовать в разговоре, что венгерцы весьма дружелюбно расположены в пользу русских, не желают войны с ними, а враждуют лишь с австрийцами» (Дневник барона Л. П. Николаи. С. 239).
- 37 «Многие из них повешены или расстреляны, по приговору австрийского правительства, в крепости Арад!» (примечание редколлегии «Военного сборника»).
- 38 Венг.: Сёллэш.
- 39 Венгерское «войско было расположено вокруг горы, с расставленными орудиями и часовыми на всех пунктах – знак, что гарнизонная служба и в умиравшей в военном своем составе армии была в исправности», – вспоминает другой мемуарист (*Григоров Ф. Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 510*).
- 40 Знамена венгерской революционной армии были возвращены советским правительством венгерскому правительству в марте 1941 г. При освобождении Будапешта зимой 1945 г. были снова отправлены в СССР, окончательно возвращены в 1948 г. Материалы выступлений на эту тему историков А. И. Пушкиша и Е. Дёркеи на конференции, состоявшейся в Москве в марте 2000 г., см.: Научные издания московского Венгерского Колледжа. М., 2001. Вып. I.
- 41 Свидетельство И. Дроздова подтверждается воспоминаниями Ф. Григорова: «Нельзя было равнодушно смотреть на этих воинов, которые, с мертвым отчаянием на лицах, слагали свое не раз победоносное оружие и лобызали свои знамена, навсегда с ними расставаясь. Гусары, спешившись, привешивали сабли и пистолеты на седла, затем обнимали своих лошадей, как верных собратьев, рыдали, прощаясь с ними, и передавали нашим солдатам». Один солдат,

- не захотевший отдать оружие, выстрелил себе в грудь и свалился замертво (*Григоров Ф.* Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 512).
- 42 «Замечательно, что в войсках Гёргея до последней минуты существовали в высшей степени порядок и дисциплина; доказательством тому служит бывший в глазах наших случай: во время следования войск к месту сложения оружия Гёргею доложили, что один из офицеров оказал неповиновение старшему; офицер, перед целой армией, был тотчас же разжалован в солдаты! («Из Описания венгерской войны» П. М.)» (примечание редколлегии «Военного сборника». Имеется в виду «Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849-м году». СПб., 1851; составлено П. К. Меньковым).
- 43 «Вся вообще сцена имела вид не радости и веселия, а какого-то грустного величия, понятого и оцененного, можно сказать, каждым солдатом. Легко и без моего слабого пера представить себе, что происходило в сердцах. В особенности не мог я налюбоваться выражением лица моего почтенного начальника (графа Ридигера. — А. С., А. К.). Он не принял вид грозного победителя, но, постигая значение момента, был спокоен, величав, весь, казалось, проникнут мыслью, что небесный Промысел избрал его орудием для нового возвеличения России», — так описывает и комментирует ту же сцену другой ее свидетель, адъютант генерала Ридигера Ф. Григоров (*Григоров Ф.* Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 512).
- 44 Ныне Орадя, Румыния (венг.: Надъварад).
- 45 Как комментировал впоследствии, в мемуарах, адъютант Ридигера Григоров, капитуляция венгерской армии явилась «новою славою доблестного старца (графа Ридигера), как бы в венец пятидесятилетней, богатой воинскими подвигами, службы его» (*Григоров Ф.* Из воспоминаний о Венгерской кампании 1849 года. С. 508).
- 46 «Зная близкое будущее, нельзя было смотреть на бивуак венгерцев без особенного стеснения сердца» (там же. С. 510).
- 47 Гёргей писал генералу Д. Клапке о том, что с венгерскими военными «обходятся так, как храбрый солдат мог ожидать от храброго солдата» (цит. по: там же. С. 508). «Грустно было смотреть на этих пленных в неизвестности будущей их участи; много надежды питали мы и они на милость царскую, и, действительно, много и было оказано милости, но нельзя ей было распространиться на всех», — рассуждал адъютант Ридигера в своих воспоминаниях

- (там же. С. 513). По его мнению, «Австрия не могла совсем простить венгерцам, и это понятно, но не должна ли она была вести себя как держава могущественная, не позволяя в таком деле, где надлежало руководиться одними государственными и политическими соображениями, действовать личностям и мелким страстям» (там же). Как явствует из мемуаров разных участников событий, мысль о том, что австрийцам следовало бы предоставить венграм амнистию, получила довольно широкое распространение среди российских офицеров.
- 48 Дамьянич Янош (1804–1849) – генерал венгерской революционной армии. Казнен по приговору австрийского трибунала в г. Арад 6 октября 1849 г. вместе с рядом других военачальников.
- 49 «Об овациях, оказанных нашими офицерами Гёргею, по окончании кампании [...] было заявлено в Варшаве фельдмаршалу [Паскевичу], и нашим офицерам за бестактный энтузиазм в отношении Гёргея, по этому заявлению, объявлена была, как говорили, неприятная благодарность от начальства» (*Верниковский А. Л.* Венгерский поход 1849 года... С. 530).
- 50 Венг.: Шаркад.
- 51 23 августа по новому стилю.

Stykalin A. S., Colin A.

Capitulation of the Hungarian Revolutionary Army at Vilagos
in August 1849. Recollections of an Eye-Witness

This is a publication of the memoirs of the Russian military officer I. Drozdov, which shed light on the circumstances of capitulation of the Hungarian revolutionary army in Transylvania in August 1849 to the Russian army. The document raises again disputable questions of how to evaluate the actions of General Artúr Görgey and participation of the Russian troops in the suppression of the Hungarian revolution.

Keywords: *Hungarian Revolution of 1848–1849, Hungarian campaign of the Russian army in 1849, Nicolas I, Ivan Paskevich, Fedor Ridiger, foreign policy of the Russian Empire, Russia and the Habsburg monarchy.*

А. В. Ганин
(Москва)

**Финал галицийских генералов.
Судьбы генералов Украинской галицийской армии
И.-Н. Микитки и Г.-Ф. Цирица**

Публикация посвящена судьбам генералов Украинской Галицийской армии, взятых в плен частями РККА в 1920 г. На основе впервые вводимых в научный оборот документов Государственного архива Российской Федерации рассмотрен малоизвестный международный аспект военного плена эпохи Гражданской войны в России.

Ключевые слова: *Гражданская война, Украина, Украинская Галицийская армия, генералитет, военнопленные, репрессии.*

Выходцам из австро-венгерской армии, оказавшимся втянутыми в водоворот российской Гражданской войны, пришлось явно нелегко. Не только эта война была им во многом чужда, но и сами они не были нужны практически ни одной из воюющих сторон и нередко сталкивались с враждебным к себе отношением со стороны своих бывших противников по Первой мировой войне. Так, в период переговоров белого командования с представителями Украинской галицийской армии (УГА)¹ осенью 1919 г. одним из выдвинутых белыми условий союза двух вооруженных сил было изгнание из галицийской армии немецкого элемента в лице бывших австрийских офицеров².

5 (18) октября 1919 г. начальник штаба Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) генерал И. П. Романовский телеграфно передал штабу войск Новороссийской области приказ главнокомандующего ВСЮР генерала А. И. Деникина: «Главком приказал иметь в виду при переговорах, что немецкие элементы галицийских войск должны быть устранены. Романовский»³. 12 (25) октября это требование было передано повторно: «Главком приказал из состава галицийской армии удалить немцев. Романовский»⁴. Мотивы такого условия белого командования понятны – немцы были противником России по Первой мировой войне, противником Антанты, на которую ориентировался главнокомандующий ВСЮР, и в прошлом – союзниками большевиков.

Как отмечал начальник штаба войск Новороссийской области генерал В. В. Чернавин, в этот период части УГА совместно с арми-

ей Петлюры после занятия поляками Восточной Галиции вошли в пределы русской Украины (определение генерала Чернавина)⁵.

По данным на 16 августа 1919 г. УГА включала три корпуса и конную бригаду, общая численность личного состава достигала 1888 офицеров и 49795 нижних чинов⁶. Нижние чины, низший и средний командный состав (офицеры военного времени) были по происхождению галицийскими украинцами. Старшие строевые и штабные кадровые офицеры – австрийцы. Последний командующий УГА генерал Иосиф-Николай Микитка (21.02.1878–1920) был галицийцем по происхождению, занял он этот пост 7 ноября 1919 г., после того, как за переговоры с белыми и заключение 6 ноября Зятковского договора был снят с должности и отдан под суд его предшественник генерал М. Тарнавский (позднее временно заменял Микитку на период его болезни 16 декабря – 14 января 1920 г.).

Тем не менее Микитка ратифицировал договор с белыми 19 ноября. Новый командарм обладал лишь ценом командования батальоном. По мнению Тарнавского, Микитка не ориентировался в обстановке и был марионеткой у своего начальника штаба⁷.

Начальником штаба армии с 7 ноября стал венгр по происхождению, генерал Густав-Фердинанд Цириц (15.02.1872–1920), сменивший полковника Альфреда Шаманека. Он считался способным офицером, окончил Военную академию в Вене, в годы Первой мировой войны дослужился до поста начальника штаба 2-го австрийского корпуса. Судя по донесениям начальника военной миссии ВСЮР при УГА, фактически именно он командовал армией. Начальник штаба войск Новороссийской области генерал В. В. Чернавин отмечал: «Когда по заключении договора мы познакомились ближе с внутренней жизнью Галицийской армии, то для нас выяснилось, что доверять той части ее командного состава, которая состоит из офицеров – галичан и украинцев, мы не можем. В огромном большинстве эта часть офицерского корпуса Галицийской армии состояла из враждебных России элементов. Пошли на соглашение с нами эти офицеры только ввиду отсутствия у галичан иного выхода. К офицерам из немцев (б[ывшим] офицерам Австро-Венгерской армии) отношение офицеров-галичан было недоверчивое и подозрительное; их, по-видимому, только терпели, и то потому, что без них галицийская армия обойтись не могла (подчеркнуто в документе. – А. Г.)»⁸.

В январе 1920 г. генерала Цирица в Одессе повсюду сопровождала группа галичан, которые выполняли, очевидно, соглядатайские функции⁹. Генерал Чернавин считал, что по этим причинам на ло-

яльность немецких офицеров белые могли рассчитывать, тем более что немцы были профессиональными военными, тогда как галичане больше склонны к политиканству. Удаление немцев, как полагал Чернавин, было не в интересах ВСЮР.

Чернавин отмечал: «Галицийская армия фактически в момент перехода на нашу сторону представляла собой сплошной госпиталь. Более 3/4 ее состава, по донесению нашей миссии, находилось в лазаретах в тифу или в командах выздоравливающих. Здоровых едва хватало для ухода за больными и для обслуживания самых настоятельных нужд армии. Служба снабжений была дезорганизована, госпиталей, санитарных средств не хватало. При таких условиях внезапное удаление наиболее опытной части командного состава армии могло повести к полному хаосу»¹⁰. Таким образом, Деникин вопреки практической целесообразности руководствовался идеалистическими представлениями.

Все эти сведения были сообщены в Ставку Деникина, но в ответ получили лишь подтверждение прежней телеграммы. Командующий войсками Новороссийской области не исполнил приказ и решил выждать, а позднее в связи с отступлением белых изгнание немцев так и не состоялось. Галичане остались в занимавшемся ими районе Подольской губернии к югу от Винницы. Попытка войск перейти на румынскую территорию у Рыбницы не удалась. Пытавшийся уехать в Румынию генерал Цириц¹¹ и генерал Микитка 10 февраля были арестованы и по решению винницкого и балтского ревкомов галицийской армии выданы советскому командованию¹². В те дни генерал Микитка говорил: «Доборолась Украина до самого края!»¹³, а генерал Цириц в связи с выдачей заявил: «Это позор для всей армии, которая выдает своих генералов»¹⁴.

В феврале 1920 г. части УГА перешли на сторону занявших регион красных, сдавшись 12-й советской армии (по некоторым данным, сдались в плен свыше 16000 солдат и офицеров, большая часть которых болела тифом), причем группой офицеров переговоры о переходе велись уже с конца 1919 г. В результате была создана Красная Украинская галицийская армия (Червона Українська галицька армія, ЧУГА), значительная часть личного состава которой в апреле 1920 г. перешла на сторону поляков, а оставшиеся на советской территории солдаты и офицеры подверглись репрессиям. Для командного состава УГА сдача красным оказалась роковой. Цириц и Микитка были вывезены в Москву, помещены в Кожуховский концентрационный лагерь, а затем в Бутырскую тюрьму

и, как до сих пор считается, в результате отказа перейти на службу большевикам расстреляны.

В ходе работы над проблемой репрессий в отношении военной элиты эпохи Гражданской войны в России, в фонде московского политического Красного Креста ГАРФ мне посчастливилось обнаружить комплекс документов, посвященных периоду пребывания генералов Цирица и Микитки в Советской России. Эти документы до сих пор не были известны исследователям и вводятся в научный оборот впервые. Публикуемые документы представляют события вокруг галицийских генералов в несколько ином свете, чем считалось до сих пор.

23 августа 1920 г. заключенный тридцатой камеры четвертого коридора московской Бутырской тюрьмы Йосиф Николаевич Микитка заполнил опросный лист московского политического Красного Креста. В документе он указал, что ему 42 года, по национальности он галицийский украинец, австрийский подданный, женат, имеет дочь в Австрии¹⁵. Микитка указал, что в период пребывания в Кожуховском лагере заболел дизентерией. По данным анкеты генерала, в годы Первой мировой войны он служил в австрийской армии на фронте. Себя Микитка считал военнопленным. Был беспартийным и не привлекался ранее к ответственности по политическим делам. Между прочим, он указал, что перед арестом его заработок составлял 5000 руб. В анкете Микитка также написал, что был арестован 25 февраля 1920 г. в Балте на фронте, числился за ВЧК, был допрошен в Харькове, в лагере ВЧК, а в Москву доставлен 31 марта 1920 г.¹⁶

Один из ветеранов УГА, доктор И. Максимчук, отмечал, что генерала Микитку после ареста доставили в Бутырскую тюрьму вместе с генералом Цирицем, обращались сурово, давали плохую еду, забрали у него последний плащ и покрывало, оставив в поношенной одежде, после перевели в концентрационный лагерь в Кожухове, а Цириц остался в Москве по болезни. «В течение июня 1920 г. по меньшей мере 2–3 раза приезжали к генералу Микитке из Москвы представители ВЧК, а возможно, также и военных учреждений, которые генералу Микитке предлагали принять главнокомандование красным корпусом, сперва даже на Западном фронте, а после в тылу, и убеждали его, чтобы он это положение принял [...] генерал Микитка каждый раз заявлял, что этого предложения не принимает, поскольку он больше хотел бы быть стрелком в своей армии, чем генералом в Красной. Как дальнейший мотив отказа от предложенной ему должности генерал Микитка дал ответ, что он не признает власть Советов и ни за какую цену служить им не будет»¹⁷. В том же

ключе составлены и другие публикации, отмечающие добровольную смерть Микитки¹⁸. Однако подлинные документы Микитки рисуют прямо противоположную картину, далекую от националистических и антикоммунистических идеалов.

Микитка обвинялся в контрреволюции, но приговор по его делу вынесен не был. В разделе «Особые замечания» анкеты московского политического Красного Креста он указал: «Я военнопленный офицер австр. (зачеркнуто в документе. – А. Г.) Зап. украинской (вост. Галиция) армии. Обвинения не знаю, т. к. не предъявляли, и думаю, что должен находиться в лагере, а не в тюрьме. По допросу мне предлагали поступить в Красную Армию, и я не отказываюсь от этой чести, т. к. всегда был только за бедноту, и прошу назначить в вост. галицийскую армию, т. к. я сам галичанин и русской команды и русского языка очень скверно знаю, а это затруднит мою службу, как бы я ни хотел помочь красной России»¹⁹. Таким образом, утверждения, что Микитка был расстрелян в связи с отказом сотрудничать с большевиками, совершенно не соответствуют действительности, коль скоро он собственноручно написал, что хотел служить в Красной армии и считал это за честь.

Существенно меняется и датировка расстрела генералов (в отношении Цирица по одной версии считалось, что он умер в тюремной больнице, по другой – что был расстрелян вместе с Микиткой в первой половине августа 1920 г.²⁰, однако документы Политического Красного Креста содержат другую информацию). По выявленным документам, расстреляны галицийские генералы могли быть никак не раньше октября 1920 г.²¹ Австрийская миссия неоднократно запрашивала Политический Красный Крест о судьбе генералов²². Лишь в начале 1921 г. удалось установить их судьбу.

Публикуемые документы проливают свет не только на судьбы двух галицийских генералов и напряженную борьбу как самих арестованных, так и Политического Красного Креста, а также австрийских представителей за облегчение их участи, но и на последний период существования УГА, ее переход к красным, мотивы действий ее командования. Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала.

Документ 1

Перевод
Дело генерал-лейтенантов
галицийско-украинской народной республики Иосифа-Николая
Микитка и Густава-Фердинанда Цириц.
В Политический Красный Крест в Москве

Москва, 25/IV 1920 г.

Вследствие предложения представителя политического Красно-го Креста в Москве имею честь сообщить об обстоятельствах, предшествовавших аресту генерала Иосифа Микитки и моему, а равно о событиях, последовавших за этим арестом, нижеследующее:

В начале ноября 1919 г. галицийско-украинская армия стояла в Виннице – Жмеринке и восточнее этих местностей.

В это время тогдашний командующий галиц[ийско]-украинской армией генерал Тарнавский²³, не получая никаких указаний от правительства, заключил с противником – генералом Деникиным – договор, прекративший враждебные действия. Этот договор был правительством объявлен недействительным, командующий армией и начальник генерального штаба ее полковник генерального штаба Шаманек²⁴ были смещены, и на их место были назначены: генерал Микитка – командующим армией, а я – начальником ее штаба. Одновременно с сим новому командующему армией было поручено правительством заключить с армией Деникина военное соглашение, причем разрешение политических вопросов было отложено до заключения особого о них договора между обоими правительствами.

В силу этих указаний правительства был заключен ратифицированный 19/XI 1919 г. договор с комендантом Новороссии генералом Шиллинг²⁵ в Одессе, согласно коего враждебные действия были приостановлены и галиц[ийско]-украинская армия в полном составе, оставаясь самостоятельной армией, поступила под командование генерала Шиллинга.

Основания, вынудившие правительство к этому шагу, были в военном отношении следующие: 1) постоянные неудачи армии Петлюры²⁶, 2) недостаточные обмундирование и вооружение гал[ицийско]-украинской армии, 3) прекращение материального снабжения и 4) в особенности эпидемия тифа, от которой более 20% офицеров и солдат лечилось в лечебницах.

В таком состоянии гал[ицийско]-укр[аинская] армия не была способна на какие-либо серьезные действия. Ей и не давали каких-

либо крупных задач, а пользовались ею исключительно для совершенно незначительных целей.

По оставлении войсками Деникина Киева и Казатина гал[ицийско]-украинская армия получила приказ в конце декабря 1919 г. отступить в район южнее Бирзулы и севернее Одессы. Этот приказ мог быть выполнен только при оставлении около 12.000 больных и выздоравливающих в районе Могилев – Проскуров – Литин – Липовец – Немиров – Винница – Жмеринка – Бар.

Для снабжения этих больных, а равно для дальнейшего использования их образовался в Виннице из офицеров гал[ицийско]-украинской армии революционный комитет, которому в его деятельности командованием армии не только не ставилось никаких преград, а, наоборот, работа его поддерживалась в интересах больных и выздоравливающих.

Около 20/І 1920 г. командующий гал[ицийско]-укр[аинской] армии отправил в Винницу делегацию во главе с майором Шепаровичем²⁷ с поручением переговорить с подлежащими лицами Советского Правительства о совместной борьбе против польской армии. Майор Шепарович донес, что он получил ответ, что Советское правительство согласно вести переговоры только с революционным комитетом, а не с командованием армии. Вследствие этого приказ генерала Шиллинга был выполнен и армия, стоявшая в начале февраля 1920 г. около и южнее Балты до Раздельной, была отведена к переправам через Днестр.

10/ІІ 1920 г. Румынское правительство объявило гал[ицийско]-укр[аинской] армии, что она не имеет права перейти через Днестр. В тот же день революционный комитет распорядился в Виннице сместить командующего армией и начальника генерального штаба. Это распоряжение было принято лицами, до коих оно относилось, безо всякого сопротивления и возражения. В 10 час. 30 мин. пополудни того же дня революц[ионным] комитетом в Рыбнице были арестованы как командующий армией, так и начальник штаба ее.

14/ІІ арестованные приехали вместе с штаб-квартирою армии в Балту.

24/ІІ военный комиссар в Бирзуле Краевский потребовал выдачи арестованных, что было выполнено 25/ІІ, после того, как он объявил двум защитникам обоих арестованных и делегированному революционным комитетом уполномоченному, имевшему поручение протестовать формально против выдачи, что с его стороны не предъявляется к арестованным никакого обвинения и что он исполняет лишь свой долг солдата, отправляя арестованных, согласно приказа командующего армией, к командующему 14 армией в Одессу.

Арестованных-де допросят только и освобождение их и возвращение может последовать в два дня.

В Одессе арестованных привели 27/II в особый отдел 41ой дивизии, где их допросили вкратце на четвертый день, причем им не только не было предъявлено никакого обвинения, а было объявлено, что от революционного комитета в Виннице получено телеграфное сообщение, что он также не имеет никакого обвинения по адресу арестованных. Но, несмотря на это, на следующий день арестованные были отправлены в Кременчуг в разведочное бюро 14ой армии.

7/III арестованным в разведочном бюро, где они не были допрошены, было объявлено, что в ближайшие дни они будут отправлены в Харьков к командующему юго-западным фронтом. До отправки, имевшей место лишь 15/III (т. е. на 8ой день), арестованные были водворены в Кременчугской тюрьме.

Прибыв 17/III в Харьков, арестованные допрашивались: в местном особом отделе два раза, около 25/III командованием юго-западного фронта о военном положении гал[ицийско]-украинской и польской армий и, наконец, лично народным комиссаром Раковским²⁸ по политическим вопросам. После общей беседы нижеподписавшемуся нар. комиссаром Раковским был предложен вопрос, не пожелают ли арестованные поступить на службу в Советскую армию. По объявлении нижеподписавшимся, что при определенных условиях это будет возможно, нарком Раковский сообщил ему, что нужно вперед запросить Москву, можно ли ему оставить арестованных тут же в Харькове. До получения же ответа арестованные должны оставаться в Харькове. На предложение наркома нижеподписавшийся заявил просьбу, чтобы арестованных не приравнивали [к] обычным преступникам, каковая просьба тут же была удовлетворена наркомом Раковским: по его приказу арестованные получили отдельную комнату, причем служители обходились с ними с полным вниманием.

31/III арестованные прибыли в Москву, и 1/IV они были водворены в тюрьме, в которой они находятся поныне.

Из этого краткого и правдивого описания фактов да усмотрит политический красный крест, что арестованные находятся под арестом 2 1/2 месяца без предъявления к ним какого-либо обвинения и без указания на какое-либо допущенное ими наказуемое деяние, из какого времени уже почти месяц в Москве безо всякого допроса, либо объяснения по делу. А так как гал[ицийско]-украинская армия была предназначена исключительно для борьбы против поляков, занявших их родину (восточную Галицию), и так как она не имела и не имеет другой задачи или цели кроме освобождения родины от ига польского господства, и

так как, наконец, гал[ицийско]-украинская армия перешла к Советской армии, нижеподписавшийся просит самым искренним образом как от своего имени, так равно от имени заболевшего генерала Микитки о вмешательстве, дабы они были в скорейшем времени освобождены из-под ареста, дабы возмещены были отнятые у генерала Микитки в Кременчуге деньги (3.800 украинских карбованцев), отнятые в Москве вещи и деньги (около 2000 рублей) были возвращены, а самим им разрешен был свободный проезд в Одессу, откуда они в кратчайший срок отправились бы, в обход Польши, к своему правительству в Вену или Прагу.

Густав-Фердинанд Цириц,
генерал-лейтенант
галицийско-украинской народной республики
ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 137б. Л. 174–175об.
Перевод с немецкого языка.

Документ 2

Перевод

В Политический Красный Крест

Генералы Микитка и Цириц Галицийской Украинской Народной республики просят об интервенции²⁹ английской миссии в Москве.

Не получив по сие время ответа на поданное три недели тому назад прошение и ссылаясь на это прошение, имею честь просить Политический Красный Крест обратить внимание на следующие обстоятельства.

Согласно газетным сведениям, английский министр иностранных дел³⁰ предложил своему коллеге в Советском правительстве прекратить враждебные действия против Крыма, потребовав амнистии для всех участников Деникинской армии.

Кроме сего, стало известно, что из Англии прибыла делегация, цель прибытия которой мне не совсем ясна.

Ввиду этого считаю нужным обратить внимание Красного Креста на эту делегацию и прошу обсудить, не будет ли целесообразно похлопотать в этой политической делегации, дабы генералу Микитке и мне было разрешено в возможно скором времени возвратиться на нашу родину.

Прося Политический Красный Крест о скорейшем объявлении нам своего отношения к нашему ходатайству, подписываемся.

Густав Цириц, Микитка,
генералы Галицийской Украинской Народной Республики
ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 137б. Л. 176–176об.
Перевод с немецкого языка (оригинал – там же. Л. 177–177об.)

Документ 3

Густаву ЦИРИЦ и МИКИТКО³¹

№ 1913 27/V-20 г.

В ответ на Ваше заявление Политический Красный Крест настоящим уведомляет вас, что им немедленно будут приняты необходимые шаги к скорейшему продвижению Вашего дела и к возможному облегчению Вашего положения путем непосредственных сношений с комиссариатом Иностраннных дел.

Юридическая Комиссия
 Пол[итический] Кр[асный] Кр[ест] Л. Розенталь
 ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 178. Подлинник.
 Машинопись; Заверенная машинописная копия
 (там же. Л. 187)

Документ 4

Перевод
 Политическому Красному Кресту
 Политического заключенного в Бутырской тюрьме
 в камере № 63, коридор 18
 Густава Фердинандовича Цирица

Заявление

В середине мая мес[яца] генерала Микитка и меня назначили для отправки в Кожуховский лагерь. Генерал Микитка был отправлен туда, но я по болезни остался здесь. В конце мая по выздоровлении я просил Коменданта Бутырской тюрьмы об отправке меня в лагерь, и меня назначили к отправке в лагерь к 18 июня с. г. Однако же отправка сия не состоялась за неимением конвойных.

С тех пор я дважды повторил мою просьбу, в последний раз – прошедшее воскресенье, я обратился к Коменданту тюрьмы, но безрезультатно. Поэтому прошу ходатайства Политического Красного Креста по моему делу и сообщить мне результат по этому поводу.

г. Москва, июля 7 дня 1920 г.

Цириц

Перевод верно: подпись неразборчива
 ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 181–181об.
 Заверенный перевод с немецкого языка

Документ 5

Политическому Красному Кресту в Москве
Заклученного в Бутырской тюрьме, числящегося за Особ. отдел.
В. Ч. К. Густава Фердинандовича Цириц 18 коридор 63 камера

Заявление

Еще 25 апреля я сделал подробное разъяснение о моем заключении с его последствиями, а также подал письменное прошение о материальной поддержке и о снабжении книгами. 18 Мая я вторично просил за себя и заболевшего товарища генерала Микитка, похлопотала за нас и Английская миссия в Москве, и, наконец, 7 июля я просил Политический Красный Крест посодействовать перед комендантом Бутырской тюрьмы, чтобы я был отправлен в Кожуховский лагерь, куда я был назначен еще в конце мая. Все эти письменные просьбы остались безрезультатны. Если я и не вижу со стороны политичес[еского] Кр[асного] Кр[еста] прямого пренебрежения к моей личности, то во всяком случае получается впечатление, что все мои просьбы остаются без внимания и исполнения, и поэтому я перестаю верить в миссию политичес[еского] Кр[асного] Кр[еста], обращаюсь к Вам, к сожалению, в последний раз, а больше беспокоить Вас просьбами не буду.

Москва 16/VII 1920 г. Цириц.
ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 179об. Перевод
с немецкого языка (оригинал – там же. Л. 179)

Документ 6

Заклученному Густаву Фердинандовичу ЦИРИЦ
Исх. № 3028

Бутырская тюрьма, кор. 18, кам. 63

1 сентября 1920 г.

Политический Красный Крест настоящим уведомляет Вас, что его попытки добиться облегчения Вашей участи в Наркоминоделе³² остались безрезультатны и остался единственный путь – обращение в Особый Отдел ВЧК. Необходимые в этом отношении шаги будут предприняты, лишь только международное положение это позволит.

Упорное молчание Красного Креста объясняется именно безрезультатностью его хлопот.

П[одлинный]

П[одписал] завед[ующий] юрид[ической] комис[сией] *Розенталь*
Заведующий Канцелярией
ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 182. Машинописная копия

Документ 7

Перевод

В особый отдел В. Ч. К. в Москве.

Заключенных Микитка, Иосифа Николаевича и
Цириц, Густава Фердинандовича,
оба генералы Галиц[ийской] Украинск[ой] Народной Республики,
Бутырская тюрьма, кор[идор] 18, кам[ера] 63.
Фамилия следователя неизвестна

Заявление

В дополнение к заявлению тов. Микитка от 15.VI.1920 г. и к заявлению тов. Цириц, отосланных Бутырской тюрьмой в особый отдел В. Ч. К. за №№ 11225 от 17.VIII и 11931 от 7.IX с. г., настоящим сообщаем:

На допросе 2.IX.1920 г. нам впервые после семимесячного ареста (причем пять полных месяцев ареста в Москве) было предъявлено обвинение в контрреволюции. До сего времени, как раз наоборот, нам было предложено вступить в ряды Красной Армии, на что мы уваж[аемому] тов. Раковскому дали наше согласие при известных условиях.

Нижеследующее доказывает, что мы никогда сознательно или бессознательно не занимались контрреволюцией:

- 1) согласно заявления тов. Микитка от 15.VI;
- 2) согласно заявления тов. Цириц, отправ[енного] Бутырской тюрьмой 7-IX за № 11931;
- 3) так как мы иностранцы и
- 4) не принадлежим к какой-нибудь политической партии;
- 5) так как мы только исполняли приказы Галиц. укр. правительства, за что лично не ответственны;
- 6) согласно договора с нашим правительством, мы должны были подчиняться приказам генерала Шиллинга;
- 7) так как правительство находилось в таком вынужденном положении, согласно заявления тов. Цириц (см. пункт 2) и
- 8) так как гал[ицийская] укр[аинская] армия за все время командования тов. Микитка, несмотря на личный состав в 44 тыс. человек, как видно из заявления, согласно пункта 2, была небоеспособна.

В конце допроса следователь спросил нас, не имеем ли мы какое-нибудь желание; аналогичный вопрос был нам предложен в Харькове тов. Раковским. Мы тогда просили обращаться с нами не как с преступниками и бандитами, а как с порядочными и честными людьми. Наша просьба была тогда уважена, и до конца нашего заключения в Харькове мы пользовались известными льготами.

После последнего допроса прошло 14 дней, и настоящим мы Вас покорнейше просим освободить нас и дать нам возможность поехать в Чехословакию, и смеем надеяться, что наши справедливые доводы будут приняты во внимание, и наша просьба удовлетворена.

Москва, 17.IX.1920 г.

Подписи: Микитка, Иосиф и Цириц, Густав.
ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 184–184об. Перевод
с немецкого языка (оригинал – там же. Л. 183–183об.)

Документ 8

Австрийская миссия по делам военнопленных в России
№ 60/21

П/д. обеспечения

Микиты³³ и Цириц.

В Политический Красный Крест

Москва, 15-го Января 1921 г.

Согласно сообщению Отдела Помощи Украинского Красного Креста за № 1117 от 25/X-20 г., находятся в настоящее время в Бутырской Тюремьме 2 украино-галицийских генерала, гр. Иосиф МИКИТА и Густав ЦИРИЦ, которые в феврале прошлого года попали в плен русской советской армии (ген. ЦИРИЦ – в кор. 18, кам. 63, № камеры, где находится ген. МИКИТА, неизвестен).

Ген. ЦИРИЦ – австрийский гражданин.

Австрийская Миссия по делам военнопленных не в состоянии вмешаться в его дело для его пользы, т. к. генерал Цириц рассматривается русским правительством не как австрийский военнопленный в смысле Копенгагенского договора³⁴, а как пленный гражданской войны.

Положение и отношение в тюрьме к этим 2-м уже пожилым офицерам возбуждает опасение Отдела Помощи, который просит облегчить участь вышеназванных.

Ссылаясь на постановление «Помощи имени Нансена» передается ходатайство Отдела Помощи Украинского Красного Креста с

просьбой взять на себя обеспечение этих военнопленных и об исполнении сего донести Отделу Помощи в Вене, I – Биберштрассе, 26/7.

Просьба по исполнению дать ответ.

Зам. представителя Австрийской миссии

(подпись неразборчива)

ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 188–188об.

Подлинник. Машинопись

Документ 9

В Австрийскую миссию по делам военнопленных

Исх. № 484 21/I-21 г.

Кузнецкий, 16

Января 21

В ответ на Ваше сообщение от 15-го января 1921 г. за № 60121, Полит. Кр. Кр. за настоящим сообщает, что по наведенным справкам Иосиф МИКИТКО³⁵ и Густав ЦИРИЦ 29-го октября 1920 г. приговорены Особ. Отд. В. Ч. К. к расстрелу.

По наведенным же справкам в Бутырской тюрьме оба они 14-го октября были в распоряжение Особ. Отд. В. Ч. К.

Вышеизложенные сведения просим Вас сообщить по назначению.

Секретарь Юридической Комиссии Алексеева,

делопроизводитель *Погребова*

ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 189. Машинописный отпуск

Документ 10

В Австрийскую миссию по делам военнопленных

Политический Красный Крест

поисковый (?) комитет

Москва, Кузнецкий м[ост], 16

Марта 10 дня 1921 г.

№ 1509

Полит. Кр[асный] Крест настоящим сообщает Вам, что по наведенным справкам генерал ЦИРИЦ Густав Фердинандович расстрелян.

Заведующий юридическим отделом

Секретарь: (подпись неразборчива)

ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 193. Машинописный отпуск.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 УГА посвящена обширная историография. Подробнее см.: *Бережиський В. Г.* Червона Українська галицька армія. Київ, 1997; *Завальнюк О. М., Олійник С. В.* Українська галицька армія на Поділлі (липень 1919 – травень 1920 р.): Історичний нарис. Кам'янець-Подільський, 2001; *Литвин М. Р., Науменко К. Є.* Військова еліта Галичини. Львів, 2004; *Солдатенко В. Ф., Савчук Б. П.* Галицька армія у Наддніпрянській Україні. Київ, 2004; Українська галицька армія (матеріяли до історії). Вінніпег, 1958–1976. Т. 1–5; *Шанковський Л.* Українська галицька армія. Львів, 1999; *Krotofil M.* *Ukraińska Armia Halicka 1918–1920.* Toruń, 2002; *Skrukwa G.* *Formacje wojskowe ukraińskiej “rewolucji narodowej” 1914–1921.* Toruń, 2008.
- 2 ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 369. Л. 1.
- 3 Там же. Л. 4.
- 4 Там же.
- 5 Там же. Л. 1.
- 6 *Ковальчук М.* «Армія терпить понадто від тисячних ран...» До питання про чисельність Української галицької армії на Великій Україні в 1919 р. // Військово-історичний альманах. 2006. № 2. С. 34.
- 7 *Тарнавський М.* Спогади. Львів, 2008. С. 144.
- 8 ГАРФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 369. Л. 2.
- 9 Там же.
- 10 Там же. Л. 2об.–3.
- 11 Денник Начальної Команди Української Галицької Армії. Нью-Йорк, 1974. С. 203.
- 12 Вместе с ними был арестован и генерал-генштабист В. И. Стойкин, судьба которого тогда сложилась удачнее (там же. С. 204). В своей автобиографии, написанной в период следствия по делу «Весна», 21 февраля 1931 г., Стойкин писал об этих событиях: «Попал к белым в плен у ст. Конотоп. Был 4 месяца под судом за службу в Красной армии. По оправдании направлен начальником связи в Галицийскую армию, где пробыл около 10 дней. По переходе Галицийской армии на сторону красных был со всей связью арестован и посажен в одесскую тюрьму. После разбора моего дела Одесской ЧКа был направлен в штаб 14 армии» (Ведомственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1919 (3065). Л. 11–11об.).
- 13 *Шевчук С.* Пора сказати правду про наші визвольні змагання добитися волі для галицької землі 1918–1939. Торонто, 1965. С. 111.

- 14 *Солдатенко В. Ф., Савчук Б. П.* Галицька армія у Наддніпрянській Україні. К., 2004. С. 143.
- 15 ГАРФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 173.
- 16 Там же.
- 17 Цит. по: *Литвин М. Р., Науменко К. Є.* Військова еліта Галичини. Львів, 2004. С. 206.
- 18 *Ключенко О.* Генералітет УГА // Літопис червоної каліни. 1931. № 10. С. 6; Українська галицька армія. У 40-річчя її участі в визвольних змаганнях (матеріяли до історії). Вінніпег, 1958. С. 642.
- 19 ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 173об.
- 20 Українська галицька армія. У 40-річчя її участі в визвольних змаганнях (матеріяли до історії). Вінніпег, 1958. С. 642, 645.
- 21 ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 1376. Л. 186.
- 22 Там же. Л. 190, 191.
- 23 Тарнавский Мирон Емельянович (29.08.1869–1938) – генерал-квартирмейстер, командующий Украинской галицийской армией.
- 24 Шаманек Альфред (22.05.1883–1920) – полковник, начальник Генерального штаба Украинской галицийской армии (с 05.07.1919). Погиб.
- 25 Шиллинг Николай Николаевич (16.12.1870–1946) – генерал-лейтенант, командующий войсками Новороссийской области.
- 26 Петлюра Симон Васильевич (10.05.1879–25.05.1926) – лидер украинских националистов в период Гражданской войны. Глава украинской Директории (02.1919–11.1920).
- 27 Шепарович Эдмунд (1889–1967) – сын генерала Феликса Шепаровича. Офицер австро-венгерской армии. Ротмистр. Майор УГА, командир 1-й конной бригады УГА.
- 28 Раковский Христиан Георгиевич (01.08.1873–11.09.1941) – болгарин, участник революционного движения в России. Председатель СНК Украинской ССР (03.1919–07.1923), член ЦК РКП(б) с 1919 г. Член Оргбюро ЦК РКП(б) (1919–1920).
- 29 Т. е. вмешательстве.
- 30 В тот период министром иностранных дел Великобритании являлся Д. Н. Керзон.
- 31 Так в документе.
- 32 Речь идет о народном комиссариате по иностранным делам.
- 33 Здесь и далее – так в документе.
- 34 Речь идет о копенгагенском соглашении РСФСР с Австрией от 5 июля 1920 г. об обмене военнопленными до установления дипломатических отношений.
- 35 Так в документе.

Ganin A. V.

The End of Galician Generals: Destinies of Generals
of the Ukrainian Galician Army Josef-Nikolaus Mykytka
and Gustav-Ferdinand Zieritz

The publication deals with the destinies of the generals of the Ukrainian Galician Army, captured by the Red Army in 1920. Documents from the State Archives of the Russian Federation put into circulation for the first time allow considering less known international aspect of military captivity during the Civil War in Russia.

Keywords: Civil War, Ukraine, Ukrainian Galician Army, generals, prisoners of war, repressions.

*М. С. Ващенко
(Москва)*

Советский период в жизни Крунослава Геруца. Его «Краткая автобиография» (1934 г.)

Вниманию читателя предлагается архивный документ 1934 г., «Краткая автобиография» хорватского политика, публициста и предпринимателя Крунослава Геруца, проливающая свет на советский период его жизни, до недавнего времени не известный научной общественности.

Ключевые слова: *Геруц, Хорватия, Россия, СССР, Каракалпакия.*

Крунослав (Крунислав) Геруц (1859 – после 1934) родился в г. Крижевцы в семье сапожника. В 1882 г. окончил философский факультет королевского университета Франца Иосифа I в Загребе. Уже в студенческие годы он проявил себя как активист Партии права, ратовавшей за объединение хорватских земель и создание свободного хорватского государства. За распространение антиавстрийской литературы в рядах домобрана (хорватской территориальной армии) был вынужден эмигрировать в Болгарию. Геруц принимал участие в сербско-болгарской войне 1885 г. В начале 1887 г. через Одессу и Москву он добрался до Санкт-Петербурга, где прожил более четверти века. В 1889 г. Геруц основал «Русско-славянский книжный магазин», просуществовавший до 1893 г.¹ Целью создания магазина Геруц провозгласил распространение произведений русской литературы среди зарубежного славянского населения и ознакомление русских читателей с произведениями славянских литератур. Помимо организации книготорговли он пытался пропагандировать идеи хорватской самостоятельности среди русской общественности². В 1908 г. он стал одним из основателей общества «Русское зерно», которое ставило своей задачей продвижение новых технологий в области земледелия. Геруц занимал должность заместителя секретаря общества и отвечал за установление связей с зарубежными славянами. Важной частью программы «Русского Зерна» являлась идея об отправке практикантов из числа русских крестьян в славянские земли для обучения. С помощью известного политического деятеля, лидера Хорватской народной крестьянской партии С. Радича Геруцу в конце 1908 – начале 1909 г. удалось организовать поездку в Хорва-

тию для сотни русских практикантов. В том же 1909 г. он издает брошюру под названием «Две Беседы о “Русском зерне” – обществе для содействия подъему народного хозяйства», в которой он доказывал выгоду от поездок русских крестьян именно в славянские земли³. В 1908 г. Геруц начинает работать в Государственной думе России, сначала в ее библиотеке, а потом в кодификационном отделе. Известно о его проекте учреждения в библиотеке Славянского и Азиатского «столов», который так и не был осуществлен.

В 1915 г., во время Первой мировой войны, Геруц стал членом Русско-хорватского общества памяти Крижанича, одной из основных целей которого была забота о военнопленных славянского происхождения, оказавшихся в России. В 1917 г. Геруц отправился на Кавказ, сначала в Северную Осетию (известно, что он выступал во Владикавказе с публичной лекцией «Славянство и международное трудовое общение»⁴), а затем в меньшевистскую Грузию. По данным хорватского историка И. Очака, в течение нескольких лет он возглавлял там Кавказский библиографический институт и государственную библиотеку, а также «Тифлисское сельскохозяйственное общество», в котором проводилась мысль о возможности торговли с возникшим в 1918 г. новым югославянским государством⁵. Там же он пытался создать общество «Кавказское зерно» (по аналогии с русским) и даже привлечь на свою сторону первого премьер-министра Чехословацкой Республики К. Крамаржа⁶. Важные подробности послереволюционной жизни Геруца, многие из которых нашли подтверждение в недавно обнаруженных нами архивных документах, приводит болгарский историк С. Елдыров, ссылаясь на болгарского биографа Геруца Н. Карджиева, лично знавшего Геруца еще с болгарских времен⁷. По данным Карджиева, до 1921 г. Геруц основал несколько обществ на кооперативных началах (садоводческих, пчеловодческих, лекарственных растений), а также музей образцов товаров при Грузинской торгово-промышленной палате. Но после установления в Грузии Советской власти хорватский публицист, по информации Карджиева, подвергся преследованиям и был выслан советскими властями сначала на Урал, а в 1928 г. в Каракалпакскую автономную область Туркестанской АССР⁸. Дата и место смерти Геруца неизвестны. Однако в Государственном архиве Российской Федерации хранятся документы (в их числе и публикуемый ниже), свидетельствующие о жизни и деятельности Геруца вплоть до 1934 г. на территории СССР. Это позволяет сделать вывод, что версии, согласно которым Геруц в середине 1920-х гг. выехал из Грузии

на родину, в Хорватию (И. Очак), или погиб в ходе большевистских репрессий в Средней Азии в конце 1920-х гг. (С. Елдыров), являются ошибочными.

К 1934 г. относится и «Краткая автобиография» Геруца. К сожалению, текст документа сохранился не целиком, некоторые фрагменты текста отсутствуют из-за обрывов листа, многие даты либо неточны, либо просто абсурдны, в частности, сама «Краткая автобиография» датирована 31 (!) апреля 1934 г. Тем не менее этот документ является важнейшим источником, проливающим свет на неизвестный до недавнего времени советский период деятельности Геруца. Из него следует, что его общественная деятельность в те годы была столь же активной, как и в дореволюционный период. Не обошли его и политические преследования. Однако Геруцу, несмотря на дореволюционное прошлое, удалось «найти себя» в новой стране и в новых условиях. Более того, он смог зарекомендовать себя сторонником нового строя и даже заручиться поддержкой на самом высоком уровне (Н. К. Крупская). Если в дореволюционной России Геруц использовал для продвижения своих идей панславянскую риторику, то к началу 1930-х гг. он уже полностью овладел коммунистической фразеологией, пытаясь использовать ее для возрождения своих «старых» проектов, связанных с книжным делом или с обучением крестьянства даже в таком отдаленном регионе СССР, как Каракалпакия.

Хочется надеяться, что публикация этого документа будет способствовать восполнению пробелов в жизнеописании этого незаурядного человека, которого болгарский историк С. Елдыров назвал «посредником между тремя славянскими культурами». Жизнь и деятельность Крунослава Геруца как в дореволюционный, так и в советский периоды заслуживает глубокого и серьезного исследования, которое с течением времени несомненно приведет к тому, что в его биографии больше не останется «белых пятен».

Документ публикуется по правилам современной орфографии, но с сохранением стиля и лексики оригинала.

Краткая автобиография Крунослава Юрьевича Геруца

Я родился в 1859 году в Хорватии (теперь Югославия) от отца кустаря-земледельца, по окончании физико-математического факультета Хорватского Университета в городе Загребе я вместо первоначально намеченной педагогической карьеры выбрал себе как глав-

ную задачу жизни – книгарство⁹, как наиболее удобное поприще для культурной работы среди широких масс. Специально я занялся распространением русской литературы среди южных и западных славян. С этой целью приезжал я в 1886 г. в тогдашнюю Россию, основал в 1897 году в Петрограде «Русско-славянский книжный склад», каковой содержал до 1905 года¹⁰. В 1900 году была по моей инициативе организована первая книжная выставка, в 1902 году я был командирован с таковой за границу (мелких рассказов Л. Н. Толстого я вывез за границу более 10 000).

В 1906–1907 годах я заведовал иностранным отделом библиотеки Государственной Думы. В это же время я издавал, под редакцией Слонимного¹¹, подписанное (sic!) издание «Политическая энциклопедия», в которой сотрудничали также русские эмигранты¹². Из предположенных 12-ти томов вышло только 8. Издание было подавлено развернувшейся реакцией.

В 1908 году я обосновал общество «Русское зерно», которое успело до 1914 года послать за границу на трудовую и производственную практику более 2000 крестьян и рабочих. В 1916–1917 годах я был приглашен на службу по военному ведомству в Тифлисе, где и оставался до 1922 года и вернулся в Москву в 1923 году, где поставил себе вновь как главную задачу организацию рабочих и крестьян на трудовую производственную заработную практику (одновременно я занимался в 1924 году в Госиздате, где первым организовал передвижные книжные вагоны и фургоны, и в «Крестьянской газете» (1925), куда я был приглашен тов. Яковлевым¹³ для стимуляции повышенного тиража).

О посланчестве на производственную практику я печатал в «Правде» и других газетах статьи, тов. Крупская напечатала в трех изданиях статью о моей полезной деятельности. Среди ответственных деятелей партии и правительства «посланческий метод» приобрел много сторонников. Но, несмотря на все на это, я был по ложным доносам в конце 1925 года арестован и сослан на три года в Кудымкар¹⁴, на Урал. Через год я был – без моего ходатайства – из ссылки освобожден и проживал до октября 1927 года в Тюмени, проводя полезную общественную деятельность. Меня вновь арестовали, привезли в Москву на допросы, где после моих резких выступлений выяснилось, что я арестован «по ошибке». Однако за мою резкость и настойчивость я был вновь сослан и весной 1928 года привезен в Турткуль.

Тут я основал общество «Сад-Огород», проповедовал основание повсюду пригородных хозяйств и на полях севооборот, организовал

в мае 1929 года великолепную книжную выставку (получив от Наркомпроса на все расходы только 30 рублей), преподавал в семилетке, стал посылать учеников сельскохозяйственного техникума в Сибирь на производственную практику, но ОГПУ нашло (вероятно, по вине недостаточно осведомленных и сознательных агрономов) в моей агротехнической пропаганде преступление и контрреволюцию и сослало меня вновь (третий раз) в Ходжейли.

Тут я завел частные курсы русского языка, основал и вел по поручению Наркомпроса на хлопзаводе № 83 школу-семилетку, работал в управлении больницы, был полгода секретарем Кустпромсоюза и целый год райисполкома. Срок моей ссылки кончился 30/III 1931 года <...>ому требованию ОГПУ вернуться обратно в <...>союза¹⁵ и решил остаться, пока что на Культработе в Средней Азии. Весной 1933 года я заведовал культсектором при Нукусстрое, летом в Халкабаде при МТС¹⁶.

В августе 1933 года я (по приглашению тт. Алиева¹⁷ и Квачева¹⁸) нахожусь опять в Турткуле и заведу сельскохозяйственным кабинетом и библиотекой при Наркомземе, а с конца марта одновременно также библиотекой ДИТРа¹⁹ при МБИТе²⁰. Работаю по мере сил по организации кампаний: посланческой, общей агротехнической, окнижения. После налаживания таковых предполагаю вернуться в Москву или Ленинград.

Я глубоко верю и убежден в окончательной победе ленинизма и коммунизма, несмотря на большие трудности. Я человек трудолюбивый, внимательный, настойчивый, по возможности аккуратный, всегда откровенный и не эгоистичный. Главный мой лозунг – «смысл жизни – помощь ближним». Весьма любят меня дети. Сам стремился с раннего возраста (9–10 лет) к самообразованию и самовоспитанию. Читаю на 10 языках, говорю на 4–5.

По семейному положению я вдов. Дочка моя (42 года) служит библиотечаршей одного высшего технического института в Ленинграде, а сын (32 года) в Старой Руси²¹ заведующим лесным хозяйством.

Да здравствует производственная коллективная работа!

(Производполитработа)

Мое кредо: «задружная» (коллективная) была раньше на моей родине преобладающая система (90–95%). Капитализм ее полвека тому назад уничтожил. Пролетариат поможет ее теперь восстановить.

Турткуль Крунислав Геруц

31/IV 1934 года

ГАРФ. Ф. А-7279. Оп. 12. Ед. хр. 17. Л. 86–87.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Об этом см.: *Ровнякова Л. И.* Русско-славянский книжный магазин в Петербурге (1887–1893) // *Зарубежные славяне и русская культура.* Л., 1978. С. 82–105.
- 2 Об этом см.: *Ващенко М. С.* Проблема авторства монографии «Хорваты и борьба их с Австрией»: к вопросу о пропаганде хорватской национальной идеи в России // *Славяноведение.* 2011. № 3. С. 69–76.
- 3 *Геруц К. Ю.* Две беседы о «Русском Зерне» – обществе для содействия подъему народного хозяйства. Пг., 1909.
- 4 Об этом см.: *Метревели О.* Владикавказ: начало двадцатых // *Дарьял.* № 2. 2004. С. 80–101.
- 5 *Očak I.* Krunoslav Heruc, pobornik hrvatsko-ruskih veza potkraj XIX i na početku XX stoljeća // *Historijski zbornik.* God. XXXVII. Zagreb, 1984. S. 162.
- 6 Об этом см.: *Фирсов Е. Ф.* Кавказские гуманитарные проекты хорватского деятеля в России К. Геруца (по чешским архивам) // *Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели.* СПб., 2011. Вып. IV. Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). Памяти В. И. Фрейдзона. С. 395–404.
- 7 Об этом см.: *Елдыров С.* Крунослав Геруц (1859–1929) – «посредник» между двумя славянскими культурами // *Славянский альманах* 2008. М., 2009. С. 81–96.
- 8 Там же. С. 93–94.
- 9 Так в источнике.
- 10 Так в источнике. «Русско-славянский книжный склад» существовал в 1889–1893 гг.
- 11 Так в источнике. Имеется в виду российский публицист, издатель, журналист Л. З. Слонимский.
- 12 По всей вероятности, подразумеваются политические эмигранты, оппозиционные самодержавному строю в России; энциклопедию начали издавать в период ослабления цензуры.
- 13 Яковлев (Эпштейн) Я. А. – советский государственный и политический деятель, нарком земледелия СССР.
- 14 Так в источнике.
- 15 Несколько слов не сохранилось из-за обрыва листа.
- 16 МТС – машинно-тракторная станция.
- 17 Алиев И. С. – 1-й секретарь Каракалпакского обкома ВКП(б).
- 18 Квачев Г. Ф. – директор Главного управления хлопковых МТС при Наркомате земледелия Каракалпакской АССР.

- 19 ДИТР – дом инженерно-технического работника.
20 МБИТ – международное бюро информатизации и телекоммуникации.
21 Так в источнике.

Vashchenko M. S.

The Soviet Period in the Life of Krunoslav Geruc: His «Short Autobiography» (1934)

The publication contains an archival document from 1934 – the «Short Autobiography» of the Croatian politician, journalist and entrepreneur Krunoslav Geruc (Heruc), which sheds light on the Soviet period of his life, of which, until recently, not much was known.

Keywords: *Geruc (Heruc), Croatia, Russia, USSR, Karakalpakstan.*

И. А. Седакова
(Москва)

Балканизмы и турцизмы: новые подходы к проблеме

В обзоре представлен сравнительный анализ трех научных трудов, в которых исследуются балканизмы и турцизмы в южнославянских и балканских языках. Сборник докладов Комиссии балканистов, монография и словарь региональных турцизмов дают возможность многосторонней характеристики актуальных вопросов языкознания.

Ключевые слова: *балканский языковой союз, балканизм, южнославянские языки и диалекты, турцизм, региональный словарь, лексикология, лексикография, болгарский язык, сербский язык, сербский призренский говор.*

Начинаем обзор со сборника¹, в котором публикуются доклады, прочитанные и обсужденные на конференции Комиссии по балканистике Международного комитета славистов (Вена, 2010). В Комиссию, созданную в 1993 г. на XI международном съезде славистов в Братиславе, входят самые видные балканисты Европы и Америки, и каждая конференция, а затем и сборник докладов – это событие в области языкознания. Данный сборник особенно интересен и важен для лингвистов-типологов, социолингвистов, лексикологов, диалектологов и других специалистов по балканским языкам, что видно уже из его названия, которое состоит из двух ключевых слов «балканизм» и «сегодня». Во-первых, основания для выделения балканского языкового союза и использование самого термина «**балканизм**», начиная с Н. С. Трубецкого и К. Сандфельда и других, подвергались и подвергаются критике. Во-вторых, развитие балканских языков сегодня (!) остается важнейшей и мало исследованной темой. Динамичная лингвокультурная и социолингвистическая ситуация на Балканах, «дробление» южнославянских языков, активизация диаспор и их диалектов (идеолектов) ставит вопрос о том, наблюдаются ли в наши дни процессы конвергенции в рамках балканского языкового союза и что, собственно, происходит с классическими балканизмами

Работа выполнена при поддержке РФНФ. Грант № 14-04-00546а «Лингвокультурная ситуация в России и Болгарии и трансформация русско-болгарских языковых взаимоотношений: XXI век».

в грамматике. Кроме того, страны Балкан и их языки, находившиеся в большей или меньшей степени в рамках другого союза – идеологического, после распада соцлагеря и выхода из него значительно изменились: на примере болгарского, скажем, участилось употребление турцизмов взамен бывших русизмов и советизмов. Усилились общие глобализационные процессы, принесшие влияние не только английского (американского) языка, но и других, особенно соседних балканских языков, куда жители стран часто выезжают, в том числе на трудовую миграцию или на отдых.

В связи с этим редакторы сборника Т. Каль, М. Метцелтин и Х. Шаллер в своем предисловии выносят на обсуждение основной вопрос: является ли балканистика исторически ориентированной наукой и смотрит назад, в прошлое, или «балканскость» актуальна и сегодня. Они также предлагают ученым поделиться своими прогнозами на дальнейшее развитие балканского языкового союза.

В книге опубликовано 29 статей, охватывающих фонетику и фонологию, лексикологию, морфологию и синтаксис языков балканского союза и размещенных в трех разделах. В первый раздел вошли статьи с общей теоретической проблематикой, во второй – статьи, основанные на нескольких балканских языках, а в третий – исследование одного балканского наречия. Мы кратко остановимся на тех работах, которые имеют отношение к проблематике двух других книг, к которым мы обращаемся далее в рецензии.

Ряд статей посвящен пересмотру хрестоматийных определений «балканизмов». Х. Шаллер (Германия) в статье «Балканизмы в прошлом и настоящем: теория и реальность», исходя из сравнения балканских языков с германскими и балтийскими, выводит три основных категории балканизмов и говорит о необходимости расширения сферы употребления термина «европеизм» и введения термина «евробалканизм». Т. В. Цивьян (Россия) в статье «Языковые союзы и балканизмы сегодня: вспоминая Н. С. Трубецкого» обращает внимание на ускользнувшее от внимания исследователей определение «балканизма», которое как нельзя лучше коррелирует с нынешними языковыми, культурными и политическими призывами к «единству в многообразии». О. М. Младенова (Канада) в статье «Балканизмы в свете теории маркированности языковых изменений» предлагает программу типового изучения всех балканских черт в каждом из языков союза с детальным привлечением диалектных материалов, которые, по мнению исследовательницы, позволяют проследить языковые изменения в полилингвистическом балканском пространстве.

Особое внимание исследовательница предлагает уделить лексико-семантическим балканизмам, статус которых определяется труднее всего. В. А. Фридман (США) в работе «Сопряженное калькирование – важнейший балканизм» обращает внимание на заимствование или калькирование двойных союзов глагольного происхождения в ситуации билингвизма, которое не всегда зависит от доминирования или престижности языка-донора.

Р. Александер (США) обращается к первопричинам конвергентных процессов в языках балканского союза. Из множества факторов, породивших схождения, она, подобно многим другим современным лингвистам (Б. Джозеф, Й. Линдстедт, В. Фридман и др.), делает упор на собственно социолингвистическую особенность балканской языковой ситуации и специфику коммуникации. По ее мнению, происхождение балканизмов, источники и причины их появления не могут быть однозначными, а являются результатом комплексных и порой разнонаправленных языковых процессов.

В статье У. Хинрихса (Германия) делается попытка систематизировать основные постулаты о балканизмах, сформулированные к 2010 г., и предложить их новый анализ, более подробный, уже в свете геолингвистики. Он полагает, что союз был основан на культурно-коммуникативных принципах и носил исторический характер. Ю. Кристофсон (Германия), словно продолжая эту тему, но на лексическом материале, рассматривает новейшие заимствования в балканских языках и отмечает, что в каждом языке соблюдаются свои правила выбора языка и (или) формы, то есть общеполканские принципы не соблюдаются. К. Штайнке (Германия) заявляет: «Балканский союз умер, да здравствует балканский союз!» и настаивает на том, что балканизмы сохраняются и в наши дни как результат культурно-коммуникативных процессов на Балканах, но подвергаются изменениям в условиях динамически развивающегося языкового союза, что и требует детального анализа. Д. К. Кириазис (Греция) рассматривает факты изосемии в сфере пастушеской лексики в балканских языках, указывая на необходимость тщательного изучения и картографирования диалектной лексики, что поможет точнее установить источники лексикологического развития соседствующих языков. К. Лешбер (Германия) обратилась к процессам творческого использования языковых средств в балканском языковом пространстве. Одним из важных источников креативности в разговорной речи она считает использование общеполканских турцизмов, а также общих морфологических компонентов в языках союза. А. Петрова

(Болгария) в своей статье «Балканская фразеология – в поисках исследовательского подхода» призывает к использованию когнитивных методов в изучении общего фонда балканских фразеологизмов и считает, что необходимо снять оппозицию между синхронией и диахронией и считать все устойчивые выражения фрагментами живого языкового процесса. Г. Невекловский (Австрия) пишет о турецком влиянии на глагольную систему в балканославянских языках, уделяя особое внимание зонам билингвизма. М. Бара (Румыния) изучает балканизмы в базовом словаре современного арумунского языка и полагает, что именно балканская основа позволит этому малому языку удержаться от исчезновения и превращения в узкий диалект. П. Асенова (Болгария), рассматривая некоторые схождения в греческом и албанском языках, отказывает им в статусе балканизмов, хотя существуют мнения, что балканизмами могут считаться явления, известные двум языкам. И. Зерман (Германия) также считает, что балканизмами могут считаться только явления, известные трем языкам союза. На материале современного румынского языка она приходит к выводу, что сейчас новые балканизмы не возникают, языки развиваются под сильным европейским (англо-саксонским) влиянием. Межбалканские заимствования и этимология некоторых балканизмов исследуются в статьях А. Поручюца (Румыния), Э. Прифти (Германия), Х. Марку (Греция), Л. Димитровой-Тодоровой (Болгария), Т. А. Тодорова (Болгария).

Таким образом, из этого сборника читатель может почерпнуть знания о разнообразии балканских языковых связей и их соотношения с европейскими языками в самые последние годы, а также о самых насущных проблемах и методах изучения «балканизмов».

Статьи в сборнике представлены на трех языках – немецком, английском и русском. К сожалению, в ряде статей на русском есть немало очень досадных погрешностей, в том числе неверное транскрибирование и спряжение фамилий всемирно известных ученых, кальки с соответствующих славянских языков и т. д. В сборнике есть и некоторая небрежность – так, примечания в одной статье иногда даются на разных языках (болгарском, русском, немецком). Во многих статьях отсутствуют аннотации; удивляет и качество библиографии – зачастую она не выверена, есть повторы, кроме того, она далеко отстоит от традиционных требований к выходным данным, порой даже названия работ не даются целиком, что странно для европейских изданий.

Вторая книга² представляет собой фундаментальное исследование турцизмов в болгарском языке, которое заполняет лакуну в

нескольких областях болгарского языкознания – исторической и современной лексикологии и лексикографии, семантики и стилистики. Монография М. Стаменова имеет исключительное значение и для балканистики, поскольку наличие турцизмов – существенная черта словарей всех языков, входящих в балканский языковой союз. Изучение турцизмов, по мнению многих ученых, является одной из самых актуальных задач балканистики.

Само оглавление монографии, размещенное на 7 страницах, производит на читателя сильное впечатление. Книга состоит из двух монументальных частей, при этом Часть I «Место и функции турцизмов в болгарском языке» содержит 9 полноценных глав, а Часть II «Турцизмы в зеркале болгарской культуры» – 15. В конце книги дается Индекс турцизмов, характеризующих человека, и этот указатель имеет самостоятельную ценность, поскольку представляет собой первый в своем роде полноценный тематический словарь.

В книге содержится подробный анализ всех теоретических работ по турцизмам, а также и словарей. Заметим, что М. Стаменов – очень строгий критик, и, как кажется, иногда излишне критически относится к работам иностранных болгаристов. Взгляд специалиста на язык со стороны иногда более пронизательный и объективный, поскольку он лишен «внутренних» идеологических и прочих установок, – таковы, к примеру, работы Й. Линдстедта, Уте Дуковой и др.

Судьбе турцизмов в болгарском языке посвящено обстоятельное Введение, в котором автор специально оговаривает, что исследует только «османизмы» – то есть заимствования из турецкого языка и его диалектов периода Османской империи, до 1923 г., а не из «современного турецкого» (с. 21). Для М. Стаменова это принципиальное положение, что он последовательно в своей книге и стремится доказать, в противовес В. Фридману, К. Ра Хауге, А. Гранесу и другим авторам. Кроме того, он постоянно показывает, что значение и употребление слов турецкого происхождения в болгарском языке значительно отличается от их статуса в современном турецком. Важным является постоянное внимание лингвиста к метаморфозам турцизмов в болгарском языке (на примере слова *мурафет*, *калтак*, *гьонсурат* и др.).

Книга М. Стаменова столь обстоятельна и информативна, что охарактеризовать ее во всей полноте проблематики и материала не представляется возможным. Отметим самые удачные аспекты этого исследования. Прежде всего, новаторским является параллельное описание болгарской и османской лингвокультурной ситуации (с

особым вниманием к ситуации в религии) и анализ роли турецкого языка времен империи на развитие болгарской языковой картины мира тех лет. Безусловно интересной и заслуживающей особого внимания является авторская разработка некоторых концептов в болгарском языке, которые передаются турцизмами, – например, «лень» (*хайлаз, хайлазуване*). Через этот концепт М. Стаменов показывает, что именно использование турцизма, а не славизма (*мързеливец, ленивец*) передает аксиологию отношения болгарина к труду как к значительной ценности. Много очень важных идей, которыми лингвистам следует заниматься, упоминаются как бы между прочим. Так, кратко характеризуя кулинарную лексику, М. Стаменов отмечает, что необходимо обратить внимание на диалектный характер балканской (содержащей столь много турцизмов) кухни и описать локальную специфику приготовления блюд, имеющих одинаковое название, но различающихся по регионам, а также их символику (например, гендерное восприятие болг. *шкѐмбѐчорба* как преимущественно мужской пищи, с. 65) и метафорику терминологии.

Нельзя обойти стороной подробно освещенный в книге процесс пейоризации турцизмов в истории болгарского языка и перспективы их использования в будущем. М. Стаменов связывает широкое и участвовавшее после 1989 г. употребление турцизмов с их статусом «отрицательных суперлативов», то есть исключительной экспрессивностью, которая особенно востребована в период социального негативизма и сложностей гражданского общества (с. 171). При этом автор неоднократно отмечает, что в некоторых своих позициях турцизмы остаются по-прежнему незаменимыми. Это доказывается, в частности, использованием заимствования как «смягченного» ругательства, а также языковой игрой и квазитурцизмами (то есть «переводом» славянских или европейских слов и выражений на турецкий, включая даже ‘компьютер’ *акълсандък* и др.).

Подробнейшим образом автор монографии исследует статус турцизмов в разных стилях болгарского языка, описывает их место в классической болгарской литературе, в современных СМИ и политической речи. В этом ряду Стаменов рассматривает турцизмы в народном творчестве (на примере пословиц и поговорок) и отмечает очень важную их особенность – отсутствие пейоризации этой лексики, ее нейтральность и сосуществование с болгарскими синонимами (с. 251). Действительно, это подтверждается и на более широком материале – например, в терминологии и метаописании обрядов жизненного цикла, календарных ритуалов и пр.

Во II части автор обращается к турцизмам в обширной лексико-семантической группе «Человек» и подробно анализирует место заимствованной лексики в описании характера, специфических свойств и психологических состояний, а также человеческой деятельности. Действительно, количество турцизмов в этой группе очень велико. Добавим, что особенно впечатляет частотность заимствований в разговорной речи. В главах этой части содержатся завершенные этюды по отдельным лексемам в рамках тематических подгрупп («характер и социальные роли»: *урсуз(ин)*, *тепегьоз*, *маскара*, *ахмак* и др.) и концептам (*рахат* «сладкая жизнь, беззаботность», с. 539–550), даются списки турецкой по происхождению глагольной лексики (с. 394–409), характеризуются имена и прозвища и мн. др. Эта часть, безусловно, дает огромный материал для подготовки и составления словаря турцизмов в болгарском языке, причем как в историческом их освещении, так и в современном значении и функционировании. В целом монография М. Стаменова содержит богатейший эмпирический материал и теоретические обобщения, к ней обращаются и будут обращаться лингвисты, занимающиеся различными аспектами языкознания. Болгарские ученые пока что не подготовили словарь турцизмов, и монография М. Стаменова станет важным подспорьем в этой области болгарского языкознания.

Наконец, третья книга³ также посвящена турцизмам (в терминологии автора, С. Петрович, «балканским турцизмам»), но ограничивается одним сербским говором, призренским, и представляет собой публикацию и анализ рукописи известного языковеда первой половины XX в. Д. Чемерикича. По мнению С. Петрович, в Призрене, гетерогенном и исключительно толерантном, сложилась особая социолингвистическая и этнокультурная ситуация. В Призрене был распространен анадолійско-румелийский диалект турецкого языка, имеется много рукописей и архивов как турецкого, так и сербского говоров. Ситуация «микродиалекты в контакте» дает исследователю возможность установить пути проникновения заимствования.

С. Петрович, кроме систематизации и публикации собрания Д. Чемерикича, ставит перед собой несколько задач, среди которых уточнение списка турецких слов и их этимонов, а также и дополнение призренского турцизма его инобалканскими версиями, что особенно важно для общепалканской диалектной и контактной проблематики. Надо отметить, что это издание особенно ценно и как публикация словаря турцизмов в одном региональном говоре, и как собственно

исследовательская работа с упором на этимологию, которую провела С. Петрович при подготовке этой книги.

Как отмечает автор во Введении, словарь служит богатым источником для разного рода исследований, в частности, для этнолингвистических. Действительно, читатель обнаруживает ценные сведения по обрядовой терминологии и ее содержанию с достаточно полным этнографическим контекстом. Некоторые ритуалы коррелируют с соответствующими турецкими (например, к слову *боја* ‘краска’ дается описание ритуала окрашивания волос невесте, известное и туркам, с. 86). Приводятся народные термины болезней с гипотезой их семантического развития на славянской почве (*ћелидоне* ‘свинка’, с. 126), этноботанические сведения (растение *аньмина рука* как полукалька из тур. *hanimeli*, известное у болгар и македонцев как *кадънска ръка*), лексика семейной обрядности (*назлија* ‘единственный сын среди множества дочерей в семье’), даются редкие сведения по календарным обрядам – например, гадание накануне Юрьева дня *мартифал* и др. Интересным словосочетанием, возникшим из турцизмов, очевидно, исключительно на сербской почве, является *дембельяз* ‘бабье лето’. Немало в книге и важнейших народно-религиозных терминов. Так, к *ашуре* ‘десятидневный пост у дервишей’ дается объяснение происхождения термина из обрядового поминального блюда (подслащенная каша), распространенного у балканских мусульман (с. 58). Пословицы, проклятия, приветствия, благопожелания с балканскими турцизмами также находят место в книге. Этическая и эстетическая лексика, терминология счастья и несчастья, характеристика человека и его качеств составляют значительную часть словника словаря, и их сравнение с тем, как они представлены в выше рецензируемом издании М. Стаменова, позволит исследователю сделать важные семантические, словообразовательные и прочие выводы.

Словарь позволяет увидеть географию заимствований из турецкого языка османского периода и преобладание/наличие той или иной формы на Балканах. Так, *аждаја* ‘мифологическое существо, обжора’, судя по пометам, распространено преимущественно в северо-западной части Балканского полуострова, а в других регионах доминирует *аждер* (с. 33). Фиксируются редкие турцизмы, известные преимущественно в Призрене (например *ак* ‘белый’, известное в основном в сербской топонимии, с. 38).

Благодаря инославянским и балканским параллелям становятся очевидными фонетические различия между турецкими балканизмами в разных говорах. Это касается, например, отсутствия/наличия *x* в

разных позициях (серб. призрен. *ајљаз, атаја* / болг. *хайљаз, хаталия*); чередования согласных *бенга/бемка*, аффрикат. Словарь фиксирует и словообразовательное разнообразие турцизмов на славянской почве, а из объяснений автора можно и понять причины этого явления. Адаптация к славянским категориям рода, множественного числа и типа склонения очень важна, что С. Петрович показывает на многочисленных примерах (*белјаја* и др.). Кроме того, нередко аффиксы добавляются по аналогии со сходными словами – *мегер(ем)* (из тур. *meger*) уподобляется синонимичному *барем* (с. 207). Автор отмечает и деривацию от турецких корней в призренском говоре, которая не всегда совпадает с другими балканославянскими диалектами. Так, к местным относятся такие слова, как *дамкосувати* ‘метить’, *оћорити* ‘ослепнуть, окосеть’, *инациљк* ‘упрямство’ и др. Отдельно оговаривает она и идиоматические кальки (*немати време* ‘не располагать средствами’ и полукальки *дати мегдан* ‘объявить о чем-либо’).

Эти и другие явления подробно анализируются во второй части книги, где дается анализ фонетики, словообразования и семантического развития призренских турцизмов. Индекс турцизмов, обширное резюме на английском и фотографии рукописей Д. Чемерикича добавляют этому словарю научной ценности. В заключении С. Петрович выражает мнение, что подобный словарь может служить моделью для других словарей балканских турцизмов, очерчивая перспективу балканской лексикографии.

Таким образом, три издания демонстрируют разные подходы к представлению балканской проблематики и турецкой лексики в южнославянских языках, и обращение к ним поможет лингвистам в изучении многих актуальных проблем югославистики и балканистики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Kahl T.* Thede and Michael Metzeltin, Helmut Scahller (Hg). *Balkanismen heute – Balkanisms Today – Балканизмы сегодня.* *Balkanologie – Beiträge zur Sprach- und Kulturwissenschaft.* Wien; Berlin, 2012. Bd. 3.
- 2 *Стаменов, М.* Съдбата на турцизмите в българския език и българската култура. София, 2011.
- 3 *Петровић, С.* Турцизми у српском Призренском говору. На материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемерикића. Београд, 2012.

Sedakova I. A.

Balkanisms and Turkisms: New Approaches to the Problem

The review analytically compares three academic publications, which investigate the problems of Balkanisms and Turkisms in Southern Slavic and Balkan languages. Proceedings of an international conference of the Balkan Commission, a monograph and a dictionary of regional Turkisms allow to see the topical problems from different point of views.

Keywords: *Balkan Sprachbund, Balkanism, Southern Slavic languages and dialects, Turkism, regional dictionary, lexicology, lexicography, Bulgarian language, Serbian language, Serbian dialect of Prizren area.*

Е. С. Узенёва
(Москва)

Терминология обрядов жизненного цикла у болгар: рождение, свадьба, погребение

В рецензии анализируется новый труд по болгарской этнолингвистике, в котором представлена культурно-языковая интерпретация одного из фрагментов традиционной народной культуры болгар: семейной обрядности и обслуживающей ее терминологии.

Ключевые слова: *этнолингвистика, болгарский язык, традиционная народная культура, семейная обрядность, родины, свадьба, погребение.*

В 2012 г. в издательстве Болгарской академии наук «Профессор Марин Дринов» вышел в свет новый труд болгарских этнолингвистов Палмиры Легурской, Неды Павловой и Марии Китановой «Человеческая жизнь: рождение, свадьба, погребение. Тематический словарь болгарской семейной обрядности» (*Палмира Легурска, Неда Павлова, Мария Китанова*. Човешкият живот. Раждане, сватба, погребение. Тематичен речник на българската семейна обрядност. София, 2012. 166 с.).

Антропологический цикл «Рождение. Свадьба. Погребение» раскрывает суть человеческой жизни с самого ее начала до конца. Три обрядовых комплекса – это три части триады рождение–свадьба–смерть, представляющие собой самые важные события в жизни человека. В рецензируемом словаре дается ономазиологическая картина трех указанных тематических циклов. Словарь является второй частью проекта болгарских ученых, посвященного исследованию лексики традиционной культуры болгар в идеографическом аспекте. Готовящиеся на материале болгарского языка тематические словари¹ станут логическим продолжением уже изданной в 2008 г. первой части «Тематического словаря народного календаря»².

Во введении к словарю авторы указывают, опираясь на заключение С. М. Толстой, что важным этапом, который предшествует реконструкции народной духовной культуры на основе языковых данных, является изучение народной терминологии, ее систематизация

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-04-00267а «Славянская народная аксиология (оценки и ценности в языке и народной культуре)».

и стратификация в семантическом, формальном и географическом отношениях³. Исследование народной терминологии может проводиться с различных точек зрения: как с лингвистической, так и с культурологической. Существует возможность изучения терминологической лексики сквозь призму обеих точек зрения одновременно, причем лексемы рассматриваются как часть семиозиса определенных обрядов и верований народа, связанных с другими элементами культуры – акциональными, предметными, персонажными, локальными, временными и иными кодами, но все они в одинаковой степени объединены культурной семантикой.

«Тематический словарь болгарской семейной обрядности», равно как и его предшественник, «Тематический словарь терминов народного календаря», являются частью общей инвентаризации народной терминологии болгар в общеславянском и балканском языковом пространстве. Подобный аспект исследования был предопределен развитием метатеории о языке в направлении от описания языковых данных с целью моделирования языковых механизмов и инвентаризации языковых данных к последующей их интерпретации. В современном языкознании заметна общая тенденция к каталогизации языковых пространств, связанных с отдельными ментальными пространствами. В этом смысле словари (и им подобные формы представления знания) становятся одним из наиболее популярных жанров лингвистической научной литературы.

Исследовательницы видят решение глобальной проблемы инвентаризации терминологии болгарской народной духовной культуры на данном этапе в ее разработке и оформлении в виде небольших тематических словарей – ономаσιологических картин соответствующего предметного цикла. Диалектные термины группируются в таких словарях в соответствии с близостью своих значений и по сходству тех реалий, которые они обозначают. В последние годы особенно популярными стали опыты представления этнодиалектного материала не по формальному принципу, в азбучном порядке, а по принципу смысловой группировки языковых данных как особого способа категоризации действительности, характерного для определенного говора (или группы говоров). Сама структура словаря и его составляющие компоненты (ономаσιологические картины) несут в себе информацию об обозначении определенных сфер деятельности, различных понятий и единичных фактов в языковом сознании носителей и их значимости для восприятия традиционной культуры. Анализ лексических данных дает возможность эксцерпировать со-

держась в языке данные о народных представлениях о мире и месте человека в нем.

При инвентаризации народной терминологии авторы словаря опираются на разработки С. М. Толстой, отмечавшей, что не все семиотически значимые реалии получают языковое обозначение⁴. В одних локальных традициях они могут получать определенное терминологическое выражение, а в других нет. Однако, по мнению С. М. Толстой, состав народной терминологии достаточно устойчив и включает следующие группы терминов: 1) названия обрядов и их частей; 2) названия обрядовых предметов; 3) названия обрядовых лиц; 4) названия обрядовых действий; 5) метаязык фольклора. Поэтому исследование отдельных парадигм обрядовой лексики необходимо для более полного охвата языкового и этнографического материала и должно предшествовать внутренней реконструкции культурного пространства.

При подготовке отдельных циклов «Рождение. Свадьба. Погребение» авторы классифицировали языковой материал в соответствии с тремя основными признаками: согласно месту народного термина в рассматриваемом обрядовом цикле как ментальном пространстве, согласно его «этнической» семантике, выраженной в толковании, и согласно его географическому распространению⁵.

Ономасиологическая схема циклов в словаре базируется на определенных семантических доминантах, которые считаются ключевыми в рамках соответствующего обрядового цикла, понимаемого как ментальное пространство (в схеме они маркированы различными шрифтами). Лексические единицы эксцерпировались из различных этнографических и этнолингвистических источников по признаку «языковое выражение с использованием народного термина» и являются предварительно обобщенными⁶.

Способ представления лексических единиц – от общего значения, показанного в метаязыке с помощью знака кавычек, к частному, т. е. к называнию этого значения конкретными диалектными терминами с указанием их географического распространения в рамках данной семантической доминанты. Ударение в диалектных лексемах дается только в том случае, если оно было отмечено в источнике.

Структура каждого из трех разделов цикла существования человека (рождение–жизнь–смерть) включает ряд основных компонентов, представляющих собой подсистемы: обрядовые лица, обрядовые действия, обрядовые предметы и реалии, хронимы, которые имеют вербальное выражение. В терминологии семейной обрядно-

сти выделяется специфическая и межобрядовая лексика, куда входит та часть терминов, которая характерна для всех трех обрядовых подсистем. Часть этой лексики является общеупотребительной, но функционирует в обрядовых комплексах в качестве терминологической (*кравай, пита, хляб*).

Систематизация материала в словаре базируется на понимании каждого из трех циклов как переходного обряда; в структуре этих семантических пространств обнаруживается ряд сходжений, включений элементов одного цикла в другой. Каждый раздел делится на три основные части в соответствии с логикой обряда: канун, собственно обряд и обряды, следующие за основным событием. Внутри рубрики членятся на обрядовые действия, лица, предметы, атрибуты и сопутствующие понятия и явления (например, болезни, злые духи и пр.).

Отметим, что не всегда включение терминов в определенную группу является логичным. Например, в раздел «названия новорожденного» вошли как собственно обозначения младенца, так и обозначения злого духа ребенка, рожденного в Святки или зачатого в субботу и умершего некрещеным⁷. В раздел «атрибуты» может попасть и обозначение действия (например, ‘появляется пятно на теле новорожденного’)⁸, а в рубрику «обрядовые предметы» – свадебная прическа невесты в день свадьбы⁹. К числу недочетов стоит отнести и отсутствие в некоторых случаях полных библиографических данных в списке литературы о цитируемых работах (в частности, Зализняк 2001; Толстая 2002).

Однако указанные недостатки не умаляют достоинств рецензируемого труда. Оригинальное приложение разработок Московской этнолингвистической школы к болгарскому материалу позволило авторам поставить в центр внимания словаря ментальный знак – культурный символ, репрезентантами которого могут быть как языковые единицы (слова, словосочетания и языковые клише), так и экстралингвистические реалии – предметы, действия, свойства, лица и т. д., которые имеют символическое значение.

В словаре представлен богатый пласт диалектной лексики из всех областей болгарской языковой и этнической территории. Эта лексика и терминология, по большей части, впервые вводится в научный оборот. Для диалектных лексем, являющихся заглавными в словарной статье, почти всегда отмечены акцентологические особенности. Последовательно дается контекст функционирования лексем и их географическое распространение.

Одним из достоинств словаря является указатель терминов, встречающихся во всех разделах, которые даны в алфавитном порядке, что значительно облегчает поиск исследователя.

Настоящее издание может найти практическое применение в образовательной деятельности, поскольку имеет в качестве адресата широкий круг читателей. Результаты настоящего труда послужат и задачам преподавания различных гуманитарных дисциплин – языкознания, филологии, фольклора, этнографии (этнологии) – в вузах и школах, а также для дальнейших разработок конкретных тем из области этнографии, этнолингвистики, фольклористики, истории культуры болгар и других славянских народов.

Исследование может стать теоретической и эмпирической основой дальнейшего изучения традиционной духовной культуры болгар, а также базой для изучения самой культуры, ее структуры, механизмов, основных категорий и концептов.

Словарь будет исключительно полезен как болгарским, так и зарубежным ученым. Без сомнения, он займет свое достойное место среди болгарских (и не только) лексикографических этнолингвистических трудов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Език. Етнос. Култура. Речник на народните термини, свързани с българските обреди, обичаи и вярвания. София (в печати).
- 2 *Легурска П., Китанова М.* Тематичен речник на термините на народния календар. София, 2008.
- 3 *Толстая С. М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989. С. 228.
- 4 Там же. С. 217.
- 5 *Легурска П., Павлова Н., Китанова М.* Човешкият живот. Раждане, сватба, погребение. Тематичен речник на българската семейна обредност. София, 2012. С. 9.
- 6 Там же. С. 10.
- 7 Там же. С. 20.
- 8 Там же. С. 21.
- 9 Там же. С. 55.

Uzeneva E. S.

Terminology of the Living Circle of Bulgarians:
Birth, Wedding, Interment

The review performs the analyses of a new book on the Bulgarian ethnolinguistics where a cultural and linguistic interpretation of certain fragments of the traditional culture of Bulgarians and its terminology is given.

Key words: *ethnolinguistics, Bulgarian language, folk culture, family customs, birth, wedding, interment.*

Д. Ю. Ващенко (Анисимова)
(Москва)

Роман-антиутопия в новом ракурсе

В рецензии разбирается предлагаемый хорватской исследовательницей Р. Божич принципиально новый подход к рассмотрению жанра романа-антиутопии. Он заключается в том, что за основу анализа берется лингвостилистическая составляющая текста в ее сложных взаимосвязях с проблемно-тематической структурой романа.

Ключевые слова: *лингвостилистика, антиутопия, поэтика жанра, лингвостилистическая структура.*

Книга Рафаэлы Божич «Антиутопия и язык. Роман-антиутопия сквозь призму лингвостилистики» (*Rafaela Božić. Distopija i jezik. Distopijski roman kroz oko lingvostilistike. Zadar, 2013. 139 s.*) посвящена исследованию романа-антиутопии – специфического литературного жанра, представляющего определенную сложность для филологов. Она состоит в том, что главное исследовательское внимание, как правило, концентрируется на тематике и социально-политической проблематике антиутопии, тогда как языковой, лингвостилистический модус чаще всего остается вне поля зрения ученых.

Именно эти лакуны стремится преодолеть в своем исследовании Р. Божич. Книга не претендует на исчерпывающую биографию жанра: главной целью автора является сама постановка проблемы и доказательство эффективности лингвистического анализа применительно к материалу, традиционно предполагающему общественно-исторический и социально-философский, а не лингвистический и семиотико-культурологический ракурс рассмотрения. Автор монографии убеждена, что в литературном произведении одно невозможно без другого.

Книга состоит из пяти глав. В первой главе на примере ряда российских и западных литературоведческих исследований рассматривается традиционный подход к изучению романа-антиутопии, исходя из которого Божич определяет актуальные задачи своего исследования. Во второй главе она доказывает, что антиутопии могут существенно отличаться друг от друга, и представляет четыре условные стилистические модели жанра: минималисти-

ческую, реалистическую, гротесковую и мифотворческую, реализованные соответственно в романах Е. Замятина, Дж. Оруэлла, Э. Берджесса и А. Платонова. Этим хорватская исследовательница задает координаты дальнейшего анализа материала. Третья глава посвящена основным принципам наименования персонажей в антиутопиях. В четвертой главе показаны внешние (описание) и внутренние (речь) способы языковой характеристики героев в антиутопиях. В пятой главе представлено функционирование в антиутопии лексем семантического поля «еда». Автора интересуют: а) принципы номинации и атрибуции лексем указанного семантического поля; б) функции этих лексических единиц в характеристике персонажей и в) соотношение наименований еды и абстрактных понятий. Наконец, в шестой главе показано, как в антиутопии можно проследить систему мотивов, что продемонстрировано на примере мотива «книга».

В основе монографии – анализ творчества двух авторов, олицетворяющих, с точки зрения Божич, два стилистических полюса жанра антиутопии: это Е. Замятин и его роман «Мы» и А. Платонов и его роман «Чевенгур» и отчасти «Котлован». Она ориентируется на расширенный историко-культурный контекст, практически в каждой главе романы Замятина и Платонова рассматриваются в последовательном многомерном сопоставлении друг с другом и с учетом других современных им российских (советских) антиутопий. При этом хорватская исследовательница привлекает произведения, малоизвестные даже русскому читателю: А. Богданова – «Красная звезда», Я. Окунева – «Грядущий мир», В. Никольского – «Через тысячу лет», Н. Федорова «Вечер в 2217 году». Романы Замятина и Платонова сравниваются также с западными, прежде всего английскими и американскими, антиутопиями. Привлечение произведений англоязычных авторов позволяет более наглядно выявить специфику русской антиутопии. Среди западных авторов также определяются свои центр и периферия: центр представляет собой подробно рассмотренный роман Оруэлла «1984», периферия – романы О. Хаксли и Э. Берджесса. Антиутопии Е. Замятина и А. Платонова сравниваются также с современными российскими произведениями жанра, написанными Т. Толстой и В. Сорокиным. Автор монографии полагает, что появление антиутопий в российской культуре всегда является следствием серьезных общественно-политических перемен, и проводит параллели между 1920-ми и 1990-ми гг. В эти периоды в жанре антиутопии, по мысли Божич, в

гипертрофированном виде были представлены черты современной авторам действительности. При этом она уверена, что общественно-политический подтекст как тематическая составляющая романа и формальные приемы построения произведения в романе-антиутопии тесно взаимосвязаны.

Одним из препятствий в создании адекватной картины жанра Божич видит выдвижение на первый план философско-социологического аспекта, когда в центре внимания исследователей оказывается представленная в романе модель общества, но при этом игнорируется эстетическая функция языка, вне поля зрения остается лингвостилистический анализ произведения. В стилистической организации художественного текста участвуют языковые средства всех уровней, создающие в совокупности стройную систему. В каждом конкретном случае оценивается функционально-эстетическая нагрузка выбранного средства в контексте всего литературного произведения. Для жанра антиутопии определяющим фактором становится выбор писателем сфер человеческой деятельности, подлежащих ограничению в исходном, до-антиутопическом мире, и характер трансформации, накладываемой на эти сферы. Одной из трансформирующихся составляющих в антиутопии становится языковая сфера, язык обитателей «нового» мира, который должны понимать и читатели, живущие в «исходном» мире, в антиутопии «мутирует». Соотношение языка и реальности для мира антиутопии и мира, в котором происходит рецепция антиутопии, принципиально отличается. В мире антиутопии язык является лишь одной из трансформированных сфер жизни, персонажи, как правило, не замечают его необычности (например, метаязыковые рефлексии в романах Т. Толстой, которые задают сюжет повествования). В реальном мире трансформированный язык антиутопии является для читателя главным маркером искаженной действительности.

В этой связи Божич показывает, что помимо собственно языковой структуры текста романа-антиутопии для адекватной трактовки соответствующего литературного произведения должна быть разработана «социолингвистика вымышленной реальности», так как функции, которые выполняет язык в тексте романа, как правило, соотносятся с функциями языка в моделируемом универсуме. Именно здесь социально-философский и лингвостилистический аспекты романа-антиутопии находят наиболее полное взаимодействие. Это связано с тем, что в условиях той социальной реальности, в которой создается антиутопия, на культуру (и язык как ее составляющую)

накладываются строгие ограничения, так как все сферы частной и общественной жизни четко регламентированы «сверху», со стороны властей. Тогда как в языке персонажей, представляющих вымышленную реальность, один определенный уровень, трансформируясь, начинает доминировать над остальными, что и определяет специфику лингвостилистической структуры романа. Так, доминирующий синтаксический уровень у Е. Замятина создается с помощью большого числа безличных предложений и нераспространенных высказываний с общей упрощенной структурой; доминирующий лексический уровень у Т. Толстой – посредством архаизмов и диалектизмов при сохранении относительно стандартного синтаксиса; в произведениях А. Платонова деформация языка достигается за счет нестандартной сочетаемости лексики. Таким образом, структура текста и пространство создаваемой реальности дополняют друг друга. Язык в пространстве антиутопии, по мысли хорватской исследовательницы, является не только объектом исследования, «строительным материалом» литературного произведения, но и живой действующей силой, поэтому лишение языка созидательной, творческой силы есть подрыв фундаментальных основ человеческого духа. Как показывает Божич, в пространстве антиутопии язык значительно снижает объем выполняемых функций, обедняется и упрощается за счет обеднения самой реальности, в которой он функционирует. Передавая весь трагизм ситуации, автор создает контуры абсурдно преобразованного мира с помощью деформированного и усеченного языка, поэтому функциональная нагрузка на оставшиеся языковые элементы возрастает, так парадоксальным образом в антиутопии язык реализует свои скрытые возможности. Как показывают наблюдения хорватской исследовательницы, в российской антиутопии деформация реальности за счет лишения слова его эстетической значимости проявляется особенно рельефно.

В России рецензируемая книга может оказаться интересной широкому кругу специалистов – тем, кто занимается жанровой теорией и поэтикой, русской литературой XX в., компаративным литературоведением, лингвостилистикой.

Vashchenko D.

Anti-Utopia Novel from a New Perspective

The review treats an essentially new approach suggested by the Croatian scholar Rafaela Božić to the genre of anti-utopia. She suggests to analyse the linguo-stylistic components of the text in their complicated inter-relatedness with the problematic and thematic structure of the novel.

Keywords: *linguo-stylisitcs, anti-utopia, genre poetics, linguo-stylistic structure.*

О. В. Хаванова
(Москва)

**Электронный путеводитель
по Австрийскому государственному архиву:
опыт венгерских историков**

В заметке рецензируется электронная база данных на CD-ROM, составленная венгерскими историками на основе серии путеводителей по Австрийскому государственному архиву.

Ключевые слова: *Австрийский государственный архив, венгерские архивные делегаты, путеводители, электронная база данных.*

Залогом успешной работы историка в архиве не в последнюю очередь является состояние инвентарных описей. Подробные, логичные, сопровождаемые именными и предметными указателями, они служат лоциями в море архивных фондов. Приход компьютерных технологий в гуманитарные науки небывало расширил возможности исследователей. Электронные базы данных с функциями поиска по ключевым словам позволяют сегодня быстро обнаруживать взаимосвязи между не имеющими друг к другу отношения документами. Здесь заслуживает внимания опыт венгерских коллег. И. Фазекаш, И. Реш, Л. Гечени, Б. Шаруши-Кишш, Я. Бузаши, Г. Пайкоши, И. Кеньереш, И. Немет и др. на основании реестров, инвентарей, описей различных фондов Австрийского государственного архива, имеющих отношение к истории Венгрии, с помощью издательства «Аркаnum» подготовили CD-ROM «Путеводитель по фондам Австрийского государственного архива (Архива династии, двора и государства, Архива финансов и Придворной казенной палаты), относящимся к истории Венгрии»¹.

Архивный материал, положенный в основу базы данных, не один десяток лет выявляли, собирали, систематизировали делегаты Венгерского государственного архива в Австрийском государственном архиве. Причина, по которой с 1926 г. в Вене на постоянной основе работает венгерский делегат, заключается в общем прошлом двух народов. После распада в 1918 г. Австро-Венгрии произошел обмен архивными коллекциями, и в Венгрию были отправлены компактные фонды, непосредственно относящиеся к истории государства (например, Венгерской королевской канцелярии). Однако из целого ряда фондов центральных органов управления Дву-

единой монархии было практически невозможно вычленить «чисто венгерские» сегменты. Посему между Австрией и Венгрией было подписано межгосударственное соглашение об учреждении должности венгерского архивного делегата, ответственного за систематическое изучение источников, относящихся к тому периоду в истории Венгрии, когда она находилась под скипетром Габсбургов, и обязанного содействовать читателям в их поиске документов по соответствующей тематике.

На протяжении XX в. эту должность занимали многие авторитетные венгерские историки-архивисты (в том числе упомянутые выше Реш, Гечени, Фазекаш). Значительную часть рабочего времени они посвящали составлению путеводителей по фондам Архива династии, двора и государства и Архива финансов и Придворной казенной палаты – ключевых с точки зрения форм, механизмов, последствий интеграции Венгрии во владения Австрийского дома. Прежде воспользоваться этим ценным справочным материалом, находясь за десятки или сотни километров от Вены, было возможно только путем направления соответствующего запроса делегату. Отныне ученые могут готовиться к исследовательской работе в этих архивах самостоятельно с помощью CD-ROM. (Кстати, в венском Военном архиве работают делегаты Военного архива Министерства обороны Венгрии, и будь ими создана подобная база по военной истории, она оказалась бы не менее востребованной.)

База данных охватывает период с XV по середину XIX в. В ней содержатся реестры таких фондов Архива династии, двора и государства, как «Имперские канцелярии» XV–XVIII вв., «Тайная австрийская государственная регистратура» (1619–1697), «Сношения с Османской Портой (так наз. *Turcsica*, 1521–1643), «Документы канцелярии кабинета» (1802–1848), «Акты государственной конференции» (1809–1848), «Документы министра Коловрата» (1827–1848), «Венгерские акты. Общие вопросы» (1423–1861), «Комитатские дела» (1492–1844) и др. Архив финансов и Придворной казенной палаты представлен фондами «Памятные книги. Серия Австрия (Нижняя Австрия)» (1547–1558), «Придворные финансы Венгрии» (1525–1641), «Монетное и горное дело в Венгрии» (1526–1630), «Приложение к Смешанным венгерским делам» (XVI–XVIII вв.) и др.

Помимо электронной базы данных CD-ROM содержит сканированные копии оригинальных путеводителей на бумажных носителях (в формате PDF). Для тех, кто желает продолжить узко-тематический поиск по конкретным исследовательским проблемам, на диске при-

ведена максимально подробная библиография источниковедческих работ по истории монархии Габсбургов.

Диск будет в первую очередь полезен тем, кто делает первые шаги в освоении сложной структуры и обширных фондов Австрийского государственного архива, поскольку существенно облегчает выработку стратегии тематического поиска. Учитывая, что Венгрия в исторических границах до 1918 г. была полиэтничным государством, база данных может быть широко использована славяноведами – специалистами по истории стран Центральной и Восточной Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Segédletek az Osztrák Állami Levéltár (Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Finanz- und Hofkammerarchiv) magyar vonatkozású irataihoz. CD-ROM / A kiadványt szerkesztették I. Fazekas, I. Kenyeres, B. Sarusi Kiss. [Budapest, 2011].

Khavanova O. V.

Digitalised Manuals for the Austrian State Archives:
An Experiment of Hungarian Historians

The article reviews the data-base CD-ROM elaborated by Hungarian historians for the units of the Austrian State Archives on the basis of a collection of manuscript guides.

Keywords: *Austrian State Archives, Hungarian archival delegates, manuals, digital database.*

Т. А. Агапкина
(Москва)

Новое издание о белорусском фольклоре

(Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні.
Зборнік навуковых прац. Выпуск 1 / Т. В. Валодзіна (гал. рэд.).
Мінск: «Беларуская навука», 2014. – 464 с.)

В рецензии характеризуются основные принципы нового фундаментального издания, посвященного белорусскому фольклору.

Ключевые слова: *белорусский фольклор, научное издание.*

Первый выпуск издания «Белорусский фольклор. Материалы и исследования» представляет собой сборник научных работ и публикаций, посвященных широкому кругу вопросов, связанных с изучением белорусского фольклора. Хотя сборник подготовлен в Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, среди его авторов – представители нескольких региональных научных центров (Бреста, Полоцка), а также смежных гуманитарных дисциплин (этнологи, лингвисты и философы), что сразу выводит издание на междисциплинарный уровень. Понимание фольклора как органической части традиционной культуры народа является важнейшей методологической установкой проекта, которая, с одной стороны, дает возможность увидеть классическую фольклорную проблематику в новых и перспективных аспектах, с другой – гарантирует востребованность этого издания со стороны широкого круга гуманитариев и, с третьей – позволяет зарубежному читателю познакомиться с белорусской фольклористикой во всем ее концептуальном, тематическом и «личностном» многообразии.

В основном разделе издания – «Исследования» – помещены обобщающие работы (И. Швед. Фольклористические исследования в начале XXI века: традиции, новации, перспективы), конкретные исследования, выполненные с привлечением сравнительных материалов, которые вводят белорусский фольклор в круг как родственных и смежных фольклорных традиций (А. Брицына. К характеристике сюжетосложения народной прозы украинско-белорусского пограничья: Заречнянский и Рокитновский районы Ровенской области; Т. Володина. Сушчи/старошчи: этнокультурный анамнез и терапия (белорусская традиция в евро-

пейском контексте)), так и более далеких (С. Санько. «Балладный сюжет «Вдова, ее дочь и сыновья-корабельщики» и индоевропейский «царский нарратив»); работы, в которых фольклорный материал рассматривается в контексте смежных областей культуры – фольклор и картина мира (В. Лобач. Феномен войны в мифопоэтической картине мира белорусов), фольклор и книжность (А. Боганева. Библейские устные народные переказы: разновидности, тематика, механизма фольклоризации); наконец, исследования, проведенные на материале локальных традиций (Ю. Пацюпа. Ритмическая структура белорусской народной песни: подступы к проблеме (на материале с. Домейки Лидского района)). Замечу, что книжный, а не журнальный формат этого раздела предоставляет ученым достаточно редкую возможность публиковать «с колес» не только короткие статьи и новые материалы, но и большие исследования, своего рода мини-монографии, что очень важно для формирования и пополнения актуального круга идей любого научного направления.

В разделе «Белорусский фольклор в зарубежных публикациях» представлены переводы статьи немецкого исследователя рубежа XIX–XX вв. П. Бартельса, посвященной «этнографии беременности и детства» (по материалам Смоленской губ.), а также статьи Ф. Бадалановой о «народной Библии» белорусов. Остается надеяться, что и иные не менее интересные работы зарубежных исследователей (выявление и переводы которых, безусловно, требуют большой предварительной работы) станут доступны белорусскому читателю.

Рубрику «Белорусский фольклорно-этнолингвистический атлас» представляет обзорная статья Н. Антропова и Т. Володиной об итогах и перспективах ареального исследования фольклорного и этнолингвистического материала.

Огромный интерес вызывает также раздел архивных публикаций – «Из коллекции фольклорных записей» (Ю. Атрощенко. Из полевых записей М. Ануцевича; Я. Гриневич, И. Смирнова. Фольклорное наследие А. Супинского в архиве ИИЭФ). В современную эпоху интенсивных полевых исследований, практики обращения к собранному своими руками материала и смещения акцентов с традиционных жанров на современные формы фольклорной традиции издание старых архивных материалов, собранных совсем в другую эпоху бытования традиционной культуры, представляется долгожданным, крайне важным и отрадным событием. Хочется увидеть продолжение рубрики, которая могла бы быть пополнена за счет не только собственно архивных, но и, вероятно, малоизвестных публикаций, рассеянных по ныне забытым провинциальным, и не только, изданиям.

Рубрика «Материалы полевых экспедиций» представляет три публикации: Г. Лопатин. Варвара Александровна Грецкая: «Дай нам, Божа, штоб пець, а не плакаць...»; Т. Кухаронак. Летне-осенний цикл календарной обрядности Березовского района Брестской области; Д. Филипчик. Глубокский обыденный обряд). Важно отметить, что этот богатейший материал печатается с соблюдением диалектных особенностей.

В разделе «Фольклор белорусского зарубежья», фактически продолжающем предыдущую рубрику, помещены интересные публикации о традиционной культуре смежных областей белорусско-польского и белорусско-литовского пограничья (Ю. Внукович. Народная культура Виленщины в полевых записях начала XXI столетия; Г. Харитонюк-Михей. Традиции поминания предков у белорусов на Белосточчине).

Представленные в рубрике «Рецензии» публикации обращают на себя внимание вдумчивой и доброжелательной критикой, что в целом не так часто встречается на постсоветском пространстве. Можно посоветовать редколлегии «Белорусского фольклора» дополнить эту рубрику публикацией современных библиографий по белорусской фольклористике, а также обзоров, характеризующих все основные издания белорусских фольклористов. Завершает книгу рубрика «Юбилей».

Таким образом, новое издание белорусских фольклористов, с выходом которого мы искренне поздравляем наших коллег и всю белорусскую гуманитарную науку, представляет основные направления современной белорусской фольклористики во всем разнообразии ее подходов и методов. Фундаментальность поставленных проблем и их полемическая заостренность, внимание к традиционным жанрам и новым фольклорным формам, углубление и уточнение уже имеющихся наработок и формирование нового круга вопросов, касающихся старых и новых тем, – всё это характеризует первый выпуск «Белорусского фольклора», продолжение которого, как мы надеемся, не заставит себя долго ждать.

Т. А. Агапкина

Agapkina T. A.
New Edition on the Belarusian Folklore

In a review the basic principles of the fundamental new edition devoted to the Belarusian folklore are characterized.
Keywords: *Belarusian folklore, edition.*

*Т. В. Волокитина
(Москва)*

Конференция «Советско-югославский конфликт и страны народной демократии»

В октябре 2013 г. в Институте славяноведения РАН прошла конференция «Советско-югославский конфликт и страны народной демократии. 1948–1953 гг. Проблемы и перспективы изучения», организованная в рамках одноименного исследовательского проекта. Работа над ним началась в 2012 г. при поддержке РГНФ (грант 12-01-00125).

В конференции приняли участие историки из России, Румынии, Финляндии, Японии. К сожалению, по не зависящим от организаторов причинам не смогли приехать коллеги из Белградского университета, проявившие большой интерес к данному мероприятию на стадии его подготовки. Российская сторона была представлена сотрудниками Института славяноведения РАН, Института социологии РАН, НИПЦ «Мемориал».

Советско-югославский конфликт 1948–1953 гг. явился знаковым событием в послевоенной истории Восточной Европы, оказавшим огромное влияние на развитие региона, состояние международных отношений. Длительное время его изучение блокировалось крайне ограниченной источниковой базой: абсолютное большинство документов находилось на особом режиме хранения и было недоступно исследователям. Ситуация начала меняться в ходе «архивной революции» 1990-х г. в России, когда в научный оборот были введены коллекции документов Коминформбюро, ЦК ВКП(б), МИД СССР. Ученые приступили к планомерному освоению важнейших пластов архивных материалов, позволявших ввести конфликт в контекст формирования восточного блока, рассмотреть его через призму взаимоотношений в «социалистическом лагере», попытаться выявить роль и значение советского фактора. Фактически можно говорить о совершенном исследователями прорыве в изучении проблемы. Тем не менее, несмотря на несомненные достижения, сохраняется немало лакун, существуют спорные трактовки и оценки, в том числе и в национальных историографиях, что делает изучение конфликта по-прежнему актуальным в научном плане. На это обратил внимание, открывая конференцию, директор Института славяноведения д.и.н. К. В. Никифоров. Он подчеркнул также заметный

вклад российских историков, в том числе и сотрудников Института славяноведения, в исследование конфликта. Руководитель проекта к.и.н. А. С. Анисимов (ИСл РАН), указав на превращение Москвой советско-югославского противостояния в инструмент в процессе советизации стран региона, отметил особую важность выявления специфики действий советского политического руководства по отношению к странам формирующегося восточного блока. Анисимов ориентировал участников конференции также на критическое прочтение работ национальных историков, подчеркнув при этом несомненное значение сопоставления и критического анализа документов зарубежных и российских архивов.

В страноведческом плане наиболее полно на конференции была представлена югославская тематика (5 докладов); 2 доклада были посвящены румынским сюжетам; 2 – венгерским; по 1 – чехословацким и болгарским; и, наконец, 2 выступления касались общих проблем конфликтологии.

Достаточно разнообразной оказалась и представленная в докладах тематика. С вниманием был заслушан доклад Н. В. Петрова (НИИПЦ «Мемориал»). Опираясь на советский опыт организации и проведения политических процессов 30-х годов, Петров подробно рассмотрел такие аспекты, как информационное обеспечение процессов, работа с подследственными на разных стадиях их подготовки и проведения, формирование набора обвинений и их эскалация, методы психологического воздействия на подсудимых и пр. Обращаясь к реалиям Восточной Европы, где советско-югославский конфликт и последовавшая за ним борьба с «титизмом» вызвали волну репрессий, Петров поднял вопрос о роли советских советников в подготовке и проведении судебных процессов («дела» Л. Райка в Венгрии, Т. Костова в Болгарии). По мнению докладчика, их участие обернулось усилением давления на следственные органы. Продолжая тему, Г. П. Мурашко (ИСл РАН) рассмотрела связь между развитием советско-югославского конфликта и нарастанием репрессий в Чехословакии вследствие восприятия советской общественно-политической модели. Апогеем явился процесс по разоблачению «антигосударственного заговора» во главе с генеральным секретарем КПЧ Р. Сланским, обвинявшимся в приверженности «национальному пути к социализму» по примеру «титовской» Югославии. Доклады Петрова и Мурашко вызвали оживленный обмен мнениями, в том числе в связи с трактовкой роли советских советников и проблемой государственного антисемитизма. «Делу» Л. Райка и процессу кар-

динала Миндсенти были посвящены насыщенные конкретным материалом доклады В. Т. Середы (ИСл РАН) и А. С. Стыкалина (ИСл РАН). На примере «дела» Л. Райка Середа продемонстрировал важность создания новой источниковой базы для изучения всего послевоенного периода истории Восточной Европы, особо указав на фундаментальные публикации коллекций документов из российских архивов. Е. Ю. Гуськова (ИСл РАН) рассказала о судьбе македонских «информбюровцев» – жертв репрессивной политики режима Тито, прошедших тяжелейшие испытания в концлагере Голи Оток.

Вовлечению стран народной демократии в советско-югославский конфликт был посвящен блок докладов, в основу которых легли материалы национальных и российских архивов. Ученые из Института тоталитаризма (Бухарест) В. Буга и К. Деак осветили влияние конфликта на обстановку в Румынии, проанализировали мероприятия власти в различных сферах административной и общественно-политической жизни, направленные на борьбу с возможными проявлениями «титоизма» и поиск «врага с партийным билетом». Т. В. Волокитина (ИСл РАН) проанализировала динамику развития болгаро-югославских отношений – от конфликта к нормализации (1948–1956 гг.). Отметив особую значимость ключевого для двусторонних отношений македонского вопроса, докладчик остановилась на менее известных сюжетах: положении в пограничной зоне, в частности, деятельности погранкомиссаров, вопросе о так называемых двухвластных имуществах, мероприятиях болгарских спецслужб по дестабилизации обстановки в Югославии (операции «Звезда» и «Стрела») и пр. На материалах архива Института национальной памяти (Варшава) построил свой доклад В. В. Волобуев (ИСл РАН). Основываясь на донесениях польского военного атташе в Белграде, докладчик выстроил хронику событий 1948–1949 гг. Исследовательница из Финляндии Р. Кулла (Университет Яваскулла) представила сопоставительный материал, характеризующий особенности формирования и основные черты общественно-политической модели в Финляндии и Югославии. Коллега из Японии К. Кимура обстоятельно проанализировала сравнительно редко использующиеся документы венгерских архивов, характеризующие положение югославской политэмиграции в Венгрии в период конфликта. А. С. Гладышева (ИСл РАН) рассмотрела проблему национальных меньшинств в Румынии через призму советско-югославского конфликта. А. С. Аникеев сосредоточился на формировании новой внешнеполитической стратегии Югославии после 1948 г., выработке новых подходов к

«социалистическому лагерю», акцентировав внимание на создании в югославском обществе нового образа СССР. И. С. Яжборовская (Институт социологии РАН) поделилась своими наблюдениями о современных политологических и социологических исследованиях феномена конфликта и размышлениями о влиянии кондратьевских «циклов» на возникновение конфликтов.

Подводя итоги встречи, А. С. Анিকেев отметил несомненную пользу прошедшего обсуждения, выявившего явное расширение спектра исследуемых вопросов и их документального обеспечения. Касаясь дальнейших перспектив, Анিকেев напомнил, что по плану работы над проектом в 2014 г. предстоит завершить написание коллективного труда. Руководитель проекта выразил надежду, что его участники внесут свой вклад в разработку научно значимой проблемы, сохраняющей свою актуальность.

Е. Е. Левкиевская
(Москва)

**Конференция «Восточнославянские этнокультурные
и религиозные анклавны
на пространстве Slavia Orthodoxa»**

В Отделе восточного славянства Института славяноведения РАН 8–9 октября 2013 г. прошла научная конференция «Восточнославянские этнокультурные и религиозные анклавны на пространстве Slavia Orthodoxa», посвященная проблемам формирования и развития инославных ареалов и диаспор на территории восточного славянства. На конференции был рассмотрен круг вопросов, касающийся различных типов анклавных групп и их обозначений (анклав, диаспора, землячество и т. д.), исторических условий формирования восточнославянских этнокультурных и религиозных анклавов, а также миграционных процессов и миграционной политики в отношении восточнославянских переселенческих групп. Ряд докладов был посвящен социополитическим, культурным и языковым процессам в полиэтничном регионе, стратегиям взаимодействия анклавного населения с жителями метрополии. Рассматривались также механизмы сохранения этнокультурной идентичности, в том числе создание собственных институций в рамках анклавов (национальных школ, средств массовой информации, культурных организаций и пр.), а также теоретические, идеологические, юридические основы национально-культурной политики в отношении анклавных групп.

Во вступительном слове *Е. Е. Левкиевская* (Москва, Ин-т славяноведения РАН) коснулась общих проблем изучения истории, языка и культуры восточнославянских анклавов и диаспор, а также разных толкований понятий «анклав» и диаспора», принятых в современных социологических, исторических и культурологических концепциях.

Первые три доклада были посвящены месту украинской диаспоры в социокультурной жизни метрополии. В докладе *С. С. Лукашовой* (Москва, Институт славяноведения РАН) «Выходцы из Киевской метрополии в составе культурной элиты России в XVIII в.» рассмотрен вопрос о путях вхождения в русскую политическую элиту представителей украинского духовенства, переселявшегося на территорию России. В первой половине XVIII в. лишь отдельные представители украинского духовного сословия достигают успеха на этом пути; с середины XVIII в. вырабатываются устойчивые механизмы адаптации украинского духовенства во властных слоях русского общества.

Е. П. Аксенова (Москва, Институт славяноведения РАН) в своем докладе «Петербургские украинофилы и журнал Основа» рассмотрела роль украинофильского журнала «Основа (1861–1862 г.), выпущавшегося петербургским землячеством украинских ученых и деятелей культуры, среди которых, в частности, был П. Кулиш. Доклад показал, каким образом данное издание способствовало формированию украинского национального самосознания, а также знакомило украинскую и российскую общественность с украинской культурой и историей.

Доклад *М. М. Клоповой* (Москва, Институт славяноведения РАН) «Журнал “Украинская жизнь” в Москве в 1912–1917 г.» был посвящен выходившему в Москве в 1912–1917 гг. журналу «Украинская жизнь», во главе которого стояли в разные годы С. Петлюра и А. Саликовский. Это издание оставило заметный след в истории украинской общественной мысли, хотя издателям не удалось достичь своей главной цели – пробудить интерес русской общественности к украинской проблематике.

О. Б. Неменский (Москва, Институт славяноведения РАН) в докладе «Историческое самосознание закарпатского священника Иоанна Дулишковича (XIX в.)» показал, под воздействием каких культурных, политических, языковых факторов формировалось самосознание священника Иоанна Дулишковича, автора книги «Исторические черты угро-русских» (1877 г.).

Е. Ю. Борисенок (Москва, Институт славяноведения РАН) в докладе «Проблема статуса русского населения в политике партийного руководства УССР в 1920 г.» обратила внимание на опыт партийного руководства Украинской ССР по регулированию взаимоотношений между различными народами, населявшими республику. В докладе показано, как менялась политика руководства республики в отношении национальных меньшинств, особенно по отношению к русскому населению, которое только в 1927 г. было признано нацменьшинством.

Доклад *Л. Л. Щавинской* (Москва, Институт славяноведения РАН) «Православные белорусы современной Польши (по материалам экспедиций последних лет)» был посвящен описанию современных белорусских культурных центров на территории восточной Польши, которые играют роль очагов сохранения белорусской традиции и идентичности.

Ю. А. Лабынцев (Москва, Институт славяноведения РАН) в докладе «Люблин – древний украинский православный анклав у гра-

ницы *Slavia Orthodoxa* (по материалам экспедиций 1970–2010-х гг.)» рассказал о современных украинских деятелях культуры на территории Польши, способствующих поддержанию украинского языка и религиозного самосознания в Люблинском воеводстве.

Второй день конференции был посвящен проблемам формирования и сохранения разных типов этнокультурной и языковой идентичности в анклавной среде. *К. С. Дроздов* (Москва, Институт российской истории РАН) подробно проанализировал эволюцию самосознания украинского населения Центрально-Черноземного региона в докладе «Украинцы Центрального Черноземья в конце XVII – начале XXI столетия: социополитические, этнокультурные и языковые процессы на русско-украинском пограничье». Докладчик рассмотрел факторы, способствовавшие формированию и сохранению локальной идентичности данной этнокультурной группы, а также взаимоотношениям с русским населением.

С. С. Лукашова (Москва, Институт славяноведения РАН) посвятила свой доклад «Украинская диаспора в Киргизии (вторая половина XIX в.)» проблеме переселения украинцев в Туркестан (современная Киргизия) в 60-х гг. XIX в. в результате земельной реформы 1861 г. В докладе показано, что в данный период на эту территорию перемещались и русские переселенцы, но в официальной документации украинцы и великороссы не различались.

М. Ю. Дронов (Москва, Институт славяноведения РАН) выступил с докладом «Русины в Воеводине (XVIII–XXI вв.)», в котором рассмотрел историю формирования русинского анклава на территории Воеводины и механизмы становления особой русинской идентичности.

Н. А. Власкина (Ростов-на-Дону, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН) сделала свой доклад «Общинная трапеза как средство сохранения этнокультурной идентичности казаков-некрасовцев» на основе полевых материалов, собранных в ходе экспедиций к казакам-некрасовцам последней волны переселения (1962 г.). Докладчица показала, что в настоящее время сохранение формы и условий проведения общинной трапезы в неизменном виде является для общины одним из основных способов консолидации.

Конференция завершилась докладом *Е. Е. Левкиевской* (Москва, Институт славяноведения РАН) «Сохранение этнической и культурной идентичности в Еланско-Терсянском анклавном Саратовской обл. (по материалам этнолингвистической экспедиции)», посвященном

анализу традиции украинцев, переселившихся на территорию Саратовской области в середине XVIII в., первоначально занимавшихся чумацким промыслом, а позже крестьянским трудом. Потомки этих переселенцев продолжают сохранять локальную этнокультурную идентичность (самоназвание «хохлы»), отличая себя как от русских (которых называют «москалями»), так и от украинцев, проживающих на Украине.

По материалам конференции будет подготовлен сборник, посвященный восточнославянским анклавам и диаспорам.

*М. Ю. Дронов
(Москва)*

История изучения восточного славянства на Втором Всероссийском совещании славистов

Второе Всероссийское совещание славистов, проведенное Институтом славяноведения РАН 5–6 ноября 2013 г., стало одним из наиболее крупных научных форумов в области славистики из тех, которые проводились в нашей стране в последние годы. Всего в мероприятии приняло участие около 300 ученых разных специальностей, в том числе 47 из других городов нашей страны и 41 из государств ближнего и дальнего зарубежья. Работа велась в рамках четырех секций, шести круглых столов, двух электронных круглых столов и одних чтений. Кроме этого под эгидой совещания были проведены две международные и одна межрегиональная конференция, а также международный круглый стол. Естественно, детальное освещение научной встречи подобного масштаба и тематического диапазона – задача, которая, хочется верить, со временем будет выполнена вместе с намеченным изданием материалов совещания. В настоящей заметке нам хотелось бы кратко сосредоточить внимание лишь на работе одной секции – «История изучения восточного славянства: проблематика, методология, перспективы», организованной на базе Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН.

Главными направлениями работы секции стали следующие тематические круги: основные направления изучения истории, культуры, языка восточных славян; научные школы восточнославянских исследований; современное состояние изучения восточного славянства: тематические приоритеты, источниковая база, методологические подходы; опыт преподавания славистических дисциплин в высшей школе.

В рамках первого заседания секции, проведенного 5 ноября под руководством Е. Е. Левкиевской, было заслушано семь разноплановых выступлений. Своеобразным введением в проблематику и, одновременно, отчетом о проделанной работе стал доклад заведующей Отделом восточного славянства *Е. Ю. Борисенок* «Украинистика и белорусистика в Институте славяноведения РАН». В частности в нем был представлен подробный анализ деятельности отдела за прошедшие между первым и вторым совещаниями десять лет. Профессор Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

Д. В. Карев выступил с обзорным сообщением «Белорусоведение в контексте европейской славистики XX – начала XXI в.», дав оценку научным центрам Белоруссии, России и Запада. Украинист из Башкирии *В. Я. Бабенко* (Уфимский филиал Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова) представил свое видение актуальных проблем изучения украинцев в Российской Федерации. Выступление Бабенко органично дополнили доклады его коллег: *Д. А. Черниенко* (Уфимский филиал МГГУ) и *И.И. Шульги* (Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина). Так, первый из них охарактеризовал историю и современное состояние украинистики на Южном Урале. Второй докладчик рассказал об изучении истории и культуры украинцев Нижнего Поволжья, поделившись мыслями о возможных перспективах данных исследований. Представительница Кыргызско-российского славянского университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Бишкек) *С. В. Плоских* выступила с докладом «Региональное украиноведение в Кыргызстане (из истории украинского этноса в республике)». Во время выступления состоялось представление бишкекских украинистических изданий. В заключение заседания прозвучало сообщение *И. И. Ильюшина* (Киевский славистический университет) «Перспективы украинско-польского исторического примирения в контексте 70-й годовщины Вольнской трагедии».

Второе секционное заседание было проведено 6 ноября под председательством Е. Ю. Борисенок. Работа секции открылась докладом *В. И. Мироненко* (Институт Европы РАН), посвященным российско-украинским политическим взаимовлияниям в новейшее время. Это выступление, лейтмотивом которого стал призыв к пересмотру традиционных отечественных представлений об Украине, вызвало особенно жаркую дискуссию. *М. Ю. Дронов* (ИСл РАН) посвятил свой доклад состоянию российской русинистики в конце XX – начале XXI в. Поскольку украинские политические и, что особенно печально, научные круги до сих пор часто отказывают карпатским русинам в праве на самостоятельное этнонациональное развитие, докладчик подчеркнул важность рассмотрения данной дисциплины в общеславистическом контексте отдельно от украинистики. С сюжетом, несколько отличным от магистральной тематики секции, выступил известный эстонский филолог-славист *А. Д. Дуличенко* (Тартуский университет). Являясь одним из известнейших исследователей славянских микроязыков, он посвятил свое выступление изучению не восточных, а западных славян, конкретно кашубов («И. А. Бодуэн де

Куртенэ и “казанская кашубология” второй половины XIX в.)). Социологист *Е. Е. Левкиевская* (ИСл РАН), основываясь на результатах многолетних собственных экспедиций к украинцам Поволжья, представила доклад «Украинские анклавы на территории России: методы изучения этнокультурной традиции». В вызвавшем повышенный интерес выступлении *С. С. Лукашовой* (ИСл РАН) была предпринята попытка анализа старых и современных мифов об истории Украины. Заключительным пунктом программы заседания явилось сообщение филолога *Т. Н. Курохтиной* (ИСл РАН), посвященное украинско-русскому двуязычию в современной языковой ситуации.

В тот же день, 6 ноября, состоялось третье заседание, модератором которого была *С. С. Лукашова*. Первым докладом стало выступление профессора МГУ им. М. В. Ломоносова *Л. П. Лантевой*. В какой-то мере продолжая западнославянскую сюжетную линию, начатую *А. Д. Дуличенко*, она представила комплексный взгляд на изучение истории Польши в российских университетах в конце XIX – начале XX в. Закарпатский историк *С. А. Ганус* (Ужгородский национальный университет), основываясь на длительных архивных изысканиях, выступил с докладом «Штрихи к истории формирования славистического научного сообщества: *О. М. Бодянский* и *Я. Ф. Головацкий* в зеркале их переписки». *М. Э. Клопова* (ИСл РАН) сосредоточила свое внимание на специфике освещения национальных движений восточнославянского населения Галиции XIX–XX вв. в российской и украинской историографии. Исследовательница констатировала отсутствие на сегодняшний день даже общепринятой терминологии для обозначения галичан и носителей различных вариантов этнонациональной идентичности в их среде. В докладе *Е. П. Аксеновой* (ИСл РАН) «Из истории международных форумов славистов (1927, Варшава)» освещалась работа первой конференции исторических обществ Восточной Европы и славянских стран и активное участие в ней русских ученых-эмигрантов. Тематическим продолжением этого выступления стал доклад заместителя директора Института славяноведения РАН *М. А. Робинсона* «Первый международный съезд славистов: несбывшиеся надежды, обмен мнениями ведущих русских славистов до и после съезда». В самом конце заседания прозвучало краткое сообщение *Н. Н. Олейника*, который поделился своим опытом популяризации украинистики в Белгородском государственном национальном исследовательском университете.

По результатам работы секции ее участники приняли резолюцию, которая была озвучена *Е. Ю. Борисенко* на торжественном за-

крытии всего Всероссийского совещания славистов. В частности ученые констатировали, что украинистика, белорусистика и русинистика являются динамично развивающимися, перспективными направлениями в отечественной славистике. По мнению участников секции, «изучение украинской, белорусской и русинской проблематики в общеславянском ракурсе позволяет по-новому взглянуть на многие, в том числе и дискуссионные, проблемы, рассматривая их в исторической перспективе и на широком общеполитическом и общекультурном фоне. Однако в интересах дальнейшего развития украинистики, белорусистики и русинистики следует обратить внимание на недостаточность кадрового обеспечения столь важных направлений научных исследований. В интересах развития отечественной славистики необходимо значительно расширить как финансовую, так и издательскую базу академических украиноведческих, белорусоведческих и русиноведческих исследований. В целях расширения круга исследуемых проблем необходимо стимулировать и всячески поддерживать специалистов, занимающихся указанной проблематикой. Необходимо создать специальную структуру для координации деятельности украиноведческих, белорусоведческих, русиноведческих исследовательских центров на базе РАН. В противном случае время будет упущено и российские исследователи окажутся на периферии мировой украинистики, белорусистики и русинистики». Остается лишь надеяться, что высказанные коллективные пожелания славистов будут учтены при принятии высоких решений о судьбах отечественной науки.

Н. В. Шведова
(Москва)

**Международная научная конференция
«М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян»**

5–6 ноября 2013 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция «М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян», предпосланная отмечаемому в 2014 г. 200-летию юбилею великого русского писателя. Она была подготовлена Отделом истории славянских литератур по инициативе Л. Н. Будаговой и стала третьей в ряду аналогичных мероприятий, посвященных восприятию и развитию импульсов русских классиков в литературах славянского ареала, сопоставительному анализу творчества писателей – современников и потомков. В 1998 г. подобная конференция была проведена в связи с предстоящим юбилеем А. С. Пушкина, в 2009 г. поводом для научного собрания стал юбилей Н. В. Гоголя. По итогам конференций были изданы коллективные труды «А. С. Пушкин и мир славянской культуры» (2000) и «Н. В. Гоголь и славянские литературы» (2012).

К началу конференции были опубликованы тезисы и материалы 34 участников из 8 стран и различных городов России (М., 2013; 6 п.л.). К сожалению, не все из заявленных участников смогли приехать или выступить с докладом, однако конференция стала представительной и по географическим параметрам, и по широте проблематики, и по новаторской ее разработке. В научном собрании участвовали докладчики из Чехии, Словакии, Сербии, Македонии, университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, библиотеки Ярославля. Порадовало то, что наши зарубежные коллеги прекрасно владеют русским языком, что позволило им не только сделать доклады на русском, но и свободно общаться в дискуссиях и в неформальной обстановке. Лишь один доклад (И. Рауховой из Чехии) прозвучал на чешском языке.

Конференция проходила параллельно со Вторым всероссийским совещанием славистов, и это позволило ее участникам прослушать пленарные доклады о состоянии современной российской славистики.

На открытии конференции выступил с приветствием заместитель директора Института славяноведения, д.и.н. *М. А. Робинсон*. Заведующая Отделом истории славянских литератур, д.ф.н. *Л. Н. Будагова* в своем вступительном слове обосновала актуальность из-

учения творчества Лермонтова в инославянском контексте. Русско-славянские литературные связи, отметила докладчица, имеют ныне особое значение как связующий элемент общения и взаимного познания народов, а открывшиеся в последние десятилетия возможности непредвзятого изучения культуры позволяют по-новому взглянуть на роль и место литературной классики в гуманитарной сфере. Рассмотрение творчества Лермонтова в широком славянском контексте проводится впервые, подчеркнула Л. Н. Будагова, и дает возможность увидеть великого поэта с иных точек зрения, а сквозь призму его личности высветить и специфику развития других славянских литератур. Срочная командировка в Польшу помешала выступить на конференции д.ф.н., проф. *А. В. Лунатову* (ИСл РАН), однако представленные им тезисы доклада являются, по сути, концептуальным наброском будущей статьи на тему «Специфика польского восприятия высокой русской культуры и казус Лермонтова». Ученый показал, как политические причины (существование Царства Польского) и государственная идеология Российской Империи препятствовали своевременному и полноценному освоению поляками наиболее значимых проявлений русской литературной жизни, что не означало радикального ее игнорирования. После 1918 г. в Польше преобладает открытое, неискаженное восприятие высокой русской культуры. Коллега из Чехии *Д. Блюмлова* (Ческе-Будеевице) в докладе «Творчество Лермонтова в чешской культуре, искусстве и мысли на рубеже XIX–XX вв.» подвергла осмыслению тот факт, что чешская общественность эпохи национального возрождения не была готова адекватно воспринять творчество Лермонтова, и его освоение и развитие импульсов его произведений произошло уже на ином мировоззренческом и художественном фоне рубежа веков. Похожая ситуация сложилась и в культуре словацкой, о чем рассказала в своем докладе «Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте восприятия русской литературы в Словакии (XIX – начало XX в.)» д.ф.н., проф. *А. Г. Машкова* (МГУ). Знакомство с Лермонтовым происходило с опозданием и ограничениями, и только поколение Словацкой Модерны с 90-х гг. XIX в. начинает по-настоящему открывать русского поэта для своего читателя. Историю переводов поэзии Лермонтова на словацкий язык, ее интерпретации и оценки словацкими исследователями представил в докладе «Лирика М. Ю. Лермонтова в словацкой литературоведческой и переводческой рецепции» *А. Элиаш* (Братислава).

Сравнительно поздно входило творчество Лермонтова и в орбиту сербской культуры, однако впоследствии, особенно после Второй

мировой войны, оно заняло в ней подобающее место, как показал в своем докладе «Восприятие М. Ю. Лермонтова в Сербии» *Б. Косанович* (Нови-Сад). Лермонтов сыграл значительную роль в процессе формирования и развития сербской литературы. Окончание Второй мировой войны стало отправной точкой для восприятия Лермонтова в Македонии, когда она обрела свою государственность, и русский классик, наряду с Пушкиным, стал одним из наиболее изучаемых русских поэтов XIX в. Об этом говорилось в докладе *Д. Ристеского* (Скопье) «Лермонтов в Македонии». Опыт обобщающего анализа национального освоения Лермонтова в инославянских литературах был подытожен в докладе *Л. Н. Будаговой* «О специфике восприятия творчества Лермонтова западными и южными славянами». Для современников Лермонтова, подчеркнула докладчица, более важной была поэзия Байрона, и по-настоящему оценить Лермонтова смогли уже в пору модернизации романтизма, развития реализма и складывания славянского модерна на рубеже XIX–XX вв. При этом схождения в творчестве Лермонтова и славянских романтиков носили типологический характер. Индивидуализм Лермонтова был сродни борьбе за свободу личности в искусстве у представителей чешского, польского, сербского модерна.

В первый день конференции также выступила директор Централизованной библиотечной системы г. Ярославля *С. Ю. Ахметдинова*, рассказавшая о ежегодно проводимых в городе Лермонтовских чтениях и подарившая Институту ряд сборников по итогам этих мероприятий.

Во второй день проведения конференции внимание участников сосредоточилось на более частных проблемах. Шкалу сегодняшних оценок и интерпретаций творчества Лермонтова представила в докладе «Тенденции современного лермонтоведения» к.ф.н. *Т. С. Милованова* (Москва). Зав. кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ, д.ф.н., проф. *Н. Е. Ананьева* выявила в творчестве Лермонтова «польский след» на лингвистическом материале в докладе «Польские реалии в творчестве М. Ю. Лермонтова». Идеи и духовные искания эпохи были раскрыты в докладе *И. Р. Монаховой* (Москва) «Проза М. Ю. Лермонтова и письма В. Г. Белинского». *М. Бубеникова* (Прага), анализируя восприятие и интерпретацию творчества Лермонтова в чешской литературной жизни, сделала акцент на 30–40-х гг. XX в., в том числе на деятельности русской эмиграции в Праге (доклад «А. Л. Бем о М. Ю. Лермонтове в контексте чешского лермонтоведения»).

Параллели между творчеством Лермонтова и произведениями славянских писателей – современников и представителей последующих поколений – были проведены в следующем тематическом блоке. В докладе д.ф.н. *Л. А. Мальцева* (Калининград) «“Песня про купца Калашникова...” Лермонтова, “Князь Серебряный” А. К. Толстого и “Огнем и мечом” Г. Сенкевича» связующей нитью между произведениями стало имя «Елена» («Алена»), ассоциирующееся с троянским мифом. Контактно-генетические и типологические связи между творчеством русского и болгарского поэтов проследила в докладе «Михаил Лермонтов и Иван Вазов» к.ф.н. *М. Г. Смольянинова* (ИСл РАН). Соединение западноевропейского индивидуализма и восточного менталитета в творчестве писателей разных стран и эпох было рассмотрено к.ф.н. *С. Н. Мецержковым* (МГУ) в докладе «Проблемы фатализма у М. Ю. Лермонтова и в сербской литературе XX в.». Типологические схождения в литературе русского и чешского романтизма были выявлены *А. В. Амелиной* (ИСл РАН) – доклад «Образы цыган К. Г. Махи и кавказцев М. Ю. Лермонтова». К.ф.н. *Н. В. Шведова* (ИСл РАН) проанализировала подобные схождения на примере словацкой литературы, отыскав текстуально близкие фрагменты в произведениях Лермонтова и Я. Краля (доклад «Образ незаурядной личности в поэзии М. Ю. Лермонтова и словацких романтиков»). Сходный с лермонтовским тип литературного героя усмотрела в произведениях Я. Грушовского, Д. Татарки и Р. Слободы к.ф.н. *Л. Ф. Широкова* (ИСл РАН), сделавшая доклад «“Печоринский” тип героя в словацкой литературе XX в.». Переходным этапом на пути к следующей тематической группе стал доклад к.ф.н. *Ю. А. Созиной* «К эволюции переводов поэзии Лермонтова на словенский язык»; в нем, в частности, отмечено, что наибольшее влияние Лермонтова на словенскую поэзию ощущается в период модерна, что согласуется с развитием и других славянских литератур.

Далее участники конференции рассматривали судьбу конкретных лермонтовских произведений в контексте отдельных славянских литератур. Первенство здесь принадлежало поэме «Демон» и драме «Маскарад». Динамику отношения к поэме Лермонтова с 50-х гг. XIX в. до наших дней проследила к.ф.н., доц. *Н. К. Жакова* (Санкт-Петербург) в докладе «Восприятие поэмы Лермонтова “Демон” в Чехии». Аспирантка Института славяноведения *И. Н. Смирнова* проанализировала болгарские переводы «Демона» – доклад назывался «Поэтика переводов поэмы “Демон” на болгарский язык (И. Вазов, Л. Любенов, Л. Стоянов)». Следующие три доклада были

посвящены «Маскараду». *М. Бабиак* (Братислава) в докладе «“Маскарад” М. Ю. Лермонтова в словацкой культуре» рассмотрел перевод драмы, сделанный *М. Руфусом*, ее четыре театральные постановки и место, занимаемое драмой в широком культурном контексте. Аспект сценической интерпретации «Маскарада» был представлен также на примере чешского театра – в докладах к.ф.н. *И. А. Герчиковой* (ИСЛ РАН) «Сценическая судьба “Маскарада” М. Ю. Лермонтова в Чехии» и *И. Рауховой* (Ческе-Будеевице) «“Маскарад” Лермонтова в чешских постановках и способы сценического изображения царской России».

Конференция завершилась подведением итогов и презентацией работ московского художника-графика, известного иллюстратора русской и мировой классической литературы *Александра Лаврухина*, посвященных творчеству Лермонтова и других русских писателей.

Международная конференция «М. Ю. Лермонтов в культуре западных и южных славян» показала несомненную значимость творчества русского гения для развития инославянских литератур, особенно на рубеже XIX–XX вв., и его актуальность вплоть до наших дней, что отражается в публикации переводов и исследований, в сценическом воплощении лермонтовских образов. Проблематика представленных докладов сама по себе подтверждает интерес к творчеству Лермонтова и его неоднозначную интерпретацию в славянских странах.

Сведения об авторах

Агапкина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. indric@mail.ru

Аксенова Елена Петровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. e.p.aksenova@mail.ru

Аникин Михаил Александрович – кандидат искусствоведения, доцент, старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа, хранитель живописи стран восточной Европы. anikin.mikhail@mail.ru

Байдалова Екатерина Викторовна – младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. kuzmukk@mail.ru

Борисова Елизавета Олеговна – аспирантка кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета. liska5@yandex.ru

Будагова Людмила Норайровна – доктор филологических наук, зав. отделом истории славянских литератур Института славяноведения РАН. ludmila.budagova@gmail.com

Вах Кирилл Алексеевич – генеральный директор ООО Научно-издательского центра «Индрик» (Москва). k_vach@mail.ru

Ващенко Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, редактор Архива кинохроники и документальных фильмов при Центре национального фильма. m-zel@rambler.ru

Ващенко (Анисимова) Дарья Юрьевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. daranis@mail.ru

Вендина Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, зав. Центром сотрудник исследовательского центра ареальной лингвистики Института славяноведения РАН. vendit@rambler.ru

Волокитина Татьяна Викторовна – доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению сталинизма в Восточной Европе Института славяноведения РАН. tanyaslav@rambler.ru

Ганин Андрей Владиславович – кандидат исторических наук, редактор отдела военной истории журнала «Родина», старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. andrey_ganin@mail.ru

Дмитриев Дмитрий Геннадьевич – аспирант Института славяноведения РАН. dm.dmitriew@yandex.ru

Добычина Анастасия Сергеевна – младший научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН, аспирантка кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. andobychina@gmail.com

Дронов Михаил Юрьевич – младший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mikhaieldronov@rambler.ru

Ефимова Валерия Сергеевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. valeriefimova@yandex.ru

Кишине Будаи Рита – PhD, директор музея М. Зичи в Зала (Венгрия). riten@citromail.hu

Клопова Мария Эдуардовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mkloпова@yandex.ru

Колин Анжела Ивановна – кандидат исторических наук, ассоциированный исследователь Института истории Румынской академии наук (Клуж) и Института истории АН Молдовы (Республика Молдова). angelacolin69@yahoo.com

---

Колиненко Юлия Владиславовна – старший инженер Института проблем управления им. В. А. Трапезникова РАН, аспирантка кафедры новой и новейшей истории стран Запада и Востока Московского педагогического государственного университета. julia.kolinenko@mail.ru

Корзо Маргарита Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН. korzor@mail.ru

Кузнецова Анна Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. kuznetsova.anna.m@gmail.com

Лантева Людмила Павловна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. pavlikov_family@mail.ru

Левкиевская Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. elena_levka@mail.ru

Лунькова Наталья Александровна – младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. lunkova_n@mail.ru

Макарова Галина Васильевна – научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. emkirill@mail.ru

Маринелли-Кёниг Гертрауд – доктор наук (славистика), научный сотрудник Института культурологии и истории театра Австрийской академии наук (Австрийская Республика). Gertraud.Marinelli@oeaw.ac.at

Милорадович София – доктор филологических наук, профессор, научный советник Института сербского языка Сербской академии наук и искусств (Республика Сербия). sofija.miloradovic@sanu.ac.rs

Молдован Александр Михайлович – доктор филологических наук, академик РАН, директор Института русского языка им. В. В. Вино-

градова РАН, председатель Национального комитета славистов РФ. ruslang@ruslang.ru

Мочалова Виктория Валентиновна – кандидат филологических наук, руководитель Центра славяно-иудаики Института славяноведения РАН. victmoc@gmail.com

Неменский Олег Борисович – научный сотрудник отдела средних веков Института славяноведения РАН. nemenski@yandex.ru

Пивоваренко Александр Александрович – младший научный сотрудник отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. alex-pivo@mail.ru

Попов Кирилл Алексеевич – младший научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время, сотрудник Центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи Института славяноведения РАН. pcygill90@gmail.com

Робинсон Михаил Андреевич – доктор исторических наук, зам. директора Института славяноведения РАН. m.a.robinson@mail.ru

Рогожин Александр Александрович – аспирант кафедры истории России Орловского государственного университета. rogozhin_alexander@bk.ru

Савич Виктор (Драгутина) – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института сербского языка Сербской академии наук и искусств (Республика Сербия). Viktor.Savic@isj.sanu.ac.rs

Седакова Ирина Александровна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания. irina.a.sedakova@gmail.com

Скорвид Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований Института филологии и истории РГГУ, старший научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. slavcenteur@gmail.com

---

Станковска Петра – доктор филологических наук, доцент фило-софского факультета Люблянского университета (Республика Слове-ния). Petra.Stankovska@ff.uni-lj.si

Старикова Надежда Николаевна – доктор филологических наук, зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ве-дущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн. zhurslav@mail.ru

Тимошинов Александр Александрович – аспирант Института славя-новедения РАН. a.timoshinov@gmail.com

Флоря Борис Николаевич – доктор исторических наук, член-коррес-пондент РАН, зав. отделом истории средних веков Института славяно-ведения РАН. sredveka_inslav@land.ru

Фролова Марина Михайловна – кандидат исторических наук, стар-ший научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Вос-точной Европы в Новое время. marinafrolova59@mail.ru

Фрончек Магдалена – филолог и культуролог, аспирантка Институ-та России и Восточной Европы Ягеллонского университета (Республика Польша). fraczekmagdalena@gmail.com

Хаванова Ольга Владимировна – доктор исторических наук, ве-дущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Централь-ной Европы в Новое время, руководитель центра по изучению истории многонациональной Австрийской империи Института славяноведения РАН. austrian.centre.inslav@gmail.com

Шведова Наталия Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских литератур Ин-ститута славяноведения РАН. juliasozina@mail.ru

---

Contributors Content

Agapkina Tatiana Alekseevna – Dr. habil., philologist, chief research associate at the Department of Ethnolinguistics and Folklore of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. indric@mail.ru

Aksionova Elena Petrovna – PhD, historian, senior research associate at the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. e.p.aksenova@mail.ru

Anikin Mikhail Aleksandrovich – PhD, art historian, associate professor and senior research associate at the State Hermitage, curator of Eastern-European countries painting. anikin.mikhail@mail.ru

Baydalova Ekaterina Viktorovna – philologist, junior research associate at the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. kuzmukk@mail.ru

Borisova Elizaveta Olegovna – post-graduate student at the Chair of Russian Language and General Linguistics of the Ural Federal University. liska5@yandex.ru

Budagova Liudmila Norajrovna – Dr. habil., philologist, head of the Department of History of Slavic Literatures of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. ludmila.budagova@gmail.com

Colin Angela Ivanovna – PhD, historian, associate researcher at the Institute of History of the Romanian Academy of Sciences in Cluj-Napoca and at the Institute of History of the Academy of Sciences of Moldova (Republic of Moldova). angelacolin69@yahoo.com

Dmitriev Dmitry Gennadievich – post-graduate student at the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. dm.dmitriew@yandex.ru

---

Dobychina Anastasia Sergeevna – historian, junior research associate at the Department of Medieval History of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, post-graduate student at the Department of Southern and Western Slavic History of the History Faculty of the Lomonosov Moscow State University. andobychina@gmail.com

Dronov Mikhail Yurievich – historian, junior research associate at the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. mikhaieldronov@rambler.ru

Efimova Valeria Sergeevna – Dr. habil., philologist, chief research associate at the Department of Slavic Linguistics of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. valeriefimova@yandex.ru

Floria Boris Nikolaevich – Dr. habil., historian, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Medieval History of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. sredveka_inslav@land.ru

Frączek Magdalena – post-graduate student at the Institute of Russian and East European Studies of the Jagiellonian University (Republic of Poland). fraczekmagdalena@gmail.com

Frolova Marina Mikhailovna – PhD, historian, senior research associate at the Department of Modern History of Slavic Peoples in South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. marinafrolova59@mail.ru

Ganin Andrei Vladislavovich – PhD, historian, editor of the Department of Military History at «Rodina» magazine, senior research associate at the Department of History of Slavic Peoples in the Age of World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. andrey_ganin@mail.ru

Khavanova Olga Vladimirovna – Dr. habil, historian, chief research associate at the at the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe, head of the Centre for the Multinational Austrian Monarchy of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. austrian.centre.inslav@gmail.com

Kissné Budai Rita – PhD, art historian, Director of the Mihály Zichy Memorial Museum in Zala (Hungary). riten@citromail.hu

Klopova Maria Eduardovna – PhD, historian, research associate at the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. mklopova@yandex.ru

Kolinenko Yulia Vladislavovna – historian, senior engineer at the V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences, post-graduate student at the Chair of Modern and Contemporart History of the West and East of the Moscow State Pedagogical University. julia.kolinenko@mail.ru

Korzo Margarita Anatolievna – PhD, historian, senior research associate at the Department of Ethics of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. korzor@mail.ru

Kuznetsova Anna Mikhailovna – PhD, historian, senior research associate at the Department of Medieval History of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. kuznetsova.anna.m@gmail.com

Lapteva Liudmila Pavlovna – Dr. habil., historian, professor at the Department of Southern and Western Slavic History of the History Faculty of the Lomonosov Moscow State University. pavlikov_family@mail.ru

Levkievskaya Elena Yevgenievna – Dr. habil., philologist chief research associate at the Department of Eastern Slavs of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. elena_levka@mail.ru

Lunkova Natalia Aleksandrovna – philologist, junior research associate at the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. lunkova_n@mail.ru

Makarova Galina Vasilievna – historian, research associate at the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. emkirill@mail.ru

Marinelli-König Gertraud – PhD, philologist, research associate at the Institute of Culture Studies and Theatre History of the Austrian Academy of Sciences (Austria). Gertraud.Marinelli@oeaw.ac.at

---

Miloradović Sofja – Dr. habil., philologist, professor, science advisor at the Institute for the Serbian Language of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia). sofija.miloradovic@sanu.ac.rs

Mochalova Viktoria Valentinovna – PhD, philologist, head of the Centre for the Slavic-Judaic Studies the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. vicmoc@gmail.com

Moldovan Aleksandr Mikhailovich – Dr. habil., philologist, member of the Russian Academy of Sciences, director of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, chairman of the National Committee of Slavists of the Russian Federation. ruslang@ruslang.ru

Nemensky Oleg Borisovich – historian, research associate at the Department of Medieval History of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. nemenski@yandex.ru

Pivovarenko Alexander Alexandrovich – junior research associate at the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. alexpivo@mail.ru

Popov Kirill Alekseevich – historian, junior research associate at the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. pcyrill90@gmail.com

Robinson Mikhail Andreevich – Dr. habil., historian, deputy director Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. m.a.robinson@mail.ru

Rogozhin Aleksandr Aleksandrovics – post-graduate student at the Chair of Russian History of the Orel State University. rogozhin_alexander@bk.ru

Savić Viktor (Dragutin) – PhD, philologist, research assistant at the Institute for the Serbian Language of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia). Viktor.Savic@isj.sanu.ac.rs

Sedakova Irina Aleksandrovna – PhD, philologist, chief research associate at the Department of Typology and Comparative Linguistics at the Insti-

tute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. irina.a.sedakova@gmail.com

Shvedova Natalia Vasilievna – PhD, philologist, senior research associate at the Department of History of Slavic Literatures of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. juliasozina@mail.ru

Skorvid Sergei Sergeevich – PhD, philologist, associate professor at the Chair of Slavistics and Central-European Studies of the Philological Institute of the Russian State University for the Humanities and senior research associate at Department of Typology and Comparative Linguistics at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. slavcenteur@gmail.com

Stankovska Petra – PhD, philologist, associate professor at the Philosophical Faculty of the University of Ljubljana (Slovenia). Petra.Stankovska@ff.uni-lj.si

Starikova Nadezhda Nikolaevna – Dr. habil., philologist, head of Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru

Stykalin Aleksandr Sergeevich – PhD, historian, chief research associate at the Department of History of Slavic Peoples in the Age of World Wars of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. zhurslav@mail.ru

Timoshinov Aleksandr Aleksandrovich – post-graduate student at the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. a.timoshinov@gmail.com

Vakh Kyrill Alexseevich – historian, Director General of the Research Publishing Centre Indrik Ltd. (Moscow). k-vach@mail.ru

Vashchenko (Anisimova) Daria Yurievna – PhD, philologist, research associate at the Department of Slavic Linguistics of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. daranis@mail.ru

Vashchenko Mikhail Sergeevich – PhD, historian, editor at the Archives of Newsreel and Documentaries of the Centre of National Film. m-zel@rambler.ru

Vendina Tatiana Ivanovna – Dr. habil., philologist, Head of the Centre for the Study of Areal Linguistics of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. vendit@rambler.ru

Volokitina Tatiana Viktorovna – Dr. habil., historian, head of the Centre for the Study of Stalinism in Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. tanyaslav@rambler.ru

Научное издание

Славянский альманах

2013

Издательство «Индрик»

Корректор *М. Н. Толстая*
Оригинал-макет *Ю. Е. Рычаловская*

Условия публикации и правила оформления статей
помещены на сайте «Славянского альманаха»:
www.inslav.ru/izdaniya/slavianskij-almanah

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота –
общероссийский классификатор продукции (ОКП) – 95 3800 5

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
38,0 п. л. Тираж 800 экз.

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6